АЛЕКСЕЙ АРСЕНЬЕВ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЮГОСЛАВИИ
ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ
I

АЛЕКСЕЙ АРСЕНЬЕВ — РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЮГОСЛАВИИ ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

9 788681 328187

Алексей Арсеньев

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЮГОСЛАВИИ

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

I

Алексеј Арсењев

РУСКА ЕМИГРАЦИЈА У ЈУГОСЛАВИЈИ

ИЗАБРАНИ ЧЛАНЦИ

I

Главные русские газеты Королевства СХС / Югославии. 1920–1944 гг.

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ИМ. М.ЙОВАНОВИЧА
ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

АРХИВ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ

Алексей Арсеньев

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЮГОСЛАВИИ
ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ
I

Алексеј Арсењев

РУСКА ЕМИГРАЦИЈА У ЈУГОСЛАВИЈИ
ИЗАБРАНИ ЧЛАНЦИ
I

Београд, 2024.

Алексей Арсеньев
Русская эмиграция в Югославии. Избранные статьи. I

Алексеј Арсењев
Руска емиграција у Југославији. Изабрани чланци. I

Издатель/Издавач
Центр по изучению России и Восточной Европы им. М.Јовановича
Философского факультета Белградского университета

Архив Сербской православной церкви

Русский научный институт

За издателя/За издавача
Ирина Антанасијевић

Научный редактор/Научни уредник
Алексей Юрьевич Тимофеев

Рецензенты/Рецензенти
Владимир Сергеевич Путятин
Александр Александрович Силкин

Вёрстка и дизайн/Прелом и дизајн
Ђорђе Секерезовић

ISBN 978-86-81328-18-7

Настоящая книга – двухтомный сборник избранных статей ведущего исследователя русской эмиграции Алексея Борисовича Арсеньева, которые всесторонне охватывают жизнь и деятельность русской эмиграции на просторах Королевства сербов, хорватов и словенцев / Югославии: жизнь русских в рамках русской диаспоры, «русских колонии», и вклад русской эмиграции в культуру, науку и хозяйство приютившей их страны.

Ова књига представља двотомни зборник одабраних текстова водећег истраживача руске емиграције Алексеја Арсењева, садржи чланке који свеобухватно приказују живот и делатност руске емиграције на просторима Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца / Југославије: живот Руса у оквиру руске дијаспоре, „руских колонија“, и допринос руске емиграције култури, науци и привреди земље, која је за њих постала новом домовином.

Фотография на обложке / Фотография на корицама
Генерал П. Н. Врангель со своими офицерами на строительстве дороги
Кралево-Рашка, на 25-ом км. 7 апреля 1924.

СОДЕРЖАНИЕ

Прибытие русских беженцев-эмигрантов
в Королевство СХС: Свидетельства 7

Жизнь русских в провинции Сербии 37

Культурные организации русской интеллигенции 84

«Мы покажем, что и здесь, далеко за пределами родины,
живо творчество, живо искусство русское...» 107

Русские в кинематографии Югославии 132

Русские храмы и монастыри в Югославии 183

Русское церковное пение в Сербии: 1920–1970-е годы.....193

Казаки в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии) 251

Белградские русские газеты 1920–1944 годов 275

Русские театральные труппы в Белграде (1921–1944 гг.) 284

Юрий Львович Ракитин 366

Ю. Л. Ракитин среди русских эмигрантов.....376

Русский Белград: масоны, теософы, оккультисты, буддисты.....395

Русский Белград: Старообрядцы.....427

Люди и книги: Семья Малининых и их библиотека 435

Поэт Евгений Кискевич 455

25-летие Общекадетского объединения в Белграде (1983–2008).....476

Прибытие русских беженцев-эмигрантов в Королевство СХС: Свидетельства

Светлой памяти Мирослава Йовановича (1962–2014)

Видный сербский историк Мирослав Йованович подробно изучил феномен приезда беженцев из России в Королевство СХС, в 1920-е годы[1]. Наше намерение проиллюстрировать этот сюжет свидетельствами, отложившимися в памяти людей, переживших свой исход с родины. Мы отобрали эпизоды эвакуации, приема и размещения одиночек и семейств в различных регионах Королевства СХС, с тем, чтобы показать, как русские вписались в свою новую среду обитания. Интересно познакомиться и с впечатлениями местного населения – какими они видели беженцев. Эти яркие свидетельства (среди которых имеются и неопубликованные) мы посчитали излишним трактовать, обобщать и делать выводы. Приводим их без комментариев.

Из записок краеведа г. Херцег-Нови

Тома К. Попович, краевед-летописец древнего приморского города Херцег-Нови, в своей тетради за 1921 год отметил:

«В порт Зеленика прибывает на кораблях разбитая армия генерала П. Врангеля. Среди них есть женщины и дети. Все люди знатные и образованные. Бродят без дела и продают вещи, которые удалось привезти с собой. Каждый из них готов приняться за любую работу. И это те, кто до войны жили, наслаждались изобилием, были обласканы почестями. [...]

Русский народ слишком набожен, если не сказать – суеверен. Нам, сербам, самым либеральным в этом смысле из всех славян, как-то странно видеть в храме, как русский генерал или адмирал или ученый падает на колени и бьётся лбом о пол. Конечно же, эти наши братья нам милы, поэтому им во всём необходимо как можно больше помогать, чтобы хоть немного облегчить их муки»[2].

Вера Сорокина. «Бегство из Харькова», отрывок из воспоминаний

«Высадили нас в Херцег-Нови, в порту Адриатического моря. Всех поместили в громадных ангарах для аэропланов. Мы устроились на чемоданах,

---

1 *Јовановић Мирослав.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе. 1996, 390 с.; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье» : Русский путь, 2005. 488 с.

2 Руси у Црној Гори: Руска емиграција у Црној Гори након Октобарске револуције и грађанског рата / Приређивач Зоран Локтионов. Бијело Поље: Изд. НВО «Цар Николај»: «Пегаз», 2011. С. 17–18.

подразделились, завесились одеялами. Был декабрь месяц. 6-го января 1921-го года – наш православный сочельник. Дул сильный ветер, море бушевало. Слабый свет освещал наше огромное помещение. Двери скрипели при каждом порыве ветра... Нашелся среди нас священник, собрал молящихся среди ангара, папа организовал хор. И какая это была служба! Под далматинским небом – далеко, далеко от нашей дорогой родины, выброшенные, обездоленные, потерявшие всё! Молились, плакали, пели, обращая свои сердца к рожденному Младенцу Христу, с надеждой простирали свои руки к яслям Его и пели *Слава в вышних Богу и на земли мир*. [...]

Нас отвезли в Боснию, в мусульманское село Козарац. Там нас продержали несколько месяцев. После мы переехали в город Баня-Лука (тоже Босния). Папе, как полковнику, предлагали служить в Сербской армии чином ниже, но он отказался, говоря: «Мне мой чин пожаловал мой царь. Я его заслужил в кровавых боях, и никто не может его у меня отнять!» [...] Он устроился простым рабочим на лесопильном заводе, который находился в 4-х километрах от города. Там устроилась почти вся группа приехавших русских. Ходили, конечно, пешком. Лиля поступила работницей на табачную фабрику»[3].

Встреча Бориса Севериновича Яковлева с герцеговинцем в Мостаре

«В конце 1920 года, по дороге из Которской бухты в Боснию, поезд, в котором ехало нас несколько десятков русских беженцев, остановился в г. Мостар. Нас двое-трое вышли, чтобы в харчевне при вокзале отведать *сливовицу*. В трактире мы застали лишь одного гостя. Некий «Королевич Марко», под огромным герцеговинским тюрбаном сидел за столом и поверх огромных, взъерошенных и грязных усов со знанием дела втягивал в себя дым сквозь длинный чубук.

Завидя нас, его полна достоинства осанка вмиг улетучилась. Он взволнованно спрыгнул со стула и подбежал ко мне:

– Ты русский?

Получив ответ, простодушно обнял меня и расцеловал... Его голова опустилась на мое плечо. Он плакал.

Сколько времени потребовалось, сколько проявлений, без шума и бутафорий, непрерывно и могуче выстраивалось от брата к брату, – чтобы эта настолько искренная и великая любовь взошла на голой горной скалистой

3 Цит. по: Гимназия в лицах: Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944) / Авторы-составители А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский-Танаевский. Белград: Архив Сербской Православной Церкви, 2018. Кн. 2. С. 93–94.

герцеговинской местности, чтобы переполнить сердце этого мрачного, пылающим солнцем обжигаемого, леденящими ветрами провеянного, можно сказать, окаменелого подобно его холмам, – горца!»[4].

Дмитрий Евгеньевич Панфилов на шахтах Ртань, Восточная Сербия

«В боях отец был неоднократно ранен. У него был пробит нерв правой руки, и она безжизненно повисла. [...] При эвакуации из Крыма на пароходе царил голод. Пересекли Черное море, прошли Босфор и долго стояли на внешней якорной стоянке в Исламабаде. Отец от карабельных моряков получил маленький тазик каши с просом, взамен на свои золотые часы. Тазик он держал здоровой левой рукой (правая была неподвижной), а на кашу со всех сторон набросились изголодавшиеся люди и хватали руками, кто как мог. Отцу не оставалось ничего другого, кроме как окунуть лицо в тазик и быстро глотать. Мне, 15-тилетнему, он это рассказывал пару лет позднее. Ему было стыдно, а мне было его безгранично жалко. Я глотал слёзы. [...]

В Стамбуле они наконец узнали, что направляются в Королевство СХС. Их высадили в Херцег-Нови. Там поступили умно: постепенно возвращали к жизни. В первый день дали немного какого-то супа и очень мало хлеба. На второй день дали молока и больше хлеба. Каждый день увеличивали порцию. В основном прибывшие были военные лица, инвалиды и раненные.

Вскоре отец оказался в области Бачка, в селе на берегу Тиссы. Там, у одного из крестьян он работал за еду. Делал всё, что может делать человек, имеющий одну руку. Узнав, что в Сербии рудник каменного угля Ртань принимает рабочих всех специальностей, он подал заявление. Как инвалида, его приняли на место водовоза. Дали лошадь и повозку с прикрепленной к ней бочкой. В работу отца входила забота о лошади, поездка ранним утром к роднику, находившемуся на окраине шахтерского поселка, наполнение бочки родниковой водой и развоз воды по квартирам инженеров, чиновников и рабочих. Возил он ее 12 часов в день. Отцу платили 13 динаров в сутки, но вскоре за безупречную работу зарплата была повышена. Работал он и по воскресеньям, и по две смены, когда господа купались или стирали белье. Сам он жил буквально на хлебе и воде. Копил деньги. Первые два года даже не пробовал мяса, а потом его стал добывать охотой. Это были дикие голуби, гнездившиеся по пещерам.

После ежедневного масажа левой рукой, постепенно стали шевелиться пальцы правой, а потом и целая правая рука. Стал он на руднике работать

4 *Мачкић Зоран*. Из Родине у Бањалуку: Руска емиграција у Бањалуци. Бањалука: Удружење архивских радника Републике Српске, 2018. С. 13–14.

как слесарь. Подрабатывал продажей заячьего меха, мехами горной белки и лисицы.

Жил он в бараках с 12–15 квартирантами, в основном шахтерами. Там царили постоянные пьянки, драки, скандалы и брань. Не зная языка, *белый* русский офицер оказался в чужой, часто враждебной среде шахтеров, если и не коммунистов, но симпатизировавших большевикам. Работой на износ, отец едва накапливал 10 долларов, которые ежемесячно отправлял семье в Россию – жене и четверым малолетним детям. Они голодали. У него не было времени остановиться, осмотреться, узнать, что происходит вокруг него»[5].

Обращение мэра Дубровника к местному населению

После высадки русских с парохода *Сегед* в дубровницком порту Груж мэр Дубровника д-р Нонвайлер в местной газете обратился с предупреждением к местному населению:

«Наблюдаются, и с полным основанием осуждаются действия многих горожан, вступающих в контакт с русскими беженцами, частично из любопытства, а в большинстве случаев в целях приобрести от них товар, либо за наличные, либо в обмен. Необходимо иметь в виду и помнить, что из-за неблагоприятных условий, среди этой пестрой массы распространены опасные и заразные болезни, скажем более, среди них были случаи сыпного тифа»[6].

Горожане Дубровника были изумлены, наблюдая, как русские в первый день Нового 1921 года в Дубровнике купались в море и загорали на солнце[7].

Несколько заметок о них было опубликовано в белградской газете:

«Из Дубровника и Гружа. Если судить по цифрам, в этих населенных пунктах, захлестнутых волной русских беженцев с Крымского полуострова, люди ворочают миллиардами. Нет дома, в котором не осело несколько сотен тысяч рублей. Не иметь их как-то даже неприлично. Один знакомый спросил меня:

– У вас есть русские рубли?

– Нет.

– Как так? Я принесу их вам, на память.

И действительно, на следующий день он принес 15 тыс. рублей, но не хотел мне их продать. Говорит: я обменял их за буханку хлеба. Не подумайте, пожалуйста, что это злоупотребление в несчастье! Боже упаси, это дневной валютный курс русского рубля. Народ к этому уже привык.

---

5 *Панфилов Евгений*. Воспоминания. (Рукопись). – Собрание д-ра Д. Е. Панфилова, Сремски-Карловцы. Евгений Дмитриевич Панфилов (1910–1974).

6 *Narodna svijest* (Dubrovnik). 1920. – 8. prosinca.

7 Там же. 1921. – 5. siječnja.

А представьте себе мину на лице одного парикмахера в Груже, когда ему, сразу по высадке беженцев с парохода, один русский предложил оплатить бритье русскими деньгами и тот, согласившись больше из курьеза и любопытства поглядеть на эти деньги, принял от русского господина ни более, ни менее, как 35 тыс. рублей! Парикмахер не соглашался, но русский его убеждал, что таков тариф бритья и стрижки в Крыму.

Жители Дубровника берут рубли как сувенир. Никому не приходит в голову скупать их и торговать ими в городе, где и последний портовой грузчик следит за курсами франка, лиры и доллара и торгует ими, где каждый из них ожидает благодати от большевизма, верная картина которого предстает перед ним в виде миллионов рублей от русских беженцев»[8].

Обращение русских к гражданам Дубровника

В первые месяцы 1921 г. несколько русских интеллигентов группировались вокруг С. М. Власьева, редактора-издателя русской еженедельной газеты *Русский листок* (редакция и контора: Дубровник, Мол, Сербская типография). Вышло всего четыре номера: первый – 15 января, последний – 5 февраля 1921 г. В первом выпуске содержалось трогательное обращение:

«**Братьям Славянам.** Вынужденные покинуть свой родной кров, мы – дети поруганной и разграбленной России – пришли искать приюта у вас, наши дорогие братья.

Сегодня выходит на Приморские берега гостеприимной и родной нам Юго-Славии первый номер русской газеты. К вам, хозяевам этой земли, настоящее наше слово. Слово не только искреннего привета, но и задушевного сердечного *спасибо* за теплое радушие, за то, что не чужих, а своих близких вы видите в нас.

Мы не раз с оружием в руках ходили в бои с врагами Славянства, помогая вам отстаивать вашу свободу, честь и достояние; много веков уже мы живем с вами одними заботами, одними стремлениями...

Тем радостно чувствовать в настоящую тяжелую для нас минуту, когда в нашей Святой Руси всё разрушено, поругано, осквернено шайкой кровожадных разбойников, что здесь наше горе, наши радости понятны вам и вы все, как и мы, верите, что не может это лихолетье длится долго, что близко то время, когда воскреснет великая Россия – опора великого Славянского племени, неустанно всюду борящегося за свою самобытность.

Но мы не хотим быть только гостями; мы рады стать на работу, принять участие в строительстве вашей земли не только потому, что это нам даст

8 *Илустровани лист* (Београд). 1921. Бр. 3. – 20–27. јануар.

кусок хлеба, но главным образом потому, что мы верим в великое будущее доблестной Юго-Славии»[9].

Отношение левой югославской интеллигенции в русским беженцам

Смутно представляя ужасы революции и большевистский террор, часть югославской интеллигенции левого уклона с самого начала обращалась к пришельцам:

«В наших общих интересах мы требуем от них, чтобы они приступили к поискам путей возврата на свою родину. Они нужны ей, как мы знаем; они и сами заявляют, что представляют умы России»[10].

Анонимный обозреватель столичной газеты писал:

«Если в первое время после прибытия русских мы к ним относились с состраданием, настала пора государству стремиться получать от них пользу. Так поступают Париж и Прага»[11].

Воспоминания Сергея Андреевича Кисловского: Прибытие в Дубровник (1920 г.) и Апатин (1921 г.)

На следующий день мы приплыли в Груж - порт города Дубровника, Рагузы. Два дня нас не выгружали, подготовляли помещения, и только 28 ноября [вернее: 3 декабря - прим. А.А.] 1920 года вечером выгрузили на берег. Из Гружа повели в Дубровник. Наконец нас, вшивых и грязных, поселили в старые средневековые крепости. [...] Наша группа попала в крепость без окон и дверей - в Ревелин, остальные, в большинстве случаев семейные, были помещены в средневековый женский монастырь, который возвышался над морем и назывался *Монастырь Святая Мария*.

Среди нас было много больных, главным образом, тифозных, и поэтому нас никуда не выпускали. Мы должны были 14 дней пробыть в карантине. Разместив нас в Ревелин, через несколько дней нас повели снова в Груж, где стоял санитарный поезд. В его составе были баня и отделение для дезинфекции. Нас хорошо вымыли, выкупали, а пока нас мыли наши вещи продезинфицировали. После дезинфекции совсем пропали кожаные пояса, а одежду - брюки и куртки - едва можно было снова надеть. Наконец, до некоторой степени мы избавились от вшей. Но не совсем.

Началось сидение в карантине. Выпускали только дежурных, которые отправлялись за хлебом и другими продуктами. Один раз я был назначен для

9 *Русский листок* (Дубровник). 1921. № 1. – 15 января.

10 *Nova Evropa* (Zagreb). 1922. Knj. VI, Br. 8. S. 12.

11 *Политика* (Београд). 1924. – 24. августа.

этого. Идя по главной улице Дубровника – Страдуне, подошел к ювелирному магазину и в витрине, как в зеркале, увидел, что у меня на лбу под фуражкой сидит огромная вошь. Придя в Ревелин, я попросил Женю постричь мои длинные волосы. Большими ножницами для кройки сукна он принялся меня стричь, причем, захватывал или верх волос, или мою кожу. Я потом долго ходил с окровавленной головой.

Так мы 14 дней просидели в карантине. Время шло очень медленно и у кого были карты, – играли в преферанс и другие игры. Игральных карт было мало, а желающих играть много. Колода карт стоила до 50-ти динаров.

Вскоре Дубровник и наш Ревелин посетила делегация из Белграда. Ее предводил российский посол Василий Николаевич Штрандтман. Важный, хорошо одетый, с брезгливой гримасой, он смотрел, как мы расположились на полах, а в Ревелине в то время не было ни окон, ни дверей. В первые же десять дней нашего пребывания в карантине нам выдали двухмесячную ссуду – помощь, в размен: разменивали наши добровольческие деньги – *колокольчики* на динары. За два месяца дали по 400 динаров в месяц. Каждый из нас получил 800 динаров. По тем временам это была огромная сумма.

Преловский, мой бывший сослуживец, воспитанный в петербургских бильярдных, умный пройдоха, предложил нам одну операцию, на которой мы рассчитывали хорошо заработать: свои 800 динаров, плюс Женины и мои – всего 2.400 динаров, он истратил, скупая по всем ресторанам и кафанам в Дубровнике раз играные карты. Принес в Ревелин три-четыре мешка. Мы два дня эти карты сортировали, разбирали по рубашкам, составляя полные колоды. Нам удалось составить около двухсот колод. Их мы легко продали сидящим в карантине и жаждущим играть. Продавали по 50 динаров за колоду. В эту операцию мы вложили 2.400 динаров, а заработали больше 10-ти тысяч. В то время это были огромные деньги. Заработок мы разделили на три части, и я сразу же пошил себе штатский костюм.

Кубанские казачки, которые в Ревелине ютились над нами, на третьем этаже, тоже получили двухмесячный *размен* – по 800 динаров. В один из вечеров они у себя устроили выпивку. Здорово напились. Пели песни «Ах, Кубань ты, наша родина» и другие, танцевали, горланили. Один из них почувствовал, что ему надо отправиться *к ветру*, покинул компанию и направился к дверям, но по полному делу не попал в дверь, а пошел к окну. Станичник шагнул и с третьего этажа упал на острые скалы. Остальные в беспокойстве выбежали наружу, подбежали к скалам. На камнях лежало неподвижное тело. Стащив его с камней, принесли в помещение. Упавший только мычал и храпел. Утром казачок проснулся. Не верил, что выпал из окна третьего этажа, считал, что земляки его разыгрывают.

После удачной и выгодной распродажи всех колод, весь Ревелин, Мол и монастырь Святой Марии играли в карты. Вскоре и мы подобрали себе компанию желающих играть в преферанс. Нас трое сравнительно хорошо играли в эту игру, а наши партнеры, большинство поповских сынков, имели мало представления о преферансе. Женя [Евгений Гибшман – прим. А.А.], Преловский и я всё свободное время, а его было вдоволь, проводили за картами. Мы садились играть отдельно - каждый с отдельной группой, и почти ежедневно выигрывали около 80–100 динаров. Это был солидный доход; мы привыкли каждый день выигрывать на дневные расходы.

Наступил Новый год. В Ревелине мы жили уже больше месяца. Русских по партиям стали расселять по разным городам Королевства. Запрещенной зоной, куда мы не могли попасть, считались Земун, Белград, Панчево, где уже осело слишком много русских из предыдущих эвакуаций. Расселяли группами по 50–70 человек. Эти группы называли русскими колониями. В одну из таких групп попали наши партнеры, у которых мы, играя в преферанс, постоянно выигрывали. Когда подошло время отъезда и их повели в Груж, мы пошли их провожать на вокзал. Там, в ожидании посадки и отправки, мы играли с ними, сидя на перроне - пытались в последний раз выиграть еще несколько динаров.

Уехали наши партнеры, и прекратился наш ежедневный заработок. Мы слонялись по Ревелину, как сонные мухи. В больших залах остались лишь старички. Привыкши ежедневно выигрывать, нас трое предложили старичкам сразиться. Они охотно согласились.

- По какой?

- По какой хотите.

Сели мы с ними играть - отдельно Преловский, отдельно Женя и отдельно я. Результаты были плачевные. Каждый из нас проиграл старичкам около 200 динаров. За один день мы проиграли то, что зарабатывали в течение недели. На этом игра прекратилась, – и распалось наше акционерное общество.

Подошел и наш черед. Группа, около 70-ти человек, в их числе находилось и нас трое, в Груже была погружена в товарные вагоны и по узкоколейной железной дороге отправлена внутрь страны. Бесконечно, почти сутки, поезд тарахтел, полз вокруг Попово-поля. Медленно мимо проплывали незнакомые пейзажи, и к концу второго дня мы подъехали к Мостару.

Поезд стоял там несколько часов. Нам был приготовлен ужин. Многие ходили в город и из города принесли ведро вина *Жилавка*. Это вино мы в вагоне распили.

В Сараево опять нас накормили и перевели в вагоны широкой колеи. Теперь начали ехать быстрее. Приехали в Нови-Сад. Там нас накормили обедом, а к вечеру мы попали в наше место назначения, в Апатин.

Года два тому назад этот город оказался в составе Королевства СХС. Большинство жителей были богатые немцы и венгры. С вокзала повели нас по длинным, бесконечным улицам. Вели, вели – нет конца – всюду однообразные, одноэтажные дома, настоящие крепости – типичные немецкие дома. Наконец, привели к периферийному трактиру, *кафане*. Разместили там и угостили ужином. На ужин были приготовлены огромные, диаметром 15 см свинные колбасы. К ним подали и картошку.

На следующий день нас начали расселять, по два человека, по домам зажиточных немцев и венгров. В городе еще ощущался дух старой Австрии и власти принуждали владельцев домов принять нас у себя.

Поручик Яковлев и я были поселены у немца – богатого купца. Этот немец имел большой мануфактурный магазин, дом и молоденькую, хорошенькую 18-летнюю дочку. Вселившись к нему, не проживи и пяти дней, как хозяин пришел в нашу комнату. Он был маленького роста, толстенький, аккуратный. Войдя в комнату, он внезапно упал перед нами на колени, сложил руки как для молитвы и вскрикнул:

– Пожалуйста, прошу вас, исполните мою просьбу! Переселитесь, я вам найду комнату, буду платить за нее. У меня же молоденькая дочь, и если вы останетесь в моем доме, вы ее испортите!

Удивленные такой просьбой, мы подняли его с пола и, конечно, согласились исполнить его просьбу. Радостный папаша нашел нам комнату недалеко от своего дома и от пивного завода. Замечательную комнату. Она была в саду, совсем отдельный домик, рядом с летней кухней. Принадлежала она аптекарше, старой, важной родовитой венгерке. [...]

Началось житье-бытье апатинское. С «разменом» денег возникли какие-то трудности, вместо 400 динаров в месяц, каждый беженец стал получать по 240 динаров, а вскоре и этот размен прекратился. Наступили тяжелые времена.

В нашей русской столовке можно было за 5 крон (1,25 динаров) получить жидкую похлёбку и чай с сахарином. Многие начали подумывать найти работу. Немцы брали поденьщиков и им за целый день платили 5 крон, батрака и кормили. В то время начал строиться новый пивной завод и туда на работу устроилось много русских. Поденная плата была 12 крон, то есть 3 динара, при 10-тичасовом рабочем дне. На эту фабрику пошли работать Женя и я. Первый раз в жизни я попал на физическую работу. Целый день мы переносили большие плиты искусственного льда, носили кирпичи, качали воду пожарным насосом, по четыре человека с каждой стороны. К первому вечеру

я совсем выбился из сил. К несчастью, когда окончился наш 10-тичасовой рабочий день, с железнодорожной станции привезли три вагона ячменя. Этот ячмень надо было спешно перенести и поместить на третьем этаже магазина. Нам продлили рабочий день еще на два часа. Таская 60-тикиловые мешки с ячменем, я на десятом мешке упал на лестнице от усталости. Придя домой после работы, у меня не было ни одной части тела, которая не болела бы.

Подошли какие-то летние, католические праздники. Меня определили помогать развозить бочёнки пива (по 25 литров), по апатинским трактирам. [...]

В Апатине в русской колонии насчитывалось около 70-ти человек. Состав колонии был неоднородный – она делилась на две половины: Первая – это старые генералы, полковники и пожилые семейные, и другая – мы, холостые нижние военные чины, молодежь. Бразды правления находились в руках первой группы. Нас молодых считали бытовщиками, чуть ли не большевиками. Происходило это оттого, что мы всегда протестовали и требовали правильного распределения присланных американских вещей. Требовали, чтобы эти вещи не раздавались любимцам, а доставались по жребию. Один раз я вытянул счастливый билет и получил кожаную куртку – безрукавку. [...]

Приехав [осенью 1921 года – прим. А.А.] в Белград, вместе у Жени и меня было всего 3 динара. Надо было питаться и мы в «народной столовой» на обед взяли по тарелке молока (молоко я терпеть не мог) – по динару за порцию, и за динар хлеба. Это был наш обед и ужин в первый день переезда в Белград.

На следующий день мы уже работали: я попал на работу, как чернорабочий, на починку «турской калдрмы» – мостовой из крупных булыжников. Рабочий день продолжался десять часов и за работу мы получали 24 динаров (а не 3 динара, как в Апатине).

Так начался новый этап в моей жизни – студенческий период. Мы были зачислены студентами и получили право жительства («дозволу») в Белграде»[12].

Комитет по оказанию помощи русским беженцам в Нови-Саде

В мае 1920 года поселившихся в Нови-Саде русских было всего около 30, к концу октября – уже 238[13]. В те дни *Комитет по оказанию помощи русским беженцам* возглавляли адвокат д-р Коста Хаджи и управляющий Городским госпиталем Джура Трифкович. Большую поддержку россиянам оказывали

12 *Кисловский С.* Воспоминания. (Рукопись) – Семейный архив Кисловских, Нови-Сад. Сергей Андреевич Кисловский (1899, Прилуки, Полтавская губ. – 1995, Нови-Сад), агроном-селекционер.

13 Архив Југославије, Београд. МУП. Ф. 224/802.

владелец продуктового магазина Влада Стефанович и семья известного купца Николы Ивковича.

В своем обращении к мэру и Городскому совету д-р К. Хаджи 29 апреля 1920 г. писал:

«Широко известно, что последнее наступление большевистской Красной армии в южных районах великой России лишило крова огромное число наших братьев – русских. Гонимые террором, они были вынуждены бежать и нашли приют в братской стране Сербии. Здесь испокон веков утвердилось мнение не только о близком родстве с русскими, но и вера, что освобождение и объединение всего сербского народа будут осуществлены при щедрой помощи России, великого Славянского народа, который и до суровой Мировой войны приносил в жертву тысячи своих лучших сыновей для спасения Сербии и освобождения всего Славянства. Однако волны великих потрясений, поднявшие нас, одновременно привели к крушению мощной России. Наши братья и по Божьим и по человеческим законам имеют основания и право требовать от нас моральную и материальную помощь, так как, свободные и объединенные, мы являемся их должниками. [...] К господину мэру и Городскому совету от имени Комитета обращаюсь с просьбами:

1. Принять решительные меры для обеспечения русских беженцев квартирами, при необходимости – применить насильственную реквизицию.

2. Ввиду уже обнаружившихся злоупотреблений, не хозяевам, а властям следует определять приемлемые цены на эти квартиры.

3. Провести ревизию цен по уже заключенным контрактам на сдачу квартир русским.

4. Городскому управлению необходимо приложить дополнительные усилия по обеспечению беженцев работой и предоставлению материальной поддержки.

5. Русским следует отвести помещения для кухни и общей столовой, так как они намерены сами готовить себе свои национальные блюда.

6. Столовую оснастить всей кухонной утварью.

7. Создать Сербско-русский дом, в котором будут происходить наши встречи с ними, как это ранее было устроено в зале Матицы сербской во время пребывания у нас французов.

8. Помочь русским в создании их публичной библиотеки.

9. Дать им возможность заниматься предпринимательством, торговлей, открывать экспортные конторы и т.д.

10. Городскому совету обратиться к гражданам с воззванием об оказании помощи по снабжению русской столовой продуктами.

11. Содействовать при устройстве благотворительных концертов и спектаклей для сбора средств в Фонд оказания помощи братьям-беженцам»[14].

Городские власти и местное население, преимущественно сербы, откликнулись на просьбы комитета.

Прибытие русских беженцев в Банат

Сохранились сведения о прибытии русских в г.Велики-Бечкерек, в Банате:

«После первых, *новороссийских* беженцев из России, которых судьба привела в Бечкерек еще в 1920 году, в начале 1921 года город на берегу р. Бегей принял новые сотни людей *Крымской эвакуации*.

Пережив карантин на берегу Которской бухты в деревянных бараках и ангарах, первые эшелоны Крымской эвакуации тронулись в марте 1921 года узкоколейкой до города Славонски-Брод. Покачиваясь в расхлябанных товарных вагонах, измученные люди, женщины и дети с нетерпением ожидали долгожданный покой в союзном государстве. В пассажирных вагонах они доехали до Белграда и Нови-Сада. После длительной стоянки на запасных путях эшелон прибыл на заурядную станцию Велики-Бечкерек. Отцепили еще три вагона с назначением в село Нови-Итебей. С вокзала всех повели на пристань, возле *Малого моста*. Переночевали под открытым небом. Узнав, что прибыли новые беженцы, на набережной появились русские дамы с чаем и угощениями. Многих отвели спать к себе домой. Завязались знакомства.

На следующий день погрузились на пароход *Српче* и после двух часов дороги прибыли под вечер в место назначения – Итебей. На пристани пароход встретили представители местной власти. Встреча была сердечной. Устроили ужин с музыкой и вином. Произносили речи, принимали тосты. Переночевали в школе, на соломе. Всего прибыло около 80 человек.

Через несколько дней женатых оставили в Сербском Итебее, а холостых повели в венгерскую часть села. Вскоре началось распределение на разные работы. Жизнь требовала своего. Сначала подвернулось вкапывание в землю железнодорожных столбов. Нашлась работа и у мужиков, плативших за полевые работы 5 динаров в день.

Постепенно налаживалась связь с Бечкереком, где уже была создана русская колония с помещениями в кофейне *Кригер*. Там существовало и общежитие в доме немецкой школы, а также *Бюро для посредничества в принятии на работу русских эмигрантов*. Прибывшие в мае 1921 года из Итебея в Бечкерек расположились в общежитии. Спали, как и в Итебее, на соломе. Гораздо легче было нескольким эмигрантам еврейского происхождения. В

14 Историјски архив Новог Сада. Ф.150.1033/1920.

первые же дни работы на погрузке пшеницы на главной железнодорожной станции, их увели и устроили у себя на работу братья по крови, в чьих руках была торговля зерном и кукурузой»[15].

Граф Котек приютил русских в м.Стари-Футог

Крупный землевладелец и магнат, австрийский граф Рудольф Котек (1852–1921) принял в свой дворец в местечке Стари-Футог (близ Нови-Сада) несколько дворянских семейств: графов Ламсдорф, князей Голицыных, Бехтеевых, Гаевских, Смитен, Вовси, Ясинских, Жеребковых, Цимбалистовых, Турчаниновых, Вишняковых, Чайковских. Алексей Сергеевич Бехтеев (1883, Орловская губ. – 1967, Касабланка, Марокко) вспоминал:

«Мало кто из них верил в то, что большевизм долго продержится. Они ожидали своего скорого возвращения в Россию, а тем временем читали газеты, играли в бридж, гуляли, ездили в Нови-Сад и там тратили деньги. Вскоре оказалось, что в лучшем положении были те, кто не увез с собой золото и драгоценности. Те сразу были вынуждены найти какую-нибудь работу и начать трудовую жизнь.

Граф Котек оказался дальновидным:

– Бедные, – говорил он своим гостям, – они надеются на скорое возвращение домой, а я уверен, что до того времени пройдут десятилетия. Маловероятно, что кто-либо из этих беженцев дождется увидеть Россию»[16].

Ю. Л. Ракитин о русских в Дубровнике

Отдыхая летом 1929 и 1930 года в Дубровнике, режиссер белградского Национального театра Юрий Львович Ракитин (1882, Харьков – 1952, Нови-Сад) отметил печальную картину жизни части русских, которые не покинули Дубровник, а остались жить в городской крепости Ревелин. Он намеревался написать пьесу из эмигрантской жизни, и в своем дневнике 26 июля 1930 года записал:

«Думаю о пьесе. Действие происходит в дубровницком Русском доме, в залах крепости Ревелин. Тут разместились эмигранты после высадки с парохода. Годы идут, а они и далее живут тут, проводят дни в рассуждениях, воспоминаниях и грезах. Бездеятельная эмиграция! Обуреваемые ссорами, интригами, непримиримые друг к другу. Революция опустошила их души, ничего сами не умеют, вернее не могут. Варятся в собственном соку. Герои

15 *Павлов Борис.* Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде – Зренянине). Зренянин: Общество русско-сербской дружбы, 1994. С. 13–15.

16 *Арсењев Алексеј.* Самовари у равници: Руска емиграција у Војводини. Нови Сад: Змај д.о.о. : Уметничка радионица «Завештање», 2011. С. 21.

моей драмы – в основном народ положительный, сердца благородного. Или это аристократизм, до которого уже никому нет дела и с чем трудно примириться, или их всех разъедают сплетни – вторжение в их жизнь действительности. Основной их порок – отсутствие воли»[17].

Лидия Михайловна Ираклиди, урожд. Соловьева

«Родилась я 17 октября по новому стилю, 4 октября – по старому, 1893 года, в Кишиневе. Там в 1912 году с золотой медалью окончила гимназию и переехала в Одессу, поступив на Высшие женские курсы, историческое отделение, и после четырех лет получила диплом Одесского университета. Я изучала и языки, училась в консерватории. [...] С тех пор минуло 64 года...

Было мне 27 лет – жила в Одессе. А этот город переходил из рук в руки 18 раз: то к белым, то к красным, то к украинцам, то к немцам, то к французам, грекам... Нам уже всё это было невмоготу. Захватив с собой два чемодана, в 1920 году муж и я направились в порт, где стояли на якоре английские пароходы, уже переполненные беженцами. Матросы сделали живую цепь, отгораживая тех, кто еще стремился проникнуть на борт. Благодаря моему знанию английского языка и привлекательной внешности – 64 года тому назад я довольно хорошо выглядела – нас пустили на пароход. Я думала, он плывет на Мальту и в Египет, а там нам сказали, что везут нас в Югославию, вернее – в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Я ужасно расстроилась – не видать мне пирамид. Отправляемся в Сербию, а там одни холмы да козы.

И прибыли мы в Скопье. Нас радушно встретили и повели в турецкие ночлеги. Помню, будто это было вчера – 15-е февраля, нас пять супружеских пар. Улеглись мы спать, и каждый из нас прячет свои сумки-портфели под подушку. При мне были документы, а у моего мужа золото и деньги. Нас разбудили уже в 6 часов утра – продолжить путь на Белград. Мы побежали к вокзалу, а я замечаю, у моего мужчины пустые руки. Спрашиваю:

– Портфель где? – А он:

– Я думал...

– А что ты думал?!

Мы остановились посередине моста Царя Душана, я и смотрю: Шара-гора, вся под снегом... блестит... небо темносинее и сапфировое, цветет миндаль – целые облака розовые, мимо проходят женщины с чадрой, мужчины в фесках. Меня обуял хохот, говорю:

– Сейчас, когда мы лишились всего, давай останемся здесь, насладимся этими красотами!

17 *Арсењев Алексеј.* Ракитин међу руским емигрантима. // *Зборник Матице српске за сценске уметности и музику* (Нови Сад). Бр. 16–17. 1995. С. 254.

Прожили мы в Скопье три года. Я легко устроилась на работу, так как знала пять мировых языков. Служила я в банке, а муж – в библиотеке. Потом мы переехали в Белград»[18].

Пережив в Белграде аресты Гестапо и подкупом освободившись из тюрьмы, Лидия Михайловна после Второй мировой войны поселилась у сестры на ее вилле «Камен мали» в очаровательном городке Цавтат близ Дубровника. По иронии судьбы последний, самый старый русский эмигрант дубровницкого региона скончался как «новый беженец». В годы военных бурь 1990-х годов в Югославии, с «Камня малого» (острого скалистого морского мыса) солдаты обстреливали Дубровник. Вилла была превращена в военный пункт. Пожилую женщину друзья эвакуировали в черногорский порт Херцег-Нови, а затем – в воеводинский город Апатин, на берега Дуная. Окруженная заботой и вниманием сербской семьи, Лидия Михайловна Ираклиди (1893–1995) там тихо скончалась на 102-м году жизни.

Эвакуация Харьковского девичьего института из Новороссийска

«В марте 1917 г. Временное правительство закрыло Ведомство Императрицы Марии Федоровны и передало Харьковский девичий институт в ведение Министерства народного просвещения. В декабре 1918 г. Харьков был занят большевиками, которые приказали в 3-х дневной срок закрыть Институт. Благодаря энергичным мерам начальницы Института Марии Алексеевны Неклюдовой, около 150 воспитанниц удалось устроить по частным домам у Институту знакомых лиц. Остальных разобрали родители. В 1919 г. в июне Харьков был освобожден армией ген. Деникина и Институт опять начал функционировать, имея свыше 200 воспитанниц. При приближении большевиков в ноябре 1919 г. Институт был эвакуирован в Новороссийск. Эвакуация совершалась в очень тяжелых условиях, но еще страшнее было попасть опять к большевикам. М. А. Неклюдова посетила представителя Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, ген. Ненадича, прося его содействовать переезду Института в Королевство СХС. Через несколько дней разрешение было получено, и 29 января 1920 г. на пароходе *Афон* Институт отплыл в Варну (Болгария), а из Варны поездом отправлен в Белград. 4 марта Институт, в составе 114 воспитанниц, 20 лиц персонала, 12 членов их семей и 5 служителей, прибыл в Нови-Бечей, получив от правительства три школьных

18 *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Дубровнике // *Европа*. Международный альманах (Тюмень). Выпуск 10. 2011. С. 132–133.

здания. Первый выпуск был уже в 1921 г., а всего было 12 выпусков. До его закрытия в 1932 г. Институт окончило 319 воспитанниц»[19].

Эвакуация кадет из Одессы

«Ко дню эвакуации Одессы, 25 января 1920 года, в здании кадетского корпуса размещались не только одесские кадеты, но и 2-я рота Полоцкого корпуса, а также и Киевский корпус, вывезенный в Одессу после занятия Киева красными. [...]

С утра были отправлены в порт подводы с личными вещами кадет и персонала, под охраной двух взводов 1-й роты Одесского корпуса и кадет полочан. Немного позже были посланы в порт самостоятельно кадеты 1-й роты Киевского корпуса, без офицеров. Обе части добрались до порта с большими трудностями, так как в городе уже шла стрельба и нападения на отряды белых, проходивших через Одессу. [...] Кадеты и все скопившиеся в порту, подверглись жестокому пулеметному обстрелу со стороны Воронцовского дворца; были ранены два и убит один кадет киевлянин. [...]

Кадеты и чины персонала были подобраны английским крейсером *Церес*, а всё имущество пришлось бросить на молу, где оно было разграблено [...] После ухода *Цереса* из порта, все кадеты и чины персонала были пересажены в открытом море на пароход *Рио Негро*, который и довез их до Салоников, откуда поездом они через Белград были отправлены в Панчево. По дороге, на узловых станциях какие-то организации, в том числе и русские, кормили кадет. В Панчево все были размещены в здании школы, где во дворе находились русские солдаты, возвращавшиеся в Россию. В скором времени, кадет киевлян (взвод 1-й роты) перевезли в Сисак, вблизи Загреба. Их разместили в военных казармах. С назначением ген. Адамовича директором Сводного русского кадетскеого корпуса, остатки трех корпусов в Сисаке и Панчево стали кадрами одного военно-учебного заведения, которое в июне 1920 года было объедено и направлено в Сараево, в бывшую австровенгерскую казарму»[20].

Семья Родзянок на курорте Враньска-Баня, Сербия

Семья последнего председателя Государственной думы Императорской России покинула Крым на трофейном пароходе *Гамбург*. Из Греции, через Болгарию, они прибыли в Королевство СХС. Пятилетний внук Володя (в будущем епископ Василий Американской православной церкви) вспоминал:

19 Харьковский институт. 1812–1932. Памятка. Нью-Йорк : Объединение бывших воспитанниц Харьковского института за рубежом, 1983. С. 5–6.

20 Кадетские корпуса за рубежом 1920–1945 / Редакционная комиссия А. М. Росселевич и др. [Нью-Йорк] : Издание Объединения кадет российских зарубежных кадетских корпусов, 1970. С. 329–333.

«Мы уже подъезжали на телегах, которые день и ночь тащили волы по Южной Сербии, к местечку, которое называлось Враньска-Баня. Это был маленький курорт, деревенско-сельский. Нас встретил молодой сербский священник. Он сразу взял меня на руки и проявил невероятную ласку, любовь, заботу, познакомил со своей матушкой. Оба были очень приветливы. Они поняли главное, что мне нужно в тот момент, – это спать. Меня уложили на огромную подушку, я почувствовал себя словно в раю и сразу заснул. Но главное – выражение лица этого человека. Я никогда его не забуду. [...]

Я полюбил сербов. Я почувствовал, что Сербия – родная для меня страна. *Моя Сербия*, как сказал дедушка. Она стала *моей Сербией* тоже. Я понял, что Сербия дала нам, русским беженцам, рай на земле в известном смысле, так как то, что было до этого – и на корабле, и до корабля, было адом на земле»[21].

Жители Сремски-Карловцев о русских

В мемуарах и литературных произведениях сербов в городке Сремски-Карловцы встречаются высказывания о русских. Эти описания красочны, часто неверны, иногда ироничны и ограничиваются внешними наблюдениями. Сегодня они нам скорее говорят о местных нравах и культуре того времени. Так, тетушка Пава и дядюшка Раде вспоминали:

«А эти русские люди действительно всколыхнули наше местечко, только-только пережившее Мировую войну. [...] В один прекрасный день в Карловцах оказались части побежденной армии Врангеля. Нам, свидетелям развала австрийских войск, а вслед за ними прибытия сюда их истомившихся сербских преследователей, русские показались случайными пришельцами на маневры, готовыми также внезапно возвратиться домой. Штаб барона Врангеля расположился в старом *Благодеянии* Стратимировича, во дворе которого был установлен столб с императорским российским знаменем. Ежедневно утром и вечером исполнялся торжественный церемониал отдания чести флагу, а казачья музыка ступала нашим местечком, исполняя громкие марши. Сопровождаемый свитой, представительный, барон Врангель ежедневно совершал утреннюю прогулку, верхом на белом коне, пока солдаты его прилежно *экзерцировали* по окрестным холмам. Создавалось впечатление, что триумфальное возвращение войска зависит лишь от этого молчаливого долговязого человека, который, вместе со своими офицерами, не пропускал ни одной воскресной литургии в Соборном храме.

Одновременно с этим воинством появились и священники, монахи. Карловчан особенно тронул пожилой, почти неподвижный митрополит Антоний. Его коляску толкал могучий, бородатый казак, вооруженный кинжалами.

21 Цит. по: Гимназия в лицах... Кн 1. С. 343.

Сербское церковное пение вмиг превзошли мощные военные и монашеские хоры, возвращая самым непримиримым скептикам-карловчанам утраченную веру в несокрушимую силу Православия.

Щеголеватые офицеры были расквартированы по лучшим домам, а балы навевали дурман на всё местечко, за одну ночь превратившееся в шумный военный табор. Первые долги господа погашали серебряными табакерками и фамильными драгоценностями. Русские их отдавали с аристократическим легкомыслием, кичливо и с некоторым пренебрежением к недоверчивым мещанам, перед таким богатством неспособными скрыть свое ошеломление и восторг.

Единственно ценное, что осталось после этой буйной русской солдатчины, – несколько профессоров, и сегодня трудящихся в семинарии. Все твердят, что это очень образованные люди. Пусть хоть наши поповские недотепы получат какую-то пользу от русской революции!

Право, это славные люди, только женщины у них дрянь. Целыми днями отлеживаются на кроватях и диванах, жалуясь на мигрень. Врач Обрад посмеивается: сплошная истерия, говорит. Однако мужья терпят и воркуют возле этих ипохондрических привередниц. [...]

Русские редко ходили в дома местных жителей. Даже и в сербских храмах они чувствовали себя неловко, твердо настаивая, чтобы им дали помещение для их, русской молельни. Им пошли навстречу – отвели погреб старого дворца, заплесневевший и влажный, в котором патриаршие экономы хранили картофель. Очень скоро русские его превратили в храм, а многочисленные лампочки и свечи осветили его особой одухотворенной красотой. Наподобие гонимой религиозной секты, русские регулярно собирались в этом митрополичьем погребе, наполняя его мистикой и, прежде всего, печалью по утраченной родине.

– Вот тебе и история, – не унимался дядюшка Раде, – русские спустились в старый митрополичий подвал, а рядом красуется первая резиденция карловацких митрополитов, тех, которые некогда обращались к Московскому синоду, испрашивая помощь. Из России к нам прибыли первые учители – Суворов и Козачинский, а вот, сегодня, образованные русские богословы опускаются в этот погреб, чтобы печься о себе и о России. Такова история – внезапно всё становится эфемерным. Да, именно призрачным»[22].

Преподавательница гимназии в Сремски-Карловцах, Теодора Петрович, была более сдержанная и объективная:

«Здешние русские не общались с местным населением. У них был свой клуб. Собирались они в старом здании *Благодеяния*, некоторые там и жили.

22 *Медаковић Дејан*. Ефемерис: Хроника једне породице. [Том] 1. Нови Сад : Матица српска, 1998. С. 215–216, 219–222.

Там же располагалась и их большая библиотека с отборными книгами, преимущественно русскими, привезенными с родины. Я себе часто задавала вопрос, как им удалось привести эту уйму книг. Не только книги, но и иконы, самовары, части мебели и множество драгоценностей, от продажи которых большая часть и жила. В те годы в Карловцах были в ходу золотые кольца, браслеты, ожерелья, кулоны, ручные часы. Всё это можно было дешево приобрести.

В среде русских не было трудящихся, а, по-моему, осело и малое число дворян. По совести говоря, помню одну только княгиню Туманову, внешность которой сразу выдавала ее происхождение. Прожила она тут некоторое время, вместе со своей компаньонкой, похожей на нее. Обе одевались роскошно, ходили в больших шляпах и с белыми кружевными зонтиками. Жили в доме покойного профессора Глиши Лазича.

В своем клубе эмигранты создали кружки. Там они *музицировали*, пели, декламировали, ставили спектакли. Среди них были талантливые и разносторонние люди. Выделялся некий полковник Чижов, всегда ходил в штатском. Пока он здесь жил вокруг него протекала и вся культурно-увеселительная жизнь Карловцев. [...]Библиотека Русского клуба и культурная жизнь русских, в особенности хоровая песня, постепенно втянули в их круг некоторых местных жителей, которые, состоя благотворительными членами этого клуба, могли брать на прочтение книги и принимать участие в деятельности любительских кружков. На этой почве так и начались контакты карловчан с русскими, продолжавшиеся пока эмиграция была в сборе и содержала свой клуб, значит – всего несколько первых лет.

С теми же эмигрантами, которые осели здесь надолго, контакты поддерживались как с частными лицами, но всегда оставались сдержанными. Насколько помню, здешние русские не женились и не выходили замуж. Молодых вроде бы и не было, их можно пересчитать по пальцам. Некоторые приехали с детьми, но те учились в русских школах, вне Карловцев.

Русские царские офицеры, исключая полковника Чижова, ходили в форме, пока она не износилась – один так и ходил до конца своей жизни, умер он года два тому назад. Пожилые женщины летом предпочитали ходить в белом – у нас это не принято. Большая часть любила выставлять свое дворянское происхождение, но наши им не во всем верили. В особенности тем, кто, кроме русского, другого языка не знал. Были и такие, которые владели французским в совершенстве. Благодаря этим дамам, дававшим частные уроки, много карловацкой молодежи овладело французским языком, за небольшое денежное вознаграждение.

Необходимо подчеркнуть, что наш народ не был хорошего мнения о семейной жизни русских. Мужья им виделись подкаблучниками, а жены

лентяйками. Говорили – *те* отлеживаются, читают, командуют, а *эти* готовят обед, совершают покупки, занимаются уборкой»[23].

Врач Пайер в деревне Гайдобра

Во время Великой войны русский военнопленный Павел Игнатьевич Семенов (1893, Смоленск – 1963, Бачка-Паланка) был привезен на работы в деревню Гайдобра (Бачка). Он попал в семью деревенского врача Пайера, немца. Не пожелав репатриироваться в Советскую Россию, он остался в этой деревне и в 1926 году женился на кухарке врача, Елене Шмидт.

В 1921 году в ту же семью Пайер была направлена группа русских беженцев. Среди них был и офицер Русской армии Сергей Иванович Капкало, уроженец Екатеринослава. В России у него осталась жена, с которой вскоре пришлось прервать переписку и связь, но она ему дала развод и порекомендовала взять в жены Анну, дочь врача Пайера. Так он и поступил. Позднее, вторая дочь врача, Мария, вышла замуж за молодого Александра Павловича Семенова. В деревне он получил работу в канцелярии местного управления[24].

Семья Корбе в Петроварадине (пригород Нови-Сада)

Владимир Александрович Корбе (1909, Голта, ныне г. Первомайск, Украина – 2011, Сакраменто, Калифорния), в частном письме и в своих поздних воспоминаниях писал:

«В трагические годы русской революции, когда Украина была оккупирована немецкими и австро-венгерскими войсками, в нашем имении на берегу Южного Буга около города Голта стояла конная батарея. Среди военного персонала был унтер-офицер серб Джаков из Петроварадина. Мои родители делали ему много любезностей, которые он не забыл и, когда первые русские *избеглице* появились в Югославии, он начал нас разыскивать. Найдя нас, он перевез нас из Бока-Которска в Петроварадин. Нашел папе работу в Нови-Саде, в страховом обществе *Югославия*, а маме подыскал учеников французского языка. Он нам всячески помогал и платил сторицею за оказанное ему внимание в России. В то время он был *Вели капетан* – начальник полиции в Новом Саду»[25].

Семья Локтионовых в Суботице

23 *Петровић Теодора*. Сећања. Нови Сад : Матица српска, 1981. С. 524–543.

24 См.: *Миловановић Сузана, Петијевић Александар*. Бела Русија: Руска емиграција у Војводини. Нови Сад : Музеј Војводине, 2014. С. 150.

25 *Корбе В.А.* Первый переворот в Югославии: конец первого этапа нашей эмиграции // *Кадетская перекличка* (Нью-Йорк). 2006. № 77. С.183; Письмо В. А. Корбе к А. Б. Арсеньеву от 20.2.1999. – Собрание А. Арсеньева.

Судьба семьи Локтионовых с Дона необычными путями привела их в Королевство СХС. Георгий Алексеевич Локтионов (1920-е гг., Суботица – 2004, Биело-Поле) из черногорского города Биело-Поле рассказал:

«Вихрь Октябрьской революции уничтожил семейное счастье моих предков, виновных лишь в том, что они были состоятельными людьми. Дед Георгий был убит во дворе своего дома на глазах всей семьи. Бабушку Марию Митрофановну, урожд. Власову, посадили в тюрьму. Моего отца Алексея спас Иван Радоичич, сбежавший из австровенгерской армии и сдавшийся русским. Он спрятал Алексея среди сербских добровольцев, а затем и Марии, моей бабушке, помог выйти из тюрьмы, объяснив властям, что она любовь всей его жизни, и что он увезет ее в Югославию.

Эта любовь, родившаяся в годы смертей и убийств, спасла ветвь Локтионовых и сохранила ее в Черногории. Мать моего отца, Мария Митрофановна, продолжила свою совместную жизнь с Иваном Радоичичем в городе Суботица. А мой отец вскоре влюбился в красавицу из Суботицы, Даницу Джуричич. Любовь увенчалась браком»[26].

Русский офицер в селе Дунасекереш

«Когда мы приехали в Боку Которскую я все порывался удрать с парохода. Наконец, мне удалось устроиться на подходившем ялике, и я очутился на берегу. Здесь меня зарегистрировали в комендатуре и послали в ангары. Была ранняя весна. У меня ничего не было кроме шинели и я спал, завернувшись в нее на цементном полу амбаров.

Через некоторое время уполномоченный выдал нам по 50 динаров. Я проиграл эту сумму в шашки. Потом нам выдали по 250 динаров и отправили в Дунасекереш. Это небольшое село в Баранье, тогда оккупированное сербскими войсками, а теперь отошедшее к Венгрии при возвращении ей так называемого Байского треугольника.

Приехав в село, мы отправились, как нам было сказано, к *бележнику*, представляющему в таком месте высшую власть. Он распределил нас по крестьянам и каждого из нас в сопровождении *редара*, или вернее – *пандура*, как говорят сербы, а по нашему – сотского, отправил на место жительства. Что они между собой говорили, то есть *бележник* и сотский, а затем крестьянин, к которому меня привел сотский с последним – я не знаю, ибо языка я не понимал. Знаю только, что хозяйка сразу же отвела меня в погреб и показала, что я должен разбирать картошку.

Был март, хород еще держался, руки у меня зябли, картошка была полугнилая, скользкая, мокрая, леденяще-холодная. Затем хозяйка пред-

26 Руси у Црној Гори... С. 123–124.

ложила мне сала, но я отказался. Тогда она предложила мне молока, что я с удовольствием выпил.

Вечером хозяин привел меня в сарай, где стояли сани, наполненные соломой, и знаками объяснил мне, что здесь я буду спать. Измученный душевно и физически, я завернулся насколько мог протнее в шинель, повалился на салому и заснул тяжелым сном.

Утром я проснулся от того, что кто-то тащил меня за ногу. Это оказался мой *хозяин*. Было раннее, серое утро. Мы выехали в поле и там он предложил мне пахать. Будучи мальчиком, я часто ездил в поле с моим дедом. Там я из шалости просил учить меня пахать и наши рабочие конечно очень охотно возились со мной и учили меня. И теперь я стал за плуг умея. Но сильно сказывалось мое ранение и к вечеру я почувствовал себя совершенно разбитым. Но ни на следующий день, ни после я этого абсолютно не показывал, делая всю тяжелую работу, которую на меня взваливали. Я чистил лошадей, что даже любил, так как это мне напоминало юнкерские годы, к тому же у моего крестьянина были чудные кони. Помню только, что я отказался чистить коров.

Но так долго не могло быть, мое здоровье было сильно надломлено, и я не мог подниматься с постели, то есть вернее из своих саней с соломой. Было мне очень плохо, я чувствовал, что дальше вытянуть не смогу. Помню, что хозяйка, видя что я болен, хотела давать мне горячее молоко, но хозяин сказал, что если я не работаю, то мне не надо и есть. Правда, это меня мало трогало, ибо когда у меня боли в сердце, я есть не могу вообще.

Дня через два, с помощью одного русского, который меня навестил, я отправился к бележнику, надевши все свои боевые отличия. Что я ему говорил – не помню. Знаю, что мне было всё равно, жить так я всё равно не мог. Результат был тот, что опять со мной пришел *стражар* и что-то говорил хозяину. Правда, в дом меня не перевели, я остался на старом месте. С тех пор никто меня не трогал и никакой работы я не делал.

Вся наша партия, 16 человек, начала тогда собираться у одного нашего члена партии, который случайно устроился по человечески. Его *хозяин* был в России, понял, что он офицер, вообще вошел в его положение и старался облегчить ему его участь как мог. Он дал ему комнату, кормил и поил его и всех его гостей. К нему мы все и ходили.

Постепенно, мы сговорившись решили отправиться к бележнику и требовать, чтобы он нас лучше устроил. После долгих переговоров он дал нам две комнаты в центре села, где мы все и поселились. Мы получили кровати, матрацы, но и только. Есть нам было нечего. Мы ждали ссуды, она всё не

приходила, и мы буквально голодали. Бележник достал нам откуда-то мешок фасоли, и мы ели ее без всякой приправы»[27].

Гимназист А. А. Зоц батрачит в селе Булькес

Видимо, в первые дни своего беженства в Королевстве СХС не один русский батрачил у крестьян. Неуспевший окончить гимназию в России, Андрей Алексеевич Зоц (1903, Харьков – 1989, Белград) писал:

«Учился я в гимназии в Харькове, с 1913 по 1919 год. После возвращения Белой армии в Харьков и освобождения отца из-под ареста, с отцом и матерью уехал в Севастополь. Поскольку не было средств на жизнь, должен был прервать обучение. Зарабатывал продавая газеты, тем самым помогал семье, так как отец долго и тяжело болел и не мог работать. Так я работал в течение осени и зимы, а весной поступил на работу в порт в качестве берегового рабочего по отгрузке угля.

В ноябре 1920 года отец увез нас в эмиграцию. Через Константинополь мы 1-го января 1920 года прибыли в Боку Которскую, где после тяжелой болезни скончалась моя мать. После недолгого пребывания в Дубровнике нас направили в село Булькес, Бачка [ныне село Бачки Маглич, преимущественно населенное словаками – прим. А.А.], в котором я всё лето был занят у одного крестьянина на полевых работах. Одновременно я готовился к экзаменам в гимназию, чтобы продолжить прерванное образование»[28].

Воспоминания детства Марии Михайловны Чаплинской, рожд. Волковой (1913, Елисаветград – 1997, Савиняк, полуостров Истрия, Хорватия)

Весной 1920 года мы на большом пароходе *Владимир* двинулись дальше. Целый месяц провели в карантине в открытом море вблизи залива Бока-Которская. Затем отплыли далее и выгрузились в порту Кральевица. Устроились в местечках Бакар и Бакарац. Стояла весна. Цвели фиалки. Мы расположились в тесных комнатах. В лесу собирали грибы, было их там много. Я играла с детьми наших хозяев. Наступило лето. На пляже появились гости. Отец в ресторане играл на виолончели, а мои старшие братья разносили мороженое, которые готовили сами. Они стали официантами. Севе было 10 лет, Юре – 11, а мне – 6. Каждый день мы купались в море.

Поздней осенью мы все на поезде отправились в Загреб. Поселились на окраине, в западной части города. Пришла зима. В комнате печки не было.

27 Запись княжны Екатерины Сергеевны Эристовой, г. Суботица, нач. 1920-х гг. (Рукопись) – Собрание А. Арсеньева.

28 Гимназия в лицах... Кн 1. С. 579.

Мама готовила на примусе. Помимо кроватей, стола и двух стульев, в комнате никакой другой мебели. Туалет был во дворе. Папа примкнул к военному оркестру. На второй год Рождества у нас уже была елка и подарки. В комнате и далее царил холод. Мы мерзли.

Наконец, пришла весна. По соседству с нами жила болгарская семья: мать две дочери и сын. Занимались они овощеводством. Мы познакомились. Это оказались добрые, трудолюбивые люди. Сын Перо отвозил овощи на рынок. По воскресеньям они пекли пирог с вишнями. Угощали и меня. Я уже и позабыла, когда ела сладкое печенье.

Весной отец от Армии получил квартиру в северо-западном районе города. Реквизированную квартиру. В ней там еще жила вдова австрийского офицера, Йозефина Сигисмунд. Когда мы туда въехали, она уже не могла ходить и лежала на заколоченных ящиках – это была ее кровать. Вокруг нее было еще много таких. Она уезжала в Австрию. Нам досталась одна комната и кухня. Наконец, мы стали прилично питаться: на кухне была печка. Можно было справить Пасху. Мы побывали на Заутрене, были у нас кулич, сырная пасха, крашеные яйца.

Жили мы на холме, был свой садик. Нашими хозяевами оказались мясники Мокрович. Старый хозяин уже не работал, лишь его сыновья. У хозяина были и две дочери. Ёлка весь день ела сладкие печенья, а Анка весь день готовила. Держали они коней и коров.

В Загребе открылась Русская гимназия и меня отдали туда. [...]

Австрийка вскоре скончалась. Просто уснула на ящиках. Ее имущество забрал город. Таким образом, нам досталась вторая комната. Но после смерти Йозефины хозяева старались нас выдворить из квартиры. Их сын нам делал ужасные вещи: запирал общий туалет, вилами проколол нашу собаку. Один раз, когда мы все были в городе, он пробил стену нашей квартиры. Стену им пришлось починить и отпереть туалет, но всё-таки стало очень тревожно[29].

Владимир Алексеевич Мошин в Копривнице (Хорватия)

Историк, славист, византинист, археограф, протоиерей, академик Македонской Академии наук, Владимир Алексеевич Мошин (1894, Санкт-Петербург – 1987, Скопье) прожил большую жизнь. Из 92 лет, отпущенных ему судьбой, 65 лет он прожил в Югославии.

Как бывший студент Петроградского, Тифлисского и Киевского университетов, в августе 1920 года он вступил в Добровольческую армию, затем воевал в составе Вооруженных сил Юга России. После взятия красными Перекопа, вместе с женой, Ольгой Яковлевной (исполнявшей обязанно-

29 *Čaplinski Marija.* Moj život // *Književna smotra* (Zagreb). 2001. Br. 119 (1): Ruski emigranti u Hrvatskoj. S. 89.

сти полкового врача), был эвакуирован из Крыма на угольщике *Аскольд*. В декабре 1920 года семья высадилась с парохода *Владимир* в порту Бакар и была направлена по железной дороге в городок Копривница, в Хорватии, на границе с Венгрией. В 1921 году Владимир Алексеевич в Белграде сдал выпускные экзамены за университетский курс на историческом отделении историко-филологического факультета, перед Белградской комиссией Общества русских ученых. Оставшись в Копривнице, супруги получили преподавательскую работу в местной гимназии. В своих «Воспоминаниях», написанных под конец жизни, В. А. Мошин отметил:

«Благодаря гостеприимному отношению всего местного общества Копривницы, оказавшего приют как русским семьям, так и беженцам-одиночкам, очень быстро все мы живо вошли в местную среду, где культурное хорватское общество, семьи тамошних сербов и богатые еврейские дома соперничали между собой в размерах внимания к нам и посильной помощи особо нуждающимся беженцам. [...]

В коллективе гимназии царил дух славянофильства, отражая общее настроение хорватской интеллигенции. В служебной обстановке преподаватели жили дружно, не перенося в школу настроения улиц, в связи с политической борьбой хорватской националистической партии»[30].

Переезды семьи Волковых по Королевству СХС

Во время Великой войны Григорий Васильевич Волков (1891, Киев – 1942, Сербия) был произведен в прапорщики, участвовал в разведывательных полетах на аэропланах – «этажерках», на Северном фронте. Жена его и трое детей в то время жили в Гельсингфорсе. После большевистского переворота 1917 года и получения Финляндией независимости, Волковы двинулись на юг. Им удалось добраться до Новороссийска, откуда они были эвакуированы в Константинополь.

После длительных скитаний они оказались на небольшом хорватском острове Шолта в Адриатическом море. Там Григорию Васильевичу удалось собрать из местных жителей духовой оркестр, концертами которого какое-то время кормилась семья. Позднее, в монастыре Раковица он работал в каменоломне. Затем последовал переезд в Македонию. Глава семейства, уже с пятью детьми, зарабатывал преподаванием музыки в гимназиях. В августе 1926 года он был рукоположен в иереи. Свой первый приход получил в Башином-селе в Македонии. Тут молодому русскому иерею пришлось срочно спасать здание храма, которое могло рухнуть под тяжестью покрытой каменными плитами

30 *Мошин Владимир, протоиерей*. Воспоминания. Осташков : Цветослов, 2012. С. 77, 83.

крыше. Отца Григория определяли в разные деревенские сербские приходы, отчего семья редко надолго задерживалась в одном месте.

В 1941 году война пришла в Югославию. А в следующем году семью Волковых постигла беда: бесследно исчез в селе глава семьи, отец Григорий. Сын Анатолий был арестован в Белграде, и в 1944 году пропал без вести.

Вдова и четверо детей после войны обосновались в Венесуэле и США[31].

Есауловская Донская казачья станица в селе Томашевац

Две донские казачьи станицы в воеводинской области Банат были единственными в мире. Свое название они получили не по местам, в которых обосновались на чужбине, а сохранили изначальное – Есауловская и Верхне-Курмоярская, Второго Донского округа, соседствующие и в Банате – в селах Томашевац и Сакуле (общей численностью до сотни казаков). Из своих станиц казаки двинулись в поход во главе со станичными атаманами, правлением, казной, административными книгами и печатью.

«Есауловская имела бурную историю и была одной из самых многочисленных на Дону. Из нее Пугачев высватал себе жену – Софью Недюжину. Перед Мировой войной станица имела 37 поселений с общим населением свыше 30-ти тыс. душ. Большинство станичников погибло в войну и революцию. Под натиском большевиков 29 декабря 1919 г. казаки покинули родное пепелище. По пушистому глубокому снегу, беспрерывной цепью, длиною в восемь верст, растянулся транспорт отступающих станичников. Арбы, телеги, сани, запряженные лошадьми и волами, по бокам верховые; многие шли пешком с сумками за плечами. Печальны, угрюмы были лица отступающих; понурив головы, по колена в снегу, шли Есауловцы в изгнание, по временам оборачиваясь на свою родную станицу, крестясь и посылая ей молчаливый прощальный привет.

С великой колокольни храма Св. Архистратига Михаила печально гудел редким перезвоном станичный колокол. На выезде из станицы стоял глубокий старик, с длинной до пояса белой бородой, участник еще Кавказской войны, сподвижник Бакланова. Когда проходили мимо него последние, снял он шапку, перекрестился – и покатились слезы по длинной бороде, замерзая на концах ледяными сосульками...

В эту ночь отступающие переходили Дон по льду, перебираясь на левый берег. Началась беженская Голгофа. Сначала Сальские степи, уже опустевшие, потом неприветливые Ставропольские села, кубанские хутора и станицы, высокие горы Кавказа, голодное Черноморское побережье. Часть казаков села

31 См.: *Волков П. Г.* История моей жизни. (Рукопись). – Собрание М. Л. Ордовского-Танаевского, Санкт-Петербург.

на пароходы и в сопровождении посланных атаманом помощников переехала в Крым, а остальные продолжили свой крестный путь на Туапсе, Сочи, Адлер, Гагры, Сухум, Поти, Батум. Побывали и в Трапезунде, откуда удалось основной массе станичников, во главе с атаманом, переправиться на Крым.

А там снова переезды – Босфор и, наконец, братская Сербия. С 10 января 1921 г. Есауловцы поселились в селе Томашевац – вместе со станичным атаманом Василием Архиповичем Алферовым и полным составом Правления. С местным населением свыклись, породнились. Почувствовали себя тепло – благо, и доктор в селе был русским, и в сельском правлении чиновник оказался уроженцем Ростова-на-Дону, и учитель сербской школы – свой же, донской казак».

Так в 30-е гг. об Есауловской станице писал парижский журнал *Иллюстрированная Россия*, публикуя и фрагменты переписки, которая в первые годы эмиграции велась между атаманом в Томашеваце и Канцелярией колхоза на Дону[32].

Приводим пример обмена официальными бумагами начала 20-х гг.:

На бланке *В.В.Д.* [Всевеликое Войско Донское] *Есауловский Станичный Атаман Второго Донского округа, село Томашевац, Банат, Сербия* атаман В. А. Алферов, сообщением за № 99, пишет «Станисполкому Стеньки-Разинской станицы 2-го Донского округа, Царицынской губернии»:

«Урядник хутора Сизова вверенной мне станицы Федор Анисимович Донсков, переписи 1894 года, 20 декабря в 9 час. вечера от рака желудка умер и 22 того же декабря похоронен на городском кладбище в г.Панчево, Банат, Сербия. На могиле покойного поставлен крест. Оставшееся после его смерти имущество продано с аукционного торга на сумму 190 динаров, из них 98 динаров 50 п. израсходовано на поминовение покойного, а остальные пока хранятся при Станичном Правлении и при первой возможности будут пересланы наследникам. О вышеизложенном прошу объявить жене и детям покойного. Станичный Атаман Подъесаул Алферов. И.д. Писаря Киреев». Печать Ст. Правления с изображением оленя, пронзенного на быстром бегу стрелою.

Ответ пришел приблизительно через месяц. Отвечают тоже на бланке: *Р.С.Ф.С.Р. Ст. Разинский Станисполком. 2. Дон. Окр. Цариц. губ. Делопроизв. Административное № 690 на № 99*:

«Есауловскому Станичному Атаману. Сербия. – Стенько-Разинский Станичный Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов, 2. Донского округа, сообщает, что таковым не приняты никакие меры по Вашему отношению, т.к. 22-х тысячное

32 *Н.М. [Николай Мельников].* Станичники на чужбине // *Иллюстрированная Россия* (Париж). 1932, № 41 (387). С. 18–19.

население района станицы (не считая лево-задонские хутора, как отошедшие в Потемкинскую станицу) в 12-й раз переизбранием своим членов Исполнительного Комитета доверило управлять станицей последним, но не Станичному Атаману (как это Вы воображаете), которое не сочли нужным снять с учета того умершего урядника, который числится у Вас по списку Станичного Правления, т.к. нами урядникам учет не ведется, а ведется только тем славным стойким бойцам Рабоче-Крестьянской Армии. Кроме того, при всем желании Исполнительный Комитет в лице 5 человек не мог найти в карте Европы, в частности Сербии, хутора Сизова, вверенного Вам, а значится таковой в Союзе Советских Социалистических Республик – Царицынской губернии. Вместе с тем тов. Алферов (не питайте обиду, что не называем по Вашему чину г. Подъесаул), давно бы уже Вам нужно явиться с повинной головой к Рабоче-Крестьянскому Правительству и взяться за восстановление хозяйства научным способом, так как Вы уже прошли большую часть земного шара, т.-е. От Востока и до Запада, Сибирь – Сербия, а нам такие люди дороги, и не строить такие ненужные вещи в Вашем отношении. Председатель Ст. Разинского Станичного Исп. Комитета П. Беляев, Секретарь Н. Акользин, Делопроизводитель А. Загудаев».

В. А. Алферов, тем же официальным порядком, указав, что полномочий своих никому не сдавал, уведомил Станисполком: «Сношение Ваше за № 670 мною получено, за приглашение благодарю, но явиться к рабоче-крестьянскому правительству не желаю»[33].

Нам удалось проследить дальнейшую судьбу этой станицы. В 1956 году на седьмом десятке своих лет атаман В. А. Алферов писал казачке Нестеровой в Швецию:

«Многоуважаемая Мария Александровна!

Уведомляем Вас, что письмо Ваше, писанное 11-го апреля, мы получили 16 апреля... Мы живем по-старому в том же селе Томашевац. Старший сын Георгий там же у нас в селе, служит в сельском правлении бухгалтером, а жена его сербка-учительница. Живут от нас отдельно, детей не имеют. Второй сын Александр, инженер-архитектор, находится в Южной Америке, в Аргентине. При нем жена-русская и сын 10-ти лет. Сергей окончил Белградский университет и сейчас служит ветеринарным врачем при трех деревнях недалеко от Бечкерека – Лазарево, Эчка и Деспотовац (бывшее Эрнестиново); еще не женат. Четвертый сын Алексей находится при мне, также не женат. При мне и две дочки – Вера и Надежда. Занимаются шитьем женской одежды, как модистки, еще не выданы замуж.

Мы с женой уже в приклонном возрасте и по старости лет к труду мало способны, но по-малу работаем, имеем свой домик.

33 Там же.

Все наши русские из Томашеваца распылились. Остался я один с семьей, да еще один Кубанец в Уздине. Кроме Симона-хромого, кажется, никого там нет. Степан Григорьевич и Мария живут в Сакуле, но давно я их не видел. Илья Филиппович Темарев из Орловата года три как умер, а Феня, его жена, купила дом и живет одна. Было, выдалась замуж за одного старика и разошлась.

С Дона писем никаких не получаем. Кто знал нас – одни состарились, другие поумирали, а молодежь не знает нас. Да и много изменилось там, в особенности в наших краях. Образовалось Цымлянское море, от станиц Котельниково до Нижне-Чирской. Все хутора: Чапурный, Березки, Балабанский, наша станица – все затоплены, остались только на горе Ремесленная и Острог. Образовалось море из-за того, что в Цымлянской станице построили гидроцентраль. Дон загородили и уровень воды поднялся на 25 метров.

Передавайте наш привет дочке Вашей, кажется Таней звать, и зятю. Думаю, он службу тогда имел в Гардиновце.

Итак, бывайте здоровы, В. Алферов»[34].

Атаман Есауловской скончался в 1961 году.

Современный историк Дона опубликовал историю прославленной Есауловской и в ней упоминает, что в 1924 году из-за малого числа казаков станица стала хутором им. Степана Разина, получившим название по известному казаку из ближайшей станицы. Автор не указывает настоящую причину переименования станицы – стереть с земли и забыть непокорную в гражданскую войну Есауловскую.

Жизнь русского врача в Южной Сербии

Николай Валерианович Боротинский (1898, Санкт-Петербург – 1940, Ниш, Сербия), участник «Брусиловского прорыва», 1-го Кубанского («Ледяного») похода, воевавший на бронепоезде *Офицер* вплоть до эвакуации из Крыма, через Галлиполи попал в Королевство СХС. Шесть лет проучился в Загребском университете и в 1928 году получил диплом врача. Для приобретения врачебной практики Николай Валерианович с женой Ниной Алексеевной, урожд. Хмелёвой, был направлен в Скопье, в санаторий *Вардар*. Там родилась их дочь Вера и семья приняла югославское подданство. Свое первое место врача Н. В. Боротинский получил в живописном сербском городке Баина-Башта на реке Дрина. Там родилась вторая дочь Мария. Вскоре, по распоряжению Министерства здравоохранения, отец семейства был назначен уездным врачом в глухую провинцию, в село Клисура Босилеградского уезда, у самой границы Сербии с Болгарией.

34 Письмо В. А. Алферова к М. А. Нестеровой от 23 апреля 1956 г. (Рукопись). – Собрание А. Арсеньева.

Жизнь и работа Боротинских были сопряжены с большой опасностью, так как тогда в пограничных районах орудовали болгарские националисты, *комиты*. Не случайно власти Белграда в отсталые и опасные регионы страны направляли русских выпускников югославских высших учебных заведений.

Вот, какой случай из детства запомнила дочь Вера:

«Мы ужинаем дома при свете керосиновой лампы. Со двора кто-то окликает врача и сообщает, что группа комитов перешла границу и направляется в деревню. Сразу же задули лампу. Отец, бывший офицер, вынимает пистолет, сажает маму у камина, а в сам камин прячет нас, дочерей. Мать следит, чтобы мы сидели смирно. Папа становится у дверей и наблюдает за лестницей, примыкающей к внешней стене. Если кто попытается по ней бежать вверх, раздастся выстрел. Казалось, что это напряженное ожидание длится целую вечность. Наконец, внизу раздается голос, что группа отступила. Конец осадного положения. Подобное происходило вплоть до 1934 года, до убийства короля Александра I. С тех пор комиты прекратили свои набеги»[35].

Понимая, что дочкам нужно получить среднее образование, Николай Валерианович, уже больной, в апреле 1940 года взял неоплачиваемый отпуск и переехал с семьей в город Ниш. В августе того же года он скончался. Через год вдова с детьми перебралась в Белград, где обе дочери поступили в Русско-сербскую гимназию. В 1943 году в деревне Рипань под Белградом партизаны убили деда, протоиерея Валериана Боротинского, уже к тому времени вдового, а в феврале 1944 года умерла от менингита Мария, гимназистка. После окончания войны мать и дочь не приняли навязываемое югославскими органами советское гражданство, а в мае 1950 года легально покинули страну и оказались в приемном лагере в Триесте[36].

Однако мы удалились от темы – от пережитого при эвакуации, и от устройства русских в Королевстве СХС в первые годы эмиграции. Приведенные отрывки воспоминаний свидетельствуют о том, что каждая семья, покинувшая Россию, не только изведала горе и потери. Оказавшись в новой стране, отношение к ним везде было разным, порой и независимо от этнического и религиозного признаков среды, в которой они оказались.

Первая публикация:
Столетие двух эмиграций 1919–2019.
Сборник статей / Отв. ред. А. Ю. Тимофеев.
Москва – Белград : Информатика, 2019.
С. 115–146.

35 Цит. по: Гимназия в лицах... Кн. 2. С. 419.

36 Там же. С. 420–421.

Жизнь русских в провинции Сербии

Прибытие и размещение русских беженцев

Сильно пострадавшее в балканских и Мировой войне, но при помощи союзников одержавшее победу, Королевство Сербии в 1918 г. вошло в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия). Оно оказалось одним из самых гостеприимных государств Европы, которое в 1919–1923 гг. приняло гражданские и военные эшелоны российских граждан, эвакуировавшихся из портов Черного моря, а позднее – из беженских лагерей в Турции, Греции, на Мальте, в Египте. Несомненно, этому способствовал молодой православный монарх – король Александр I Карагеоргиевич, воспитанник Пажеского корпуса в Петербурге, а также русофильские настроения политических партий, иерархи Сербской православной церкви и влиятельные представители интеллигенции. Новое государство на Балканах представляло реализацию идеи южнославянского единения, о котором в особенности мечтали сербы, веками разъединенные на этих территориях. Предоставляя временный приют русским беженцам, сербы отдавали дань признательности России за ее союзническую поддержку в войне с агрессорами.

Перед тем как первая беженская волна захлестнула страну, в Королевстве СХС уже находилось несколько тысяч российских граждан – военнопленных с Галицийского фронта 1914–1918 гг., солдат с Салоникского фронта 1917–1918 гг., а также одиночек, покинувших Россию после 1914 г.

Прибывшие с первой волной (начало мая – конец ноября 1919 г.), около 1600 душ, были беженцами так называемой 1-й *французской* эвакуации из Одессы. С мая 1919 г. в распределительном пункте в Белграде (т. н. «Доме чудес» – трамвайном депо на окраине города) о них заботился *Русско-югославянский комитет* со своими филиалами по всей стране.

Вторую волну, порожденную *англо-французской* эвакуацией из Одессы (январь 1920 г.) и *английской* (или *сербской*) эвакуацией из Новороссийска (март 1920 г.), связанную с переговорами ген. Деникина и Милоша Ненадича, начальника дипломатической миссии Королевства СХС, составляло 7–8 тысяч беженцев, прибывавших партиями по железной дороге из Салоник или Софии. С 24 февраля 1920 г. в Белграде задействовал *Государственный комитет по устройству русских беженцев*. Главным распределительным центром являлся пограничный пункт Гевгели на железнодорожном пути Салоники–Скопье.

После напряженных переговоров и подписания протокола с Англией (11 октября 1920 г.) страну захлестнули отсиживавшиеся на острове Лемнос

– третья волна (27 октября – 17 ноября 1920 г.), всего 2.053 человека. Эшелонами они погружались на пароход *Тамбов* и поездом прибывали из Салоник. О них заботилась созданная в июне 1920 г. *Государственная комиссия по приему и устройству беженцев*.

С четвертой иммиграционной волной (25 ноября – 23 декабря 1920 г.) в Королевство СХС влилась самая многочисленная, *крымская* эвакуация. С пароходов *№ 206*, *Eastern Victor*, *Szeged*, *Siam, Владимир*, *Brisgavia*, *Austria* и *Херсон* на берега Адриатического моря высадилось 21.343 беженца, военных и штатских.

Пятую волну (1 июня – 17 ноября 1921; февраль 1922; 5 мая 1923 г.) составляли новые эшелоны воинских подразделений Русской армии ген. Врангеля – всего 11.750 душ[37].

Однако, статистические данные об общем количестве беженцев, прибывших в Королевство СХС, варьируются (34–74 тысячи). Если принять во внимание, что страна оказалась транзитной станцией для переезда русских во Францию и Бельгию (страны, нуждающиеся в мужской рабочей силе), и что среди эвакуированных солдат и казаков было распространено желание возвратиться на родину (и оно оказалось осуществимым), – можно доверить позднейшим переписям, согласно которым в стране осело около 44 тысячи подданных бывшей Российской империи.

Беженскую массу, осевшую в стране, составляли остатки Русской армии ген. П. Н. Врангеля и гражданские лица – семьи офицеров, административного аппарата южных городов России, несколько учебных заведений, люди свободных профессий, вдовы, сироты и военные инвалиды.

Большие партии беженцев, высадившиеся с пароходов и из вагонов, некоторое время пробыли в карантине. Их размещали в казематы, крепости, лазареты, казармы, деревянные бараки недавних военнопленных и железнодорожные ангары. Специальные государственные комиссии, международные филиалы Красного креста и местные благотворительные общества прилагали усилия, чтобы «временные» пришельцы равномернее были распределены по всей территории страны. Все-таки подавляющее большинство людей осело в ее восточной, православной части – Сербии, хотя она была более бедной, отсталой и потерпела огромные военные бедствия.

Приводим фрагмент воспоминаний инженера Георгия Владимировича Ярошевича (1909, Курск – 1996, Белград):

«Было мне тогда 10 лет. Помню, в ноябре 1920 г. наш поезд из Салоник переехал границу. Мы проезжали сербские села, разрушенные и сожженные. Вдоль дороги попадались поля со следами недавних битв. На вокзалах кре-

37 Подробнее о прибытии русских в Королевство СХС, см.: *Јовановић Мирослав*. Досељавање русских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996.

стьяне встречали наш поезд с горячим супом, чаем, молоком, бутербродами, жареным мясом, сыром... Постепенно, нас стали рассредоточивать по городам: Отцепили вагон, и поезд продолжал дорогу. Ниш – отцепили вагон, Княжевац... Поехали дальше. Заечар... Неготин – последний вагон! В нем были мы.

Помню, толпа встретила нас на вокзале. «Русские приехали!» Сербки в нарядных национальных костюмах, со сплошной вышивкой... Тотчас забрали нас, детей, увели в свои дома. Согрели, выкупали, накормили. Кровати стелены чистым, белоснежным бельем. Два года я не знал про кровать. Заботились, как с родными.

Взрослых также приняли гостеприимно, сердечно. А на следующее утро все пошли в городское управление. Там происходила регистрация и размещение по домам, кого куда.

– Кто примет отца, мать с тремя детьми?

– Я могу.

– Бери!

– Я могу лишь мужа с женой.

– Принимай!

Всех пристроили.

И так, мы оказались на прочной почве, на месте, внушающем доверие. Нас ждала новая жизнь»[38].

Уже в первые годы русские оставили заметный след в развитии и европеизации страны. В Белграде создались благоприятные условия для богатой культурно-общественной жизни русской эмиграции. Вторым важным русским центром оказался придунайский городок Сремски-Карловцы. В нем были размещены канцелярия, издательство и Св. Архиерейский Синод Русской православной церкви за границей, с первоиерархом РПЦЗ митрополитом Антонием (Храповицким), а также чины Штаба Главнокомандующего Русской армией, во главе с ген. П. Н. Врангелем (проживал там с марта 1922 г. по осень 1926 г.).

Как в столице, так и при «русских колониях» во многих городах страны возникали храмы и хоры, столовые, школы, библиотеки, театральные, литературные, музыкальные общества, приюты, филиалы эмигрантских военных и политических организаций... Сербская православная церковь и правительство страны дали возможность русским иметь свои церковные приходы, начальные школы, кадетские корпуса, девичьи институты, гимназии, санатории, прессу и издательства. У русских создалось впечатление, что они переехали в неевропейскую губернию Российской империи.

38 Запись передачи Белградского радио от 12 октября 1990 г. – Собрание автора.

Русские колонии в Сербии

В столице Королевства СХС и ее окрестностях осело около 10 тысяч русских беженцев, первых эвакуаций. Городские власти были вынуждены ограничивать их дальнейший приток. Однако, получив «деловую путевку» в Белград, русские из своего временного места пребывания в провинции страны часто наезжали в столицу, так как многим приходилось непосредственно сноситься с чиновниками отделов *Державной комиссии по устройству русских беженцев*. Большинство из них стремилось переехать в Белград. Им казалось, что тут легче устроиться на работу, можно продолжить образование в университете, скорее получать материальную помощь, а и хотелось быть ближе к источникам событий, происходивших в России и диаспоре.

Административная жизнь русских колоний основывалась на *Положении о колониях русских беженцев в Королевстве СХС*, принятом 10 марта 1921 г.[39] Если колония насчитывала более 25 человек, то помимо председателя избиралось и правление. Функции руководства состояли в следующем: представлении колонии перед *Государственной комиссией, ведающей делами беженцев*; поддержании связей и сотрудничестве с местными органами власти; регистрации беженцев; распределении месячных материальных пособий (в первые годы); заботе об облегчении жизни русских; выдаче соответствующих документов (удостоверений, проездных записок); сохранении в рядах беженцев порядка и достоинства.

В русских колониях сложилась система местного самоуправления. В первые годы неоднородную массу русских волновали те же вопросы: судьба России и оставшихся там близких, розыск родственников и друзей, устройство на новом месте. Постепенно идейные единомышленники, земляки, люди одинаковых профессий объединяются, вступают в кружки и организации, нередко погрязая в политических распрях. Насыщенная общественная и национально-культурная жизнь облегчала общение и контакты интеллигенции, в первую очередь той, которая осела в провинции.

Компактные группы казаков, рассредоточенные по деревням и городам Сербии, создавали свои *станицы, хутора и курени* и не числились в русских колониях своего края. Они избирали себе атамана и подчинялись донским, кубанским, терским и астраханским руководителям в Белграде.

В первые годы русские беженцы получали месячную материальную помощь, в объеме, зависящем от их семейного статуса, возраста и состояния здоровья. Постепенно, государственная помощь беженцам уменьшалась и сосредоточивалась на финансировании русских гуманитарных и образовательных организациях.

---

39 Текст Положения, см.: *Палеолог С. Н.* Около власти : Очерки пережитого. Москва, 2004. С. 286–293.

Весна 1924 г. ознаменовалась важной политической вехой русско-югославских отношений, которые привели к установлению формально новых видов защиты интересов россиян, оказавшихся в Королевстве СХС. В начале марта 1924 г. официально была упразднена дипломатическая миссия бывшего Российского правительства. Василию Николаевичу Штрандтману (1877–1963), который по назначению правительства адмирала Колчака с 1919 г. состоял дипломатическим агентом России в Белграде, была поручена лишь функция *Делегата, ведающего интересами русских граждан, проживающих в Королевстве СХС*.

Сообщая о дипломатическом «маневре» в Белграде, журналист софийской газеты *Русь* отметил эволюцию статуса россиян на чужбине и их необходимость осознать свое положение:

«Установление новых форм защиты русских интересов в Королевстве СХС приобретает для русских эмигрантов характер полезного предупреждения. Оно напоминает нам о том, что все те разнообразные, по инерции сохранившиеся российские учреждения, которые отвечали беженскому периоду нашего пребывания за границей, рано или поздно должны выдохнуться и закрыться. Оно лишний раз подчеркивает наше превращение из беженцев в эмигрантов. Если мы сумеем правильно понять это новое *знамение времени*, мы сделаем из него правильные и целесообразные выводы. В новых условиях нашей жизни в изгнании, мы сами должны найти и создать отвечающие нашей эмигрантской сущности формы организации, защиты своих интересов и политической работы»[40].

Русская эмиграция в Воеводине

В Воеводине – ее частях Срем, Бачка и Банат (разделяемых реками Дунай, Сава и Тиса) осело около 10-ти тысяч русских беженцев. Их прибытие и устройство на этих территориях бывшей Австро-Венгрии отличалось от поселения русских в Белграде, центральной и южной Сербии. Сюда были направлены:

– русские учебные заведения, эвакуировавшиеся в полном составе: Николаевское кавалерийское училище, Крымский кадетский корпус, Мариинский донской девичий институт, Харьковский девичий институт;

– разместились Госпиталь Российского общества Красного креста и Больница Гербовецкой общины сестер милосердия из Кишинева;

– обеспечены помещения для созданных в стране: Первой русско-сербской гимназии с общежитием, домов для престарелых, военных инвалидов и сирот;

40 *Юрьев Н.* Дипломатические превращения // *Русь* (София). 1924. – 14 марта.

– устроены по городам большие группы русских;

– размещены по деревням и городам компактные группы казаков;

– направлены группы офицеров, солдат и казаков в пограничные отряды вдоль недавно проложенной границы с Венгрией и Румынией;

– обеспечено более комфортабельное поселение семейств российских государственных деятелей и (титулованных) дворян – на имения состоятельных австро-венгерских помещиков (по распоряжению Двора и Правительства Королевства СХС).

Перечислим несколько таких аристократических оазисов:

– Во дворец имения Эчка (в 10-ти км от г.Велики-Бечкерек) направлено 16 беженцев. Вскоре там скончались граф Г. Н. Сиверс и барон О. С. Тизенгаузен.

– Во дворце *Бобор* в Элемире (в 10-ти км от Велики-Бечкерека) обосновалось около 30-ти русских: князья Голицины, Баратовы и Львовы, графы Бобринские, бароны Мегден, семьи: Потоцкие, Воейковы, генерала Романенко, полковника Генштаба Холодовского, капитана Арсеньева, морского офицера Свечина, гвардейских офицеров Руднева и Хитрово, художник Алексей Лажечников, семьи Беэр и Панчулидзевы.

– Во дворце на имении графа Бисингера во Влайковаце (вблизи г. Вршац) поселились семьи гвардии полковника В. С. Хитрово и Н. Г. Бек-Узарова.

– В просторном дворце *Каштиль Карачоли* имения Беодра (20 км от г. Нови-Бечей) заселили несколько видных семейств русских беженцев; управляющим этим имением под государственным секвестром назначен Михаил Владимирович Родзянко, последний председатель царской Государственной думы;

– В *Каштеле* графа Чекунича (деревня Руско-Село вблизи г. Велика-Кикинда) нашло приют несколько семейств дворян;

– На своем имении в деревне Футог (вблизи Нови-Сада) граф Котек оказал гостеприимство семьям князя В. А. Голицина, графа П. К. Ламсдорфа, члена Чрезвычайной комиссии Временного правительства Б. Н. Смитена, чиновника министерства финансов Вовси, генерал-адъютанта А. Г. Жеребкова, московского финансиста В. С. Вишнякова, профессора права М. Н. Ясинского, семье и родственникам поэта С. С. Бехтеева.

И в русских колониях городов Воеводины встречались громкие фамилии русского дворянства, как и особы с высокими военными и гражданскими чинами. В Велики-Бечкереке проживали князя Шереметевы, Гагарины, Шаховские, графы Апраксины, Гендриковы, Витвинские, семья контр-адмирала И. И. Степанова; в Панчево — графы Мусин-Пушкины, бароны Толь, фон Андерсин, Фиркс и Мегден, ген.-лейт. К. Н. Смирнов (бывш. комендант крепости Порт-Артур), депутаты Государственной думы Ф. И. Родичев, М. В.

Челноков, сенатор В. Н. Смолянинов, видный эсер С. М. Немчинов (командир отряда, сопровождавшего Императора Николая II с семьей из Царского Села в Екатеринбург). В Белой Церкви жили камергер Двора князь К. И. Карпов, сенатор А. А. Хвостов, барон В. О. Ган, семья князя П. П. Шаховского; в Велика-Кикинде — камергер Двора князь Н. С. Волконский, князь Д. Н. Долгоруков, князь Н. П. Андроников, барон С. П. Корф; в Нови-Бечее — семья графа Граббе, сенатор А. Н. Неверов; в Вршаце — прямые потомки писателя графа Л. Н. Толстого.

Председателями русских колоний обычно избирались особы из среды высших чинов Русской армии, генералы: В. И. Чекмарев и В. А. Лехович (Панчево), Н. Ф. Высоцкий (Нови-Бечей), Н. П. Савищев (Вршац), Г. Е. Генералов и Колобов (Белая Церковь), А. А. Швецов (Велика-Кикинда), В. П. Агапеев (Жомболь), Д. Н. Чернояров и Ф. В. Данилов (Нови-Сад), или полковники.

Оказавшаяся в изгнании аристократия, принесшая собой широкую европейскую культуру, не обладала определенными профессиональными знаниями и опытом. Легче было русской интеллигенции с высоким уровнем профессионального образования и стажем. Начало жизни в эмиграции этих людей нельзя назвать легким, в особенности потому, что они не всегда встречали одинаково радушный прием среди национальных меньшинств Воеводины. Местные крестьяне считали всех образованных россиян аристократами, что приводило порой к комическим недоразумениям.

Беженцы жили в ожидании падения большевизма и скорого возвращения домой. Однако положение Советской России укрепилось, в том числе и за счет ее признания ведущими мировыми державами. У русской интеллигенции, в силу обстоятельств оказавшейся в провинции, было два пути – либо благодаря своим образовательным и профессиональным возможностям приспособиться к новой среде, либо, воспользовавшись помощью родственников или друзей, пробираться глубже в Европу, где труднее было найти соответствующую работу, но где за такую работу больше платили. Титулованное дворянство находило своих родственников в Западной Европе и охотно покидало Балканы.

Лучше всех к жизни в Воеводине приспособились люди, не имеющие для продажи золото и бриллианты, но привычные к интеллектуальному и физическому труду, владевшие ремеслом (портного, парикмахера и т. п.). Многие пошли работать в местные административные учреждения, становились бухгалтерами, почтовыми, железнодорожными служащими. Во многих деревнях с приходом россиян впервые появились врачи, агрономы и учители. Однако, из-за нерешенной проблемы подданства все эти землемеры, счетоводы, налоговые служащие, преподаватели, ветеринары и пр. на государственную службу принимались лишь временно, почасовиками или

«чиновниками по контракту», отчего жалованье им полагалось меньшее, чем подданным страны.

Уже к началу 20-х гг. русские начинают играть весьма заметную роль в хозяйственной жизни и работе административного аппарата Королевства СХС, преимущественно на территории, еще недавно принадлежавшей Австро-Венгрии, в экономически отсталых или этнически однородных (неславянских, неправославных) районах. В их лице государство получило лояльно настроенные и квалифицированные кадры. Подавляющее большинство имело среднее и высшее образование, владело иностранными языками[41].

Внутреннюю жизнь и деятельность русских в их колониях осветим на примерах нескольких городов Воеводины, отметив их специфику.

Русские в Сремски-Карловцах

Про Сремские Карловцы (Сремски-Карловци), сербский духовный центр, знали в XVIII в. российские императоры, архиереи, монахи, дипломаты, ректоры Московской и Киевской духовных академий. В XIX в. этот культурный центр посещали историки и слависты Казанского и Петербургского университетов, политики, плеяда знаменитых имен — А. С. Кайсаров, А. И. Тургенев, И. С. Ястребов, А. И. Александров, Н. Ф. Павлов, Т. Д. Флоринский, М. П. Погодин, О. М. Бодянский, Л. Н. Майков, И. И. Срезневский, П. А. Ровинский, В. Н. Перетц и др. Некоторые из них черпали материал из богатых архивов и библиотек Карловацкой митрополии. Следы о пребывании русских ученых можно найти на обложках подаренных ими книг, или в текстах их трудов, хранящихся сегодня на полках старой библиотеки Карловацкой гимназии.

По численности русская колония в Карловцах была небольшой[42]. До февраля 1921 г. здесь осело 16 россиян т. н. *сербской эвакуации* из Одессы и лишь 20 человек *крымской эвакуации* – всего 36 душ. Согласно официальной переписи населения Королевства СХС, проведенной в 1921 г., в Карловцах проживало 5.907 жителей, из которых русских было 50 душ. Председателем «русской колонии» избран Иван Павлович Федорович. Весной 1921 г. была открыта Русско-сербская швейная мастерская, и формировался Кубанский казачий хутор, возглавляемый есаулом Александром Тимофеевичем Ступниковым.

Однако, решениями Правительства и Св. Синода Сербской православной церкви, в Ср. Карловцах поселились и две однородные группы беженцев

41 Подробнее, см.: *Арсеньев А.* Русская интеллигенция в Воеводине // Русская эмиграция в Югославии. Москва, 1996. С. 72–99.

42 Подробнее, см.: *Арсеньев А.* Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци, 2008.

с Юга России. Благодаря им, этот городок занял особое место среди колоний русских эмигрантов в стране. Из примерно двух сотен новых пришельцев тут оказалось несколько десятков лиц, которые играли видную роль в церковной и военно-политической жизни всей русской диаспоры.

Первую группу составляли иерархи Русской православной церкви. Среди русских епископов, которые еще в феврале 1920 г. были рассредоточены по фрушкогорским монастырям близ Ср. Карловцев, был и деятельный архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (Георгиевский). По его ходатайству в адрес Сербской Патриархии, в марте 1921 г. из Константинополя в Карловцы прибыло *Высшее временное русское церковное управление за границей* (созданное в ноябре 1920 г. на территории Константинопольской Патриархии). Возглавлял его митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий). Русским иерархам и церковным администраторам Патриарх Сербский Димитрий уступил помещения в правом корпусе своего монументального «нового» Патриаршего дворца в Карловцах. Секретарями Управления были юрист Ексакустодиан Иванович Махароблидзе (в конце 20-х гг. состоял председателем карловацкой русской колонии) и полковник Тихон Александрович Аметистов.

В середине июля 1921 г. в Карловцы была направлена и основная часть Штаба Главнокомандующего Русской армией ген. П. Н. Врангеля. Первым сюда прибыл начальник Штаба ген.-лейт. А. П. Архангельский. За ним последовало около 30-ти чинов офицерского состава, с семействами. Осенью 1921 г. прибыл помощник Главнокомандующего, генерал от кавалерии Павел Николаевич Шатилов, с семьей. После некоторой задержки в Белграде, в середине марта 1922 г. в Карловцы прибыл и сам ген. П. Н. Врангель, позднее из Дрездена – его родители, а из Парижа – супруга, трое детей и няня (сын Алексей родился в 1922 г. в Белграде).

Офицеры Штаба и конвой Главнокомандующего (состоящий из 10-ти казаков и коменданта Артемьева) в Карловцах были расквартированы в здании бывшего Городского госпиталя, в актовом зале здания Магистрата, в здании «Благодеяние» и по частным домам карловчан. Сам ген. Врангель одно время проживал в здании Госпиталя, а затем ему с семьей была отведена квартира в солидном двухэтажном доме (сегодня: ул. Митрополита Стратимировича, д. 19–21). Личным секретарем ген. Врангеля состоял Н. М. Котляревский. Помимо упомянутых, в его Штабе числились: ген.-лейт. Г. Л. Пономарев, ген.-лейт. П. А. Кусонский, ген.-лейт. Е. К. Климович, ген.-лейт. Е. П. Миллер, ген.-май. С. М. Трухачев, ген.-май. Л. А. Артифексов, полковники: Л. Н. Трескин, А. А. Подчертков, А. В. Алатырцев, К. Ф. Зерщиков, В. В. Бабенчиков, С. И. Сергеев, М. М. Покровский, А. В. Станиславский, капитан 1-го ранга Д. Г. Андросов, штабс-капитаны Н. А. Клименко и Н. В. Соколов,

ротмистр Ю. В. Асмолов, священник отец Василий Виноградов, бывшие члены Госдумы: князь Н. Н. Львов и В. В. Шульгин, финансовый советник барон А. Е. Тизенгаузен, чиновники Шаповалов, Исаев и др. Несколько офицеров Штаба проживало в Белграде и в других городах, но и про некоторых русских карловчан можно предположить, что они числились в штате Штаба. На пример, бывший адъютант Императора Николая II ген.-лейт. В. А. Брендель, ген.-май. М. А. Хрущев и полк. В. С. Пряслов.

Помимо офицеров и духовенства, третью значительную группу русских в Карловцах составляла интеллигенция – преподаватели сербской Семинарии и знаменитой Карловацкой гимназии (открыта была в 1791 г.):

Преподаватели Семинарии им. Св. Саввы:

- Николай Федорович Акаемов (преподавал греческий и латинский яз.);
- Федор Федорович Балабанов (Священное Писание, патрология, философия, церковнославянский яз.);
- о. Василий Виноградов (Ветхий Завет);
- о. Борис Волобуев (история Христианской церкви, общая история, нотное и церковное пение);
- Николай Георгиевич Дориомедов (греческий, латинский яз.);
- о. Нил Малахов (моральное богословие, апологетика, философия, логика с психологией, педагогика, церковнославянский яз.);
- Сергей Матвеевич Муратов (церковное пение, теория музыки);
- Владимир Александрович Розов (общая история);
- о. Борис Селивановский (Священное Писание, библейская история, церковно-славянский яз.);
- о. Иоанн Сокаль (моральное богословие);
- Владимир Николаевич Халаев (русский, французский яз.).

Преподаватели Сербской православной великой гимназии:

- Николай Дмитриевич Волков (рисование);
- Родион Родионович Колчин (математика, география, чистописание);
- Митрофан Петрович Косенко (рисование);
- Владимир Семенович Курочкин (рисование);
- Марианна Ниловна Малахова (рисование);
- Вера Александровна Михайлова (русский яз.);
- Сергей Матвеевич Муратов (теория музыки, хоровое пение);

– Дмитрий Сергеевич Перегордиев (история, география);
– Борис Федорович Соколов (история, география);
– Николай Васильевич Соколов (математика, русский яз.).

Педагоги публиковали свои статьи и исследования в русской и сербской периодике, служили в храмах. Ф. Ф. Балабанов состоял чиновником Св. Синода Сербской православной церкви, В. Н. Халаев был одним из основателей Русского археологического общества в Югославии, В. А. Розов — членом Института изучения России в Белграде, художники В. С. Курочкин, М. П. Косенко, Н. Д. Волков, М. Н. Малахова создали ряд художественных произведений.

По свидетельству Теодоры Петрович, старожила городка:

«Здешние русские не общались с местным населением. У них был свой клуб. Собирались они в старом здании *Благодеяния*, некоторые там и жили. Там же располагалась и их большая библиотека с отборными книгами. [...]

В своем клубе эмигранты создали кружки. Там они музицировали, пели, декламировали, ставили спектакли. Среди них были талантливые и разносторонние люди. [...] Насколько помню, здешние русские не женились и не выходили замуж. Молодых вроде бы и не было, их можно пересчитать по пальцам. Некоторые приехали с детьми, но те учились в русских школах, вне Карловцев»[43].

Русская колония в Карловцах уже с 1923 г. постепенно редела. Указами ген. Врангеля высшие чины его Штаба переезжали в европейские центры русского рассеяния. В последних числах октября 1926 г. ген. Врангель окончательно покинул Сремски-Карловцы и с семьей обосновался в Брюсселе, в котором неожиданно скончался, 25 апреля 1928 г. По воле покойника, в октябре 1929 г. его останки были перевезены в Белград и с военными почестями перезахоронены в русском храме Св. Троицы.

Отец генерала, барон Николай Егорович Врангель (1847, Петербург – 1923, Ср. Карловцы) похоронен на православном карловацком кладбище «Черат». Был он необычным человеком. После сурового обращения с ним отца и неудавшейся попытки лишить себя жизни, ему была предоставлена полная свобода действий: учился в Швейцарии, доктором философии стал в Германии, знался с русскими марксистами, нигилистами и анархистами, встречался с Александром Дюма, дружил и кутил с принцем Уэльским (буду-

43 *Петровић Теодора*. Сећања // *Зборник Матице српске за књижевност и језик* (Нови Сад), 1977, књ. 25, св. 3. С. 524–543.

щим королем Эдвардом VII), отбывал воинскую повинность в Лейб-гвардии Конном полку, служил в Министерстве внутренних дел, опробовался как судья, как «бизнесмен», как директор промышленных компаний и страхового общества, перевел *Фауста* Гете, писал драмы, был страстным коллекционером произведений искусства.

В Карловцах барон Николай Егорович окончил писать свои воспоминания («От крепостного права до большевиков»). Они были опубликованы посмертно в Берлине, в 1924 г., а вскоре переведены на английский, французский, финский, шведский языки. Барон не питал иллюзий относительно восстановления монархии в России, но и не проявлял симпатии к социализму. Свои воспоминания он завершил на скептической ноте: «Жизнь окончена. Впереди одна смерть избавительница. Остается подвести итоги. России больше нет»[44].

Его супруга, баронесса Мария Дмитриевна, урожд. Дементьева-Майкова (1858–1944, Брюссель) много сил и любви отдала на ниве народного просвещения, интересовалась историей искусства. В Великую войну она работала в Красном кресте. Воспоминания «Моя жизнь в коммунистическом раю» охватывают период ее одинокой жизни в Петрограде в 1918–1920 гг. и побег в Финляндию. Эти свидетельства ею пережитого рисуют верную картину происходящего в северной столице. Воспоминания были опубликованы в 1922 г. в Берлине, а публиковались и на английском, французском и немецком языках.

О том, чем баронесса занималась в Ср. Карловцах нетрудно догадаться. В 1933 г. она передала в библиотеку-архив Гуверовского института в Стэнфорде (Калифорния) уникальные материалы, о которых писала так:

«После внезапной кончины мужа мне пришла мысль заняться составлением Архива о русской эмиграции после революции 1917 г. Цель работы: закрепить по свежим следам для будущего: дела, деятелей, родные таланты, пережитое ими. [...] Не теряю надежды, что мой маленький труд, который я делала по мере сил и умения, в который вложила всю душу, который явился моим спасителем в дни моего горестного одиночества и дал смысл моей жизни, окажется не бесцельным при возрождении нашей дорогой Родины и, быть может, принесет будущему историку злосчастной эпохи хоть маленькую пользу»[45].

Супруга ген. П. Н. Врангеля, Ольга Михайловна, урожд. Иваненко (1882–1968, Нью-Йорк) происходила из богатой семьи с Юга России. В военный и межвоенный периоды тоже занималась благотворительностью. В

44 *Врангель Н. Е.* Воспоминания : От крепостного права до большевиков. Берлин, 1924. С. 257.

45 *Шевеленко И.* Материалы о русской эмиграции 1920–1930-е гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель (Архив Гуверовского Института в Стэнфорде). Stanford, 1995. S. 12, 14.

1918 г. она совершила подвиг, – спасла ген. Врангеля от расстрела в Крыму, во время расправ над офицерами бывшей императорской армии.

Прибыв в Королевство СХС, Ольга Михайловна состояла почетной председательницей *Комитета помощи русским воинам и их семьям на Балканах*, и в особняке Марковича в районе Топчидерско-Брдо в Белграде в 1922 г. открыла *Здравницу* – санаторий для подкрепления здоровья и лечения русских беженцев с Крыма. Материальные средства ей удавалось обеспечивать от организаций и частных лиц из США.

У генерала П. Н. Врангеля было четверо детей: Елена, Наталья, Петр и Алексей. Трое детей учились в Бельгии и в Карловцы приезжали на каникулы, дружили с детьми из русских семейств – институтками, гимназистами и кадетами русских учебных заведений в Сербии.

Самым значительным событием в Ср. Карловцах, связанным с историей русской эмиграции, является *Русский всезаграничный церковный собор*, состоявшийся с 12 ноября по 3 декабря 1921 г. В его работе приняли участие 109 делегатов, духовенство и миряне. Работа Собора проводилась на пленарных заседаниях (в актовом зале гимназии) и по секциям. Тут были представлены все группировки РПЦЗ, но между ними еще не были проведены четкие границы, а некоторые из участников позднее сменили свои позиции.

Собор принял ряд постановлений, из которых самое значительное – Призыв Собора объединиться вокруг законного представителя дома Романовых.

На первое официальное постановление Русской православной церкви во главе с Патриархом Московским и Всея Руси Тихоном, связанное с деятельностью иерархов в зарубежье, карловацкий Архиерейский Собор РПЦЗ в сентябре 1922 г. упразднил *Высшее русское церковное управление заграницей* и в декабре 1922 г. создал *Русский всезаграничный церковный собор*, а также и *Временный духовный Архиерейский Синод РПЦЗ*, ежегодно заседавший в Ср. Карловцах. Эти заседания породили период трагической истории «Карловацкого раскола» РПЦЗ, как и прекращение сношений с Московской Патриархией в Советской России.

Канцелярия Синода РПЦЗ в Карловцах размещалась в темном помещении здания Патриархии, в одном углу которого сидел прилежный администратор, Василий Иванович Огородников. Тут же размещалась и малочисленная редакция периодического официоза Русской церкви – двухнедельного журнала *Церковные Ведомости* (1922–1930; редактор Е. И. Махароблидзе), а позднее – ежемесячника *Церковная Жизнь* (1933–1939, затем Белград, 1940–1944; редактор граф Юрий Павлович Граббе). Постоянным сотрудником обоих изданий был Петр Сергеевич Лопухин.

С 1921 по 1937 г. в известной *Карловацкой монастырской типографии* на русском языке было напечатано около 20-ти книг и брошюр духовного содержания: труды митрополитов Антония и Анастасия, архиепископов Курского Феофана и Челябинского Гавриила, переводы трудов епископа Охридского Николая (Велимировича), исследования историков С. В. Троицкого, П. С. Лопухина, Вл. А. Маевского, врача-миссионера М. Аркадьева (М. А. Сопоцько-Сырокомля).

На Архиерейском Соборе, состоявшемся в 1926 г. в Карловцах, глубже усугубились взаимоотношения между Св. Синодом и митрополитами Евлогием (Париж) и Платоном (Северной Америки). Предпринятые в 1934 и 1935 гг. попытки Патриарха Сербского Варнавы примирить «карловацких» иерархов с митрополитом Евлогием удались лишь формально.

В Сремских Карловцах, Нови-Саде и Белграде вышло много трудов митрополита Антония. Этот выдающийся богослов и философ упокоился в Господе 10 августа 1936 г. в Патриаршем дворце в Ср. Карловцах. Последняя панихида и погребение были совершены в склепе Иверской часовни на русском участке «Нового кладбища» в Белграде.

Все годы эмиграции помощником и келейником митрополита Антония был, по свидетельству Владислава Маевского: «простой монах Киево-Печерской лавры, без образования, но грамотный, с природным умом и дарованиями, верующий, но с хитрецой, – Феодосий (Мельник, 1890–1957), возведенный в сан архимандрита. Искренно преданный великому авве, он во время болезни митрополита Антония был его нянькой и опорой; проявляя массу терпения, но иногда с любовью покрикивая на владыку. Митрополит не знал цены ни деньгам, ни вещам, охотно всё раздавал, и на этой почве бывали печальные недоразумения. Преданный слуга, архимандрит Феодосий, был заведующим его несложного хозяйства и оберегал интересы старца от чрезмерных покушений слишком настойчивых просителей»[46].

Вместе с о. Василием Виноградовым, о. Нилом Софинским и о. Борисом Волобуевым, архимандрит Феодосий служил в карловацком русском храме Рождества Пресвятые Богородицы (в помещениях здания «Благодеяния», позднее – в погребном помещении старого здания Патриархии), одно время, состоял настоятелем этого храма. Скончался он в должности игумена сербского монастыря Високи-Дечани, а погребен в Белграде, рядом с митрополитом Антонием.

Старейший владыка в зарубежье, митрополит Кишиневский и Хотинский Анастасий (Грибановский, 1873–1965) в 1936 г. занял место первоиерарха РПЦЗ. Под его предводительством с 14 по 24 августа 1938 г. в Карловцах был

46 *Маевский Вл.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Нью-Йорк, 1966. С.151.

проведен *Второй всезарубежный собор РПЦЗ с участием представителей клира и мирян*. В его работе приняло участие 13 архиереев, 26 священника и 58 гражданских лиц. Согласно Вл. Маевскому: «Перед Собором стояли две задачи: создать национально-духовный центр эмиграции, за невозможностью создания политического центра, и найти пути к душе русского народа, пересмотрев свои отношения к митрополиту Сергию в Советской России. Главная задача митрополита Анастасия сводилась к тому, чтобы сохранить в неприкосновенности существующее положение вещей»[47].

И на этом соборе не произошло примирение русских иерархов, но Собор подробно ознакомился с положением дел во всех епархиях, на всех континентах, и были разрешены многие организационные вопросы.

После переселения Патриаршего трона и канцелярии Сербской православной церкви из Карловцев в Белград, административная жизнь Русской церкви больше была связана со столицей Королевства Югославии. В 1939 г. Синод РПЦЗ тоже перебрался в Белград. Перед самим освобождением Белграда от немецких оккупантов Управление РПЦЗ (16 членов, во главе с митрополитом Анастасием) покинуло пределы страны.

Метрические книги о крещении, венчании и отпевании прихожан русского храма в Карловцах частично сохранились (за период 1922–1942 гг.). На основании них и других доступных источников узнаем, что здесь родилось (крещено) всего 8 детей, до 1942 г. скончалось 19 русских и совершено 155 венчаний, преимущественно старшего возраста, проживавших в других городах страны (смешанных браков зарегистрировано около 40%). Перед началом Второй мировой войны в Карловцах проживало 32 русских. Всего их тут скончалось 60 душ. Почти все погребены на Верхнем православном кладбище «Черат».

Статистические данные подтверждают отличительную особенность русской колонии в Карловцах. В основном это были образованные люди в летах, пережившие многие горести и невзгоды, немощные и утомленные, чтобы приняться за труд и вписаться в новую среду. Однако, были и такие: Бывший офицер при Штабе ген. Врангеля Николай Васильевич Соколов – директор предприятия «Стражилово» А.Д. (кирпичный завод, угольные шахты, производство кислорода), состоял он и секретарем барона Й. Раячича; Константин Александрович Политанский – собственник фотографического кабинета «Фото-ген»; Павел Николаевич Чижов – служащий в управлении кадастра; Михаил Васильевич Соковнин – чиновник Муниципалитета; Александр Тимофеевич Ступников и Дмитрий Федорович Ляшкевич – чиновники Городской канцелярии; Николай Ильин – геодезист; Дмитрий Омельченко и

47 Там же. С. 165.

Иван Тимченко – портные; Константин Владимирович Киряков и Василий Фомич Дорофеев занимались торговлей; Анна Степановна Логинова – врачебным делом; Василий Измайлов – виноделием; Иван Собольский – столярничал в мастерской «Даница». Казаки преимущественно были сезонными поденщиками и физической рабочей силой.

Излюбленным местом отдыха русских в Карловцах был Дунай: купание, рыбная ловля, прогулки на лодках. Ежегодно Н. В. Соколов устраивал охоту на уток и бекасов, когда из Нови-Сада съезжалась группа русских офицеров – охотников.

Галерея интересных жителей этого городка, связанных с политической, церковной и культурной историей России XX века, не была бы полной без упоминания еще одного эмигранта. Юрист по образованию, Василий Витальевич Шульгин себе и своей молодой супруге, Марии Дмитриевне, урожд. Седельниковой (это был его второй брак), избрал Карловцы как тихую гавань. В России он был видным политическим деятелем: депутатом Госдумы трех созывов, лидером ее правого крыла, публицистом и издателем ежедневной газеты *Киевлянин*.

В Карловцах и в течение своего проживания в Далмации, Василий Витальевич писал воспоминания, политические полемики и приключенческие романы. Здесь он с супругой прожил все годы хорватской оккупации и дождался освобождения Карловцев. В морозное утро 24 декабря 1944 г. его арестовал советский солдат и препроводил в здание Ратуши – в советскую комендатуру, сдав на руки органам СМЕРШ-а. Лояльный к любимой им Югославии, Василий Витальевич не сотрудничал с оккупантами и до прихода сюда Красной армии отказался уехать на Запад. По прихоти судьбы, он оказался единственным русским в Карловцах, вывезенным в СССР. Свой срок он отбывал во Владимирской тюрьме, до 1956 г. Мария Дмитриевна переехала на жительство в Венгрию и дождалась его освобождения, приехав к нему в СССР.

Жизнерадостный, при отличной памяти, Василий Витальевич продолжил писать. Под конец жизни он выступал на трибунах, писал обращения к эмиграции, его снимали в кино, он присутствовал на съездах КПСС. На замечания историков, что ранее говорил совсем другое, старик соглашался: «Говорил, не отрекаюсь... Но вы как будто бы в данном случае отрицаете течение времени. Что же вы думаете? Долголетие... Разве оно дается для того, чтобы старик повторял слова молодого? Дожить почти до ста лет и ничему не научиться? Разве я могу сейчас, имея белую бороду, говорить, как тот Шульгин, с усиками?».

Скончался он 15 февраля 1976 г. на 99 году жизни. В эмиграции и в Советском Союзе написал около 15-ти книг, некоторые из них переиздаются.

Русские в Нови-Саде

Среди многочисленных русских колоний в Югославии одной из самых значительных была новосадская[48]. Она внесла новую культурную ноту, обогатившую западнический дух этого города. Уютная жизнь в многонациональной среде, близость столицы и соседство со Сремскими Карловцами способствовали тому, что Нови-Сад оказался привлекательным местом для временного проживания беженцев. Корреспондент белградской русской газеты в мае 1920 г. о Нови-Саде писал: «Вообще, район, в котором находится *купатило* (ванные минеральные воды) особенно привлекательный. Вся эта часть города напоминает не то небольшой немецкий курортный город, не то наше Царское Село»[49].

В Нови-Саде и его окрестностях поселилось около 2-х тысяч беженцев из России. До их прибытия в этих краях уже проживало 30–50 военнопленных Российской империи с Галицийского фронта, не пожелавших репатриироваться в Советскую Россию.

Весной 1920 г. тут был создан *Комитет по оказанию помощи русским беженцам*. Пришельцы выжидали падение большевиков и лелеяли надежду на свое скорое возвращение на родину. Однако положение Советской России в мире укрепилось, признанием ее со стороны великих держав. Беженцы из России постепенно эволюируют в эмигрантов, сплачивают свои ряды и стремятся улучшить материальные и бытовые условия.

В этом городе свое пристанище нашли казаки (преимущественно кубанские), военные инвалиды, офицеры, интеллигенция и дворяне. Как на новом, призрачном «острове» Петербурга, тут оказались графы Толстые, Воронцовы, Бобринские, Канкрины, Уваровы, князья Волконские, Гагарины, Голицыны, Коморовские, Трубецкие, известные дворянские роды – Апухтины, Бибиковы, Васильчиковы, Гончаровы, Державины, Дашковы, Елагины, Игнатьевы, Куракины, Ковалевские, Кикины, Миловидовы, Новосильцевы, Оленины, Орловы, Раевские, Родзянко, Румянцевы, Савельевы, Соловьевы, Сперанские, Таракановы, Третьяковы, Хитрово, Чернышевы, Шишкины...

Первым председателем новисадской колонии состоял юрист Геронтий Гаврилович Харченко (бывший крупный владелец сахарных и конных заводов на юге России), а вслед за ним – ген.-май. Диодор Николаевич Черноярoв (воспитатель сербского королевича Александра Карагеоргиевича в Пажеском корпусе в Петербурге), действительный статский советник Аркадий Ипполитович Келеповский (бывший чиновник особых поручений при вел. кн. Сергее

48 Подробнее о русских в этом городе см.: *Арсеньев Алексей*. У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. Москва, 1999.

49 *Русская газета* (Белград). 1920. – 23 мая.

Александровиче в Москве), гвардии полковник Владимир Юстинович Чаплиц и ген.-май. Кубанского казачьего войска Федор Владимирович Данилов.

В феврале 1922 г. в городе был создан *Русский православный церковный приход*. Богослужения проводились в сербском Николаевском храме и в часовне Св. Василия Великого (на втором этаже Епархиального дома). Настоятелями прихода поочередно состояли протоиереи Федор Синькевич, Нил Малахов, Сергий Самсониевский. Служили и священники Борис Селивановский, Иоанн Сокаль, Владимир Родзянко, Василий Колюбаев и др. В период 1922–1955 гг. старостами были д-р Г. Г. Харченко, полковник М. М. Бузинов, инженер Г. Б. Броневский и адвокат С. П. Метельский. Многолетние стремления построить в городе русский храм не осуществились, хотя перед самой Второй мировой войной были обеспечены земельный участок, проект храма и средства.

Любопытные данные читаем из сохранившихся метрических книг этого прихода. В период между войнами было крещено 124 ребенка, зарегистрировано 226 церковных браков (их них 40% смешанных), похоронено 225 россиян, преимущественно на «Русском участке» Успенского кладбища (всего в Нови-Саде скончалось около 950 русских). Первое поколение эмигрантов чаще всего умирало от сердечных заболеваний и туберкулеза.

Вскоре после прибытия первых русских в городе было создано *Русско-сербское благотворительное общество*, при почетном председательстве сербского епископа Иринея (Чирича). *Русско-сербский дамский комитет* устраивал благотворительные чаи. В городе открылись шестимесячные строительные курсы, русские комиссионные магазины и столовые. В 1921 г. возникли курсы кройки и шитья, руководительницей которых была графиня София Николаевна Толстая (урожд. Философова). В середине 1922 г. создано *Русское общество распространения национальной и патриотической литературы*, а в ноябре 1922 г. – *Русский национальный кружок*. Существовали еще *Русский кружок любителей искусств, Российское общество Красного креста, Русское певческое общество* Василия Григорьева*, Балалаечный оркестр* Георгия Черноярова*, Хор трубачей и джигиты Новисадской кубанской станицы*, великолепный церковный хор. Спортивное общество национальной ориентации «Русский сокол» устраивало лекции, концерты, спектакли, балы.

В Нови-Саде и его окрестностях проживало около 30-ти генералов и 120-ти полковников. Они создали свои объединения и кружки, имеющие политическую окраску, прежде всего монархической, правой ориентации: *Новосадский национально-монархический союз* (граф В. А. Бобринский), *Русский освободительный комитет* (С. Ф. Шульгин), *Новосадское русское правление верноподданных престолу, Общество офицеров Генштаба* (полковник А. Л. Мариюшкин), *Новосадский отдел общества русских офицеров*

в Королевстве СХС (ген.-лейт. А. Н. Розеншильд фон Паулин), *Новосадский отдел Общества галлиполийцев* (полковник Д. М. Краснописцев), филиалы: *Объединения русских военных инвалидов* (полковник А. Н. Сорочинский), *Корпуса Императорской Армии и Флота* (ген.-лейт. К. В. Апухтин), *РОВС-а* (ген.-май. А. Н. Черепов), *Лиги Теодора Обера по борьбе с Третьим Интернационалом* (бывший член Госдумы Н. И. Антонов), *Русского военно-научного института* (ген.-май. М. М. Георгиевич) и т.д. Со временем, эти организации гасли или объединялись. *Русское офицерское собрание* находилось на площади Трифковича. Позднее, русская колония собиралась в «Русском клубе», по улице Златна Греда, в доме напротив входа в здание гимназии.

В 20-е гг. Нови-Сад являлся важнейшим авиационным центром страны. В военную и гражданскую авиацию было принято свыше 30-ти русских летчиков, инструкторов полетов, авиамехаников, радиотехников, авиаконструкторов, метеорологов и несколько десятков бывших военных чиновников. Своей службой гостеприимной стране особо выделялись военные летчики К. Н. Антонов, А. А. Кованько, Н. А. Кутейников, С. М. Урвачев, инженер А. Н. Веденяпин. Широкую деятельность развило *Общество офицеров российского военно-воздушного флота в Королевстве СХС*, центром которого был Нови-Сад. Бессменным его председателем состоял ген.-май. Вячеслав Матвеевич Ткачев, бывший начальник авиации при Главнокомандующем Русской армией. Общество имело библиотеку иностранной периодики, внимательно следило за мировыми достижениями, издавало свой журнал *Наша стихия* и сотрудничало с югославскмих журналами по авиации.

В городе существовал *Русский детский сад* (под руководством О. И. Бунаковой), а в периоде 1921–1928 гг. – *Русское реальное училище Союза городов*, директорами которого состояли Вера Федоровна Шкинская, а некоторое время Сергей Рудольфович Минцлов, известный писатель исторических романов, этнограф и библиофил. Некоторые из русских детей поступали в сербские государственные школы. Для них Правление русской колонии устроило двухлетние воскресные курсы по национальным предметам: русской словесности и истории.

Новисадские русские и гастроли эмигрантов из других центров их рассеяния в городе оставили заметный след в его общественной и культурной жизни. Благодаря инициативам русских, здесь возникают шахматные и теннисные клубы, дамские косметические салоны, курсы верховой езды, устраиваются выставки. Шахматист Николай Степанович Кулжинский ряд лет был чемпионом Нови-Сада. Концертные выступления русских оперных певцов сыграли решающую роль в создании местной оперной труппы. В основном ее составляли бывшие солисты оперных театров Москвы, Петербурга, Одессы, Киева, Варшавы и Тифлиса. Весь оперный хор состоял из

русских певцов. Дирижерами были Петр Никифорович Колпиков и Федор Петрович Селинский. Музыкальные и драматические спектакли в местном театре ставили Е. С. Марьяшец, Я. О. Шувалов, Н. Н. Архипова, А. А. Верещагин, А. Лескова-Верещагина, Л. В. Мансветова, А. И. Сибиряков, В. М. Греч с супругом П. А. Павловым. Супруги Н. Н. Архипова и Н. С. Баранов основали частную школу вокала. Музыкальными педагогами были и Е. С. Марьяшец, О. К. Молчанова. Дирижером местного духового оркестра «Сокольские фанфары» состоял Е. Е. Боде-Бодей, а регентом прославленного хора ремесленников «Невен» П. А. Фигуровский. Прибывшие после Второй мировой войны из Белграда, в новосадском театре работали Марина Петровна Оленина (основатель Новосадского балета, в 1950 г.) и режиссер Юрий Львович Ракитин (актер МХТ-а, ассистент Вс. Мейерхольда в Петербурге)[50].

В новисадских гимназиях преподавало около двух десятков русских преподавателей. Частные уроки иностранных языков и игры на фортепьяно давали княгиня Волконская, княгиня Долгорукая, Черноярова, Хитрово, Мирович, Тельнова, Чеснокова и др. Художник Владимир Семенович Курочкин, выпускник Московской Академии художеств, держал курсы рисования и технического черчения. По его эскизам были выполнены витражи на окнах Николаевского храма. Он написал и ряд икон для часовни в Епархиальном доме.

В 1920-е гг. особое место среди русских инженеров и техников в новосадском Управлении строительными работами занимали два выпускника архитектурного отделения Института гражданских инженеров Императора Николая I в Петербурге – Константин Петрович Паризо де ла Валетт (1877–1940) и Юрий Николаевич Шретер (1888–1976)[51]. Работая вместе или отдельно, по их проектам в Нови-Саде были реализованы первые послевоенные объекты гражданского строительства. Классическая «русская нота», в архитектуре прозвучавшая в Нови-Саде после замирания пышного «венгерского модерна» и еще не набравшего в нем силу громкого «марша» стилей конструктивизма и холодного функционализма, – представляла оригинальный лирический этап. Русские люди, осевшие в этом городе, воспринимали творчество архитекторов Паризо де ла Валетта и Шретера как ностальгическое напоминание о величии императорской России. Их представительный «Офицерский дом» на набережной Дуная напоминал им дворцы на островах Петербурга. Не удивительно, что в этом особняке русские любили устраивать свои балы, концерты, литературные вечера, театральные спектакли.

50 Подробнее о Ю. Л. Ракитине, см.: Јуриј Љвович Ракитин: Живот, дело, сећања. Нови Сад – Београд, 2007.

51 Подробнее, см.: *Арсеньев А.Б.* Петербургские архитекторы Нови-Сада // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья. Санкт-Петербург, 2008. С. 378–365.

Под надзором известного профессора Дмитрия Федоровича Конева в Нови-Саде был построен бактериологический «Институт Пастера» для изготовления серумов от эпидемий у домашних животных.

Между мировыми войнами Нови-Сад был видным издательским центром русской диаспоры в Европе. Уже в 1920 г. здесь возникло *Издательство братьев Георгия и Сергея Васильевичей Грузинцевых*. С 1922 г. в городе действовала *Русская типография и книгоиздательство «Святослав»* Михаила Григорьевича Ковалева, а в периоде 1924–1943 г. – *Русская типография Сергея Фомича Филонова*. Из этой типографии отсылались во все страны российского рассеяния: газеты, журналы, учебники, мемуары, юбилейные памятки, духовная и художественная литература.

Новисадское отделение «Русской матицы» было основано в апреле 1925 г. и являлось одним из самых деятельных отделений этой культурно-просветительной организации («Русская матица» создана в 1924 г. в Любляне). Оно устраивало курсы обучения русскому языку, проводило торжественные академии, приуроченные к юбилейным датам, публичные лекции (и на сербском языке), ставило спектакли, соорудило памятники-склепы на могилах скончавшихся здесь российских военнопленных 1915–1918 гг. Библиотека «Русской матицы» в Нови-Саде к 1941 г. насчитывала более 7-ми тыяч томов, выписывала периодику из ряда стран Европы. Новисадское отделение выпустило в свет несколько публикаций: сборник *Благовест*, книги для детей и юношества, сборник стихотворений, финансировало издание на сербском языке воспоминаний бывшего австро-венгерского пленного, в 30-е гг возвратившегося из Советской России. Председателями «Русской матицы» в Нови-Саде были публицисты и литераторы, преподаватели сербских гимнази, Александра Анатольевна Розеншильд фон Паулин и Дмитрий Васильевич Скрынченко.

В межвоенный период свыше 20-ти русских эмигрантов, проживавших в Югославии, состояли сотрудниками новисадского старейшего сербского журнала *Летопис Матице српске*. Они там опубликовали около двух сотен очерков, рецензий, статей и воспоминаний, преимущественно по общим вопросам славянских культур, литературоведению, социологии, законодательству.

Новисадская русская колония жила сплочено. Непримиримые между собой идеологические и политические течения первых лет эмиграции не оставили длительный и заметный след. Оказавшись на периферии европейских событий, враждебная к Советскому Союзу, она, прежде всего, была ориентирована на идеализацию прошлого и сохранение традиций.

Под оккупацией Нови-Сада со стороны Венгрии, юридическое и материальное положение русских не изменилось. Их и далее считали русскими

эмигрантами, так как за все эти годы сравнительно небольшое число русских приняло югославское подданство. В т. н. «Рации» – геноциде над новисадскими сербами и евреями, проводимом зимой 1942 г., в Нови-Саде пострадало 19 русских эмигрантов.

Самая многочисленная миграция русских из Нови-Сада последовала осенью 1944 г. Эмигранты хотели миновать встречу с Красной армией и сопровождающим ее аппаратом – НКВД и СМЕРШ. Около 50% русских оказалось в лагерях «Ди-Пи» в Австрии и Германии, из которых они постепенно переезжали в разные внеевропейские страны. Часть русских, принявших советское гражданство (в 1945–1947 гг. оно в Югославии проводилось и по принуждению), после ухудшения государственных отношений СССР и Югославии, были изгнаны в Венгрию и Болгарию. Позднее, редко кому из желающих реэмигрантов удалось оттуда «возвратиться», но не в Россию, а в отдаленные от Европы советские неславянские республики СССР.

Значительный приток русских из других городов Югославии в Нови-Сад последовал вскоре после окончания войны, из-за его стремительного развития в промышленный и административный центр. Одновременно, вплоть до середины 50-х гг., продолжалось выселение русских семейств на Запад, уже людей с югославским гражданством. Они уезжали по приглашению своих родственников и знакомых – сначала попадали в лагерь «Сан-Сабо» в Триесте (Италия), а затем плыли в отдаленные континенты.

После этого периода русских эмигрантов в Нови-Саде осталось мало. К концу 50-х гг. был упразднен *Русский православный приход Св. Василия Великого*, последняя общественная организация русских в этом городе. Постепенно редели дома, в которых с песней и блинами отмечалась Масленица. На семейных вечеринках годами уже не звенят балалайка и семиструнная гитара... А сохранившиеся самовары утратили свое настоящее применение.

Молодое поколение, главным образом из смешанных браков, ныне полностью ассимилировалось, а если и знает русский язык, не владеет им как родным. По переписи населения 2001 г., в городе проживало 156 русских, преимущественно второе и третье поколение эмигрантов из России. По переписи 2021 г. – менее двух десятков, не считая поселившихся здесь граждан СССР-РФ. Среди русских не осталось в живых никого, кто родился до 1917 г., в императорской России.

Русские колонии в Панчево, Белой Церкви, Нови-Бечее, Велика-Кикинде, Суботице, Вршаце, Сомборе, Велики-Бечкереке

Некоторые города в Сербии русским стали известны по размещению в них специфических эмигрантских учреждений. В Сремски-Карловцах это

были Штаб Главнокомандующего Русской армией и центр Русской Зарубежной Церкви, а в Панчево – *Госпиталь-санаторий Российского общества Красного креста*, с хирургическим, терапевтическим, гинекологическим и акушерским отделениями, тремя операционными залами, перевязочной, родильной, лабораторией, аптекой, рентгеновским и светолечебным кабинетами. Госпиталь был открыт в марте 1920 г. и работал до лета 1945 г. За первых десять лет через него прошло около 10-ти тысяч больных, проведено около 9-ти тысяч операций, 24 тысяч лабораторных анализов, родилось более 900 русских детей. В одной из самых современно оснащенных больниц в стране лечились русские из всех районов страны, но и местное население. Начальниками госпиталя состояли опытные врачи: И. А. Белоусов, В. А. Воронецкий, В. А. Левицкий. Позднее, мужским хирургическим отделением заведовал Ф. С. Пельтцер, женским А. С. Мандрусов, терапевтическим В. А. Воронецкий, лабораторией М. П. Метальников. В 30-е гг. Панчевский госпиталь располагал 110 койками, более половины которых были бесплатными[52].

После Белграда и Панчево, одна из самых многочисленных русских колоний была в банатском городе Белая Церковь (Бела Црква), у границы с Румынией. Цены на квартиры и продовольственные продукты были там ниже, чем в других городах. Помимо Приюта для русских престарелых, Приюта русских военных инвалидов и Приюта для сирот, в этом городе с 1920 по 1944 г. были размещены русские учебные заведения:

– *Николаевское кавалерийское училище* (1921–1924). Оно являлось единственным специализированным русским военным училищем в Королевстве СХС. Его директором состоял ген.-лейт. Генштаба А. В. Говоров. До закрытия училища, указом ген. Врангеля, в Белой Церкви состоялось три выпуска русских юнкеров.

– *Крымский кадетский корпус* (1922–1929). Возникший 9 марта 1920 г. из остатков нескольких кадетских корпусов, возглавляемый директором ген.-лейт. В. В. Римским-Корсаковым, корпус был направлен на Балканы; сначала в Стрниште (Словения), а вскоре в Белую Церковь, в бывшие австро-венгерские казармы на окраине города. С декабря 1924 по сентябрь 1929 г. директором корпуса состоял ген.-лейт. М. Н. Промптов. За девять лет своего существования корпус окончило 616 юношей.

– *Первый русский Вел. Кн. Константина Константиновича кадетский корпус* (1929–1944). Указом военного министра страны, русский кадетский корпус из Сараево был переведен в Белую Церковь, переименован и принял в свои ряды кадет расформированного Крымского корпуса, а в 1933 году и кадет расформированного в Горажде (Босния) Донского Императора

52 Подробнее о русских в Панчево, см.: *Палибрк-Сукић Несиба*. Руске избеглице у Панчеву 1919–1941. Панчево, 2005. (2-е изд.: Панчево, 2019)

Александра III кадетского корпуса. После кончины директора, ген.-лейт. Б. В. Адамовича, в 1936 году на его место был назначен ген.-май. А. Г. Попов. Включая последний учебный 1943/44 год, за 25 лет своего существования этот корпус окончило 906 кадет[53].

– *Мариинский донской девичий институт* (1920–1941) был основан в XVIII в. в Новочеркасске. До 1921 г. его начальницей была В. Ф. Вигост, а после нее – Н. В. Духонина, вдова убитого ген.-лейт. Н. Н. Духонина (Верховного Главнокомандующего Русской армией, смененного по приказу Ленина, так как в ноябре 1918 г. генерал отказался заключить сепаратный мир с Германией). В этом институте среднее образование окончили и ученицы закрытых Первой русско-сербской девичьей гимназии в Велика-Кикинде (закрыт в 1931 г.) и Харьковского девичьего института в Нови-Бечее (закрыт в 1932 г.). Решением министра просвещения от 31 марта 1941 г., и этот институт был закрыт, а институтки продолжили учиться в белградской Русско-сербской женской гимназии. Всего за 21 год своего существования на чужбине Мариинский донской институт окончило около 600 девушек, включая и десяток-два сербок[54].

В воеводинский город Нови-Бечей был направлен эвакуировавшийся в полном составе *Харьковский девичий институт* (1920–1932), возникший еще в 1812 г. Начальницей его была М. А. Неклюдова (с шифром окончившая Смольный девичий институт в Петербурге). До своего закрытия аттестат зрелости в нем получило 320 институток. При институте в 1922–1924 гг. существовало два дополнительных отделения – Коммерческие курсы и Курс прикладного искусства, окончив которые девушки могли легче обеспечит себе дорогу в жизнь.

Заслугами энергичной Н. К. Тхоржевской-Эрдели, «смолянке» и актрисе Александринского театра в Петербурге, министерство просвещения в Белграде разрешило открыть в городе Велика-Кикинда *Первую русско-сербскую девичью гимназию с общежитием* (1921–1931). Это учебное заведение русские негласно называли «Вторым Смольным институтом», так как начальница, инспектор классов, преподавательский и воспитательский персонал старались соблюдать традиции привилегированного девичьего института императорского времени. После кончины Наталии Корнелиевны, начальницей была назначена Е. Э. Абациева, жена генерала. За десять лет в этой гимназии аттестат зрелости приобрело около 200 девушек.

---

53 Подробнее о кадетских корпусах в Королевстве СХС / Югославии, см.: Кадетские корпуса за рубежом 1920–1945. New York, 1970.

54 О русских в Белой Церкви, см.: *Шаховской Иоанн, архиепископ*. Биография юности. (б. м.), 1977; Апостол љубави II : 1932–2002, Бела Црква : Истраживачки рад ученика Техничке школе “Сава Мунћан». Бела Црква, 2002.

С 1929 по 1952 г. в Вел. Кикинде существовал *Приют для престарелых Российского общества Красного креста*.

В 20-е гг. одним из самых многолюдных городов в Королевстве СХС был город Суботица, на крайнем севере страны, у границы с Венгрией. Характерным для русской колонии в этом городе было то, что многие русские здесь нашли работу в Управлении железными дорогами (Воеводина, северный регион Сербии, располагала самой разветвленной сетью этих дорог в стране, построенных при Австро-Венгрии)[55]. В 1920 г. в Суботице был основан Юридический факультет (при Белградском университете), в котором преподавали русские профессора, приобретшие имя в императорской России: М. П. Чубинский, Г. В. Демченко, С. В. Троицкий, П. Б. Струве, некоторое время К. М. Смирнов и Ф. В. Тарановский. Здесь с 1920 по 1941 г. училось 235 русских студентов. В этом городе, помимо распространенных русских организаций в других русских колониях, были созданы *Союз русских юристов* и *Общество русских студентов*[56].

В городке Вршац с июля 1920 г. размещалась эвакуированная из Кишинева *Санитарная походная больница Гербовецкой общины сестер милосердия Российского общества Красного креста* (в Кишиневе она работала до румынской оккупации Бессарабии). Прекрасно оснащенная, больница располагала отделениями: хирургическим, гинекологическим, офтальмологическим, стоматологическим, по внутренним болезням, рентгеном, лабораторией и опытным персоналом. Госпиталем руководил примариус-гинеколог Радован Савич Клисич (по происхождению черногорец). По приказу ген. Врангеля, ранней осенью часть больницы из Вршаца была направлена в Крым, а потом попала в окрестности Загреба, пока как оставшаяся ее часть, с медицинским персоналом, инвентарем и 180 койками, стала основой, на которой началось формирование Городской больницы в Вршаце[57]. В этом культурном и благоустроенном городе (в 1921 г. в нем проживало 27 тысяч жителей), преобладало немецкое население. По почину русских здесь возник *Югославско-французский клуб*, деятельными членами которого состояли французские и швейцарские гувернантки, прибывшие в Вршац с русскими семьями, а также русские дамы, подрабатывающие на чужбине частными уроками иностранных языков. Значительный вклад русские здесь внесли в

55 Подробнее о русских в Суботице, см.: *Петковић Татјана*. Из живота руске емиграције у Суботици у међуратном периоду (1919–1941) // *Ex Pannonia*. Гласник Историјског архива (Суботица). 1996, бр. 1. С. 155–164.

56 *Петковић Татјана*. Руска емиграција на суботичком Правном факултету (1920–1941). // *Ex Pannonia*. 1997, бр. 2. С. 105–120.

57 О русских в Вршаце, см.: *Рогаткин А. А.* Русская колония в Вршаце // Русские в Сербии. Белград, 2009. С. 189–199.

сфере просвещения. В средних учебных заведениях Вршаца в разные годы преподавало до 40-ка русских педагогов[58].

Отличительной чертой русской колонии в г. Сомбор было то, что ее членами являлись семьи инженеров и техников на службе в Техническом управлении *Системы бачских каналов им. Короля Петра I*. Руководителем этой сложной системы был опытный инженер Сергей Павлович Максимов, выпускник петербургского Института путей сообщения Императора Александра I, одно время профессор этого знаменитого в России института. Максимовым был подобран технический кадр по навигации, эксплуатации и поддерживании в рабочем состоянии плотин и шлюзов, мостов, грузовых судов, зданий и коммуникаций вдоль каналов. Само Техническое управление стало культурным центром взаимного общения русских этого города. Имелись помещения, большой сад, теннисный корт, Библиотека русской колонии, отделение культурного общества «Русская матица»[59]

В многонациональном городе Велики-Бечкерек, с широко развитой пищевой промышленностью, обосновалась большая русская колония. Тут нашли себе работу врачи, инженеры, военные, педагоги, юристы, художники, коммерсанты, торговцы, казаки. В этом городе русские имели свой храм, детский сад и начальную школу, Русский дом, две библиотеки, театральную труппу, общество «Русский сокол», Русский теннисный клуб[60].

О русских колониях в воеводинских городах Сремска-Митровица[61], Рума, Сента, Бачка-Паланка, Оджаци, Црвенка, Врбас, Апатин и др. сохранилось мало данных, они ограничиваются упоминанием русских фамилий и рассказами о судьбах отдельных лиц.

Русская эмиграция в центральной и южной Сербии

В отличие от равнинной, хлебородной и многонациональной Воеводины, ниже Белграда стелятся холмы, горы и широкие долины у берегов извилистых рек. Эту часть Сербии заселяет однородное сербское, православное население, в основном занимавшееся скотоводством, садоводством, виноделием, но и работой на шахтах и фабриках. «Русских братьев» здесь принимали с открытой душой, хотя народ был менее грамотным, беднее Севера и понес огромные потери в недавних войнах.

58 Там же, С. 194–196.

59 Подробнее о русских в Сомборе, см.: *Панчулидзев А. А.* Русские в Сомборе // Русские в Сербии. Белград, 2009. С. 199–201.

60 Подробнее о русских в Великом Бечкереке, см.: *Павлов Б. Л.* Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде – Зренянине). Зренянин, 1994.

61 О русских в Сремска-Митровице, см.: *Попов Живко*. Долазак Руса у Митровицу // *Сунчани сат* (Сремска Митровица). 2006, бр. 14. С. 40–54.

Оказавшиеся тут русские беженцы сами не выбирали себе место временного поселения. Их привозили партиями, или позднее сюда направляли на работы. Преимущественно это были одинокие мужчины: офицеры, солдаты и казаки трех армейских корпусов Русской армии, привезенные сюда на строительство коммуникаций или для ведения пограничной службы. Устраивались они в «рабочих колониях», в деревнях, на самих стройках, спали в палатках и бараках сооруженных собственными руками. После окончания работ переезжали на другую стройку.

К 1924 г. заметно было стремление людей из этих групп переезжать в более культурные и благоустроенные центры, ближе к Белграду, или в Воеводину. Для них открывались курсы для изучения сербского языка (в Княжеваце, Алексинаце, Заечаре и др.). Так, несколько десятков военных, состоящих в течение пары лет на пограничной службе в Охриде, по предложению своего командира полковника Алексея Павловича Виноградова (1888–1944) согласились переехать в город Парачин. Там можно было получить работу на двух больших частных заводах: суконном и стекольном. Владельцы суконного завода, братья Влада и Славко Теокаревичи, охотно приняли русские кадры, доверили им и ответственные посты – электрическую станцию, счетоводство, заведовать складами. Группа казаков охраняла заводской комплекс. Русские, поселившиеся в фабричной колонии, женились на местных сербках и поступавших на завод молодых ткачихах. Русско-сербские семьи жили дружно, имели свой культурный очаг и хор, принимали заезжих русских гастролеров, коллективно ездили в Белград, совершали экскурсии в окрестности. На этом заводе работала и группа калмыков. Более образованные русские получили работу в этом городе. Типографией руководил Николай Волгин, директором местной гимназии одно время состоял историк и генерал от кавалерии Никита Васильевич Сальников. В гимназии преподавало несколько русских, включая Коровникова, регента гимназического и хора местного православного храма[62].

Своеобразно сложилась жизнь 414 русских, временно привезенных в курорт Врнячка-Баня, славившегося источниками целебных минеральных вод еще со времен Римской империи. В феврале 1921 г. русских поселили в гостиницах, пансионах и лечебницах, но уже в марте–апреле им пришлось покинуть занятые помещения, ввиду начала курортного сезона. Русская колония уменьшилась: часть беженцев переехала на частные квартиры и виллы, остальные разъехались по окрестным деревням или уехали на север, так как тут не нашли для себя соответствующую работу. Не увенчались успехом попытки Б. А. Байкова, агента районной биржи по трудоустройству в соседнем городе Трстеник, этих русских обеспечить работой. Видными представи-

62 Подробнее о русских в Парачине, см.: *Корбутовски Никола*. Осам деценија једне слике. Београд, 2005.

телями русской колонии (при председателях Александре Александровиче Шмидте и Михаиле Стражневе) были: инженер Федор Петрович Гамалеев, занимавший ответственный пост в Городском управлении, и Александр Николаевич Щербинин, руководитель современно оснащенной Метеорологической станции. Несколько русских в Врнячка-Бане подрабатывали изготовлением деревянных сувениров; выжиганием и росписью украшали ларчики, игрушки и деревянные бытовые предметы. Успех имели изделия из «Избы русского деда Сергея П. Павлова», торговавшего сувенирами собственного изготовления, а также Петра Скачинского и Ивана Усенко. Графиня Серафима Владимировна Чегодаева вышивала на продажу гобелены; галантерейный магазин содержал Петр К. Ус.

В Врнячка-Баню приезжали лечиться и русские эмигранты. Они охотно шли к русским врачам, тут практиковавшим: интернисту Владимиру Валериановичу Плешакову, Михаилу Степановичу Зёрнову, Петру Александровичу Сергиевскому (на русском яз. он опубликовал книгу *Врнячка-Банья, курорт Югославии*), зубным врачам Лидии Всеволодовне Мартель и Клавдии Николаевне Верешниковой. Известный в России врач-бальнеолог Алексей Иванович Щербаков (1858–1944) изучал достоинства здешних минеральных вод (уже в 1922 году об этом написал книгу).

Из-за скорого отъезда большинства русских из Врнячка-Бани, в 1922 г. уже закрылась русская начальная школа. До своего назначения в Русскую духовную миссию в Палестине, в местном храме Пресвятой Богородицы русские службы совершал епископ Белгородский Аполлинарий (Кошевой; 1874–1933)[63].

Жизнь русских в городе Ужице была связана с проведением в его окрестностях широкомасштабных строительных работ: шести трасс шоссейных дорог, узкоколейной железной дороги, гидроэлектростанции, водопровода в городке Чаетина, строительстве зданий биржи, моста на р. Дрина в городе Байна-Башта, административных зданий и областной больницы в Ужице, реконструкции монастырского комплекса Рача. Частное строительное предприятие в Ужице открыли Николай Прохоров и Александр Осипов (с сербом Б. Йовановичем). В Городском архиве хранятся неполные списки русских, работавших в 20-е гг. в этом городе и окрестностях – Арилье, Байна-Башта, Иваница, Косьерич, Пожега, Чаетина. В них сведения о русских рабочих (133), инженерах (48), геодезистах (33), техниках (35), преподавателях (20), учителях (13), врачах (29), ветеринарах (6), железнодорожниках (9), юристах (9), чиновниках (33).

Интересно отметить, что после окончания работ на одном объекте русским работникам выдавалось удостоверение о том, что они прилежно

63 Подробнее о русских в Врнячка-Бане, см.: *Топаловић О., Миленковић Т., Обрадовић М.* Врњачки Руси. Врњачка Бања, 2008.

выполняли порученные им работы, исправно себя вели и не были наказуемы. Недавно в Ужице была опубликована уникальная по содержанию книга[64], которая содержит имена и биографии 457-ми русских, из около тысячи русских беженцев, временно или постоянно проживавших в ужицком крае.

Русская колония и кубанская казачья станица в южно-сербском промышленном городе Лесковац насчитывала до 200 русских беженцев. Ее вклад в развитие города и окрестностей весьма заметен и сегодня. Председателями колонии состояли Александр Сергеевич Логинов, полк. Леонид Шатунов, Виктор Оберман и Сергей Медынский, а атаманами казачьей станицы – Петр Иванович Бондарь и полк. Иван Степанович Кузуб.

Русские здесь создали свою библиотеку, кружки и филиалы Союза русских инженеров, общества русских офицеров, РОВС-а, «Русского сокола», Союза русской национальной молодежи, Союза младороссов. В местных средних учебных заведениях преподавало более 20-ти русских педагогов, среди которых выделялись своей культурной работой Анатолий Красовский (содействовал созданию историко-археологического музея), Иван Татаркин и Владимир Курагин (регенты хора местного кафедрального храма), Юрий Арбатский (концертной деятельностью).

Фабрику металлических изделий «Монтафон» строили русские, ее техническим директором стал инженер Сергей Александрович Багур; на электрификации г. Црна-Трава трудился инж. Григорий Пирмен, в Городском управлении Лесковаца – архитектор Петр Новиков, инженер Вячеслав Владимирович Буйко и ряд геодезистов; на суконных заводах в Лесковаце, Вучье и Грделице – русские специалисты и рабочие. Во многих деревнях лесковацкого края священниками были русские.

Особую память о себе в Лесковаце оставили русские архитекторы и художники. Василий Михайлович Андросов выполнил проекты кафедрального храма Св. Троицы в Лесковаце, храмов Св. Параскевы-Пятницы в Кумарево, Св. Апостолов Петра и Павла в Донья-Локошнице. Андрей Васильевич Биценко и Владимир Ильич Пирожков фресками и иконами украсили лесковацкий кафедральный храм. Архитектор Григорий Иванович Самойлов проектировал здание аптеки в Лесковаце и заводские цеха суконного завода в Вучье, здание заводского управления, дома для рабочих, виллу фабриканта Лазы Теокаревича и храм Св. Иоанна Крестителя в Вучье (сам расписал его иконостас, а Петр Сухарев стены расписал фресками). Иван Петрович Дикий расписал фресками храм Св. Иоанна Предтечи в Грделице, а Евгения Васильевна Долгова – храм Св. Николая в Црна-Траве[65].

64 *Познановић Раде*. Руси међу Ерама : Прилог спречавању заборава. Ужице, 2007.

65 Подробнее о русских в Лесковаце, см.: *Илић Никола*. Руски емигранти у лесковачком крају после 1917. године. Лесковац, 2003.

Крупные русские колонии формировались и в других промышленных городах: Нише, Кральево, Неготине, Боре, Пожареваце, Вальево, Шабаце, Чачаке, Пироте Княжеваце, Заечаре. В военной промышленности Сербии, сосредоточенной в Крагуеваце и Крушеваце, русские военные инженеры и специалисты занимали самые ответственные посты, руководили научно-исследовательскими проектами и занимались педагогической деятельностью. Так, инженер Борис Николаевич Румянцев многие годы руководил кафедрой артиллерийского вооружения при Военно-технической академии.

На самом крупном в стране оружейном заводе в Крагуеваце («сербской Туле») трудились: подполковник Василий Яковлевич Иваницкий (начальник отдела пиротехники, составитель ценного каталога по боеприпасам), майор Леонид Иванович Рекалов (начальник отдела пистонов), полковник Михаил Михайлович Костевич (начальник отдела ружейных пулей), инженер Макаев, Кухлин (начальник отдела пиротехники), Иван Филиппов, Терекьев, Иван Гуржин, Иван Волянский, Михаил Федорович Терпиловский (начальник лаборатории), майор Константин Скориков.

На военном заводе «Обиличево» в Крушеваце трудились инженеры: майор Николай Караиван, капитан Евгений Лесов, офицеры Александр Чебетов, Сергей Сергеевич Нащокин, Гавриил Алексеевич Зоц (исследовал новую методику добычи боевых отравляющих веществ), инженер Дмитрий Алексеевич Поспелов (занимался тогда еще неразвитой отраслью техники – роботикой, при конструировании устройства для опоражнивания взрывчатых веществ из центрифуги), инженер Донской, инженер-химик Владимир Макаров. Инженеры Антон Константинович Еремеев, Николай Шаколи и Иван Крыжановский руководили монтажными работами цеха низкодымящихся нитроцеллюлозных порохов[66].

Русские специалисты работали и на военных заводах в Младеноваце, Лучане, Бариче, Лазареваце.

Русские в Косово и Метохии

Области Косово и Метохия (называются еще и Старой Сербией), в средние века были населены преимущественно сербами, так как на этих территориях распространялись их княжества. Роковым событием всей сербской истории оказалась печальная битва на Косово-поле, состоявшаяся в 1389 г., между сербским и турецким войском. В ней пали оба полководца – князь Лазарь и султан Мурат. В неравном бою (35 тыяч сербов, 100 тыяч бойцов противника), сербы потерпели поражение, утратили свою независимость, а турки продолжили свое продвижение на север Балканского полуострова. На

66 *Радовић Радован*. Руски стручњаци у војној индустрији Србије // *Политика* (Београд). 1993. – 30 мај.

этом поле и позднее велись бои с турками. С ними воевали венгры (1448), австрийцы (1689), боснийские повстанцы (1831). Оказывая военную помощь австрийцам, при их отступлениях сербы были вынуждены покидать свои исконные земли и переселяться на север, по ту сторону Савы и Дуная, тогда как на Косово и Метохии турки благосклонно относились к албанскому населению, ассимилируя его. Тем не менее, сербский народ оставался жить на этих землях и защищал свои очаги и многочисленные православные храмы (Богородица Левишка в Призрене), монастыри Високи-Дечани, Грачаница, Баньска, свой духовный центр – Печскую Патриархию.

В решительной Сербско-турецкой войне 1877–1878 гг. Сербская армия впервые пробилась на Косово, а в 1912 г., в Первой балканской войне, без особого сопротивления Турции, овладела и возвратила свои исконные земли.

О притеснениях сербов со стороны Турции, Греческой православной церкви, об экспансии Австро-Венгрии на Балканы, а также зверствах, чинимых спускавшихся с албанских гор арнаутов, писали российские путешественники, слависты и дипломаты: В. И. Григорович (1815–1876), А. Ф. Гильфердинг (1831–1872), А. А. Башмаков (1839–1894), консулы И. С. Ястребов (1839–1894) и Г. С. Щербина (1868–1903), убитый на своем посту арнаутами в городке Косовска-Митровица, подобно ими же убитого в том же 1903 году А. А. Ростковского (1860), российского консула в Битоле (Македония).

Россия на территории Косово и Метохии открыла свои консульства - в 1886 г. в Призрене и в 1892 г. в Косовска-Митровице. По просьбе правительства Королевства Сербии, с 1896 г. в сербском монастыре Високи-Дечани пребывали русские монахи с Афона, охраняя его от арнаутских банд. Этому монастырю Россия оказывала и материальную помощь. Российские консулы Ястребов, Лисевич, Беляев, Ачимович и Тухолка дарили книги и целые библиотеки в православную Духовную семинарию в Призрене.

После балканских войн и Первой мировой войны, в новообразованном государстве сербов, хорватов и словенцев, юго-западная область Сербии была самой отсталой в сфере просвещения, здравоохранении и экономики. Преобладал традиционный патриархальный крестьянский уклад жизни, при 80–90% неграмотного населения. Край, хотя и обладал значительными природными ресурсами – залежами угля, цветных и редких металлов, плодородной почвой, лесами, пастбищами и реками, нуждался в притоке интеллигенции и специалистов всех профилей. С 1921 г. в городах Приштина, Печ, Косовска-Митровица, Джаковица, Призрен, Урошевац возникли русские колонии беженцев-эмигрантов. С первых месяцев Государственная комиссия по устройству русских беженцев направляла их в Косово и Метохию. Позднее, русские кадры из других городов страны направлялись на юг Сербии по распоряжению соответствующих министерств: просвещения,

вероисповедания, здравоохранения, сельского, водного, лесного, горного хозяйств, строительства и проч.

Так, на строительство дороги Косовска-Митровица – Рашка министерство строительства направило эшелоны из состава прибывших в Королевство СХС трех технических полков Первого армейского корпуса, Донского и Кубанского корпуса Русской армии генерала П. Н. Врангеля. А в сентябре 1921 г. военное министерство – части кавалерийской дивизии Первого армейского корпуса в пограничную стражу, вдоль неустойчивой и опасной границы с Албанией (на участок Дебар–Призрен–Джаковица).

Трудно представить себе, какой вклад в развитие этого веками отсталого региона внесли русские, в особенности в период между двумя мировыми войнами, и с какими препятствиями и лишениями им приходилось бороться.

На Косово и Метохии поселились технические кадры (инженеры путей сообщения, горные инженеры, электрики, геодезисты, механики), медицинский персонал, преподаватели и административные кадры на государственной службе, а также казаки и рабочие, занятые на строительстве коммуникаций, промышленных объектов, административных и жилых зданий, прокладке водопровода, работах в рудниках.

Русские проектировали и строили дороги Печ–Андриевица (через гору Чакор), железные дороги Косовска-Митровица – Рашка, Косово-поле – Печ, Куршумлия–Приштина, участки дороги Доганович–Тетово (через гору Шара). Русские были не только квалифицированными врачами, стоматологами, ветеринарами, медсестрами, но и управляющими и руководителями городских госпиталей, единственными хирургами, врачами, боровшимися с распространением эпидемий, серьезных заболеваний, малярией.

На Косово и Метохии не было ни одного среднего учебного заведения, в котором бы русские не преподавали естественные и гуманитарные предметы, иностранные языки, музыку, гимнастику. В православной Духовной семинарии в Призрене русские преподавали основные церковные предметы, а также старославянский, латынь, греческий, русский языки, церковное пение. Русские женщины тоже находили себе занятия. Многие из них были врачами, преподавателями, но особенно они отличались своей благотворительной деятельностью, как члены гуманитарных женских комитетов («Коло српских сестара», «Друштво кнегинье Любице» и др.), устраивали и принимали участие в благотворительных концертах, «Рождественских елках», открывали детские сады, площадки для спортивных игр.

Память о консулах Российской империи на еще не освобожденной от турков территории, как и о русских эмигрантах, проживавших до и после Второй мировой войны на Косово и Метохии, сохраняется среди сербов и по

сей день. Правда, в военные и послевоенные годы большинство их переехало в другие части страны или выехало за границу.

Упомянем некоторые имена русских[67], оставивших о себе добрую память в городах и на стройках:

Гнилане

Антохин – геодезист

Слунин Андрей – преподаватель, директор гимназии, композитор, регент хора

Джаковица

Гребенников Степан – врач-стоматолог (работал и в Печи, Призрене)

Гребенников Федор Васильевич – врач-стоматолог (работал и в Печи, Призрене)

Знаменский Владимир – адвокат, судебный следователь Военного трибунала Косовской военной области

Музалевский Василий Иванович – ветеринарный врач (работал и в Печи, Прешево)

Попов Владимир – геодезист

Хоменко Лев Григорьевич – агроном

Драгаш

Чубаровский Василий – юрист, судья

Звечан

Бирюков Михаил – геодезист

Исток

Чистов Владимир Сергеевич – врач, содействовал постройке Народного дома, по проекту сына - Олега (работал и в Печи, Гнилане)

Чистова Александра Алексеевна – медсестра (работала и в Печи)

Косовска-Митровица

Андросов Василий Михайлович – архитектор (проектировал 60 храмов, среди которых храмы в Джаковице, Истоке, Помазатине, Подуеве, Обиличе)

Баранов Александр – инженер

Баранова Евгения – врач-педиатр

67 Источники: *Кецић А., Матијашевић Ј.* Руска емиграција на Косову и Метохији (рукопись); *Радојевић Рајко.* Руске избеглице у Пећи у сећању млађих савременика. Београд, 2005.

Баранова Ольга – врач-гинеколог

Баршевский Петр – преподаватель в гимназии

Бухалов Андрей – техник-строитель

Геринг-Евдоченко Ольга – преподавательница в гимназии

Денисенко Николай Федорович – инженер-строитель, проектировал и строил железную дорогу Куршумлия – Приштина, Косово-поле – Печ, железнодорожный вокзал в Косово-поле, восстанавливал разрушенные мосты. После войны – технический директор строительной фирмы «Рамиз Садику», основатель предприятия «Ситница», реставратор древних храмов и монастырей (Високи-Дечани, Богородица Левишка), Царской мечети, зданий учебных заведений, принимал участие в проектировании почти всего центрального района Приштины, преподаватель строительных предметов в Техническом училище, проектировал промышленные объекты в Зрзе, Гнилане, Клине. Кавалер «Ордена труда».

Денисенко Феодосий Кузьмич – преподаватель музыки в гимназии, регент хора

Дрозд – инженер-химик

Захарьин Василий – инженер, председатель русской колони

Захаров Алексей – инженер-строитель

Лаврова Антонина Васильевна – военный врач

Лебедева Елена – учительница

Лобков Дмитрий – чиновник, руководитель культурной деятельностью русской колонии

Матусевич Борис – преподаватель в гимназии (преподавал и в Приштине)

Медов – преподаватель в гимназии

Медова Мария – преподавательница в гимназии

Мельникова Татьяна – актриса, занималась культурной деятельностью в городе

Муромцев Петр – чиновник

Неумытый Петр – бухгалтер, занимался фруктоводством, птицеводством, держал цветочные оранжереи

Попович Владимир – врач, первый микробиолог на Косово

Постников Алексей Иванович – инженер-строитель

Прудков Евгений – художник-живописец, преподаватель в гимназии

Прудкова Ольга – преподавательница в гимназии

Ракитин Николай Семенович – преподаватель в гимназии

Рамасюков Всеволод – врач

Решевский Борис – геодезист

Рубцова Ольга – преподавательница в гимназии

Сахаров Борис Александрович – инженер-строитель
Серебрякова Татьяна – чиновница
Таптиков Сергей – преподаватель в гимназии, председатель русской колонии
Тарановский Михаил – бухгалтер рудника «Трепча»
Усенко Николай Онисимович – инженер-технолог
Хвостинский Виталий – преподаватель в гимназии
Хихин Сергей – инженер, деятельный член русской колонии
Черносердов Петр – преподаватель в гимназии
Шестаков Николай – инженер
Шестоперов Владимир – геодезист
Ширинянов Георгий – чиновник
Широкий Сергей Карпович – инженер-строитель
Штейн Василий Федорович – врач
Щедрин Лев – преподаватель в гимназии

Обилич

Затворницкий Владимир Пантеллеймонович – инженер-электрик, работал на Термоэлектростанции
Ясевич Юрий – инженер-стротель, работал на ТЭС
Манохин Всеволод – горный инженер, строил Горный комбинат «Обилич»
Русиян Владимир Леонидович – горный инженер, технический директор ТЭС «Обилич» (работал и в Приштине)
Соколов Петр Николаевич – геодезист (работал и а Печи, Джаковице, Призрене)
Суслов Петр Сергеевич – инженер-электрик, один из первых инженеров Комбината «Обилич»
Успенский Борис Павлович – инженер-строитель, работал на ТЭС

Ораховац

Сиренко Николай – агроном
Шкинев Антоний – чиновник (служил и в Печка-бане, Велика-Хоче, на цементном заводе «Шара» в Генерал-Янковиче)

Печ

Бойко Аркадий Андреевич – ветеринарный врач
Васецкий Николай Сильвестрович – техник
Васецкий Сильвестр Данилович – владелец пяти мельниц в Метохии
Васильев Петр – инженер-лесовод, директор Управления по лесоводству
Викентьев Александр – геодезист

Виноградов Анатолий Алексеевич – плотник
Войшвилова Мария – преподавательница в гимназии
Гладилин Николай Федорович – врач
Гладилина Александра Оскаровна – врач-педиатр
Глазунов – врач
Головин Владимир Владимирович – агроном, представитель фирмы «Уляри-ца»
Грабовский Станислав – преподаватель в гимназии
Гребников Федор – преподаватель в гимназии
Гришко Николай Дмитриевич – чиновник в Налоговом управлении
Гусаков Павел – переплетчик и техник-чертежник
Гусев Петр – служащий на строительстве дороги Печ – Андриевица
Домоховский Казимир – инженер-электрик, директор ГЭС
Европин Александр Кузьмич – врач (работал и в Призрене)
Ермаков Андрей – техник-строитель
Калмыков Александр Павлович – преподаватель в гимназии
Калмыкова Мария Федоровна – преподавательница в гимназии
Коберидзе Михаил Спиродонович – врач
Козлов Леонид Павлович – инженер-строитель, строитель железной дороги Печ – Косово-поле
Кравченко Алексей Пантеллеймонович – преподаватель в гимназии
Кравченко Михаил Иванович – геодезист (работал и в Звечане, Стари-Трге)
Кригер Роберт Васильевич – инженер путей сообщения, главный инженер при строительстве дороги Печ – Андриевица
Лауданский Валентин Андреевич – преподаватель в гимназии
Ломейко Сергей Иванович – агроном
Ломейко Мария – преподавательница в гимназии
Лопырев Павел Павлович – инженер-строитель, строил железную дорогу Печ – Косово-поле
Макеев – техник
Мамонтов Андрей Всеволодович – чиновник на стройке железной дороги Печ – Косово-поле
Мамонтов Владимир – инженер-лесник
Маслов Николай Гаврилович – бухгалтер (работал и в Косовска-Митрови-це, Приштине)
Меркулов Георгий – чиновник
Мотренко Евгений Петрович – горный инженер
Мусников Василий – инженер-строитель, строил дорогу Печ – Андриевица
Неронов – инженер-строитель, строил дорогу Печ – Андриевица

Нескубин Георгий – чиновник

Нечаев Андрей Федорович – учитель, преподаватель в гимназии

Никольский Николай Иванович – техник-строитель

Никольский Павел – преподаватель в гимназии

Новицкий Илья Викторович – инженер-строитель, строил дорогу Печ – Андриевица

Новицкий Семен Александрович – врач в городском госпитале, преподаватель в гимназии (работал и в Косовска-Митровице, Призрене)

Омелиянович-Павленко Борис Васильевич – чиновник на строительстве железной дороги Печ – Косово-Поле

Острогорский – чиновник

Педанов Георгий Иванович – врач-хирург, управляющий городским госпиталем

Петренко Георгий – финансовый чиновник

Проценко Евгений Павлович – инженер-строитель, строил дорогу Печ – Андриевица

Ребров Сергей Федорович – инженер путей сообщения, строил железную дорогу Печ – Косово-поле

Рубцов Вениамин Михайлович – геодезист в Управлении кадастром (работал и в Косовска-Митровице)

Рутковский Борис Петрович – техник, работал на строительстве дороги Печ – Андриевица

Сальников Никита Васильевич – генерал, историк, преподаватель, директор гимназии, организатор культурной жизни города. Кавалер орденов Св. Саввы, Белого орла и Югославской короны.

Сатаров Николай Александрович – инженер-строитель, строил Южно-печский мелиорационный канал

Серебряков Павел Иванович – ветеринарный врач (работал и в Истоке)

Симонов Сергей Иванович – врач (работал и в Вучитрне)

Собриевский Алексей Севирович – педагог, основатель Ботанической коллекции и русской библиотеки

Соколов Петр - служащий

Соломка Лука – делопроизводитель на лесопильне «Озрен»

Соляник Иван – инженер-лесовод, директор Института по лесоводству, доктор наук, основатель рассадника, автор учебников, видный специалист по лесопосадкам оголенных гористых местностей

Сысоев Игорь Николаевич – инженер-строитель, строил железную дорогу Печ – Косово-поле

Тарчинский Николай – инженер-механик

Тимченко – техник

Торнаго Иван – инженер-строитель, строил дорогу Печ – Андриевица

Тяпкин Аркадий Николаевич – инженер-строитель, работал на строительстве дороги Печ – Андриевица. Оставил по себе видный след на Косово: проложил водопровод с пункта Црне-Воде (над Патриархией), соорудил парк «Карагач» с теннисными площадками, был инициатором постройки ГЭС у истока р.Црни-Дрим, основатель футбольного клуба «Дукаджин».

Тяпкин Николай Александрович – инженер-механик

Федоров Степан Харитонович – преподаватель в гимназии (работал и в Стари-Трге)

Царенко – инженер-строитель, строил дорогу Печ – Андриевица

Чернявский Сергей Владимирович – художественный фотограф, открыл первый на Косово фотографический ателье

Чистов Олег Владимирович – инженер-строитель, строил Южно-печский мелиорационный канал

Чистосердов Петр Яковлевич – преподаватель в гимназии

Шепченко Семен Павлович – преподаватель в гимназии (преподавал и в Приштине)

Шилов Евгений Петрович – преподаватель в гимназии

Шмидт Николай – техник, работал на строительстве дороги Печ – Косово-поле

Юницкий Глеб – преподаватель в гимназии

Юриков Викентий – техник, подрядчик

Подуево

Махаев Алексей – преподаватель в гимназии (и в Призрене)

Призрен

Анисенко Василий – преподаватель музыки в духовной семинарии

Атальянц Враншапух – врач

Балабанов Федор Федорович – преподаватель в духовной семинарии

Бистрин – геодезист

Гребенников Алексей – врач-стоматолог (работал и в Печи, Джаковице)

Гридин – преподаватель в духовной семинарии

Гущин Степан Георгиевич – преподаватель музыки в духовной семинарии, регент любительского хора «Царь Урош»

Долганов Иван – дирижер городского оркестра

Иванов – ветеринарный врач

Калмыков Александр Павлович – преподаватель в гимназии (и в Печи)
Калмыкова Мария Федоровна – преподавательница в гимназии (и в Печи)
Калмыкова Анна Александровна – преподавательница в гимназии
Касаткин – геодезист
Касаткина – активистка культурной жизни города
Ковгасков – преподаватель в гимназии
Козлов Иван – геодезист
Короткий Николай – преподаватель в гимназии
Круликовский Василий – эконом в духовной семинарии
Круликовская Елена – занималась благотворительной деятельностью
Кухтин Иван – преподаватель духовной семинарии
Марков – врач
Маркова Вера – медсестра
Муринов Василий – преподаватель гимназии
Педи Николай, «Брат Педи» – преподаватель гимнастики в гимназии, основатель гимнастического общества «Сокол», видный деятель спорта всего края Косово, руководитель и хореограф фольклорного
Пузанова Виктория – художница, преподавательница в гимназии (преподавала и в Косовска-Митровице)
Румянцев Анатолий – врач
Самов Иван – преподаватель духовной семинарии
Сергеевич Даниил – врач
Скрынников Дмитрий – ветеринарный врач
Стороженко Яков Андреевич – юрист, коммерческий директор строительной фирмы «Рамиз Садику» (позднее работал в Урошеваце)
Тарасов – геодезист
Троицкий Тихон – преподаватель в духовной семинарии
Хапланов Пантеллеймон – преподаватель в духовной семинарии
Царевский Виктор – преподаватель в духовной семинарии и в гимназии
Чернявский Иван – преподаватель в гимназии, театральный деятель при русской колонии
Шелест Владимир – инженер-лесовод
Шестоперов Лев Львович – геодезист, начальник Геодезического кправления (работал и в Приштине, на ТЭС «Обилич», проектировал плотины на Батлавском искусственном озере)
Шплет Дмитрий – преподаватель в духовной семинарии
Якубов Иван – преподаватель духовной семинарии

Приштина

Базилевич Леонида – преподавательница в гимназии

Белоцерковец Николай – преподаватель в гимназии

Бунин – преподаватель музыки, основал оркестр мандолин

Волков Николай Дмитриевич – архитектор и живописец, проектировщик многих зданий в Приштине, построил первую теннисную площадку на Косово

Волкова Наталия Родионовна – одна из главных устроительниц культурных и благотворительных мероприятий в Приштине

Гапонов Владимир Васильевич – инженер-лесовод

Денисенко Михаил – преподаватель в гимназии

Дьяков Леонид Аркадьевич – врач (одно время работал в Подуево, Косовска-Митровице и Джаковице)

Дьякова Анна Марковна – врач-интернист, управляющая городским госпиталем

Кожин Михаил – ветеринарный врач, один из основателей Института по скотоводству

Кривошей Георгий – геодезист, начальник Геодезического управления

Кумановский Михаил – преподаватель в гимназии

Лозовой Юрий Максимович – инженер-электрик

Луговский – геодезист

Малюга Святослав – агроном, главный агроном и советник-агроном Косово, специалист по виноградарству. Кавалер «Ордена труда с золотым венком».

Малюга Наталия Борисовна – преподавательница в гимназии

Маслова Мария Романовна – преподавательница в сельскохозяйственном училище

Масюкевич Виктор – преподаватель в гимназии

Наумов Владимир Сергеевич – инженер-лесовод при Институте лесоводства, кавалер «Ордена труда с золотым венком»

Нелепа – геодезист

Оглобин Александр Антонович – агроном в Институте по скотоводству и ветеринарии (работал и в Призрене)

Окороков Николай – чиновник

Позняков Борис Александрович – инженер-строитель, главный инженер строительной фирмы «Рамиз Садику». Под его руководством велось строительство современных районов города, здания театра, кинотеатра, школ, гостиниц, прядильной фабрики. Он проектировал жилые здания,

надзирал за строительством Философского факультета и др. Кавалер «Ордена труда»

Позднякова Ирина Александровна – преподавательница в гимназии

Позднякова Татьяна Борисовна – художница-живописец

Светов Иван – педагог в Молодежном образовательном центре. Организовал первые в мире Детские объединенные нации (зарегистрированы при ООН в Нью-Йорке).

Симонов Иван Иванович – геодезист, автор первых топографических карт многих районов Косово.

Сухоруков Сергей – экономист, регент городских любительских хоров

Сухорукова Екатерина – служащая в строительной фирме «Рамиз Садику»

Сухотин Петр – преподаватель в гимназии

Татаринов Всеволод Александрович – архитектор, проектировал первые современные жилищные блочные застройки города

Уманец Константин – преподаватель в гимназии

Успенская Юлия – бухгалтер

Франк Екатерина Семеновна – финансовая чиновница

Шкляренко Федор – техник, работал на реконструкции железной дороги Косовска-Митровица – Рашка

Србица

Собриевский Илья Алексеевич – финансовый чиновник

Урошевац

Дашевский Александр – геодезист

Калинин Николай – инженер-технолог

Ментов Сергей – геодезист

Мигалевский Владимир – преподаватель в гимназии

Сенкин Александр – инженер-строитель, строил православный храм

Стукалов Василий – инженер-лесовод, директор Института по лесоводству

Стукалова Анастасия – преподавательница в гимназии

Федоров – геодезист.

Трудно установить точное число русских эмигрантов проживавших в 20–30-е годы на Косово и Метохии, так как большинство лишь временно работало на постройках и по окончании работ покидало край. Но, можно предположить, что постоянно осевших здесь было до 2-х тысяч человек.

Из официальной переписи населения социалистического периода Югославии приводим статистические данные о числе русских, проживавших в Сербии и на Косово и Метохии:

	1948 г.	1953 г.	1961 г.	1971 г.	1981 г.
Сербия	13.329	7.829	6.984	4.746	2.761
Косово и Метохия	362	273	239	174	112

Быт и досуг русских на чужбине (на примере Нови-Сада)

Подобно тому, как в Белграде и других городах страны, и в Нови-Саде проживали представители разных сословий России – дворяне, мещане, помещики, военные, купцы, интеллигенты, казаки, молодые и пожилые. У каждой группы сложился свой «мирок», свои интересы и досуг.

Появление беженцев из России вызвало понятное любопытство. Новисадцы ходили на благотворительные концерты в пользу русских сирот и военных инвалидов, беженцам помогали, жалели их, в чем-то осуждали. Чаще всего бросались в глаза неприспособленность пришельцев к повседневной жизни, их нежелание прочно устроиться, пусть даже и в течение временного (как они утверждали) пребывания здесь. Удивляли и пренебрежение беженцев к быту, их нарочитая вежливость и изысканность манер. Русских женщин упрекали в лени и чтении книг, в чрезмерном внимании к уходу за собой и своему туалету, а их супругов — за ведение домашнего хозяйства (работы «чисто женские»).

Местных сербов возмущало стремление русских основать собственную приходскую церковь: «Разве сербское православие, мужественно противостоявшее всем натискам Рима и Австрийского двора, не является достаточно православным для наших русских братьев?!». Регулярное посещение русскими их длительных церковных служб, особенно субботних всенощных бдений, удивляло сербов, но вскоре они стали восторженно говорить о пении и атмосфере, царившей в русском храме. Благодаря русским регентам русские церковные песнопения привились в сербских приходах. Встречая перед воскресной литургией знакомых, новисадцы справлялись, в каком храме сегодня будет петь русский хор, и шли туда.

Интересное свидетельство о россиянах оставил пожилой венгр, владелец цветочного магазина. В Нови-Саде не было принято покупать цветы, отправляясь в гости, и его магазин прозябал от продажи венков и букетов,

которые возлагались на могилы. По утверждению цветочника, обычай преподносить хозяйкам цветы привили русские эмигранты. Может быть, это не совсем так, но известно, что среди беженцев преобладали одинокие мужчины, льнувшие к семейному очагу. Случалось, они становились почти членами иных семей, помогали, чем могли и умели. Другие со сладостями каждый вечер ходили в гости и лишь после многих чашек чаю поздно возвращались по неосвещенным улицам окраин в свои неприглядные «чуланы». Хождение к знакомым запросто, без приглашения, не было праздным времяпрепровождением; оно давало возможность узнать новости, познакомиться с людьми нужными, схожих взглядов и интересов, а некоторым – отвести душу, поспорить, отведать русские домашние блюда.

Возможность общаться предоставляли и новисадские русские столовые (Веры Забусовой, Евдокии Ванифатовой и др.), где приятно было испить рюмку перцовки или зубровки, закусив селедкой, маринованными грибами, соленым огурчиком. С появлением русских в продуктовых лавках можно было приобрести водку, сельдь (поступала из Норвегии в бочках), кетовую и паюсную икру, гречневую кашу и чай (московской фирмы «Братья И. и С. Поповы»).

Было ли у русских свободное время? Несомненно, по крайней мере вечером. Членство в благотворительных комитетах, в правлении русского церковного прихода, в офицерских, монархических, культурных и иных кружках отнимало массу времени, энергии, но зато создавало иллюзию прежней жизни. Эмигранты как бы снова становились теми, кем были раньше, забывали свое беженское положение. Они устраивали балы, концерты, готовили любительские спектакли, отмечали юбилеи, принимали заезжих гостей и знаменитостей, читали русские газеты…

Как были обставлены их жилища? Первые годы, когда в Нови-Саде ощущался квартирный кризис, приходилось ютиться в маленьких, сырых помещениях, в одной комнате на всю семью или в зале, отданном нескольким семьям. Некоторым беженцам удалось покинуть родину с достаточным количеством личной клади; это были дорожные кованые сундуки с замками, чемоданы. Внушительных размеров и качества («мирного времени») сундуки превращали в предметы мебели, накрывали вышитыми салфетками, ковриками и редко их отпирали. «Сидеть на чемоданах» значило выжидать и верить в скорое возвращение домой.

Русские привезли с собой семейные или венчальные иконы в окладах, киоты. Их вешали с лампадой в красный угол, на фоне вышитого белого полотенца. У постелей и детских кроваток висели нательные иконки святителей и ладанки. У пожилых вдов стены комнат могли быть увешаны десятками дешевых иконок, которые попадали к ним от умерших подруг. В большинстве

домов были самовары. Местное население поражалось, как беженцам удалось вывести их, не догадываясь, что при эвакуации эти самовары многих спасли от эпидемий и стужи. На стенах русские любили развешивать фотографии Царской семьи и любимых писателей, своих близких. Рамок не было, стекло обклеивали полоской черной бумаги. Декоративные ларчики, где хранились безделушки, колоды карт или документы, размещали на подвесных полочках причудливых форм, которые выпиливали из фанеры лобзиком или выжигали военные инвалиды, казаки. До тех пор, пока в квартирах не появлялись шкафы, буфеты и кровати, их заменяли искусно драпированные материей деревянные ящики, приобретенные в продуктовых лавках. Роль кресел выполняли шезлонги с пестрыми чехлами и вышитыми подушками. Нередко комнаты разделяли складными переносными ширмами. Эмалированные подвесные тарелки над электрическими лампами украшали самодельными абажурами. Этот камуфляж удавался, создавались уют и иллюзия по-домашнему обставленного интерьера. Одно портило впечатление – квартиры русских подчас были переполнены вещами.

Бывшие выпускники российских учебных заведений с благодарностью вспоминали, как в школах их обучали ремеслам. В беженстве пригодились эти умения: мужчины плотничали, столярничали, изготовляли мебель (по памяти умудрялись восстанавливать фасон мебели, какой были обставлены их квартиры в России); женщины обшивали семьи или выгодно зарабатывали шитьем. На досуге увлекались вышиванием бисером, стеклярусом (сумочки, кокошники) или разноцветными нитками (кофты, пояса, косоворотки), вязали. В конце Великого поста расписывали пасхальные яйца; подрабатывали и изготовлением детских игрушек, абажуров для настольных ламп, кукол в национальных костюмах, модных шляпок, цветов из шелка.

Посуду и мебель молодоженам или знакомым на новоселье дарили в складчину, расходы делили поровну. Позднее во многие семьи попадали вещи скончавшихся одиноких соотечественников, – мебель, кухонные принадлежности, книги. Об этом заблаговременно заботились русские адвокаты. В среде колонии было принято опекать престарелых, ухаживать за могилами тех, у кого не осталось близких; ежегодно служились кладбищенские панихиды.

В определенные дни недели русские любили сходиться поиграть в карты, лото, шашки, шахматы. Так создавались не только интимные кружки единомышленников, но и гнезда всяких пересудов, сплетен. Излюбленным местом встреч был читальный зал Библиотеки Русской матицы; там назначали свидания, оставляли письменные поручения, узнавали и обсуждали местные новости.

Оказавшись на чужбине, русские много читали. Местные жители поражались, откуда у пришельцев столько книг, толстых журналов, газет. А

их, вопреки трудностям, выписывали из Берлина, Парижа, Риги, Шанхая… В первые годы эмиграции зачитывались бульварными романами Лаппо-Данилевской, Крыжановской, Нагродской, Куликовского, историческими и приключенческими романами Краснова, Алданова, Минцлова, Чирикова, Наживина, рассказами Тэффи, фельетонами Аверченко, стихами Лоло, Дон-Аминадо, Агнивцева. Произведения Бунина, Зайцева, Шмелева, Куприна, Мережковского, Блока, Гумилева, Есенина стали пользоваться успехом позднее. Читатели всех возрастов и сословий перечитывали отечественную классику; большими тиражами она переиздавалась в Берлине. В офицерских и казачьих кругах знакомились с мемуарами государственных деятелей, военачальников. Военные сами охотно брались за перо, описывали эпизоды мировой и гражданской войн; неизвестно, что из этих рукописей им удалось опубликовать.

В русских домах постепенно создавались личные библиотеки. Книги неохотно давали на чтение знакомым, их берегли, переплетали. Не удивительно, что до наших дней в глухом захолустье Балкан можно обнаружить переплетенные тома петербургских журналов *Нива*, *Маски*, *Столица и усадьба*, *Музыкальный современник*, берлинских *Театр и жизнь*, *Жар птица*, рижских *Перезвонов*, парижских *Иллюстрированная Россия*, *Часовой* или подшивки газет *Русь*, *Возрождение*, *Руль*, *Новое слово*, даже советских журналов *Вокруг света*, *Красная панорама*.

Русская молодежь вела дневники, заводила альбомы, писала стихи. Люди в летах по памяти восстанавливали истории семей, составляли родословные. Бережно хранили фотографии, семейные документы, аттестаты, кредитные билеты. Бездетные охотно заводили домашних животных, чаще собак, а вдовы – кошек; подбирали их во дворах и на улице, кормили бездомных котят, возбуждая насмешку или недовольство соседей. Интеллигенты занимались коллекционированием, в особенности того, что не было связано с материальными издержками: погашенных почтовых марок, открыток с видами курортов или репродукциями произведений искусства, вырезок из газет (на всевозможную тематику); собирали русские пословицы, записывали анекдоты и тексты песен. Другие годами подбирали материал и писали «в стол» какие-либо работы, изучали Священное Писание, философию; из удовольствия и по доброму сердцу обучали соседских детей игре на музыкальных инструментах, рукоделию, иностранным языкам, помогали готовить школьные уроки, пробуждали любовь к природе, рыбной ловле, животным.

Эмигрантская молодежь в большинстве училась в русских кадетских корпусах, девичьих институтах или гимназиях с общежитиями и на каникулы приезжала к родителям. Свободное время юноши и девушки проводили с ровесниками, увлекались теннисом, выезжали на природу.

Характерной чертой эмиграции было вести частую переписку с родственниками и знакомыми, отправлять иллюстрированные открытки с поздравлениями или из мест отдыха и командировок. Писали друг другу и в тот же город, и во многие страны мира. Благодаря этому люди были информированы об условиях жизни на всех континентах. Через Берлин, Латвию или непосредственно из Югославии некоторым удавалось переписываться с близкими в СССР, чаще с теми, кто проживал в провинции. Предприимчивые дельцы открыли конторы, через которые можно было отправлять посылки и денежные переводы в Советскую Россию. В большинстве случаев отправленные деньги в руки получателей не попадали.

В картонных коробках и старых чемоданах, на шкафах и в чуланах русские хранили письма. Как и дневниковые записи, эпистолярное наследие содержит яркие свидетельства об эпохе и пережитых мытарствах изгнанников.

С годами Югославия для русских эмигрантов становилась всё более близкой и дорогой. Они приняли ее устои и культуру. Страной правил православный монарх Александр I Карагеоргиевич, «Король-Рыцарь». Его убийство в Марселе (1934) было воспринято эмигрантами как апокалипсическое повторение злодеяния над российской Царской семьей:

> Король Александр был великим человеком, большим другом русских. Много сделал добра для беженцев в своем молодом и небольшом государстве… Мы проливали искренние слезы, может быть, более искренние, чем сербы, так как потеряли своего покровителя, защитника, свою надежду[68].

Собственный быт неуловим для нас, мы замечаем особенности чужого быта. Белградский поэт Евгений Кискевич (1891–1945) в одном из своих стихотворений своеобразно использовал тему эмигрантского быта:

Я полюбил беседы о погоде,
О родственниках, жалованье, снах.
Ни резким взлетам, ни большой невзгоде
Нет места в наших дружеских речах.

Мы безобидно обо всем толкуем:
Что пишут, как устроиться прочней,
Как сделаться пейзаном иль буржуем
И чем заполнить счастье наших дней.

68 *Жуковски Анатолиј*. Мој живот // *Театрон* (Београд). 1995, бр. 90. С. 95.

……...

Поменьше вечности! Высоким раем
Не совратить наш укрепленный дом,
Мы обволакиваем, обтекаем
Все острое, опасное кругом.

И просто отмыкаем всякий ларчик:
Шкаф несгораемый, и спальню, и киот;
Наш беженский помятый самоварчик
Покорно подвывает и поет,

Урчит о том, как наше бремя просто,
Когда насыпана над жизнью гать,
Как бодро от купели до погоста
Способны мы по жизни прошагать,

Не позавидовав тем донкихотам,
Что жить хотят на сказочной звезде,
Сражаться, ссориться, служить оплотом.
Смышленые, мы можем жить везде,

Чтоб быть, как все, толкуя о погоде,
О правильной житейской полосе,
О женщинах, и братстве, и свободе,
О счастье быть, как все[69].

69 *Кискевич Евгений*. Ноктюрн душе. Стихотворения. Москва, 2008. С. 68–70.

Культурные организации русской интеллигенции

Исследователь развития общества и хозяйства пореформенной России Карл Романович Кочаровский, проживавший в 30-е годы в Белграде, писал:

> В духовном и общественном смысле зарубежников можно разделить на четыре основные группы: 1) Часть их доживает век без всяких духовных и общественных интересов; 2) Множество мелких группок кипятится в политиканстве, думая куда-то «вести» Россию; 3) Есть несколько групп, более даровитых и культурных, с более серьезными установками, стремящихся «служить» России; 4) Некоторые, быть может многие, зарубежники носят в душе немало «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», но хранят их про себя, хотя и живут Россией и думают о ее будущем[70].

До Крымской эвакуации (до ноября 1920 года) в составе беженцев были исключительно интеллигенты: представители науки и практических знаний, государственные деятели, духовенство. Согласно ряду статистических данных, из прибывших в разное время беженцев около 75 % имело среднее или высшее образование при более 50 % (в некоторых районах 80 %) неграмотного населения приютившей их страны. Русским было оказано не только братское гостеприимство, но их охотно устраивали на государственную службу.

Восточные и южные (православные) районы страны были отсталыми и в течение Балканских (1912–1913) и Мировой войн пережили большие потери и разорения, оказались без учителей, врачей, инженеров, священников. Русские в большой степени возместили эти утраты. Северо-восточные сельскохозяйственные районы (до осени 1918 года в составе Австро-венгерской монархии) были охвачены миграционными процессами, – страну покидали венгры, немцы, чехи. К молодому Королевству СХС там относились с недоверием, настороженно. В начале 20-х годов поселившиеся на этих территориях 8–10 тыс. русских сыграли значительную роль в поддержании хозяйства и пополнении административного аппарата на местах, в особенности в отсталых краях или селениях с чистым этническим (неславянским и неправославным) населением. В лице русских беженцев страна получила лояльно настроенные и квалифицированные кадры.

В центральных промышленных районах Боснии и Сербии легко нашли себе работу инженеры, офицеры и казаки – на шахтах, заводах, на строи-

70 *Кочаровский К. Р.* Зарубежье и отечество. В чем мы согласны – что нам делать? Белград, 1939. С. 1.

тельстве дорог и промышленных объектов. Ряд горных и железных дорог проложен руками бойцов Русской армии. Бывшие части Кавалерийской дивизии несли пограничную службу.

Около 10 тыс. русских осело в Белграде. В благоприятных условиях оказались профессора, инженеры, врачи, топографы, педагоги, оперные певцы, артисты и художники театра. Благодаря им ряд государственных культурных организаций смог возобновить свою работу. На качественно более высокий уровень поднялось университетское образование, возникли научные институты, были созданы оперные и балетные труппы в Белграде и Нови-Саде, факультеты в Суботице и Скопле. Русские содействовали стремительному строительству и европеизации патриархального одноэтажного Белграда (в 1920 году – около 110 тыс. жителей), упорядочили законодательство молодой страны, способствовали духовному и хозяйственному возрождению православных монастырей и семинарий.

Культурная жизнь провинции протекала под сильным влиянием русского исполнительского искусства. На службу в военную и гражданскую авиацию были приняты русские летчики, инструкторы и конструкторы. В сельскохозяйственных исследовательских институтах и на полевых опытных станциях трудились русские – пионеры югославской генетики, агрокультуры, почвоведения. Своей «второй родине» они дали много и в медицине, геодезии, архитектуре, киноискусстве, балете, исторических исследованиях, фольклористике, издательской деятельности, а также и на плане своих непрофессиональных видов деятельности – в археологии, шахматах, переводах художественной и научной литературы.

Однако, русская эмиграция в Сербии оставила заметный след в жизни самой диаспоры, протекающей в «русском Белграде» и в примерно двухстах «русских колониях». Самыми крупными они были в Нови-Саде, Панчево, Земуне, Велики-Бечкереке, Белой Церкви, Нише, Крагуеваце…

В колониях сложилась система местного самоуправления, – возникли русские церковные приходы, библиотеки и детские сады, артистические кружки, офицерские собрания и филиалы многочисленных русских политических, военных, спортивных и культурных организаций, центры которых находились в Белграде. Число зарегистрированных организаций постоянно изменялось, – они угасали или объединялись. Многое зависело и от эволюции беженцев в эмигрантов, осознавших, что не близок возврат на родину.

В первые годы неоднородную массу русских волновали вопросы: судьба России и оставшихся там близких, розыск родственников и друзей, устройство на новом месте. Постепенно идейные единомышленники, земляки, люди одинаковых профессий объединяются, вступают в кружки и организации, нередко погрязая в политических распрях. Насыщенная общественная и

национально-культурная жизнь облегчала жизнь интеллигенции, в первую очередь живших в провинции.

Приводим далеко не полный перечень русских объединений, уже по одним названиям свидетельствующий о многогранной деятельности русской эмиграции в Сербии.

Гуманитарные, благотворительные и социальные организации

Всероссийское общество помощи жертвам Гражданской войны и террора;
Всероссийский союз городов (ВСГ);
Всероссийский земский союз (ВЗС);
Комитет помощи русским воинам и их семьям;
Русское благотворительное общество в Белграде;
Российское общество Красного Креста (РОКК);
Здравница баронессы О. М. Врангель в Топчидере (район Белграда);
Амбулатории РОКК в Белграде, Враньска-Бане, Нише, Земуне;
Русский хирургический санаторий-госпиталь в Панчево;
Приют для русских военных инвалидов в Белой Церкви;
Дома для престарелых в Велика-Кикинде, Панчево, Нови-Саде;
Дамский комитет памяти вел. кн. Татьяны Николаевны;
Союз русских инвалидов;
Ссудо-сберегательное общество русских чиновников и торгово-промышленников.

Церковные и духовно-просветительные организации

Собор Русской православной церкви за границей;
Временный Архиерейский Синод РПЦЗ в Сремски-Карловцах;
Общества попечения о духовных нуждах русских православных (по городам);
Мариинские церковные сестричества (по городам);
Лесненский русский женский монастырь в Ново-Хопово;
Мильковский русский мужской монастырь в Мильково;
Русские церковные приходы в Белграде, Земуне, Панчево, Нови-Саде, Белой Церкви, Сремски-Карловцах, Сомборе, Нови-Бечее, Вршаце, Велики-Бечкереке;
Русские домовые храмы при русских гимназиях, девичьих институтах, кадетских корпусах и в ряде городов;
Религиозно-философские братства: Св. Серафима Саровского, Св. Владимира, о. Иоанна Кронштадтского, Св. Креста;

Православно-миссионерское издательство в Белой Церкви;
Старообрядческая община и домовой храм в Белграде;
Калмыцкий буддийский храм и община в Белграде;
Кружок по изучению эзотерических наук Востока в Белграде;
Русская теософическая ложа «Ярослав Мудрый» в Белграде.

Военные организации

Совет объединенных российских офицерских обществ;
Общество галлиполийцев (17 отделов по городам);
Союз участников Первого кубанского (ледяного) похода;
Объединение офицеров Генерального штаба;
Общество кавалеров ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия;
Русский национальный союз участников войны (РНСУВ);
Четвертый отдел Русского общевоинского союза (РОВС);
«Русское народное ополчение» (5 дружин);
Лига русских офицеров и солдат запаса за границей;
Корпус Императорской Армии и Флота (КИАФ);
«Братство русской правды» (подпольная организация);
Кружки военного самообразования;
Общество ревнителей военных знаний (ОРВЗ);
Русские военно-научные курсы ген. Головина (13 филиалов);
Русская охранная группа («Русский корпус») в Сербии;
Около сотни объединений: гвардейских Преображенского, Кирасирского, Драгунского, гусарских, уланских полков, военных юристов, артиллеристов, топографов, саперов, офицеров военно-воздушного флота, радио-телеграфистов, интендантских служб, пехоты, кавалерии, гардемаринов, выпускников военных академий, училищ и кадетских корпусов.

Политические и общественные организации

Парламентская группа;
Объединение городских гласных и председателей городских дум;
Объединение гласных земских органов самоуправления;
Окружной совет Объединения монархических организаций;
Русский комитет (объединял около 80 общественных, научных, профессиональных и прочих организаций монархической ориентации);
Эмигрантский комитет (аполитическое, внепартийное объединение);
«Союз восстановления Родины» (монархисты-конституционисты);
«Русское согласие» (монархисты-легитимисты);

«Молодая Россия» (евразийцы);
Союз русской национальной молодежи (9 отделов);
Союз младороссов (Младоросская партия);
Национальный союз нового поколения (НСНП), позднее – Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП);
«Лига Обера» (лига борьбы с Третьим интернационалом);
Русское трудовое христианское движение (42 филиала);
Новосадское русское правление верноподданных Престолу;
Русский национальный монархический союз в Нови-Саде;
Русское центральное объединение (центристы-монархисты парламентского типа; более 10 отделов);
Комитет монархического единения;
Русский национальный комитет (либералы, кадеты правого уклона);
Объединение прогрессивной и демократической русской эмиграции;
«Крестьянская Россия» (Трудовая крестьянская партия);
Республикантско-демократическое объединение (РДО);
Земгор (партия эсеров);
Железный союз долга и чести (фашистского уклона);
Национальное общество русских женщин;
Общество распространения национальной и патриотической литературы.

Спортивные организации

Краевой союз Русского сокольства (22 отдела);
Русский спортивный клуб в Белграде (много секций);
Русский яхт-клуб им. Петра Великого в Белграде;
Русское филателистическое общество;
Организация российских юных разведчиков (ОРЮР);
Национальная организация русских скаутов (НОРС);
Общество рыболовов-любителей в Белграде.

Профессиональные организации

Объединение чиновников Министерства внутренних дел России;
Союз русских педагогов;
Русско-сербское общество медиков;
Союз русских писателей и журналистов в Белграде;
Союз русских инженеров;
Союз русских архитекторов;
Общество русских агрономов, лесников и ветеринаров;

Общества и объединения: сенаторов, правоведов, лицеистов, пажей, помещиков, торгово-промышленников, пчеловодов, таксистов, артистов эстрады и др.

Научные организации

Общество русских ученых;
Русская академическая группа;
Русское археологическое общество;
Русский научный институт в Белграде;
Русский военно-научный институт в Белграде;
Институт изучения России;
Институт изучения России и Югославии (при Земгоре);
Кружки изучения России;
Курсы обобщающего научного изучения России;
Донская историческая комиссия;
Высшие научные курсы современной полицейской техники;
Институт им. Н. П. Кондакова (в 1939 г. из Праги переехал в Белград).

Культурные организации

Общество славянской взаимности;
Русский народный университет в Белграде;
«Русская матица» (Любляна, отделения в Мариборе, Храстоваце, Загребе, Баня-Луке, Нови-Саде, Сомборе, Црвенке, Велики-Бечкереке, Бачка-Тополе, Ужице, Кралеве);
«День русской культуры» – объединения русских организаций;
Союз ревнителей чистоты русского языка в Белграде;
Русская публичная библиотека в Белграде;
Русский дом им. Императора Николая II в Белграде;
Юбилейный комитет к празднованию 950-летия крещения Руси;
Комитет русской культуры (Руски културни одбор);
Юбилейный Пушкинский комитет.

Литературные и художественные общества и кружки

Литературно-художественное общество в Белграде;
Лига искусств в Белграде;
Русское литературно-музыкальное общество в Нови-Саде;
Общество русских дилетантов в Нови-Саде;
Белградское русское драматическое общество;

Общество русских художников;
Русское объединение художников КРУГ;
Русское музыкальное общество в Белграде;
Русский хор им. М. И. Глинки в Белграде;
Русский церковный хор Придворной капеллы;
Театральная студия А. Черепова в Белграде;
Балетная студия Е. Поляковой в Белграде;
Русская студия искусств (при Земгоре);
Белградские литературные и поэтические кружки: «Гамаюн», «Книжный кружок», «Новый Арзамас», Кружок молодых поэтов, «Беседа», «Поэзия и проза», «Литературная среда».

Русская эмиграция в Сербии развернула богатую издательскую деятельность. В Белграде выходили газеты *Русская газета*, *Новое время*, *Возрождение*, *Старое время*, *Царский вестник*, *Русский голос*, *Русское дело*, *Русский народный вестник*, *Новый путь* и др. Включая провинциальную печать, выходило более 300 наименований газет и журналов, опубликовано около 1500 книг и брошюр[71]. Издательская комиссия при Комитете русской культуры выпустила в свет 43 книги серии «Русской библиотеки» – новых литературных сочинений И. Бунина, Б. Зайцева, А. Куприна, Д. Мережковского, Е. Чирикова, К. Бальмонта, А. Ремизова, Н. Тэффи, И. Шмелева, И. Северянина, М. Алданова и других, а также 12 книжек «Детской библиотеки» и «Библиотеки для юношества».

16–23 сентября 1928 года в Белграде состоялся IV съезд русских академических организаций за границей при участии видных ученых, а 25–30 сентября 1928 года – Съезд русских писателей и журналистов за рубежом, на который съехалось более сотни делегатов и гостей из многих стран. Весной 1930 года в Белграде прошла Большая выставка русского искусства, явившаяся событием в культурной жизни столицы. Было представлено свыше 400 работ живописцев и скульпторов. Наряду с работами И. Репина, А. Бенуа, И. Билибина, Н. Гончаровой, Б. Григорьева, М. Добужинского, К. Коровина, М. Ларионова, Н. Рериха, К. Сомова экспонировались произведения 38 русских художников, проживавших в Югославии[72]. В Белграде состоялись персональные выставки Ф. Малявина и Н. Богданова-Бельского. Сербию навещали Анна Павлова, Тамара Карсавина, Федор Шаляпин, Сергей Прокофьев, Иван Бунин, Борис Зайцев, Аркадий Аверченко, Игорь Северянин,

71 См.: *Качаки Јован*. Руске избеглице у Краљевини СХС / Југославији: Библиографија радова 1920–1944. Покушај реконструкције. Друго, допуњено издање. Београд, 2003. С. 8.

72 См.: Велика изложба руске уметности у Београду. Каталог. Београд, 1930.

Николай Бердяев, Иван Ильин, Игорь Сикорский. Сюда шли письма от Вячеслава Иванова, Владислава Ходасевича, Николая Евреинова…

Культурная история Сербии межвоенного периода не отмечает значительных акций по сближению местной и русской интеллигенции, какие имелись в Праге и Париже. Чаще всего контакты осуществлялись на уровне профессиональной работы – при Сербской академии наук, учебных заведениях, театрах, издательствах и проч. В литературном плане таких попыток сближения было несколько. В 1923 году на русском и сербском языках вышел в свет первый (и единственный) номер литературно-художественного журнала *Медуза* – «орган пропаганды русского искусства в Югославии и ознакомления с сербским творчеством русских». В нем помещены заметки о современных поэтах Югославии, переводы стихов А. Ахматовой, А. Блока, прозы А. Ремизова и репродукции картин Л. Браиловского. Русская студия искусств при Земгоре в 1927 году выпустила общественно-литературный сборник *Ступени*, в котором приняли участие русские и сербские поэты и литераторы.

Уникальным изданием во всем русском зарубежье тех лет можно считать *Руски архив*, – журнал, освещавший вопросы политики, культуры и хозяйства России, выпускаемый в 1928–1937 годах на сербском языке научным отделением белградского Земгора (по 6 номеров в год). Основной его целью было объективное, без эмигрантского озлобления и пристрастий, ознакомление югославской общественности с положением и изменениями в Советской России, а также с новинками литературы и искусства русской эмиграции. Сотрудниками журнала были и русские из Праги, Парижа (Марк Слоним, Марина Цветаева, Алексей Ремизов), представители сербской интеллигенции.

Писатель Ирина Ефимовна Кунина-Александер в 30-е годы собирала в Загребе хорватскую интеллигенцию левой ориентации, писателей и художников кружка «Земля», оказывала им материальную помощь. В белградском культурно-литературном журнале *Бизанта*, а также в лучших сербских журналах *Мисао*, *Српски књижевни гласник* и новисадском *Летопис Матице српске* и других сотрудничали русские. В Белграде было устроено несколько выставок русских и югославских художников и архитекторов, а в 1937 году во многих городах совместными силами торжественно и широко отмечено 100-летие со дня гибели А. С. Пушкина.

Союз русских писателей и журналистов в Белграде

Возникновение этого союза и вся его деятельность протекала в условиях менее благоприятных, чем в Берлине, Париже и Праге, где было гораздо больше журналистов и литературных сил. Однако вокруг него стали группироваться русские интеллигенты – люди пера, науки и искусства.

Инициатива его создания принадлежит журналистам А. И. Ксюнину и Е. А. Жукову. Белградский союз основан 1 октября 1925 года. На первом собрании почетными членами были избраны Е. В. Аничков, И. А. Бунин и В. И. Немирович-Данченко[73]. Своей главнейшей задачей союз считал работу против коммунистической пропаганды и идейную работу за освобождение России. Он содействовал распространению и публикации фактов, которые вскрывали сущность большевизма в России: письма писателей из Советской России, резолюции протеста-митинга в Париже в 1929 году против бессудных казней в СССР, открытого письма графини А. Л. Толстой «Не могу молчать» и др.

Союз принял участие в деле издания и распространения журналов и газет. При нем было сформировано книжное представительство, связанное с виднейшими русскими зарубежными издательствами. Им выпускалась серия книг на сербском языке «Словенски класици» (произведения Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрина). На русском языке вышла ценная «Антология новой югославянской лирики» – подвиг молодых поэтов Ильи Голенищева-Кутузова, Екатерины Таубер и Алексея Дуракова. В 1926 году союз выпустил пять номеров литературно-общественного журнала *Призыв*, в котором сотрудничали видные зарубежные писатели, а в 1926–1927 годах выходила еженедельная газета *Россия*. Белградский союз располагал библиотекой, в которую поступил весь фонд русской библиотеки в Карлсруэ, основанной И. С. Тургеневым. Особый интерес представлял отдел газетных вырезок – тетрадей по различным вопросам со специальным на них каталогом. Профессиональная деятельность союза имела своей задачей объединение русских писателей и журналистов, оказание им моральной и материальной поддержки, защиту авторских прав, чтение произведений авторами с последующим обменом мнениями, предоставление возможности выступать публично на общественно-политические темы в «Устной газете». Благодаря его инициативе и подготовительной работе в 1928 году в Белграде состоялся Съезд русских писателей и журналистов за рубежом, завершившийся учреждением Зарубежного союза с Советом в Париже и Правлением в Белграде. Белградскому союзу удалось добиться официального признания полномочий в деле защиты авторских прав писателей зарубежья. Постепенно он сделался культурным центром, вокруг которого объединились и русские профессора, артисты, художники. В его списках насчитывалось свыше 200 человек. В своих помещениях союз приютил Кружок молодых поэтов, кружок «Беседа», драматическую студию, редакцию журнала *Бизанта*, кружок «Поэзия и проза» и Союз ревнителей чистоты русского языка (как автономного филиала союза). Он организовал три литературных конкурса, провел выставки художников А. А. Вербицкого

73 На страже России. Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии. 1925–1935. Белград, 1935. С. 7.

и В. Я. Предоевича (копии фресок древних сербских монастырей и «Старый и новый Белград»), поставил ряд любительских спектаклей, концертов русской музыки, литературно-художественных и балетных вечеров, балов. Чтение авторами своих произведений производилось на «камерных вечерах», а публичные лекции, собрания и «устная газета» дали ему обширную аудиторию. Тут выступали осевшие в Сербии русские (В. В. Шульгин, П. Б. Струве, М. П. Чубинский, Е. В. Аничков, С. В. Штейн) или приезжие – А. А. Кизеветтер, В. А. Мякотин, Д. С. Мережковский, А. И. Куприн, И. А. Ильин и многие другие.

За 16 лет своего существования, вплоть до германской бомбардировки Белграда 6 апреля 1941 года, не всё в союзе протекало гармонично, не обходилось без политических разногласий и интриг, однако многим русским он предоставлял объективную, своевременную, исчерпывающую информацию и давал возможность принять участие в общественной жизни, сохранить себя русскими.

Союз ревнителей чистоты русского языка

Как своеобразное культурное явление в русском зарубежье этот союз возник в 1928 году в Белграде. К началу 1937 года в нем было 110 членов. Его бессменным председателем был Евгений Александрович Елачич. В год празднования 100-летия со дня кончины А. С. Пушкина союз издал свою Памятку – «скромную попытку собрать воедино наиболее часто встречающиеся искажения нашей разговорной речи»[74]. В разные годы он выпускал воззвания, в которых отмечалось: «Одним из первых условий сохранения своей национальности является родной язык. Человек, плохо говорящий по-русски, едва ли русский; ребенок, думающий не по-русски, вероятно, уже утерян для русской культуры». Основной целью союза было всемерное содействие охране чистоты русского языка. В Памятке даются многочисленные примеры его порчи на чужбине. Приведем несколько:

Засорение иностранными словами: абстрактный – отвлеченный; дегенерация – вырождение; претендовать – притязать; позитивный – положительный.

Неправильные выражения: «займите мне» – вместо: «дайте мне взаймы»; «всё ж таки». Следует говорить: или «всё же», или «всё-таки»; ошибочное нововведение «проработать вопрос».

Опошление языка: «Мне ужасно хочется спать».

Употребление слов в неправильном значении: «Я обязательно приду» – вместо: «Я непременно приду».

Ошибки от смешения с родственным сербским языком.

74 В защиту русского языка. Памятка Союза ревнителей чистоты русского языка. Белград, 1939. С. 7.

Об ударениях: Русские дети за рубежом часто произносят, читая по книге: «Мальчик побежал по по́лю», тогда как в России грамотные прочтут, а неграмотные уверенно скажут «бежал по́ полю» (ударение на предлоге). Дух языка вряд ли можно привить книжным путем.

Для достижения поставленных целей союз устраивал встречи и собеседования, содействовал углублению познаний русского языка и лучших образцов художественной литературы, призывал безотлагательно приняться за работу по сохранению родного языка. Поэтесса Лидия Алексеева (Девель), состоявшая одно время секретарем союза, вспоминала: «Мы ядовито ловили друг друга на употреблении ненужных иностранных слов и неправильных оборотов. Евгений Александрович был высок, худ, педантичен, вегетарианец и держал нас всех в повиновении»[75].

В богатом архиве Союза ревнителей чистоты русского языка хранились газетные вырезки с примерами засорения языка – ценный материал для исследований[76].

Русский научный институт в Белграде

Событием в истории русской эмиграции явился IV съезд русских академических организаций за границей, состоявшийся в 1928 году в Белграде. В отличие от предыдущих трех, проведенных в Праге (преимущественно организационных), белградский съезд имел научный характер. Под председательством профессора В. Г. Коренчевского, члена Листерова института в Лондоне, на съезде было прочитано 104 доклада (из Югославии – 58), принят ряд резолюций и учрежден постоянный центр для развития свободной русской науки – Русский научный институт в Белграде, открытие которого было провозглашено 16 сентября, в день открытия съезда. В связи с основанием института в Белград переехал академик П. Б. Струве, экономист и социолог с мировым именем.

С 1920 года в Белграде уже существовало Общество русских ученых, а с 1921 года – Русская академическая группа (как более либеральная, выделившаяся из этого общества). Примерно 70 профессоров российских университетов, занявших кафедры в трех университетах страны, занимались не только профессиональной деятельностью и наукой, но и образованием русских людей на чужбине. Они преподавали в русских гимназиях, читали лекции в Русском народном университете в Белграде или по приглашению русских культурных кружков ездили в провинцию. Члены института состав-

75 *Алексеева Л.* Из воспоминаний о Белграде. – Русский альманах. Париж, 1981. С. 367.

76 После войны архив Союза ревнителей чистоты русского языка из Русского дома был вывезен в СССР. Сегодня хранится в Москве, в ЦГАЛИ и ГА РФ.

ляли и ядро Русского археологического общества, Союза русских инженеров, публиковали свои труды в русских периодических изданиях, принимали участие вмеждународных научных конференциях.

До основания Русского научного института в Белграде подобные институты возникли в Праге и Берлине, однако благодаря материальной поддержке югославского правительства новый институт вскоре стал ведущим во всей эмиграции. Число действительных членов (лиц, занимавших прежде кафедры в высших учебных заведениях России, или профессоров югославских университетов) было достаточно устойчивым (40–60), а число членов-сотрудников постоянно росло (в 1929 году – 12; в 1938 году – 48). В работе института принимали участие и югославские ученые. В Белград приезжали известные ученые из Праги, Парижа, Берлина, Лондона, Рима, США. Институт устраивал лекции и выступления приезжих писателей, поэтов.

Органами института были Совет (все члены) и Правление (исполнительный орган). До его вынужденного закрытия в 1941 году, председателями были: бывший ректор Киевского университета Е. В. Спекторский, академик Ф. В. Тарановский, бывший профессор Новороссийского университета А. П. Доброклонский и бывший профессор Донского университета А. И. Игнатовский. Институт имел специальные отделения – гуманитарных наук, естественных и математических.

Корифеями науки в Югославии являлись: математики Ант. Д. Билимович, Н. Н. Салтыков, В. Х. Даватц; механики и машиностроители: В. З. Жардецкий, Я. М. Хлытчиев, Г. Н. Пио-Ульский, В. В. Фармаковский; медики: хирурги Вс. Н. Новиков, С. К. Софотеров, интернист А. И. Игнатовский, патологи Н. Е. Акацатов, С. Н. Салтыков, Д. М. Тихомиров, анатом И. Ф. Шапшаль, гинеколог А. А. Редлих, оториноларинголог С. А. Попов, эпидемиолог С. А. Рамзин, психиатр Н. В. Краинский, невропатологи М. Н. Лапинский, А. С. Кульженко, бальнеолог А. И. Щербаков, бактериолог Д. Ф. Конев; минералоги Н. А. Пушин, А. И. Косицкий; гидролог С. П. Максимов; агрономы А. И. Стебут, Н. И. Васильев, Т. В. Локоть, И. П. Марков; лесовод А. И. Шеншин; биологи В. Э. Мартино, Ю. Н. Вагнер; геодезисты И. С. Свищёв, Д. В. Фрост; экономисты А. Д. Билимович, Л. Я. Таубер; богословы, историки и юристы А. П. Доброклонский, С. В. Троицкий, Е. В. Спекторский, М. П. Чубинский, Ф. В. Тарановский, А. В. Соловьев, К. М. Смирнов, М. А. Георгиевский, Л. М. Сухотин; византолог Г. А. Острогорский; палеославист В. А. Мошин; филологи и литературоведы С. М. Кульбакин, Е. В. Аничков, А. Л. Погодин; археолог Д. Н. Сергеевский.

Работа института заключалась в организации научных заседаний, курсов и семинаров, в чтении докладов (с прениями) и публичных лекций, в издании

научных трудов, оказании помощи молодым ученым (стипендии и введение в методику научной работы), в обмене изданиями со всеми славянскими академиями и важнейшими западноевропейскими университетами. При институте имелась научная библиотека.

За первые десять лет своего существования им были организованы 23 конференции, подготовлено около 670 сообщений и докладов[77]. Особое внимание институт уделял изучению всех аспектов прошлого и настоящего Югославии, сбору данных о деятельности русских ученых за границей и публикации их научных работ на русском языке.

Издания Русского института в Белграде:

– Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Часть 1: Гуманитарные науки; Часть 2: Естественные науки. Белград, 1929 (79 докладов);

– Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 1–17. Белград, 1931–1941 (180 трудов);

– Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Вып. 1, 2. Белград, 1931, 1941 (около 14 тыс. библиографических единиц).

Русское археологическое общество

Общество зародилось летом 1921 года в Белграде из небольшого научного кружка. Его составляли М. А. Георгиевский, С. Р. Минцлов, Н. В. Мятлев, Е. А. Пасынкин, А. Л. Погодин, С. Н. Смирнов, А. В. Соловьев и В. Н. Халаев. Начав со скромных экскурсий, изучения фресок в монастырях Сербии, кружок во главе с председателем профессором А. Л. Погодиным быстро окреп и превратился в общество, насчитывавшее свыше 70 членов.

До своего роспуска в апреле 1941 года Русское археологическое общество находилось под высоким покровительством княгини Елены Петровны (сестры короля Александра, вдовы убитого великого князя Иоанна Константиновича Романова). Оно тесно сотрудничало с сербскими учеными, исследовало архивы, предпринимало научные экспедиции и устраивало чтение публичных лекций не только по археологии, но и по истории, искусству, славянской культуре.

Особую ценность до наших дней сохранили три объемистых тома *Сборника Русского археологического общества* (1927, 1936, 1940, всего 776 стр.). В них опубликованы труды о хазарах, о происхождении глаголицы, памятниках ассирийского законодательства, провинциальном римском ис-

77 *Спекторский Е. В.* Десятилетие Русского научного института в Белграде. – *Записки Русского научного института* (Белград). 1938. Вып. 14.

кусстве, славяно-финских древностях, византийском роде Ангелов, о сербских навигаторах среди южных славян и т. д.

Профессор Белградского университета Д. Анастасиевич в своей приветственной речи по поводу десятилетия работы общества, удивляясь результатам его деятельности и учитывая недостаток средств, объяснил этот успех исключительно тем идеализмом, который присущ русским представителям науки[78].

Русское музыкальное общество

Группа русских музыкантов и любителей музыки, начиная с 1925 года, давала в Белграде популярные концерты. Одним из главных их устроителей был пианист и дирижер Илья Ильич Слатин, основатель русского хора им. М. И. Глинки.

Официальной датой возникновения Русского музыкального общества в Белграде можно считать 2 января 1928 года, дату утверждения его устава. Основателями общества были Владимир Александрович Нелидов, И. И. Слатин, Владимир Иванович Бельский (либреттист опер Н. А. Римского-Корсакова), Василий Николаевич Штрандтман, проф. Александр Васильевич Соловьев и Михаил Николаевич Каракаш.

Первым председателем был избран И. И. Слатин, а позднее – В. И. Бельский, занимавший этот пост до 1941 года. Помимо упомянутых, деятельными членами общества были: братья Александр и Владимир Слатины, София Николаевна Давыдова-Слатина, Нина Дмитриевна Мисочко-Егорова, Раиса Леонидовна Караводина, Феофан Венедиктович Павловский и Иван Александрович Персиани. В общество входило около сотни человек и содержалось оно на редкие пожертвования и от членских взносов. Общество имело собственную библиотеку нот и книг по музыке.

Кроме публичного исполнения музыкальных произведений, общество заботилось о музыкальном просвещении его членов и русской молодежи.

Как отмечал В. И. Бельский, вначале оно занималось исключительно устройством концертов – вокальных, камерных, симфонических и хоровых. Из-за отсутствия постоянного зала для выступлений, некоторое время преобладало устройство камерных вечеров (в здании Сербской Академии наук), – для узкого круга, т. н. еженедельные «воскресники». На них выступали музыканты и поэты, члены общества и гости, русские и сербы – певцы, инструменталисты, маленькие ансамбли.

---

78 *Осведомитель.* Десятилетие Русского археологического общества в Югославии. – *Россия и Славянство* (Париж). 1931. – 5 декабря.

Общество заботилось об организации чтений о русском искусстве. Во время своего временного пребывания в Белграде проф. И. И. Лапшин прочитал 12 лекций «Силуэты русских композиторов», А. В. Соловьев и Е. А. Елачич читали цикл лекций о русских операх.

Педагогическая деятельность общества проявлялась в чтении курсов теории и истории музыки для регентов церковных хоров. Практическую гармонию читал И. А. Персиани (ученик А. К. Лядова) и Ю. Н. Ковалевский (ученик Р. М. Глиэра), историю музыки – А. В. Соловьев, историю русского церковного пения – протоиерей Петр Беловидов. С 1930 года проводились занятия по игре на духовых инструментах, в целях образования собственного оркестра. Под руководством Н. Д. Мисочко-Егоровой ежемесячно давались концерты с участием русских преподавателей музыки и их учеников, а при приезде европейских исполнителей (Н. А. Орлов, Н. Н. Черепнин и др.), общество не упускало случая дать русским преподавателям возможность проверить свои педагогические приемы, познакомить со своими достижениями.

С осени 1931 года общество собирало пожертвования для выдачи двух стипендий талантливым ученикам.

С открытием «Русского дома» в 1933 году, Русское музыкальное общество получило возможность чаще устраивать публичные концерты во вместительном театрально-концертном зале на 740 мест. Силами членов общества, в 1933 году там была исполнена опера «Майская ночь» Н. А. Римского-Корсакова, а в 1934 году состоялось концертное исполнение оперы «Жизнь за царя» М. И. Глинки.

В дни германской оккупации Белграда Русское музыкальное общество прекратило свое существование (как почти все другие русские общества и организации), но в Русском доме продолжалась концертно-театральная деятельность, в которой принимали участие оставшиеся в Белграде бывшие его члены.

Русский дом им. Императора Николая II в Белграде

С учреждением в 1928 году Комитета русской культуры (Руски културни одбор) под покровительством слависта Александра Белича, выпускника Московского университета и впоследствии президента Сербской академии наук, русским культурным организациям были выделены значительные денежные ассигнования. В ведение комитета вошли Русский научный институт, Русское музыкальное общество, объединения хорового пения и драматические труппы, Общество русских художников и «Русский сокол» в Белграде. Комитет помогал пополнению фондов Русской публичной библиотеки, поддерживал белградские съезды русских ученых, писателей и инженеров, содействовал

организации большой выставки Русского искусства. В 1931 году комитет приступил к осуществлению постройки Русского дома, уникального в те годы мероприятия в среде российской диаспоры, рассеянной по свету, – апофеоза отношения югославского правительства к русской эмиграции.

На его торжественном открытии 9 апреля 1933 года академик А. Белич сказал:

> Этой части нашей земли, в которой мы живем, старому Королевству Сербии, полуразрушенной, замученной, лишенной многих сотен тысяч лучших своих сынов, павших на войне, русские эмигранты оказали действительно существенную культурную помощь. Пройдет еще очень много времени, и в строительстве новой культурной жизни нашей страны все еще будет заметно участие в ней русских интеллигентов, у нас живших… Его Величество Король Александр I, вдохновитель мысли о его постройке, как глубоко ценящий огромное значение духовных нужд русского народа, усмотрел, что помощь народа русским людям не будет исчерпывающе полной, если мы не позаботимся и об этой стороне их жизни[79].

Величественное здание, возведенное в стиле русского ампира (архитектор В. Ф. Баумгартен), являлось центром научной, просветительной и художественной жизни, приняв под свои своды: Русский научный институт, Военно-научные курсы, Русскую публичную библиотеку (после Тургеневской библиотеки в Париже самую ценную в русском зарубежье), русско-сербские мужскую и женскую гимназии, начальную школу, общество «Русский сокол», два музея, театральные труппы, Русское музыкальное общество, Союз русских художников и другие организации. В нем были концертно-театральный зал (на 750 мест), ателье для художников, кабинеты, гимнастический зал, бильярдная и т. д.

Русский дом, как и русский храм Св. Троицы (1924), были едва ли не единственным местом общения русской эмиграции в суровые военные годы германской оккупации Белграда. После Второй мировой войны и смены государственного строя в Югославии, здание и инвентарь Русского дома были переданы в пользование Советскому Союзу. Вскоре дом был переименован в «Дом советской культуры» и стал выполнять иную культурную миссию.

79 Русский дом имени Имератора Николая II. Белград, 1933. С. 33, 37.

Новисадское отделение «Русской матицы» (Пример культурной работы русской интеллигенции в провинции)

На обложке одного из изданий новисадского отделения Русской матицы (1926) читаем:

> Слово матица, употребительное в древнерусском книжном языке, означает в прямом смысле пчелиную матку. В древнерусской письменности «Матицы» – сборники религиозных, философских и нравственных статей – составляли одно из излюбленных чтений. В практике славянских народов Матица есть национально-культурное объединение, собирающее духовные силы народа для борьбы с утратой национального лица и культурных традиций. Согласно с этим Русская матица есть культурно-национальное общество, целью которого является:
>
> а) поддержание и развитие национального сознания среди русских людей;
>
> б) содействие народному просвещению;
>
> в) объединение русских людей на почве национально-культурной работы. Русская матица зовет в свои ряды всех национально мыслящих русских людей во имя спасения священных традиций, передачи культурных богатств русской науки, искусства и жизни, ради содействия религиозному, национальному и нравственному воспитанию русских детей.

Идея учредить на чужбине Русскую матицу возникла с учетом столетнего опыта прочих матиц – Польской (1822), Сербской (1826), Чешской (1831), «Иллирийской», т.е. Хорватской (1842), Лужицко-сербской (1847), Галицийско-русской (1848), Словацкой (1862), Словенской (1863), Далматинской (1863). 30 апреля 1924 г. в Любляне беженцы создают *Русскую матицу* и принимают ее устав. Председателем был проф. Александр Дмитриевич Билимович (1876–1963), а с 1931 г. проф. Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951).

Деятельность Русской матицы не могла ограничиться лишь Любляной – городом, в котором осело сравнительно мало беженцев. Вскоре ее отделения возникли в Загребе, Баня-Луке, Велики-Бечкереке, Нови-Саде, Црвенке, Храстоваце, Кралево, Бачка-Тополе, Ужице, Сомборе, Мариборе (даже в Брюсселе).

Отделение Русской матицы в Нови-Саде основано 5 апреля 1925 г. В него влился возникший еще в ноябре 1922 г. местный Русский национальный кружок. До ноября 1927 г. председателем новосадского отделения Матицы

состояла Александра Анатольевна Розеншильд фон Паулин (в замужестве Сердюкова), а после нее (до роспуска отделения в апреле 1941 г.) – Дмитрий Васильевич Скрынченко (1874–1947), преподаватель истории и латыни в гимназии. Помимо председателя в правление входили: секретарь, казначей, библиотекарь, ревизионная комиссия. К концу 1928 г, новосадское отделение насчитывало 185 членов, в 1933 г. – 275, а в 1941 г. – 152. Все довоенные годы отделение вело разнообразную и плодотворную деятельность. Были открыты курсы обучения русскому языку, устраивались торжественные «академии», приуроченные к знаменательным датам: 50-летию Русско-турецкой войны, юбилейным годовщинам Л. Толстого, Глинки, Гоголя, ген. Скобелева, Тургенева, лекции о Достоевском, Писемском, балерине Анне Павловой, «академия», посвященная Острожской Библии; проводились праздники «День русской культуры», отмечены 100-летие Матицы сербской в 1926 г. и 100-летие со дня смерти Пушкина в 1937 г.

Театральная секция новисадской Матицы ставила спектакли и устраивала концерты. Актерами выступали Н. Л. фон Гаас, Н. Н. Быков, Ю. А. Мариюшкин, М. М. Сердюков, М. К. Шидловский, Н. В. Феденко-Проценко и др. Режиссером был Е. П. Морозов. Сохранились сведения о постановках оперы «Наталка-Полтавка» Н. В. Лысенко, комедии «Свадьба Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина, произведений Тургенева в инсценировке Н. Л. фон Гааса. В концертах принимали участие Н. Н. Архипова, К. Е. Александрович, Н. Н. Саначин, кн. Н. П. Трубецкой, С. С. Усов, С. Р. Драусаль и др.

Особой популярностью пользовались лекции, устраиваемые местным отделением Русской матицы, на которые помимо новисадцев приглашались читать доклады русские профессора из других городов. Например, в 1928 г. с докладами выступили:

– проф. Белградского университета Ф. В. Тарановский*: Евразийский проект русской истории и его критика;*

– ген.-майор А. Н. Черепов*: История Первого Кубанского похода;*

– проф. Белградского университета А. И. Щербаков*: Источники минеральных вод и курорты в Югославии;*

– И. А. Гарднер*: Афон;*

– полковник А. Л. Мариюшкин*: Русско-турецкая война 1877–1878 гг.;*

– проф. пражского Карлова университета И. О. Панас*: Об украинстве и украинском язык;*

– архитектор Н. П. Ге*: Архитектурные красоты Санкт-Петербурга;*

– митрополит Антоний*: Религиозное и моральное мировоззрение Ф. М. Достоевского;*

– проф. Люблянского университета Е. В. Спекторский*: Заветы Пушкина, Внешняя политика России XIX–XX вв.;*

– Д. В. Скрынченко: *Национальные задачи русской эмиграции, Славянское движение в России в канун Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.*

Новисадское отделение Русской матицы было устроителем лекций и на сербском языке, которые читались в залах Матицы сербской. Из Белграда часто приглашались сотрудники Русского научного института. В сентябре 1928 г. отделение принимало участие во встрече делегатов, прибывших в Белград на Четвертый съезд русских академических организаций за рубежом.

В 1928–1929 гг. новисадская Русская матица собрала данные о российских военнопленных, погибших в этих краях в 1915–1918 гг., и на пожертвованные по подписке деньги соорудила на новисадском Успенском и петроварадинском Военном кладбищах мемориальные восьмиконечные кресты из камня. Новисадское отделение частично финансировало издание на сербском языке воспоминаний бывшего австро-венгерского военнопленного в России, словенца Рудольфа Трушновича, который лишь в 30-е гг. возвратился из СССР[80].

Помимо существовавших в Нови-Саде Русской публичной библиотеки Союза городов и Библиотеки русских военных летчиков была создана третья — Библиотека новисадского отделения Русской матицы. В момент основания она насчитывала 283 книги, а к 1941 г. ее фонд возрос приблизительно до 7-ми тыс. томов. Книги поступали путем закупок, обмена за издания Русской матицы и частных пожертвований (митрополита Антония, А. М. Чаговца, В. И. Майбородова, Д. В. Скрынченко, М. И. Шуминской, С. С. Полетики-Успенской и др.).

После длительного сбора средств и поиска места, 23 ноября 1930 г. читальный зал библиотеки был торжественно открыт. Для бесплатного пользования выписывались эмигрантские газеты и журналы: белградские *Русский голос*, *Военный журналист*, *Галлиполийский вестник*, *За Родину!*, *Пути русского сокольства*, берлинское *Новое слово*, прикарпатская *Православная Русь*, парижские *Возрождение*, *Россия и Славянство*, *Иллюстрированная Россия*, *Часовой* и др.[81] В 1934 г. новисадское отделение Русской матицы открыло филиалы своей библиотеки в городах Сремска-Митровица и Винковцы; книгами отделение снабжало приют и начальную школу для русских сирот при монастыре Хопово, школы при шахтах г. Бор (Восточная Сербия) и в Ужгороде, даже русскую колонию в африканском местечке Курригха. Деятельным библиотекарем был Александр Михайлович Чаговец (1890–1932),

80 *Трушновић Р.* Стара и нова Русија: Белешке Словена. Скопље, 1937.

81 По распоряжению временного советского военного областного управления в ноябре 1944 г. почти вся периодика и часть книжного фонда Библиотеки Русской матицы в Нови-Саде сожжены. Часть книг, преимущественно русская художественная литература, поступила в фонды Библиотеки Матицы сербской и Народной библиотеки «Джуро Даничич» (ул. Дунавска, 1).

его сменила Елена Алексеевна Дергаченко. Библиотека Русской матицы размещалась на главной улице города (ныне ул. Змай-Йовина, 4, на 2-м этаже), некоторое время – во дворах ул. Короля Александра и ул. Футошка, а с сер. 30-х гг. – в прежнем здании Матицы сербской на центральной площади[82].

Издательская деятельность новисадского отделения Матицы скромна. Из пяти изданий первое является самым значительным и известным: сборник *Благовест* (выпуск I)[83]. Книга состоит из 5 тематических разделов, озаглавленных: 1) Национальное движение, 2) Сокровищница русской культуры, 3) Лики Святой Руси, 4) Недоумения и вопросы, 5) Библиография и хроника. Редактор сборника А. А. Розеншильд-Паулин и секретарь редакции В. Ф. Григорьев привлекли в число сотрудников видных деятелей эмиграции: митрополита Антония, проф. Ал. Д. Билимовича, В. В. Шульгина, проф. Е. В. Спекторского, проф. Н. С. Арсеньева. А. А. Розеншильд-Паулин опубликовала в сборнике свою драму «Совершенная любовь», на его страницах нашлось место и патриотическим стихотворениям новосадской молодежи; В. Ф. Григорьев составил содержательную хронику Русской матицы.

Сборник буквально пропитан идеей сохранения на чужбине русских культурных ценностей, религиозного и национального сознания. В рецензиях на *Благовест* это отмечала и эмигрантская пресса. В софийской ежедневной газете *Русь* от 3 сентября 1925 г. читаем:

> Стремление русской эмиграции к национальному единению, повидимому, следует признать знамением времени, символом действительно существующей, но, может, еще не вполне ясно формулированной потребности устроить жизнь на основах и средствах, завещанных нам вековой русской культурой. Одним из выражений отмененного духовного движения является, несомненно, и сборник Русской матицы... Отделы сборника составлены интересно, и поставленные ими вопросы, несомненно, должны вызвать увеличение размера следующих номеров. Думается даже, что первые сборники не смогут дать ответов на эти вопросы, ибо, это чувствуется, инициаторы Матицы не выступают с готовой догмой и в этом их организующая сила...

Парижская газета *Возрождение* 18 сентября 1925 г. откликнулась на новисадское издание рецензией П. Б. Струве:

82 Историјски архив Новог Сада. Ф. 13866/1931 (Обрачун Руске матице за 1930 годину); Русская матица в Новом Саде // *Русский народный вестник* (Белград), 1941. – 6 апреля.

83 *Благовестъ*. Сборникъ № 1 Русской матицы. Отд. Новый Сад. Югославия. Новый Сад, 1925.

> В первом сборнике *Благовеста* помещены содержательные и хорошо, с подлинным национальным подъемом написанные статьи... Выход таких сборников в трудных условиях нашей зарубежной жизни есть во всяком случае отрадный признак того, что, несмотря ни на что, национальное сознание не гаснет, а наоборот – разгорается, прочно соединяясь с подлинным возрождением православного духа...

В поддержку *Благовеста* был устроен сбор средств, собрали 8246 динаров (Матица сербская выделила тысячу динаров). Этого оказалось достаточно, чтобы продолжить издание «Благовеста», который наметили выпускать ежеквартально. Однако вторая тетрадь сборника так и не вышла. На оставшиеся средства в 1926 г. выпущены две брошюры «Библиотеки *Благовеста*» (задуманной как периодическое, нумерованное издание для детей и юношества): «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина и «Стих о Егории Храбром»[84].

В первом выпуске новисадские редакторы обосновали необходимость таких изданий:

> Восстановление собственности и семьи, устройство, укрепление, упорядочение жизни, разбитой годами мук, смертей и бегства, становится для слишком многих единственным идеалом. С каждым годом, с каждым днем множатся и пополняются ряды детей, не понимающих и не видавших России. В суете нашей жизни, неумолимо поглощающей все наши силы, все время, оскудевает русская душа и рвется родная традиция. Растут и множатся разбросанные в целом мире представители новой интернациональной породы русские иностранцы. Долг наш – препятствовать этому. И если лично каждый отец и каждая мать не в силах окружить ребенка уютом родного быта, дать ему няню... они должны и могут дать ему русскую книгу...

В трогательном обращении к маленькому читателю редакторы ведут с ним беседу: «Знаете ли вы, где ваше настоящее *отечество,* родина ваших родителей? – Если ты встанешь лицом к восходящему солнцу в Европе или спиной к нему в Америке, то перед тобой далеко-далеко будет Русская земля...»

Второй выпуск предназначался детям старшего возраста. На обложке брошюры приведены «Заветы Матицы русской русской молодежи»:

1. Знать родной язык, всегда употреблять его в разговоре с русскими, изучать родную страну;

2. Быть терпеливым, не оставлять дела, не доведя его до конца;

---

84 *Пушкин А. С.* Сказка о рыбаке и рыбке / Библіотека *Благовеста*: Вып. № 1. Новый Сад, 1926; Стихъ о Егоріи Храбромъ / Библютека *Благовеста*: Вып. № 2. Новый Садъ, 1926.

3. Быть честным и не посрамить имя русского;
4. Сделать из себя человека, чтобы служить России;
5. Стремиться русской молодежи к объединению;
6. Возлюбить Родину свою и Веру.

Сам же «Стих о Егории Храбром» удивительно гармонирует с программой *Благовеста* и его «Библиотеки». Этот старинный духовный стих возник под влиянием религиозной литературы и исполнялся каликами перехожими, паломниками по святым местам. Исследователи приписывают стиху космогонический характер, но в отличие от подобных стихов в нем говорится не о сотворении мира, а об устройстве и просвещении земель русских.

Третий выпуск Библиотеки *Благовеста* (1927) финансировался, по всей вероятности, самостоятельно. Стремясь сохранить периодичность выпусков и учитывая объем, редакция присвоила ему номер 3/6. В нем опубликован труд «Душа Православия»[85] Николая Сергеевича Арсеньева (1888–1977), д-ра философии, видного деятеля экуменического движения, культуролога и поэта. Проф. Арсеньев не проживал в Югославии, но приезжал на съезды в Белград и Сремски-Карловцы, читал лекции или присылал свои статьи в журналы.

Лишь через девять лет вышло в свет еще одно, последнее, издание новисадской Русской матицы. Скромный сборник *Зарницы*[86], с боязливо проставленной цифрой «1», содержит 16 стихотворений новисадцев – судьи Владимира Ивановича Майбородова (1879–1963), Валентины Николаевны Дорофеевой и бывш. лейтенанта флота, секретаря местной Русской матицы Анатолия Григорьевича Бальца (1894–?). Сборник открывается предисловием:

> Прошло уже 16 лет нашего изгнанничества. Постепенно вымирает старшее поколение, принесшее за границу остатки великой русской культуры. Далеко не все в нашем прошлом было плохо, и далеко не все среди эмиграции было мелочно и безнадежно... Конечно, главное, чем жила и живет эмиграция, это Родина, ей отдают все мысли, все надежды, ей посвящаются и искры поэзии, которая всегда живет в русской душе. И Новый Сад имеет эти искры. Желая сохранить их для памяти будущих русских поколений, правление и решило, насколько будут позволять средства, выпускать в свет эти блестки русской эмигрантской мысли, тоски, страданий...

85 *Арссньев Н.* Душа Православия: Радость воскресения и преображение твари / Библиотека *Благовеста*: Вып. № 3/. Новый Сад, 1927.

86 *Зарницы*: 1 / Русская матица. Новый Сад, 1936.

Как культурно-просветительное общество, новисадское отделение Русской матицы пользовалось покровительством короля Александра, однако Дворцовая канцелярия на просьбы правления откликалась редко. Финансовые дела новисадского отделения все более ухудшались, но оно оставалось самым деятельным. Издательская инициатива люблянского центра Русской матицы шла по другому руслу – организационному и научному.

Первая публикация:
Русская эмиграция в Югославии. Сборник статей / Ред. колл. А. Арсеньев, О. Кириллова, М. Сибинович. Москва : Издательство «Индрик», 1996. С. 46–71.

«Мы покажем, что и здесь, далеко за пределами родины, живо творчество, живо искусство русское...» Русское искусство в Югославии

Последние десятилетия XIX в. в России отличались бурным развитием всех видов искусств. Ознакомление с некоторыми из них в Европе произошло в 1862 г., на Мировой выставке в Лондоне, а затем и на подобных выставках в Париже, где с успехом выставлялись произведения русского кустарного, народно-прикладного искусства и исполнялись симфонические произведения Петра Чайковского. Популярность в мире завоевывают переводы художественной литературы выдающихся русских писателей. Иван Тургенев и живописец Мария Башкирцева пленяют парижские салоны. Россия тех лет вступает в период политического и экономического преуспевания, ее интеллигенция полонит лучшие университеты Германии, Швейцарии. Россию навещают мировые музыкальные исполнители, писатели, ученые.

Тема России, историческая роль и судьба народа, вопросы «Россия и Запад», «Восток и Запад» обсуждаются, ведутся поиски смысла художественного творчества. Произведения русского искусства отличаются свежестью, новизной. Общественный прогресс, но и поражение России в Русско-японской войне, оказывают мощный импулс для развития социально-культурных утопий, правда, возникающих и на Западе. В России это проявляется в эсхатологических построениях философа Николая Федорова, в музыкальных произведениях Александра Скрябина, монументальных полотнах Михаила Врубеля, в пьесах Леонида Андреева. Поэт-символист Андрей Белый смело утверждал: «Последняя цель культуры – пересоздание человечества»[87].

Культурная миссия Сергея Павловича Дягилева к 1905 г. меняет направление: после успешного ознакомления российской общественности с заграничными художественными течениями, он русское искусство показывает Западу. В 1906 г. в парижском «Осеннем салоне» Дягилев выставляет русскую живопись, вскоре и в Берлине, Венеции. С 1907 г. в Париже ежегодно станут проводиться «Исторические русские концерты», а до 1929 г. мировая столица искусства увлекается «Русскими сезонами» («Русским балетом»). Исключая годы войны, там ежегодно будут показывать балеты, оперы, работы художников «Мира искусства», будут выступать Шаляпин, Анна Павлова, Нижинский... Русские артисты гастролируют в Монте-Карло, Лондоне, Риме, Берлине, Испании, в обеих Америках. Реализуя свои смелые

87 *Белый А.* Символизм. Москва, 1910, стр. 10.

замыслы, Дягилев привлекает сотрудников – Дебюсси, Равеля, де Фалью, Кокто, Пикассо, Мийо, Пуленка, Сати, Миро, Эрнста, Матисса, Дерена, Брака, де Кирико, Коко Шанель... Россия не только становится генератором современной мировой культуры, но ее художники и артисты движут искусство вперед, вдохновляют других.

Высокие художественные достижения в России явились следствием массового занятия людей различными видами художественного творчества. В начале XX в. открываются народные музыкальные консерватории, художественные курсы, в которых талантливая молодежь бесплатно приобретает образование, по стране возникают концертные агентства, рабочие хоровые коллективы, культурные клубы, любительские театральные труппы. Занятие искусствами становиться неотъемлемым досугом интеллигенции в провинции – учителей, врачей, инженеров, офицеров, чиновников. Процветает меценатство. Творческая интеллигенция и капитал содействуют демократизации искусства. Так, на пример, в период 1900–1907 гг. было продано 500 тыс. граммофонов, а в одном военном, 1915 г., лишь одна лицензионная фабрика в России выпустила 20 милл. граммофонных дисков[88]. Российская кинопродукция не отступала от европейской. Популярны были эстрада, варьете, цыганские романсы, оркестры народных инструментов.

Однако, искусство не только становилось доступно массам. Интересные свидетельства об элитаризме и состоянии культуры в российских столицах к 1910 г. отложилось на страницах дневников русских эмигрантов:

> В этот период смешалось всё: апатия, уныние, упадничество – и чаяние новых катастроф. Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоту, – в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура – цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую литературу своей, знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле были гражданами вселенной, хранителями великого культурного музея человечества. Это был мир упадка. Мы не жили, мы созерцали всё самое утонченное, что было в жизни, мы не боялись никаких слов, мы были в области духа циничны и нецеломудрены, в жизни вялы и бездейственны. В известном смысле мы были, конечно, революция до революции – так глубоко, беспощадно и губительно перекапывалась почва старой традиции, такие смелые мосты бросались в будущее[89].

88 Русская художественная культура конца XIX – начала XX века (1908–1917). Кн. 3. Москва, 1977, стр. 484.

89 *Кузьмина-Караваева Елизавета.* Встречи с Блоком. // *Современные записки* (Париж). 1936. № 62.

> Читаю исповедь Айседоры Дункан. Время мое и ее было сумбурное. Много было искренней, пережитой позы, деланного и восторженного увлечения искусством: точно опоили нас всех дурманом такие вот сумбурные типы, как Борис Пронин. Мы сознавали их восторженную пустоту, за которой не было решительно ничего, но вместе с тем мы поддавались этому сумбуру, какому-то *исканию*, экстазу. *Шаманство* – вот слово, лучше его не сыщешь. Я думаю, что оно шло от низов к верхам и кончило оно дворцом и Распутиным. Мерещилось что-то в большом нашем мареве, и вот этот туман перешел с искусства в жизнь, а потом – в политику и государство. Желтые движущиеся газы – сладковатые, отдающие эфиром... И Андрей Белый, и Блок, и Брюсов, и Андреев – все были заражены маревом и газом. [...] Да, мы не принимали жизни всерьез. Мы скользили по ней, гоняясь за удовольствиями и удачами. И теперь наказаны жестоко. Мы питались идиотской иронией, это было какое-то стихийное молодечество, какой-то дэндизм[90].

Мировая война в ряды интеллигенции внесла волну патриотизма. Артисты выступают перед солдатами на фронте, дают концерты в лазаретах, сотрудничают с Красным крестом и комитетами помощи Сербии. В ноябре 1914 г. Леонид Андреев пишет вдохновенное «Слово к Сербии» («Помогите сербу, молча проливающего свою кровь...»). В январе 1915 г. Александр Скрябин в Петрограде дает сольный концерт в пользу русского отряда, которого княгиня Трубецкая снаряжает в Сербию.

Революция, голод, гражданская война, хаос и террор в стране вытеснили за пределы родины значительное число художников, артистов, музыкантов, танцовщиков. Столичные знаменитости обосновались в мировых культурных центрах, совершая турне и прославляя русское искусство. Менее известные, профессионалы или талантливые дилетанты, прибыли в большом количестве на Балканы как беженцы с юга России. О них сохранилось много отрывочных сведений: чаще всего это шумно разрекламированные в провинциальной прессе имена. Несмотря на то, что эти художественные натуры не обладали гениальностью, чтобы вести искусство по новому руслу, они самоотверженно хранили все созданное ранее, любимое, родное. Художники и артисты щедро делились тем, что сохранилось в памяти, в сердце. В городах и глухой провинции их принимали искренне, радушно. Главным являлись доступность, живой голос и подлинно русское исполнение. С другой стороны, они были миссионерами культуры, патриотами, прививавшими вывезенному на чужбину молодому поколению любовь к родине.

---

90 *Юрий Ракитин*. Дневник. Записи от 25 октября 1939 г. и 23 августа 1940 г. (рукопись). – Позоришни музеј Војводине, Нови Сад. Фонд Ј. Ракитина.

В нач. 20-х гг. часть русских литераторов и художников проявляет интерес к местным народным традициям в Королевстве СХС, знакомится с интеллигенцией новой среды. Возникло несколько кружков и клубов для сближения русских с сербскими деятелями культуры, но они быстро гасли. Совместными силами они всё-таки успевали в Белграде выпустить литературно-художественный журнал или сборник. Такие двуязычные издания не удавалось сделать периодическими, средств хватало лишь на первый выпуск. В одном из таких изданий, представляющем библиографическую редкость, находим призыв, характеризующий энтузиазм беженцев и их цели:

> Белград – центр политической и художественной жизни Югославии и той части России, которая перекочевала сюда со всеми своими достоинствами и недостатками, талантами и бездарью, – должен быть центром и объединения славян. Не старая, уставшая Европа спасет родину, только в стенах Славянского Дворца зародится спасение истерзанной и умирающей, той России... И мы кладем свой камень на постройку этого дворца. Мы покажем, что и здесь, далеко за пределами родины, живо творчество, живо искусство русское, что не иссяк источник вдохновения и только обострился от боли, от горьких мучений. Мы познакомим сербов с лучшими образцами творчества тех, кто на своих плечах перенес всю скорбь, все страдания маятной России[91].

Обещания выполнялись. Русские стали вестниками русского и мирового искусства, повсюду где они опустили свои чемоданы или куда приехали на гастроли.

Культурная жизнь провинции протекала под знаком русского искусства. Так, на пример, сербские газеты Нови-Сада 20-х гг. хранят след нахлынувшей волны русских гастролеров: оперных и эстрадных певцов, солистов балета императорских театров, музыкантов, народных хоров, трупп классического и пластического танца, артистов цирка... Можно предположить, что местное население и русская колония Нови-Сада этим обилием были утомлены и пресыщены, однако, напротив – в послевоенные годы интерес к культуре возрос, люди были утомлены войной, жаждали пережить приятное.

Под влиянием гастрольных выступлений русских певцов при новисадском Сербском народном театре в 1920 г. была основана оперная труппа. За несколько лет существования (1920–1925) ею поставлено более 20 опер. Большинство солистов, хористов и музыкантов составляли бывшие артисты оперных театров Петербурга, Москвы, Одессы, Киева, Варшавы, Тифлиса,

91 *Медуза*. Петнаестодневни књижевно-уметнички часопис (Београд). Бр. 1. – 1. јули, стр. 1.

принятые в театр по контракту или приезжавшие на гастроли из Белграда. Дирижерами труппы были Петр Никифорович Колпиков (1895–?) и Федор Петрович Селинский (1874–1957), получивший музыкальное образование в родном Симферополе[92]. Спектакли ставил могучий бас, многолетний музыкальный педагог Евгений Семенович Марьяшец (1883–1953). Супружеская пара, бывшие солисты Одесского оперного театра Надежда Николаевна Архипова (1894–1967) и Николай Сергеевич Баранов (1893–1933) открыли в Нови-Саде частную школу вокала, бесплатно обучая талантливых учеников. Из этой школы вышло несколько выдающихся югославских певцов. Позднее через профессиональный класс Ольги Константиновны Молчановой (1879–1971), выпускницы Киевской консерватории, бывшей солистки Киевского оперного театра, педагога новисадского Среднего музыкального училища, пройдет новая плеяда будущих оперных певцов.

После гастролей русских артистов балета в 1921 г, в балетную труппу при новисадском Сербском народном театре были приняты Елизавета Равская, Мария Соболева, Валентина Валина. Прима-балерина В. Валина несколько лет держала частную балетную школу (в 1922 г. ее посещало 45 учеников). Преподавателями танцев и ритмической гимнастики в местных школах являлись Вера Николаевна Горская и Вера Дмитриевна Чалеева-Гортынская (1901–1985).

Как пример насыщенности русским исполнительским искусством культурной жизни Нови-Сада можно привести театральный сезон 1923/24 гг., когда прошли гастроли русских солистов балета и гастроли Русской драматической труппы из Белграда (в постановке Ю. Л. Ракитина показана комедия-сатира из жизни российских беженцев «Индейский бог» А. Ренникова). Сербский народный театр поставил оперу *Евгений Онегин*, на сербском языке в этом театре шли пьесы: «Самое главное» Н. Н. Евреинова, «Государственный преступник» В. А. Рышкова, «Преступление и наказание» по Достоевскому, «Любовь» И. Н. Потапенко, «Заяц» и «Дядюшкин дом» И. И. Мясницкого, «Эпидемия» М. И. Рассудова, «Женитьба» и «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Нахлеб-

92 Ангажементы в Новосадскую оперу получили солисты: Елена Ловшинская, София Драусаль, Надежда Архипова, Варвара Сибирякова, Вера Горская, Николай Баранов, Василий Ширай, Константин Жукович, Михаил Верон-Волконский, Евгений Марьяшец, Александр Троснянский, Виктор Григорьев, Наркис Гукасов. Постоянными гастролерами выступали: Лев Зиновьев, Георгий Юренев, Елизавета (Лиза) Попова, Павел Холодков, Михаил Каракаш, Евгения Вальяни, Ксения Роговская-Христич, Александр Риго, Марк Марков, Ольга Шмидт-Кринская, Анна Юренева, Неонила Волевач, Анна Дориан и др. Многие из этих певцов вскоре разъехались по странам Европы.

Хор оперной труппы составляли исключительно русские. Его полный состав в сезоне 1925/26 гг.: Елизавета Равская, Ксения Муравцева, Ольга Тургенева, Антонина Трегубова, Мария Шевченко, Александра Флегинская, Евгения Энгельгардт, Елена Эрдман, Николай Аплечеев, Сергей Вендерович, Валериан Калинин, Николай Мельников, Даниил Таран, Сергей Федоров, Григорий Янышев. (см.: Народно позориште у Новом Саду. Годишњак позоришне сезоне 1925/26. Нови Сад, 1926, стр. 7).

ник» И. С. Тургенева. В 1923 г. концерт дала Надежда Плевицкая, в январе 1924 г. состоялся литературный вечер Аркадия Аверченко. В марте 1924 г. с триумфом прошли спектакли труппы Московского Художественного театра при участии А. Вырубова, М. Германовой, В. Греч, М. Крыжановской, Н. Массалитинова, П. Павлова и др. Были показаны «Вишневый сад», «Дядя Ваня», «Село Степанчиково», «Екатерина Ивановна» (Л. Андреева), «Дочь моря» (Г. Ибсена), «Поединок жизни» (по Диккенсу). Вторые гастроли пражской труппы МХТ в Нови-Саде состоялись в апреле 1926 г. (дано восемь спектаклей).

В октябре 1924 г. в Сербском народном театре Нови-Сада А. А. Верещагин поставил спектакль «Палата № 6» по Чехову. Часто на гастроли в Нови-Сад приезжала белградская Русская драматическая труппа (1925 г. – «Без вины виноватые»; 1927 г. – «Осенние скрипки» И. Сургучева). В марте 1926 г. прошло шесть спектаклей русской театральной труппы «Синяя птица» из Берлина. В 1927 г. на помостах только что открытого и вскоре прогоревшего ресторана «Москва» выступил знаменитый эстрадный певец Юрий Морфесси. В феврале 1928 г. состоялся балетный вечер Тамары Карсавиной, в 1929 г. и 1934 г. дал концерты знаменитый Хор донских казаков Сергея Жарова.

В 1928–1929 гг. в Сербском народном театре Нови-Сада спектакли ставит и исполняет главные роли Лидия Васильевна Мансветова (1893–1966), выпускница Петербургской консерватории и драматической студии Ю. Э. Озаровского при Александринском театре. В нач. 20-х гг. актриса прибыла в Белград со своим супругом Александром Илиодоровичем Сибиряковым (1868–1936), бывшим руководителем одного из театров Одессы. После успешных гастролей их труппа русской драмы вскоре распалась, и супруги были вынуждены кочевать по театрам Королевства СХС: Загреб, Сплит, Сараево, Осиек, Сомбор, Нови-Сад, снова Сараево, Сплит. Один сезон они проводят в Милане, Неаполе и Риме (Сибиряков работал в Италии как оперный режиссер). В Нови-Саде Л. В. Мансветова ставит пьесы («Анфиса» Л. Андреева, «Нора» Г. Ибсена, «Сон любви» А. И. Косоротова, «Ложь» В. К. Винниченко и др. Столетие со дня рождения Л. Толстого Сербский народный театр отметил спектаклем «Анна Каренина» в инсценировке и постановке А. И. Сибирякова (открытие сезона 1928/29 гг.)

Листая провинциальную прессу нач. 20-х гг. убеждаемся в том, что культурная жизнь и в других городах Сербии, «Старой Сербии» (Македонии), Боснии и Герцеговине, Черногории, да и в регионах, ранее находившихся в составе Австро-Венгрии, протекала под сильным влиянием русского исполнительского искусства. На театральных помостах, в залах гостиниц, ресторанов, кинематографов давались русские концерты с пением, инструментальными сольными выступлениями, оперными ариями и романсами, танцами в народных костюмах, балетными и кабаретными номерами. На

загородном плацу казаки демонстрировали джигитовку и танцевали лезгинку с кинжалами в зубах.

Распространенный дилетантизм, который в дореволюционной России превратился в своеобразный спорт привел к тому, что художественно одаренные люди, оказавшиеся в эмиграции, переориентировались, не находя работу по своей профессии. Югославская публика недоумевала и часто была заведена в тупик: под вывеской «русского искусства» подавалось всё – от гастролей труппы МХТ до пошлых гримас русских «артистов» в сербских кафанах.

Сочувствие людям, лишенным родины, еще свежие симпатии и благодарность за военное союзничество, но и желание ближе познакомиться в Россией и ее своеобразным искусством, которым так восторгается Европа, – привели к тому, что успех имели и те, кто этого далеко не заслуживал. Первые годы эмиграции отличаются хвастовством русских артистов и сомнительной рекламой.

После многих истекших лет, когда сегодня говорим о влиянии русских эмигрантов на югославскую культуру, располагая слабо сохранившимися данными, необходимо быть осторожным. Этот вклад русских отличался не одним качеством или сравнительно редкими высокими профессиональными достижениями, а своей массовостью, демонстрацией широкого художественного потенциала, умением самоорганизоваться и обогатить культурную жизнь, прежде всего – провинции: исполнением сонат Бетховена в Куманово (первый в истории города сольный фортепианный концерт дала молодая русская девушка!), хора Кубанской казачьей дивизии на курорте Враньска-Баня, спектаклем «Ревизора» и концертом на духовых инструментах кадет Донского кадетского корпуса в Билече, выступавшими в Дубровнике, Никшиче и Требинье. Публика этих мест, народ трех конфессий, восторженно рукоплескал кадетам и кричал: «И опет, опет! Йош, йош!»[93].

Художественный уровень выступлений русских в провинции удовлетворял вкусам и запросам населения. В живописи, логично, ценился один реализм, в архитектуре преобладал классицизм и эклектика.

Многие русские, которые в эмиграции начали свою публичную художественную деятельность, по разным причинам покидали Балканы и проникали глубже в Европу. Приводим любопытный отрывок из письма дочери новисадского оперного певца Василия Сергеевича Ширая (1885, СПб – 1960, Париж):

> Я, по всей вероятности, очень Вас огорчу, так как ничего не могу сказать про папину артистическую карьеру. Он стал оперным певцом

93 Устное свидетельство бывшего кадета Николая Федоровича Букина, участника этих выступлений.

совершенно случайно, и вот каким образом. В нашей семье, как и во всех хороших семьях до революции, оперная карьера была невозможна, т. е. редкие были люди-дворяне, которые делались артистами. Папин отец был гвардейским офицером, и жили они в Петербурге. Мой папа окончил юридический факультет в Петербурге и пошел по этой дороге до самой эмиграции. Но помимо университета он учился пению в консерватории. Наша семья была очень музыкальной. Все играли на рояле, в том числе и папа, но кроме того, у него был хороший голос. Попав в Сербию, не зная языка, он своих юридических знаний использовать не мог, но зато голос, знание музыки и оперы дали ему идею это использовать, и таким образом он очутился в Нови-Саде в опере. Пробыл он там недолго и скоро уехал с мамой за границу, а я осталась в русском девичьем институте, пока они разъезжали по Европе. Обосновавшись в Париже, мой отец никогда больше не занимался пением[94].

Многолетняя карьера некоторых профессиональных артистов, уже полностью сформировавшихся в России, играла значительную роль на чужбине. Но нельзя пренебречь и самоотверженный труд русской интеллигенции-дилетантов, которые в новой среде проявили талант и любовь к одному из видов искусства и выполняли значительную культурно-просветительскую миссию.

Были русские, которые полностью и с особым энтузиазмом организовали культурную жизнь в провинции, силами местного населения. Так, с 1921 г. в Македонии оказался Сергей Николаевич Михайлов (1885–1975). Как педагог, он налаживал музыкальную жизнь – сперва в местечках Кавадарци и Джевджелия, а с 1924 г. – в городе Штип, где он и скончался на 90-м году. В местном театре Сергей Николаевич ставил целые оперы, под сопровождением одного фортепиано! Был основателем и преподавателем начальной музыкальной школы и среднего музыкального училища. Сочинял музыку, является автором детской оперы Ружанка[95].

Не перечесть русских регентов в православных храмах и любительских певческих коллективах по всей стране! Не все обладали профессиональным музыкальным образованием, но как выпускники российских военных училищ, состоя в казачьих войсках, или как образованные люди, которым занятие искусствами было частью повседневной жизни – у них было достаточно музыкальных знаний и воли. В новой среде, в которой они оказались, других и лучших не было. Русские эмигранты внесли заметный вклад в искусство хорового пения в Сербии: основали и дирижировали любительскими и церковными хорами, устраивали духовные концерты, гармонизировали

94 Письмо Нины Васильевны Ширай-Гошэ от 25 февраля 1994 г. – Собрание автора.

95 Leksikon Jugoslavenske muzike. Knj. 2. Zagreb, 1984, str. 6.

сербские духовные песнопения, преподавали пение в духовных семинариях и гимназиях, изучали православное пение.

Приводим биографию одного русского регента:

Степан Георгиевич Гущин (1888–1970). По личному желанию и распоряжению сербского епископа Михаила, с сентября 1921 г. стал преподавателем и регентом в Призренской духовной семинарии. Преподавал там ровно 20 лет. В Киеве С. Г. Гущин окончил историко-филологический факультет (1912) и консерваторию (1915). В 1920 г. эмигрировал в Королевство СХС и попал в город Панчево, где легко устроился регентом Панчевского певческого общества и возникшего там хора русских беженцев. Назначенный преподавателем в Призренскую семинарию, С. Г. Гущин одновременно был многолетним регентом церковного хора Призренского певческого общества им. Царя Уроша. В первые дни оккупации Призрена итальянцами в 1941 г., его скрывал у себя местный турок и помог ему бежать в оккупированный немцами Белград. Все военные годы Степан Георгиевич преподавал пение в Белградской духовной семинарии им. Св. Саввы, являлся регентом знаменитого Первого белградского певческого общества и Церковного певческого общества им. Покрова Пресвятой Богородицы.

Судьба беженца, в Гражданскую войну растерявшего жену и детей, была жестока и осенью 1944 г. Он был арестован югославскими органами, отправлен в лагерь в Вршац и сдан в руки органам Красной армии. Его супруга (второй брак, художница Вера Пузанова), в попытке доставить ему пищу через окно камеры, была уличена и расстреляна. Расстрелы заключенных без суда миновали его камеру. После допросов, проведенных прибывшими в лагерь сотрудниов органов НКВД, С. Г. Гущин был выпущен и возвращен в Белград. Тут он продолжил свое любимое дело: в 1945–1947 гг. состоял регентом нескольких хоров культурно-артистических обществ – «Рабочий», «Д-р Сима Милошевич», медицинского факультета Белградского университета, «Водопровод», «Пролетарий». Декретом Министерства просвещения в октябре 1947 г. Гущин был направлен в город Ниш – преподавателем пения в музыкальную школу, а в 1949 г. назначен преподавателем и директором музыкального училища. Помимо работы в школах, он руководил хоровыми коллективами «Абрашевич», «Станко Паунович», «Светозар Маркович», хором Радио Ниша и хором при Национальном театре (48 хористов). Степан Георгиевич избирался председателем Нишского филиала Союза музыкальных педагогов Сербии и филиала Союза музыкальных деятелей Сербии. Особенно много сил он вкладывал в проведение ежегодного певческого фестиваля «Югославские певческие празднества в Нише» («Југословенске хорске свечаности у Нишу»).

По выходе на пенсию, в 1959 г. Степан Георгиевич был приглашен в Лесковац для устройства музыкальной жизни этого города, а с 1961 г. стал преподавать русский язык и литературу в пединститутах Ниша и Вранье. В 1968 г. С. Г. Гущину присвоено звание почетного члена Союза музыкальных деятелей Сербии. Но, что самое для него было главное, этот исключительно скромный, деликатный, трудолюбивый и глубоко верующий человек до последних дней своей жизни оставался регентом хора соборного православного храма в Нише[96].

Большинство молодых русских, которые в эмиграцию попали с родителями или в составе эвакуированных с юга России кадетских корпусов и девичьих институтов, в Королевстве СХС продолжило свое среднее образование в русских учебных заведениях, по более-менее дополненным и измененным программам дореволюционной России. Их дальнейшее художественное образование и артистическая деятельность были связаны с новой средой, дающей им возможность выдвинуться. Так на пример, Анатолий Михайлович Жуковский (1905–1998) в белградском Народном театре от статиста (1922) вырос до первого танцовщика и руководителя балетной труппы (1938). Его вклад в сохранении, сборе, художественном исполнении и популяризации национальных танцев народов Балканского полуострова до сих пор не изучен.

А что сказать про создателей «Белградской школы комикса» – нового вида графического искусства (романа в картинках): о Юрии Павловиче Лобачеве (1909–2002), Николае Павловиче Навоеве (1913–1940), Сергее Васильевиче Соловьеве (1891–1975), Константине Константиновиче Кузнецове (1895–1980), Иване Ивановиче Шеншине (1899–1944), Алексее Борисовиче Ранхнере (1897–1942)!? Проф. Жика Богданович ответил:

> В 30-е годы их художественное наследие нас в Югославии, наряду с Белградским кругом художников-надреалистов, ближе всех других приблизило к европейским кругозорам. Относительно творений в жанре комикса Белград оказался среди четырех-пяти европейских центров[97].

Новое поколение русских, деятели искусств «русского происхождения», родившееся на чужбине – художники Леонид Трофимович Шейка (1932–1970), Ольга-Оля Васильевна Иваницкая (1931–2009), Игорь Алексеевич Васильев

96 *Јовановић Н.* Животни пут, дело и лик угледног диригента, Стевана Гушчина у вишедеценијском делању у Нишу. // *Нишки весник* (Ниш). 2008. – мај, стр. 14–15.

97 *Богдановић Жика*. Руси су дошли и по ведром дану можете видети вечност. // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. [Том] 2. Београд, 1994; стр. 71.

(1928–1954)... имели ли право утверждать, что они продукт югославской среды и мировых художественных влияний? Все они были воспитаны на русских сказках и русских романах, знали родной язык.

Художественное творчество русских эмигрантов трудно принимать обособленно, вне их членства в русских культурных кружках и русских профессиональных объединениях. Значимыми являлись:

- Русская матица, Любляна. Филиалы в Мариборе, Загребе, Храстоваце, Баня-Луке, Велики-Бечкереке, Нови-Саде, Бачка-Тополе, Црвенке, Сомборе, Кралеве, Ужице;
- Общество русских художников КРУГ, Белград;
- Союз русских писателей и журналистов в Югославии, Белград;
- Литературные кружки «Гамаюн», «Литературный кружок», «Новый Арзамас», «Литературная среда»;
- Русский общедоступный театр, Белград;
- Русское музыкальное общество, Белград;
- Студенческое артистическое русское театральное общество (САРТО), Белград;
- Русский кружок любителей искусств, Нови-Сад;
- Русский любительский театр, Дубровник;
- Русский оркестр балалаек Г. Д. Черноярова, Нови-Сад;
- Русский хор им. М. Глинки, Белград;
- Хор трубачей Кубанской казачей станицы, Нови-Сад;
- Русское певческое общество, Белая Церковь;
- Русские музыкально-драматические общества в Нови-Саде, Добойе, Суботице, Нише, Крагуеваце, Нови-Бечее, Скопье, Мостаре, Осиеке, Панчеве...
- «Руски културни одбор» с Издательской комиссией, Белград;
- «День русской культуры», проводимый ежегодно во многих городах.

В рамках этих объединений протекала разнообразная культурная жизнь эмиграции, предоставлявшая возможность местной общественности знакомиться с достижениями русского искусства – в драматургии, музыке, эстраде, литературе, живописи, прикладном искусстве.

Решением Двора, при материальной поддержке Правительства, ряда организаций и частных лиц, в 1933 г. в Белграде открылся Руссский дом им. Императора Николая II – монументальное здание построенное в русском стиле ампир. Дом стал сосредоточением научной, просветительской и художественной жизни не одних белградских русских. Концертно-театральный зал вмещал 750 зрителей. В конце 30-х гг. Русская публичная библиотека в

этом доме считалась едва ли не самым большим собранием русских книг в Европе. Многие помещения дома ежедневно были полны до позднего вечера. Правда, сербы лишь изредка посещали в нем лекции, концерты, спектакли.

Культурная история межвоенного периода в Югославии не отметила более значимые русско-югославские мероприятия и формы сближения интеллигенции подобные тем, которые существовали в Париже и Праге, хотя такие побуждения были. Нами уже упоминался единственный выпуск в Белграде литературно-художественного журнала *Медуза* из 1923 г., иллюстрированное издание на русском и сербском языках. В нем были опубликованы заметки о югославских поэтах В. Иличе, А. Шантиче, Й. Дучиче, Г. Крклеце, М. Црнянском, переводы стихотворений А. Ахматовой, поэмы «Двеналцать» А. Блока и прозы А. Ремизова, репродукции картин Леонида Браиловского. Упомянем и остальные совместные издания:

Вокруг русского литературного журнала *Ступени* (Белград, 1927) объединилось 11 русских и 7 югославов – цвет югославской интеллигенции: Десанка Максимович, Густав Крклец, Марко Вранешевич. Милан Кашанин, Радован Кошутич, Тодор Манойлович, Сибе Милинчич.

Бизанта, культурно-литературный журнал для ознакомления и сближения славян (Белград, 1930) привлек русских сотрудников: Леонида И. Машковского, А. Грузинского, Р. Сидорова, А. Г. Герасимова.

В издании Союза русских писателей и журналистов в 1933 г. в Белграде вышла художественно оформленная «Антология югославянской лирики», в переводе молодых поэтов белградского круга – Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова, Екатерины Леонидовны Таубер и Алексея Петровича Дуракова. В ней были представлены современные поэты Иво Войнович, Йован Дучич, Отон Жупанчич, Божидар Ковачевич, Густав Крклец, Десанка Максимович, Велимир Живоинович-Massuka, Владимир Назор, Милан Ракич, Тин Уйевич и Алекса Шантич.

В 30-е гг. в Загребе литератор Ирина Ефимовна Кунина (1900–2002), супруга юриста и дипломата Б. Александера, окружила себя хорватскими писателями и художниками левой ориентации, членами кружка «Земля», некоторых материально поддерживала.

В Белграде несколько раз устраивались художественные выставки с участием и русских и югославских живописцев, скульпторов, графиков, архитекторов.

В 1937 г. во многих городах Югославии общими силами русских и местных культурных деятелей торжественно отмечено 100-летие со дня гибели А. С. Пушкина.

Контакты представителей русской и югославской интеллигенции чаще происходили либо в результате личных знакомств, либо на профессиональном плане. Бывало, сербские клубы посещали русские, а в русские поэтические кружки молодых поэтов заходила поэтесса Десанка Максимович. Раз, в 1932 г., русские поэты в своем «Литературном кружке» ей посвятили вечер[98].

Необходимо особо отметить, что русские эмигранты внесли значимый вклад в ознакомлении югославских читателей с русской художественной литературой XIX–XX вв. Они ее переводили на сербский, хорватский и словенский языки.

В стране были выпущены переводы собраний сочинений Л. Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, Горького, сборники и антологии поэзии русского «золотого» и «серебряного» века, произведения советских писателей и поэтов. Сергей Никифорович Сластиков переводил сочинения Тургенева и В. Г. Лидина, Петр Алексеевич Митропан – Достоевского и Короленко, Кирилл Федорович Тарановский – пьесы Островского, Чехова, Горького, стихи Есенина.

В 1926 г. Анатолий Иванович Прицкер в Белграде создал сербское книгоиздательство «Народное просвещение» («Народна просвета», затем «Просвета»), одно из самых крупных и известных сербских издательств на протяжении девяти десятилетий. Редакторами и сотрудниками издания А. Прицкера являлись известные сербские писатели, литературоведы. Издательство прославилось выпусками многотомных серий книг «Библиотека иностранной литературы» и «Библиотека сербских писателей».

Миссию ознакомления югославов с современной Россией и видными деятелями русской эмиграции взял на себя *Руски архив*, журнал политики, культуры и хозяйства России. Выходил он в Белграде, на сербском языке (кириллическим и латинским шрифтом), с 1928 по 1937 г. (42 выпуска). Редактором его был Федор Евдокимович Махин, человек левой ориентации, бывший военный, видный эсер и политический деятель. Уже в первом выпуске журнала, в разделе «Обзор литературы» парижанин В. Сосинский знакомил югославов с новыми произведениями Горького, Ремизова, Замятина, Бабеля, Цветаевой, Пастернака, Есенина. В очередных выпусках были представлены М. Булгаков, Фадеев, публиковались переводы работ Ремизова, Цветаевой, Замятина, репродукции живописи Н. Гончаровой. Около десяти югославов были сотрудниками этого журнала: Йосип Бадалич, Братко Крефт, Войин Максимович, Милан Прелог и др. Историки литературы *Русский архив* считают уникальным журналом, издававшимся русской эмиграцией, который

98 *Божиновић Љубомир*. Вече руских књижевника, посвећено г-ци Десанки Максимовић. // *Правда* (Београд). 1932. Бр. 118. – 27. април.

сознательно свое лицо обратил к современной России, подробнее не освещая актуальные вопросы русской эмиграции и современного мира.

Между двумя мировыми войнами в югославской периодике русские публиковали рецензий о русской и советской художественной литературе. Согласно одной библиографии[99], Л. Г. Захаров (Белград) опубликовал 240 статей, Н. Я. Федоров (Загреб) – 140, П. А. Митропан (Скопье) – 72, А. Л. Погодин (Белград) – 67, А. К. Елачич (Загреб, Белград) – 64, А. А. Сердюкова (Нови-Сад) – 42, Н. Ф. Преображенский (Любляна) – 35, Е. В. Спекторский (Белград, Любляна) – 30, И. Н. Голенищев-Кутузов (Белград) – 30, К. Ф. Тарановский (Белград) – 25.

Период после Второй мировой войны в Югославии был ознаменован особым интересом к советской культуре и интенсивными переводами популярных советских изданий, на темы общественных наук, литературы, техники. Русские, проживавшие в Югославии, часто выполняли заказы издательств. (Те крайне редко указывали русские фамилии переводчиков).

В наши дни Лидия Владимировна Затворницкая-Суботина, из «второго поколения» русских в Белграде, является одним из самых выдающихся переводчиков русской художественной литературы в Сербии. Она переводила книги Гоголя, Кузмина, Бунина, Ремизова, Мережковского, Вяч. Иванова, Брюсова, Цветаевой, Ахматовой, Сологуба, Пастернака, Леонтьева, Федотова, Розанова, Флоренского, Шкловского, Жирмунского, Эйхенбаума, Гросмана, Аверинцева, Лихачева, Меня, Солженицына, Набокова, Берберову, Битова, Войновича, Т. Толстой, Пелевина и проч.

В произведениях изобразительного искусства у художников в эмиграции преобладали русские темы. Характерны живописные полотна и макеты Леонида Михайловича Браиловского, который до своего переезда с женой в Белград на самостоятельной выставке в Константинополе представил свой цикл картин и макет, вдохновленный русским традиционным зодчеством и народным бытом. Эту русскую тему он развил в постановках русских спектаклей в белградском Народном театре, где со своей супругой-художницей работал несколько сезонов. Другой пример: В 20-е гг. петербургский архитектор Георгий Николаевич Шретер в Нови-Саде проектировал общественные здания, жилые дома и виллы в стиле «русского ампира» первой пол. XIX в. – ностальгия по Петербургу, воплощенная в зодчестве!

Русским театральным режиссерам и художникам, музыкантам, певцам, танцорам, хореографам... много радости доставляло на югославских сценах готовить и исполнять произведения русского классического репертуара:

99 Bibliografija rasprava, članaka i književnih radova. I. Nauka o književnosti. [Tom] I/3. Historija stranih književnosti. Zagreb, 1959.

Якову Осиповичу Шувалову в Вараждине, Алексею Кузьмичу Белоусову в Вировитице, Александре Медведевой-Лесковой в Скопье, Лидии Васильевне Мансветовой в Сараево, Василию Сергеевичу Севастьянову в Осиеке, Ольге Дмитриевне Орловой в Риеке, Борису Владимировичу Путяте в Любляне, Петру Сергеевичу Головину-Грессерову в Мариборе, Александру Александровичу Верещагину в Панчево, Зинаиде Комаревской в Сплите, Василию Митрофановичу Ульянищеву и Борису Филипповичу Кривецком в Загребе, Александру Филипповичу Черепову в Баня-Луке, Василию Ивановичу Щукину в Которе, Юрию Львовичу Ракитину в Белграде и Нови-Саде...

Югославская публика познакомилась с оперными произведениями русской классики в подлинном, русском исполнении. Либреттист и друг Николая Римского-Корсакова, Владимир Иванович Бельский, председатель Русского музыкального общества в Белграде, восторгался Софией Рудольфовной Драусаль, белградской исполнительницей партий в операх Римского-Корсакова, хорошо зная всех российских певцов этих ролей.

На оперных сценах межвоенной Югославии шли «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Князь Игорь», «Хованщина», «Сорочинская ярмарка», «Царская невеста», «Снегурочка», «Царь Салтан», «Садко», «Майская ночь», «Демон», «Моцарт и Сальери», все балеты П. Чайковского. Ставились и современные оперы. Мировая премьера оперы «Ванька-ключник» Николая Черепнина (Белград, 1933), «Екатерина Измайлова» Дмитрия Шостаковича (Белград, 1938), балеты Игоря Стравинского.

Участие и вклад русских артистов, членов Народного театра в Белграде, ведущего театра столицы, исследовала Саня Топич. Их труд отмечен во всех отраслях – художественной, технической и административно-организационной. Внушает участие русских режиссеров, художников хореографов в общем числе художественных проектов: русские приняли участие в реализации 202-х драматических постановках (из них было 46 пьес югославских авторов), в 118-ти оперных и 56-ти балетных. Буквально каждая постановка прошла не без участия русских. Белграду они передали европейскую систему работы в театре. С. Топич пишет:

> Влияние их особо заметно в новом подходе к осуществлению проекта-спектакля. Исключалась любая импровизация, применялся едва ли не научный подход при подготовке спектакля. [...] В драме – русские осовременили сценическое воплощение,заложили новые концепции в процессе реализации художественного проекта, как гармоничного, коллективного целого; в опере – передали концепты и традиции великих оперных театров России и Европы, во всех сегментах творчества, подняли Белградскую оперу на европейский уровень, вдох-

новили местное оперное творчество, обучали молодое поколение. [...]. В балете – являлись первыми танцовщиками, хореографами, педагогами, художественными руководителями. Заложили основы балетного творчества, содействовали утверждению балета, как художественной дисциплины, приведшей к созданию балетной публики, поощряли развитие отечественного балетного творчества[100].

Обученный в традиционных канонах русского театра, приобретший опыт в МХТе, молодой режиссер императорских Александринского и Михайловского театров в Петербурге, друг и ассистент авангардного Мейерхольда, Юрий Львович Ракитин (1882–1952), в течение 25-ти лет поставил на сценах Народного театра в Белграде 10 опер и более 100 пьес мирового и современного репертуара (включая пьесы легкого жанра, значительно пополнявшие театральную кассу).

Принимая русских артистов дирекция Народного театра не руководствовалась русофильством или желанием помочь эмигрантам, причины были лишь художественного и финансового порядка. Оперные, а в особенности балетные спектакли всегда проходили при переполненном зале. Пресса отмечала, что низкие гонорары, которыми довольствовались русские артисты в Королевстве СХС-Югославии, не существовали нигде.

Русские театральные художники, сцены и костюмов, имели ангажементы буквально во всех театрах Югославии: Леонид Михайлович Браиловский (Белград), Риммена-Римма Николаевна Браиловская (Белград), Ананий Алексеевич Вербицкий (Белград), Владимир Иванович Жедринский (Белград, Загреб, Любляна, Марибор), Владимир Павлович Загороднюк (Белград), Николай Васильевич Харитонов (Загреб, Любляна), Василий Митрофанович Ульянищев (Сплит, Загреб, Любляна), Павел Петрович Фроман (Загреб, Белград), Алексей Владимирович Топорнин (Скопье), Сергей Иванович Кучинский (Риека), Юрий Михайлович Дриженко (Баня-Лука), Ростислав Дмитриевич Сазонов (Цетинье), Владимир Георгиевич Ребезов (Петровград-Зренянин)...

Общество русских художников в Белграде устраивало коллективные выставки, объединяя русских художников, проживавших в провинции и преподававших там рисование в местных гимназиях. Приводим имена некоторых: Анатолий Павлович Баев – в Заечаре, Иван Степанович Лукомский – в Крушеваце, Семен Павлович Шепченко – в Пироте, Аполлон Иванович Прокофьев – в Смедеревска-Паланке, Михаил Александрович Глушенко – в Кралеве, Штипе, Куршумлии и Биело-Поле, Евгений Иванович Лаптев – в Алексинаце, Константин Ефимович Чубков – в Заечаре, Митрофан Петро-

100 *Topić Sanja*. Delovanje pozorišnih umetnika ruske emigracije u Narodnom pozorištu u Beogradu. Magistarski rad. Fakultet dramskih umetnosti. Beograd, 1992, str. 123, 179, 214, 223.

вич Косенко – в Крагуеваце и Сремски-Карловцах, Василий Григорьевич Рудановский – в Нише, Владимир Костин – в Чачаке, Александр Иванович Лажечников и Афанасий Иванович Шелоумов – в Велики-Бечкереке, Михаил Михайлович Хрисогонов, Иван Трофимов – в Белой Церкви, Владимир Семенович Курочкин – в Сремски-Карловцах и Нови-Саде, Николай Дмитриевич Кузнецов – в Сараеве, Алексей Васильевич Ганзен – в Дубровнике, Сергей Иванович Образков – в Скопье, Илья (Ибрагим) Ахметов – в Сараеве и Сплите, Арсений Петрович Сосновский – в Цетинье и Белграде, София Сергеевна Бердяева – в Которе, Евгений Николаевич Прудков – в Пироте, Неготине, Бела-Паланке и Косовска-Митровице, Григорий Иванович Саркис-Бек – в Заечаре и Неготине, Борис Николаевич Рясянский – в Вранье, Всеволод Владимирович Волчанецкий – в Дубровнике, Василий Петрович Антипов – в Славонски-Броде...

Карикатуристами в газетах Белграда и Загреба были Николай Иванович Тищенко, Владимир Иванович Жедринский, Георгий Павлович Лобачёв, Сергей Миронович Головченко (псевд. Сергей Миронович) и Леонтий Семенович Бельский-Савченко.

Творчество около сотни русских живописцев и скульпторов в Югославии до недавнего времени не привлекало внимание искусствоведов. К их работам они были равнодушны или относилась отрицательно. Русские писали свои картины преимущественно в стиле реализма, востребованного публикой и заказчиками. Особой популярностью пользовались портреты и пейзажи Степана Федоровича Колесникова (1879–1955), маринистов Алексея Васильевича Ганзена (1876–1937), Арсения Петровича Сосновского (1895–1967) и Ипполита Даниловича Майковского (1885–1963), портреты Бориса Ивановича Пастухова (1894–1974), виды Востока генерала Бориса Ниловича Литвинова-Масальского (1872–1948).

Возглавляемая Сергеем Николаевичем Смирновым, секретарем княгини Елены Карагеоргиевич и другом короля Александра I, группа русских живописцев, скульпторов и архитекторов оформляла интерьеры храма-мавзолея на Опленаце и королевские дворцы в Белграде. Предварительно ими были предприняты экспедиции для копирования фресок в храмах, воздвигнутых сербскими правителями в средние века. В этих работах особо отличились Ананий Алексеевич Вербицкий и Владимир Яковлевич Предоевич. Выставки их копий фресок в 1927 г. и 1934 г. дали возможность расширить знания о высокой культуре сербского прошлого.

Весной 1930 г. в Белграде открылась «Большая выставка русского искусства», явившаяся главным культурным событием сезона. На ней было выставлено более 400 работ русских живописцев и скульпторов, проживавших зарубежом. Наряду с работами И. Репина, А. Бенуа, И. Билибина, Н. Гонча-

ровой, Б. Григорьева, М. Добужинского, К. Коровина, М. Ларионова, Ф. Малявина, Н. Рериха, К. Сомова, были представлены работы 38-ми художников из Югославии[101]. В том же году в столице пришла и персональная выставка И. Билибина, а в 1936 г. – Н. Богданова-Бельского, художника из Латвии.

Русские в Югославии проявили себя и на плане исследований, охраны и оценки культурно-художественного наследия Балкан. Николай Львович Окунев (1886–1949), секретарь Русского археологического института в Константинополе, позднее профессор философского факультета в Скопье и Пражского университета, является автором исследований о зодчестве и фресках средневековых сербских монастырей Нерези, Джурджеви-Ступови, Старо-Нагоричано, Сопочани, Лесново, Арилье, Милешева, Морача, храма Св. София (Охрид).

Художник и этнограф Ольга Вениаминовна Бенсон (1880–1977), сотрудник Этнографического музея в Скопье и Этнографического института при Сербской академии наук и искусств в Белграде, автор сотен зарисовок национальных костюмов, предметов народного быта и архитектуры народов Балканского полуострова.

Живописец, график и театральный художник Сергей Иванович Кучинский (1886–1969) на своих работах запечатлел и для истории сохранил «подлинный облик» старых районов приморского города Риека.

При монастыре Раковица близ Белграда в 30-е гг. работала Школа иконописи, в которой единственным наставником преподавал выдающийся иконописец и реставратор икон древнего письма, старообрядец Пимен Максимович Софронов (1894–1973), по распоряжению сербского патриарха Варнавы выписанный из Латвии. Около 30-ти выпускников этой трехлетней школы были югославами и русскими, которые годами украшали фресками и иконами ново отстроенные храмы, в Югославии и заграницей.

После Второй мировой войны художник и историк искусства Елена Владимировна Вандровская (1909–2004) проводила расчистку и реставрацию ею обнаруженного, раннего слоя фресок монастыря Ново-Хопово, как и реставрацию в войну пострадавших фресок и икон других монастырей на Фрушка-Горе, фресок IX в. храма Св. Софии в Охриде. Сама писала иконы и по приглашению из США расписывала иконостасы новых православных храмов.

Титаническую работу реализовали русские архитекторы и градостроители в Белграде, по высказыванию одного историка, «самом русском городе вне России». Занимая высокие и ответственные посты в Министерстве строительства и в Мэрии Белграда, они проектировали и построили десятки

101 Велика изложба руске уметности у Београду. Каталог. Београд, 1930.

монументальных общественных зданий, сотни жилых домов и семейных вилл. Самыми выдающимися среди них были: Николай Петрович Краснов (1864–1939), Виктор Викторович Лукомский (1884–1947), Валерий Владимирович Сташевский (1882–1945), Василий Федорович Баумгартен (1879–1962), Георгий Павлович Ковалевский (1888–?), Иван Афанасьевич Рык (1888–1961), Андрей Васильевич Папков (1890–1972), Константин Николаевич Амосов (ок. 1882–1946), Василий Михайлович Андросов (1872–1944), а из младшего поколения, окончившие образование в Югославии: Григорий Иванович Самойлов (1904–1989), Павел Васильевич Крат (1907–1969), Всеволод Александрович Татаринов (1900–?), Леонид Захарович Макшеев (1897–?), Петр Дмитриевич Анагности (1909–1996).

Особые заслуги в застройках Ниша современными зданиями снискали архитекторы Юлиан Людвигович Дюпон (1871–1935) и Александр Иванович Медведев (1900–1984), в Скопье – Иван Григорьевич Артёмушкин (1897–1950-е), в Загребе – Андрей Павлович Шавцов (1890–1944), Георгий Яковлевич Киверов (1897–1976), Зоя Петровна Непенина-Думенгьич (1904–2000), Надежда Николаевна Незнаева-Залепугина (1901–1954) и Игорь Львович Скопин (1914–1993), в Нови-Саде и Баня-Луке – Татьяна Александровна Ванифатова-Савич (1929–2009).

В Королевство СХС прибыло много русских с высшим музыкальным образованием. Большинству удалось продолжить свою артистическую карьеру, на оперных и концертных помостах, игрой в оркестрах, и педагогами в музыкальных училищах, руководителями хоровых коллективов.

Федор Петрович Селинский (1874–1957), после расформирования оперной труппы в Нови-Саде переехал в Белград. В оперном оркестре он играл на альте, был членом струнного квартета, а с первых дней основания Белградского радио – руководителем Оркестра радио, затем – популярного Эстрадного оркестра Радио.

Большие заслуги в ознакомлении сербской общественности с русской музыкой, а также европейской современной и сербской классикой, имела музыкальная семья Слатиных («Трио Слатин») – братья Илья Ильич (пианист, дирижер, композитор, педагог), Владимир Ильич (скрипка), Александр Ильич (виолончель) и члены их семейств: Людмила Васильевна Слатина, урожд. Троцкая (меццо-сопрано), Ольга Александровна Слатина, урожд. Цакони (пианистка) и София Николаевна Слатина, урожд. Давыдова (сопрано). Начали они с проведения исторических камерных концертов. К ним вскоре присоединился серб Йован Зорко (скрипка), выпускник Московской консерватории. Годами они исполняли произведения для струнного квартета и схожих составов. Благодаря им, впервые в Белграде исполнялись сочинения Стравинского, Мясковского, Штейнберга, Акименко, Прокофьева... Братья

Слатины занимались и педагогической деятельностью. Илья Ильич был и оперным дирижером (Сплит, Белград), руководил белградским Русским хором им. М. Глинки. Владимир Ильич составлял и реализовал музыкальную программу Белградского радио межвоенного периода.

После Второй мировой войны пост музыкального редактора Белградского радио занимал Алексей Алексеевич Бутаков (1907–1953), пианист, композитор и педагог, выдающийся аккомпаниатор вокальным и инструментальным солистам.

В белградском Народном театре пианистами-корепетиторами трудились Борис Михайлович Добровольский, Ольга Александровна Цакони-Слатина, Александр Георгиевич Руч, Дмитрий Николаевич Конради и Владимир Иванович Каминский. Сценическую музыку писали Владимир Александрович Нелидов (1887–1978) и Олег Сергеевич Гребенщиков (1905–1980).

Юрий Иванович Арбатский (1911–1963), органист, композитор, музыковед, воспитанник Лейпцигской консерватории, после службы в сербских городах Лесковац и Сремска-Митровица, с 1935 г. стал органистом и регентом римо-католического собора в Белграде. Однако его основная деятельность и заслуга перед югославской культурой состоялась в том, что он на фонографе записал около 4-х тысяч народных мелодий Балканского полуострова. (Видимо все фонограммы пострадали в бомбардировках Белграда, в апреле 1941 г.)

Из второго поколения русской эмиграции на музыкальном плане выдвинулось ряд лиц. Особая заслуга пианистки и педагога Татьяны Дмитриевны Картель (1912–2001), популяризатора музыкальных сочинений современных боснийско-герцеговинских композиторов. В Нови-Саде основные годы своей творческой жизни провел Николай Николаевич Петин (1919–2004), композитор, педагог и музыкальный критик, почетный доктор музыки Фонда им. Альберта Эйнштейна при ООН. В Белграде живет Надежда Борисовна Мосусова (р.1928), композитор и музыковед, чуткий исследователь творчества югославских композиторов, музыкальный критик. Борис Константинович Папандопуло (1906–1991), композитор и дирижер, был директором оперных театров в Риеке, Сараеве, Сплите. Из оперных певиц необходимо упомянуть сопрано Ольгу Николаевну Ольдекоп (1905–1946), меццосопрано Елену Алексеевну Никифорову-Ечменицу (1928–2009) и сопрано Татьяну Сластенко (1939–2001).

Как музыкальные исполнители и педагоги в Югославии надолго оставили память по себе: в Белграде – Зинаида Григорьевна Грицкат (ф-но), Евгения Александровна Канукова-Краснопольская (вокал), Любовь Николаевна Курилова (вокал), Нина Дмитриевна Мисочко-Егорова (ф-но), Александра Емельяновна Ростовцева (вокал), Наталия Крюкова-Илич (ф-но), Раиса Леонидовна Караводина (ф-но), в Загребе – Евгений Владимирович Ваулин

(ф-но), Александр Смирнов (гобой), в Нови-Саде – Ольга Константиновна Молчанова (вокал), в Велики-Бечкереке (ныне: Зренянин) – Капитолина Матвеевна Мавромати-Петина (ф-но), в Скопье – Наталия Дмитриевна Лозинская, в Прилепе – Николай Савченко-Сагайдачный, в Нише – Любовь Гавриловна Страховская (ф-но), в Герцег-Нови – Маргарита Лисенко (ф-но).

Евгений Андреевич Жуков (1900–1959), журналист, редактор русских газет и деятельный член Союза русских писателей и журналистов в Югославии, основал и руководил концертным агентством «Югоконцерт», единственным в Белграде. Благодаря широким европейским связям этого предприимчивого человека столица и ряд югославских городов имели возможность слушать музыкальных исполнителей высшего мирового уровня – Артура Рубинштейна, Альфреда Корто, Николая Орлова, Александра Унинского, Никиту Магалова, Сергея Прокофьева, Энрико Майнарди, Иегуди Менухина, Александра Боровского, симфонические и камерные оркестры, хоровые коллективы, Федора Шаляпина...

Список русских оперных солистов, постоянных и гастролеров, содержит пару десятков имен. О некоторых из них писали историки оперных театров[102].

Русские художники и артисты, помимо своей педагогической деятельности при государственных учебных заведениях давали частные уроки живописи и музыки, открывали собственные студии или держали курсы. Приводим несколько самых известных:

- Балетная студия Нины Кирсановой, Белград;
- Балетная школа Маргариты Фроман, Загреб;
- Студия танцев Александра Верещагина, Сараево;
- Детская студия балета Веры Чалеевой-Гортынской, Белград;
- Школа пластических и классических танцев Милицы Воропоновой, Суботица;
- Балетная школа Валентины Валиной, Нови-Сад;
- Школа танцев и пластики Татьяны Маевской, Белград;
- Музыкальная школа Нины Хростицкой, Земун;
- Школа актерской игры в театре и в звуковом кино Елизаветы Поповой и Михаила Каракаша, Белград;
- Музыкальные курсы пианистки Лидии Сухотиной-Бранкович, Белград;
- Кино-школа Александра Черепова, Белград;
- Курсы живописи и рисования Владимира Курочкина, Нови-Сад;

102 См.: *Турлаков Слободан.* Руски уметници у Београдској опери. // *Театрон* (Београд). 1994, бр. 84/85/86, стр. 125–131.

- Студия современного рисования и живописи Михаила Глушенко, Кралево;
- Школа вокала Надежды Архиповой и Николая Баранова, Нови-Сад;
- Иконописная школа Пимена Софронова, монастырь Раковица (при покровительстве Сербской православной церкви).

Картина художественной деятельности русской эмиграции в Югославии осталась бы не полной, если не коснуться жанра музыкальной эстрады –неотъемлемой части поп-культуры. Русские на Балканы принесли русскую песню, русские и цыганские романсы.

Сергей Сергеевич Страхов (1901–1945) в 1935 г. в Белграде основал нотное издательство «Музыкальные новинки», в 1940 г. стал соиздателем фирмы «Аккорд», переиздавал западные «шлягеры», переводил и издавал русские популярные песни и романсы, сам писал слова и музыку песенок. Тиражи были высокие, мелодичные песни становились популярными. Романсы сочиняли знаменитая исполнительница романсов Ольга Петровна Янчевецкая (1890–1978) и ее супруг Юрий Николаевич Азбукин (1889–1969). Выступления этой удивительной артистки в русских и ночных ресторанах Загреба, затем Белграда, придавали особую изюминку этим городам. Помимо О. Янчевецкой, в Белграде пользовались успехом исполнители этого жанра Лариса Михайловна Побединская и Юрий Владимирович Тараканов. Их сопровождали русские эстрадные оркестры, от балалаечных до духовых джаз-бэндов. В летний сезон они кочевали по туристическим гостиницам Адриатики и горным курортам Словении. В больших городах Югославии гастролировали заезжие знаменитости – Александр Вертинский, Петр Лещенко, Надежда Плевицкая, Юрий Морфесси, цыганка Настья Полякова.

В ряде провинциальных городов предприимчивые русские эмигранты владели передвижными кинематографами – Дмитрий Макаренко в Србобране, Кузьма Яковлевич Стрельцов в Сараеве, полковник Шухов в Сплите. Полковник Владимир Аркадьевич Ляшенко (1859–1931) в Панчево основал предприятие по импорту фильмов и их прокату по стране. Его сын Владимир с 1929 г. «пропагандировал русские национальные идеи путем показа в разных городах русских патриотических фильмов, сопровождая их пояснениями на сербском языке»[103]. В ту эпоху немого кино русские дамы зарабатывали игрой на ф-но перед мерцающим экраном и в антракте между киносеансами.

Русские эмигранты оставили глубокий след в киноискусстве Белграда и Загреба, центрах югославской кинематографии. Они снимали игровые

103 Русская эмиграция 1920–1930 гг. Альманах. Вып. I. Белград, 1931, стр. 41.

и документальные картины, технически усовершенствовали кинокамеры, открывали киношколы и преподавали в них, писали о киноискусстве.

Подчёркивая необходимость исследовать деятельность русских эмигрантов в кинематографии Югославии, сербский историк культуры писал:

> Сергей Сергеевич Тагац (1898–1973), кинооператор, автор первых анимированных фильмов в Югославии, один из наших самых выдающихся операторов документального кино. Изобрел и применял кинокамеру с записью звука.
>
> Анатолий Юрьевич Базаров (1882–1936) и Александр Тихонович Герасимов (1894–1977), работая в Загребе, сняли около сотни фильмов для Школы народного здравоохранения – внеслиогромный вклад в просвещение нашего народа.
>
> Александр Филиппович Черепов (1893–1946) в 1929 г. в Белграде открыл киношколу, первую у нас, позднее переросшую в Югославский киноклуб. Был он режиссером трех игровых фильмов-комедий (1932–1933).
>
> Михаил Дмитриевич Иванников (1904–1968), один из самых выдающихся кинооператоров довоенного и послевоенного югославского кино, автор сотни кинохроник, ветеран Белградского телевидения[104].

Георгий-Жорж Владимирович Скрыгин (1910–1997) в Югославии считается пионером художественной фотографии. Учился он в Крымском кадетском корпусе в сербском городке Белая Церковь, а окончил Русскую гимназию в Загребе. Был статистом и танцевал в Хорватском народном театре, затем в Загребе стал известен своими фотографиями портретов хорватских артистов. С 1934 г. побеждал на международных выставках фотографии – в Будапеште, Вене, Берлине, Антверпене, Париже, Лейпциге, Бостоне... В военные годы Георгий Владимирович был членом кочующей по фронтам «Театральной труппы Народного освобождения», одновременно создавал поразительные по выразительности фотографии на сюжеты войны и народных бедствий. Его серии фотографий – Сутьеска, Неретва, Козара, Прозор, Гламочское поле – запечатлели переломные моменты истории страны, публиковались в мировых газетах, свидетельствуя о бедах народа и югославском сопротивлении оккупантам. После войны Жорж Скрыгин перебрался в Белград, стал кинорежиссером нескольких югославских художественных фильмов на военную и современную тематику.

104 *Јовичић Стеван.* Филмски уметници руског порекла у нашој кинематографији. Програм за вече у Музеју југословенске кинотеке 8. априла 1993. у Београду.

Вторая мировая война, разруха, голод, миграция русских из провинции в Белград, временный выезд многих русских на работы в Германию, а главое – последствия послевоенной смены государственного строя в Югославии, затем разрыв дружеских отношений Югославии с СССР и соседними странами «народных демократий», проблемы с принятием советского гражданства, – немилосердно обрушились на «белоэмиграцию», чаще всего и на ненаходчивых, политически в войну не запятнавших себя русских культурных деятелей.

Югославию покинули... сами ушли, или новые власти их на это принудили:

Елена Полякова в Чили, Владимир Загороднюк в Австралию, Василий Баумгартен, Андрей Папков, Иван Рык в Аргентину, Николай Тищенко в Бразилию, Анатолий Жуковский, Александр Верещагин в США, Владимир Жедринский в Марокко, затем во Францию, Арсений Сосновский в Швецию, Михаил Хрисогонов в Венесуэлу, Сергей Смирнов в Уругвай, Сергей Соловьев в Италию, Юрий Офросимов в Швейцарию, Ростислав Плетнев в Канаду, Афанасий Шелоумов в Западную Германию, Игорь Гребенщиков в Восточную Германию, Олег Гребенщиков в Чехословакию, позже в СССР, Елизавета Попова в Москву, Евгений Ваулин попал в Одессу.

Художник Евгений Лаптев невинно был расстрелян 15 ноября 1944 г. в Нише, как потенциальный враг революции. Художник Борис Литвинов-Масальский в 1944 г. в Белграде был арестован сотрудником СМЕРШа и переправлен в Москву, скончался в 1948 г. в лагере в Мордовской АССР. Илья Николаевич Голенищев-Кутузов пять лет просидел в югославской политической тюрьме в Сремска-Митровице, затем был изгнан в Венгрию, откуда перебрался в Москву. Архитектор Иван Артёмушкин, как и большинство русской колонии в Скопье, был изгнан в Болгарию, куда попали и популярный белградский «дедушка», дирижер Федор Селинский, и белградский архитектор Павел Крат. Художник Юрий Лобачев был выдворен в Румынию, потом ему удалось обосноваться в Ленинграде.

Уже вошедшие в лета, деятели культуры продолжили трудиться на своей «третьей родине», ностальгически вспоминая гостеприимную, «вторую».

Не один исследователь русской культуры на Западе пришел к заключению, что «русская душа» глубже и чаще всего реализовалась в балетном и хоровом искусствах – известнейшие танцовщики и изумительные хоры. Им вторит сербский писатель-эмигрант Милош Црнянский. В своем известном литературном сочинении «Роман о Лондоне» он отметил:

> Русские эмигранты в Париже и Америке показали миру, что такое балет и пение. Что такое театр, даже Шекспир. Изгнанники – нищие, пожилые, косматые русские профессора заполнили на чужбине сво-

ими книгами университетские кафедры, подобно грекам, когда пал Константинополь[105].

Много чего видела и от русских получила Югославия, не только в межвоенный период. На пример, в 1944–1955 гг. руководителем балета Хорватского народного театра в Сплите была Мария Зыбина, балетмейстером и хореографом Оперного театра в Риеке – Ольга Орлова-Наумова, руководителем балетной труппы Оперы Словенского народного театра в Любляне – Петр Грессеров-Головин, руководителем балета Хорватского народного театра в Загребе – Маргарита Фроман, художественным руководителем и хореографом Художественного ансамбля Югославской армии (до 1950 г.) и руководителем Балета при Сербском народном театре в Нови-Саде – Марина Оленина, основателем и руководителем Балетной студии при Народном театре в Белграде – Нина Кирсанова, балетмейстером и хореографом Македонского театра в Скопье – Александр Доброхотов, педагогом Балетной школы в Скопье – Милица Зайцева. Балетными педагогами по всей стране трудились Надя Мурашова, Ирина Литвинова, Тамара Полонская. Соня Ланкау, Людмила Костина...

Изучение культурной жизни провинции в республиках бывшей Югославии набирает силу. Феномен всесторонней деятельности русской эмиграции – это вызов и императив для профессиональных исследователей недавнего прошлого.

Опубликовано на сербском языке в журнале Зборник Матице српске за сценске уметности и музику. Бр. 15. Нови Сад, 1994. С. 191–209.

105 *Црњански Милош*. Роман о Лондону. Књига друга. Београд, 1972, стр. 16.

Русские в кинематографии Югославии

1

Развитие югославской кинематографии историки разделяют на примерно двадцать периодов, разделов и фаз[106]. Из них мы можем выделить десять основных:

1. Период передвижного кинематографа и съемки иностранных кинооператоров на территориях будущего Королевства сербов, хорватов и словенцев (1896–1906).

2. Работа пионеров отечественного кино и появление первых постоянных кинематографов (1907–1911).

3. Период балканских войн и Первой мировой войны (1912–1913, 1914–1918).

4. Период нерегулярного производства кинокартин в Королевстве СХС–Югославии (1918–1931).

5. Возникновение Государственного киноцентра и попытки налаживания постоянного кинопроизводства (1931–1941).

6. Период Второй мировой войны (1941–1945).

7. Период административного управления югославской кинематографией (1945–1951).

8. Период децентрализации и реорганизации кинематографии, переход к самоуправлению (1951–1961).

9. Упразднение Союзного фонда по финансированию кинематографии, самостоятельная деятельность республиканских киностудий (1962–1991).

10. Кинематография независимых государств – Сербии, Хорватии, Македонии и др. (1991 – до настоящего времени).

Для того чтобы соблюсти хронологические рамки, в нашей работе фактографический материал будет сгруппирован несколько иначе – по отдельным видам деятельности русских кинематографистов и по кинематографическим центрам (Загреб, Белград). Отдельно рассмотрим работу советских военных кинооператоров и югославско-советское сотрудничество в создании совместных художественных фильмов.

Настоящая работа не является первой, посвященной участию русских (эмигрантов) в кинематографии Югославии. Пионерами этой темы следует считать молодого белградского историка кино Владимира Коларича, автора статьи «Кинодеятельность русских эмигрантов в Белграде и на югославских

106 См.: *Kosanović D.* Počeci kinematografije na tlu Jugoslavije, 1896–1918. Beograd, 1985. S. 11–15.

просторах в первой половине XX века»[107], и хорватского литературоведа Магдалену Медарич, автора статьи «Вклад русских эмигрантов в хорватскую художественную культуру – живопись, ваяние, архитектуру, фотографию и фильм»[108].

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить указанных авторов за предоставление текстов своих работ, а также Ростислава Владимировича Полчанинова (США, Нью-Гайд-Парк, шт. Нью-Йорк) за ценные указания и Татьяну Витальевну Рыбкину-Пушкадия (Загреб) за присланные статьи и книги, опубликованные в Хорватии. В ее книге[109] мы нашли ряд интересных фактов о русских кинематографистах в Загребе.

2

Первая публичная демонстрация фильмов на Балканах состоялась в Белграде 6 июня 1896 г. (в Москве – 7 июня, в Петербурге – 8 июня, в Нью-Йорке – 28 июня, в Загребе – 8 октября, в Любляне – в ноябре 1896 г., в Суботице – в мае 1897 г., в Сараево – в июле 1897 г.)[110]. В белградском ресторане «У золотого креста» «живые картины» показывал сотрудник братьев Люмьер, Андре Кар (Carre), фотограф из Лиона. В начале 1897 г. он снова приехал в Белград, где демонстрировал новые фильмы (среди них были: «Русский царь с царицей, сопровождаемые французской гвардией» и «Русский царь в Париже», оба производства 1896 г.). Одним из первых А. Кар начал снимать кинохронику местного быта, в целях привлечь публику («Отправление его величества короля из дворца в соборный храм», «Прогулка по парку Калемегдан» и др.).

Среди иностранных операторов в 1899 г. в Загребе съемки проводил Франц Иосиф Озер (Oeser), а в 1903 г. в Аббации (Опатия, Хорватия) – Станислав Новорита (Noworyta), поляк, объездивший до того полмира, обосновавшийся в Сплите, позднее – в Загребе.

В 1903 г. парижской фирмой «Братья Пате» была создана художественная кинокартина «Убийство сербской коронованной четы», далекая от фактографической достоверности (лента утрачена). Оператор из Будапешта Адольф Штраус (Strauss) в 1904 г. снял документальную киноленту «Вступление на престол и коронование короля Петра I Карагеоргиевича». Это событие зафиксировал и шотландец Арнольд Мюир Вильсон (Wilson).

---

107 *Kolarić V*. Filmska delatnost ruskih emigranata u Beogradu i jugoslovenskim zemljama u prvoj polovini XX veka // *Zbornik radova Fakulteta dramskih umetnosti. Broj* 13–14. Beograd, 2008. S. 181–197.

108 *Medarić M.* Doprinos ruskih emigranata hrvatskoj likovnoj kulturi – slikarstvu, kiparstvu, arhitekturi, fotografiji i filmu // Oko književnosti – osamdeset godina Aleksandra Flakera / Uredio J. Užarević. Zagreb, 2004.

109 *Пушкадия-Рыбкина Т*. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007.

110 См.: *Kosanović D*. Počeci kinematografije… S. 31.

Первые киносъемки, осуществленные на Балканах местными энтузиастами, относятся к 1905 г. Их проводил фотограф Мильтон Манаки (1882–1964) из города Битола (Македония). Статичной камерой на пленку формата 35 мм он снял фильм «Пряхи».

Известная труппа «The American Show Kobelkoff» циркового артиста Николая Васильевича Кобелкова (1851–1933; будучи от рождения без рук и ног, он исполнял удивительные цирковые номера), в свои программы включила и кинематограф. В 1905 г. эта труппа с кинопрограммой выступила в Любляне, Риеке и других городах тогдашней Австро-Венгрии[111].

После передвижных, первые постоянные кинематографы на просторах будущего славянского королевства открылись в Загребе и Белграде (1906), Дубровнике, Риеке. На одном из литературно-развлекательных вечеров Русско-сербского клуба в Белграде (возник в 1903 г.), состоявшемся 27 ноября 1907 г., после чтения стихотворений А. С. Пушкина (в исполнении секретаря Российской миссии) были показаны «картины на кинематографе»[112]. Неизвестно, принадлежал ли проекционный аппарат клубу, миссии или был взят напрокат. Неизвестен и кино-репертуар этого вечера[113].

Помимо показа немых фильмов, с 1908 г. два кинематографа в Загребе демонстрировали ленты с синхронной звукозаписью на фонографе (немецкой системы «Disken-Synchronismus»).

В марте 1910 г. в России были сняты кадры «Визит короля Петра в Петербург» и «Встреча короля Петра в Киеве». Пребывая в Белграде, в августе 1911 г., Люи де Бери (Beéry) создал ленту «Отправление короля, престолонаследника и принцессы Елены в Петербург». В программах белградских кинематографов 1909–1913 гг. встречаются и российские фильмы; игровые: «Петр Великий», «Дмитрий Донской», «Наполеон в России», «Княжна Тараканова», «Дуэль», «Купленный муж, или Победа сердца»; документальные: «У графа Л. Толстого», «Нижегородская ярмарка», «Охота на волков», «Парад в Царском Селе», «Владикавказец», «Национальные типы Кавказа», «Празднование 300-летия царствования Дома Романовых» и др.

Первый игровой фильм, снятый на Балканах, – «Карагеоргий» (Белград, 1911). Продюсером фильма выступило Общество по созданию сербских кинофильмов, в сотрудничестве с фирмой «Братья Пате». Постановщиком был известный сербский актер, «дядюшка» Илья Станоевич. В съемках приняли участие актеры белградского Национального театра[114]. Одним из зачинателей югославского игрового кино является и юный Владимир Тотович, ученик

111 См.: *Traven J.* Pregled razvoja kinematografije pri Slovenci (do 1918) / Priredila L. Nedič. Ljubljana, 1992.

112 *Српска застава* (Београд). 1907. – 27. новембар.

113 См.: *Slijepčević B.* Kinematografija u Srbiji, Crnoj Gori, Bosni i Hercegovini 1896–1918. Beograd, 1982. S. 50.

114 После многих лет поисков фильм найден в Вене и отреставрирован.

коммерческого училища в Нови-Саде. В 1915 г. он по собственному сценарию поставил комедийную ленту «Вор в роли детектива» (лента не сохранилась).

3

Две балканские войны за освобождение и раздел османских владений на Балканах были первыми военными столкновениями на территории Европы в эпоху кинематографа. На фронт и в тыл хлынули иностранные военные корреспонденты, фотографы и кинооператоры. Одним из них был россиянин еврейского происхождения Самсон Моисеевич Чернов (1887, Россия – 1929, Биарриц, Франция), корреспондент парижского журнала *Иллюстрация* (*L'Illustration*) и кинокомпаний «Братья Пате» и «Гомон», российских газет *Русское слово* (Москва) и *Новое время* (Санкт-Петербург), – художник-живописец, отличный фотограф и опытный кинооператор. Одно время он владел фото-ателье в Рязани. Как военный фотокорреспондент стал известен в России своими фотографиями с фронтов Русско-японской войны. В 1912 г. Авраам Иосифович Дранков отправил его снимать военные операции сербских войск в Первой балканской войне (1912)[115].

С. Чернов лицо загадочное, его биография изучена недостаточно. Уже в мае 1913 г. в Белграде были показаны его киноленты «Эдирне после занятия города» (Адрианополь пал 26 марта 1913 г.), а в августе 1913 г. – «Битва на Брегалнице» (победа сербской армии над болгарской). Тогда же в Офицерском доме в Белграде С. Чернов развернул выставку из 500 своих фотографий, снятых во время обеих балканских войн, а также фотографий с черногорских полигонов битв и ландшафты освобожденных территорий. Этими фотографиями автор воспользовался для написания серии больших полотен маслом, которые были выставлены в Петербурге. Об успехе выставки посланник Сербии отправил отчет в Белград, и сербское правительство выкупило у С. Чернова сотни и сотни фотографий и диапозитивов[116]. В конце 1913 г. С. Чернов в Париже прочитал лекцию о болгарских зверствах в отношении сербского населения во время Второй балканской войны. Накануне Первой мировой войны он снова появляется в Белграде, где аккредитован как корреспондент парижского «Иллюстрация» и петербургской газеты *Новое время*.

После убийства в Сараеве наследника австро-венгерского престола, но еще до предъявления ультиматума Сербии, в здании австро-венгерского посольства в Белграде скончался российский посланник Николай Генрихович Гартвиг. Многолюдные похороны, состоявшиеся 1 (14) июля 1914

115 См.: Балкански ратови: фото-запис Самсона Чернова. Београд, 2010. С. XXIV.

116 Десятки и сотни фотографий С. Чернова публиковались в Королевстве СХС, Великобритании и Республике Сербии, а большая часть выкупленного фонда лишь в 2012 г. обнаружена в запасниках Архива Сербии (Архив Србије) в Белграде.

г., снимались на кинопленку, и лента была показана в кинозале гостиницы «Касина», собственника Джоко Богдановича. Есть основание не доверять заявлению престарелого Славко Йовановича, что он снимал это событие (пленка утрачена)[117]. Однако обнаружены материалы, свидетельствующие о том, что 14 (27) июля Дж. Богданович и С. Чернов заключили контракт на съемки военной кинохроники, в случае ожидаемой войны.

22 августа 1914 г. Штаб Верховного командования Сербской армии выдает Дж. Богдановичу и С. Чернову справку о том, что оба допускаются на театр военных действий для проведения киносъемок. С. Чернов снял первые бои на реке Сава, переправу сербских войск на территорию Австро-Венгрии, въезд в Земун, пленение австрийских солдат, разрушенный Белград, город Шабац. Военным властям он представил свой отчет (на русском языке, на четырех страницах)[118].

Вопреки своей явно просербской ориентации, проявленной смелости на фронте и завидной работоспособности, действия Самсона Чернова попали под подозрение чинов Разведывательного отдела Штаба Верховного командования. Его частые поездки по Сербии, фронтовые съемки, отлучки в нейтральную Румынию (из которой можно было легко проехать в Австро-Венгрию), поездки, которые он объяснял необходимостью получать фотографический материал, застрявший в Вене, путешествия вместе с любовницей (при жене и детях в России), австро-венгерской гражданкой, и при этом пренебрежение контактами с официальными представителями России в Сербии, – все это не могло не вызвать подозрений, что этот иностранный корреспондент ведет и разведывательную работу. Позднее, в 1915 г., Чернову вменяли в вину то, что в канун второго австро-венгерского нападения он фотографировал сербские позиции вдоль Савы и Дуная, а затем неожиданно уехал заграницу. Однако его фото- и киносъемки вдоль Дуная (от Кладово до Белграда), фиксация эпизодов обороны Сербии в 1915 г., трагического отступления сербской армии на юг, через горы Албании, пребывания войск и беженцев на острове Корфу, с которыми С. Чернов разделял все тяготы и рисковал жизнью, – свидетельствуют о его моральной чистоте перед союзниками России и о личной жертвенности.

С июля по август 1916 г. его фотографии о подвиге и бедствиях выживших остатков Сербской армии были выставлены в Королевской галерее в Лондоне. Выставку открыл великий князь Михаил Михайлович Романов, в присутствии сербского премьер-министра Н. Пашича, представителей дипломатического корпуса и множества публики. Пресса хвалила достоинства фотографий, запечатлевших усилия сербского народа выжить. А белградская

117 См.: *Јовичић С.* С камером и пушком: Драгиша М. Стојадиновић. Београд, 1999. С. 58.

118 См.: Архив Војно-историјског института. Београд. Кутија 69. Бр. 15.

пресса сообщила любопытный штрих: на острове Корфу С. Чернов крестился в православную веру, был наречен Александром. Сам военный министр Б. Терзич был его восприемником[119].

Это все что известно о деятельности на Балканах Самсона Чернова – живописца, фотографа, кинооператора, объективно извещавшего мир о Сербии в ее судьбоносные дни, оставившего видный след в истории югославской кинематографии и фотографии. Дальнейшая его судьба была такова: женитьба на американке, жизнь в достатке в США, затем в фешенебельном Биаррице и разорение. Недавно Архив Сербии (Белград) выпустил роскошно оформленный альбом фотографий С. Чернова, снятых им в годы балканских войн[120].

Учитывая проявленный интерес и сочувствие российской общественности к свободолюбивым сербам и черногорцам на Балканах, интересно отметить, что в те военные годы киностудия известного российского кинопромышленника Д. И. Харитонова выпустила среднеметражный игровой фильм «Балканская царица» (1912), снятый по мотивам драмы черногорского короля Николы Петровича.

Военные действия на Балканах 1913 г. снимал на кинокамеру также серб Йован М. Милинкович, будучи корреспондентом российской газеты *Земщина*. Его хроникальный фильм «Вторая балканская война» (1913) до сих пор считается единственной русской лентой, снятой об этой войне[121].

Среди иностранных немых игровых фильмов на тему Первой мировой войны, в России был снят военно-патриотический фильм «Под пулями немецких варваров» (1914). Автор сценария и режиссер ленты Владимир Ростиславович Гардин (1877–1965) впоследствии стал одним из основателей и первым директором ВГИКа[122]. Действие в фильме происходит в Сербии, в начале войны. В нем снимались артисты А. Морозов и Людмила В. Сычева[123].

4

С окончанием Первой мировой войны и образованием Королевства сербов, хорватов и словенцев (1 декабря 1918 г.) наступает новый этап в истории югославской кинематографии. Тут уже встречаются русские имена, и историки отмечают их заслуги. По всей вероятности, это были первые

119 См.: *Српски гласник* (Београд). 1916. – 15. јули; *Slijepčević B.* Kinematografija… S. 174–181.

120 Балкански ратови: фото-запис Самсона Чернова / Приредили М. Перишић, М. Милићевић, Б. Богдановић. Београд, 2010.

121 См.: *Slijepčević B.* Kinematografija… S. 128.

122 См.: *Вишневский В.* Художественные фильмы дореволюционной России. М., 1945.

123 См.: *Kosanović D.* Leksikon pionira filma i filmskih stvaralaca na tlu jugoslovenskih zemalja 1896–1945. Beograd, 2000. S. 151, 196.

беженцы с юга России периода Гражданской войны. В Белграде хранится четырехминутный фрагмент высококачественного документального фильма «Белград 1919». Операторами зафиксированы Д. В. Иванов и В. Матусевич[124] (последний вероятно был и режиссером-постановщиком[125]).

Белградская *Русская газета* в мае 1920 г. опубликовала объявление: «Первая русско-сербская фабрика кинематографических картин ищет помещение (Василий Иванов)»[126].

В местной газете Нови-Сада встречаем две заметки:

“Три дня, с 16 по 18 июля 1920 г., в кино-залах *Аполлон* и *Елизавета* будет показана интересная кино-картина «Жизнь в России под большевиками». Весь доход от спектаклей пойдет на помощь раненным российским беженцам»[127].

“Комитет помощи русским, под предводительством графини Софии Николаевны Толстой, в четверг и пятницу (21 и 22 апреля 1921 г.) в кино-театре *Елизавета* устраивает показ фильма “Отец Сергий» по Л. Н. Толстому»[128]. (Картина в постановке Я. Протазанова, 1918 г.)

Несколько русских беженцев-эмигрантов в 1920-е гг. стали владетелями передвижных кинематографов (Дмитрий Макаренко в г. Србобран[129], Кузьма Яковлевич Стрельцов – в Сараеве[130], полковник Шухов – в Сплите[131]). На вечерних (более дорогих) сеансах немого кино многие русские подрабатывали игрой на фортепиано (Пелагея Александровна Лазарева в кино «Ориент» г. Велики-Бечкерек[132]), на скрипке (Александр Тихонович Герасимов в кино-театрах Загреба). Материально плохо обеспеченные, русские студенты Люблянского университета создали хор, который в антрактах во время показа немых фильмов с русской тематикой исполнял русские песни[133]. В частном кинематографе «Гранд» в г. Смедерево фильмы прокручивал

124 В других источниках – W. Matusevitsch. Можно предположить, что это Василий Александрович Матусевич (1863, Севастополь – 20 февраля 1923, Загреб), генерал-майор по Адмиралтейству. В Первую мировую войну служил на Балтийском флоте, в Гражданскую войну – на Черноморском.

125 См.: *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 94, 141.

126 Русская газета (Белград). 1920. 9 мая (№ 3). Предполагаем, объявление дал Василий Андреевич Иванов (1894, Станица Михайловская – 21 мая 1928, Панчево), о котором известно, что он был есаул, что он был холост и что он скончался от саркомы.

127 *Застава* (Нови Сад). 1920. – 16. јули.

128 Там же. 1921. – 21. април.

129 См.: *Правда* (Београд). 1934. – 25. фебруар.

130 См.: *Арсеньев А. Б.* Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919–1990-егг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М., 2011. С. 142.

131 См.: *Kudrjavcev A.* Ča je pusta Londra. Split, 1998. S. 139.

132 См.: *Павлов Б. Л.* Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде — Зренянине). Зренянин, 1994. С. 47.

133 *Павлов Б.* Ушедшая Любляна // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1975. 17 авг.

Николай Кочканогов, а в кинематографе «Томаси» г. Вараждин – Мельхиор Мержанов[134]. Полковник Владимир Аркадьевич Ляшенко (1859, Харьков – 11 апреля 1931, Панчево) в Панчево основал предприятие по импорту фильмов для их проката по всей стране[135]. Его сын, Владимир Владимирович Ляшенко (3 мая 1906 – ?), с 1928 г. «пропагандировал русские национальные идеи путем постановки в различных городах русских патриотических фильмов, сопровождая их пояснениями на сербском языке»[136].

К концу 1930-х гг. в Белграде проживало более 6 тыс. русских. Помимо многих русских столовых, ресторанов, библиотек и газет, существовал и русский кинематограф «Дрина» (по улице Князя Павла, д. 70)[137].

Вскоре после объединения в Королевство СХС, в Загребе было создано Предприятие по производству кинокартин «Югославия» (Tvornica filmova Jugoslavija; 1919). На нем было снято и выпущено в прокатную сеть несколько фильмов. С разрешением Министерства просвещения, в начале 1922 г. Акционерное общество «Югославия-фильм» (Jugoslavija-film D.D.) в Загребе открыло Школу кинематографической игры (Škola za kinematografsku glumu), которая просуществовала всего один учебный год. В нее записалось 25 слушателей и были приняты три преподавателя, все ранее проживавшие в России: Александр Александрович Верещагин (преподавал искусство драматической игры), Анатолий Юрьевич Базаров (техника мимики) и Арманд Грохман (практика интерпретации). У этих россиян уже был опыт работы в немом кино. О д-ре А. Грохмане известно лишь то, что он был эмигрантом из России, актером, игравшим как в ряде русских кинокартин, так, видимо, и в немецких (в Берлине). Обучение в загребской школе велось по принципу «кино-декламации» – художественного чтения перед камерой. Историки кино отмечают, что это была первая киношкола в Югославии[138].

Силами единственного выпуска школы А. Верещагин (сценарий и режиссура) и Йосип Хала (оператор) создали игровой фильм «Страсть к приключениям» («Strast za pustolovinama», 1922). Съемки продолжались всего один месяц[139]. Помимо будущей выдающейся актрисы хорватского театра Божены Кралевой (Kraljeva; этот фильм был единственным с ее участием), в главных ролях снимались сам А. Верещагин и его супруга Александра Лескова (ученица школы). Пресса отмечала, что фильм имеет пролог и четыре действия, каждое

134 См.: Filmski godišnjak 1936. Beograd, 1936. S. 52, 69.

135 Сообщение библиотекаря Несибы Палибрк-Сукич (Панчево) автору.

136 Альманах Русская эмиграция 1920–1930 гг. Вып. I. Белград, 1931. С. 41.

137 См.: *Русский голос* (Белград). 1939. № 453. – 9 дек.

138 См.: *Lazić R.* Traktat o filmskoj režiji: u traganju za estetikom režije od Aleksandra Petrovića do Emira Kusturice. Beograd, 1989. S. 204.

139 См.: *Kirigin J.* Film u svijetu i kod nas. Zagreb, 1950. S. 38.

из которых «символизирует одну из картин природы»[140]. Историки кино этому фильму уделяют видное место в киноискусстве Югославии. Картина имела успех у публики, а критика отмечала, что тому способствовал местный колорит. А. Верещагин намеревался создать еще один игровой фильм на балканскую тему, по мотивам народной баллады XVII в. «Хасанагиница». Однако под давлением иностранной конкуренции и в результате пренебрежения государства о деле защиты отечественного кинопроизводства, предприятие «Югославия-фильм» уже в 1923 г. обанкротилось. Закрылась и киношкола. Русским пришлось искать новую работу.

Александр Александрович Верещагин (25 февраля 1885, Москва – 1965, США) был выпускником кадетского корпуса. Одновременно учился в Николаевской инженерной академии и в Драматическом училище Ю. Озаровского в Петербурге (окончил его в 1906 г.). Его актерский дебют состоялся в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской, при Вс. Мейерхольде. Затем следуют: игра в Интимном театре «Лоло» (Москва), дружба с А. Таировым, актерский ангажемент в киевском театре «Бергоне» (1908). В 1909–1910 гг. А. Верещагин странствует по Турции, Египту, Судану, Афганистану, Индии, Греции, Австрии, Германии, Италии, Испании и на год обосновывается в Париже. Работает в киностудии «Люкс». Фотогеничный, с выразительной мимикой и пластикой, он исполняет главные роли во французских фильмах «Смерть солдата», «Храм Богородицы», «Дочь железнодорожного надзирателя», играет в ряде парижских театров.

В 1911 г. А. А. Верещагин возвращается в Россию, поступает в театр «Кривое зеркало» и «Старинный театр» Н. Евреинова. В декабре 1911 г. он в студии А. Дранкова ставит кинодекламацию «Горе доверчивому» (актерами выступили сам А. Верещагин и О. Глебова) и «Дивертисмент на полотне», а в российском ателье братьев Пате – сценки: «На бис», «Проводы праздника», «Смерть солдата или Письмо умирающего солдата», «Кочубей в тюрьме», играет в кино-декламации «Жизнь бурлака, или Ссора»; в январе 1912 г. у А. Дранкова – в кинокартине «Водевиль-шарж».

В военные годы Александр Александрович одно время воюет, затем работает в театрах Риги, Петрограда, Либавы, Ревеля. В революционные годы отправляется на Кавказ (в 1918 г. он директор Русского театра в Батуми). С юга России переправляется в Константинополь, затем в Софию, Афины, Салоники, а в конце 1919 г. прибывает в Королевство СХС. В сезоне 1919/20 г. А. А. Верещагин – режиссер белградского Королевского национального театра, в сезоне 1920/21 г. – театра в Скопье, в 1921/22 г. — театра в Сараеве. Вскоре ставит спектакли в Хорватском национальном театре в Загребе. После

140 *Застава*. 1922. – 1. септембар.

Загреба, вплоть до 1944 г., он режиссирует почти во всех театрах Югославии (Скопье, Сараево, Сплит, Белград, Нови-Сад, Осиек, Петровград, Цетинье, Баня-Лука, Панчево). Перед окончанием войны переезжает к сыну в США[141].

Его жена, Александра Лескова-Верещагина (13 октября 1891, Москва – 13 февраля 1933, Бела-Црква), актерскую карьеру начала и осуществила на сценах юга России, где завоевала репутацию талантливой актрисы с богатым и разнообразным репертуаром. Оказавшись с мужем в Королевстве СХС, в 1919–1921 гг. она была режиссером и актрисой Национального театра в Скопье, в 1921–1923 гг. – в только что основанном Национальном театре в Сараеве. Сопровождая непоседливого мужа или одна, часто обуреваемая заботами и личными кризисами, ставила спектакли (редко в них играя) в Скопье (1923/24), Нови-Саде (1924/25), снова в Скопье (1925–1928), Осиеке, в Сараеве (1928/29), Сплите (1931/32), Нови-Саде (1932/33). Проблемы с освоением языка на местных сценах, семейные неурядицы, неблагосклонный прием у публики и критики, потеря работы, – породили в ней нервную депрессию и привели к самоубийству[142].

Следует упомянуть Дмитрия Сергеевича Грудзинского (? – 29 января 1962, Лейквуд, шт. Нью-Джерси, США), бывшего сотника Уссурийского казачьего войска. Оказавшись в Загребе, он исполнил главную роль в неоконченном немом фильме кинорежиссера Йосипа-Джуки Беркеша «Рожица» («Rožica», 1924) и сыграл в фильме этого режиссера «Их двое» («Njih dvoje», 1927). Оба фильма снимались фирмой «Стелла-фильм» («Stellafilm», Загреб)[143].

Попытки русских проявить себя в киноискусстве на просторах Королевства сербов, хорватов и словенцев связано с важным событием в жизни русской эмиграции – открытием в 1925 г. представительства эсеровского «Земгора», эмигрантской организации республиканской направленности, базировавшейся в Праге. Канцелярия бесплатно давала советы и юридические справки по эмигрантским делам, оказывала бесплатную медицинскую помощь, открыла мастерские, библиотеку с читальным залом, бюро труда и вечерние курсы для приобретения профессии, основала Институт изучения России и Югославии, Русскую студию искусств с секциями: литературной, музыкально-вокальной, драматической, а также с киностудией и шахматным кружком. «Земгор» на сербском языке издавал толстый журнал *Русский архив* (*Руски архив*; 42 выпуска, 1928–1937 гг.). Подавляющее большинство членов Студии составляла русская студенческая молодежь. Их силами в 1927

141 *Чоб.У.* Велики глумац и редитељ Александар Верешчагин прича нам о себи // *Дан* (Нови Сад). 1938. – 8. фебруар; *Lešić J.* Istorija jugoslovenske moderne režije (1861–1941). Novi Sad, 1986. S. 433–434; *Novaković R.* Istorija filma. Beograd, 1962. S. 292.

142 См.: *Lešić J.* Istorija jugoslovenske… S. 351.

143 См.: *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 84.

г. в Белграде был подготовлен и издан общественно-литературный сборник «Ступени» (с разделами: проза, стихи, публицистика и критика).

По заказу Загребского пенсионного фонда киносекция студии «Земгора» сняла короткий игровой фильм «Из-за лотерейного билета» («Zbog srećke», 1927) в постановке Михаила Николаевича Каракаша[144]. В драматической и кинематографической секциях велись подготовки к съемкам игровой ленты по сценарию молодого белградского прозаика Владимира Вольда, – кинодрамы из американской жизни[145]. Костюмы были выполнены по эскизам Анания Алексеевича Вербицкого (1895, Лебедин, Харьковской губ. – 1974, Херцег-Нови), выдающегося художника Национального театра в Белграде. По материальным причинам этот замысел не был реализован.

В различных (и неожиданных) источниках, как и в трудах об истории кино в Югославии межвоенного времени, мелькают русские имена.

Кинооператором частной белградской компании «Новакович фильм» был Александр Николаевич Васильев (1899–?)[146]. В Белграде он снимал выпуски хроники «Новакович-журнала», несколько документальных и один короткометражный игровой фильм «Король чарльстона» («Краљ чарлстона», 1927) в постановке Косты Новаковича[147]. В картине снимались и русские – Татьяна Николаевна фон Энден и Нина Рахманова[148]. Еще в России А. Н. Васильев сконструировал некий вариант звукозаписывающей кинокамеры и в Белграде пользовался своим изобретением. Позднее им был снят документальный фильм «Празднование 550-летия Косовской битвы» («Прослава 550-годишњице Косовске битке», 1939)[149].

Актер Сергей Яненко[150] в России играл эпизодические роли в немых кино. Оказавшись эмигрантом в Белграде, остался пламенным синефилом и стал одним из основателей Югославского киноклуба (Југословенски филм клуб, 1930). Как актер-любитель играл в немых игровых фильмах белградской компании «Адрия Националь» («Адрија Национал») – «Сквозь бурю и огонь» («Кроз буру и огањ», 1930) и «У врат Востока» («На капији Оријента», 1932)[151].

144 См.: *Volk P.* Dvadeseti vek srpskog filma. Beograd, 2001. S. 536; *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 107.

145 Моменат из кино-студије групе руске уметности у Београду // *Недељне илустрације* (Београд). 1928. Бр. 52. С. 8.

146 Иногда в литературе упоминается под фамилией «Васиљевић».

147 Из биографии А.Н. Васильева известно лишь то, что он, на 34-м году жизни, 30 апреля 1933 г. в г. Панчево женился на Марии Евтихиевне Бараковской, урожд. Дедковой. Шафером был Коста Новакович (*Палибрк-Сукић Н.* Руске избеглице у Панчеву 1919–1941. Панчево, 2005. С. 215).

148 См.: *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 185.

149 См.: *Volk P.* Dvadeseti vek… S. 623.

150 Предполагаем, это Сергей Георгиевич Яненко (? – не позднее 7 марта 1957, США) – сын статского советника Георгия Порфирьевича Яненко (ок. 1876 – 1936, Белград).

151 См.: *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 99; *Novaković R.* Istorija filma… S. 296.

Анатолий Маношевский (1901, Екатеринодар — 18 марта 1983, Риека, Хорватия) — оперный певец (тенор), выпускник Музыкальной академии в Загребе (1926), солист Загребской оперы, снимался в кинокартине Станислава Новориты «Отечественное звуковое кино» («Domaći ton film», 1930). В ней он исполнил русскую песню, аккомпанируя себе на гитаре. Этот фильм являлся демонстрацией собственного изобретения С. Новориты – системы синхронизации киноленты и записи звука на граммофонную пластинку. Впоследствии А. Маношевский стал видным оперным солистом в Загребе и Риеке (где в 1953 г. отметил свой 25-летний юбилей сценической деятельности)[152].

В игровом фильме «А жизнь течет дальше» («I život teče dalje», 1933) о рыбной ловле вдоль берегов Далмации с соответствующей драматической завязкой, снятом совместно «Югославским образовательным фильмом» («Jugoslavenski prosvetni film») и «Стар-фильм» («Starfilm») из Праги, известной русской артистке театра и кино Вере Всеволодовне Барановской (1885, Санкт-Петербург – 5 декабря 1935, Париж) была дана одна из главных ролей[153].

5

Вторым после «Югославия фильма» предприятием по производству фильмов в Загребе стал Гигиенический институт (Higijenski zavod, основан в 1926 г.), в составе которого возникла Школа народного здравоохранения (Škola narodnog zdravlja). В те годы эта школа была одной из десяти подобных учреждений в мире, с задачей ускорить социально-оздоровительное развитие страны посредством проведения широкомасштабных мероприятий по превентивной медицине и гигиене. На значительные средства, полученные от Фонда им. Рокфеллера, было построено здание, оснащенное современной аудиовизуальной аппаратурой, лабораторией и кинотехникой. Директором школы стал энергичный доктор социальной медицины Андрия Штампар (Štampar), член Гигиенического отделения при Лиге Наций. Деятельность фото-, кинолаборатории началась с изготовления диапозитивов, приобретения фильмов, их перевода и показа с помощью переносных проекторов с аккумуляторами. Демонстрируя фильмы в самых отдаленных населенных пунктах страны, школа впервые знакомила деревенских жителей с кинематографом. Благодаря своей оснащенности и трудолюбию опытных сотрудников, школа вскоре стала выпускать собственную кинопродукцию, усовершенствовала выразительные особенности кино и имеющуюся в наличии кинотехнику. Тут были отсняты первые фильмы в технике теней, первые анимационные фильмы, начато производство коротких и среднеметражных игровых фильмов

152 См.: *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 136.

153 *Novaković R.* Istorija filma… S. 293; *Volk P.* Dvadeseti vek… S. 293–294.

– сначала при участии артистов театра, позднее – с актерами-любителями. Однако самый значительный вклад в развитие югославского кино Школа народного здравоохранения внесла в области документального кино, преимущественно этнографического, и фильмов-путешествий.

С 1930 г. полных тридцать лет главным кинооператором и автором фильмов при этой школе был инженер-электрик Александр Тихонович Герасимов (15 ноября 1894, Славянск – 24 февраля 1977, Загреб), выпускник Политехнического института им. Петра Великого в Петербурге (1918). Одно время он работал в Севастополе, откуда выехал с беженцами в Болгарию. В 1919 г. некий вор, ограбив А. Т. Герасимова в ночном поезде Белград–Загреб, сыграл, возможно, решающую роль в судьбе молодого человека, направлявшегося в Германию: в Загребе пришлось сойти с поезда. Жизнь эмигранта из России с дипломом инженера и скрипкой в руках протекала по следующей программе: с 9 по 13 часов – репетиции в составе театрального оркестра; с 16 по 19 часов – игра на скрипке, последовательно в кинозалах «Метрополь», «Аполлон» и «Унион»; с 19.30 по 23 часов – игра на скрипке в оперном спектакле; с 23 до 2 часов ночи – игра в оркестре в ночных клубах.

Помимо игры на скрипке Герасимову хватало времени заниматься кино на любительском уровне. По объявлению удалось приобрести поддержанную кинокамеру «Messter» 1896 г. и отремонтировать ее, а лабораторию сымпровизировать в ванной комнате. Чистую пленку Герасимов приобретал в виде обрезков и отбросов. В сотрудничестве с фирмой «Стелла-фильм» он снимал живописные виды на натуре: Загребскую хозяйственную ярмарку, зоологический сад, даже танцующую среди толпы группу гастролирующих артистов МХТа. Для этой кинокомпании Герасимов снял документальные фильмы «Загреб и его достопримечательности» («Zagreb i njegove znamenitosti», 1927), «Цветочная променада в Максимире» («Cvijetni korzo u Maksimiru», 1928), «Степан Радич в жизни и смерти» («Stjepan Radić u životu i smrti», 1928). Отснятый материал он отдавал на обработку в фото-, кинолабораторию Школы народного здравоохранения. Там его заметили и пригласили на постоянную работу. После десяти лет зарабатывания игрой на скрипке Герасимов, наконец, серьезно занимается любимым делом, ставшим его профессией[154]. Помимо занятий искусством кино, Александр Тихонович занимался и художественной фотографией. За серию фотографий деревенской архитектуры ему был присужден приз на Всемирной выставке в Париже в 1937 г.[155]

Вторым (из трех) кинооператоров при киносекции школы работал русский эмигрант, по профессии юрист, А. Ю. Базаров. Вместе с А. Т. Герасимовым он снял игровой немой фильм «Грешницы» («Grešnice», 1930, 2728

154 См.: *Škrabalo I.* 101 godina filma u Hrvatskoj 1896–1997. Zagreb, 1998. S. 83–84.

155 См.: Hrvatska opća enciklopedija. Zagreb, 2002. Svezak 4. S. 169.

м), при участии профессиональных актеров, балерин и актеров-любителей – драму из деревенской жизни в северной Хорватии (Славония). Главные персонажи: молодая вдова, девушка и сводня. Девушку играла русская эмигрантка Елена Владимировна Лукателла-Маньковская[156] (урожд. Изместьева; 8 июня 1903, Казань – 1985, Будапешт), окончившая загребскую Актерскую школу (1923); в 1924–1929 гг. театральная актриса в Белграде, Сараеве, Осиеке, в Загребе (1929–1936), затем в Цетинье, Осиеке, Вараждине (с 1947). В фильме снимались и молодые русские балерины, ученицы загребской Балетной школы Маргариты Петровны Фроман.

В отличие от предыдущих фильмов, снятых в Школе народного здравоохранения, камера в игровом фильме «Грешницы» отличалась подвижностью, кадры были осмыслены и тщательно смонтированы. Вопреки своей назидательно-воспитательной цели, эта картина заняла видное место в фильмографии хорватского игрового кино, поскольку была создана на высоко профессиональном уровне.

Важной вехой в развитии нового вида искусства в Королевстве Югославии было и принятие Закона о кинематографии (Закон о филму, 1931). Эти новшества повлияли на кинопродукцию Школы народного здравоохранения в Загребе. После не совсем удавшихся опытов с «теневым», анимационным и игровым кино, Школа ориентировалась на производство документально-образовательных фильмов, рассчитывая на доходы от их проката в кинозалах. Ведущими специалистами оказались (как операторы, монтажеры, лаборанты) А. Т. Герасимов и А. Ю. Базаров. Помимо картины «Грешницы», они вместе сняли фильмы «Два брата» («Dva brata», 1931), «Эндемный сифилис» («Endemični sifilis», 1933), «Голубацкая мушка» («Golubačka mušica», 1934) и еще 16 фильмов. До своего перехода на постоянную работу в «Заря-фильм» («Zora-film», Загреб) Базаров больше трудился в лаборатории. Герасимов оставался главным кинооператором киносекции школы, в которой он один снял более сотни фильмов, т. е. более половины всей продукции этого заведения. Одновременно он заботился о приобретении новой киноаппаратуры, об оснащении кино-, фотолаборатории. Свои профессиональные инженерные знания Александр Тихонович использовал для усовершенствования техники съемки. Годами он трудился над переделкой незвуковой кинокамеры в звуковую[157]. Именно этой камерой были сняты первые звуковые фильмы Школы народного здравоохранения – «Плитвицкие озера» («Plitvička jezera», 1932), «Полети, сивый сокол» («Poleti, sivi sokole», 1932), «Пляски и песни

156 Первый муж – Любомир Лукателла, второй – Николай Викторович Маньковский.

157 Звукозаписывающей кинокамерой Герасимова пользовалась и киностудия «Заря-фильм». Сегодня эта камера хранится в коллекции музейной кинотехники при Хорватской кинотеке (Hrvatska kinoteka, Zagreb).

острова Крк» («Pjesme i plesovi otoka Krka», 1936). В ряде документальных фильмов Герасимов был и режиссером – «Туберкулез костей и суставов» («Tuberkuloza kostiju i zglobova», 1931), «Кралевица» («Kraljevica», 1931), «Дубровник» («Dubrovnik», 1939). С его уходом на пенсию в 1961 г. производство фильмов при школе прекратилось. Его работу как кинооператора высокой визуальной культуры, чуткого к композиции и смене планов, включавшего детали и необычные формы и структуры из природы, – оценили историки югославского кино, отмечавшие многие визуальные достоинства кадров. Герасимов находил красоту в пейзажах и события представлял без специальных подготовок. Своей богатой, многолетней деятельностью создатель документальных, образовательных, этнографических и фильмов о природных красотах и достопримечательностях страны –«Велебит» («Velebit», 1932); «Наше приморье» («Naše primorje: Hrvatsko primorje», 1932); «Плитвицкие озера» («Plitvička jezera», 1932); «Наше Косово» («Kroz naše Kosovo», 1933); «Хорватское Загорье» («Hrvatsko zagorje», 1934); «Рисовые поля в Македонии» («Rižina polja u Makedoniji», 1937); «Крк, наш самый большой и самый многолюдный остров Адриатического моря», («Krk, najveći i najnapućeniji otok Jadranskog mora», 1938) – А. Т. Герасимов стал в ряды выдающихся хорватских кинодокументалистов[158]. Его документальный фильм «Один день в туропольской задруге» («Jedan dan u turopoljskoj zadruzi», 1933), отличающийся драматургической целостностью, ненавязчивым повествованием и поэтической экспрессией, принято считать высшим достижением хорватского документального кино. В 1960 г. этот фильм был показан на Втором международном фестивале этнографического и социального фильма во Флоренции и затмил все фильмы, снятые современной техникой — ему был присужден гран-при.

Во время Второй мировой войны школа продолжала выпускать фильмы. Александр Тихонович снял восемь фильмов, а после войны – семнадцать. Помимо работы оператором, в пятнадцати фильмах он был также сценаристом и режиссером. Белградский историк югославского кино записал об А. Т. Герасимове: «Высокий профессионализм, настойчивость и преданность жанру сделали его одним из самых плодовитых и самых выдающихся создателей документального кино межвоенного периода»[159].

Сотрудниками киносекции школы были выходцы из России А. Ю. Базаров и Н. И. Баранов.

158 Исчерпывающие фильмографии А. Т. Герасимова и А. Ю. Базарова см.: *Majcen V*. Filmska djelatnost Škole narodnog zdravlja „Andrija Štampar“ (1926–1960). Zagreb, 1995. S. 103–141; *Idem*. Obrazovni film: Pregled povijesti hrvatskog obrazovnog filma. Zagreb, 2001. S. 254–322.

159 *Volk P*. Svedočenje: Hronika jugoslovenskog filma 1896–1946. Prvi deo. Beograd, 1973. S. 73.

Анатолий Юрьевич Базаров (Базаров-Брюховецкий; 19 апреля 1881, Одесса — 19 марта 1936, Загреб), юрист, кинооператор, кинорежиссер и педагог. Работал преподавателем в Киношколе в Киеве. Эмигрировал в Королевство СХС и первый год в Белграде подрабатывал игрой в ресторанах. С 15 марта 1922 г. в Загребе – управляющий на киностудии «Югославия-фильм» («Jugoslavija-film») и преподаватель в Школе кинематографической игры (1922/23). С 1930 г. работал в Школе народного здравоохранения, в которой один или в сотрудничестве с А. Т. Герасимовым снял восемнадцать документальных и коротких игровых фильмов. Один из основателей киностудии «Заря-фильм» с момента ее создания (в 1935 г.) и руководитель ее кинолаборатории[160].

Николай Ильич Баранов (6 апреля 1887, Орел – 15 августа 1981, Лондон), энтомолог. Окончил отделение естествоведения физико-математического факультета Московского университета и двухгодичные энтомологические курсы. С 1921 г. ассистент сельскохозяйственной опытной станции под Белградом, до 1927 г. сотрудник Гигиенического института в Скопье, с 1928 по 1944 г. сотрудник Школы народного здравоохранения в Загребе и постоянный научный сотрудник Института паразитологии ветеринарного факультета Загребского университета. По его сценариям были сняты киножурнал «По всему нашему отечеству» («Širom naše domovine», 1931) и фильм «Голубацкая мушка» («Golubačka mušica», 1934). Открыл свыше 200 типов двукрылых в Европе, Азии, Африке и Австралии[161].

6

В 1930 г. при Центральном пресс-бюро в стране были созданы Государственный киноцентр (Државна филмска централа) и предприятие Югославский образовательный фильм (Југословенски просветни филм, 1931), с центром в Белграде и филиалом в Загребе[162]. В его создании принимал участие граф Илья Ильич Толстой (16 декабря 1897, Гринево, Тульской губ. – 7 апреля 1970, Москва), внук Л. Н. Толстого, морской офицер, общественный деятель в Белграде, в будущем – кандидат педагогических наук, доцент Московского университета, автор первого в СССР сербскохорватско-русского словаря (1957). Илья Ильич играл видную роль в деятельности Югославского обра-

160 См.: Hrvatska opća enciklopedija. Zagreb, 1999. Svezak 1. S. 671; *Kosanović D*. Leksikon pionira… S. 25.

161 См.: *Пушкадия-Рыбкина Т*. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. С. 141.

162 См.: *Volk P*. Dvadeseti vek… S. 284.

зовательного фильма, «вместе с журналистом И. Ланиным[163] разъезжал по провинции и устраивал показы документальных и пропагандных фильмов»[164].

Законодательные ограничения, обширный импорт мировой продукции и отсутствие финансовых стимулов сделали судьбу игрового кино белградских синеастов в начале 1930-х гг. весьма незавидной. Редкие попытки энтузиастов оставались нереализованными. И все же интерес к съемкам игровых фильмов проявлялся среди кинолюбителей. Между ними выделялся деятельный Александр Филиппович Черепов, активист «Югославского киноклуба» (основан в 1930 г.). Главная цель белградского клуба заключалась в том, чтобы сосредоточить усилия на создании отечественного, национального кино. В октябре 1930 г. А. Ф. Черепову удалось создать и возглавить в Белграде Киношколу (Филмска школа). На первом этапе своего короткого существования она помещалась в арендованном ателье (ул. Милоша Великого, д. 6), но вскоре переехала в помещения по ул. Якшичева, д. 9. Сохранился проспект-приглашение поступления в эту школу[165]. В переводе с сербского текст проспекта гласит:

Киношкола, Белград, ул. Якшичева 9 (под кинотеатром «Корзо»). Вам, любителям кино, Вам, любителям нового мирового искусства, Вам, кто думает о кинокарьере, наша школа предоставляет широкие возможности для испытания своих сил.

Киношкола для Вас открыта! Она приглашает всех заинтересованных людей в свои новые, особо оборудованные помещения, где читаются лекции, проводятся репетиции и киносъемки.

Проверка ваших способностей к кино и пробные съемки проводятся бесплатно. Те, кто при испытаниях продемонстрируют способности к кино – будут приняты.

Что требуется при вступлении в школу? Лишь одно условие – способность к кино.

Цель школы: Создать кадры национальных киноактеров, которые посвятят себя национальному кино в своей стране. По окончании учебного курса каждому выпускнику будут вручены диплом и 50 м кинопленки, на которую он будет заснят.

Курс школы продолжается один год.

---

163 В оригинале опечатка. Имеется в виду Александр Викторович Ланин (1906, Нижний Новгород — 1945, расстрелян югославскими партизанами), общественный деятель русской эмиграции в Белграде: председатель Союза русской национальной молодежи, журналист, член Русского народного ополчения, германофил.

164 См.: Белоемиграција у Југославији 1918–1941. Т. I / Приредили др Т. Миленковић, др М. Павловић. Београд, 2006. С. 304–305.

165 Хранится в Музее театрального искусства Сербии (Музеј позоришне уметности Србије, Београд). Фонд А. Черепова.

Вечерние занятия с 7.30 по 9.30 ч. Дневные – с 3 по 5 ч.

Лекции и репетиции проводятся всеми вместе или в группах.

Запись в школу — ежедневно, в канцелярии, с 11 по 3 ч. и с 5 до 8 ч.[166]

Примерно такая же информация содержалась и в статье «Возможность нашего национального кино (о целях и намерениях директора новой Киношколы в Белграде, г-на Александра Черепова, бывш. режиссера «Совкино» и «Межрабпомфильма»)», опубликованная в сербском журнале. Городское управление Белграда 5 января 1932 г. выдало А. Черепову разрешение проводить киносъемки в своем ателье, а за этим разрешением последовало и второе: допускались съемки экстерьеров в Белградской крепости и на городских улицах[167].

С учениками школы и с Михаилом Каракашем (при Югославском образовательном фильме) Александру Филипповичу удалось создать немую кинокомедию «Неловкий Букки на пляже» («Неспретни Буки на плажи», 1932). Операторами являлись Йосип Новак и русский эмигрант Александр Величко[168], а в главной женской роли выступила тоже русская, Ольга Соловьева. Второй лентой А. Черепова стала комедия-бурлеск «Приключения доктора Гагича» («Авантуре доктора Гагића», 1933), тоже при участии Ольги Соловьевой. Третья комедия «Неловкий Букки на аэродроме» («Неспретни Буки на аеродрому») осталась незавершенной по материальным причинам.

Историки югославского кино о втором фильме А. Черепова писали: «Любительские неловкости, психологические эффекты и частое включение остроумных выходок – содействовали тому, что эта комедия, вопреки своей дилетантской простоте, оказалась смешной и вышла на киноэкраны»[169].

Приводим краткие биографии создателей этих комедий.

Александр Филиппович Черепов (22 августа/5 сентября 1893, Чавли, Ковенской губ., ныне Литва – 1946, Германия), актер, режиссер, педагог. Театральное образование получил в Москве. Играл во многих труппах Москвы, провинциальных городов и Петрограда–Ленинграда. Как следует из его личных заявлений, в Советской России был кинорежиссером в «Совкино» и «Межрабпомфильме». Несколько лет служил театральным актером и режиссером в Риге, гастролировал в ряде европейских стран. В 1929 г. переехал в Белград. Основал Общество кинолюбителей и, вместе с Михаилом Каракашем, – частную Школу-студию драматического искусства (1930) и свою

166 *Черепов А.* Могућност нашег националног филма. О циљевима и намерама директора нове Кино-школе у Београду, г. Александра Черепова, б. редитеља «Совкино» и «Межрабом» // *Илустровани лист* (Београд). 1929. Бр. 30. – 28. јули. С. 19.

167 Хранятся в Музее театрального искусства Сербии (Белград). Фонд А. Черепова.

168 Упоминается и как Леонид Величко (см.: *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 231).

169 *Volk P.* Dvadeseti vek… S. 296.

Киношколу (1930). С русскими профессиональными актерами и любителями поставил несколько драматических спектаклей классического репертуара, а с 1933 г., после открытия в Белграде Русского дома им. императора Николая II, ему и антрепренеру И. Э. Дуван-Торцову было поручено создать и руководить Русским общедоступным драматическим театром. В театральном зале Русского дома А. Черепов ставил и играл главные роли в спектаклях, до своего назначения на пост режиссера Национального театра в г. Баня-Лука (1939). Одно время он был и режиссером в театре г. Ниш. В военные годы Александр Филиппович собрал русскую труппу для разъездного фронтового театра «Веселый бункер» при Русском охранном корпусе. Осенью 1944 г. он покинул пределы Югославии и в состоянии душевного расстройства скончался в Германии.

Михаил Николаевич Каракаш (20 апреля 1883, имение Каракаш, близ Симферополя – 15 августа 1937, Бухарест), оперный певец (баритон), режиссер, актер и вокальный педагог. Солист Мариинского театра в Петербурге (1911–1918) и Белградской оперы (1922–1926). Вместе с супругой, оперной певицей Елизаветой Ивановной Поповой гастролировал во многих городах Европы. Постоянная боязнь потерять голос (после перенесенной болезни) заставляла Михаила Николаевича искать и другие пути в жизни. В 1923–1926 гг. он учился на техническом факультете Белградского университета, снимался в кино Италии и Германии, преподавал в основанной им Вокальной студии при белградском «Земгоре», в Школе-студии драматического искусства (созданной им совместно с А. Череповым), играл в спектаклях белградских театральных трупп, затем – на парижских, бельгийских и лондонских гастролях Пражской труппы МХТ. С 1931 г. преподавал вокал в Русской консерватории им. С. Рахманинова в Париже, выступал и ставил спектакли в Русской частной опере в Париже[170] и поставил ряд опер в Белграде (сезон 1934/35). В последнем году своей короткой жизни занимал пост директора Бухарестской оперы.

Необходимо отметить, что М. Н. Каракаш принял участие в полемике русской эмиграции, развернувшейся в 1924–1926 гг. в прессе Парижа, Берлина, Праги, Риги на тему *pro et contra* кинематографа как нового вида искусства[171]. В статье «Искусство или кинематограф» он присоединился к защитникам экрана: «…если под словом *искусство* понимать все то творчество, которое дает *эмоции высокого строя* как самому творцу, так и его ценителю, то тогда

170 См.: *Нечаев В.* Елизавета Ивановна Попова и Михаил Николаевич Каракаш // *Московский наблюдатель* (Москва). 1991. № 6–7. С. 57–64; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 278–280.

171 См.: «Синефилы» и «антисинемисты»: полемика русской эмиграции о кинематографе в 1920-х гг. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 345–362.

кинематограф, безусловно, – искусство»[172]. В своей короткой статье М. Каракаш затрагивает и фундаментальные вопросы киноискусства. Например, подчеркивает: «Нельзя рассматривать кинематограф в той же плоскости, что и театр: кинематограф имеет свои законы, свои пути, свою технику»[173].

Ольга Михайловна Соловьева (1900, Одесса – 12 декабря 1974, Цавтат, близ Дубровника), балерина, хореограф, живописец, скульптор. В 1919 г. снималась в немых кино в Ялте в студиях «И. Ермольев» и «А. Ханжонков и Ко.». Эмигрировала в Королевство СХС. До 1924 г. танцевала в балетной труппе Национального театра в Белграде, с 1924 по 1929 г. в составе знаменитых русских балетных трупп гастролировала в странах Европы, Северной, Латинской и Южной Америки, Австралии. Снималась в фильмах, в Италии и в Голливуде. По возвращении в Югославию поселилась в большом доме на скалистом морском мысе в Цавтате. После Второй мировой войны была одним из членов-учредителей известного международного фестиваля «Дубровницкие летние игры» (1950), при котором изредка работала хореографом[174]. В поздние годы занималась живописью и скульптурой.

В 1930-е гг. киносъемками в Белграде увлекался Всеволод Владимирович Бельский (около 1900, Санкт-Петербург – ?), блестящий пианист и спортсмен, сын друга и либреттиста Н.А. Римского-Корсакова[175]. В своем письме от 1934 г. к М. Н. Римскому-Корсакову В. И. Бельский упоминает «домашние киносъемки» сына[176].

Во второй половине 1930-х гг. в рекламных фильмах белградской студии «МААР тон-филмска реклама» снимался Алексей Николаевич Родзевич (8 января 1911, Одесса – 28 марта 1982, Мадрид). Так он подрабатывал, будучи студентом агрономического факультета Белградского университета. По рассказам знакомых, он сам себя снимал при помощи особого аппарата, дававшего ему время встать перед объективом, и сам наговаривал текст рекламы[177]. Эта студия принимала заказы на рекламу самых различных товаров: одежды, кастрюль, колбас. Отец (директор гимназии) и мать Алеши были убиты большевиками, а он окончил Русский кадетский корпус в Сараеве (1929) и в конце 1930-х гг. работал в качестве землемера по земельному кадастру

172 *Каракаш М.* Искусство ли кинематограф? // *Возрождение* (Париж). 1926. – 12 июня. Цит. по: «Синефилы» и «антисинемисты»… С. 353.

173 Там же.

174 См.: *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 199; *Volk P.* Dvadeseti vek… S. 603.

175 См.: *Барсова Л. Г.* Взгляд на жизнь и деятельность В. И. Бельского в Петербурге и Белграде // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении (Белград, 1–2 июня 2011 г.): Доклады междунар. науч. симпозиума. Белград, 2012. С. 216.

176 Архив семьи Бельских пострадал во время бомбардировок Белграда; рукописи, кинопленки и библиотека сгорели.

177 Сообщение Р. В. Полчанинова автору, в письме от 3 декабря 2012 г.

при Министерстве финансов в Белграде. После Второй мировой войны стал видным общественно-политическим деятелем в рядах русской эмиграции, с семьей проживал в Чили, США (с 1961 г.) и Испании (с 1976 г.)[178].

7

По мнению югославских историков кино (Д. Косановича, П. Волка, В. Майцена, Н. Пата, И. Шкрабало, В. Коларича) одним из самых выдающихся русских эмигрантов, оставивших яркий след в хорватской/югославской кинематографии, был Сергей Сергеевич Тагатц (27 июля (9 августа) 1898, Белопольск[179] – 30 апреля 1973, Загреб), кинооператор, режиссер, аниматор, изобретатель, педагог. Детство его прошло в Петербурге, где он окончил гимназию. Еще в годы учения юноша примкнул к кружку, в котором снимались любительские фильмы, а после переезда семьи в Крым, в 1918 г., ему в Ялте удалось поступить на работу в киностудию «И. Ермольев». Там С. Тагатц по собственной инициативе пытался «оживить» фирменный знак московской студии, появлявшийся на экране в начале фильма, – сделать подвижным хобот слона, разворачивающего киноленту. Удачная работа аниматора была замечена, но студия прекратила свою деятельность, владелец бежал в Париж, а С. Тагатц – в Константинополь, Чехословакию и Загреб. Этот город им был выбран не случайно. Его мать была полькой (французских корней), а отец (родившийся в России) и дед по отцу — хорватами.

Неопытному юноше, оказавшемуся на прародине, помог актер Владимир Эльский, знакомый по крымской студии[180]. В 1922 г. С. Тагатц получает два заказа: создает анимационные фильмы-рекламы крема для обуви «Адмирал» и «Алда-чая». В первом генерал шагает вдоль строя своих подчиненных, хвастаясь блестяще начищенными сапогами, в другом негритенок с экрана кидает в публику пакетики с чаем. Этими рекламами заинтересовался Анатолий Базаров, управляющий лабораторией студии «Югославия фильм», в которой молодому энтузиасту разрешили работать. Изобретателю, «дедушке (знаменитой в будущем) Школы загребского мультипликационного фильма»[181], (Zagrebačka škola crtanog filma) В. Ф. Эльский нашел и постоянную работу в студии «Босна-фильм» («Bosna film»), где С. Тагатц создал еще две

178 Подробнее, см.: А. Н. Родзевич // *Кадетская перекличка* (Нью-Йорк). 1982. № 31. С. 111–112.

179 По другим сведениям: Биела, близ Вязьмы (см.: Filmska enciklopedija. Zagreb, 1990. Svezak 2. S. 611; Hrvatska opća enciklopedija. Zagreb, 2008. Svezak 10. S. 593).

180 Владимир Федорович Эльский (Андронов-Эльский; 10 декабря 1866 – 3 ноября 1940, Берлин), актер; играл в российских фильмах: «Любовь статского советника», «Поединок роковой», «Похождения Шпейера и его шайки *Червонных валетов*», «Жемчужное ожерелье» (все 1915 г.), «Паны-налетчики» (1920).

181 См.: *Pata N.* Majstori zagrebačkog crtanog filma: Dokumenti – sjećanja – sudionici. Zagreb, 1996. S. 11.

анимационные миниатюры — товарный знак этой кинокомпании и рекламу популярного мальчика-актера немого кино Джеки Когана[182].

После 1923 г. Сергей Сергеевич прекращает заниматься анимацией и принимает пост руководителя лабораторией студии «Босна-фильм». На протяжении 1927–1960 гг. он принимает самое деятельное участие в кинопроцессе как кинооператор, режиссер, а также конструктор-изобретатель в области кинотехники. После неоконченного игрового фильма «Цыганская кровь» («Ciganska krv», 1927) самостоятельно или для различных продюсеров он снял множество документальных фильмов. Сергей Сергеевич создает первый в Югославии цветной фильм «Евхаристический конгресс в Загребе» («Euharistički kongres u Zagrebu», 1930) и «Первый Югославский звуковой фильм» («Prvi Jugoslavenski zvučni film», 1932)[183]. Оба были сняты им на аппаратуре собственной конструкции[184]. Среди его довоенных документальных фильмов своими достоинствами выделяются «В раю прекрасных женщин» («U raju prelijepih žena», 1930), «От сукна до костюма» («Od štofa do odijela», 1932, кинооператор, режиссер), «На пароходе *Карагеоргий* вдоль Далмации и Греции» («Karađorđem uz Dalmaciju i Grčku», 1933), «Остров Раб» («Rab»,1933, кинооператор, режиссер). С. С. Тагатц написал несколько статей о кинематографе, среди которых самой значительной является «Важные вопросы отечественного кино».

В военные годы С. С. Тагатц был режиссером, кинооператором и монтажером пропагандистских документальных и игровых звуковых фильмов «Отечество» («Domovina», 1943); и др., а после войны в Хорватии снимал первые кинохроники, одновременно с документально-образовательными лентами «Охотники за морскими кораллами и губками» («Koraljari i spužvari», 1947) проводились первые в Югославии подводные съемки из примитивного батискафа конструкции Тагатца. С 1948 г. Сергей Сергеевич занимался и педагогической работой в Кинотехникуме (Kinotehnikum) – средней кинематографической школе в Загребе. За свою многолетнюю деятельность удостоен награды Комитета по культуре и искусству Правительства ФНРЮ (1946).

8

Историки югославского кино выделяют двух русских эмигрантов, авторов статей по теории и практике кино – Ю. Л. Ракитина и С.С. Тагатца,

182 См.: Zagrebački krug crtanog filma. Zagreb, 1978. Svezak 1. S. 20–22, 424.

183 Картина состояла из двух частей «1. Прогулка на лодке по Бледскому озеру»; «2. Певец Лео Миркович исполняет испанскую серенаду *Санта Фе*, в сопровождении Иво Тиардовича, на гитаре» (см.: *Kosanović D.* Kinematografija i film u Kraljevini SHS/Kraljevini Jugoslaviji 1918–1941. Beograd, 2011. S. 78).

184 См.: *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 217.

поставив их в ряд с отечественными теоретиками кино 1920–1930-х гг. (Б. Токин, Д. Алексич, М. Ристич, С. Кратов).

Юрий Львович Ракитин (23 мая 1882, Харьков – 21 июля 1952, Нови-Сад), актер МХТ, режиссер императорских театров в Петербурге, ассистент и друг В. Э. Мейерхольда, по приглашению директора сербского Королевского национального театра в Белграде приехал в 1921 г. в Королевство СХС из Константинополя. В Белграде и других городах страны он до 1952 г. поставил около двухсот спектаклей – от трагедий до водевилей и опер[185]. Оказавшись с апреля по декабрь 1920 г. в Константинополе, Юрий Львович часто посещал кинематографы, а 29 августа весь день осматривал дворец Бебек и развалины замка Ромели-Гиссар. Вероятно, живописные места так вдохновили его, что он задумывает киносценарий. Вскоре, вместе с кинооператором, он дорабатывает сценарий фильма «Тайны Ромели-Гиссара». Ракитин знакомится с турецким актером Бурханеддин-беем (Burhaneddin Bey) и в своем дневнике отмечает: «Он лучший турецкий актер, принявший европейскую школу игры, но, конечно, псевдо-европейскую, а вернее сказать – старую французскую, патетическую, ложно классическую, – на пафосе и условном эффекте»[186].

Съемки начались 16-го, затем продолжены 18 сентября, но технические неполадки с камерой и неблагоприятная погода приостановили работу. Ракитин поглощен мыслями о Париже и советует продюсеру Максимову заменить его режиссером Гайдаровым. Через два дня (20 сентября) Ракитин в качестве режиссера и оператор Мочарук в саду-ресторане «Таксим» ведут съемки итальянского праздника – отмечалось 50-летие национального объединения[187].

Позднее, в 1927 г., в сербском Национальном театре в Белграде Ю. Л. Ракитин поставит первую и единственную на театральных подмостках Белграда пантомиму «Покрывало Пьеретты», под музыку венгерского композитора Эрне Дохнаньи, при участии артистов и танцоров театра, вместе с учениками Театрально-балетной школы. Несомненно, режиссеру вспомнились постановки этой пантомимы В. Э. Мейерхольдом (в Петербурге) и А. Таировым (в Москве). Смелую затею Юрия Львовича, в довольно консервативной театральной среде тех лет, можно воспринять как некий театральный ответ или аналог немых фильмов, показ которых сильно конкурировал с театральными постановками. Перед премьерой он выступил с заметкой в театральном журнале: «Мотив драмы Шницлера мы осовременили, возвели мост между романтикой в духе Гофмана и последним криком современной моды – кошмарными фокстротами. Нам хотелось познакомить публику с

185 См.: *Арсењев А.* Режије Ј. Љ. Ракитина // Јуриј Љвович Ракитин: живот, дело, сећања. Нови Сад; Београд, 2007. С. 385–391.

186 *Арсеньев А.* Ракитин в Константинополе (апрель – декабрь 1920 г.) // Там же. С. 106.

187 См.: Там же.

новым видом пластического искусства, где все подчинено ритму, где исполнители говорят жестом. Задачи нашей студии заключаются не только в том, чтобы привить молодежи музыкальность и чувство ритма, но и уметь находить новые пути в искусстве»[188].

Год до этой своей постановки Ю. Л. Ракитин опубликовал статью «В чем тайна *Великого немого*?»[189], в которой рассматриваются отношения немого кино и художественной литературы, живописи, театра. Автор отмечает достоинства нового вида искусства и его огромную роль в современном обществе. Он обуславливает причину интереса к кинематографу глубокими сдвигами в психике современного человека. Прежде всего, пишет он, кинематограф привлекает своим ритмическим движением, которое является его основной стихией. В подсознании ритм очаровывает душу человека современности значительно сильнее, чем краски и звуковые модуляции. Даже машины не могут действовать вне ритма. По мнению автора, связь кинематографа с другими видами искусства условна.

Подчеркивая самостоятельную природу киноискусства, Ракитин, по мнению сербских историков кино, стоит на позициях русских авангардистов и первых европейских теоретиков кино (Р. Канудо, Ж. Дюлак). Некоторое оспаривание Ракитиным киноискусства тех лет современные историки трактуют не как пуританство и морализаторство, а скорее как нечто «онтологическое», поскольку в кинематографе театральный режиссер усматривает близость с идеологическими, общественными и культурными процессами, которые, в силу все большей механизации и объективизации жизни, упраздняют онтологический и нравственный примат человеческой личности, как образа Божия (использованы термины Ракитина в его эссе «Новая эстетика» из1926 г. и «Демократизация трагики» из 1938 г.)[190]. Далее, историк кино подчеркивает: «Ракитин в своей статье, вероятно неосознанно, ставит некоторые краеугольные вопросы, относящиеся не только к стихии и сущности киноискусства, но и искусства как такового. Эти его вопросы, пронизывающие самую онтологию искусства, соотношение искусства и мира, вопросы природы *подражаний* и *преобразований*, не перестают оставаться актуальными»[191].

Сергей Сергеевич Тагатц, автор первого мультипликационного, первого звукового и первого цветного фильма в Югославии, в 1935 г. опубликовал статью «Важные вопросы отечественного кино»[192]. Не случайно она вышла

188 *Ракитин Ј.* Прва пантомима у Београду // *Comoedia* (Београд). 1927. Бр. 2. С. 8–9.

189 *Ракитин Ј.* У чему лежи тајна «Великог Мутавка»? // *Comoedia* (Београд). 1925/26. Бр. 26. С. 3–6; Бр. 27. С. 18–19; Бр. 28. С. 14–15.

190 См.: *Коларић В.* Однос Јурија Ракитина према филму // *Књижевна историја* (Београд). 2008. Бр. 134–135. С. 203–208.

191 Там же. С. 207.

192 *Tagac S.* Važna pitanja domaćeg filma // *Нова Европа* (Загреб). 1935. Књ. 28. Бр. 8. С. 237–255.

в известном журнале югославской ориентации *Новая Европа* (1920–1941), который после Первой мировой войны следовал концепту новой формы устройства европейского «союза народов» и стремился именно в этом ключе влиять на действительность.

Работа видного кинематографиста-практика выходит за рамки одного полемического обзора состояния югославского кино тех лет. Существенно, однако, что свои размышления автор в первую очередь посвящает осмыслению современного ему состояния в кинематографии и его возможного развития. Вместе с тем идеям С. С. Тагатца присущи и актуальные теоретические аспекты[193].

Тагатц ставит вопрос: «Нужно ли нам, вообще, отечественное кино?» – указывая на вялую заинтересованность политической и культурной элиты страны в становлении и развитии национальной кинематографии. И далее отмечает: «Если творчество не является элементарным подражательством, *рабским следованием чужим авторитетам*, оно не является и механическим отображением заранее заданной действительности. Поэтому в своей сути кино не есть коллективное произведение и действие, а в своих лучших образцах оно *глубоко эгоцентрично*. Лишь творческая сила автора, сила одиночки-личности-таланта, способна художественно преобразовать действительность». Тагатц подчеркивает: «Не подражать, а *создавать*, сообразно обстоятельствам и собственным замыслам»[194]. Причем, *собственное* у него насколько личное, настолько и национальное, и – это очень важно — обоим присуща свобода.

С. С. Тагатц сопротивляется предпочтению «культурного» фильма «развлекательным» лентам. Он считает, что кино в своей сути всегда ориентировано на развлечение, но это не умаляет его художественных достоинств. Технологизация и стремление к максимальной доступности значительно больше угрожают своеобразию киноискусства, чем функциональная и эксплуататорская природа «развлекательного» кино.

Опорой своей апологии киноискусства С. Тагатц делает признание совершенно особого языка, присущего только этому виду искусства: «Живые картины кинематографа, понятные всем народам, это иероглифы в движении, которые в сознании зрителя превращаются в слова национального языка»[195].

Сосредоточенная на критике состояния отечественной кинематографии и предлагающая ряд практических шагов для его улучшения, статья С. Тагатца 1935 г., по мнению В. Коларича, содержит мысли о киноискусстве,

193 В нашем коротком обзоре статьи С. Тагатца мы опираемся на ее разбор историком кино, в его работе: *Коларић В.* Сергеј Тагац у *Новој Европи* // Нова Европа 1920–1941: Зборник радова / Уредници др Марко Недић и др Весна Матовић. Београд, 2012. С. 635–641.

194 Там же. С. 638.

195 Там же. С. 639.

согласующиеся с самыми глубокими теоретическими исканиями эпохи. Они вновь станут актуальными в эпоху кино «новой волны» во Франции, в ее художественных и теоретических истолкованиях трудов С. М. Эйзенштейна, А. Базена и Р. Брессона. В наши дни, с присущими им противоречиями киноглобализации, выглядят весьма актуальными идеи С. Тагатца об имманентной взаимосвязи универсального и национального.

Петр Алексеевич Митропан (1 августа 1881, Орел – 6 декабря 1988, Белград), славист, литературовед, переводчик, педагог, – отмечен историками югославского кино, как автор рецензий на фильмы из прокатной сети Королевства Югославии в 1930-е гг.[196] П. А. Митропан окончил гимназию в Полтаве и отделение славистики в Московском университете (1914). Четыре года провел на фронте, был контужен, награждался орденами. В эмиграции — преподаватель педагогического училища (1921–1931), лектор-славист философского факультета в Скопье (1931–1941) при Белградском университете. Сотрудник многих югославских периодических журналов, один из основателей и многолетний редактор толстого журнала по науке и литературе *Южное обозрение* (Јужни преглед, Скопье, 1927–1941). После Второй мировой войны Петр Алексеевич продолжил лекторскую работу, уже на кафедре славистики филологического факультета Белградского университета. Автор десятка книг и учебников русского языка. Перевел множество произведений почти всех классиков русской и советской литературы. Свои рецензии о фильмах публиковал в журнале Южное обозрение.

В этом разделе следует снова упомянуть Александра Филипповича Черепова. До своего переезда из Риги в Белград он в первом выпуске еженедельного иллюстрированного журнала *Кино-рампа* (Рига, 24 октября 1925 г.) опубликовал статью «Театр и кино», посвященную вопросам переоценки искусств театра и кино. В ней он ссылается на статьи Ю. И. Айхенвальда 1913 г. и Л. Н. Андреева («Кино убивает театр»).

Черепов, вслед за Л. Андреевым, считал, что важную роль в театральном искусстве играет действие и зрелище, которые в итоге окажутся причиной гибели театра. Он отмечает: «Независимое кино с изумительной быстротой победно шествует вперед, всё углубляясь по существу и уходя всё дальше от недавнего примитива и малосодержательности». Позднее, уже в Белграде, в статье-интервью «Театр или кино», опубликованной в сербской газете, он снова подчеркивает роль *действия* и *зрелища* в театре и кино, но добавляет, что современному театру следует освободиться от неуклюжего, громоздкого, малоподвижного *действия*. Освободившись от этого балласта, театр возвратится к своей сути, психологической правде. Зрелище и действие отступят

196 См.: *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 150.

на второй план и освободят место вечной силе театра – актеру. Кризис театра, по Черепову, вызван лишь одной внутренней причиной: качественным упадком и духовным обнищанием актера. «Всё реже встречаются хорошие актеры. Прежний властитель театра — актер, стал неловким слугой всевозможных *измов*»[197].

Интересно отметить, что в 1930-е гг. мировой рынок был завален голливудскими экранизациями русской литературной классики или эпизодами российской истории и слезливыми мелодрамами императорских времен. Большинство таких низкопробных и дорогих постановок порождало оправданную критику и насмешку русской эмиграции. В марте 1938 г. Русский общедоступный театр в Белграде поставил оригинальную комедию-ревю Николая Михайловича Февра и Сергея Сергеевича Страхова «Двадцать лет», в которой была разыграна остроумная пародия на американскую продукцию кинокартин из русского быта[198].

9

Если в межвоенные и послевоенные годы в Загребе своей работой кинооператоров выделялись А. Т. Герасимов и С. С. Тагатц, в Белграде почетное место кинооператора занимал Михаил Дмитриевич Иванников (6 (19) сентября 1904, Георгиевск, Северный Кавказ – 9 сентября 1968, Белград). В 1920 г. в Константинополе семья Иванниковых разделилась: сын, как гимназист переведенной из Турции в Чехословакию Русской гимназии Всероссийского союза городов, попал в городок Моравска-Тржебова, родители с дочкой – в Белград. В 1922 г. Миша окончил это русское среднее учебное заведение на чужбине. Некоторое время он был студентом сельскохозяйственного факультета Университета им. Менделя в Брно, затем Русского юридического факультета в Праге. С 1925 г. Михаил Дмитриевич в Белграде; в конце 1920-х гг. учился в Свято-Сергиевском Православном богословском институте в Париже. В мае 1930 г. Михаил Дмитриевич окончательно обосновался в Белграде, став студентом богословского факультета Белградского университета.

Литературным творчеством М. Д. Иванников начал заниматься в пражском кружке «Скит поэтов», в Белграде входил в объединения «Книжный кружок», «Литературная среда», состоял членом Союза русских писателей и журналистов в Югославии. Как писатель-прозаик публиковался с 1931 г. (*Последние новости*, *Современные записки*, Париж). В 1936–1938 гг. писал сатирические фельетоны для белградской газеты младороссов *Русское дело*.

197 Позориште или филм? – Мишљење г. Александра Черепова, директора приватне позоришне школе у Београду // Вырезка из сербской газеты, без указания названия газеты и даты. Музей театрального искусства Сербии (Белград). Фонд А. Черепова.

198 См.: *Време* (Београд). 1938. – 19. март.

После Второй мировой войны его повести и рассказы печатались в *Новом русском слове* и *Новом журнале* в Нью-Йорке[199].

Внимание белградского прозаика привлекал человек, его внутренний мир, мысли и чувства, а также психологическое раздвоение русского эмигранта[200]. Проза Иванникова была высоко оценена Иваном Буниным, а Георгий Адамович об авторе повести «Дорога» отозвался, как о «приобретении для нашей литературы, писателе с большим будущим»[201].

Источником существования для Михаила Дмитриевича в Белграде стала работа кинооператора. С 1930 по 1937 г. он трудится в фирме «Югославский образовательный фильм» и одновременно, до 1941 г. – как кинооператор и режиссер в фирме «Художественный фильм» («Артистикфилм»), оказывая при этом услуги и другим кинокомпаниям. До войны им было снято более сотни кинорепортажей и документальных фильмов. Самые значительные: «Югославское попурри» («Југословенски потпури», 1933), «Приезд загребских студентов на Опленац» («Долазак загребачких студената на Опленац», 1934), «Белград, в день Вознесения» («Београд, Спасовдан», 1938), «Пионеры охраны нашего неба» («Пионири одбране нашег неба», 1938), «Средневековые монастыри Сербии» («Средњевековни манастири у Србији»,1940), «Источники здоровья» («Извори здравља», 1940), «Дорога гигантов» («Пут џинова», 1940, одновременно: режиссура и монтаж), «Рассказ об одном дне» («Прича једног дана», 1941), «Демонстрации 27 марта в Белграде» («Демонстрације 27. марта у Београду», 1941). Незавершенными в 1941 г. остались съемки художественного фильма «Любица и Яня» («Љубица и Јања»). В годы германской оккупации Белграда Михаил Дмитриевич был кинооператором фирмы «Юговосток-фильм» («Југоисток филм») – филиала кинохроники «УФА-журнала» («UFA-Journal»).

С октября 1944 г. опытный кинооператор был направлен в Киносекцию Верховного штаба Народно-освободительной армии, снимал фронтовые операции и очерки для первых выпусков «Кинохроники» («Филмске новости», 1945). Продолжая состоять сотрудником «Кинохроники», Иванников снял 16 документальных фильмов (в двух из них был режиссером) и два полнометражных художественных фильма: «Барба Жване» («Барба Жване», 1949) и «Майор Баук» («Мајор Баук», 1951). Со дня основания Белградского телевидения (1959) М. Д. Иванников стал его первым телеоператором. Если в русских белградских литературных кружках его звали Мишель, то в сербской среде этот ветеран югославского кино был известен по кличке Дедушка. Бла-

199 Осенью 2012 г. в Санкт-Петербурге в Издательстве имени Н. И. Новикова вышел сборник литературных произведений М. Д. Иванникова («Правила игры» / ред.-сост. А. А. Данилевский).

200 См.: *Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. L., 1988. С. 311.

201 *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Изд. 3-е, испр. и доп. Париж; М., 1996. С. 206.

годаря блестящей камере М. Д. Иванникова, документальный фильм «Рассказ об одном дне» (жизнь Белграда, с раннего утра до поздней ночи) считается высшим достижением киноискусства в Королевстве Югославии[202], наряду с его кинолентой «Дорога гигантов» (о велосипедных гонках по Сербии).

10

Вторая мировая война на просторах Королевства Югославии была не только войной с оккупантами (Германией, Венгрией, Италией, Болгарией). Оккупантами было создано пронацистское Независимое государство Хорватия (Nezavisna Država Hrvatska; NDH). Все военные годы бушевала кровопролитная межэтническая гражданская война и противостояние между сербскими монархистами (четниками) и коммунистами (партизанами). Большинство югославов, убитых в 1941–1945 гг., пали от рук собственных сограждан.

В январе 1942 г. в Хорватии возникло государственное предприятие «Хорватский фильм» («Croatia film», вскоре переименованное в «Hrvatski slikopis») ультранационалистической направленности. Располагая современной аппаратурой и материальными средствами, помимо кинохроники нацистской направленности, кинематографисты отводили душу, снимая и так называемые «культурные» фильмы. Был снят среднеметражный художественно-документальный фильм «Барокко в Хорватии» («Barok u Hrvatskoj», 1942). Для этого фильма впервые в Хорватии (Югославии) была разработана сценография, автором которой являлся театральный художник В. И. Жедринский, русский. Ему была заказана и сценография первого хорватского полнометражного звукового художественного фильма «Лисинский» («Lisinski», 1944)[203] – о жизни и деятельности выдающегося композитора Ватрослава Лисинского (1819–1854). Благодаря мастерски выполненным «богатым» декорациям и костюмам, достоверно отражавшим эпоху, обе картины имели успех и были высоко оценены критиками. Уже после войны В. И. Жедринский стал и художником фильма «Знамя» («Zastava», 1949), реализованного на новом загребском предприятии «Ядран-фильм» («Jadran film»).

Владимир Иванович Жедринский (30 мая 1899, Москва – 30 апреля 1974, Париж), художник театра, живописец, график, карикатурист. Внук курского губернатора. В 1917 г. окончил гимназию в Москве, с 1918 г. учился в Киевском художественном училище, сотрудничал в Комитете охраны памятников искусства. С 1920 г. в эмиграции в Королевстве СХС. Многолетний художник белградского Королевского национального театра. Оформлял спектакли (декорации, костюмы) и для других театров страны (более 130 постановок).

202 См.: *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 105.

203 См.: *Škrabalo I.* Hrvatska filmska povijest ukratko (1896–2006). Zagreb, 2008. S. 105.

Создал серию графических портретов-шаржей видных политиков и деятелей культуры, постоянный сотрудник белградской ежедневной газеты *Политика*, рисовал комиксы. Участвовал в выставках русских художников и на международных выставках декоративного искусства (Париж, Вена, Прага).

В 1941 г. В. И. Жедринский с семьей переехал в Загреб и стал художником Хорватского национального театра. В связи с политической обстановкой в Югославии, в 1951 г. был вынужден выехать из страны. Поселился в Марокко, где в Муниципальном театре Касабланки оформил 12 спектаклей. С 1952 г. жил во Франции. Был главным художником Оперного театра в Ницце, оформлял спектакли и в Руане, Нанте, Льеже, Монсе, Любляне, Праге, Париже[204].

11

В военные годы художественные фильмы с военной тематикой на территории расчлененной Югославии снимались киногруппами из Германии, СССР, Англии, США. Изготовленные по заказам своих правительств, эти фильмы преследовали исключительно пропагандистские цели.

Первый немецкий полнометражный документальный фильм «Поход на Балканы» («Drang nach Balkan», 1941) был отвергнут Военным отделом пропаганды. Вскоре одной из киностудий Рейха создан полнометражный художественный фильм «Люди в бурю» («Menschen im Sturm», 1941), в котором вторжение германской армии в Югославию оправдывалось насилием сербов (!) над этническими немцами, проживающими в той части Словении, которая была аннексирована Третьим Рейхом и где сербы не проживали. Цель фильма – разжигание ненависти между сербами и хорватами, сербами и этническими немцами[205]. Главную роль югославской немки Веры исполняла звезда немецкого кино, лауреат Государственной премии Рейха, любимица и хорошая знакомая А. Гитлера, Ольга Константиновна Чехова (урожд. Книппер; 14 апреля 1897, Александрополь, ныне Гюмри, Армения – 9 марта 1980, Мюнхен).

В постановке Г. М. Раппапорта в СССР был снят короткометражный художественный фильм «Сто за одного» (1941) – о зверских расстрелах сербов немецкими оккупантами. Главную женскую роль исполняла Л. С. Емельянцева. Вскоре в постановке Л. Д. Лукова на экраны вышел и среднеметражный художественный фильм «Ночь над Белградом» (1942). Действие в нем разворачивалось во время нацистской оккупации столицы. В главной роли снималась Т. К. Окуневская. Одноименная песня Н. Богословского на слова

204 *Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Художники русского зарубежья 1917–1939: Биографический словарь. СПб., 1999. С. 275–276.

205 См.: *Škrabalo I.* Hrvatska filmska… S. 39.

Б. Ласкина приобрела известность. В постановке С. И. Юткевича был снят художественный фильм «Новые похождения Швейка» (1943). Действие в нем частично происходит в оккупированной Югославии: солдата Швейка немцы мобилизуют и отправляют на Балканы, а он там помогает партизанам.

Британская студия «Илинг» («Ealing») выпустила художественный фильм «Подпольщик» («Undercover», 1943; альтернативное название: «Подземная герилья» («Underground Guerillas»)) по сценарию Мони Данишевского (Danischewsky; 28 апреля 1911, Архангельск – 16 октября 1994, Лондон) в постановке Сергея Нолбандова (Nolbandow; 1895, Москва – 1971, Лондон) – о героической борьбе четников генерала Дражи Михаиловича в горах Югославии.

Голливудская компания «Фокс» («Fox») сняла полнометражный пропагандистский игровой фильм «Четники» («Chetniks», 1943) в постановке Льюиса Кинга (King), в котором была представлена борьба четников с оккупантами. Главную женскую роль в фильме исполняла Анна Стенская-Судакевич (1908, Киев – 1993, Нью-Йорк)[206].

Как и военные действия на Балканах в 1912–1918 гг., события Второй мировой войны запечатлены на кинопленках иностранцев – оккупантов и союзников, военных корреспондентов Англии, США, СССР. Самые драгоценные свидетельства о боях партизан Тито оставили советские кинооператоры. В начале их было двое, потом шестеро, позднее двадцать четыре.

Так, известно, что в 1943 г. на освобожденную партизанами территорию на парашюте приземлился опытный кинооператор В. С. Ешурин, который снимал бои черногорских бригад с немцами в Санджаке[207]. Вторым прибыл в Югославию В. Н. Муравцев, неустрашимый кинооператор, погиб в последний день войны у местечка Опичина, вблизи Триеста, при съемках вступления отрядов Югославской народной армии в Триест в мае 1945 г.

В момент вступления первых отрядов Красной армии на территорию Сербии в их составе были и кинематографисты. Первую группу операторов составляли: В. С. Ешурин, И. Д. Грачев, С. Я. Коган, В. Н. Муравцев. Вскоре прибыла и большая группа операторов, проводившая съемки последних боев с оккупантами и освобождение Белграда (20 октября 1944 г.). В ней находились: В. Петров, Б. М. Рогачевский, С. А. Стояновский, И. А. Чикноверов, Р. Б. Халушаков, А. И. Сологубов, Е. И. Ефимов, С. С. Школьников, Ф. Г. Кротик-Короткевич и В. Ф. Левитин.

В монтаже отснятого советскими кинооператорами материала принимал участие писатель И. Г. Эренбург и режиссер Л. В. Варламов. Так возник-

206 См.: *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 204.

207 По свидетельству В. Ешурина, весь снятый материал был зарыт в окрестностях г. Никшич, при одном из последних наступлений, и, по всей вероятности, утрачен (см.: *Kosanović D.* Leksikon pionira… S. 99).

ли фильмы Л. Варламова: «Вымогательство Тито» (1944), «Белград» (1944), полнометражный фильм «Сыны Югославии» (1944), «Югославия» (1945). За этот последний фильм Л. Варламов был удостоен Сталинской премии (1946). Из материала погибшего В. Муравцева С. Школьников позднее создал фильм «Всю ночь война» (1972), в сотрудничестве с югославскими кинематографистами и в совместном производстве с белградским Центром ФРЗ.

На неоднократные убедительные просьбы югославской стороны, в начале 1946 г. в Белград прибыл прославленный кинорежиссер «Мосфильма» А. М. Роом. По сценарию Георгия Мдивани приступили к съемкам фильма «В горах Югославии» (сербское название «Бура на Балкану»)[208]. Кинооператором был Э. К. Тиссэ, художником – А. Уткин. В нем снимались Николай Мордвинов, Иван Берсенев, Ольга Жизнева, Всеволод Санаев и др. Работа над фильмом продолжалась целый год. Помимо нескольких молодых югославских деятелей кино, впоследствии признанных режиссеров, в помощники советскому кинооператору был приставлен югослав Георгий Владимирович Скрыгин (Žorž Skrigin). Картина была снята в художественно-документальной стилистике – о судьбе простого боснийского крестьянина, ставшего партизанским командиром.

Сам фильм разочаровал благосклонных югославских зрителей и критиков. Поэтика режиссера А. Роома была явно шаблонной и декоративной. Такой она казалась еще и потому, что действительные герои и недавно прошедшие бои оставались живыми в воспоминаниях современников. Как режиссер ни старался представить характерные черты и специфику революции в Югославии, он не мог выйти за рамки опробованных штампов советского военного кино[209]. Партийному руководству Югославии, внимательно наблюдавшему за съемками, изменявшему и дополнявшему сценарий, конечный продукт также не понравился, по ряду причин[210].

Однако взаимная работа над этим игровым звуковым фильмом дала возможность молодым югославским кинематографистам многому научиться, обрести практический опыт. Значительную роль в становлении югославского кино социалистической эпохи сыграла теория и практика советского киноискусства. В 1940-е гг. было переведено несколько советских книг (труды Е. М. Голдовского по кинотехнике[211] и др.), а советские картины 1920–1940-х гг. получили широкий доступ на экраны Югославии.

---

208 См.: *Volk P.* Dvadeseti vek… S. 322.

209 См.: *Novaković R.* Istorija filma… S. 344–345.

210 Подробнее см.: *Ljubojev P.* Evropski film i društveno nasilje: Svet minulog kolektivizma. Novi Sad; Beograd, 1995. S. 269–272; и др.

211 См.: *Kosanović D.* Uvod u proučavanje jugoslovenskog filma. Beograd, 1976. S. 25–26.

В довоенный период в кинозалах страны преобладала американская и немецкая продукция. Усилия культурной общественности показать признанный в мире шедевр «Броненосец *Потемкин*» потерпели неудачу, из-за запрета Министерства внутренних дел[212]. По свидетельству старожила Сараева, в 1930-е гг. там шли советские кинокомедии «Веселые ребята», «Волга, Волга» и «Цирк»[213]. После установления дипломатических отношений между Королевством Югославией и СССР (в июне 1940 г., уже в разгар Второй мировой войны в Европе), в Белграде шли и советские исторические кинофильмы. Характерна была реакция русских эмигрантов на показ этих фильмов. В свой белградский дневник 17 сентября 1940 г. театральный режиссер Ю.Л. Ракитин записал: «На мои восторженные слова о фильме *Волга, Волга*, [Николай Захарович] Рыбинский буркнул: Да, хорошо играют и жизнерадостно, но как Вас могут развлечь актеры, когда там существуют концлагеря?! – Идиот! Сейчас лагеря повсюду. Мы, эмиграция, можем, даже обязаны, ненавидеть советскую власть, но не смеем ее смешивать с искусством»[214].

12

Приступая к социалистическому периоду страны, восстановленной в несколько расширенных границах бывшего Королевства Югославии, необходимо отметить создание государственных киностудий – в Белграде, Загребе и Любляне (1945), Сараеве и Скопье (1947), Титограде (ныне: Подгорица; 1949). С годами растет количество студентов академий театрального и киноискусства в Белграде и Загребе. Республиканские киностудии выпускают свои первые звуковые документальные и художественные фильмы, издаются теоретические и популярные журналы о новинках мирового и отечественного кино. С 1954 г. в приморском городе Пула проводится ежегодный кинофестиваль югославского фильма (на древней римской арене).

В 1950–1960-е гг. в кинокартинах преобладала военная тематика, с тенденциозным подчеркиванием массовости и значительности народно-освободительной борьбы партизан при освобождении страны. Постепенно росло количество экранизаций художественной литературы; в 1960–1970-е гг. кинематографисты обращались к актуальным темам действительности. Десяток фильмов было снято в сотрудничестве с мощными кинокомпаниями Запада (Югославия привлекала своими пейзажами для съемок вестернов и дешевыми тарифами на статистов). Значительных успехов достигло югославское документальное кино в 1970–1980-е гг.

212 См.: Кино Югославии / Сост. И. М. Райгородская. М., 1978. С. 11.

213 Письмо Р. В. Полчанинова автору от 26 ноября 2012 г.

214 *Арсењев А.* Ракитин међу руским емигрантима // *Зборник Матице српске за сценске уметности и музику* (Нови Сад). 1995. Бр. 16–17. С. 259.

В 1947 г. в Загребе, при редакции «Образовательного фильма» («Nastavni film») сформировался кружок энтузиастов анимационного кино, из которого в 1951 г. возникла так называемая Загребская школа мультипликации, вернее – Студия по мультипликации при кинокомпании «Загреб-фильм» («Zagreb film»). Очень скоро эта школа завоевала мировую известность. Ее прославленные авторы, лауреаты сотни международных наград, с гордостью подчеркивали, что первые анимационные фильмы возникли в Загребе в давние 1922–1923 гг. «Отцом мультфильма в Хорватии» они считают С. С. Тагатца[215]. Подробно освещая деятельность шестнадцати выдающихся авторов студии, историки упоминают и двух русских, трудившихся на этапе становления загребской мультипликации – это Леонтий Семенович Бельский (Leontije Bjelski) и Нина Петровна Тумина (Nina Tumin).

Леонтий Семенович Бельский-Савченко (17 октября 1895, Санкт-Петербург – 3 января 1964, Загреб), художник-график, по профессии юрист. В загребской прессе с 1924 г. публиковались его карикатуры, в 1935 г. – комиксы «Газета Пентека» и «Гость из космоса». При рекламном предприятии «Maar K.D.» (1931–1936) Л. С. Бельский создавал короткие анимационные полосы, которые включались в рекламные фильмы. После войны Леонтий Семенович поступил на работу в студию «Образовательного фильма». Там он стал сценаристом, рисовальщиком и режиссером первого хорватского образовательного (немого) анимационного фильма «Процесс в доменной печи» («Proces u visokoj peći», 1948). Пресса отмечала: «Это событие не только является успехом нашей молодой кинематографии, но и важная дата в истории нашего просвещения»[216].

Нина Петровна Тумина (5 апреля 1911, Житомир – 1972, СССР), художница. Окончила Академию художеств в Загребе (1935). Одно время жила в Скопье, после войны возвратилась в Загреб. Поступила на работу в хорватский филиал Государственного кинопредприятия (Filmsko poduzeće – Direkcija za Hrvatsku), а с сентября 1948 г. – на предприятие «Ядран-фильм», где занималась экспериментами по созданию мультфильмов. С русского языка Нина Петровна перевела труд И. Вано «Искусство мультипликации»[217], который в 1948 г. был опубликован в книге «Мультипликационный фильм» (редактор Н. Тумина), как том библиотеки Комиссии по кинематографии Правительства НР Хорватии[218] После прекращения политических и партийных отношений с СССР, в период массовых арестов подозреваемых или «просоветски ори-

215 См.: *Pata N.* Majstori zagrebačkog crtanog… S. 9.

216 *Pedagoški rad* (Zagreb). 1948. Br. 4–5. S. 307.

217 Ibid.

218 Crtani film / Red. N. Tumin. Biblioteka Komisije za kinematografiju Vlade NR Hrvatske. Zagreb, 1948; см. также: Zagrebački krug… S. 425.

ентированных граждан», пострадала и Нина Петровна – она была узником «Голого острова» (югославского ГУЛАГа) с 1949 по 1955 г. По амнистии ей удалось выехать в СССР.

Видный вклад в кинематографию социалистической Югославии оказал Георгий Владимирович Скрыгин (Žorž Skrigin; 4 августа 1910, Одесса – 31 октября 1997, Белград) – выходец из России, в довоенные годы проживавший в Загребе, а после войны – в Белграде. Родом Георгий Владимирович из дворянской, офицерской семьи. В 1919 г. с отцом эвакуировался в Варну, а в 1920 г. вся семья воссоединилась в Королевстве СХС, в Скопье. Жорж поступает в русский Крымский кадетский корпус в г. Белая Церковь, но среднее образование получает в Русской гимназии в Загребе. Подрабатывает танцовщиком в Театре оперетты. По совету сестры-балерины, поступает и оканчивает студию известной балерины Маргариты Петровны Фроман, и с 1930 г. становится членом Балетной труппы Хорватского национального театра.

С ранних лет, еще в Одессе, у Жоржа обнаружился талант к рисованию, позднее он с энтузиазмом занимался фотографией. В начале1930-х гг. стал членом фото-клуба «Загреб», сблизился с кружком фотографов, впоследствии известным как Загребская школа художественной фотографии. Если балет обеспечивает Скрыгину существование, увлечение фотографией становится для него художественной потребностью. Его занимает психологическая трактовка портрета. Жорж Скрыгин становится признанным художественным фотографом театрально-артистической среды Загреба, но ему не чужды и едкие социальные темы. На фотосалонах в стране и за рубежом его работы удостаиваются высших призов (Будапешт, Турин, Вена, Антверпен, Лейпциг, Париж, Берлин, Бостон, Нью-Йорк, Буэнос-Айрес), фотографии публикуются в журналах *Rundschau*, *American, Life,Time* и др.

В 1939 г. Жорж Скрыгин примыкает к кружкам артистов левой ориентации. После раздела Югославии эти артисты группами вступают в партизанские отряды. В апреле 1942 г. Скрыгин со своим фотоаппаратом и запасом из тридцати фотопленок пробирается на освобожденную партизанами территорию страны, мечтая запечатлеть бои партизан с оккупантами. Всю войну он провел в походах, принимал участие в создании и деятельности Театра народного освобождения («Kazalište narodnog oslobođenja», 1942) – артистического кружка при Верховном штабе маршала Тито. Подобно фотографиям Самсона Чернова 1910-х гг., военные фотографии Жоржа Скрыгина (их сохранилось более 500) являются уникальным свидетельством Народно-освободительной борьбы и народного бедствия. Они обошли весь

мир. Отличаются мастерством, высокими художественными достоинствами, насыщены универсальными визуальными метафорами[219].

После войны Георгий Владимирович короткое время состоит художественным руководителем Балета и Оперы Национального театра в Белграде (1945), но проявляет интерес к киноискусству. Участвует в съемках советского кинофильма «В горах Югославии» (1946) и становится кинооператором первого послевоенного югославского художественного фильма «Славица» («Slavica», 1947). С 1955 по 1967 г. он снял и поставил одиннадцать документальных и восемь игровых фильмов: «Их двое» («Njih dvojica», 1955), «Погоня» («Potraga», 1956), «Кровавая рубашка» («Krvava košulja», 1957), «Госпожа министерша» («Госпођа министарка», 1958), «Товарищ председатель – центр нападения» («Drug predsednik – centarfor», 1960), «Большие гастроли» («Velika turneja», 1961), «Кот под каской» («Mačak pod šlemom», 1962), «Шаги сквозь туманы» («Koraci kroz magle», 1967)[220]. Документальный фильм «Македония» (1945) в его постановке, о зарождении македонской нации, принято считать первым македонским фильмом, а два художественных фильма-комедии («Госпожа министерша» и «Товарищ председатель — центр нападения»), которые имели миллионную аудиторию – заложили основы жанра комедии в кинематографии социалистической Югославии[221]. Современные исследователи творчества этого режиссера находят, что его художественные фильмы интересны и с идеологической позиции, как демонстрация «социализма с человеческим лицом»[222].

Жорж Скрыгин избирался первым председателем Общества деятелей кино Сербии (1951) и первым генеральным секретарем Союза кинематографистов Югославии (1952). За свою патриотическую и художественную деятельность удостоен многих орденов и наград, среди которых ордена: За храбрость, Труда, За заслуги перед народом, Братства и единства, Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ), За жизненное творчество.

В создании документального фильма «По следам 4-го и 5-го наступления» (1947), в котором Ж. Скрыгин был оператором, сценаристом и режиссером, вторым оператором выступил молодой Николай Владимирович Жедринский (17 января 1926, Белград – 2 мая 1980, Париж), талантливый

219 Опубликованы в альбоме, оформленном автором, с пояснениями: *Skrigin Ž.* Rat i pozornica. Beograd, 1968.

220 См.: *Volk P.* Dvadeseti vek… S. 601.

221 См.: Žorž Skrigin – Ratne fotografije: Katalog izložbe. Beograd, 1983. [Страницы не нумерованы.]

222 См.: *Велисављевић И.* Филмови Жоржа Скригина: Социјализам са људским ликом // *Руски алманах* (Земун). 2010. Бр. 15. С. 180.

сын театрального художника В. И. Жедринского. За эту работу ему была присуждена государственная награда.

13

После внезапно прерванных, в 1948 г., политических и государственных отношений с СССР и странами «народной демократии», в период децентрализации и реорганизации югославской кинематографии (по республиканским кинокомпаниям), в стране было выпущено много документальных и художественных картин. Перед показом любого художественного фильма в кинозалах демонстрировались еженедельные выпуски «Кинохроники» («Филмски журнал»), об актуальных событиях в стране и за рубежом. На протяжении многих лет над созданием этих выпусков трудился М. Д. Иванников.

Документальные фильмы тех лет отражали этапы восстановления хозяйства, культурное разнообразие национальных этносов и достопримечательности страны. Так, в истории кино отмечена работа Ксении Раевской, снявшей документальный фильм «В защиту здоровья» («У одбрану здравља», 1948), посвященный достижениям Красного Креста в лечении туберкулеза[223]. Жорж Скрыгин снимает авторские фильмы «Македония» (1948), «По долине Моравы» («Долином Мораве», 1952), «Борец и строитель» («Borac i graditelj», 1953) – о восстановлении разрушенного Белграда, «Ревю югославских танцев» («Revija jugoslovenskih igara», 1953).

Значительный след в кинематографии Македонии оставил Александр Александрович Маркус (20 июня 1926, Скопье – 8 сентября 1988, Скопье), театральный и кинорежиссер, переводчик. Будучи студентом Высшей киношколы в Белграде, снимался в художественном фильме «Барба Жване» («Barba Žvane», 1949), в роли Марко. По завершении образования Александр Александрович с 1953 по 1955 г. работал на студии «Вардарфилм» в Скопье. В его постановке был снят короткометражный художественный фильм «Европа» (1953)[224]. Популярный среди студенческой молодежи, «Саша» часто выступает с лекциями о киноискусстве в Академическом киноклубе в Скопье, созданном в 1959 г. энтузиастами. Однако он сменяет работу, становится режиссером и художественным руководителем Театра национальных меньшинств, а с 1957 г. – «свободным художником», и по приглашению театров ставит спектакли, чаще всего для Турецкой театральной труппы. За театральные постановки Александр Александрович неоднократно награждался на театральных смотрах страны[225].

223 См.: *Volk P.* Dvadeseti vek… S. 330.

224 См.: *Тренчовски Г.* Orbis pictus. Македонската филмска и ТВ-режија и други текстови. Скопје, 2001. С. 26.

225 См.: *Стефановски Р.* Турски театар. Скопје, 2009. С. 8.

Приморский хорватский город Сплит чтит память Александра Федоровича Стасенко (23 июня 1933, Сплит – 5 апреля 1990, Сплит), выдающегося кинематографиста, прославившего себя и родной город, мастера документального кино – сценариста, оператора, режиссера, киномонтажера, широко известен как «Саша Стасенко». Классическую гимназию он окончил в Сплите и электротехнический факультет Университета в Любляне. Активист студенческой киносекции в Сплите, он основал любительскую киногруппу KASG «816». С 1965 по 1970 г. самостоятельно создал одиннадцать любительских документальных фильмов, завоевавших призы в стране и за рубежом. С 1970 г. стал профессиональным кинематографистом. Будучи один во всех лицах – автором сценария, режиссером, оператором, монтажером и музыкальным редактором, А. Ф. Стасенко снял еще около тридцати фильмов, а в 1970–1985 гг. участвовал в реализации фильмов других авторов (сценарии, режиссура, кинооператор). В четырех художественных картинах итальянских и югославских кинокомпаний был ассистентом режиссера.

В его богатой фильмографии критика отмечает две основные темы – ностальгия и трудолюбие, усидчивость человека[226]. Коротко представим эти фильмы, завоевавшие высокие призы: «Последние» («Poslednji», 1972) – о вымирании ремесла «песочников» (выгребателей песка из моря и из судов); «Колонисты» («Kolonisti», 1978) – о людях Приморья, которые не могут обосноваться на хлебородной равнине; «После потопа» («Posle potopa», 1985) – о жизни крестьян села, затопленного искусственным озером; «Путь» («Put», 1977) – о прокладке автодороги сквозь скалы Далматинского Загорья; «Женщины» («Žene», 1977) – о далматинских женщинах, занимающихся добычей пропитания; «Ямар» («Jamar», 1983) – о подвиге шахтера; «Все годы в одной ночи» («Sve godine u jednoj noći», 1980) – о женах, мужья которых работают на чужбине; «Охота» («Lov», 1981) – об опасной ловле тунцов[227].

Режиссура и операторная работа Александра Федоровича отличаются визуальной красотой и подкупающей достоверностью. О своем творчестве он говорит: «Центральное место в нем занимает человек, каким бы он ни был, оказавшийся в любых условиях, обуреваемый проблемами… Фильмы отображают драму человека».

Еще один деятель кино русского происхождения оставил след в кинематографии Хорватии – Михаил Викторович Островидов (5 февраля 1930, Загреб – 10 декабря 2016, Загреб), журналист-международник, кинооператор художественных, документальных и телевизионных фильмов и репортажей. Его отец, русский эмигрант, был первым врачом-психиатром в Сплите. Популярный в Загребе, «Микки» окончил в Загребе: отделение кинооператоров

226 См.: *Škrabalo I.* Hrvatska filmska… S. 93.

227 См.: Filmska enciklopedija. Svezak 2. S. 558.

Училища кинематографистов (1949), изучал историю искусств на философском факультете Загребского университета и окончил Академию театрального и киноискусства (отделение кинокамеры) в Загребе. С 1949 г. М. Островидов ассистент оператора хорватского журнала «Обзор кино» («Filmski pregled»), выпускавшегося при студии «Ядран-фильм». С 1956 г. он входит в состав энтузиастов-основателей Загребского телевидения, в котором работал главным оператором и журналистом, до самого выхода на пенсию (1991). Снял около 20 тыс. передач для информационных телепрограмм, объездил с камерой многие страны Европы, Америки, Азии, Африки, сотрудничал с Загребской школой мультипликации. Михаил Викторович участвовал как оператор в создании анимационных фильмов режиссера Душана Вукотича (Vukotić; 1927–1998) «1001 рисунок» («1001 crtež», 1960) и «Игра» («Igra», 1962), удостоенного гран-при на фестивале в Мангейме и в ряде других. М. В. Островидов был оператором художественного фильма «Жюри» («Žiri», 1962) и ряда документальных фильмов. Лауреат Ордена труда с золотым венком, орденов Италии и Голландии, двух наград «Золотое перо» Общества журналистов Хорватии (1980, 2011), награды имени Отокара Кершовани — за творческую деятельность (2002).

В белградских кругах кинематографистов завоевал себе имя Борис Дмитриевич Гортынский (р. 5 декабря 1954, Белград), кинооператор, режиссер, сценарист, окончивший кинооператорское отделение Университета искусств в Белграде (1981). Как оператор полнометражных художественных картин «Прямая трансляция» («Direktan prenos», 1982), «Забытые» («Zaboravljeni», 1988) завоевал призы «Золотая арена» на кинофестивале в Пуле и «Мильтон Манаки» на фестивале кинооператоров в Битоле – оба за лучшую операторскую работу. Затем последовали: «Начальный удар» («Početni udarac», 1990), «Лучше бегства» («Bolje od bekstva», 1993), «Дыши глубоко» («Diši duboko», 2004; приз «Лучший фильм» Международного фестиваля независимого кино в Хьюстоне (World Fest), 2005), «На прекрасном голубом Дунае» («Na lepom plavom Dunavu», 2008; приз «Лучший фильм» Международного кинофестиваля Западного Голливуда (West Hollywood International Film Festival), 2009; приз за визуальное достижение в киноискусстве «Cine Gear Expo», 2009), а также документальные фильмы: «След» («Trag», 1981), «Славко Воркапич — жизнь и смерть голливудского кинематографиста» («Slavko Vorkapić – život i smrt holivudskog filmadžije», 1984, одновременно режиссер), «Мемории о будущем» («Memorije budućnosti», 1986), «Король мусорной свалки» («Kralj deponije», 1987), «Серб обнимает словенца, хорвата» («Srbin grli Slovenca, Hrvata», 1987), «Лайбах: Победа над солнцем» («Lajbah: Pobeda nad suncem», 1988), «Старое железо не ржавеет» («Staro gvožđe ne rđa», 1990). Кинооператор телевизионных фильмов и сериалов, включая сериал «Серый дом» («Сиви дом», 1985), считающийся высшим достижением белградского телевидения в этом жанре.

В 1991 г. переехал на постоянное жительство в США, в Лос-Анжелес, но время от времени принимает участие в реализации кинопроектов в Сербии. Своей самой значительной операторской работой в США Борис Дмитриевич считает художественную картину «Узник времени» («Prisoner of Time», 1993; реж. Марк Левинсон), с участием актеров Олега Борисовича Видова и Елены Алексеевны Кореневой. Это фильм о диссидентах-художниках из Советского Союза, проживающих в США (был показан на Международном кинофестивале в Москве[228]).

Александр Михайлович Иванников (р. 5 марта 1950, Земун, пригород Белграда) продолжил дело своего отца, Михаила Дмитриевича. В Белграде он окончил факультет драматического искусства (отдел организации кинопроизводства) Университета искусств в Белграде. Работал продюсером «Авалапро филм», экспертом по кинопрокату в предприятии «Центар филм»; состоял директором ряда художественных и телевизионных фильмов и сериалов. Александр Михайлович занимается вопросами кинопроизводства, выступает как публицист и руководит киностудией при факультете драматического искусства Университета искусств в Белграде[229].

Немного удалившись от темы, упомянем еще одного русского, видного архитектора и градостроителя социалистического периода. Игорь Львович Скопин (6 октября 1914, Харбин – 28 сентября 1993, Загреб) окончил архитектурное отделение технического факультета Загребского университета (1939). Среди прочих масштабных проектов, он участвовал в проектировании комплекса киностудии «Ядран-фильм» Загребе (1956)[230].

14

В югославских военных фильмах и кинокомедиях 1940–1960-х гг. встречаются русские имена, преимущественно это профессиональные театральные актрисы.

В фильмах «Сказ о фабрике» («Прича о фабрици», 1949), «Волшебный меч» («Чаробни мач», 1950), «Фросина» («Фросина», 1952), «Дом на набережной» («Кућа на обали», 1954) и «Эшелон доктора М» («Ешелон доктора М», 1955) снималась Надежда Игнатьевна Подерегина (Нађа Подерегин, Nadja Regin; 2 декабря 1931, Ниш – 6 апреля 2019, Лондон) – киноактриса, прозванная «первой секс-бомбой югославского кино» и «югославской Сильваной Мангано»[231]. Отец ее, Игнатий Петрович Подерегин (1897, Кременчуг – 1941, Кральево), русский эмигрант, окончил два факультета – философский и агрономический Белград-

228 См.: *Volk P.* Dvadeseti vek … S. 519; Письмо Б. Д. Гортынского (Белград) автору от 6 декабря 2012 г.

229 *Volk P.* Dvadeseti vek… S. 524.

230 См.: *Пушкадия-Рыбкина Т.* Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. С. 184.

231 *Лазаревић С.* Рађање прве секс-бомбе // *Илустрована политика* (Београд). 1985. Бр. 1369. С. 34–35.

ского университета, был преподавателем сельскохозяйственного училища в г. Кральево, занимался и научной работой. Взятый в 1941 г. оккупантами в заложники, в перекличке перед расстрелом не заявил, что он русский и был расстрелян вместе с сербами. В тяжелые послевоенные годы Надя с матерью (черногоркой) и сестрой переехала в г. Плевле. Вскоре очаровательная девушка становится студенткой Академии театрального и кино искусства в Белграде. «В те годы, когда в стране еще нет телевидения, кино является главной жизненной отдушиной. На экране церемониальным маршем проходят строгие лики бойцов и комиссаров, мелькают исстрадавшиеся лица мучеников и жертв нацизма, а среди них – она, властная, ухоженная, вестник нового времени, дуновение уже подзабытого, счастливого мира, Надя!»[232]

Быстро пришла ее слава. После съемок фильма «Эшелон доктора М» (первого югославского фильма в жанре вестерн), окончив Академию и философский факультет Белградского университета, молодая актриса уезжает в Германию. Там она снимается в восьми фильмах. Выходит замуж и в 1956 г. переезжает в Англию. В 1950–1960-е гг. играет в ряде художественных фильмов (два из которых о Джеймсе Бонде – «Из России с любовью» («From Russia with Love», 1963); «Золотой палец» («Goldfinger», 1964), много и часто снимается в телефильмах. Вместе с сестрой, актриса в 1982 г. создает книгоиздательство «Honeyglen Publishing Ltd», занимается литературной деятельностью (пишет роман, детские рассказы, воспоминания).

Мария Николаевна Наблоцкая (урожд. Болеславская; 14 июня 1890, Астрахань – 6 октября 1969, Любляна, Словения), драматическая актриса, во втором браке за режиссером Борисом Николаевичем Путятой (1871–1925). Ее дебют состоялся в Киеве, в сезоне 1910/11 г. Играла на сценах Москвы, Харькова, Тифлиса. С труппой «Гнездо перелетных птиц» покинула юг России и в сентябре 1922 г. прибыла к своему мужу, уже обосновавшемуся в словенском Национальном театре в Любляне. С 1922 по 1957 г. Мария Николаевна непрерывно играла в этом театре. О ней писали: «Эта дама с необыкновенно приветливой улыбкой и задумчивым взглядом безусловно отличалась от подвижных, оживленных и любезных, но в то же время довольно высокомерных русских эмигранток, после Первой мировой войны волновавших воображение всех европейских мужчин… Ее усмешка, каждое ее движение, легкая упругая походка, – весь ее облик открывал редко встречающиеся черты исключительной привлекательности, которую наши несколько угрюмые и тяжеловатые на подъем словенцы неохотно признают за женщиной, – она была очаровательна»[233].

232 Там же. С. 34.

233 *Kaplan F.* Hvalnica igri. Ljubljana, 1980. S. 124. Цит. в переводе по: *Вагапова Н. М.* Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах: Очерки. СПб., 2007. С. 83.

В 1929 г. Мария Николаевна отклонила предложение киноагентов из Вены сниматься в кино (рекомендация Владимира Гайдарова). Однако в конце своей карьеры она исполнила роль пожилой барыни-чудачки, Мадам Люли, в художественном фильме, снятом по роману словенского писателя Янко Керсника (Kersnik) «Из грязи в князи» («Jara gospoda»; «Triglav film», Любляна, 1953)[234].

Татьяна Львовна Лукьянова (6 ноября 1923, Белград – 19 августа 2003, Белград), известная театральная, кино- и телевизионная актриса, выпускница Русско-сербской гимназии в Белграде (1942). Любовь к театру возникла в ранние годы, при посещении русских спектаклей в Русском доме имени императора Николая II и на занятиях в гимназическом драматическом кружке, которым руководила В. М. Греч, бывшая артистка МХТ, актриса и режиссер белградских театральных трупп[235]. После окончания Театральной школы, Таня Лукьянова в 1948 г. поступает в Белградский драматический театр (Београдско драмско позориште). С первого дня его основания и буквально до последних дней своей жизни она оставалась верна этой сцене. Публика и режиссеры ее нежно любили за воплощенный талант, за балетную походку (эту походку у нее, еще юной девушки, высмеивал режиссер Ю. Л. Ракитин), за негромкий, ангельский детский голосок. Стоило ей шагнуть на сцену – раздавались рукоплескания.

Т. Л. Лукьянова много снималась в телевизионных фильмах (более 30) и телесериалах (около 15). В художественном кино играла в фильмах: «Медальон с тремя сердцами» («Medaljon sa tri srca», 1962), «Дни» («Dani», 1963), «Широкие листья» («Široko je lišće», 1981), «Путешествие» («Putovanje», 1982), «Нелегко обходиться с мужчинами» («Nije lako sa muškarcima», 1985), «Бал на воде» («Bal na vodi», 1985), «Красавчик» («Šmeker», 1985), «Hey, BabuRiba» (1985), «Раненая страна» («Ranjena zemlja», 1999), «Крестьяне» («Seljaci», 2001), «Всё остается людям» («Sve je za ljude», 2001). За свою долгую творческую жизнь актриса неоднократно награждалась. После ее кончины Белградский драматический театр установил награду «Grand Prix Татјана Лукјанова».

Заида Хамзатовна Кримшамхалова (3 апреля 1936, Крагуевац – 5 сентября 2008, Нови-Сад), театральная и телевизионная актриса, дочь терского казака, прибывшего с остатками Русской армии в Королевство СХС. Детство провела в г. Шабац. Окончила Государственное театральное училище в Нови-Саде (1959). Театральный дебют – в театре г. Сомбор, где играла несколько сезонов. С 1963 г. постоянная и долголетняя актриса Сербского национального

234 См.: *Вагапова Н. М.* Русская театральная эмиграция… С. 88.

235 Вера Мильтиадовна Греч (урожд. Коккинаки; 1983–1974) в эмиграции снималась в немых художественных фильмах «Преступление и наказание» (Германия, 1924) и звуковых фильмах «Идиот» (Франция, 1946) и «Анастасия» (Франция, США, 1956).

театра (Српско народно позориште) в Нови-Саде. Снималась в телевизионных сериалах и в двух художественных фильмах: «Широкие листья» (1981) и «Секс – партийный враг № 1» («Seks – partijski neprijatelj br. 1», 1990).

Татьяна Владиславовна Белякова (1 января 1934, остров Млет, Хорватия – 14 ноября 2022, Белград), известная югославская театральная, кино и теле актриса, родилась в русской семье врача Владислава Михайловича и Елены Борисовны. Окончила Академию театрального и киноискусства в Белграде. Актриса ряда белградских театров. Снималась в художественных фильмах: «Большой и малый» («Veliki i mal»1956), «Три желания» («Tri želje», 1958), «Трещина рая» («Pukotina raja», 1959), «Товарищ председатель — центр нападения» (1960), «Клочок голубого неба» («Parče plavog neba», 1961), «Счастье наступит в 9» («Sreća dolazi u 9», 1961), «Азбука страха» («Azbuka straha», 1961), «Нет малых богов» («Nema malih bogova», 1961), «Невесиньская винтовка» («Nevesinjska puška», 1963), «Глиняный голубь» («Glineni golub», 1966), «Три часа для любви» («Tri sata za ljubav», 1968), «Любовь, тут и там – брань» («Ljubav i poneka psovka», 1969), «Приемыш» («Hranjenik», 1970), «Люби, люби, да не теряй головы» («Ljubi, ljubi, al' glavu ne gubi», 1981), «Мох на асфальте» («Mahovina na asfaltu», 1983), «Любимчик» (1986), «Лагерь Ниш» («Logor Niš», 1987), «Подсолнухи» («Suncokreti», 1988), «Тайна портного» («Krojačeva tajna», 2006), «Бумажный принц» («Princ od papira», 2007), «Извещение о смерти для Эскобара» («Čitulja za Eskobara», 2008), и в среднеметражных художественных: «Еще один день» («Još jedan dan», 2010) и «Войны» («Ratovi», 2012). Актриса отличилась своими ролями привлекательных, зачастую холодных женщин, твердого характера[236]. Татьяна Владиславовна продолжала сниматься в телевизионных фильмах и телесериалах.

Людмила Львовна Лисина (р. 2 ноября 1939, Одесса), театральная актриса. Училась в Театральном институте в Москве. Вышла замуж за сербского режиссера Драгована Йовановича (Јовановић; 1937–2012). Актриса известного театра «Ателье 212» и Национального театра в Белграде[237]. Сотрудник Третьей программы Белградского радио (художественное чтение стихотворений русских поэтов Серебряного века в подлиннике) и преподаватель русского языка на кафедре славистики филологического факультета Белградского университета. Снималась в югославских художественных фильмах: «Бегства» («Bekstva», 1968), «Приемыш» (1970), «Девушка с Космая» («Devojka sa Kosmaja», 1972), «Беглец» («Begunac», 1973), «Как бы не так» («Nije nego», 1978), «Венок Петрии» («Petrijin venac», 1980), «Что случается, когда любовь рождается» («Šta se zgodi kad se ljubav rodi», 1984) и др.

236 См.: Filmska enciklopedija. Svezak 1. S. 92.

237 См.: *Volk P.* Dvadeseti vek… S. 552.

Марина Евгеньевна Колюбаева (2 ноября 1950, Белград — 13 марта 2004, Белград), актриса белградских театров. Дочь инженера-строителя Евгения Васильевича и Валентины Степановны. Снималась в художественных фильмах «Девушка Вишня на Ташмайдане» («Višnja na Tašmajdanu», 1968), «Родина в песнях» («Domovina u pesmama», 1971), «Что случается, когда любовь рождается» (1984).

Ольга Петровна Янчевецкая (урожд. Виноградова; 18 марта 1890, Брест-Литовск – 27 ноября 1978, Белград), известная исполнительница русских и цыганских песен и романсов. В первом браке супруга издателя и журналиста Василия Григорьевича Янчевецкого (впоследствии известный советский писатель В. Г. Ян), во втором браке (в Белграде) – супруга Юрия Николаевича Азбукина. Давала вокальные концерты в Петербурге, была корреспондентом *Петроградских ведомостей*. Эмигрировала в Королевство СХС с русскими артистами труппы «Летучая мышь». Гастролировала в городах Далмации, жила в Загребе, с 1926 г. обосновалась в Белграде. Снималась в художественных фильмах: «Когда я буду мертвым и белым» («Kada budem mrtav i beo», 1967), «Утро» («Jutro», 1967), «Полдень» («Podne», 1968), «Павел» («Pavle Pavlović», 1975).

Нина Васильевна Кирсанова (урожд. Ванер; 21 июля 1898, Москва – 3 февраля 1989, Белград), выдающаяся балерина, хореограф и педагог. Супруга московского оперного певца Бориса Павловича Попова. Танцевала на сценах Москвы, с 1921 г. выступала на сценах Варшавы, Кракова, Львова и Бухареста. Прима-балерина, хореограф и педагог балетной труппы Национального театра в Белграде (1923–1926, 1931–1936, 1939–1951). С труппами Брониславы Нижинской, Анны Павловой, Игоря Швецова, де Базиля, «Русского балета Монте-Карло» и др. гастролировала во многих странах мира. Завершив карьеру балерины и хореографа, Нина Васильевна продолжила педагогическую деятельность в собственной балетной студии, государственных балетных школах Белграда, ряда городов Югославии и в США.

В годы Второй мировой войны была сестрой милосердия и щедрым донором крови для раненых. В последние десятилетия своей жизни проявила интерес к археологии, окончила археологическое отделение философского факультета Белградского университета, защитила магистерскую диссертацию (попытка реконструировать хореографии танцев древних народов), изучала языки и танцы исчезнувших цивилизаций.

Нина Васильевна снималась в художественном фильме «Нечто между» («Nešto između», 1982) режиссера Срджана Карановича (Карановић). О балерине-археологе были сняты телефильм Николы Раича (Рајић) «Нина Кирсанова» и телепередача «Сердечно ваши» Ивана Хетриха (Hertih)[238].

238 См.: *Шукуљевић-Марковић К.* Нина Кирсанова: Примабалерина, кореограф и педагог. Београд, 1999. С. 21.

Лидия Константиновна Пилипенко (8 февраля 1938, Лапово, близ Крагуеваца – 3 июль 2020, Белград), балерина, хореограф. Прима-балерина и директор Балета Национального театра в Белграде. Окончила балетную школу в Белграде, усовершенствовалась в Лондоне. Снималась в художественных фильмах «Свисток в восемь вечера» («Zvižduk u 8», 1962) и «Как любили друг друга Ромео и Джульетта» («Kako su se voleli Romeo i Julija», 1966), в телевизионном фильме «Ориентируйтесь на комедию» «Orijentišite se na komediju»1973) и телесериале «Формула» («Formula 1», 1984).

Соня Лапатанова (р. 16 сентября 1948, Битола, Македония), известная балерина и хореограф Балета Национального театра в Белграде (усовершенствовалась в СССР и США), внучка русского эмигранта-врача Петра Васильевича (1878–1960) и дочь врача Николая Васильевича (1914–1987) Лапатановых, – была хореографом и снималась в телефильмах «Музыка для сцены» («Scenska muzika», 1976) и «Вариации для Золушки» («Varijacije za Pepeljugu», 1987), а также хореографом в художественном фильме «Мисс» («Mis», 1986) и телефильмах: «Мистер доллар» («Mister dolar», «Смерть госпожи министерши» («Smrt gospođe ministarke», 1991).

Иногда эпизодические роли в югославских художественных фильмах играли русские: Павел Владимирович Анагности (1944, Белград – 17 октября 2005, Белград), журналист, снимался в фильме «Счастливое семейство» («Srećna porodica», 1979), и Лидия Михайловна Ираклиди (урожд. Соловьева; 4 (17) октября 1893, Кишинев – ноябрь 1994, Апатин, Сербия), всесторонне образованная дама, была известна в аристократических и интеллектуальных кругах как первая, открывшая в Белграде женский косметический салон. Снималась в роли пожилой матери избалованного авантюриста, в кинокомедии «Счастье» («Срећа», 1987).

Большой популярностью в современной Сербии пользуется Андрей Владимирович Шепетковский (р. 5 марта 1974, Алексинац, Сербия), театральный и киноактер. Он известен как сценарист и автор одной театральной пьесы. Окончил факультет драматического искусства Университета искусств в Белграде (1998), как лучший студент выпуска. Снимался в художественных фильмах: «Кабы я сказал тебе» («Kad bih ti rekao», 1999), «Белый костюм» («Belo odelo», 1999), «Механизм» («Mehanizam», 2000), «Виртуальная действительность» («Virtuelna stvarnos»2001), «Бумажный принц» («Princ od papira», 2008), «Бюро потерянных вещей» («Biro za izgubljene stvari», 2008), «Фильм о Милоше Бранковиче» («Film o Milošu Brankoviću», 2008), «Белградский фантом» («Beogradski fantom», 2008), «Любовь приходит после» («Ljubav dolazi kasnije», 2012).

В Хорватии Сильвио Йосифович Мирошниченко (р. 1972, Бад-Шуссенрид, Германия) в Хорватии зарекомендовал себя как кинорежиссер, кинооператор и автор статей о киноискусстве. Сын Йосифа Филипповича, выходца из

деревни Мирошниченко на Украине. Окончил отделение драматургии (2001) и кинооператорское отделение (2010) Академии драматического искусства в Загребе. Кинорежиссер и сценарист более двадцати документальных фильмов, среди которых: «Грезы на перроне детства» («Snovi na peronu djetinjstva», 2001), «Охранник буксира» («Čuvar tegljača», 2003), «Ревизор железнодорожного полотна» («Ophodar pruge», 2004), «Дубровник» (2005), «На дороге страха» («Na putu straha»2006), «Дневник одного скина» («Dnevnik jednog skinsa», 2008), «Под ударами критики» («Pod udarom kritike», 2011), «Горы 21000 Сплит» («Brda 21000 Split», 2012). Его фильмы демонстрировались и награждались на престижных фестивалях (Париж, Амстердам, Берлин, Москва, Чикаго, Барселона). Оператор и ассистент режиссера художественных фильмов «Дух в болоте» («Duh u močvari», 2006) и «Мост на краю света» («Most na kraju svijeta», 2012). Член Союза хорватских кинорежиссеров.

С 1990-х гг. в Белграде существует «Видеопроизводство Прекраснов» («Prekrasnov video produkcija»), частная студия, оказывающая услуги по видеосъемке, аудиозаписи и монтажу. Ее основатель и собственник Зоран Александрович Прекраснов (р. 1968, Белград), внук донского казака, священника. Помимо прочих, студия выпустила документальные фильмы: «Камикадзе-каскадер» («Kamikaza kaskader», 1999), «Компьютерные инсталляции» («Kompjuterske instalacije», 2000) и «Новисадские мосты, которых больше нет» («Novosadski mostovi kojih više nema», 2000)[239], снятые его отцом, Александром Григорьевичем Прекрасновым (30 августа 1927, Лисичине, близ г. Подравска-Слатина, Хорватия – 5 января 2006, Белград), летчиком Югославской военной авиации, руководителем мастерской визуального искусства при Студенческом культурном центре в Белграде (1982), пионером компьютерной художественной графики в Сербии (самостоятельная выставка в 2002 г. и др.).

Русские эмигранты и их потомки не только принимали участие в создании югославских кинокартин, но случалось, что русские беженцы воплощались и на киноэкране. Например, в художественном фильме режиссера Лордана Зафрановича (Zafranović) «Оккупация в 26-ти картихах» («Okupacija u 26 slika», 1976; картине присуждена «Золотая арена» на кинофестивале в Пуле, фильм также участвовал в конкурсе Международного кинофестиваля в Каннах, 1979) действие происходит в годы Второй мировой войны в Дубровнике, и в нем в карикатурном, утрированном виде представлено трое русских эмигрантов, симпатизировавших оккупантам: священник о. Тихон, взбалмошная Нина Андреевна и генерал Семен Чабудкин[240]. А в фильме

239 *Volk P.* Dvadeseti vek… S. 837, 846–847.

240 Вне всякого сомнения, имелась в виду реальная личность: контр-адмирал Александр Дмитриевич Бубнов (1883–1963), профессор Морской академии в Дубровнике, автор капитального исторического труда – учебника «Морские войны» (Дубровник, 1940), опубликованного на хорватском языке (см.:

режиссера Эмира Кустурицы «Отец в командировке» («Otac na službemom putu», 1985; лауреат «Золотой пальмовой ветви» в Каннах), в котором представлена драматическая история семьи, попавшей в жернова югославского тоталитаризма 1942–1952 гг., есть эпизод с участием трогательно-гуманного русского эмигранта в годах, врача Евгения Александровича Ляхова, жившего в глухой провинции (городок Зворник на р. Дрина), и его хрупкой дочери Маши, в которую влюбляется мальчик, главный герой фильма[241].

О русских в Королевстве СХС–Югославии телекомпании Сербии снимали документальные сериалы или отдельные передачи. Семисерийный фильм «Русские в Сербии» («Руси у Србији», 1995) подготовила Лиляна-Лика Лукич (Лукић); четырехсерийный фильм «Русские архитекторы в Сербии» («Руски архитекти у Србији») и фильм «Мы, кадеты – мы дети России» («Ми кадети – ми деца Русије», 2011) по сценарию и в постановке Драгана Чирянича (Ćirjanić) выпустила Белградская студия Радио-телевидения Сербии). Трехсерийный фильм «Кисловский» («Kislovski» Яна Макана (Makan) об агрономе-селекционере Сергее Андреевиче Кисловском (1899, Прилуки, Полтавская губ. – 1995, Нови-Сад) выпустила Новисадская студия Радио-телевидения Сербии. Трехсерийный фильм Светланы Милянич (Миљанић) «Сербские Толстые» («Српски Толстоји», 2011) и ее трехсерийный фильм «Хранители традиции» («Чувари традиције», 2013) были сняты в студиях телевидения Воеводины (Нови-Сад). Та же телекомпания выпустила документальный фильм о русском участке Успенского кладбища в Нови-Саде. Йоже Перко (Perko) стал автором сценария, режиссером и оператором документального телефильма Телевидения Словении «Русская дорога» («Ruska cesta», 1999) – ее в 1916 г. в Альпах строили российские военнопленные. Мария Астроева создала документальные фильмы «Потерянный рай» (2007, производство ДОО «Наша мрежа», Нови-Сад) – о генерале П. Н. Врангеле в Сремски-Карловцах, и фильм о театральном режиссере Юрии Львовиче Ракитине («Ракитин», 2012). Сценарист и режиссер Анита Панич (Panić) создала телефильм «Ольга Янчевецкая» (2009, производство Белградской студии Радио-телевидения Сербии) – о жизни и творчестве известной эстрадной певицы, а в сериале Радио-телевидения Сербии «Последняя аудиенция» («Последња аудијенција», 2008) сербская актриса выступила в роли Ольги Янчевецкой. При частном агентстве и издательстве «Бернар» (Белград) режиссер Бошко Милованович (Миловановић) снял документальные фильмы

Арсеньев А. Русская эмиграция в Дубровнике // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2011. Вып. X. С. 123–125).

241 По всей вероятности, фамилия врачу была дана неслучайно: в югославской провинции врачами работали братья Николай Николаевич и Кирилл Николаевич Ляховы и их мать, врач Ольга Ивановна (см.: *Литвињенко С.* Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд, 2007. С. 140, 187, 188).

«Было, и калмыки жили в Белграде…» (2011) – о калмыках-эмигрантах, и «Его благородие барон Врангель» («Јего благородије барон Врангел», 2013)[242].

В сценариях югославских художественных фильмов нашли свое место и граждане СССР, а затем и бывшего Советского Союза, оказавшиеся в Югославии–Сербии. В югославском фильме «черной волны» «WR: мистерия организма» («WR: misterija organizma», 1971) режиссера Душана Макавеева (Макавејев;1932–2019)[243] представлена любовь советского парня, спортсмена-фигуриста, и югославской девушки-коммунистки (аллегория на государственные взаимоотношения СССР и Югославии); в популярной в Югославии и СССР кинокомедии из современной белградской жизни «Что случается, когда любовь рождается» (1985) Зорана Чалича (Чалић, р. 1931) белградский юноша влюбляется в русскую девушку Наташу из Москвы (в фильме также представлены ее родители и дедушка); а в трех художественных фильмах «Танго – это печальная мысль в танце» («Танго је тужна мисао која се плеше», 1997) в постановке Пуриши Джорджевича (Ђорђевић, р. 1924–2022), «Белый костюм» (1999) Лазаря Ристовского (Ристовски, р. 1952) и «На прекрасном голубом Дунае» (2008) Дарко Баича (Бајић, р.1955), – представлены девушки-проститутки, оказавшиеся в Сербии в постсоветское время.

В Югославии были сняты полнометражные картины по мотивам русской и советской художественной литературы: «Враг» («Neprijatelj», 1965) Живоина Павловича (Павловић; 1933–1998) – по мотивам поэмы «Двойник» Достоевского; «Событие» («Događaj», 1969) Ватрослава Мимицы (Mimica, р. 1923–2020) – по рассказу «Происшествие» Чехова; «Мастер и Маргарита» («Majstor i Margarita», 1972) Александра (Саши) Петровича (Петровић; 1929–1994) – по роману Булгакова; «Палата № 6» («Soba br. 6», 1973) Луциана Пинтилие (Pintilie, р. 1933) – по повести Чехова; «Дождь» («Kiša», 1975) Пуриши Джорджевича – по мотивам «Дамы с собачкой» Чехова; «Избавитель» («Izbavitel», 1976) Крсто Папича (Papić; 1933–2013) – по рассказу «Крысолов» А. Грина; «Случай Хармс» («Slučaj Harms», 1988) Слободана Д. Пешича (Пешић, р. 1956) – по мотивам

242 Отметим, что о русских в Югославии снят ряд документальных фильмов в России, среди которых: «Между молотом и наковальней: Русские в Югославии» (2010, в составе сериала «Русские без России» телеканала «Россия», Российского фонда культуры и фонда «Русский мир») Н. Михалкова и Е. Чавчавадзе; «Солнце на погонах» (2010) и «Фуражка, милая, не рвися!» (2010, оба киностудии Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына) режиссера А. Русаковой; «Добро пожаловать» (2010), «Батина. Как это было…» (2011) и 6-тисерийный «Русский корпус. Свидетельства» (2014, все три производства компании «Rostik Group») режиссера М. Ордовского; «Дмитрий Сироткин: Заочная исповедь» (2011, продюсерский центр «4 формата», Москва) А. Джазояна и В. Грудинской; «Юрий Лобачев — отец русского комикса» (2011, ООО «Раюм», Москва) сценариста и режиссера П. Фетисова.

243 Этого известного югославского кинорежиссера, по его рождении, усыновил русский эмигрант, архитектор Сергей Сергеевич Маккавеев (1904, Тифлис – не ранее 1945), который был арестован в Нови-Саде органами СМЕРШа и увезен в СССР.

прозы и биографии Д. Хармса; «Святое место» («Sveto mesto», 1990) Джордже Кадиевича (Kadijević, 1933) – по повести «Вий» Гоголя.

В этих экранизациях сценаристы и режиссеры по-разному следовали литературной фабуле оригинала и замыслам писателей[244].

15

Итоги совместного югославско-советского кинопроизводства, восстановленного после нормализации партийных и государственных отношений в 1955 г., были достаточно скромными, если сравнивать с тем, что было снято югославскими кинематографистами в сотрудничестве с кинокомпаниями Германии, Франции, Италии, Польши, США и т.д.

Было снято два документальных фильма: «Всю ночь война» (1972) в постановке Семена Школьникова (совместная работа Таллинской киностудии и киностудий из Титограда и Белграда) и «Вук и Россия» (1988), в постановке Миленко Дереты (Дерета, р. 1950) и Бориса Сарахатунова («Inex film» (Белград) и Центральная студия документального фильма «Совинфильм» (Москва)).

В двух югославских художественных фильмах на военную тематику снимался Сергей Федорович Бондарчук: «Битва на Неретве» («Bitka na Neretvi», 1969) сценариста и режиссера Велько Булаича (Bulajić, р. 1928–2024), и «Вершины Зеленой горы» (1976) сценариста и режиссера Здравко Велимировича (Велимировић; 1930–2005).

Всего было создано восемь советско-югославских художественных фильмов:

«Алеко Дундич» (1958). Фильм снимали белградская студия «Авала фильм» и Киностудия имени М. Горького. Сценарий Михаил Кац, Леонид Луков, Анатолийе Исакович (Исаковић, Белград). Режиссер Леонид Луков. Оператор Михаил Кириллов. Художник Александр Дихтер. Монтаж Ирина Жучкова. Музыка Никита Богословский. В ролях, с советской стороны, приняли участие: Борис Ливанов, Татьяна Конюхова, Татьяна Пилецкая, Владимир Трошин.

«Проверено – мин нет» (1965). Совместное производство Киностудии имени А. Довженко и «Ловченфилм» (Титоград). Сценарист Предраг Голубович (Голубовић; 1935–1994), режиссеры Славко Велимирович (Велимировић) и Юрий Лысенко. Оператор Сергей Лисецкий. В ролях: Сергей Анофриев, Ольга Лысенко, Леонид Тарбанов.

244 Подробный разбор этих экранизаций см.: *Велисављевић И.* Чехов у југословенском филму // Руски алманах. 2011. Бр. 16. С. 181–189; *Тот же.* Руски писци у југословенском филму // Там же. 2013. Бр. 17. С. 200–207; Там же. 2013. Бр. 18. С. 110–120.

«Попутного ветра, *Синяя птица*!» («Dobar vetar, *Plava ptico*», 1967). Приключенческий фильм по одноименной повести Берислава Косиера (Kosijer, р. 1930). Совместное производство «Ленфильма» и «Авалафилм» (Белград). Сценарий Юзеф Принцев, Станислава Борисавлевич (Борисављевић), Федор Шкубоня (Škubonja). Режиссер Михаил Ершов. В ролях: Борис Амаринтов, Виталий Доронин, Всеволод Гаврилов, Азер Курбанов, Евгения Ветлова, Светлана Вишнякова, Лариса Тараненко, Роберт Зотов, Алексей Смирнов.

«Наперекор всему» (1972). Совместное производство Киностудии имени А. Довженко и «Filmski studio» (Титоград). Режиссер Юрий Ильенко. Оператор Вилен Калюта. В ролях: Лариса Кадочникова, Иван Миколайчук, Борис Хмельницкий, Юрий Дубровин, Валерий Лущевский, Федор Панасенко, Лев Перфилов, Владимир Шакало, Владимир Волков.

«Свадьба» (1973). Военная драма по одноименному роману Михайло Лалича (Лалић; 1914–1992). Совместное производство Киностудии имени А. Довженко и «Filmski studio» (Титоград). Сценаристы Радомир Шаранович (Шарановић; 1937–2001), Виктор Говяда. Режиссер Р. Шаранович. Оператор Вадим Ильенко. Художник Анатолий Мамонтов. В ролях: Зураб Капианидзе, Валентин Никулин, Вацлав Дворжецкий, Александр Быструшкин и др.

«Единственная дорога» (1974). Совместное производство студии «Мосфильм» и «Filmski studio» (Титоград). Сценарий Вадим Трунин. Режиссер Владимир Павлович (Павловић). Оператор Алексей Темерин. Художник Георгий Турылёв. Монтажер Ирма Цекавая. Композитор Карэн Хачатурян. Музыка, текст и исполнение песен: Владимир Высоцкий. В ролях: Анатолий Кузнецов, Татьяна Сидоренко, Александр Аржиловский, Лев Дуров, Глеб Стриженов, Ирина Мирошниченко, Светлана Данильченко, Владимир Высоцкий, Виктор Павлов, Владислав Дворжецкий и др.

«Дикий ветер» (1986). Совместное производство «Moldova film», «Film danas» (Белград), «Croatia film» (Загреб), «Noble Production» (США). Сценарий Игорь Болгарин, Владимир Соснюра, Живоин Павлович (Белград). Режиссеры Валериу Жереги и Александар Петрович (Белград). Операторы Вадим С. Яковлев, Александр Петкович (Белград). Композитор Евгений Дога. В ролях: Виктор Проскурин, Любовь Полищук, Елена Кондулайнен, Сильвия Берова, Евгения Симонова, Светлана Тома.

«Поезда без улыбки» (1990). Совместно производство Киностудии имени А. Довженко и «FRZ Film 41» (Белград). Режиссер Светислав Бата Недич (Недић, р. 1962). Операторы Сергей Лисецкий и Валерий Чумак. Художник Анатолий Добролежа. Монтаж Наталия Боровская. В ролях: Анна Твеленева, Борис Хмельницкий.

16

Собирая факты о деятельности русских в Югославии, мы убедились, что еще многое в югославской кинематографии осталось неисследованным. Мало работ историков кино посвящено эстетической и художественной оценке югославской кинопродукции. В архивах и кинотеках осталось много неупорядоченного и вовсе не атрибутированного материала. Много кинолент утрачено, много погибло из-за несоответствующих условий хранения[245]. Фильмы, хранящиеся в Военно-географическом институте на Калемегдане, в 1944 г. были увезены в Москву по распоряжению сопроводительных органов Красной армии, принимавшей участие в освобождении Белграда[246]. Фильмы А. Ф. Черепова сохранились, фильмы М. Д. Иванникова – частично[247]; они неоднократно демонстрировались в белградском зале Югославской кинотеки и по белградским программам телевидения. Фонд документальных и образовательных фильмов Школы здравоохранения в Загребе сохранился почти в полном объеме. Расчленение Югославии на независимые республики (недружелюбно относящиеся друг к другу) замедляет работу исследователей, тормозит необходимый обмен фильмами и комплектование национальных кинотек.

Вклад русских в югославскую кинематографию межвоенного и послевоенного периода был достаточно велик. Обладавшие уже некоторым опытом работы в киностудиях в Крыму, выходцы из России в двух центрах кинопроизводства (Загреб, Белград) заняли соответствующие места в частных и государственных кинокомпаниях и проявили свои художественные таланты, технические знания, изобретательность и энтузиазм. Самый видный вклад они внесли в 1930-е гг., работая кинооператорами и режиссерами документальных лент, и в области усовершенствования киноаппаратуры. После Второй мировой войны заметный след оставили оператор М. Д. Иванников, режиссер Г. В. Скрыгин, и ряд русских актрис (снимались более чем в пятидесяти художественных фильмах). В национальные кинематографии некоторых союзных республик социалистической Югославии, как и суверенных государств бывшей Югославии, внесли большой вклад представители второго и третьего поколения выходцев из России.

Первая публикация:
Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2013 / Отв. ред. Н. Ф. Гриценко. Москва, 2014. С. 490–540.

245 В нашей работе мы не указывали на наличие сохранившихся кинолент, в создании которых принимали участие русские (в межвоенный период).

246 В XX в. сотрудники Югославской кинотеки (Југословенска кинотека, Београд) не имели доступ к фондам Государственного кино- и фотоархива СССР; см.: *Јовичић С.* С камером… С. 73.

247 В начале 1945 г. часть фонда «Артистик фильма» сгорела в пожаре; см.: *Momčilović D.* Mihajlo Ivanjikov: Život i delo. Beograd, 1992, S. 12. Дипломная работа (машинопись), хранится в библиотеке Факультета драматического искусства Университета искусств в Белграде.

Русские храмы и монастыри в Югославии

Духовные связи сербов и русских начали развиваться с XII века, благодаря участившимся встречам монахов на Афоне. Позднее, когда русские земли были покорены монголами, сербские правители оказывали материальную помощь русскому монастырю Св. Пантелеймона на Афоне.

В 1355 г. сербский царь Урош уступил русским монахам монастырь Св. Богородицы Браинской в верхнеябланичской деревне Губавац, примерно 20 км от местечка Медведжа, у сегодняшней административной межи Сербии с Косово. Предполагается, что этот монастырь разрушило местное население, позднее принявшее ислам, в намерении уничтожить следы, напоминающие им о православии.

Взаимоотношения сербских иерархов с Россией устанавливаются лишь в XV веке, когда монахи белградского монастыря Успения Пресв. Богородицы посетили Россию с просьбой о помощи. С сербскими монахами московский великий князь направляет сербскому митрополиту и «деспотице» (правительнице) Ангелине послания и щедрую милостыню, а в 1556 г. царь Иоанн Грозный разрешает монахам сербского монастыря Хиландар на Афоне открыть свое подворье в Москве. В 1667 г. Россия признала Сербский Патриархат (вопреки претензиям Греческой церкви) направив в адрес сербского иерарха Максима особую грамоту, озаглавив ее «Архиепископу Печскому и Патриарху Сербскому».

Во время правления царя-императора Петра Великого отношения России и Сербии с материального и морально-религиозного планов перемещаются в сферу культурно-политическую. Балканы становятся всё более притягательным регионом, на землях которого начинают разворачиваться и дипломатические баталии.

Сенат Дубровницкой республики в Далмации поздравил Петра I с победой в Полтавской битве. В 1711 г. царь в своем ответе сенату просил позволить постройку православной часовни в саду дубровницкого дома графа Саввы Владиславича, где тот смог бы похоронить свою мать. Просьба была отклонена. Дубровник всегда оставался оплотом католичества. Императрице Екатерине II было также отказано в просьбе построить православный храм, за что Дубровник получил награду от Папы Римского. Лишь в 1790 г. было получено разрешение на открытие скромной часовни при российском консульстве, вне городских стен. Этот храм имели право посещать только российские подданные. Постепенно, при попечительстве российского консульства, при храме был создан православный приход. В конце концов, лишь

в 1877 г. в Дубровнике был воздвигнут великолепный православный храм в сербско-византийском стиле.

Хорошо известны объем и значение помощи, оказываемой Россией в XVIII-XIX вв. фрушкогорским сербским монастырям, Сремско-Карловацкой митрополии, становлению сербского просвещения, культуры, военной поддержки в освобождении от турецкого ига, защиты Православия в Старой Сербии, сопротивлении принятия Унии сербами, населявшими территории севернее Савы и Дуная.

В Сербско-турецкой войне 1876 г. принимало участие около 4-х тыс. русских добровольцев – офицеров, солдат, врачей, сестер милосердия. В том судьбоносном году Русская церковь подарила Сербской армии знамя – реплику знамени, которым Преподобный Сергий Радонежский благословил князя Дмитрия Донского перед Куликовской битвой с татаро-монголами. Знамя было освящено в Троице-Сергиевой лавре и некоторое время перекрывало раку с мощами Преп. Сергия. Походную военную церковь русских добровольцев освятил в Белграде сербский митрополит Михаил. В тот год, 20 августа, у местечка Горньи-Адровац близ Алексинаца пал в бою храбрый полковник, граф Николай Николаевич Раевский (молодой дворянин, который послужил Л. Н. Толстому прототипом образа Вронского в романе *Анна Каренина*). На холме Голо-Брдо, месте его героической гибели, на средства родственников был воздвигнут храм-памятник Св. Троицы, в византийском стиле. Он был освящен 2 сентября 1903 г. (иконы писал Николай Александрович Бруни).

Несколько раньше, в 1900 г. в черногорском городе Никшич был освящен храм Св. Василия Острогского, в память черногорцев и герцеговинцев, павших в боях с турками в 1875-78 гг. – храм монументальных размеров, в псевдовизантийском стиле (архитектор Михаил Михайлович Преображенский). Средства на его постройку и ценные предметы утвари даровал российский император Николай II.

Русская часовня на Вршиче

В годы Первой мировой войны, в Словении, высоко в Юлийских Альпах, около 5-ти тысяч российских военнопленных, размещенных на территории тогдашней Австро-Венгрии, строили стратегическую дорогу до границы с Италией. В феврале 1915 г. снежная лавина поглотила около 600 несчастных душ. В память об этой трагедии военнопленные соорудили на горном перевале Вршич деревянную церковку Св. Владимира. Как редкий православный храм в Словении, она сегодня является туристической достопримечательностью знаменитого курорта Краньска-Гора – окруженная хвойными деревьями, возвышается на 1.000 метров над уровнем моря, у самой извилистой и крутой «Русской дороги».

После образования Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (1918), объединения сербских епархий и восстановления Сербского Патриаршества (1920), с юга России в страну прибыло примерно 50 тыс. беженцев: бойцов Русской («белой») армии ген-лейт. барона Петра Николаевича Врангеля и штатских – в основном семейств офицеров, административных кадров южных губерний России, интеллигенции из двух столиц, персонала и воспитанников средних учебных заведений, вдов, сирот, инвалидов. Часть этого исстрадавшегося люда продолжила путь в Среднюю и Западную Европу. Отсталое и в войнах опустошенное, только что созданное Королевство СХС беженцев приняло гостеприимнее любой страны Европы и по мере своих возможностей предоставило им прибежище и помощь. Около 10-ти тыс. душ поселилось в Белграде и окрестностях столицы.

Во многих «русских колониях» были открыты русские школы, амбулатории, старческие приюты, фонды взаимопомощи, бюро труда. Среди беженцев преобладала интеллигенция с высшим и средним образованием, приобщенная к европейской культуре. Первой задачей пришельцев было создать свои духовные и культурные очаги – церковные приходы (с храмом, священником и хором), библиотеки, артистические кружки.

В межвоенный период русская эмиграция внесла значительный вклад в культурное, научное и хозяйственное развитие страны. Этот вклад очевиден и на плане устройства Сербской православной церкви. Помимо оказания сестрической помощи и прибежища сонму русских епископов, Сербская церковь охотно приняла и сотни русских священников. Поступая на службу Сербской церкви, их направляли в деревни и запущенные приходы Далмации, Боснии, Краины, Старой Сербии. Церковно-славянский язык и почти тождественные богослужебные православные каноны обеспечили им быстрое приспосабливание к новой среде.

На Богословском факультете в Белграде и в духовных семинариях преподавало несколько десятков русских богословов, которые оставили заметный след в развитии югославской православной мысли. Русские монахи были распределены по опустевшим монастырям, некоторые из них назначались игуменами (в монастырях Манасия, Прохор-Пчиньский, Раковица, Високи-Дечани, Св. Наум и др.). Обитали они и на Фрушка-Горе, в монастырях Беочин, Врдник, Гргетег, Язак... В монастыре Раковица близ Белграда в 1930-е гг. существовала Синодальная иконописная школа, которую возглавлял видный иконописец, старообрядец Пимен Максимович Софронов, ученик известнейшего в России реставратора-иконописца Гавриила Ефимовича Фролова.

Русские монастыри в Сербии

В ноябре 1920 г. в запущенный монастырь Ново-Хопово на Фрушка-Горе, прибыло около 80-ти монахинь Свято-Богородичного женского монастыря Лесна, бывшей Холмско-Варшавской епархии. Предводила их основательница этого знаменитого монастыря Западного края, игуменья Екатерина (в миру графиня Евгения Борисовна Ефимовская). С чудотворной иконой Богородицы монахини, спасая свои жизни, прибыли в Сербию из Бессарабии. В октябре 1923 г. около 20-ти русских монахинь перекочевало из Хопова в обновленный фрушкогорский монастырь Кувеждин, где они, вместе с сербскими послушницами и игуменьей Меланией (Кривокучин) сыграли решающую роль в восстановлении и распространении женского монашества в лоне Сербской православной церкви.

С 1925 г. в древнем монастыре XV века Св. Димитрия в Дивляне, расположенного близ городка Бела-Паланка в Сербии, обосновалось 20 русских монахинь со своей игуменьей Диодорой (Дохтуровой). Монахини материально помогали школе для детей-сирот, оказывали помощь больным, занимались писанием икон, под руководством сестры Евпраксии.

После неудачной попытки основать в монастыре Петровица (Шабацкой епархии) свое братство, русским монахам-беженцам это удалось позднее, в 1926 г., в монастыре Мильково, вблизи г.Лапово. Игуменом состоял иеромонах Амвросий (Курганов), один из последних послушников знаменитой Оптиной пустыни. Разрушенный Мильково вскоре был возобновлен и стал видным духовным центром. В ближней деревне Гложане образовалась колония для приема паломников, так как все не могли найти приют при монастырском дворе.

Из этого монашеского очага вышли многие видные духовники Русской и Сербской церкви: Св. Архиепископ Иоанн (Максимович) шанхайский и сан-францисский, будущие епископы Антоний (Синькевич) и Антоний (Медведев), Филипп (Гарднер), архимандрит Киприян (Керн), игумен Лука (Родионов), архимандриты Никандр (Беликов) и Зосима (Валуев), братья Бартошевичи – епископ Леонтий и архиепископ Антоний.

В 1936 г., уже при игумене Луке (Родионове), это русское братство перебралось в монастырь Тумане близ местечка Голубац (той же, Браничевской епархии).

Основными русскими духовными центрами в Югославии являлись Сремски-Карловцы и Белград.

Городок Сремские Карловцы (Сремски Карловци), сербский духовный центр, резиденция Сербского Патриарха и Синода Сербской церкви (с 1920 г. по 1936 г.), занимает особое место и в истории Русской церкви XX века. В марте 1921 г. сюда по приглашению СПЦ прибыло из Константинополя

Высшее временное русское церковное управление за границей, возглавляемое митрополитом киевским и Галицким Антонием (Храповицким). Русским иерархам и церковным администраторам Патриарх Сербский уступил часть своего монументального Патриаршего дворца. Тут ежегодно заседал Св. Архиерейский Синод РПЦЗ, состоялись два Всезарубежных церковных собора (в 1921 г. и 1938 г.), издавались русские книги духовного содержания, журналы *Церковные ведомсоти* и *Церковная жизнь*.

Русский приход в Сремски-Карловцах был создан в 1921 г., после прибытия в этот городок чинов Штаба и самого Главнокомандующего Русской армией ген.-лейт. барона П. Н. Врангеля. Русский храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы размещался в двух помещениях на втором этаже старого здания именуемого *Благодеяние*, предоставленного городскими властями для общественных нужд русских беженцев – интеллигенции (преподавателей местной духовной семинарии и гимназии), Карловацкого кубанского казачьего хутора, чинов Штаба и их семейств. Перед сносом в 1938 г. этого обветшалого здания на центральной площади, сербские церковные власти выделили новое помещение для русского приходского храма – часть подвала в старом здании Патриархии.

В первые годы настоятелем русского храма был священник Штаба Главнокомандующего, митрофорный протоиерей о.Василий Виноградов. После его отъезда в Брюссель в 1925 г. настоятелями были последовательно протоиереи о.Нил Софинский и о.Борис Волобуев, архимандрит Феодосий (Мельник) и иеромонах Платон (Бондарь). Повременно в храме служил о.Борис Селивановский.

Русский храм Св. Троицы на Ташмайдане в Белграде

Устроитель первой русской церковной общины в Королевстве СХС, протопресвитер Петр Беловидов первое богослужение в Белграде совершил 20 сентября 1920 г. во дворе здания по улице Короля Петра. Позднее русским беженцам уступили помещение в школе на Богоявленской улице, затем дали актовый зал в Третьей мужской гимназии по Негошевой улице, потом под храм использовалось помещение русской столовой по улице Короля Милана. В течение 1922–1924 гг. службы совершались в деревянном бараке – кладбищенской часовне Св. Марка на ташмайданском «Старом кладбище», а после ее сноса – в военном походном шатре-храме. На конкурсе проектных работ русского храма в Белграде был награжден проект военного инженера Валерия Владимировича Сташевского, по которому уже в декабре 1924 г. на холме Ташмайдан был воздвигнут храм во имя Св. Троицы, в псковско-новгородском стиле XV века. На первый взгляд скромный, он стал значительным духовным центром всего Русского Зарубежья.

При настоятелях – о.Петре Беловидове (1869–1940), о.Владиславе Неклюдове (1898–1949), о.Иоанне Сокале (впоследствии архиепископ Смоленский Иннокентий; 1883–1974) и при священнической семье Тарасьевых: о.Виталии (1901–1974), о.Василии (1932–1996) и нынешнем, о.Виталии (р. 1960), в этом храме служили многие иерархи и совершались епископские хиротонии.

Иконостас украшает 48 икон в стиле новгородского письма XV века, писанных по предварительно разработанным эскизам. При участии Е. И. Конопатского над их созданием трудились: князь М. С. Путятин, М. Д. Пыжов, князь Дорджадзе, В. В. Сергеев, В. Э. Крашенинников, П. А. Федоров, В. Л. Морозов. Плафон и настенную роспись храма выполнил барон Н. Б. Мейендорф. В храме расположены и иконы в резных киотах: Пресвятой Богородицы Донской (П. М Софронова), Пресвятой Богородицы «Знамение» (благословение русской обители на Афоне), Св. Великомученика Пантелеймона (с афонского Св. Пантелеймоновского монастыря), киоты созданные в память адмирала Александра Колчака (икона Св. Александра Невского) и в память Патриарха Сербского Варнавы (преданного защитника русских беженцев – икона Св. Апостола Варнавы, работа художника В. Я. Предоевича). После Второй мировой войны в этот храм из Сараево были привезены Малый киот с иконой Воскресения Господня и сень с иконами Святителя Чудотворца Николая и Св. Александра Невского (сооруженная в память убиенных императора Николая II и югославского короля Александра I). В храме хранилась святыня Русского Зарубежья – чудотворная икона Божией Матери «Знамения», именуемая «Курская-Коренная», вывезенная из России епископом курским и обоянским Феофаном (ныне хранится в русском Синодальном храме в Нью-Йорке).

До 1942–1944 гг. на столбах храма были установлены трофейные флаги и знамена полков Русской армии, их более двух сотен, спасенные и вывезенные как реликвии славы российского оружия в войнах с Турцией и Наполеоном. (Из Белграда эти знамена во время войны были увезены в Западную Европу, то, что уцелело, сегодня хранится в военных музеях России).

С правой стороны от западных ворот храма – беломраморная плита с надписью: ГЕНЕРАЛ ВРАНГЕЛЬ. Перед своей внезапной кончиной в Брюсселе последний Главнокомандующий Русской армией выразил волю почивать в белградском русском храме, под сенью этих знамен.

После эвакуации Св. Синода и Канцелярии Русской заграничной церкви из Белграда на Запад, в сентябре 1944 г., указом местоблюстителя Сербского Патриаршего престола, белградский и остальные русские приходы в Югославии принял под свое покровительство епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир (Раич), а в 1945 г., при согласии Сербской церкви, храм Св. Троицы

в Белграде стал Подворьем Московского Патриархата, и благочинием всех русских приходов в Югославии. В бомбардировках Белграда силами НАТО весной 1999 г. храм Св. Троицы значительно пострадал, но был восстановлен, претерпев реконструкцию: деревянный пол заменен мраморным, столбы несущие свод изменили форму, отреставрирован иконостас и иконы, однако не восстановлена фреска свода.

Иверская часовня на «Новом кладбище» в Белграде

В разгар антирелигиозной кампании в СССР, в 1929 г. в Москве была снесена одна из главных святынь России – Иверская часовня у Вознесенских ворот Китай-городской стены. С 1648 г. в ней хранился список чудотворной Иверской иконы Божией Матери, привезенный из афонского монастыря Ивирона, где икона находится с 999 г. Снос московской часовни и исчезновение иконы поразили и огорчили русских людей Зарубежья и... вскоре обе они «воскресли» в Белграде. По благословению духовенства и иерархов Русской зарубежной и Сербской церквей собирались пожертвования прихожан и при хлопотах княгини Марии Александровны Святополк-Мирской в 1931 г. была сооружена почти тождественная реплика московской часовни (проект белградского архитектора В. В. Сташевского), в которую был помещен новый список иконы, привезенный с Афона.

В склепе часовни и у ее стен покоятся митрополит киевский и галицкий Антоний, епископы курский и обоянский Феофан (Гаврилов) и лондонский Николай (Карпов), протоиерей Петр Беловидов и архимандрит Феодосий (Мельник), игумен монастыря Високи-Дечани. Московская Иверская часовня воссоздана в 1995 г. и монахи монастыря Ивриона на Афоне для нее выполнили новый список чудотворного образа.

Храм Св. Александра Невского в Белграде

Белградский храм Св. Александра Невского был построен на лужайке, на которой в 1870-е гг. размещался храм-палатка русских добровольцев ген. М. Г. Черняева. Строительство каменного храма началось еще до балканских войн 1912–1913 гг., но было приостановлено и окончено лишь в 1929 г., по новому проекту Василия Михайловича Андросова (проектировал свыше 50-ти православных храмов в Сербии). Иконостас – работа Бориса Александровича Солонко. В южном клиросе установлен киот в память убиенных российского императора Николая II и югославского короля Александра I Карагеоргиевича. В летописи храма отмечено: «Сей храм сооружен во имя братской любви к России, посвящен Св. Александру Невскому».

Много русских эмигрантов проектировало храмы в православных частях Югославии. Упомянем лишь их остальные работы в столице, Белграде:

здание Патриархии с часовней, храмы Св. Архангела Гавриила, Св. Андрея, (при дворцовом ансамбле на Дединье), малый храм Св. Саввы (на Врачаре), реконструкция церковки Ружицы (на Калемегдане).

Русские храмы по свей стране

Помимо Сремски-Карловцев и Белграда, крупные русские церковные общины находились в городах Белая Церковь, Нови-Сад, Земун, Панчево, Велики-Бечкерек, Загреб, Суботица, Сараево, Ниш, Крагуевац, Дубровник, Любляна, Вршац. Большинство беженцев посещало существующие там православные храмы, но русские стремились создать свои духовные очаги. Кое-где им выделяли храмы во временное пользование (в Суботице и Сомборе, например, русские молились в православных кладбищенских часовнях).

В г. Земун, близ Белграда, русским в 1920 г. был отдан храм-часовня Св. Архангела Гавриила в городском парке. Настоятелями местного русского прихода были протоиереи о.Иоанн Гончаревский, о.Феодор Синькевич, о.Флор Жолткевия, о.Константин Гладкий, о.Виталий Лепоринский, протосингел Иларион Скряр и протоиерей о.Михаил Котляревский.

При русских средних учебных заведениях с общежитиями (Белград, Сараево, Стрниште, Билеча, Горажде, Белая Церковь, Нови-Бечей, Велика-Кикинда, Поновиче, Храстовац) и при русских госпиталях, санаториях, старческих приютах и домах военных инвалидов (Панчево, Вурберг, Герцег-Нови, Рисан, Белая Церковь, Велика-Кикинда) существовали свои, подручные храмы-часовни, с русскими священниками, хором, чтецами и псаломщиками.

Русский храм Святителя Николая Чудотворца в Криквенице, на берегу Адриатики построен по проекту Сергея Петровича Биркина, освящен в 1926 г. Возник он усилиями Александры Павловны Гартвиг, вдовы российского посланника в Королевстве Сербии, скоропостижно скончавшегося в кабинете австро-венгерского посольства в Белграде, в июле 1914 г., в дни перед оглашением унизительного венского ультиматума Белграду.

В Нови-Саде епископ бачский Ириней (Чирич) в 1922 г. уступил русским беженцам часовню Св. Василия Великого в своем Епархиальном дворце. Художники Николай Васильевич Иванов и Владимир Семенович Курочкин расписали ее настенными иконами русских святителей: Владимира, Бориса и Глеба, Александра Невского, Сергия Радонежского, Серафима Саровского. В конце 30-х гг. Русско-сербский комитет для постройки русского храма в Нови-Саде обеспечил материальные средства, место и проект (архитектор Милан Табакович), но военные обстоятельства воспрепятствовали осуществлению этого мероприятия.

Подобное произошло и в Панчево. Там русские посещали храм Св. Николая Мирликийского при Русском хирургическом госпитале и два пра-

вославных городских храма. Проект стильной русской церкви, созданный архитектором Иваном Афанасьевичем Рыком из 1934 г. не был реализован.

В современном Зренянине (в те годы – Велики-Бечкерек) русские оборудовали свой храм Архангела Михаила в погребных помещениях здания бывшей турецкой тюрьмы, с низкими сводами и решетками на окнах.

Беженцам в Нови-Бечее сербы уступили церковь Успения Пресвятой Богородицы XVI века (раньше в составе монастыря). После 200 лет запустения она была восстановлена. Русский архиепископ Харбинский и Манчжурский Нестор в 1935 г. отслужил литургию в этом храме, переполненном верующими. Сильное впечатление на него произвели два набожных мальчика в алтаре: внук последнего председателя Государственной думы Михаила Родзянко (участник принятия решения о необходимости отречения от престола императора Николая II) и правнук графа Л. Н. Толстого (отлученного из лона Русской церкви).

Русская колония в Сараево посещала Соборный православный храм, на постройку которого российский император Александр II в 1863 г. выделил значительные средства. Позднее русские ходили в храм Св. Александра Невского, устроенный при Первом русском кадетском корпусе в Королевстве СХС (был размещен в городе, в бывших австро-венгерских казармах). После переселения этого учебного заведения в Белую Церковь, в 1933 г. русские в Сараево создали свой храм в помещении частного дома (ул. Деспича, 6).

В Битоле (Македония), в котором проживало около 500 русских, они сами построили деревянный барак – храм Св. Троицы, по почину о. Иоанна (Максимовича), впоследствии епископа Шанхайского (канонизированного в 1994 г.). Храм сохранился, его украшают иконы известного иконописца Ивана Юстиновича Мельникова.

Помимо двух белградских храмов и храма в Криквенице, построенных в традиционном русском стиле, русские эмигранты в Королевстве Югославии построили еще два стильных храма, оба по проектам Андрея Павловича Шавцова – в Загребе и в банатской Белой Церкви.

Русская часовня-памятник «Их императорским высочествам, императору Николаю II Мученнику, Его царской семье и с ними вместе убиенными» была освящена 4 ноября 1928 г. на русском участке загребского кладбища «Мирогой». На мраморных плитах, установленных на ее стенах, выгравированы имена скончавшихся русских. Средства на сооружение часовни собрал вицеадмирал Федор Алексеевич Вяткин.

В городке Белая Церковь русские оказались в среде немцев, венгров, православных сербов и румын. В первые годы русский храм Св. Великомученника Георгия размещался в переоборудованном зале старого одноэтажного дома по улице Гете, д. 80. В этом храме 21 февраля 1927 г. молодой князь

Дмитрий Алексеевич Шаховской (впоследствии – архиепископ санфранцисский) был рукоположен в сан иеромонаха. Любимый «пастырь душ», монах Иоанн в Белой Церкви преподавал Закон Божий, основал Пастырскую школу для будущих священнослужителей и русское Миссионерское книгоиздательство. По его ходатайству и при его личной материальной поддержке в 1932 г. здесь был построен стильный русский храм Св. Апостола Иоанна Богослова. Для оснащения храма работали иконописцы Иван Трофимов, Евгения Лукинская, резьбу по дереву выполнил Петр Савченко. И сегодня здесь хранятся ценные иконы и простые семейные реликвии, собранные из расформированных находившихся здесь русских средних учебных заведений, старческого и инвалидного домов, или обнаруженные на квартирах скончавшихся одиноких русских.

В нашем обзоре не ставилась задача перечислить все русские церковные приходы и храмы, рассказать о вынужденном или естественном угасании русской церковной жизни на просторах бывшей Югославии, о судьбах русских монахов, священников и прихожан. Однако, следы их пребывания и деятельности сохранены до сих пор и обогащают культурную историю братских славянских стран-государств, возникших после распада Югославии.

Следует также упомянуть и про русские храмы-часовни, возникшие в Черногории и Сербии в XXI веке.

На восстановленном «русском участке» православного кладбища в Херцег-Нови была построена часовня во имя Св. адмирала Ушакова, с голубой луковкой. Деревянная часовня-памятник во имя Св. Благоверного Андрея Первозванного срублена на Мокра-Горе, близ г. Ужице в Сербии. Она посвящена русским воинам и казакам, частям Русской армии, строившим тут железнодорожный туннель в 1921–1924 гг.

Первая публикация в сборнике: Историки-слависты МГУ : Кн. 9 : В. А. Тесемников : Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В. А. Тесемникова. Москва : Издательство Московского университета, 2013. С. 154–172.

Русское церковное пение в Сербии: 1920–1970-е годы

Церковное пение у сербов в ранние периоды

Приняв в конце IX в. христианство от Византии, сербы одновременно приобщились и к греческой церковной музыке[248]. Православные литургические книги уже с XII в. писались на старославянском языке в местных языковых вариантах (болгарском, сербском), что обусловливало изменения церковных греческих напевов. До нашего времени дошли оригинальные духовные сочинения сербских авторов XV в. – доместика кир Стефана серба, Николы серба, иеромонаха Исайи серба[249]. Сербское церковное пение прошло три основных исторических периода: – устное предание (в эпоху перевода богослужебных книг на старославянский язык, IX–XIV вв.); – невменная нотация сербского церковного пения (XV–XVIII вв.); – запись (современной нотацией) долго формировавшегося сербского народного церковного пения (XVIII–XIX вв.)[250]. Проживая на территории двух царств – Турции и Австрии – православные сербы свято хранили свою веру и обычаи. Опорой им служили Константинопольская и Печская Патриархии, а в Габсбургской монархии – Сремскокарловацкая сербская митрополия (1708–1918). На сербское церковное пение XVIII в., вошедшее в обиход монастырей на Фрушка-горе и преподававшееся в богословских школах в Сремски-Карловцах, Белграде и Нови-Саде, оказывали влияние как русские и украинские учителя славяно-латинских школ, так и русские литургические книги и певческие сборники квадратного нотного письма («киевская нотация»). В эту эпоху барокко, отличительной особенностью которого являлся симбиоз светского и духовного начал, популярностью пользовались и духовные песнопения на манер украинских кантов. В школах также преподавали и греческие учителя, чаще всех монахи с Афона. Они учили питомцев пению по невменным греческим рукописям, «пападикам». Третье, самое сильное влияние оказало устное унисонное сербское народно-церковное пение, в котором осмогласная церковная музыкальная система впитала немало мирских народных напевов.

---

248 См.: *Cvetko D.* Crkvena muzika u Jugoslaciji – Srbija // Muzika enciklopedija. Zagreb, 1971. [T.] 1. S. 370.

249 См.: *Стефановић Д.* Стара српска музика // Посебна издања Музиколошког института САНУ. Београд, 1975. Књ. 15/I. С. 1.

250 См.: *Петровић Д.* Српско појање у писаном и усменом предању // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1984. [Вып.] 14. С. 257.

Русский путешественник Василий Григорович-Барский, совершая в 1744 г. паломничество на Афон, особо отмечал красоту простого сербского пения, отличного от изобилующего мелизмами греческого[251]. Другие иностранные путешественники писали о необычном положении дел в 30-е гг. XVIII в. в Белграде при турецком владычестве: в соборном православном храме священниками были сербы, проповедниками – русские, псаломщиками-певчими – греки, а народ из всего этого мало что понимал[252].

В отличие от Русской Церкви, которая под влиянием Европы в XVII в. приняла многоголосное пение, балканские народы – сербы, болгары, румыны и греки – ввели его в своих храмах лишь в XIX в.

Многоголосное сербское пение впервые звучало в Сремски-Карловцах – сербском духовном центре Габсбургской монархии – в 1838 г. при хиротонии епископа Стефана Стратимировича. В первой половине XIX в., времени возникновения церковных хоров вне монастырей, сначала среди сербов, проживавших на территории Австрии (Панчево, Котор, Вена, Будапешт, Триест, Риека, Петринья), а затем и в Сербии, все еще находившейся под турками (Белград, Крагуевац, Шабац), ощущался дефицит в хоровых сочинениях отечественных авторов. Репертуар этих хоров состоял преимущественно из русских светских и церковных песнопений.

Знакомство с русским многоголосным пением в XIX веке

Можно привести несколько случаев знакомства с живым звучанием русского церковного пения на южнославянских землях.

В 1807 г. российская эскадра адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина причаливала к берегам Адриатического моря, у которых вела бои с французами. Хор русских моряков неоднократно украшал богослужения в храме православного монастыря Савина в бухте Которской. Современник в своих воспоминаниях зафиксировал это пение как «миловидность согласия свыше сорока певчих русских»[253].

С января по май 1821 г. российский император Александр I пребывал в Лейбахе (ныне Любляна, Словения), где руководил работой третьего конгресса Священного союза европейских монархов. При императорской ставке находилась походная церковь со священником и певчими. Многоголосное православное церковное пение восхищало изысканную европейскую знать

251 См.: *Григорович-Барский В. Г.* Второе посещение Святой Афонской Горы Василия Григоровича-Барского, им самим описанное. Москва: Индрик, 2004.

252 См.: *Ђорђевић Т.* Из Србије кнеза Милоша. Културне прилике од 1815–1839. Београд, 1922. С. 163.

253 Аутобиографија протосинђела Кирила Цвјетковића и његово страдање за православље. Фототипско издање. Херцег Нови, 2004. С. 20. Здесь и далее переводы с сербского и хорватского выполнены автором статьи.

и граждан Любляны. Расквартированные в городе сербские пограничники на Пасху приняли участие в торжественном богослужении и пели «Христос воскресе!» вместе с русским императором и придворным хором[254].

Главнокомандующий Сербской армией в Сербско-турецкую войну 1876–1877 гг., генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Черняев, располагая немалым количеством русских добровольцев, имел при своем штабе походную церковь-палатку, священнослужителей и хор, исполнявший русские духовные песнопения в Белграде и на привалах после битв.

Однако во второй половине XIX в. сербская общественность провинциальных городов уже знакомилась с русским церковным многоголосием в исполнении почти всех сербских певческих обществ, которые возникали в период усиленного национально-освободительного движения, направленного против оттоманского господства и габсбургской политики по отношению к славянским народам. Любопытный факт. В Нови-Саде, культурном центре сербов в Австро-Венгерской монархии, с середины XIX в. установилась традиция: после воскресной литургии в соборе Св. Георгия церковный хор пел российский государственный гимн «Боже, царя храни», демонстрируя политическую и духовную опору сербов на православную Россию.

На Берлинском конгрессе в 1878 г. Сербия окончательно добилась независимости. Новые крестьянские и ремесленные любительские певческие общества, возникавшие в провинции, стали первыми вестниками культуры в отсталых регионах Сербского королевства. В 1870-е гг. Панчевское сербское церковное певческое общество (Панчевачко српско црквено певачко друштво, основано в 1838 г.) исполняло сочинения следующих русских композиторов: Д. А. Агренева-Славянского, А. Я. Афанасьева, А. Е. Варламова, М. И. Глинки, А. Т. Гречанинова, Ц. А. Кюи, П. И. Чайковского и др.[255]

Большое влияние на популярность хорового исполнительства русской музыки в Сербии оказали многократные гастроли (1884–1911) капеллы Д. А. Агренева-Славянского, исполнявшего русские народные песни в собственной гармонизации[256].

Перед своими историческими гастролями по городам России (Петербург, Нижний Новгород, Москва, Киев) Первое белградское певческое общество (Прво београдско певачко друштво), возглавляемое регентом С. Мокраньяцем, в репертуаре 1896 г. имело произведения Л. Д. Малашкина («Не рыдай мене Мати», «Помышляю день страшный», «Ныне силы небесныя»), Д. С.

---

254 См.: *Спекторски Е.* Руске цркве ван Русије // Календар «Братство» 1940. Сарајево, 1939. С. 9.

255 См.: *Пејовић Р.* Певачка друштва. [Ч.] 1: Српско музичко извођаштво 1831–1941. Посебно издање Pro Musica. Београд, 1986. С. 24.

256 Этот хор неоднократно выступал в Белграде, Дубровнике, Карловаце, Любляне, Нови-Саде, Осиеке, Панчеве, Петроварадине, Сомборе, Суботице, Шибенике, Загребе, Земуне...

Бортнянского (концерт № 32 «Скажи ми, Господи, кончину мою»), А. Ф. Львова («Услыши, Господи»). Интересно отметить, что этому хору А. Д. Кастальский в 1897 г. отправил свои духовные сочинения, основанные на сербских напевах, – «Достойно есть» и «Милосердия двери отверзи нам»[257]. Духовная цензура Св. Синода Русской Церкви выдала разрешение на исполнение литургических сочинений С. Мокраньяца в России, и они в 1898 г. исполнялись хором Петербургской духовной академии[258]. Большой успех на гастролях в России в 1912 г. имел и белградский хор «Обилич».

О широком охвате русских духовных сочинений сербскими певческими коллективами можно получить представление на основании следующих примеров.

Между 1885–1910 гг. Панчевское сербское церковное певческое общество дало 24 духовных концерта, на которых звучали произведения:

А. А. Архангельский. «Господи, услыши молитву мою». «Боже, во Имя Твое». «Хвалите Господа с небес». «Гласом моим ко Господу воззвах».

М. С. Березовский. «Не отвержи мене во время старости».

Д. С. Бортнянский. Концерты № 6, 9, 10, 12, 19, 21, 23, 26, 27, 28, 30, 32, 34, «Коль славен».

М. А. Виноградов. «Чашу спасения».

М. И. Глинка. «Боже сил».

П. Г. Григорьев. «Кто взыдет на гору Господню». «Приклони, Господи, ухо Твое». «Боже, Боже мой». «Помилуй мя, Боже».

С. И. Давыдов. «Тебе Бога хвалим». «Слава во вышних Богу». «Обновляйся, новый Иерусалиме». «Предстательство христиан». «Се ныне благословите Господа».

А. А. Дерфельдт. «Отец царей, Отец небесный».

С. А. Зайцов. «Услыши, Боже».

А. Ф. Львов. «Возлюблю Тя, Господи». «Глаголы моя внуши». «Услыши, Господи, моление мое». «Отче наш». Херувимская песнь.

В. Л. Лирин. «Хвалите Бога во святых Его». «Услыши, Господи, молитву мою». «Господи, Боже мой».

Л. Д. Малашкин. «Помышляю день страшный». «Свете тихий». Ирмосы во Святую и Великую субботу. «Ныне силы». «Душе моя, восстани». «Вскую шаташася языцы».

П. И. Румянцев. Херувимская песнь.

В. Г. Соколов. «Вкусите и видите».

П. И. Чайковский. Херувимская песнь. «Отче наш». «Тебе поем»[259].

257 См.: Прво београдско певачко друштво: 150 година. Београд, 2004. С. 61.

258 См.: Српско појање у Русији // *Српски Сион* (Сремски Карловци). 1898. Бр. 38. С. 615–616.

259 См.: *Томандл М.* Споменица Панчевачког српског црквеног певачког друштва, 1838–1938. Панчево, 1938. С. 224–225.

На своем первом историческом духовном концерте 1913 г. Вршацкое сербское церковное певческое общество (Вршачко српско црквено певачко друштво) исполнило:

В. П. Титов. Многолетие.

А. Л. Ведель. «Покаяния отверзи ми двери».

Д. С. Бортнянский. Херувимская песнь № 7.

П. И. Турчанинов. «Тебе одеющагося».

А. Ф. Львов. «Вечери Твоея тайныя».

Д. С. Бортнянский. «Кто Бог велий»[260].

В том же году в городе Сомбор в духовном концерте выступило четыре местных хора. Исполнялись произведения русских авторов:

Л. Д. Малашкин. «Не рыдай мене, Мати».

Д. С. Бортнянский. «Хвалите Имя Господне» (№ 1, 2).

С. В. Смоленский. «Осанна» (?).

А. Е. Варламов. Херувимская песнь.

П. Г. Григорьев. «Боже, Боже мой»»[261].

Помимо упомянутых русских композиторов, сербские хоры до 1914 г. исполняли и произведения Д. В. Аллеманова, А. С. Аренского, А. Я. Афанасьева, С. А. Дегтярева, С. Кальченко, А. Д. Кастальского, Л. В. Лирина, Д. Николаева, Н. Николаева, Подвертского, Н. А. Римского-Корсакова, П. Г. Чеснокова и др.[262]

Хоровое пение между мировыми войнами

После кровопролитных для Сербии двух балканских и мировой войны 1912–1918 гг. на Балканском полуострове сформировалось южнославянское государство Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС, с 1929 г. – Югославия). В него влились южные территории Австро-Венгрии, населенные славянскими народами, преимущественно сербами. Осуществились долгие чаяния объединения в одном государстве. Объединились и сербские православные епархии, веками располагавшиеся на территориях нескольких государств. В октябре 1920 г. была восстановлена и Сербская Православная Патриархия, был избран патриарх Димитрий, резиденция которого находилась в городке Сремски-Карловцы.

260 См.: *Пејовић Р.* Певачка друштва. С. 29.

261 Там же.

262 Подробный перечень духовных песнопений, исполнявшихся сербскими хоровыми коллективами, см.: *Марковић Т.* Црквене композиције на репертоару српских певачких друштава до 1914. године // *Зборник Матице српске за сценске уметности и музику* (Нови Сад), 1994. [Вып.] 15. С. 94–112.

Сербские певческие общества в XIX в. исполняли светские сочинения славянских композиторов и регентов (чехов, словенцев, хорватов), творивших в Сербии. В этих произведениях ценились не музыкальные достоинства и не национальные сербские элементы, а патриотический текст, призывающий к освобождению и объединению славян. Слушателей больше воодушевлял поэтический текст, чем мелодия.

Период после Первой мировой войны отличался некоторой стагнацией интереса к хоровому исполнительству. Музыкальная жизнь в Белграде была связана уже не с хоровыми коллективами, а с Оперным театром и филармоническим оркестром, с концертами учеников музыкальных училищ, местных камерных инструменталистов и европейских гастролеров. Правда, в столице существовали и сохранили свой высокий исполнительский уровень три хора – Первое белградское певческое общество, хоры музыкальных обществ «Станкович» и «Обилич», а также несколько хоров в городах Нови-Саде, Сомборе, Вршаце, Панчеве. Совместно с оркестрами и солистами они исполняли мировую классику мессы, оратории, реквиемы и симфонии Палестрины, Баха, Генделя, Гайдна, Моцарта, Бетховена, Верди, Дворжака, Брукнера, Яначека, Шимановского, Стравинского. Их репертуар значительно обогатился светскими и духовными сочинениями сербских композиторов Стевана Мокраньяца, Тихомира Остоича, Исидора Баича, Косты Манойловича и авторов младшего поколения – Станислава Биничкого, Ненада Барачкого, Стевана Христича, Милое Милоевича.

Интересно, как сами сербские композиторы характеризовали духовные песнопения своих современников. В 1921 г. К. Манойлович писал:

> «В Литургии и Отпевании для смешанного хора С. Биничкого автор стремится внести сербские акценты в церковнославянский язык. В Литургии заметно влияние русской церковной музыки и создается впечатление, что она предназначалась для концертного исполнения. [...] Литургия Св. Иоанна Златоустого М. Милоевича ближе всего русскому церковному стилю, в особенности под конец, начиная с «Благословен грядый во Имя Господне» речитативного, но с богатыми гармоническими оборотами»[263].

После 1918 г. в провинции возникают новые любительские хоры – церковные, местных ремесленников, купцов, крестьян, национальных меньшинств, сокольских организаций. Им удавалось существовать и достигать успехов лишь под руководством опытных регентов, а таких явно недоставало.

263 *Манојловић К.* О црквеној музици код Срба // *Весник Српске цркве* (Београд). 1921. Бр. 11/12. С. 121, 124.

В 1924 г. в стране был основан Южнославянский певческий союз (Јужнословенски певачки савез), в который вошло большинство певческих коллективов. Центром его стал город Сомбор. В нем и в других городах устраивались смотры («слёты») хоров – соревновательные или показательные.

Отличительной особенностью межвоенного периода являлись гастроли заграничных вокальных коллективов по городам страны: смешанного русского хора В. Ф. Кибальчича (1920), Хора донских казаков С. А. Жарова (1929, 1934, 1937), Хора донских казаков им. атамана Платова под управлением Н. Ф. Кострюкова (1928, 1931), квартета Н. Н. Кедрова (1939) и многих хоров из Европы: Моравских учителей из Брно, Венского хора мальчиков, хоров из Праги, Софии, Братиславы, Кракова, Будапешта, Лондона, Бухареста, Львова, Рущука, Гренобля, Пловдива, Тимишоара и др.

Сербские хоровые коллективы в 1918–1941 гг. часто исполняли духовные произведения русских авторов. В качестве примера приведем репертуар некоторых хоров города Нови-Сад:

Хор Новисадской мужской гимназии (основан в 1841 г.):

А. А. Архангельский. «Помилуй нас, Господи».

Д. С. Бортнянский. «Скажи ми, Господи, кончину мою». «Взыде Бог». «Господи, кто обитает» (Концерт № 35). «Буди Имя Господне». «Сей день». «Коль славен». «Приклони, Господи, ухо Твое». Литургия.

А. Т. Гречанинов. «Свят» (?).

В. П. Степанов. «Тебе поем».

Сербское крестьянское церковное певческое общество (1898):

Д. С. Бортнянский. Херувимская песнь.

Л. Д. Малашкин. «Под Твою милость».

Дж. Сарти. «Радуйтеся, людие».

С. В. Смоленский. «Осанна» (?). «Душе моя».

Хор певческого общества ремесленников «Невен» (1894):

А. А. Архангельский. «Боже, во Имя Твое, спаси». «Хвалите Имя Господне». «Вскую мя отринул еси».

Д. С. Бортнянский. «Коль славен». «Иже херувимы». «Достойно есть» (Духовный концерт № 34).

С. А. Дегтярев. «Днесь Христос».

П. Г. Чесноков. «Отче наш».

Хор музыкального общества (1920):

Д. С. Бортнянский. «Да воскреснет Бог». Литургия.

А. В. Никольский. «Господь воцарися».

М. П. Строкин. «Ныне отпущаеши».
П. Г. Чесноков. Сугубая ектенья. Литургия.

Хор православного собора Св. Георгия в Нови-Саде исполнял сочинения А. А. Архангельского, Д. С. Бортнянского, А. Л. Веделя, М. М. Вербицкого, А. Т. Гречанинова, И. С. Дворецкого, М. М. Ипполитова-Иванова, В. Л. Лирина, Г. Я. Ломакина, А. Ф. Львова, В. С. Никольского, В. Г. Соколова, священника В. Старорусского, М. П. Строкина, П. И. Турчанинова, А. С. Фатеева, П. И. Чайковского, П. Г. Чеснокова, в храмах и залах, часто устраивал вечерние духовные концерты[264].

В этот период широко развернулась деятельность русских регентов не только в Белграде, но и в провинциальных городах страны.

Вклад беженцев из России в хоровое искусство

Волны беженцев из портов Черного моря, захлестывавшие в 1919–1921 гг. берега Адриатики, Дуная и пограничные железнодорожные станции Королевства СХС, донесли на Балканы преимущественно людей со средним и высшим образованием (примерно 70%). В рамках своих возможностей молодая страна оказала им гостеприимный прием и помощь, а работоспособным старалась обеспечить работу по специальности[265].

Сербская Православная Церковь (СПЦ) оказала сестринскую поддержку Русской Православной Церкви (РПЦ): иерархи и монахи были временно размещены в сербских монастырях, Высшему временному русскому церковному управлению за границей (во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антонием) было предоставлено убежище в Сремских Карловцах. В лоно СПЦ были охотно приняты сотни русских священнослужителей, которые получили приходы, чаще всего в отдаленных и запустелых деревнях. Церковнославянский богослужебный язык и практически идентичные церковные каноны позволили им легко и быстро освоиться в новой среде.

На единственном в стране Православном богословском факультете (при Белградском университете)[266] и во всех шести духовных православных

264 См.: *Ђаковић Б.* Развој хорског певања у Новом Саду између два светска рата (1918–1941). Академија уметности у Новом Саду. Магистарски рад. Нови Сад, 1996. С. 165–166.

265 Подробнее о прибытии, численности и размещении беженцев см.: *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. Москва, 2005.

266 На Богословском факультете преподавали: Михаил Александрович Георгиевский (1888–1950), Николай Никанорович Глубоковский (1863–1937), Александр Павлович Доброклонский (1856–1937), Степан Михайлович Кульбакин (1873–1941), Федор Иванович Титов (1868–1935), Сергей Викторович Троицкий (1878–1972) и Викентий Флавианович Фрадынский (1892–1961).

семинариях[267] в межвоенный период преподавали русские профессора, которые оказали огромное влияние на развитие югославской православной мысли, науки, просвещения и воспитания.

Среди пришельцев было значительное количество штатских и военных лиц с музыкальным образованием. Более сотни из них устроились преподавателями пения и регентами в средних учебных заведениях, а несколько десятков – регентами любительских хоров при культурно-общественных организациях.

Относительно церковного пения в Сербии, вклад русских эмигрантов прослеживается в следующих видах их деятельности:

– основание сербских и русско-сербских хоров при сербских храмах, и управление ими;

– основание русских хоров, постоянно поющих в сербских храмах, и руководство ими;

– дирижирование любительскими хорами в провинции – крестьянскими, молодежными, национальных меньшинств, ремесленников, спортивных (сокольских) организаций;

– основание хоров учеников средних учебных заведений и управление ими;

– гармонизация сербских духовных песнопений и их адаптация для местных хоров;

– ознакомление местного населения с русскими духовными сочинениями;

– составление, упорядочение и пополнение нотных библиотек при сербских церковных приходах и гражданских певческих обществах;

– преподавание предметов «Церковное пение», «Хоровое пение», «Теория музыки» и управление хорами в сербских духовных семинариях;

– изучение православного пения, публикация исследований и рецензий на концерты духовной музыки.

---

267 В сербских духовных семинариях преподавали: Иван Иванович Авилов (1890–?), Николай Федорович Акаемов, Василий Анисенко (?–1921), иеромонах Иннокентий Анисимов (1903–?), Федор Федорович Балабанов (1897–1972), о. Василий Виноградов (1876–1932), о. Борис Волобуев (1890–1980), Степан Георгиевич Гущин (1888–1970), Николай Георгиевич Дориомедов, Николай Захарьевич Карпов (1884–?), о. Виктор Квачадзе, архимандрит Киприан Керн (1899–1960), Александр Коликов, игумен Иван Кухтин (1901–1975), о. Иоанн Максимович (впоследствии – епископ Иоанн Шанхайский; 1896–1966), о. Нил Малахов (1884–1934), Леонид Иванович Маслич, о. Алексей Моргуль, Сергей Матвеевич Муратов (1893–1945), Сергей Михайлович Наумов (? – после 1941), Николай Николаевич Пашутинский (?–1959), Владимир Алексеевич Розов (1876–1940), о. Борис Селивановский (1894–1966), Василий Михайлович Скворцов (1859–1932), Владимир Николаевич Смолянинов, о. Иоанн Сокаль (1883–1965), о. Нил Софинский (1867–1942), о. Владимир Стадницкий, о. Владимир Тимофеев (1869–1939), архимандрит Тихон Троицкий (1883–1963), Владимир Николаевич Халаев, Иван Чернявский (?–1944), Дмитрий Шплет, Николай Николаевич Шуба (1881–1936), Николай Андреевич Яковлев, Иван Якубов.

Отдельное место занимает деятельность русских регентов и авторов духовно-музыкальных композиций, которые состояли при русских храмах, учебных заведениях, больницах-санаториях, домах для инвалидов и престарелых в Королевстве СХС–Югославии.

Знатоки русского церковного пения в Сербии

Глубокими знатоками церковного пения в Сербии были: архиепископ Гавриил (Чепур), епископ Митрофан (Абрамов), И. А. Гарднер (в монашестве Филипп), а также ряд священнослужителей и регентов – протоиерей Петр Беловидов, иерей Владимир Мошин, В. Анисенко, Ю. И. Арбатский, А. В. Гриньков, С. Г. Гущин, Н. В. Капустин, А. Н. Кузьменко, Л. И. Маслич, Е. П. Маслов, П. Г. Проскурников, П. А. Фигуровский, В. Х. Щербаков и др.

Архиепископ Челябинский и Троицкий Гавриил (Чепур Григорий Маркелович; 1874, Херсон – 1933, Панчево), окончил Киевскую духовную академию. Являлся ректором Полтавской и Вифанской духовных семинарий, настоятелем церкви Двенадцати апостолов в Московском Кремле и членом Высшего церковного управления на юге России (1919–1920). Эмигрировал в Королевство СХС. Проживал в сербских монастырях Бешеново и Гргетег, в которых занимался гармонизацией сербских церковных напевов. Несколько лет владыка Гавриил состоял законоучителем и регентом в Харьковском девичьем институте (Нови-Бечей) и Русско-сербской девичьей гимназии (Велика-Кикинда). Там он в 1926–1928 гг. написал ряд гармонизаций для женского хора. Специалист по истории православной литургики и богослужебному уставу, владыка изучал церковное пение и писал духовные сочинения. Часто чинодействовал в русском храме Св. Троицы в Белграде. Вокруг себя он объединил группу молодежи, русских студентов Богословского факультета, составлявших ядро левого клироса русского храма Св. Троицы. Этот кружок певчих, в который входили Л. И. Маслич, А. Ф. Сенькевич, В. В. Тарасьев и И. А. Гарднер, владыка приобщил и обучил пению в традиции Киево-Печерской лавры и Московского Синодального хора[268]. В последние годы архиепископ Гавриил жил на покое в монастыре Шишатовац на Фрушка-горе.

Яркие воспоминания о владыке Гаврииле оставили П. С. Лопухин[269] и архимандрит Киприан (Керн)[270]. Нам не удалось установить, сохранились ли в Сербии духовные сочинения архиепископа Гавриила. Музыкальная

268 См.: *Филипп (Гарднер), иером.* Духовно-музыкальная деятельность Архиепископа Гавриила в эмиграции // *Церковная жизнь* (Сремские Карловцы). 1934. 1 янв. № 4. С. 10.

269 *Лопухин П. С.* Беседы с епископом Гавриилом. Владимирово, 1940.

270 *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). Москва, 2002. С. 123–188.

комиссия РПЦЗ подготавливает к печати часть доступных произведений для публикации.

Епископ Сумский Митрофан (Абрамов Николай Иванович; 1876, Воронежская губ.–1944, Белград), окончил Казанскую духовную академию (1902), епархиальный миссионер Волынской епархии (1904–1915), пострижен в монахи (1907), епископ (1916). Эмигрировал в Болгарию, но вскоре прибыл в Сербию и был принят в клир СПЦ (1922). Настоятель сербских монастырей Св. Стефана и Св. Романа, а затем монастыря Раковица близ Белграда (1922–1933). Являясь знатоком церковного устава и богослужебного пения, он создал при монастыре Раковица церковно-певческую школу. Позднее владыка Митрофан был назначен настоятелем известного сербского монастыря Високи-Дечани и был там начальником духовного училища («Монашка школа»). В 1937 г. ему был присужден высокий югославский орден Св. Саввы 2-й степени Похоронен у Иверской часовни «Нового кладбища» в Белграде[271].

Иван Алексеевич Гарднер (в монашестве Филипп; 1898, Севастополь – 1984, Мюнхен), выдающийся знаток церковного пения. Посещая древние русские монастыри, с раннего детства проявил любовь и интерес к древним церковным роспевам. Будучи студентом Московского Императорского лицея, изучал богослужебное пение – у старообрядцев и в московских храмах, сохранивших традицию исполнения старых песнопений, собирал ноты. Эмигрировал из Крыма в 1920 г. Окончил Православный богословский факультет Белградского университета (1928) и занимался в Белградской музыкальной школе в классе сербского музыковеда и церковного композитора К. Манойловича. Повышал свои знания литургики и церковного пения у архиепископа Гавриила (Чепура). Преподаватель и регент в Цетиньской духовной семинарии (1928–1931). В Цетинье им написаны: статья «*Неанес* в великом *Свят* на Литургии Св. Василия Великого»[272], служба святым Праотцам, переведена на церковнославянский язык Литургия Апостола Иакова и написано руководство к ее служению[273]. Впервыена церковнославянском языке эта литургия была совершена 31 января 1938 г. игуменом Филиппом (Гарднером) в русском храме Св. Троицы в Белграде, в присутствии митрополита Анастасия и других русских архиереев.

271 См.: *Косик В. И.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). Москва, 2000. С. 245.

272 *Гарднер И.* «Неанес» у великом «Свјат» на Литургији Св. Василија Великог // *Гласник.* Службени лист Српске Православне Патријаршије (Сремски Карловци). 1930. Бр. 17. С. 269–280; Бр. 18. С. 281–282.

273 Божественная Литургія Святаго Апостола Іакова брата Божія и перваго іерарха Іерусалимскаго. Владимірова, 1938; Руководство к служенію Литургіи Апостола Іакова. Сост. игуменъ Филиппъ. Владимірова, 1939.

В 1931 г. И. А. Гарднер был командирован югославским Министерством исповеданий в Подкарпатскую Русь, где принял постриг, а в 1934 г. отбыл на Святую землю. В 1937 г. он возвратился в Европу[274]. Игумен (1938), архимандрит (1939), епископ Потсдамский и викарий Германской епархии (1942). Преподаватель литургического богословия на Православных богословских курсах в Берлине (1942–1943) и истории церковного пения Мюнхенского университета (с 1954). Духовный композитор[275], автор трудов о церковном пении и богослужении[276]. Его биография и творчество хорошо представлены в работах историков последних лет[277].

Юрий Иванович Арбатский (1911, Москва – 1963, Нью-Хартфорд, шт. Нью-Йорк), музыковед, композитор, церковный регент. Получил музыкальное образование в Праге, Берлине и Лейпцигской консерватории. По прибытии в Югославию в 1933–1935 гг. состоял регентом хоров в городах Лесковац и Сремска-Митровица, преподавателем в музыкальной школе «Станкович» (Белград), а с 1935 г. являлся хормейстером и органистом католического костела в Белграде и регентом знаменитого Первого белградского певческого общества. Основной его деятельностью было собирание, фонографическая и нотная запись фольклора балканских народов (большая часть погибла при бомбардировках Белграда в апреле 1941 г., малая часть сохранилась у Арбатского[278]). С 1942 г. он стал сотрудником Славянского института в Праге, в котором изучал музыкальную часть архива и при котором защитил докторскую диссертацию по музыковедению. С 1950 г. – органист в лютеранской церкви Чикаго, сотрудник Библиотеки Ньюберри в Чикаго (1953–1955), с 1961 г. – профессор славистики в Ютика-колледже Университета в Сиракузах[279].

---

274 См.: *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе 1920–1995: Биографический справочник. Москва; Париж, 2007. С. 144–145; *Даниленко Б., прот.* Материалы к творческой биографии И. А. Гарднера (1898–1984). Москва; München, 2008. С. 151–157.

275 Помимо публикаций отдельных духовных сочинений И. А. Гарднера, его музыкальное наследие помещено в сборниках: Гарднер И. А. Сборник духовно-музыкальных сочинений. Берклей [Беркли], 1962. [Вып.] 1; *Он же.* Духовно-музыкальные произведения. Нью-Йорк, 1963; *Он же.* Собрание духовных песнопений: для хора без сопровождения / Предисл. С. Г. Зверевой. Москва; Сан-Франциско, 2008.

276 Фундаментальные исследования И. А. Гарднера: *Gardner J., von.* Das Problem des altrussischen demestischen Kirchengesanges und seiner linienlosen Notation. München, 1967; *Idem.* Kult und Kontemplation in Ost und West. Regensburg, [1967]; *Idem.* System und Wesen des russischen Kirchengesanges. Wiesbaden, 1976; *Гарднер И. А.* Богослужебное пение Русской Православной Церкви: В 2 т. Jordanville, NY: Holy Trinity Russian Orthodox Monastery, 1978, Т. 1: Сущность, система и история; 1982. Т. 2: История; 3-е изд. Москва: ПСТБИ, 2004.

277 См.: *Велимирович М., Зверева С. Г.* Гарднер Иван Алексеевич // Православная энциклопедия. Москва, 2005. Т. X. С. 416–418; *Даниленко Б., прот.* Материалы к творческой биографии И. А. Гарднера. С. 8–40.

278 Сохранившуюся часть материалов Ю. И. Арбатский впоследствии передал на хранение в Библиотеку Ньюберри (Newberry Library; США).

279 См.: Leksikon jugoslavenske muzike. Zagreb, 1984. [Т.] 1. S. 19–20.

Ю. И. Арбатский – автор симфонических и камерно-инструментальных сочинений. Некоторые из них написаны под сильным влиянием византийского церковного пения и балканского фольклора. В 1930-е гг. его музыковедческие работы публиковались в югославской периодике. Автор книги «Этюды по истории русской музыки» (Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1956).

Протоиерей Петр Беловидов (1869, Ставропольская губ. – 1940, Белград). Еще до прибытия митрополита Антония (Храповицкого) и до образования в Королевстве СХС Св. Архиерейского Синода РПЦЗ, отец Петр летом 1920 г. испросил у тогдашнего сербского митрополита Димитрия (впоследствии Патриарха Сербского) благословение на совершение в Белграде церковных служб для русских беженцев и устройство русского церковного прихода. Об отце Петре Беловидове сохранилась следующая запись:

> «Главная забота отца Петра была обращена к созданию церковного хора. Обладая прекрасными музыкальными знаниями и регентскими способностями, он целые ночи просиживал за столом, по памяти восстанавливая и записывая церковные песнопения, чтобы днем, после уроков в школе и треб в приходе, разучивать их с певчими. Хор русского храма в Белграде скоро стал известным настолько, что в 1924 г. был приглашен для постоянного пения в королевском придворном храме. [...] Богослужение в белградском русском храме отличалось особым характером, пожалуй, единственным за рубежом. Оно было строго уставно. Благодаря отцу Петру, при сочувственной поддержке со стороны митрополита Антония, был подобран кадр сотрудников, и отец Петр вдохнул в них любовь к истовой уставности. Был создан богослужебный дух и уклад, который дышал седой стариной и в то же время живым молитвенным горением»[280].

По происхождению отец Петр был из духовной казачьей семьи, окончил Ставропольскую Духовную семинарию, священнический сан принял в 1893 г., являлся настоятелем кафедрального собора в Карсе, законоучителем в Майкопе, Карсе и Новороссийске. В России у отец Петра осталась жена, а оба сына, офицеры Добровольческой армии, пали на Гражданской войне[281].

В рамках настоящей работы мы не имеем возможности перечислить и подробно представить все статьи и рецензии о русском церковном пении

280 *Неклюдов В.* Церковная жизнь русских в Югославии // *Часовой* (Брюссель). 1939. № 236–237. С. 11–12.

281 См.: Кончина протопресвитера о. Петра Беловидова // *Православная Русь* (Владимирово). 1940. № 9 (287). С. 3.

в Белграде, написанные русскими авторами. Упомянем имена некоторых из них: В. Д. (псевд.), Михаил Михайлович Иванов, В. Рязанский, «Садко» (псевд.), Константин Яковлевич Шумлевич и др. Чаще всех рецензии писал Александр Александрович Никольский (1864–1942), постоянный сотрудник белградских русских газет *Новое время* (выходила в 1921–1930 гг.) и *Русский голос* (выходила в 1931–1941 гг.)[282].

Весьма активным автором был также Иван Алексеевич Гарднер, который в *Новом времени* опубликовал длинный очерк «Мысли о церковном искусстве»[283] и ряд других статей[284]. В одной из них он уже в ранний период своей деятельности высказывает свою основополагающую идею (сформулированную, возможно, не без влияния владыки Гавриила):

> «В отношении к церковному пению наше общество можно разделить на две группы людей: на тех, которые смотрят на церковное пение, как на искусство вообще, и на тех, которые смотрят на церковное пение, как на принадлежность богослужения по преимуществу. От разности взглядов на этот предмет проистекает и большое различие в требованиях церковного пения. […] Природа церковного пения не столько эстетическая, сколько психо-аскетическая (аскетическая в широком смысле слова), а потому оно не может рассматриваться как только ветвь музыкального искусства. Церковь – не концертный зал, где музыкальное произведение исполняется ради услаждения. Церковь дом молитвы, где песнопение поется для назидания и спасения»[285].

На страницах этой газеты было опубликовано и несколько полемических статей И. А. Гарднера за подписью «Православный». Приводим два фрагмента, которые отражают его оценку пения в русских храмах Сербии в 20-е гг.:

---

282 Отметим следующие статьи А. А. Никольского: «Об очерке свящ. Н. Баскакова *Русское влияние в сербском церковном пении*» (*Новое время*. 1928. № 2145. – 28 июня.); «Духовный концерт хора Маслова» (*Там же*. 1929. № 2408. – 26 мая.); «Большой духовный концерт» (*Там же.* 1930. № 2667. – 20 марта.); «О древнем русском церковном пении» (*День русской славы* (Белград). 1940. № 10. С. 21–22).

283 *Гарднер И. А.* Мысли о церковном искусстве // *Новое время*. 1927. № 1969. – 29 ноября; 1928. № 2026. – 3 февраля; № 2027. – 4 февраля; № 2034. – 12 февраля.

284 Приводим ссылки на две статьи И. А. Гарднера «сербского периода», не упомянутые в списке трудов ученого в книге «Материалы к творческой биографии И. А. Гарднера» под редакцией прот. Бориса Даниленко: *Гарднер И. А.* В белградском русском храме // *Новое время*. 1928. № 2088. – 19 апреля; *Православный [Гарднер И.А.]*. Хор Донского кадетского корпуса п/у Верушкина // *Там же*. № 2133. – 20 июня.

285 *Гарднер И. А.* Мысли о церковном пении // *Там же.* 1929. № 2378. – 5 апреля.

«Случайно собравшийся любительский хор приготовил стихиры Пасхи знаменного распева в гармонизации епископа Гавриила (Чепура – А.А.). Регент Л. И. Маслич сумел проникнуть в дух этих стихир, а главное – сумел свое воодушевление передать хору и выразить им то чувство светлейшей радости Воскресения, которое он сумел почувствовать в вдохновенной гармонизации владыки Гавриила. К сожалению, постоянный церковный хор предложил молящимся нечто совершенно иное. Регент Качинский избрал стихари Пасхи Д. Соловьева»[286].

«Недавно мне пришлось побывать в четырех различных городах Югославии, где имеются русские церковные общины. (В одном из этих городов есть даже три русских церкви). И почти всюду мне приходилось убеждаться в страшном провинциализме клироса, в полном отсутствии определенного церковно-музыкального направления у наших регентов. Некоторые из слышанных мной хоров поют весьма и весьма прилично, и смело можно сказать, что им недостает лишь одного: разборчивости в репертуаре. […] Этот недостаток в Белградском храме отчасти исправляется постепенной заменой репертуара под руководством и при усердном содействии г. Маслича. Работа эта трудная и очень, очень неблагодарная, ибо приходится встречаться с поражающей нецерковностью нашего общества»[287].

На полемические статьи «Православного» – «Нужды нашего клироса» и «Направления современного русского церковного пения»[288] – отреагировали А. А. Никольский[289] и граф Д. А. Олсуфьев[290].

О своих путешествиях по Карпатской Руси летом 1930 г. И. А. Гарднер писал в белградской монархической газете *Царский вестник* (1930. 14 декабря и др. № 122).

В Загребе на хорватском языке статьи писал Борис Викторович Комаревский, регент Хора Свв. Кирилла и Мефодия (Ćirilo-Metodski zbor), сотрудник журнала *Ćirilometodski vjesnik*[291]. Этот журнал также опубликовал

286 *Православный [Гарднер И.А.].* О Пасхальных напевах // *Там же.* 1928. № 2093. – 25 апр.

287 *Он же.* Нужды нашего клироса // *Там же.* № 2135. – 6 июня.

288 *Он же.* Направления современного русского пения // *Там же.* № 2231. – 10 октября.

289 *Никольский А. А.* Несколько слов о композиторе А. Л. Веделе (1767–1806) // *Там же.* № 2143. – 26 июня.

290 *Олсуфьев Д., граф.* К вопросу о церковном пении // *Там же.* № 2243. – 24 октября; № 2244. – 25 октября.

291 Статьи Б. В. Комаревского: Glazba i zborno pjevanje (1933); Koncert Ruskog crkvenog zbora u Zagrebu (1935); Liturgija Sv. Jovana Zlatoustoga od A. Nikolajeva (1935); Petar Čajkovski – povodom 100-te obljetnice rođenja i koncerta Ćirilo-Metodova kora (1940/1941) и др.

статью Юрия Ивановича Арбатского «Как комбинировать голоса в хоре»[292], печатал работы и рецензии Алексея Васильевича Гринькова – о знаменном роспеве, древней нотации русских церковных песнопений, специфике православного хорового пения и др.[293]

Русские преподаватели церковного пения и регенты в сербских духовных семинариях

На основании годичных отчетов духовных семинарий, публиковавшихся лишь за некоторые учебные годы, в пяти из шести сербских православных семинариях встречаем имена русских эмигрантов-регентов:

Василий Анисенко – Призрен (1920–1921).

Борис Волобуев – Сремские Карловцы (1920–1938).

Иван Гарднер – Цетинье (1927–1931).

Степан Гущин – Призрен (1921–1941), Белград (1941–1944).

Сергей Муратов – Сремские Карловцы (1932–1941).

Сергей Наумов – Битоль (1931–1941).

Все они преподавали церковное пение, хоровое пение, пение по нотам, теорию музыки и управляли хором семинаристов. Постоянно или периодически эти хоры не только пели на богослужениях в местных храмах, но и готовили концертные программы, с которыми выступали на торжественных и юбилейных мероприятиях, при визитах в город церковных иерархов и видных гостей. Особенно ответственными для регента и хористов бывали выступления в День празднования св. Саввы, первого сербского архиепископа и просветителя (27 января). Помимо государственного гимна и гимна этому святителю, хор обычно исполнял сербские песнопения и духовные концерты русских авторов.

Василий Анисенко (?–1921, Призрен) одним из первых русских был принят в Призренскую духовную семинарию. Как преподаватель церковного пения он сразу приступил к созданию в городе смешанного церковного хора. В очень короткий срок певчие разучили песнопения Св. литургии. Встреча новоназначенного епископа Михаила (первого сербского иерарха, избранного после освобождения этих районов, влившихся в состав Королевства СХС)

292 *Arbatski J.* Kako treba kombinovati glasove u pjevačkim zborovima? // *Ćirilometodski vjesnik* (Zagreb), 1935. Br. 5.

293 Статьи А. В. Гринькова: Kojim pravcem treba da idu zborovi u istočnocrkvenom pjevanju (1932); Veliki znameni raspjev (1933); D. A. Agrenjev-Slavjanski: Povodom 25-godišnjice smrti (1933); Prastara notacija crkvenih melodija, rusko znamja (1934); A. A. Arhangelski: Povodom 10. godišnjice smrti (1934); Berezovski, Bortnjanski i Vedel: Povodom članka g. Dr. Borisa Kudryka: Berezovski, Bortnjanski i Vedel ponos ukrajinskoga a ne ruskog naroda (1935) и др.

прошла особенно торжественно. Однако уже в июне 1921 г., после выпускных экзаменов, В. Анисенко скончался. Его искренне оплакивали граждане и ученики всех местных учебных заведений, выражая свою благодарность первому регенту церковного хора[294].

Степан Георгиевич Гущин (1888, Ахтырка, близ Харькова – 1970, Ниш). По личному желанию и распоряжению сербского епископа Михаила, с сентября 1921 г. он стал преподавателем и регентом в Призренской семинарии. Преподавал там ровно 20 лет. С. Г. Гущин в окончил Киеве историко-филологический факультет Университета Св. Владимира (1912) и консерваторию (1915). В 1920 г. эмигрировал в Королевство СХС и попал в город Панчево, где быстро устроился регентом Панчевского певческого общества и возникшего там хора русских беженцев. Этот хор часто устраивал благотворительные концерты.

Назначенный преподавателем в Призренскую семинарию, С. Г. Гущин одновременно был многолетним регентом церковного хора и Призренского певческого общества им. Царя Уроша (Призренско певачко друштво «Цар Урош»), основанного в 1885 г. В первые дни оккупации Призрена итальянцами в 1941 г. его скрывал у себя местный турок и помог бежать в оккупированный немцами Белград. Все военные годы Степан Георгиевич преподавал пение в Белградской духовной семинарии им. Св. Саввы, являлся регентом Первого белградского певческого общества и Церковного певческого общества им. Покрова Пресвятой Богородицы (Црквено певачко друштво «Покров Пресвете Богородице»).

Судьба беженца, в Гражданской войне растерявшего жену и детей, была к нему жестока, и осенью 1944 г. он был арестован югославскими органами, отправлен в лагерь в Вршац и сдан в руки Красной армии. Его супруга (второй брак, художница Вера Пузанова), пытавшаяся доставить ему пищу через окно камеры, была уличена и расстреляна. Расстрелы заключенных без суда миновали его камеру. После допросов, проведенных прибывшими в лагерь сотрудниками органов НКВД, С. Г. Гущин был выпущен и возвращен в Белград. Тут он продолжил свое любимое дело: в 1945–1947 гг. состоял регентом нескольких хоров культурно-артистических обществ – «Рабочий» (Културно-уметничко друштво (КУД) «Радник»), «Д-р Сима Милошевич», медицинского факультета Белградского университета, «Водопровод» (КУД «Водовод»), «Пролетарий» (КУД «Пролетер»).

Декретом Министерства просвещения в октябре 1947 г. С. Г. Гущин направлен в город Ниш – преподавателем пения в музыкальную школу, а

294 См.: Споменица педесетогодишњег верско-националног и културно-просветног рада Богословско-литерарне дружине «Растко» у Призрену 1889–1939. Скопље, 1940. С. 120.

в 1949 г. назначен преподавателем и директором музыкального училища. Помимо работы в школах, он руководил хоровыми коллективами «Абрашевич», «Станко Паунович», «Светозар Маркович», хором Радио и хором при Национальном театре (48 хористов). Степан Георгиевич избирался председателем Нишского филиала Союза музыкальных педагогов Сербии и филиала Союза музыкальных деятелей Сербии. Особенно много сил он вкладывал в проведение ежегодного певческого фестиваля «Югославские певческие празднества в Нише» («Југословенске хорске свечаности у Нишу»).

По выходе на пенсию, в 1959 г. Степан Георгиевич был приглашен в Лесковац для устройства музыкальной жизни этого города, а с 1961 г. стал преподавать русский язык и литературу в пединститутах Ниша и Вранье. В 1968 г. С. Г. Гущину присвоено звание почетного члена Союза музыкальных деятелей Сербии. Но, что самое важное, этот исключительно скромный, деликатный, трудолюбивый и глубоко верующий человек до последних дней своей жизни был регентом хора соборного православного храма в Нише[295].

Борис Георгиевич Волобуев (1890 – 1980, Белград). Окончил Киевскую духовную академию (1915). С 1920 г. проживал в Королевстве СХС. В Карловацкой духовной семинарии преподавал историю Христианской Церкви, общую историю, церковное пение и пение по нотам, состоял регентом хора семинаристов. Этот хор регулярно пел на богослужениях в кафедральном храме Св. Николая. Бывшие семинаристы и карловчане помнят великолепные духовные концерты под управлением Бориса Георгиевича, в которых исполнялись не только сложные музыкальные сочинения сербской и русской церковной классики, но и популярные русские народные песни. Бывший семинарист вспоминает:

> «Говорили, что хор Семинарии им. Св. Саввы в Сремских Карловцах в те, 1927–1933 гг., был лучшим мужским хором на Балканах! Он состоял из более восьмидесяти молодых хористов. Мы исполняли замечательные сочинения русских композиторов – Бортнянского, Ломакина, Алябьева, Кабанова, Туренкова, Дудника, Мясникова и многих других, а из наших – Мокраньяца, Боберича, Биничкого, Котура, Станковича, Топаловича»[296].

295 См.: *Јовановић Н.* Животни пут, дело и лик угледног диригента, Стевана Гушчина у вишедеценијском делању у Нишу // *Нишки весник* (Ниш). 2008. Мај. С. 14–15. Сообщено автору дочерью С. Г. Гущина, Светланой Степановной Гущиной (Белград).

296 *Босанац Б.* Моје успомене на Љубисава Војиновића // *Епископ Хризостом.* Живот и рад. Београд, 1990. С. 283.

В 1933 г. Б. Г. Волобуев принял священнический сан. В октябре 1938 г. он был переведен в Битольскую духовную семинарию, где до ее закрытия с началом войны (1941) преподавал Новый Завет. В тяжелые для Сербской церкви послевоенные годы жесткой коммунистической власти, уже находясь на покое в сане протоиерея, отец Борис был назначен настоятелем прихода в деревне Умка, близ Белграда.

Сергей Матвеевич Муратов (1893, Москва – 1945, Петроварадин, пригород Нови-Сада). По назначению Министерств просвещения и вероисповедания в 1932 г. прибыл из Суботицы в Сремски-Карловцы – духовный и культурный центр сербов на протяжении ряда веков. На новом месте совмещал должности в двух учебных заведениях. В Сербской православной великой гимназии (основана в 1791 г. как первое среднее учебное заведение сербского народа) преподавал теорию музыки и хоровое пение, а в Духовной семинарии им. св. Саввы церковное пение и теорию музыки. Состоял и регентом хоров гимназистов и семинаристов.

Сергей Матвеевич был женат на венгерке, бывшей оперной певице. В октябре 1944 г., после освобождения Сремски-Карловцев от оккупантов, в период временного пребывания там отрядов Красной армии, С. М. Муратов исчез из города. По версии, переданной старожилами, Муратов неосмотрительно задавал вопросы советским солдатам, что повлекло за собой арест органами НКВД и расстрел.

Наумов Сергей Михайлович, преподаватель Битольской духовной семинарии. В 1920–1930-е гг. в этой семинарии преподавали и учились много русских. Некоторые преподаватели впоследствии стали видными иерархами Церкви и учеными богословами: архимандрит Киприан Керн (1899–1960), профессор парижского Св. Сергиевского православного богословского института, протоиерей Иоанн Сокаль (1883–1965), в будущем – ректор Саратовской, Минской и Одесской семинарий, епископ Иннокентий Смоленский и Дорогобужский (с 1959). иеромонах Иоанн (Максимович. 1896–1966) – епископ Шанхайский, в 1994 г. канонизирован РПЦЗ.

С. М. Наумов с 1931 г. преподавал в этой семинарии не только церковное пение и теорию музыки, но и прочие предметы: педагогику, психологию и логику, моральное богословие, греческий и русский языки, историю философии, общую историю. Одновременно он состоял регентом хора семинаристов, детского хора при семинарии, Русского церковного хора города Битола (совместно с Григорием Кошевым) Несколько лет был библиотекарем местной русской библиотеки.

В летописи семинарии упоминаются два концерта, состоявшихся в актовом зале. 28 июля 1935 г., в День святого равноапостольного великого князя Владимира («День русской славы»), с русским репертуаром выступили три хора: Русский церковный, Югославско-русский и Хор певческого общества «Каймакчалан». Второй духовный концерт состоялся 25 января 1938 г. Помимо прочих произведений, хор семинаристов и хор мальчиков при семинарии исполняли сочинения А. Т. Гречанинова («Воскликните Господеви») и самого регента, С. М. Наумова: «Воспрянь, душа» и «Царице Небесная»[297].

Русские регенты и русские хоры при сербских православных храмах

Русские в Королевстве СХС были уверены в том, что пребывание на чужбине будет лишь временным этапом их жизни. Приблизительно к 1924 г., когда большинство европейских стран де-факто или де-юре признали Советскую Россию, многие беженцы «эволюировали» в политических эмигрантов, сознавая, что советская власть укрепилась и их возврат на родину не осуществится так скоро. Однако уже с первых дней пребывания вне России русские заботились не только о заработке, образовании, воспитании своих детей и культурной жизни. Им был необходим и духовный очаг – православный храм. Подтверждалось универсальное явление духовного порядка – беженцы и эмигранты становятся более приверженными к своей вере, часто молятся и посещают богослужения. Для всех возрастов церковь была и удобным местом для встреч, знакомств с интересными или нужными людьми.

В православной части Королевства СХС русские с первых дней стали ходить в сербские храмы. До их приезда в крупном уездном сербском городе церковный хор обычно существовал лишь при одном из храмов. Поэтому до 1922 г., когда канцелярия Св. Синода РПЦЗ приступила к устройству русских православных приходов в больших «русских колониях» Королевства СХС, беженцы создали свои «русские хоры», которые пели в сербских храмах, получив на то благословение от сербских епископов.

Любопытный случай: в одной русской колонии католического региона страны русский регент дал следующее объявление в сербской областной газете:

297 *Босанац Б.* Моје успомене на Љубисава Војиновића // *Епископ Хризостом.* Живот и рад. Београд, 1990. С. 283.

«В деревнях Сонта и Гомбош (Бачка) имеется русский хор, который состоит из 15 певчих. Он готов стать постоянным хором в любом православном храме, так как такового в этих деревнях нет»[298].

А русский регент, безработный Василий Гаврилов, в 1922 г. проживавший в городе Винковци, предлагал свои услуги, дав объявление в газете Сербской церкви[299]. Объявление в 1929 г. давал и Павел Овсянников, «бывший регент певческих обществ в Приедоре и Шабаце, ученик Архангельского и Глазунова»[300].

Хоровое церковное пение в большинстве провинциальных сербских храмов было новинкой. Местное население зачастило на богослужения. В городах, где существовало несколько православных храмов, верующие узнавали, в каком из храмов сегодня будет петь русский хор, и шли туда. В 1920-е гг. эти хоры часто принимали участие в благотворительных концертах, устраивавшихся русской колонией для оказания помощи нуждающимся, сиротам, вдовам или инвалидам. Хор выступал с местными или гастролирующими русскими артистами и вокальными солистами, исполнял и популярные русские народные песни. Постепенно, спевшись и приобретя ноты, русские хоры разнообразили свой репертуар и давали вечерние духовные концерты, в программах которых звучали сочинения Архангельского, Бортнянского, Веделя, Гречанинова, Львова, Чеснокова...

Если в их городе возникал русский церковный приход, эти хоры с регентом продолжали свое существование в «русской церкви» или хор делился на два. Историк-краевед мультиэтнического города Битоля записал бытующую там поговорку: «Двое македонцев – партия, двое русских – хор»[301].

Бывало, при сербских храмах пели сербско-русские хоры, которыми управлял русский регент. Эти энтузиасты и глубоко верующие люди были выпускниками русских духовных семинарий и духовных училищ, сыновьями священников, монахами, военными, преподавателями, казаками. Они обладали знаниями, поскольку все сословия в России чаще, чем это было принято у сербов, посещали богослужения и заказывали требы. Песнопения и их порядок в службе запоминались с раннего возраста и ученических лет. Для многих людей, оказавшихся на чужбине, их профессия была неприменимой. Поэтому стать регентом было не только призывом души. Место капельмейстера иногда давало возможность получать скромное вознаграждение от Сербской церкви, выжить.

298 *Застава* (Нови Сад). 1922. 28 марта. Бр. 68.

299 См.: *Гласник.* Службени лист Српске Православне Цркве (Сремски Карловци). 1922. Бр. 9. С. 144.

300 *Гласник Музичког друштва «Станковић»* (Београд). 1929. Бр. 9. С. 175.

301 *Стерјовски А.* Битола – руската колонија. Битола, 2003. С. 96.

После Второй мировой войны (одновременно – гражданской войны в Югославии) Сербская церковь оказалась в исключительно трудном положении. Храмы и монастыри в послевоенные годы социалистической Югославии не разрушались и в них не запрещалось служить. Но многие из них пережили военные бедствия, опустели, были разграблены, оказались без священнослужителей и не восстанавливались (больше всего пострадали сербские епархии в Боснии и Герцеговине, Краине, Далмации, Славонии, Баранье, Среме). В то же время, чтобы поступить на выгодное место работы или сохранить его, сербы вступали в партию. Их преследовали, если они ходили в церковь или на свой семейный праздник, «славу», приглашали в дом священника.

Приводим один из методов «борьбы государства с религией», практиковавшийся в 1950-е гг. в Нови-Саде. В смешанном церковном хоре православного собора Св. Георгия пели несколько хористов оперного хора местного театра. Правление театра назначало спевки своего хора по воскресеньям до обеда, чтобы певчие не имели возможности петь на литургии.

Учитывая условия, в которых оказалась русская эмиграция и Сербская церковь после смены государственного строя в Югославии, необходимо отметить, что русские регенты сербско-русских церковных хоров в 1940–1970-е гг. сыграли важную роль в поддержании веры среди сербского населения. Не получая денег от обнищавшей Церкви, они могли также лишиться должности на государственной службе. Со смертью русского регента в сербском храме угасал и хор, состоявший из горсточки пожилых певчих.

Восприятие русской церковной музыки в Сербии

Русские церковные регенты в провинции часто являлись и дирижерами местных любительских светских хоров, созданных до Первой мировой войны или сформировавшихся после нее. (Список русских хормейстеров, исполнявших русские духовные песнопения, помещен в Приложении I к настоящей статье).

В журнале *Русский хоровой вестник*, издаваемом пражским Общестуденческим русским хором имени А. А. Архангельского, в 1928 г. приведены скромные сведения о русских хорах в Югославии:

> «Русские хоры за границей. Югославия. Смешанный церковно-светский хор в Новом Саду (дирижер – И. Г. Григорьев [опечатка, правильно: В. Ф. Григорьев. – А.А.]). хор имеет богатую нотную библиотеку и ведет работу по снабжению нотами других хоров. хоры в Загребе, Сараеве, Которе»[302].

302 *Русский хоровой вестник* (Прага). 1928. № 1. С. 3.

«Русский церковно-светский хор в Земуне (Югославия). смешанный – состав 20 человек. регент А. В. Гриньков. Хор постоянно поет в Русской Земунской Церкви, устраивая, кроме того, самостоятельные концерты.

Хор Кубанской казачьей дивизии (Белище, Югославия). Основан на острове Лемносе в 1921 г. Переехав в Сербию, хор, находясь все время на работах (железнодорожные мастерские, постройка шоссе и т.п.), не только не забывает хоровых занятий, но, наоборот, успешно выступает с духовным и светским репертуаром. Состав хора – 24 человека. регент – полковник В. Рудько. При хоре же организован струнный оркестр местных народных инструментов»[303].

«Русский хор в г. Которе (Далмация). основан в 1927 г., смешанный, 12 человек, регент И. И. Моисеенко. В Земуне и Панчево с успехом прошел духовный концерт хора Сербской Соборной Церкви Земуна – под управлением Е. П. Маслова»[304].

«В *День русской культуры* в Земуне объединенными хорами «М. Глинка» и «Хора Русской Земунской Церкви» под управлением И. И. Слатина и А. И. Гринькова был дан исторический духовный концерт. Состав хора – 80 человек. Концерт вызвал большой интерес местного общества»[305].

Этому концерту посвящена опубликованная в сербском журнале *Летопис Матице српске* рецензия видного столичного музыкального критика Б. Драгутиновича. Она дает образец того, как в Сербии, исходя из опыта сербских традиций церковного пения, воспринимали и оценивали русское музыкальное наследие:

«Духовный концерт, приуроченный к празднованию *Дня русской культуры*, дали два объединенных хора – Русского музыкального общества «Глинка» из Белграда и Хор русского храма в Земуне. Программа была осмыслена так, чтобы представить развитие русской церковной музыки с XVIII в. до нашего времени, от Бортнянского до Штейнберга. Классик Бортнянский, ученик Галуппи, весь благозвучный и светлый, но без мистики и религиозного экстаза, был представлен сочинением «Да воскреснет Бог», сплошь пропитанным итальянским духом, хотя

303 *Там же.* № 2. С. 11.
304 *Там же.* № 3. С. 8.
305 *Там же.* № 5–6. С. 12.

и построенным на тематическом материале древних традиционных русских церковных напевов. «Тебе одеющагося» Турчанинова ближе православному пению, в стиле болгарского распева, весьма схожего нашему, – отдает некоторой монотонией из-за гармонического однообразия и отсутствия градаций. Произведение нашего С. Мокраньяца того же названия намного выразительнее, логичнее построено и интереснее окрашено. «Иже херувимы» Глинки оригинально гармонически, благодаря удачному использованию задержанных и проходящих звуков. «Господи, сохрани» Чеснокова написано с размахом, с нарастанием и чуткой сменой контрастов – речитатива и мелодии. Модернист Штейнберг в своем цикле «Страстная неделя», из которого было исполнено произведение «Чертог Твой», в русскую церковную музыку вводит имитативный стиль Палестрины, несколько гармонически осовремененный и приспособленный к православному выражению. Сочинения Архангельского («Воскресение Христово видевшее»), Чайковского («Верую»), Ипполитова-Иванова («Благослови, душе моя»), Кастальского («Милосердия двери»), Гречанинова («Воскликните Господеви») и Рахманинова (части Литургии: «Единородный Сыне» и «Отче наш») – дополнили представление о развитии русской церковной музыки.

Объединенный хор звучал складно, вопреки тому, что женская часть певчих меньше мужской. Не всегда была достигнута уравновешенность голосов. Особо выделялись некоторые сонорные басы, которые придавали сочность звуковым эффектам хора. Регенты – Алексей Гриньков и Илья Слатин – были уверенными и точными. У Слатина было больше внушительных динамичных оттенков. Некоторые произведения нуждались в более тщательной подготовке»[306].

Воспитанник консерваторий в Мюнхене и Праге, Милое Милоевич (1884–1946), композитор, профессор, основатель Музыкальной академии в Белграде, первый доктор музыковедения в Сербии, занимался и изучением церковной музыки. В своем капитальном труде «Музыка и Восточная церковь»[307] он прослеживает духовные связи средневековой Сербии с Востоком (Малой Азией и Сирией) не только через Византию, но и через монастыри Афона, – контакты с Иерусалимом и монастырями на Синае. Опираясь на труды Э. Веллеса, Милоевич, применяя сопоставительный метод, подвергает

306 *Драгутиновић Б.* Два концерта руске црквене музике // *Летопис Матице српске* (Нови Сад). 1928. Књ. 316. Свеска 2. С. 138–139.

307 *Милојевић М.* Музика и Источна црква // Годишњак и календар Српске Православне Патријаршије. Београд, 1933. С. 115–135.

анализу сирийские, армянские, коптские, еврейские «Аллилуйя», халдейский канон Несторианской литургии, песню абиссинского священника, маронитскую песню, исполняющуюся в процессии во славу Св. Девы Марии, грегорианское «Аллилуйя», византийские «Kyrie» и «Alleluia», русскую стихиру, — с одним сербским экстатичным напевом. В итоге он обнаруживает потрясающее сходство сербского «Осмогласника» с напевами других народов.

Однако для нашей темы интересны мнения Милоевича о русской церковной музыке. Приводим три его высказывания:

> «Нужно ли повторять то, что мы уже неоднократно заявляли, что известно всем: многим мы обязаны русской музыкальной культуре. Столько раз русский музыкальный гений заговорил на своем своеобразном языке, и, неподражаем, он побеждал! Такую победу одержала и Литургия П. Г. Чеснокова.
>
> В душах русских таится огромное религиозное чувство. Из него родилась целая музыкальная культура особого церковного и национального склада, как реакция на итальянское влияние, одно время преобладавшее в России. Эта культура одновременно представляет и обновление (вернее – художественную стилизацию) исконных музыкальных ценностей русского народа, накапливавшихся в религиозном экстазе через века.
>
> Чесноков, как один из представителей современного церковного музыкального стиля, создал монументальное произведение – Литургию. […] Произведение изобилует впечатляющими контрастами, и в отношении гармонии, и в конструкции «пластов», а также оригинальной изобретательностью мелодий. Поистине серьезное, глубокое, оригинальное музыкальное произведение.
>
> С похвалой отмечаем музыкальную самоотверженность, проявленную господином Гриньковым при подготовке этого образцового произведения. Русский хор Вознесенского и Св.-Николаевского храмов в Белграде, немногочисленный, но окрыленный значимостью представления этой великой Литургии, дал от себя все и очаровал нас удивительным царством красоты и своеобразия. [...] Солистами выступили г-жи Банина и Лихарева и г. Мирославский.
>
> Вечер, который нам подарили г. Гриньков и его певчие, можно отнести к одному из самых выдающихся в музыкальной жизни столицы»[308].

308 *Др. М. М.* Литургија Чеснокова // *Политика* (Београд). 1930. Бр. 8116. – 9. децембар.

«Русский хор Св.-Вознесенской церкви в Белграде выступает и на концертных подмостках, знакомит нас с русской церковной музыкой. После Литургии Чеснокова – произведения, дышащего породистыми акцентами, написанными в новом церковном стиле, родном, славянском, – в Вербное Воскресенье пел Литургию Гречанинова. Перед выступлением хора профессор А. В. Соловьев говорил о развитии русской церковной музыки. [...]

Гречанинов-мастер гомофонного письма и светлых тональных гармоний. Без особых технических трудностей относительно мелодии, гармонии и ритма, Гречанинов славит Господа, с подъемом и полным чувством своей лирической натуры. Его Литургия не досягает высоты вдохновения и выразительной силой Литургии Чеснокова, но является серьезным произведением мастера, представившего в интернациональном стиле то, что задумал»[309].

«Господин А. Гриньков добросовестно трудится поднять Русский хор Св.-Вознесенского храма на достойный уровень, и до сих пор он дал духовные концерты, которые, благодаря своим программам, оставили заметный след. Свою традицию этот хор подтвердил и в этом году, устроив духовный концерт из сочинений сербских композиторов – Станковича, Остоича, Маринковича и Мокраньяца, а также русских – Веделя, Архангельского, Кастальского, Толстякова, Штейнберга и Чеснокова.

Капитальным произведением в программе было «Тебе поем» Архангельского, при участии солистов г-жи Голубевой и гг. Букина и Шевелева. Это сочинение, пропитанное глубоким, искренним чувством, интересными звуковыми красками, богатое гармоническими оборотами, – наглядно свидетельствует о высоком уровне русской церковной музыки. И «Хвалите Имя Господне» Кастальского содержит много положительного и изобилует искренними акцентами. Штейнберг нам показался неестественным в произведении «Чертог Твой»,содержащем места необыкновенного звучания, а таковые встречались и у Толстякова, автора песнопения «От юности моея».

Чесноков, мастер богатой изобретательности и композитор, удачно заложивший основные принципы нового стиля славянской церковной музыки, нас приятно удивил своим произведением «Величит душа моя Господа» – несложной фактуры, но глубоко прочувствованным. Над совсем простой хоровой декламацией текста возвышается соло

309 *Idem.* Литургија Гречанинова на программу концерта Руског хора Вазнесенске цркве // *Ibid.* 1931. Бр. 8233. – 8. април.

теплой певучей мелодии, поданной без волнующей динамики, свойственной Чеснокову. Своим сердечно-теплым, отлично поставленным сопрано эту партию бесподобно исполнила г-жа Ольга Ольдекоп. [...] Музыкальной программе предшествовало слово епископа д-ра Викентия Вуича, восхваляющее песнопение и роль, которую она выполняет в Христианстве»[310].

Русские регенты сербских певческих коллективов

О русских регентах в Сербии существует мало данных в литературе, даже в юбилейных памятках певческих обществ и учебных заведений. Приводим несколько обнаруженных характеристик, данных русским регентам, проживавшим в Сомборе, Белой Церкви и Нови-Саде:

«**Николай Владимирович Капустин** (1876 – 1930, Сомбор). Первым регентом Сербского певческого общества земледельцев (Српско ратарско певачко друштво), основанного в 1924 г., был покойный Николай Капустин. Благодаря его деятельности, Общество достигло большого успеха и, укрепив свой фундамент, поднялось на высокий уровень исполнительства. С ним ни одно из подобных обществ не было на равных. Свои достижения оно подтвердило на слетах певческих обществ в Сомборе, в 1926 и 1930 гг. С кончиной господина Капустина, не отыскав ему достойную замену, Общество было вынуждено прекратить свое существование. [...] Свой самый плодотворный период работы Сомборское певческое общество ремесленников (Српско занатлијско певачко друштво, возникшее в 1892 г.) относит к первым годам после Мировой войны. Он продолжался до 1930 г., когда его постиг удар – кончина энергичного, прилежного, способного регента, Николая Капустина, создавшего и богатое собрание нот. Смешанный хор, состоявший из 60-ти певчих, регулярно пел в местных православных храмах»[311].

«**Павел Никифорович Чекалов**, русский музыкальный педагог и композитор. В Белую Церковь прибыл в 1921 г. Выпускник одной из русских консерваторий. В 1921–1932 гг. в гимназии преподавал музыку – хоровое пение, пение по нотам и игру на инструментах, был регентом хора и дирижером оркестра. Устроитель частых концертов в гимназии. С 1921 г. состоял регентом Сербского певческого общества (Српско пе-

310 *Idem.* Духовни концерт Руског збора Св. Вазнесенске цркве // *Ibid.* 1934. Бр. 9298. – 3. април.

311 Певачки алманах 1929–1939. Ј.П.С. жупе «Др. Лаза Костић» Сомбор: Поводом десетогодишњице средио Ђорђе Стојанов. Сомбор, 1939. С. 59, 63.

вачко друштво), с которым ездил и давал концерты по многим городам. Один из основателей и регентов Русского певческого общества (1921), регент и дирижер духового оркестра при Русском кадетском корпусе (1921–1928), регент немецкого Коммерческого хорового общества (Gewerbe Gesang Verein) (1921–1924), основатель частной музыкальной школы (вокал, фортепиано, скрипка, альт, виолончель, флейта. существовала в 1921–1931 гг.). Сочинял вокальные и инструментальные сочинения, включая симфонию на мотивы сербских народных песен. В 1932 г. переехал в Мостар»[312].

«**Василий Александрович Тимофеев** (1891, Воронеж – 1942, Белая Церковь), музыкальный педагог, преподаватель музыки и пения в Белой Церкви, полковник Русской армии. В 1923–1929 гг. преподаватель музыки, регент хора и дирижер духового оркестра при Русском кадетском корпусе, хормейстер при местном немецком Musikverein-е (1924–1928), преподаватель теории музыки, регент хора и руководитель камерного оркестра в сербской гимназии (1932–1936). Часто устраивал концерты со своими коллективами, до 1936 г.»[313].

«Среди людей, которые в 1918–1945 гг. внесли видный вклад в популяризацию православной церковной хоровой музыки, как духовных концертов, так и дивного пения на богослужениях, был **Павел Александрович Фигуровский** (1889–1959), сын священника, выпускник Московского коммерческого училища, есаул Кубанского казачьего войска. Обосновавшись в Нови-Саде, этот отличный знаток православных духовных песнопений состоял регентом ряда местных хоров, постоянно или некоторый период носивших эпитет «церковный». На протяжении 15 лет Фигуровский был регентом Сербского певческого общества ремесленников «Невен» (Српско занатлијско певачко друштво «Невен», 1921–1936), художественным руководителем церковно-хорового отдела Музыкального общества, вторым регентом церковного хора кафедрального собора Св. Георгия. Владел богатейшей коллекцией нот церковных сочинений, которую годами собирал, вместе с Василием Григорьевым. Благодаря этой нотной библиотеке обогатился репертуар новисадских церковных и светских хоровых коллективов. Фигуровский в храмах часто устраивал духовные концерты с серьезными программами, включавшими сочинения Бортнянского, Чайковского, Архангельского, Чеснокова. На торжествах 200-летия

312 *Ištvanić Ž., Fišer E.* Muzički leksikon Bele Crkve (1799–1941). Bela Crkva, 1997. S. 18.
313 *Ibid.* S. 87.

новисадского Успенского храма (1936) именно его хор ремесленников «Невен» был удостоен чести петь на богослужении, что при сильной конкуренции в те годы свидетельствовало о высоком художественном уровне, достигнутом этим русским регентом. [...] Наряду со Светоликом Пашчаном-Кояновым, с конца 20-х гг. Фигуровский стал самой видной личностью относительно церковного хорового пения в Нови-Саде»[314].

В собрании нот при новисадском храме Трех Святителей хранятся ноты его переложений духовных сочинений русских авторов: концертов Д. С. Бортнянского (№ 9, 21–29, 31), партитур Литургий Св. Иоанна Златоуста П. И. Чайковского и М. М. Ипполитова-Иванова.

Русские регенты в средних учебных заведениях

Большую культурно-воспитательную роль в сербских школах вели русские преподаватели «музыки» и «пения». Как регенты, они прививали ученикам любовь к православному церковному пению и русской песне. Выпускники этих школ теплым словом упоминают русских педагогов чаще, чем других преподавателей. Например, профессор Бориша Вукович с уважением вспоминает «дедушку» – **Дмитрия Сергеевича Перегордиева** (1890, Беловежь – 1962, Сремски-Карловцы), кубанского казака, который в гимназии в Сремски-Карловцах преподавал русский язык, пение и был регентом ученического хора:

«У него была характерная короткая прическа, впереди было совсем мало волос. По Карловцам он всегда передвигался на велосипеде, выпрямившись на нем, как при верховой езде. Прекрасный регент! От хористов требовал абсолютную дисциплину, начиная с построения по высоте, кончая полным подчинением регенту. Был он по-казачьи строгим, а если кто проявлял неповиновение, угрожал: «Выгоню, запишу, накажу!» Однако в душе был добрым и благородным. Под его палочкой мы успешно справлялись с богатым репертуаром сербских, а в особенности русских песен. У него была особая манера дирижирования – сильно акцентированный постепенный переход с fortissimo на piano и наоборот. Исполнить это было нелегко, но получалось эффектно»[315].

Яков Иванович Шпилевой (1890 – 1978, Сремска-Митровица) преподавал пение и был регентом Донского кадетского корпуса в Боснии, а позднее

314 *Ђаковић Б.* Развој хорског певања у Новом Саду између два светска рата (1918–1941). Нови Сад, 1996. С. 32–33.

315 Цит. по: *Милосављевић З.* Руси у Сремским Карловцима: Трагови који не бледе // *Дневник* (Нови Сад). 2007. Бр. 21864. – 23. децембар.

– в югославских гимназиях. Живко Попов и доктор наук Петр Живкович из Сремска-Митровицы вспоминают:

> «Он преподавал музыку и был регентом в Митровацкой гимназии. До 1941 г. жил в местечке Глина, в Хорватии. Когда хорватские «усташи стали» чинить погромы над православными сербами и когда ими была проведена ужасающая резня сербов, Шпилевому едва удалось избегнуть неминуемого. Стечением обстоятельств он спасся и нашел приют в Сремска-Митровице. По профессии был геодезистом, но вместе с супругой Марией Рудольфовной обожал музыку. Жена давала уроки игры на рояле и балета, а Яков Иванович получил место преподавателя пения в гимназии. В очень короткий срок из митровацких гимназистов им был создан лучший смешанный хор в Воеводине. Одновременно в первые послевоенные годы он с супругой давал много концертов с участием его гимназистов. Эти концерты были едва ли не единственными музыкальными событиями в городе. [...]
>
> Уже в летах, всегда держался прямо, жил для песни и музыки, годами управляя хором учеников, составляя репертуар по сентиментальным воспоминаниям о блестящих прежних русских хорах и на широко разливающиеся мелодии с Волги и Дона. Уделял внимание и сербским сочинениям для хора, превращая каждый концерт в подлинный эстетический праздник… После него такого энтузиаста у гимназии не было. [...] Жил он нашим хором. Я наблюдал его при проверке слуха кандидата в хористы. Шпилевой плавно нажимал на клавиши рояля и напряженно слушал голос ученика. Если голос совпадал с несколькими звуками различных тонов, Яков Иванович светился от счастья и новичка заносил в список.
>
> Спевки регулярно совершались после обеда, на них регент проходил все стадии блаженства и мучений. Под его энергичной рукой песня превращалась в волшебство, и если при открытых окнах классной оказывались прохожие, они останавливались, как околдованные.
>
> Профессор Шпилевой говорил с сильным русским акцентом, его язык напоминал «славяносербский». Мы, ученики, любили слушать его речь, когда он был возбужденным и сердитым. На его уроках всегда что-то происходило. Был он великолепным педагогом с железными нервами»[316].

316 *Попов Ж.* Долазак Руса у Митровицу // *Сунчани сат* (Сремска Митровица). 2006. Бр. 14. С. 52–53.

В 1920-е гг. число русских преподавателей-регентов в школах было большим, чем в 1930-е. В связи с увеличением в стране учеников и провинциальных средних учебных заведений ограниченное в средствах Министерство просвещения упраздняло преподавание музыки и хорового пения и первыми увольняло русских преподавателей, людей без подданства, нанимаемых по контракту на год или на гонорарную работу. Однако преподавание пения и ученические хоры не отменялись в некоторых школах уездных городов и в сербских гимназиях, славившихся своей историей и традициями (Сремски-Карловцы, Крагуевац, Нови-Сад, Вальево).

При ознакомлении с хроникой ежегодных отчетов средних учебных заведений заметно, какую роль в первые годы после Первой мировой войны играли школы в национально-культурном воспитании населения отсталых районов молодого Королевства СХС. Несколько раз в учебном году при школах устраивались торжественные концерты – с лекциями, чтением патриотических стихотворений и выступлением ученического хора, иногда и оркестра. Помимо исполнения государственного гимна, регулярно звучали духовные песнопения. По большим церковным праздникам ученики с русским регентом пели на Св. литургии в местном храме. Лишь в конце 1920-х гг. в репертуаре школьных хоров стали преобладать светские песни.

(Список русских преподавателей-регентов, служивших в средних учебных заведениях Королевства СХС – Югославии, помещен в Приложении II к настоящей статье.)

Церковное пение в русских православных приходах

Решением Св. Архиерейского Синода Сербской Православной Церкви от 18 (31) августа 1921 г. части Русской Церкви, временно оказавшейся на территории Королевства СХС, предоставлялась автономия. С тех пор, вплоть до 7 сентября 1944 г., РПЦЗ имела в Югославии свой временный Св. Архиерейский Синод, Епископский совет, официальную прессу, а также местные русские приходы и священнослужителей. Секретарем Епископского совета при управляющем русскими приходами в Королевстве СХС – Югославии в 1921–1941 гг. состоял А. П. Юденич, ближайший сотрудник митрополита Антония (Храповицкого) по организации церковной жизни русских беженцев.

Приходы РПЦЗ на территории Королевства СХС стали возникать с 1921 г. – в Белграде, Земуне, Сремски-Карловцах, Белой Церкви, Нови-Саде, Панчево, Осиеке, Велики-Бечкереке, Вршаце, Херцег-Нови, Криквенице, Битоле, Сараево. Русские церковные общины (без своего храма и постоянного священника) были в городах Сомбор, Суботица, Велика-Кикинда, Стари и Нови-Бечей. Домовые русские церкви созданы при русских госпиталях, санаториях, домах для престарелых и военно-инвалидных домах, кадетских

корпусах, девичьих институтах и гимназиях, при Кубанской казачьей дивизии – в Белграде, Игало, Вурберге, Сараево, Билече, Горажде, Белой Церкви, Панчево, Нови-Бечее, Велика-Кикинде, имении Белье. Если в римско-католической и мусульманской частях страны существовали православные храмы или монастыри, русские ходили туда и создавали хор – в Дубровнике, Сплите, Загребе, Любляне, Баня-Луке, Мостаре...

В Королевстве СХС во всех русских церковных приходах существовали свои русские хоры. Бывало их и по несколько. Духовный очаг на чужбине и не мыслился иначе как с хором, все равно, из скольких певчих он состоял. Сербская общественность это не всегда понимала и трактовала по-своему. В 1922 г. находим следующую заметку в сербской газете:

> «Русские в Осиеке в одном бараке устроили себе свой храм, в котором будут совершаться богослужения. Митрополит Антоний ездил туда освящать их храм. Говорят, что и русские в Нови-Саде желают оборудовать себе храм, при наличии в городе четырех православных храмов! К чему этот сепаратизм? Разве сербское православие, веками мужественно сопротивлявшееся всем атакам Рима и Австрийского двора, не является достаточно православным для русских братьев?!»[317].

О русских в Сремски-Карловцах местное население вспоминало:

> «В сербских храмах они чувствовали себя неловко, настаивали, чтобы им дали помещение для их, русской, молельни. Им пошли навстречу – отвели погреб старого дворца, плесневый и влажный, в котором патриаршие экономы хранили картофель. Очень скоро русские его превратили в храм, а многочисленные лампочки и свечи осветили его особой одухотворенной красотой. Наподобие гонимой религиозной секты, русские регулярно собирались в этом митрополичьем погребе, наполняя его мистикой, а прежде всего – печалью по утраченной родине»[318].

Русской колонии Нови-Бечея сербы уступили монастырский храм Успения Пресвятой Богородицы XVI в. После двухсот лет запустения храм был полностью восстановлен. В Битоле русские построили деревянный барак – храм Св. Троицы. В Нови-Саде сербский епископ уступил им часовню Св. Василия Великого при своем епархиальном доме.

317 *[б.п.]*. Руска црква у Осеку // *Застава*. 1922. Бр. 101. – 9. мај.

318 *Медаковић Д*. Ефемерис: Хроника једне породице. Нови Сад, 1998. [Т.] 1. С. 219.

Русский храм Св. Архангела Михаила в Велики-Бечкереке размещался в подвальных помещениях здания бывшей турецкой тюрьмы «Мункач», с низкими сводами и решетками на окнах. Церковный хор под управлением Всеволода Линчевского часто давал духовные концерты и ездил по окрестным деревням и городам Воеводины (Нови-Бечей, Конак, Элемир, Бегей, Свети-Джурадж, Меленци, Кумане...). По утрам он обычно пел на литургии в местном храме, а вечером давал концерт, состоящий из духовных песнопений и русских народных песен, выступая в русских национальных костюмах. Особенно выделялись солисты Ксения Ивановна Павлова и Иван Васильевич Ляшко. По поводу 10-летия этого хора рецензент газеты города Суботица отмечал:

> «Русский хор в Велики-Бечкереке качественно настолько вырос, что ему тесными стали стены храма. Люди требовали от них выступать в концертных залах. Хор поставил себе в обязанность знакомить местное население с русской музыкой, желая согреть их души»[319].

Каждый русский приход в стране имел свою жизнь и угасал по приблизительно одинаковым причинам или вследствие различных местных условий и судеб прихожан – массового отъезда русских из города, смерти прихожан, невозможности найти нового русского священника, из-за церковных дрязг и т.д.[320] (Список русских храмов в Королевстве СХС – Югославии и служивших в них регентах помещен в Приложении III к настоящей статье.).

Уже было отмечено своеобразие церковного пения в русском храме Св. Троицы в Белграде. Об этом заботился его многолетний настоятель, протоиерей Петр Беловидов. Считаем уместным привести еще одно высказывание компетентного современника. Архиепископ Харбинский и Маньчжурский Нестор (Анисимов) в своих впечатлениях от путешествия по Югославии в 1934 г. записал:

> «Прекрасно богослужение в русском храме Белграда. Когда накануне праздничного дня, во время Всенощной в храме, переполненном молящимися, отверзаются царские врата и духовенство выходит на середину храма, когда на два хора стройно и строго звучат церковные песнопения с канонархом в старинных церковных знаменных распевах,

319 Цит. по: *Павлов Б.* Руска колонија у Зрењанину: Гостовања и приредбе // *Зрењанин* (Зрењанин). 1995. Бр. 2259. – 25. август.

320 Подробнее о приходах в Воеводине (Северной Сербии) см.: *Арсеньев А. Б.* Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1970-е гг.) // Макарьевские чтения: Материалы Шестой международной конференции (21–23 ноября 2007 г.). Горно-Алтайск, 2007. С. 223–242.

тогда ясно сознает и сердце и ум, что это великая любовь к церкви, к церковному уставу и глубокое понимание его создали эту поразительную духовную стройность при таких скромных условиях.

В Белграде в русском храме знают богослужение, понимают и любят его нетолько священнослужители, но и сами богомольцы, глубоко понимающие каждый момент, каждое значение священнодействия»[321].

Ниже приводим биографические данные о тех регентах и композиторах духовных сочинений, которые удалось обнаружить.

Евгений Прохорович Маслов (1874, Казань – 1953, Лос-Анджелес). Был одним из самых выдающихся русских регентов в Сербии. Михаил Михайлович Родзянко так охарактеризовал его личность и творческое кредо:

«Евгений Прохорович около 60-ти лет славил Господа в песнопениях, которым искусно и со вкусом придавал необыкновенную гармонию. Он говорил, что служба Божия – это дивная симфония, где все должно гармонировать, и возгласы священнослужителя, и пение хора. Эта симфония поднимает молитвенное настроение, молящийся своими мыслями уходит ввысь к Богу, и «всякое ныне житейское отложим попечение» – претворяется в действительность. Евгений Прохорович удивительно умел придать хору ту музыкальность, которая эту симфонию создает. Его хор в Белграде был самый лучший. Концерты, на которых он выступал, собирали громадное количество слушателей и пользовались большим успехом. В торжественные дни Масловский хор приглашался всегда Сербским Патриархом, который его очень ценил.

Одной из отличительных черт в хоровом пении у Евгения Прохоровича было, что все слова молитвенных песнопений были отчетливо слышны с правильной фразировкой и ударением. Особое внимание он обращал на старинные русские напевы. Многое из обиходного пения исполнялось знаменным распевом с самой тщательной отделкой»[322].

Алексей Васильевич Гриньков (Гринков) (1893, Курская губ. – 1966, Земун, пригород Белграда), хормейстер, преподаватель музыки, духовный композитор. С 1912 г. учился в Московской консерватории. Мировая и Гражданская войны помешали ему окончить консерваторию. Алексей Василье-

321 *Нестор, архиеп.* Очерки Югославии: Впечатления путешествия. Харбин, 1935. С. 5.

322 *Родзянко М.* Памяти Е. П. Маслова // *Православная Русь* (Джорданвилль). 1968. № 12. С. 13.

вич проявлял особый интерес к православному духовному пению, являлся приверженцем новой московской композиторской «школы Синодального училища» и считал себя учеником А. Т. Гречанинова. В России, вероятно, еще не был регентом. Остается невыясненным, был ли он участником войны и Белого движения. В начале 1920 г. эвакуировался с Юга России. В марте–мае 1920 г. А. В. Гриньков управлял русским мужским хором в Салониках (Греция), с ноября 1920-го по октябрь 1921-го – мужским хором в русском лагере Тузла (Турция). С октября 1921 г. по апрель 1923-го был регентом русского посольского храма в Буюк-Дере (близ Константинополя). С апреля 1923-го по июль 1925-го преподавал пение и музыку в английском колледже на турецком острове Проти (British High School for Russian Children).

В 1925 г. переехал в Королевство СХС и обосновался в Земуне, городе, в котором проживали около тысячи русских беженцев-эмигрантов. С 1925 по 1929 г. А. В. Гриньков работал преподавателем по классу теории музыки в частном Земунском музыкальном училище Антонины Хростицкой. Одновременно являлся регентом хора русской земунской церкви (храм Св. Архангела Гавриила). Очень скоро смешанный русский хор под управлением Гринькова достиг высокого исполнительского уровня и стал считаться одним из лучших русских хоров в Сербии, давал духовные концерты в столице и других городах.

С марта 1929 г. Алексей Васильевич стал регентом русского хора при сербском Вознесенском храме в Белграде, с которым принимал участие в торжественных богослужениях: перезахоронении останков генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля (1929), погребении убиенного короля Александра I Карагеоргиевича (1934), почивших в Бозе митрополита Киевского и Галицкого Антония (1936) и Патриарха Сербского Варнавы (1937).

Одновременно Гриньков был регентом Хорватского певческого общества «Томислав» в Земуне (Hrvatsko pjevačko društvo «Tomislav», 1930–1944) и дирижером Украинского художественно-драматического общества в Белграде (до 1941), изредка устраивавшего музыкальные вечера. В 1935/36 и 1937/38 учебных годах он преподавал пение в белградской Русско-сербской мужской гимназии. Обладая абсолютным слухом, Алексей Васильевич подрабатывал и как настройщик роялей в Белградской опере (1937–1940).

Регент и педагог, Гриньков занимался не только аранжировками, но и сочинением собственных духовных песнопений. С благословениея митрополита Анастасия его композиция на тексты Литургии св. апостола Иакова исполнялась 23 февраля 1941 г. в русском храме в Земуне. Протоиерей Владислав Неклюдов так оценил это сочинение:

> «А. В. Гринькову удалось найти сочетания звуков, соединившие простоту древности с нашими теперешними музыкальными понятиями. Величавая простота, умилительность, устремленность «горе» от мира, где мы лишь временные гости, мольба о соединении всех во едино, переживания близкого общения с соприсутствующим нам Господом – всё это отразилось в композициях Гринькова»[323].

В собраниях нот при земунских и белградских православных храмах до наших дней сочинения Гринькова не сохранились. Нет их и в Архиве церковного прихода при Русском храме Св. Троицы в Белграде. Однако в США хранятся ноты его песнопений Литургии св. апостола Иакова[324].

Началом Второй мировой войны в Югославии считается бомбардировка Белграда, произошедшая 6 апреля 1941 г., за которой последовали оккупация всей территории страны и ее развал. Белград был оккупирован германским рейхом, а Земун (на противоположном берегу реки Савы) – новосформированным пронацистским образованием, получившим название «Независимое государство Хорватия» (НДХ). Связь между этими городами была затруднена. А. В. Гриньков с супругой продолжал жить в Земуне, оставаясь регентом Хорватского певческого общества.

С 1 ноября 1942 г., на протяжении хорватской оккупации и в первые годы после освобождения Земуна (и восстановления Югославии), Гриньков был директором городского музыкального училища (задуманного как десятилетняя начальная, средняя и высшая школа-консерватория). В этом училище он преподавал теорию музыки, «диктовку», гармонию и управлял хором учеников, наряду с другими русскими педагогами: Георгием Юреневым (пение), Елизаветой Родзянко-Ветер (фортепиано) и Антониной Хростицкой (фортепиано), Иваном Кукуенко (скрипка) и Александром Слатиным (виолончель).

Поскольку во время оккупации страны Гриньков занимал руководящий пост, 1 ноября 1948 г. (вскоре после ухудшения отношений между СССР и Югославией) он был смещен с поста директора и одновременно уволен с места преподавателя музыкальной школы. Однако музыкальная деятельность Алексея Васильевича продолжилась и в социалистической Югославии. С осени 1948 г. он являлся регентом любительских хоров ряда культурно-художественных обществ в Земуне. По всей вероятности, для супругов это был единственный источник скромных доходов. Преданный делу Церкви, Гринь-

323 *Неклюдов В., прот.* Литургия Св. Апостола Иакова в Земуне // *Русский голос* (Белград). 1941. № 515. – 15 февраля.

324 Ноты хранятся у регента Елены Кокс (урожденной Фортунатовой) в Вашингтоне. Автор благодарит С. Г. Звереву за эту ценную информацию.

ков до своей кончины управлял и скромным смешанным русско-сербским хором при храме Св. Архангела Гавриила. Формально «русский церковный приход» в Земуне существовал до 1972 г. Последним его регентом была вдова Гринькова, Ольга Гринькова[325].

Борис Петрович Арсеньев (1908, Дубно, Волынская губ. – 1972, Нови-Сад). По вступлении в 1919 г. в Донской императора Александра III кадетский корпус в Новочеркасске теряет связь с родителями. В 1920 г. с частями корпуса эвакуируется на греческий остров Лемнос, затем в Египет, а летом 1922 г. переправляется в Королевство СХС. Борис Петрович оканчивает этот корпус в 1930 г. и осенью записывается на агрономический факультет Белградского университета. На жизнь подрабатывает игрой в русских эстрадных оркестрах. Одновременно изучает композицию и хоровое дирижирование при музыкальной школе в классе профессора Милое Милоевича, является певчим и регентом церковных хоров в Земуне и Белграде, мужского октета «Ведрал» в Белграде, занимается сочинением и аранжировками духовных песнопений.

Война 1941 г. застает его в городе Велика-Кикинда служащим на конопляном заводе. Жизненные условия не дают возможности окончить университет. По служебному распоряжению в 1949 г. Б. П. Арсеньев с семьей переезжает в Нови-Сад. Тут он продолжает любимое дело – служение Церкви. Рискуя потерять место государственного служащего, он поет и управляет хорами поочередно в трех православных храмах, а в последние годы жизни ездит петь в единственный в стране действующий русский храм Св. Троицы в Белграде.

Ноты его литургических и других музыкальных сочинений были переданы на хранение в Институт музыкознания при Сербской академии наук и искусств в Белграде, а в копиях отправлены в Лондон, регенту Ольге Яковлевне Ильяшевич, хорошей знакомой Бориса Петровича по Белграду. В 1970-е гг. некоторые песнопения исполнялись в одном из русских храмов Лондона, где пела Ольга Яковлевна.

Наиболее значимые духовные сочинения Б. П. Арсеньева: Великая ектенья. «Святый Боже». Сугубая ектенья. Херувимская песнь. «Милость мира».

325 См.: Русская эмиграция 1920–1931. [Альманах]. Белград, 1931. Вып. 2. С. 54–56; Перенесение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. Белград, 1929. С. 26; Руско-српска мушка гимназија у Београду: Извештај за школску 1937–38 годину. Београд, 1938; Православная Русь. 1939. № 23 (277); Первая русско-сербская гимназия, Белград 1920–1944: Памятка. Нью-Йорк; Вашингтон; Сан-Франциско; Каракас; Буэнос-Айрес, 1986. С. 79; *Марковић В.* Православна црква Св. Арх. Гаврила, Земун 1786–1986. Земун, 1986; *Јанковић П.* 65 година Музичке школе «Коста Манојловић» 1939–2004. Земун, 2006. С. 26–32; Православная энциклопедия. Москва, 2006. Т. XIII. С. 120.

«Тебе поем». «Отца и сына». Символ веры. «Достойно есть». «Во царствии Твоем». «Имущи душе моя» (концерт).

Аранжировки-гармонизации Б. П. Арсеньева для мужского хора 1939–1956 гг.: А. А. Архангельский («Утоли болезни», причастен. «К Богородице прилежно», причастен. «Милость мира № 6»). Станислав Бинички («Тебе поем». «Дуси и души». «Отца и сына»). Д. С. Бортнянский («Многая лета»). Песнопения панихиды. А. Е. Туренков («Иже херувимы»). П. И. Турчанинов («Христос воскресе»). «Милость мира» обиходное. «Несть свят», канон, гл. 6, песнь 3. «Благослови, душе моя, Господа» киевского роспева. Трипеснец, гл. 6. «Со святыми упокой» «русское» и др.

Переложения духовных песнопений для мужского хора Борис Петрович делал, вероятно, для нужд вокального октета «Ведрал» или имел намерение создать мужской хор.

Борис Михайлович Моисеев (1896, Москва – 1974, Нови-Сад). В эмиграции – скромный железнодорожный чиновник в пограничном городе Суботице, а после Второй мировой войны – в Нови-Саде. Помимо увлечения живописью и игрой на балалайке, в 1950–1960-е гг. Б. М. Моисеев был регентом русско-сербского смешанного хора при Успенском храме в Нови-Саде. В конце войны Борис Михайлович с супругой Антониной Феликсовной пережил тяжелый удар судьбы: их единственный сын Юрий, юноша, увлекавшийся скаутизмом, был арестован органами НКВД и пропал без вести.

Б. М. Моисеев сочинял духовные песнопения, которые исполнялись его хором в Нови-Саде. Нам удалось обнаружить лишь два его произведения – «Милость мира» (1961) и «Святый Боже».

Николай Федорович Букин (1903, Новочеркасск – 1994, Нови-Сад). Уроженец Дона, сын шорника, инструктора седельной мастерской Новочеркасского юнкерского училища, ученик Александро-Невского реального училища, Н. Ф. Букин еще несовершеннолетним юношей принимал участие в боях в Северной Таврии. Осенью 1920 г. он поступил в Донской Императора Александра III кадетский корпус и на пароходе *Добыча* навсегда покинул родину. Будучи кадетом, в Королевстве СХС выделялся своей выправкой, приятным голосом, актерскими задатками и, как отличный гимнаст, получил призы на Всесокольском слете в Праге в 1927 г. В трудные студенческие годы в Белграде Николай Федорович подрабатывал чернорабочим и участвовал в общественной жизни казачьего зарубежья, избирался атаманом Общеказачьей студенческой станицы.

Оценив его незаурядные певческие данные, бесплатные уроки вокала ему давала чета Бельских – Агриппина Константиновна и Владимир Ивано-

вич, известный либреттист Н. А. Римского-Корсакова, председатель Русского музыкального общества в Белграде. Н. Ф. Букин был солистом (бас) Русского хора Св.-Вознесенского храма в Белграде при регенте А. В. Гринькове.

Окончив университет с дипломом лесного инженера, Николай Федорович состоял на государственной службе и работал во многих районах страны, преимущественно в Боснии. Военные годы он с супругой-врачом прожил в банатской деревне Кларии (близ границы с Румынией). Божьей волей, ему удалось избежать ареста органами НКВД–СМЕРШ-а. Как специалиста-лесовода после войны его направляют в Нови-Сад. Глубоко верующий, патриот былой России, никогда не состоявший членом компартии, Н. Ф. Букин до выхода на пенсию в 1973 г. занимал ответственные посты в управлении хозяйством Автономного края Воеводина. В его гостеприимном домике в Нови-Саде часто по вечерам собиралось русское общество, исполнялись русские и цыганские романсы, казачьи и народные песни под гитару, балалайку и фортепиано, пели и хором.

Обладавший прекрасным голосом и хорошо знавший церковное пение, Николай Федорович оказался последним русским регентом хора Успенского храма в Нови-Саде, а в последние годы жизни был ценным консультантом двух молодых сербских хоровых коллективов, в середине 1980-х гг. возродивших в городе традицию хорового пения в православных храмах.

Русские композиторы православной музыки в Сербии

К сожалению, в XXI в. не под силу собрать больше сведений о музыкально образованных русских, занимавшихся сочинением духовных песнопений, а тем более обнаружить их произведения. Изыскания в ряде государственных архивов и церковных приходах, в которых многие годы сменялись русские регенты, не дали ожидаемых результатов (Белград, Нови-Сад, Земун, Сомбор, Вршац).

Помимо упомянутых композиторов – архиепископа Гавриила (Чепура), епископа Митрофана (Абрамова), игумена Филиппа (И. А. Гарднера), С. М. Наумова, А. В. Гринькова, Б. П. Арсеньева и Б. М. Моисеева – необходимо назвать **Василия Александровича Гаврилова**, преподавателя музыки и регента ученических хоров в сербских гимназиях в Сремска-Митровице, Пожареваце и Земуне. В бытность свою в Пожареваце (1932–1941), недалеко от монастыря Тумане, в котором размещались русские монахи, В. А. Гаврилов в конце 1930-х гг. написал «две партитуры песнопений Литургии Св. Апостола Иакова»[326],

326 См.: Литургия Св. Ап. Иакова в монастыре Тумане в Югославии // *Православная Русь*. 1939. № 23 (277). С. 5.

переведенной и прокомментированной игуменом Филиппом (Гарднером). В статье о совершении этой Литургии в монастыре Тумане читаем:

> «Наряду с В. А. Гавриловым, распевы для древней Литургии по Обиходу разработал отец архимандрит Нафанаил (Поршнев), секретарь Китайской Православной миссии, в военные годы временно проживающий в монастыре Тумане»[327].

Литургические песнопения В. А. Гаврилова и архимандрита Нафанаила довольно часто исполнялись в этой обители. В день памяти св. Апостола Иакова 5 ноября 1939 г. Литургия была отслужена в кафедральном соборе города Пожаревац. Чинодействовал сербский епископ Браничевский Вениамин в сослужении архимандрита Нафанаила (Поршнева), архимандрита Нафанаила (Львова) и священноиноков монастыря. Вскоре эта древняя литургия была совершена и в женском монастыре Нимник, в русском храме Св. Троицы в Белграде, в Сремски-Карловцах и в далеком Шанхае[328].

В нотном хранилище Института музыкознания (Музиколошки институт) при Сербской академии наук и искусств в Белграде среди коллекции нот духовных сочинений Аренского, Архангельского, Бортнянского, Веделя, Виноградова, Воротникова, Гречанинова, Дворецкого, Дубенского, Игнатьева, Ипполитова-Иванова, Львова, Львовского, Смоленского, Соколова, Титова, Туренкова и Чайковского нами обнаружены два произведения В. А. Гаврилова и несколько духовных сочинений Б. М. Добровольского:

В. А. Гаврилов. Служба по усопшим, или Панихида (Парастос), ор. 3, для четырехголосного смешанного хора, составлена по сербским народным (карловацким) напевам. Рукопись, чернила, 41 с. (№ МИ XXXII, Ан 1583).

В. А. Гаврилов. Отпевание (Опело), ор. 4, для четырехголосного смешанного хора. Рукопись, чернила, 20 с. (№ МИ XXXII, Ан 1584).

Б. М. Добровольский. «Иже херувимы», для вокального квартета (сопрано I и II, альта и тенора) и смешанного хора. Издание музыкального общества «Станкович». Хоровой отдел. № 26, 1925. Литография, 6 с. (№ МИ XXX, Ан 1473).

Б.М. Добровольский. Песнопения Литургии («Благословен грядый». «Да исполнятся». «Буди Имя Господне» и др.), для четырехголосного смешанного хора. Издание музыкального общества «Станкович». Хоровой отдел. № 32, 1926. Литография, 4 с. (№ МИ XXX, Ан 1475).

327 *Там же.*
328 *Там же.*

Б. М. Добровольский. «Отче наш». «Хвалите Господа с небес» (вместе с нотами: Дубенский. «Отче наш» и Мокраньяц. «Един свят»). Издание музыкального общества «Станкович». Хоровой отдел. № 33, 1926. Литография, 4 с. (№ МИ XXX, Ан 1476)[329].

Заключение

Вспоминая свое пастырское служение в 1930-е гг. в Белой Церкви, монах Иоанн (Шаховской), впоследствии архиепископ Сан-Францисский, отметил:

> «Оставаясь единой в своих корнях и в своем цветении, церковная жизнь русских за рубежом расслаивалась... Для одних она стала новой радостью свободы и очищением от всех, не только прошлых, неправд и от второстепенных ценностей сего мира. Для других церковная жизнь еще подетски определилась памятью о родине, ее обычаях, воспоминаниями детства»[330].

Действительно, так было в Югославии до и после Второй мировой войны. Сегодня единственным действующим русским храмом в Сербии является храм Св. Троицы при подворье Московского Патриархата в Белграде. У правого клироса старинные русские напевы и многоголосные сочинения поет русско-сербский хор. Большинство прихожан – сербы всех возрастов и соотечественники, прибывшие в Сербию из России и стран ближнего зарубежья.

Русские приходы на территории бывшей Югославии давно прекратили свое существование. Тому было несколько причин: в сентябре 1944 г. Управление РПЦЗ покинуло страну, тяжелый период в истории Сербской Православной Церкви (период ее борьбы за выживание), нежелание русских приходов подчиниться Московской Патриархии, массовые выезды русских из страны (в 1944 и 1949–1955 гг.), вымирание первого и второго поколениq эмиграции, ассимиляция и равнодушие к вере молодых. По переписи населения, проведенной в 2002 г., в Сербии проживали 2588 русских (684 мужчины и 1904 женщины)[331].

---

329 Библиотека факультета музыкального искусства Университета искусств в Белграде хранит одно светское музыкальное произведение Б. М. Добровольского, написанное к юбилею Бранислава Нушича (известного сербского драматурга и государственного деятеля): «Поздрав своме председнику г. Бранисла̀ву Нушићу о прослави његове 60-годишњице живота, 6 новембра 1924. Речи од Ж. М. Пауновића, музика од Б. М. Добровољског» (Издање Музичког друштва «Станковић». Хорски одсек. 1924. № 3. С. 3).

330 *Шаховской Иоанн, архиеп.* Вера и достоверность: Первое служение. Париж: [б.и.], 1982. С. 32.

331 Република Србија. Републички завод за статистику. Попис становништва, домаћинстава и станова у 2002. Београд, 2003. [Т.] 3. С. 21.

За последние два десятилетия почти в каждом городе Сербии возникли молодежные церковные хоры. Большинство из них поет и русские духовные песнопения, записывает их на диски и исполняет на гастролях по странам Европы.

Приводим русские песнопения, записанные на дисках новисадских хоров последних лет:

Хор соборного храма Св. Георгия. Регент Богдан Джакович (записи 1996 г.):

А. Архангельский. Херувимская песнь.

А. Архангельский. «Богородице прилежно» (тропарь Богородице).

Д. Бортнянский – С. Смоленский. «Многая лета».

Г. Ломакин. Херувимская песнь.

Г. Ломакин. «В память вечную будет праведник» (причастен, пс. 112).

И. Дворецкий. «Свете тихий».

А. Фатеев. «Творяй ангелы своя духа» (прокимен в понедельник).

А. Астафьев. «Не умолчим никогда, Богородице» (тропарь Богородице).

Н. Данилин. «О Тебе радуется» (ирмос на Литургии св. Василия Великого).

П. Чесноков. «Благослови, душе моя, Господа», пс. 102.

П. Чесноков. «Тебе поем», соч. 27, № 6.

П. Чесноков. Херувимская песнь, соч. 42.

Н. Кедров. «Блажен муж», пс. 1.

А. Глазунов. «Плотию уснув», светилен Пасхе.

Хор им. св. Стефана Дечанского. Регент Тамара Петиевич:

Бдение русских композиторов (диск 1994 г.):

А. Кастальский. «Благослови, душе моя, Господа», греческого роспева.

С. Смоленский. Великая ектенья. Обиход.

Н. Кедров-сын. «Блажен муж». Обиход.

А. Кастальский. Догматик, гл. 2: «Прийде сень законная», знаменного роспева.

И. Дворецкий. «Свете тихий».

Н. Кедров-сын. Прокимен, гл. 6: «Господь воцарися», знаменного роспева.

С. Смоленский. Сугубая ектенья. Обиход.

П. Турчанинов. «Сподоби, Господи». Напев Киево-Печерской лавры.

С. Смоленский. Просительная ектенья. Обиход.

А. Архангельский. «Ныне отпущаеши».

Н. Кедров-отец. «Отче наш».

А. Архангельский. «Богородице Дево», греческого роспева.

И. Ельцов. Тропарь св. Александру Невскому.

А. Жаворонков. «Буди имя Господне», знаменного роспева.

«Хвалите имя Господне», напев Яблочинского монастыря.

П. Чайковский. «Благословен еси, Господи», малого знаменного роспева.

А. Жаворонков. «От юности моея», гл. 4, греческого роспева.

Н. Кедров-сын. «Воскресни» и «Всякое дыхание», прокимен, гл. 2, знаменного роспева.

«Воскресение Христово видевше», гл. 6. Обиходное.

А. Кастальский. Ирмосы Богородице, гл. 4, песни 1, 3 и 8. Обиход.

«Величит душа моя Господа». Обиход.

П. Чайковский. «Свят Господь Бог наш», гл. 7, знаменного роспева.

Великое славословие. Феофановское.

А. Кастальский. «Днесь спасение миру бысть», знаменного роспева.

А. Архангельский. «Взбранной воеводе».

Многолетствие. Обиход.

В. Титов. «Многая лета».

На других дисках 1997–2002 гг. содержатся следующие записи этого хора:

П. Чайковский. «Благослови, душе моя, Господа», пс. 103, греческого роспева.

«Свете тихий», неизвестный русский автор.

П. Турчанинов. «Сподоби, Господи». Напев Киево-Печерской лавры.

А. Кастальский. «На реках Вавилонских», пс. 137.

П. Чесноков. «Взбранной воеводе». Киевского роспева.

П. Чесноков. Херувимская песнь. Русская «Софрониевская».

А. Архангельский. Канон евхаристии.

А. Кастальский. «Покаяния отверзи ми двери».

Акафист Богородице. Напев Киево-Печерской лавры.

Священник Лисицын. «Разбойника благоразумнаго».

Л. Малашкин. «Не рыдай мене, Мати».

А. Асафьев, А. Глазунов. Пасхальные стихиры и тропари.

И. Смирнов. «Еже прежде солнца». Икос Пасхи, гл. 8, греческого роспева:

«Воскресение Христово видевше». Стихира, гл. 6.

А. Глазунов. «Плотию уснув». Светилен Пасхи, гл. 3, греческого роспева.

«Христос Воскресе», русское.

Д. Бортнянский. «Тебе Бога хвалим».

П. Чесноков. «Заступнице усердная».

П. Турчанинов. «Сподоби, Господи».

Н. Кедров. «Отче наш».

В. Фатеев. «Величание».

Д. Алеманов. «Ликуют ангелы». Стихира на Утрени Рождества.
М. Ипполит-Иванов. «Благослови, душе моя, Господа», пс. 102.
В. Туев. Херувимская песнь.
В. Туев. «Хвалите Господа с небес», соч. 61 (пс. 148).
Акафист Богородице, русское.

Хор «Св. Роман Сладкопоец» храма Св. Петра, Петроварадин.
Регент Евгения Коич (записи 2004 г.):
Д. Бортнянский. Херувимская песнь № 7.
«Под Твою милость», русское.
Г. Давидовский. «Ныне отпущаеши».
А. Косолапов. «Утверди, Боже».
П. Чесноков. Просительная ектенья.
Д. Бортнянский. «Многая лета».

Ежегодно в Сремски-Карловцах проводится летняя школа церковного хорового пения, в которую стекается молодежь из Сербии и стран «сербского зарубежья». Преподавателями курсов являются как музыковеды, сотрудники Сербской академии наук и искусств, так и опытные регенты. В конце занятий хор курсантов дает духовный концерт, включающий и песнопения русских авторов.

Помимо записей на диски и гастролей сербских хоров по европейским фестивалям церковной музыки, на встречах христианской молодежи[332] и гастролей по городам России, русские духовные песнопения повсеместно исполняются на богослужениях. Верующие их считают своими, давно знакомыми, наряду с многоголосными сочинениями К. Станковича, С. Мокраняца, С. Биничкого, С. Христича.

Распространенная среди сербов фраза в связи с церковным пением русских беженцев-эмигрантов: «Так могут только русские!» – не относилась лишь к техническому аспекту исполнительства, а прежде всего к искреннему отношению певчих к красоте богослужения и значимости в нем церковного пения.

По нашему мнению, современные сербские молодежные хоры с годами проходят некоторую «эволюцию» в подборе русского репертуара. От Архангельского, Бортнянского, Веделя, Ломакина, Строкина к Чеснокову, Гречанинову, Кастальскому, Глазунову. Находясь с певчими на клиросе православного храма, регенты обращают большее внимание на подбор духовных песнопений, отходя от «концертного» репертуара к композициям уставного характера, что способствует благолепию богослужений. Предполагаем, причин тут несколько: музыкальное образование регентов, рост исполнительских возможностей хора, усовершенствование вкуса руководителя и хористов, а также и доступность музыкальных записей и нот церковных песнопений, издаваемых в сегодняшней России. Например, хор им. св. Стефана Дечанского в Нови-Саде расширил свой «русский репертуар» благодаря находкам старых нот, некогда принадлежавших местным русским регентам, подаркам от Св.-Сергиевского подворья в Париже[333], копированию нот, помещаемых в *Журнале Московской Патриархии*, подаркам и закупкам в России.

Столь значительная и многогранная деятельность русских регентов в межвоенные годы и в первые десятилетия социалистического периода в Югославии и Сербии оставила заметный след. Они продолжили, сохранили и передали молодым традиции церковного пения, обогатили репертуар русскими песнопениями, создали нотные собрания православных храмов.

---

332 В 1990-е гг. новисадские церковные хоры принимали участие во встречах христианской молодежи в Вене, Милане, Варшаве, Барселоне, Будапеште, Мюнхене, Париже, Вроцлаве, Штутгарте, Норфолке, Нориче.

333 Нотный сборник православного русского церковного пения: В 2 т. Лондон, 1962. Т. 1: Божественная Литургия; 1975. Т. 2, ч. 1: Всенощная. Неизменяемые песнопения.

Приложения

I
Список русских хормейстеров, исполнявших русские духовные песнопения

Владимир Иванович Акиров (1919–1987, Маракаибо, Венесуэла)
Русский хор при храме Успения Пресвятой Богородицы (Земун)
Василий Анисенко (?–1921, Призрен)
Хор при соборном храме (Призрен);
Хор при духовной семинарии (Призрен)
Алексей Николаевич Аплечеев
Хор грекокатолического храма Свв. Петра и Павла (Нови-Сад);
Хор Русинского культурного общества «Максим Горький» (Нови-Сад)
Юрий Иванович Арбатский (1911, Москва – 1963, Нью-Хартфорд, шт. Нью-Йорк, США)
Хор (Лесковац);
Хор (Сремска-Митровица);
Хор римскокатолического костела (Белград);
Первое белградское певческое общество (Белград)
Петр Арбеков
Русский хор при храме Свв. Кирилла и Мефодия (Любляна)
Борис Петрович Арсеньев (1908, Дубно, Волынская губ. – 1972, Нови-Сад)
Земунское певческое общество (Земун);
Хор при храме Св. Николая (Нови-Сад);
Хор при кафедральном соборе Св. Георгия (Нови-Сад)
Павел Иванович Бабаев
Хор 2-й Кубанской казачьей станицы (Белград);
Хор при русском храме Св. Троицы (Белград)
Леонида Базилевич
Хор при храме Покрова Пресвятой Богородицы (Белград)
Владимир Болдырев
Русский хор при храме Свв. Кирилла и Мефодия (Любляна)
Татьяна Алексеевна Борисова, в зам. Елатанцева (1929, Белград – 1998, Загреб)
Русский церковный хор (Загреб)
Николай Федорович Букин (1903, Новочеркасск – 1994, Нови-Сад)
Хор при Успенском храме (Нови-Сад)
Сергей Бунашевич
Церковное певческое общество «Браничево» (Пожаревац)
Иван Введенский (?, Новая Деревня, Тульская губ. – ?)

Церковный хор «Бошко Югович» при храме Св. Троицы (Трстеник);
Хор русской колонии (Ужице)

Дмитрий Николаевич Войнович (1895, Армавир – 1992, Загреб)
Русский церковный хор (Загреб)

Борис Георгиевич Волобуев (1890–1980, Белград)
Хор при духовной семинарии (Сремски-Карловцы)

Иван Алексеевич Гарднер (1898, Севастополь – 1984, Мюнхен, ФРГ)
Хор при духовной семинарии (Цетинье)

Дмитрий Михайлович Гортынский
Первое белградское певческое общество (Белград)

Василий Федорович Григорьев (1884, Екатеринодар – 1970, США)
Русское певческое общество В. Григорьева и К. Перегуды (Нови-Сад)

Константин Григорьев
Русский церковный хор (Загреб)

Алексей Васильевич Гриньков (1893, Курская губ. – 1966, Белград)
Русский хор при сербском Вознесенском храме (Белград);
Русский хор им. Славянского (Белград);
Хорватское певческое общество «Томислав» (Земун);
Хор культурно-просветительского общества «Украинская Громада» (Белград);
Хор монахинь при монастыре Св. Креста (Земун)

Гурьев-Вольский
Русское певческое общество (Белая Церковь)

Иван Алексеевич Гусев
Сербское певческое общество (Белая Церковь);
Сербское певческое общество ремесленников (Белая Церковь)

Степан Георгиевич Гущин (1888, Ахтырка, близ Харькова – 1970, Ниш)
Церковное певческое общество им. Покрова Пресвятой Богородицы (Панчево);
Хор при духовной семинарии (Призрен);
Призренское певческое общество им. Царя Уроша (Призрен);
Хор при Духовной семинарии им. св. Саввы (Белград);
Первое белградское певческое общество (Белград);
Хор культурно-артистического общества «Рабочий» (Белград);
Хор медицинского факультета Белградского университета (Белград);
Рабочий хор «Водопровод» (Белград);
Рабочий хор «Пролетарий» (Белград);
Хор культурно-артистического общества «Абрашевич» (Ниш);
Хор культурно-артистического общества «Станко Паунович» (Ниш);
Хор культурно-артистического общества «Светозар Маркович» (Ниш);

Хор Радио (Ниш);
Хор Национального театра (Ниш);
Хор при сербском соборном храме во имя Сошествия Св. Духа (Ниш)
Джирджан Джугнонов
Хор калмыцкой колонии (Белград)
Полковник Валериан Константинович Дерюгин (1886, Копаево – 1958, Загреб)
Хор при православном храме Св. Преображения (Загреб)
Борис Михайлович Добровольский (1884, Рига),
Певческое общество «Станкович» (Белград);
Русский студенческий хор (Белград);
Сербско-еврейское певческое общество (Белград);
Хор Белградской оперы (Белград);
Церковный хор при храме Св. Александра Невского (Белград);
Церковный хор при храме Св. Николая (Белград).
Григорий Г. Дриго
Русский хор при храме Свв. Кирилла и Мефодия (Любляна);
Русский хор общества «Русский сокол» (Любляна)
Владимир Дудник
Сербское певческое общество (Шабац)
Филипп Дмитриевич Загребельный (1893–?)
Земунское певческое общество (Земун);
Хор культурно-просветительского общества «Украинская Громада» (Белград)
Ген.-май. Николай Леонтьевич Закладный (1867, станица Крымская – 1938, Сплит)
Хор православной капеллы в казарме (Сплит)
Александр Артемьевич Залиев (1898, Владикавказ – ?)
Хор при храме Покрова Пресвятой Богородицы (Белград);
Хор при соборном храме Св. Архангела Михаила (Белград);
Хор при культурно-артист. обществе почтальонов «Джока Павлович» (Белград)
Хрисанф Хрисанфович Зенкевич
Хор при храме Св. Георгия (Сомбор)
Николай Владимирович Капустин (1876–1930, Сомбор)
Хор при храме Св. Георгия (Сомбор);
Сербское певческое общество ремесленников (Сомбор);
Сербское певческое общество земледельцев (Сомбор)
Александр Федорович Качинский (1893, Солгутов, Подольская губ. – 1971, Бостон, США)
Русский хор при Дворцовой часовне Св. Андрея Первозванного (Белград)

Михаил Коколевский

Русский хор при храме Свв. Кирилла и Мефодия (Любляна, Словения)

Борис Викторович Комаревский (1893, Балки, Таврическая губ. – 1945, Загреб)

Церковный хор «Кирилл и Мефодий» (Загреб)

Коровников

Хор при соборном храме (Парачин)

Александр Порфирьевич Космаенко (1888, Александровка – 1945, Загреб)

Русский хор при православном храме Св. Преображения (Загреб)

Протоиерей Михаил Котляревский (?–1972)

Сербский церковный хор (Белград)

Иван Федорович Котов (1904, Лубны, Полтавская губ. – 1941, Алибунар, Банат)

Хор при кафедральном храме (Вршац);

Сербское певческое общество (Вршац)

Анатолий Красовский

Шабацкое певческое общество «Ремесленник» (Шабац)

Степан Дионисиевич Красуцкий (1879, Херсон)

Хор культурно-просветительского общества «Украинская Громада» (Белград)

Николай Николаевич Крутиков (1900, Варшава)

Сербский церковный хор (Белград)

София П. Кулакова

Русский хор при храме Свв. Кирилла и Мефодия (Любляна)

Владимир Курагин

Певческое общество ремесленников (Шабац);

Русский хор при кафедральном храме (Вршац)

Макаров

Церковный хор (Земун)

Сергей Григорьевич Максимов (1904, Владикавказ – 1970, Вашингтон, США)

Русский церковный хор (Земун)

Евгений Прохорович Маслов (1874, Казань – 1953, Лос-Анджелес, США)

Русский хор при Дворцовой часовне Св. Андрея Первозванного (Белград);

Русский хор при сербском храме Успения Пресвятой Богородицы (Земун);

Хор при сербском соборном храме Св. Михаила (Белград)

Медведев

Русский церковный хор (Скопле)

Борис Михайлович Моисеев (1896, Москва – 1974, Нови-Сад)

Церковный хор (Суботица);

Хор при храме Св. Николая (Нови-Сад);

Хор при Успенском храме (Нови-Сад)

Иван Иванович Моисеенко (1892, Плоцк – 1941, Котор)
Русский церковный хор при храме Св. Николая (Котор)
Владимир Алексеевич Мошин (1894, Петербург – 1987, Скопье)
Сербский церковный хор (Копривница);
Сербское церковное певческое общество (Панчево);
Хор при православном храме Св. Преображения (Загреб)
Сергей Алексеевич Мошин (1898, Москва – 1965, Сан-Паулу, Бразилия)
Сербский церковный хор (Копривница);
Сербское певческое общество «Венец» (Панчево)
Сергей Матвеевич Муратов (1893, Москва – 1945, Петроварадин)
Хор при духовной семинарии (Сремски-Карловцы);
Хор учеников при гимназии (Сремски-Карловцы)
Сергей Михайлович Наумов
Хор при духовной семинарии (Битоль);
Хор при соборном храме (Битоль)
Сергей Николаевич
Русское певческое общество «Баян» (Осиек)
Оберемок
Русско-сербский хор при храме Свв. Кирилла и Мефодия (Струмица)
Павел Овсянников
Сербское певческое общество «Вила» (Приедор);
Сербское певческое общество (Шабац)
Кузьма С. Перегуда
Русское певческое общество В. Григорьева и К. Перегуды (Нови-Сад)
Мария Михайловна Подгайная
Городской смешанный хор (Битоль)
Евгений Петрович Поляков (1903, Ташкент – 1980, Санта-Барбара, шт. Калифорния)
Земунское певческое общество (Земун);
Мужской духовный секстет (Белград)
Капитан Прокопрук (Прокопрюк?)
Русский хор при сербском храме (Стара-Пазова)
Павел Григорьевич Проскурников (архим. Петр; ок. 1890–1973, Веессен, Швейцария)
Русский хор при Дворцовой часовне Св. Андрея Первозванного (Белград)
Русский хор при сербском храме Вознесения Пресв. Богородицы (Земун)
Георгий Николаевич Рот (1913–1978, Бингемтон, шт. Нью-Йорк, США)
Русский хор при сербском храме Вознесения Пресв. Богородицы (Земун)

Вениамин Рудько

Хор Кубанской казачьей дивизии (Белище);

Церковное певческое общество «Бранко» (Ниш)

Николай Яковлевич Савченко

Певческое общество чиновников Государственной монополии (Скопье);

Хор при Учительской школе (Скопле);

Певческое общество «Ст. Наумов» (Битоль)

Михаил Александрович Сеньковский

Церковный хор воспитанников Учительской школы (Неготин)

Йосиф Филиппович Середа (1885 – ?)

Русско-сербский церковный хор (Крагуевац)

Владимир Ильич Слатин (1889, Харьков – 1947, Белград)

Хор при Учительской школе (Белград)

Илья Ильич Слатин (1888–?)

Хор им. М. Глинки при Русском музыкальном обществе (Белград)

Поликарп Емельянович Скриль (1897 – после 1941)

Русский церковный хор (Белая Церковь)

С. Р. Сокол

Хор кубанских песенников (Нови-Сад)

Сергей Соколов

Кубанский казачий хор (Белград)

Кузьма Яковлевич Супрунов (1896–1983)

Жичское певческое общество (Прокупле);

Хор при гимназии (Прокупле)

Петр Моисеевич Таран (1892–1973, Санта-Барбара, шт. Калифорния)

Хор при соборном храме (Суботица);

Русское певческое общество «Таран» (Нови-Сад);

Хор при Успенском храме (Нови-Сад)

Андрей Витальевич Тарасьев (р. 1933, Белград)

Хор при кафедре славистики филологического факультета (Белград)

Иван Васильевич Татаркин

Хор при сербском храме (Лесковац)

Василий Александрович Тимофеев (1891, Воронеж – 1942, Белая Церковь)

Хор Немецкого музыкального общества (Белая Церковь);

Хор при гимназии (Белая Церковь)

Анатолий Александрович Траилин (1868, Новочеркасск – 1940, Загреб)

Русский церковно-светский хор (Загреб)

П. Н. Троснянский

Русский церковный хор (Скопле)

Павел Александрович Фигуровский (1889, ст. Упорная, Кубань – 1959, Нови-Сад)

Хор при Соборном храме Св. Георгия (Нови-Сад);
Любительский хор ремесленников «Невен» (Нови-Сад);
Венгерско-немецкий хор (Нови-Сад);
Евангелистическое немецкое певческое общество «Югендхор» (Нови-Сад);
Венгерско-реформатское певческое общество (Нови-Сад);
Хор Новисадского музыкального общества (Нови-Сад)

Владимир Владимирович Фиошин (1883–?)

Певческое общество им. Короля Стефана Дечанского (Княжевац);
Хор Женского ремесленного училища (Княжевац)

Протоиерей Виктор Царевский

Хор при храме Рождества Пресв. Богородицы (Белград, Крепость)

Павел Никифорович Чекалов

Сербское певческое общество (Вршац);
Русское певческое общество (Вршац)
Немецкое Коммерческое хоровое общество «Gewerbe Gesang Verein» (Вршац)

Николай Александрович Шапталенко (1898 – ?)

Русский хор при сербском соборном храме Св. Троицы (Баня-Лука

Яков Иванович Шпилевой (1890–1978, Сремска-Митровица)

Хор при гимназии (Сремска-Митровица)

Виктор Харитонович Щербаков (?–?, Белград)

Русский хор при старом храме Св. Марка (Белград);
Хор при храме Покрова Пресв. Богородицы (Белград);
Хор при храме Св. Лазаря (Белград)

Михаил Юкачинский

Хор музыкального общества «Негош» (Цетинье)

II
Список русских преподавателей-регентов, служивших в средних учебных заведениях Королевства СХС – Югославии

Александр Александрович (Белая Церковь, Суботица, Прокупле, Пожаревац)

Леонида Базилевич (Приштина)

Евгений Евгеньевич Боде-Бодей (Нови-Сад)

Сергей Булашевич (Пожаревац)

Иван Введенский (Трстеник, Кральево)

Николай М. Верушкин (Вршац, Белая Церковь)

Василий Александрович Гаврилов (Сремска-Митровица, Пожаревац, Земун)

Сергей Гольдштейн (Велики-Бечкерек)

Вера Николаевна Горская (Нови-Сад)

Алексей Иванович Гриньков (Земун)

Георгий Константинович Дворжицкий (Србобран, Нови-Врбас)

Михаил Денисенко (Чачак, Приштина)

Феодосий Кузьмич Денисенко (Косовска-Митровица)

Николай Еролимов (Госпич, Вировитица)

Татьяна Дмитриевна Картель (Ниш, Нови-Сад, Сараево)

Яков Павлович Кобец (Нови-Бечей)

Федор Ковалев (Тител)

Коровников (Парачин),

Владимир Кострыкин (Крагуевац)

Александр Андреевич Костюк (Сремска-Митровица, Бечей, Сента, Крагуевац)

Иван Федорович Котов (Вршац)

Григорий В. Кошевой (Битоль, Аранджеловац, Джевджелия, Пирот)

Геннадий Краснов (Свилайнац, Смедеревска-Паланка, Приедор, Баня-Лука, Херцег-Нови)

Алексей Пантелеймонович Кравченко (Даниловград, Печ, Нови-Пазар)

Сергей Красовский (Скопле)

Василий Евремович Кузенко (Шабац, Лозница)

Андрей Николаевич Кузьменко (Белград)

Владимир Курагин (Вальево, Дубровник, Шабац, Лесковац)

Петр Дмитриевич Кучеря (Вранье, Лозница, Свилайнац)

Иван Лазарев (Велики-Бечкерек, Горньи-Милановац, Херцег-Нови, Нови-Пазар)

Игорь Ф. Малинников (Неготин)

Николай Мантулин (Рума)

Константин Матвеев (Неготин)

Игорь Мельницкий (Брчко, Баня-Лука)
Сергей Николаевич Михайлов (Кавадарци, Джевджелия, Штип)
Сергей Матвеевич Муратов (Суботица, Сремски-Карловцы)
Юрий Николаевич Павлишин (Аранджеловац, Ужице)
Дмитрий Сергеевич Перегордиев (Сремски-Карловцы, Врбас)
Михаил Александрович Погодин (Стари-Врбас)
Мария Попова (Велики-Бечкерек)
Клавдия Александровна Роде (Нови-Сад)
Николай Яковлевич Савченко-Сагайдачный (Скопле, Прилеп, Битоль)
Йосиф Середа (Крушевац, Крагуевац)
Николай Николаевич Сивоволов (Србобран)
Михаил А. Синьковский (Неготин, Чачак)
Поликарп Емельянович Скриль (Белая Церковь)
Владимир Ильич Слатин (Белград)
Андрей Слунин (Гнилане)
Георгий Степанов (Суботица, Белая Церковь)
Александр А. Стокасимов (Цариброд)
Кузьма Яковлевич Супрунов (Прокуплье)
Иван Васильевич Татаркин (Лесковац)
Евгений Тимонов (Ягодина)
Василий Александрович Тимофеев (Белая Церковь)
Григорий Васильевич Троценко (Пирот)
Павел Александрович Фигуровский (Нови-Сад)
Владимир Владимирович Фиошин (Княжевац)
Владимир В. Хоризонтов (Никшич, Мостар)
Павел Никифорович Чекалов (Белая Церковь, Мостар)
Акинф Шеремет (Чачак)
Анатолий Шестопалов (Иваница, Свилайнац, Ягодина, Крушевац)
Яков Иванович Шпилевой (Сремска-Митровица)
Александр Григорьевич Шталь (Вршац)
Семен И. Штейн (Тетово)
Иван Штех (Вальево)
Михаил Юкачинский (Цетинье)

III
Список русских храмов в Королевстве СХС – Югославии и служивших в них регентов

Русский храм Св. Троицы (Белград; 1924 и поныне. Здесь и далее в скобках указывается период существования русского храма):

протоиерей Петр Беловидов;
Борис Михайлович Добровольский;
Андрей Николаевич Кузьменко (?–1962, Торонто);
Павел Григорьевич Проскурников (ок. 1890–1973, Веессен, Швейцария);
Леонид Иванович Маслич (регент за «левым клиросом»);
Евгений Прохорович Маслов (?–1953, Лос-Анджелес, США);
протоиерей Владислав Неклюдов (1899, Белый, Смоленская губ. – 1949, Белград);
Александр Федорович Качинский (1893, с. Солгутов, Подольск. губ. – 1971, Бостон);
Григорий Иванович Криволуцкий (1883–1967, Берлин);
Филипп Дмитриевич Загребельный;
Павел Иванович Бабаев;
иподиакон Андрей Витальевич Тарасьев (р. 1933, Белград);
протоиерей Василий Витальевич Тарасьев (1932, Белград – 1996, Белград);
иерей Виталий Васильевич Тарасьев (р. 1960, Белград);
матушка Йоланда Тарасьева (1967–2012, Белград)

Домовой храм Покрова Пресв. Богородицы при Первой (смешанной, позднее: мужской и женской) русско-сербской гимназии (Белград; 1921–1944):

Алексей Васильевич Гриньков;
Сергей Федорович Давиденко (?–1966, Нью-Йорк);
Борис Михайлович Добровольский;
Андрей Николаевич Кузьменко;
Павел Григорьевич Проскурников;
Илья Ильич Слатин (1888–?)

Русская часовня во имя Чудотворной иконы Иверской Богоматери (Белград, Новое кладбище; 1932 и поныне):

Григорий Иванович Криволуцкий;
Михаил Самуилович Чёрный (1875–1939, Белград);
Филипп Дмитриевич Загребельный;
иподиакон Андрей Витальевич Тарасьев;
Андрей Степанович Доич

Домовая церковь при Русском общежитии (Вождовац, район Белграда):
Евгений Объектов

Храм Св. Архангела Гавриила (Земун; 1921–1972):
Сергей Григорьевич Максимов (1904, Владикавказ – 1970, Вашингтон);
Алексей Иванович Гриньков;
Ольга Гринькова
Русский храм Рождества Пресв. Богородицы (Сремски-Карловцы; 1921–1942):
Дмитрий Иванович Попов (1869, Новочеркасск – 1939, Белград);

Русская домовая церковь Св. Великомуч. Георгия (Белая Церковь; 1921–1932):
Иван Алексеевич Гусев (1882–1943, Белая Церковь)

Русский храм Св. Иоанна Богослова (Белая Церковь; 1932–1965):
Иван Алексеевич Гусев;
Поликарп Емельянович Скриль (1897 – после 1941);
Павел Михайлович Поршнев (?–1969, Белая Церковь);
Дмитрий Васильевич Болдырев

Церковь при Николаевском кавалерийском училище (Белая Церковь; 1920–1924):
Регент хора не установлен

Церковь при Мариинском Донском девичьем институте (Белая Церковь; 1921–1941):
Елена Валентиновна Говорова

Церковь при Крымском кадетском корпусе (Стрнишче, Белая Церковь; 1921–1929):
Борис Викторович Комаревский;
Александр Николаевич Пограничный;
Владимир Александрович Тимофеев (1891, Воронеж – 1942, Белая Церковь)

Церковь при Первом русском вел. кн. Константина Константиновича кадетском корпусе (Белая Церковь; 1929–1944):
Александр Николаевич Пограничный;
Василий Александрович Тимофеев

Часовня Св. Василия Великого при архиерейском доме (Нови-Сад; 1922–1955):
Василий Федорович Григорьев (1884–1970, США);
Екатерина Федоровна Мазараки (1888–1965, Нови-Сад);

Григорий Моисеевич Пальчик (1899, Одесса – 1979, Нови-Сад);
Борис Петрович Арсеньев (1908, Дубно, Волынская губ. – 1972, Нови-Сад);

Русский храм Св. Архангела Михаила (Велики-Бечкерек; 1929–1949):
Всеволод Николаевич Лихачевский;
Лидия Николаевна Мирандова;
Анатолий Николаевич Козлов;
В. И. Диденко;
Сергей Адрианович Шишко

Русская домовая церковь Св. Иоанна Златоуста (Вршац; 1921–1932):
Павел Никифорович Чекалов

Храм Всех Святых на Православном кладбище (Вршац; 1932–1944):
Иван Федорович Котов

Церковь при Первой русско-сербской девичьей гимназии с общежитием («Смольный институт») (Велика-Кикинда; 1921–1931):
Андрей Николаевич Кузьменко;
Архиепископ Гавриил (Чепур)

Церковь Свв. Кирилла и Мефодия при Приюте для престарелых Российского общества Красного Креста (Велика-Кикинда; 1929–1952):
регент хора не установлен

Церковь при Харьковском девичьем институте (Нови-Бечей; 1920–1932):
Яков Павлович Кобец;

Храм Успения Пресвятой Богородицы (Нови-Бечей; 1921–1944):
регент хора не установлен

Домовая церковь Св. Николая Мирликийского при Панчевском госпитале-санатории Российского общества Красного Креста (Панчево; 1920–1944):
регент хора не установлен

Русская домовая церковь (Панчево; 1945–1967):
регент хора не установлен

Домовая церковь при Донском императора Александра III кадетском корпусе (Стрнишче, Билече, Горажде; 1921–1933):
Яков Иванович Шпилевой;

Николай М. Верушкин
Домовая русская церковь (Сараево):
Ксения Петровна Камат

Русский храм Св. Троицы (Битоль; 1926–1941):
Григорий В. Кошевой;
Николай Захарьевич Карпов (1884, с. Половецкое – ?);
Сергей Михайлович Наумов

Русский Св.-Богородицкий женский Леснинский монастырь (монастырь Ново-Хопово; 1921–1943), затем: *Введенский женский монастырь* (Сеньяк, район Белграда; 1943–1950):
инокиня Анатолия

Русское братство (с русским типиком и пением) (монастырь Петковица; 1922–1923?):
Епископ Вениамин (Федченков)

Русский мужской монастырь (монастырь Мильково; 1926–1936), затем: монастырь Тумане (1936–1941):
имена монахов-регентов не установлены

Русское иноческое «Братство Честнаго Креста» (бежавшие из оккупированной немцами Сербии русские монахи из монастыря Тумане и русские монахини из монастыря Нимник) (Земун; 1941–1949):
Алексей Васильевич Гриньков

Русский храм Святителя Николая Чудотворца (Цриквеница; 1926–1955):
Богослужения совершались периодически, преимущественно в летний сезон; имена регентов не установлены;

Русский храм-памятник Св. Владимира, на месте гибели около 600 русских военнопленных Первой мировой войны (на перевале Вршич, Словения):
богослужения совершались раз в год; из Любляны приезжали сербский священник и русский хор, регентом бывал Григорий Г. Дриго.

Первая публикация в сборнике:
Русское зарубежье: музыка и православие. Межд. науч. конференции. Москва, 17–19 сентября 2008 г.Москва : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына – ВИКМО-М, 2013. С. 211–283.

Казаки в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии)

Пребывание казачьей общности в эмиграции до сегодняшних дней не привлекало особого внимания историков, социологов и культурологов. Однако, за истекших 80 лет накопилось очень много печатного материала, архивных фондов и создано несколько музеев. Данные о казаках в бывшей Югославии рассеяны в основном в русской эмигрантской периодике, плохо сохранившейся в Сербии. В первые годы местная пресса отмечала деятельность казачьих организаций, преимущественно политическую и культурную. Позднее, такая информация появлялась в печати всё реже, впрочем, как и всё, что было связано с жизнью русской диаспоры.

Постараемся сжато осветить некоторые аспекты жизни казаков в нашей стране.

Прибытие в Королевство СХС казачьих военных подразделений с Дона, Кубани и Терека, небольших групп Астраханских, Уральских казаков и калмыков, а также административных и учебных заведений, как и гражданских лиц с Юга России, – непосредственно было связано с эвакуацией Русской Армии ген. П. Н. Врангеля из черноморских портов в Крыму поздней осенью 1920 года, а позднее – из сборных лагерей в Турции и Греции. Оценивается, что в новоформированной балканской стране обосновалось около 5.000 казаков, из которых примерно 3.500 Кубанских[334].

С первых дней многомесячного пребывания на неопределенном положении, на пустом, ветренном Лемносе и рассредоточенные по лагерям в окрестностях Константинополя, казаки, замерзая в палатках, землянках, овчарнях и в войне разбитых хибарках, выстояли перед ультиматумами французских оккупационных сил. Сравнительно малое число их репатриировалось в Советскую Россию, выехало на поселение в Бразилию или вступило во французский иностранный легион. Большинство из них выжидало исхода эмиссаров ген. Врангеля, ведущих переговоры о переправке трех армейских корпусов Русской Армии (Первого армейского, Донского и Кубанского) в славянские страны. Предыдущие, независимые переговоры казачьих атаманов с Правительством Королевства СХС о поселении казаков на Косово и Метохии, на неустойчивых границах с Албанией, не реализовались.

В мае 1921 г. началась переправа казаков в Болгарию и Сербию. В первом эшелоне, через Салоники и сербский пограничный пункт Гевгели, 1 июля

---

334 *Даватц В. Х., Львов Н. Н.* Русская армия на чужбине. Белград 1923. С. 111; Казаки на Чаталдже и на Лемносе в 1920-1921 гг. Белград 1924. С. 32.

1921 г. прибыли саперные полки Донского и Кубанского корпуса (вместе с полком Первого армейского корпуса, всего 4.000 бойцов). Они были причислены к штату Министерства строительства и направлены на постройку стратегических дорог: Вранье–Босилеград (впоследствии эта коммуникация стала называться «Русский путь»), Гостивар–Дебар, Косовска Митровица–Рашка, Штип–Кочане. С 1926 г. этот эшелон казаков получил работу на шахтах пирита в окрестностях г.Доньи-Милановац, на руднике «Кленовик» возле г.Пожаревац, затем работал на стройках железных дорог Кральево–Рашка и Мала Крсна–Топчидер. Донские казаки строили железные дороги в Бихаче, Босанска-Крупе, а позднее, вместе с Кубанскими – железную дорогу Ормож–Лютомер–Птуй (в Словении).

Во втором транспорте, 9 июля 1921 г., прибыли основные части Кубанской казачьей дивизии, чины Генерального штаба и Гвардия ген. Врангеля (состоялась из 80-ти гвардейцев – Донских казаков и по одному эскадрону Кубанских и Терских). Запорожский казачий эскадрон при 3-м полку Кубанской дивизии прокладывал железную дорогу Ниш–Княжевац, эскадроны Кубанцев-гвардейцев собирали трофеи на полигонах битв Первой мировой войны вблизи г.Битоль и некоторое время служили в составе пограничных войск страны.

После завершения постройки железной дороги в Словении гвардейский дивизион Кубанцев (около 250 казаков) в 1924 г. переехал на постоянное жительство в северные области страны (Бараня и Славония), полным составом поступив на службу к барону Виктору Гутману на сахарный завод имения Браньино-Брдо близ г.Бели-Манастир, на лесозаготовки в Белище и на известное государственное имение Белье[335].

По секретному заданию Военного министерства Королевства СХС в декабре 1924 г. вооруженные и хорошо обмундированные казачьи отряды, вместе с офицерами-добровольцами Русской армии (всего около 1.000 бойцов под командованием полковника Андрея Михайловича Миклашевского), провели успешное военное вторжение в Албанию, из направления Дебар, Призрен и Джаковица. Таким образом, они приняли непосредственное участие в свержении правителя Фан Ноли в Тиране и вступлении Ахмета Бек-Зогу на албанский престол.

До 1926 г. Штаб Кубанской дивизии, во главе с ген.-май. Виктором Эрастовичем Зборовским, был расквартирован в г.Вранье, а затем переехал в г.Пожаревац. Размещенные в друг от друга отдаленных пунктах, части дивизии оставались сплоченными между собой; эта дивизия оставалась единственным военным формированием Русской армии в изгнании, вплоть до 1941 г.

335 О прибытии и размещении казаков в Королевстве СХС см.: *Даватц В. Х., Львов Н. Н.* Русская армия на чужбине. Белград 1923; *Даватц В. Х.* Годы: Очерки пятилетней борьбы. Белград 1924.

сохранившем в Королевстве Югославии не только свою монолитность, но и казачьи военные традиции, боеспособность и форму. Некоторые роты и духовой оркестр дивизии в 20–30-е гг. принимали участие в парадах и торжествах страны[336].

Из Новочеркасска в Королевство СХС прибыли и два средних учебных заведения: Донской Императора Александра III кадетский корпус и Мариинский донской девичий институт. Кадетский корпус был направлен в окрестности м.Стрниште (Словения), вскоре переведен в казармы близ г.Билече, а затем в г.Горажде. В нем закреплялся патриотический казачий дух, хотя не все воспитанники были из казачьей среды. До закрытия этого военного училища в Югославии (в 1933 году) там училось около 600 юношей, из которых свыше 200 впоследствии окончило высшие учебные заведения в Белграде, Загребе, Праге, Брюсселе[337]. Донской девичий институт обосновался в г.Белая Церковь (Банат) и просуществовал до марта 1941 г. Окончило его около 700 воспитанниц[338].

В отличие от основной массы гражданских лиц эмиграции, создавшей во всех уголках страны «русские колонии» (в соответствии с государственным *Положением о русских колониях*, принятым в 1922 г.), казаки, проживавшие вне казачьих военных подразделений, не пожелали подчиняться комитетам русских колоний, а создавали «казачьи станицы», самостоятельно избирая своего представителя – атамана. Такие *станицы*, *хутора* и *курени* в Югославии были трех видов: чисто кубанские, донские и терские, «общеказачьи» (смешанные), и полуподпольные – «вольно-казачьи», возникавшие в 30-е гг. как политические группировки. С годами станицы реорганизовывались, объединялись или прекращали свое существование. Названия они получали по месту расквартирования или по округам (на пример, группировку «Топуско» сочиняли казаки, обосновавшиеся в регионах Карловац, Глина, Петринья, Дубица). Некоторым присваивалось имя выдающегося (походного) атамана – Булавина, Некрасова, Краснова, Кухаренко, Шкуро... Самое большое сосредоточение казачьих станиц было в хлебородной области Воеводина (Северная часть Сербии). Нами установлено, что на протяжении 20-ти лет в стране их было не менее двух сотен (см. Приложение № 1).

Среди казаков проживавших в станицах были развиты солидаризм, патриотизм, лояльность к приютившему их государству и дружеские чувства к местному населению. Если вблизи станицы оказывалась русская колония или другое казачье поселение, царили сотрудничество и терпимость друг к другу. Образованные казаки принимали участие в культурной жизни

336 Альманах Русская эмиграция 1920-1930-е гг. Вып. 1. Белград 1931. С. 62–65.

337 Донской Императора Александра III кадетский корпус. Мадрид, 1974. С. 427–461.

338 Мариинский донской институт. Нью-Йорк, 1975. С. 26–38.

русской эмиграции. В деревнях много казаков-священников оказалось на службе Сербской церкви; казаки были регентами церковных или любительских хоров, учителями начальных школ, инструкторами верховой езды. Традиционно привязанным к земле, казакам на чужбине редко удавалось приобрести собственный участок и заниматься хлебопашеством. Гордость и жизнь в кругу станичников отталкивали казака батрачить в периоды полевых работ. В деревнях и на хуторах охотнее всего они занимались ремеслами или создавали артели-задруги: изготавливали кефир, сыр, пекли хлеб. Казаки со средним образованием, оказавшиеся в воеводинских селах с преобладавшим населением из национальных меньшинств (не всегда лояльным к новой стране сербов, хорватов и словенцев), получили места государственных чиновников, становились писарями, бухгалтерами, землемерами...

Свою личную жизнь они улаживали женидьбой на местных женщинах, чаще вдовах или старых девах, преимущественно на словачках, русинках, немках, венгерках. Такие браки были прочными и многодетными. Детей крестили в православную веру. Какое-такое приданое или имущество жены давали возможность создать собственное хозяйство. Отдаленность от русских культурных очагов и низкий уровень образования казаков способствовали быстрой ассимиляции младшего казачьего поколения.

Станицы, подобно казачьим военным подразделениям, подчинялись своим атаманам и войсковым руководителям. Необходимо отметить, что до 1941 г. Сербия являлась центром Кубанского и Терского казачества на чужбине. Тут жили кубанский походный атаман ген.-май. Вячеслав Григорьевич Науменко (1883–1979) и терский – ген.-лейт. Герасим Андреевич Вдовенко (ок.1865–1945). В Белграде находились «канцелярии» Кубанского и Терского правительств (председателем Кубанского правительства был полк. Михаил Карпович Соломахин, а Терского – военный инженер Евгений Александрович Букановский. Кубанская Краевая рада (парламент) в 20-е гг. заседала в г.Нови-Сад или в Белграде. В Сербии проживал походный атаман Астраханского Казачьего Войска ген.-май. Николай Васильевич Ляхов. Донской атаман ген.-лейт. Африкан Петрович Богаевский (1872–1934) короткое время жил в Белграде, в 1923 г. уехал в Париж, ставший, наряду с Прагой, политическим центром Донского казачества.

С казаками в Королевство СХС прибыло и несколько сотен калмыков с донских степей. Они были направлены на шахты г.Сень, где строили дорогу, позднее большинство их переехало в Мали-Мокри-Луг, тогдашний пригород Белграда, небольшие группы – в банатскую деревню Црепая и в г.Парачин, где они поступили на кирпичный и полотняный заводы. Председателем калмыцкой колонии в Сербии был полк. Абуша Алексеев (1883–1948). В 1929 г. эта этническая общность построила свой буддистский храм, единственный

в Европе, и в эмиграции сохранила свою монолитность, как и в 1942 г., когда почти все белградские калмыки перебрались в банатскую деревню Дебеляча, а оттуда в сентябре 1944 г. по железной дороге эвакуировались на Запад[339].

20-е гг. отличаются миграциями русских беженцев из Королевства СХС в промышленно развитые страны Европы, прежде всего во Францию и Бельгию. Самое многочисленное переселение казаков последовало в мае 1929 г. в южноамериканскую республику Перу. Несколько сот казаков, преимущественно Кубанских, уехало под предводителем ген.-май. Ивана Диомидовича Павличенко. Из Нови-Сада он увез и свою группу казаков-джигитов, вместе с духовым оркестром и танцовщиками[340].

Политическая деятельность

В течение всех побед и поражений «белых» на Юге России возникали трения между Добровольческой армией (позднее – Вооруженные Силы Юга России, а еще позднее – Русская армия), с одной стороны, и казачьих правительств, парламентов и атаманов казачьих войск, с другой. Недоразумения существовали и после Крымской эвакуации, вопреки факту, что еще 22 июня 1920 г. все казачьи атаманы признали верховную военную власть за ген. П. Н. Врангелем. Случалось, представители Объединенного совета Дона, Кубани и Терека игнорировали договоренность с Главнокомандующим Русской армии, который в рядах казаков пользовался уважением и которому бойцы полностью доверяли. Перед отправкой первых транспортов с о.Лемнос, ген. Врангель обратился к казакам письмом-заявлением, в котором заверил их в том, что относительно них будет проявлена та же забота, что и о всей Русской армии[341].

Массовое прибытие военных эшелонов на Балканы совпало по времени с расцветом политической деятельности русской эмиграции в Европе. В июне 1921 г. в Германии состоялся съезд российских монархистов, на котором был создан Высший монархический союз. В Париже действовали тогда еще весьма влиятельные дипломаты Императорской России и руководители кадетской партии, а в Праге – эсеры и группа кубанских сепаратистов, стремившаяся привлечь на свою сторону кубанских казаков обосновавшихся в Югославии и одновременно отторгнуть их от остальных россиян-беженцев[342]. Подобные тенденции позднее проявляли и члены Донского правительства, проживавшие

339 *Хара-Даван Эренжен*. Калмыки в Югославии // *Информация Калмыцкой комиссии культурных работников в Ч.С.Р.* (Прага). 1930, № 1. С. 60; *Борманшинов Араш*. Записки о калмыцкой диаспоре // *Тесгин Герл (Свет в степи)* (Элиста). 1996, № 8. С. 93–99.

340 *Королевич Петр*. История переселения казаков в Республику Перу. Новый Сад, 1930.

341 *Новое время* (Белград). 1921, № 41. – 12 июня.

342 *Новое время*. 1921, № 131. – 1 октября.

в Болгарии и Чехословакии. Бывший донской атаман ген. Петр Николаевич Краснов свои воззвания казакам направлял из Берлина. В начале декабря 1921 г. в Сремски-Карловцах завершил работу Русский всезаграничный церковный собор, повлиявший на новые размежевания в рядах эмиграции. В следующем году на два табора разделились и эмигранты монархической ориентации.

Все эти события нач. 20-х гг. пока еще не оказывали значительное влияние на жизнь казаков в Королевстве СХС. Их станицы – гражданские и военные – были заняты борьбой за существование и улучшение условий жизни. Они одинаково гостеприимно принимали в гости различные делегации, генералов, походных атаманов и казачьих парламентариев, слабо разбираясь в политических веяниях. В конце концов, и они станут заявлять о себе. На сессиях Кубанской Краевой рады 2–3 октября 1921 г. в Нови-Саде резкой критике подвергнута политическая деятельность пражской группы кубанцев и представлена как попытка расторжения единства в казачьих рядах[343]. Кубанский парламент в Нови-Саде заседал и 19–20 февраля 1922 г. На повестке дня проводился анализ работы представителей Рады в других странах, было поддержано формирование ряда общеказачьих организаций и рассматривались финансовые дела. Очередные сессии Рады проводились в Белграде. Заседания Президиума съезда станичных и хуторских атаманов в течении 1922 г. происходили в Нови-Саде[344].

Постепенно, среди казаков все более регулярно распространяется казачья печать, поступающая из Праги, Софии, Парижа и Белграда. С 1921 г. в городке Вранье (Южная Сербия) выпускался бюллетень *Кубанец,* в Белграде – *Кубанский зарубежный вестник* (1923), бюллетень Кубанской канцелярии *Вольная Кубань* (1925), орган Терского правительства *Терский казак на чужбине* (1926) и другие. Нами установлено, что в Югославии выходило более 20-ти казачьих периодических изданий, всего более 340 выпусков (см. Приложение № 2). Все эти издания писали о событиях в казачьих станицах и в центрах, публиковали приказы и призывы атаманов, официального и обязующего характера, своеобразно трактовали политическую жизнь эмиграции, полемизировали с казачьими или военными изданиями различных ориентаций.

Журнал *Наша станица* Белградской кубанской станицы имени атамана Сидора Билого отличался более прогрессивными устремлениями и заботой о молодежи. Членами редакции состояли Павел Иванович Курганский, бывший член Государственной думы, Леонид Владимирович Зверев, собственник книжного магазина в Белграде и полковник Константин Герасимович Булгаков, чиновник Белградского муниципального управления. Журнал

343 *Новое время*. 1921, № 153. – 27 октября.

344 *Новое время*. 1922, № 450. – 25 октября.

размножался на шапирографе, выходил с 1935 по 1938 г. (35 выпусков), был запрещен цензурой.

В сер. 30-х гг. политическая жизнь казаков на чужбине достигла своего апогея. Выкристализовалось пять политических течений, не считая двух–трех молодежных, являющихся казачьими филиалами русских политических партий, возникших в эмиграции.

Первое течение – самое распространенное среди казаков зарубежья. К нему примыкали казаки, проявлявшие лояльность выборным представителям казачьей власти – атаманам монархических определений. Приверженцы этого течения считали, что между казаками и русским народом нет существенной разницы, исключая исторические традиции и специфику уклада жизни. Они отстаивали тезис, что казаки не являются самобытным народом, а лишь одним из сословий России. В вопросах государственного устройства будущей России они на словах были «непредрешенцами» – ни за монархию, ни за республику. Отстаивали позицию, что этот вопрос решается внутри России, а не в изгнании. Сотрудничали с российскими военными, гуманитарными и культурными организациями и создавали свои кружки и общеказачьи трудовые союзы.

Второе течение – демократы-федералисты. Считали, что будущее Казачества в нерасторжимом союзе со свободной, демократической Россией, но лишь на добровольном и федеративном принципах. Выдвигали исконные демократические идеалы Казачества и необходимость его объединения. Это течение составляли приверженцы политиков из структур Кубанской Рады и Объединенного совета (войск) Дона, Кубани и Терека. Непримиримые к некоторым атаманам, обвиняя их в интригах и личных амбициях, они в особенности были враждебно настроены к русским военным и национально-политическим структурам.

Третье течение – казачьи националисты. Казачество они рассматривали не как сословие, не как союз бытовых общин, а как особый народ, отличающийся от русского не только по быту, но и по своей психологии и своей идеологии. Они безоговорочно поддерживали войсковых атаманов, Донской Войсковой Круг и Кубанскую Раду. Большое значение придавали казачьей интеллигенции, должное отдавали истории казачьих полков, но выше ставили казачью историю. Не отрицая больших ошибок в отношении к Казачеству в прошлом, они с уважением относились к России, высоко ценили русскую культуру, считая ее также и свой. Они хорошо ориентировались в современных европейских событиях и были реальными политиками, готовы были сотрудничать со всеми.

Четвертое течение – «вольные казаки», националисты, также считали Казачество народом. Их основным политическим устремлением было осуществление независимости казаков и создание суверенного, объеди-

ненного государства, «Казакии». Признавая институт войсковых атаманов, свое отношение к ним определяли персональной оценкой каждого из лиц. Непримиримые к коммунистам, они охотно вступали в соглашения, блокируясь с теми национальными группировками, которые проводили свою государственную независимость. Это течение не отказывалось от иностранной материальной помощи.

Пятое течение – в него входили казаки-социалисты. Было их немного. Они не имели свои организации, а примыкали к русским социалистам, действовавшим в эмиграции. Это были своеобразные социалисты, так как в казачьем вопросе были большей частью националисты; признавая общее выборное начало, они признавали войсковых атаманов, войсковые круги и Раду, но фактически не поддерживали их. Не придавали особое значение казачьим традициям, хотя и считались с ними[345].

К этому течению можно подвести кружок казаков, проживавших в Скопле, именовавшийся «Рабоче-крестьянской казачьей партией», опубликовавший свою политическую платформу и одно воззвание[346].

Одновременно с ростом политических брожений в рядах российской эмиграции и Казачества, возмужало и молодое поколение, учившееся в Донском кадетском корпусе и в университетах Белграда, Загреба, Праги, Брно, Братиславе, Софии, Брюсселе, Париже. Национально определившиеся, молодые югославские казаки вступали в свои студенческие организации – Загребский студенческий казачий хутор, Союз вольных казачек имени Галины Булавиной и в Белградскую общеказачью студенческую станицу, выпустившую всего один номер своего журнала *Единство*.

Эта молодежь вдохновлялась идеями группы казаков-интеллигентов, объединенных вокруг пражского журнала *Вольное Казачество*, отстаивавшего позиции формирования суверенного государства – *Казакии*. Движение в Праге возглавил кубанский казак, инженер Игнат Билый. Их ловко проводимая пропаганда вызвала новое размежевание в казачьих рядах, что привело к созданию новых, полуподпольных «вольно-казачьих» станиц. В Сербии их было около 15-ти: в Белграде, Суботице, Смедерево, Чуприи, Парачине, Нише, Крагуеваце, Боре, Скопле... В апреле 1935 г. «вольно-казачьему кругу», состоявшемся в Белграде, присутствовало 78 делегатов из многих мест Югославии[347], а свой 5-й Окружной съезд «Вольное казачество» в Югославии провело 4 апреля 1937 г.[348] Под давлением влиятельных деятелей русской эмиграции

345 *Наша станица* (Белград). 1935, №№ 4, 5.

346 Рабоче-крестьянская казачья партия: Всем! Всем! Всем! Доклад 24 февраля 1930 г. Скопле 1930, 73 с.; Рабоче-крестьянская казачья партия. Сборник лекций политической науки. Скопле 1931, 91 с.

347 *Наша станица*. 1935, № 5.

348 Групповое фото делегатов. – Собрание автора.

в Югославии 4 февраля 1938 г. в Белграде были арестованы вольно-казачий атаман Игнат Билый и белградские активисты: Николай Федорович Букин, А. Черный, Павел Сергеевич Поляков, братья Петр и Дмитрий Михайловичи Мерзликины, Димитриенко и несколько членов из провинции. Была конфискована вся казачья литература, проведено следствие. Большинство казаков выпущено, при запрете дальнейшей политической деятельности. В эти дни белградская милиция, в которой русские эмигранты занимали высокие посты, вторглась и в редакцию журнала *Наша станица*. И у них была конфискована часть архива и множильный аппарат, члены редакции подверглись аресту. Журнал прекратил свое существование в Белграде. Новые аресты последовали в июне и сентябре 1938 г. Чернов, Димитриенко и Козлов были высланы за пределы страны[349]. Нетрудно догадаться, что преследование активистов этого движения проводили русские политические организации.

В сер. 30-х гг. группа молодых людей создала казачью секцию при югославянском отделе Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП, позднее – НТС), которая в течение 1936–1937 гг. выпускала свой бюллетень *Сбор*[350].

Политическая деятельность казаков в течение Второй мировой войны, отдельных лиц или военных подразделений, была тесно связана с местными условиями, в которых они оказались, с их личной позицией к событиям, но и с давлением на них влиятельных гражданских и военных лиц русской эмиграции в Югославии. В апреле 1941 г., сразу после вторжения оккупантов, российские эмигранты с югославским гражданством были мобилизованы или записались добровольцами. В их среде было много казаков. Начальник 4-го отдела Русского обще-воинского союза (РОВС), ген. Иван Гаврилович Барбович, вместе с начальником Кубанской казачьей дивизии ген. Зборовским и командиром Гвардейского Казачьего дивизиона полк. Анатолием Ивановичем Рогожиным, весь свой военный потенциал предоставили в распоряжение югославскому Военному командованию[351]. В силу развала армии и молниеносной капитуляции страны, это предложение не реализовалось. Большинство мобилизованных эмигрантов, включая и казаков, попали в германский плен. После нападения Германии на СССР в Сербии формировался «Русский охранный корпус», в который влились казачьи подраздения ген. Зборовского и полк. Рогожина, а перед концом войны – и казачьи

349 *Терский казак* (Белград). 1938, №№ 24, 28, 30.

350 *Сбор*. Орган казачьей секции Югославянского отдела Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП) (Белград). 1936–1937, №№ 1–7.

351 Русский корпус на Балканах во время Второй великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. / Под ред. Д. П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963. С 12; Русский корпус на Балканах во время II великой войны 1941–1945. Воспоминания соратников и документы. Сборник второй. / Под общей редакцией Н. Н. Протопопова и И. Б. Иванова. Санкт-Петербург, 1999. С. 62–63.

отряды, через Румынию прибывшие с Восточного фронта. Принужденные сотрудничать с оккупантами, но и по личным идеологическим мотивам, казаки вмешивались и в гражданскую войну на просторах Югославии. Под натиском Третьего Украинского фронта Красной армии «Русский корпус» отступил на северо-запад и из Словении покинул пределы страны.

Культурная деятельность

Культурную деятельность Казачества на чужбине можно рассматривать из двух планов – как работу видных одиночек: ученых и работников культуры (националистической казачьей или всероссийской направленности), и как работу казачьих организаций и одиночек, ориентировавшихся исключительно на изучение истории и самобытной культуры Казачества. В первые годы в Королевстве СХС преобладал этот второй вид деятельности.

В 1921 г. из Константинополя в Белград переехал Донской казачий архив, в полном объеме с историческим материалом периода гражданской войны на Дону. Он был помещен в залы тогда еще неупорядоченного Военного музея в Белградской крепости (Калемегдан). В марте 1923 г. была создана Донская историческая комиссия, задачи которой состояли в сборе, изучении и публикации архивных материалов. С этого года стали выпускаться периодические сборники *Донской летописи*. Помимо четырех нумерованных толстых тетрадей, в Белграде было опубликовано и несколько отдельных томов[352]. Донской архив, вместе со своей Комиссией, в феврале 1925 г. переехал в Прагу[353].

Подобные исследования проводились и при Кубанской канцелярии, обосновавшейся в Белграде. Их труды публиковались в казачьей и российской военной периодике, а в виде отдельных выпусков печатались тексты патриотической направленности[354]. При этой канцелярии создана и Делегация по охране кубанских военных регалий, знамен и военных трофеев, которые были отданы на временное хранение в Военный музей на Калемегдане. Председателем делегации состоял ген.-лейт. Петр Иванович Кокунько. Ряд казаков-военных ветеранов писали и публиковали свои исследования и воспоминания, связанные с участием казачьих отрядов в битвах Мировой

352 *Сватиков С. Г.* Россия и Дон (1549–1917). Исследования по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924, 592 с.; Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1921–1923 гг. Белград, 1924, 164 с.

353 Русские в Праге. 1918–1928 гг. / Ред. П. С. Постников. Праг, 1928. С. 52.

354 *Синеоков В. Д.* О любви к Отечеству и народная гордость. С казачьей точки зрения. Белград, 1929, 31 с.; *Синеоков В. Д.* Государственное значение Казачества. Белград, 1939, 16 с.

и Гражданской войн. Ген.-май. Евгений Сергеевич Тихоцкий свои труды публиковал в виде брошюр[355].

Часть архива Терского правительства, Канцелярии и Терского казачьего войска (за 1916–1930-е гг.) тоже прибыл в Королевство СХС и хранился на Вилле «Missoni» в Дубровнике, в 1922 г. приобретенной терским атаманом ген. Г. А. Вдовенко. После Второй мировой войны четыре короба материалов этого собрания поступили в Государствееый архив Дубровника (Хорватия).

Своеобразный курьез представляет исследование одного калмыка, доктора медицинских наук, политика, приверженца евразийского движения, Эренжена Хара-Давана (1893–1941), опубликованное на русском языке в 1929 г. в Белграде, под заглавием «Чингис-Хан как полководец и его наследие» – представляющее первое оригинальное произведение одного калмыка, опубликованное после 300 лет калмыцкой истории. С 1929 г. Хара-Даван состоял секретарем Духовно-попечительского совета при буддийском храме, расположенном в деревне Мали-Мокри-Луг (пригород Белграда). Второе издание его книги было опубликовано лишь в 1991 г. в Элисте, столице Калмыцкой автономной области Российской Федерации, тиражом 45 тыс. экз.

Два вида художественной деятельности казаков сохранили по себе живую память до наших дней. Это джигитовки – акробатические выступления на лошадях группы бравых казаков, происходившие на городских ипподромах и деревенских лужайках. Вооруженные казаки, облаченные в военную форму, исполняли и национальные танцы, чаще всего кавказские. Второй вид деятельности – мужские казачьи хоры. Групп джигитов и казачьих хоров было несколько, в Белграде и провинции. После успешных гастролей по Европе некоторые из них не возвратились на Балканы. Выступления известного хора Донских казаков Сергея Жарова, Хора имени атамана Платова, руководимого Николаем Кострюковым, и вокального квартета братьев Кедровых становились событиями концертного сезона избалованной белградской и загребской публики.

До наших дней всё еще не исследована литературная деятельность казаков, осевших в Югославии, а она представляет литературно-историческую ценность. Прозу и поэзию создавало молодое поколение – выпускники русских средних учебных заведений и студенты. В этой среде выделялся безвременно скончавшийся студент Белградского университета Борис Александрович Кундрюцков (1903–1933). Опубликован был его роман «Кожаные люди» (намек на большевиков) и юмористическая повесть»Казак Иван Ильич

355 *Тихоцкий Е. С.* Атака Австро-венгерской конницы на 2-ю сводную казачью дивизию под м.Городок, 4–17 августа 1914 г. Белград [б.г.], 24 с.; *Тихоцкий Е. С.* Памятка 1-го линейного ген. Веньяминова полка Кубанского казачьего войска. Белград, 1938, 20 с.; *Тихоцкиј Јевгениј.* Кубански козаци у Светском рату. [Београд, 1928], 23 с.

Гаморкин»[356]. Поэзию в Белграде писали: Павел (Павло) Сергеевич Поляков (1904–1981), состоявший редактором литературно-политического журнала *Казачья лава* (1937), балерина Людмила Михайловна Костина (1908–1974), Николай Федорович Букин (1903–1994), Николай Николаевич Воробьев (1908–1989), Александр Николаевич Туроверов (1903–1978), Виктор Архипович Иванов (?–1990), Федор Георгиевич Полковников (1904–?), Алексей Львович Персидсков (1903–1944), Иван Иванович Сагацкий (1901–1981), студент Загребского университета Михаил Николаевич Залесский (1905–1979), а из старшего поколения: Иван Михайлович Назаров (1874–1936) и др. Свои стихи они читали на литературных вечерах и публиковали в казачьей периодике – в Париже, Праге, Белграде. Их поэзия проникнута патриотизмом и ностальгией изгнанников по родимому краю и идеализацией казачьей жизни. Реже представлены другие жанры, среди которых встречаются стихотворения, вдохновленные природой и народами Югославии. Ни одному из поэтов не удалось в Югославии опубликовать свой сборник[357]. Однако, в наше время в Ростове-на-Дону увидела свет антология поэзии донских казаков-эмигрантов. В ней представлено 44 поэта, из которых 15 проживало в Югославии[358].

Есауловская Донская казачья станица в селе Томашевац

О жизни и судьбе Кубанских казаков – строителях «Русской дороги» Вранье–Босилеград и Донских казаках, поселившихся в бачской деревне Надаль, в последние годы опубликованы очерки российского журналиста и сербского краеведа[359].

Две донские казачьи станицы в воеводинской области Банат были единственными в мире. Свое название они получили не по местам, в которых обосновались на чужбине, а сохранили изначальное – Есауловская и Верхне-Курмоярская, Второго Донского округа, соседствующие и в Банате – в селах Томашевац и Сакуле (общей численностью до сотни казаков). Из своих станиц казаки двинулись в поход во главе со станичными атаманами, правлением, казной, административными книгами и печатью.

---

356 *Кундрюцков Б. А.* Кожаные люди. Роман в 2-х частях. Часть 1-я. Белград, 1930, 147 с.; *Кундрюцков Б. А.* Казак Иван Ильич Гаморкин. Бесхитростные заметки о нем кума его, Кондрата Евграфовича Кудрявова. Юмористическая повесть. Белград, 1930, 190 с.

357 Поэтические сборники П. Полякова, Н. Воробьева и М. Залесского опубликованы на Западе после Второй мировой войны. Рукописная тетрадь стихотворений Л. Костиной уничтожена соседями по белградской квартире, после ее кончины в Далмации (сообщение Т. К. Николаевой-Марич автору).

358 Родине покинутой молюсь... Хрестоматия. / Составитель К. Н. Хохульников. Ростов-на-Дону, 1994, 143 с.

359 *Ракић Лазар*. Надаљ (до 1945. године). Нови Сад, 1988. С 139-140; *Горелов В.* Русский путь: Проложили наши соотечественники в горах Югославии // *Комсомольская Правда* (Москва). 1991. – 11 июня.

Есауловская имела бурную историю и была одной из самых многочисленных на Дону. Из нее Пугачев высватал себе жену – Софью Недюжину. Перед мировой войной станица имела 37 поселений с общим населением свыше 30-ти тыс. душ. Большинство станичников погибло в войну и революцию. Под натиском большевиков 29 декабря 1919 г. казаки покинули родное пепелище. По пушистому глубокому снегу, беспрерывной цепью, длиною в восемь верст, растянулся транспорт отступающих станичников. Арбы, телеги, сани, запряженные лошадьми и волами, по бокам верховые; многие шли пешком с сумками за плечами. Печальны, угрюмы были лица отступающих; понурив головы, по колена в снегу, шли Есауловцы в изгнание, по временам оборачиваясь на свою родную станицу, крестясь и посылая ей молчаливый прощальный привет.

С великой колокольни храма Св. Архистратига Михаила печально гудел редким перезвоном станичный колокол. На выезде из станицы стоял глубокий старик, с длинной до пояса белой бородой, участник еще Кавказской войны, сподвижник Бакланова. Когда проходили мимо него последние, снял он шапку, перекрестился – и покатились слезы по длинной бороде, замерзая на концах ледяными сосульками...

В эту ночь отступающие переходили Дон по льду, перебираясь на левый берег. Началась беженская Голгофа. Сначала Сальские степи, уже опустевшие, потом неприветливые Ставропольские села, кубанские хутора и станицы, высокие горы Кавказа, голодное Черноморское побережье. Часть казаков села на пароходы и в сопровождении посланных атаманом помощников переехала в Крым, а остальные продолжали свой крестный путь на Туапсе, Сочи, Адлер, Гагры, Сухум, Поти, Батум. Побывали и в Трапезунде, откуда удалось и основной массе станичников, во главе с атаманом, переправиться на Крым.

А там снова переезды – Босфор и, наконец, братская Сербия. С 10 января 1921 г. Есауловцы поселились в селе Томашевац – вместе со станичным атаманом Василием Архиповичем Алфёровым и полным составом Правления. С местным населением свыклись, породнились. Почувствовали себя тепло – благо, и доктор в селе был русским, и в сельском правлении чиновник оказался уроженцем Ростова-на-Дону, и учитель сербской школы – свой же, донской казак.

Так в 30-е гг. об Есауловской станице писал журнал *Иллюстрированная Россия*, публикуя и фрагменты переписки, которая в первые годы эмиграции велась между атаманом в Томашеваце и Канцелярией колхоза на Дону[360]. Приводим пример обмена официальными бумагами начала 20-х гг.:

360 *Н.М. [Николай Мельников].* Станичники на чужбине // *Иллюстрированная Россия* (Париж). 1932, № 41 (387), С.18–19.

На бланке «В.В.Д. (Всевеликое Войско Донское). Есауловский Станичный Атаман Второго Донского округа, село Томашевац, Банат, Сербия» атаман В. А. Алферов сообщением за № 99, пишет «Станисполкому Стеньки-Разинской станицы 2-го Донского округа, Царицынской губернии»:

> Урядник хутора Сизова вверенной мне станицы Федор Анисимович Донсков, переписи 1894 года, 20 декабря в 9 час. вечера от рака желудка умер и 22 того же декабря похоронен на городском кладбище в г.Панчево, Банат, Сербия. На могиле покойного поставлен крест. Оставшееся после его смерти имущество продано с аукционного торга на сумму 190 динар, из них 98 динар 50 п. израсходовано на поминовение покойного, а остальные пока хранятся при Станичном Правлении и при первой возможности будут пересланы наследникам. О вышеизложенном прошу объявить жене и детям покойного. Станичный Атаман Подъесаул Алферов. И.д. Писаря Киреев.
>
> Печать Ст. Правления с изображением оленя, пронзенного на быстром бегу стрелою.

Ответ пришел приблизительно через месяц. Отвечают тоже на бланке: «Р.С.Ф.С.Р. Ст. Разинский Станисполком. 2. Дон. Окр. Цариц. губ. Делопроизв. Административное № 690 на № 99»:

> Есауловскому Станичному Атаману. Сербия. – Стенько-Разинский Станичный Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов, 2. Донского округа, сообщает, что таковым не приняты никакие меры по Вашему отношению, т. к. 22-х тысячное население района станицы (не считая лево-задонские хутора, как отошедшие в Потемкинскую станицу) в 12-й раз переизбранием своим членов Исполнительного Комитета доверило управлять станицей последним, но не Станичному Атаману (как это Вы воображаете), которое не сочли нужным снять с учета того умершего урядника, который числится у Вас по списку Станичного Правления, т. к. нами урядникам учет не ведется, а ведется только тем славным стойким бойцам Рабоче-Крестьянской Армии. Кроме того, при всем желании Исполнительный Комитет в лице 5 человек не мог найти в карте Европы, в частности Сербии, хутора Сизова, вверенного Вам, а значится таковой в Союзе Советских Социалистических Республик – Царицынской губернии. Вместе с тем тов. Алферов (не питайте обиду, что не называем по Вашему чину г. Подъесаул), давно бы уже Вам нужно явиться с повинной головой к Рабоче-Крестьянскому Прави-

тельству и взяться за восстановление хозяйства научным способом, так как Вы уже прошли большую часть земного шара, т.-е. От Востока и до Запада, Сибирь – Сербия, а нам такие люди дороги, и не строить такие ненужные вещи в Вашем отношении. Председатель Ст. Разинского Станичного Исп. Комитета П. Беляев, Секретарь Н. Акользин, Делопроизводитель А. Загудаев.

В. А. Алферов, тем же официальным порядком, указав, что полномочий своих никому не сдавал, уведомил Станисполком: «Сношение Ваше за № 670 мною получено, за приглашение благодарю, но явиться к рабоче-крестьянскому правительству не желаю»[361].

Нам удалось проследить дальнейшую судьбу этой станицы. В 1956 г. на седьмом десятке своих лет атаман В.А. Алферов писал казачке Нестеровой в Швецию:

Многоуважаемая Мария Александровна!

Уведомляем Вас, что письмо Ваше, писанное 11-го апреля, мы получили 16 апреля... Мы живем по-старому в том же селе Томашевац. Старший сын Георгий там же у нас в селе, служит в сельском правлении бухгалтером, а жена его сербка-учительница. Живут от нас отдельно, детей не имеют. Второй сын Александр, инженер-архитектор, находится в Южной Америке, в Аргентине. При нем жена-русская и сын 10-ти лет. Сергей окончил Белградский университет и сейчас служит ветеринарным врачем при трех деревнях недалеко от Бечкерека – Лазарево, Эчка и Деспотовац (бывшее Эрнестиново); еще не женат. Четвертый сын Алексей находится при мне, также не женат. При мне и две дочки – Вера и Надежда. Занимаются шитьем женской одежды, как модистки, еще не выданы замуж.

Мы с женой уже в приклонном возрасте и по старости лет к труду мало способны, но по-малу работаем, имеем свой домик.

Все наши русские из Томашеваца распылились. Остался я один с семьей, да еще один Кубанец в Уздине. Кроме Симона-хромого, кажется, никого там нет. Степан Григорьевич и Мария живут в Сакуле, но давно я их не видел. Илья Филиппович Темарев из Орловата года три как умер, а Феня, его жена, купила дом и живет одна. Было, выдалась замуж за одного старика и разошлась.

С Дона писем никаких не получаем. Кто знал нас – одни состарились, другие поумирали, а молодежь не знает нас. Да и много изме-

361 Там же.

нилось там, в особенности в наших краях. Образовалось Цымлянское море, от станиц Котельниково до Нижне-Чирской. Все хутора: Чапурный, Березки, Балабанский, наша станица – все затоплены, остались только на горе Ремесленная и Острог. Образовалось море из-за того, что в Цымлянской станице построили гидроцентраль. Дон загородили и уровень воды поднялся на 25 метров.

Передавайте наш привет дочке Вашей, кажется Таней звать, и зятью. Думаю, он службу тогда имел в Гардиновце.

Итак, бывайте здоровы,

В. Алферов[362].

Атаман Есауловской скончался в 1961 г., но у повести о станице в Томашеваце имеется продолжение:

Современный историк Дона опубликовал историю прославленной Есауловской и в ней упоминает, что в 1924 г. из-за малого числа казаков станица стала хутором им. Степана Разина, получившим название по известном казаке из ближайшей станицы. Автор не указывает настоящую причину переименования станицы – стереть с земли и забыть непокорную в гражданскую войну Есауловскую, однако ностальгически отмечает, что в 1952 г. воды искусственного Цымлянского озера затопили хутор. Свою работу оканчивает патетическим вопросом: «Где теперь их потомки? Помнят ли имя земли своих предков?»[363].

Через пару месяцев автор настоящих строк отправил на Дон данные о жизни есауловцев в Томашеваце и историков известил о местопребывании детей последнего атамана – архитектора в Аргентине, ветеринарного врача в Зренянине (Банат) и дочери в Томашеваце[364]. А в августе 1997 г. в Нови-Сад прибыло письмо из Чернышевского казачьего музея истории и этнографии Волгородской области, занимающимся культурно-историческим возрождением Казачества на просторах бывшей Есауловской станицы. В нем сообщалось, что старший сын атамана, аргентинец Александр Васильевич Алферов в 1995 г. навестил родной край и в музей передал сохранившийся архив донской и банатской Есауловской станицы. Музей просит прислать географическую карту Сербии, на которой обозначено село Томашевац. Эта просьба была выполнена.

Любовь и верность казаков своей «второй родине», в которой они чувствовали себя как дома, запечатлены в стихотворении бывшего белградца,

362 Письмо В. А. Алферова к М. А. Нестеровой от 23 апреля 1956 г. – Собрание автора.

363 *Данилов И.* Станица Есауловская // *Казачий круг* (Волгоград). 1992, № 9 (21).

364 Письмо из Югославии // *Казачий круг* (Волгоград). 1992, № 17 (29).

Павла Сергеевича Полякова (1904–1981), написанном под конец жизни, в Мюнхене, в его новой эмиграции:

Музе

Пришла ты для последней встречи,
Что ж... вновь с тобою запою
Про скалы дикие Билечи,
Про *мајку Србију* мою.

Меня ты научила петь
О нашей и о сербской славе
И ставил я рыбачью сеть
В Дунай, на Тисе, на Мораве.

Цветков лазоревых огни
У нас не устрашались бури
Цветут и в Сербии они
Зовут их – *косовски божури*.

Где кровь лилась в боях с врагом
Веленьем Праведного Бога,
Для нас и сербов их ковром
Покрылась райская дорога.

Вот этой родине второй
Поставлю памятник навеки –
Я там изведал, молодой,
Добро в хорошем человеке.

И много раз проверил я
Словцо казачее – *братушка* –
Мне лили сербские друзья
Не в рюмку ракию, а в кружку[365].

365 *Поляков П.* Отава. Мюнхен, 1981, С. 55.

Приложение № 1

Перечень казачих поселений в Югославии

Баваништская казачья группа – Бавениште (есаул Федор Ефремов)

Бакарская казачья группа – Бакар (Андрей Слива)

Белградская донская им. Атамана М. П. Богаевского станица – Белград (войсковой старшина Б. Орлов)

Белградская кубанская им. кошевого атамана Сидора Билого станица – Белград (Павел Иванович Курганский)

Белградская общеказачья им. ген.-от-кавалерии Петра Краснова станица – Белград (ген.-май. Николай Михайлович Марков)

Белградская вольно-казачья станица – Белград (А. Черный)

Белградская студенческая общеказачья им. Кондратия Булавина станица (Александр Петрович Беломестнов, Николай Федорович Букин)

Бело-Манастирская кубанская станица – Бели-Манастир

Бело-Церковская общеказачья станица – Белая Церковь (ген.-май. Герман Эрастович Генералов, Яков Глазков)

Бело-Церковский кубанский казачий хутор – Белая Церковь (А. А. Бекетов)

Бело-Церковский вольно-казачий им. Некрасова хутор – Белая Церковь

Битольская кубанская группа – Битоль (врач Семен Никитич Зиберт)

Борская кубанская станица – Бор (полк. Михаил Иванович Свидин)

Борский вольно-казачий хутор им. Рябовола – Бор (Н. Клиш)

Велесский казачий хутор - Велес (Иван Посевин)

Велико-Бечкерекская казачья станица – Велики-Бечкерек (подхорунжий Корнилий Федорович Паливода)

Велико-Бечкерекская им. Кухаренко казачья станица – Велики-Бечкерек (К. Ачмизов)

Верхне-Курмоярская донская станица – Сакуле (Кондрашев)

Вознесенский им. ген. А. Г. Шкуро казачий хутор – Кач (Федор Евдокимович Вакуленко)

Враньская кубанская станица – Вранье (войсковой старшина Петр Дмитриевич Кучерья)

Горне-Милановацкая кубанская станица – Горньи-Милановац (Александр Данилович Лысенко)

Грделицкий кубанский вольно-казачий хутор – Грделица (Е. Кичкар)

Грделицкий казачий хутор – Грделица (Иван Ильич Федаш)

Дебеляченская донская казачья станица – Дебеляча (есаул Сатаров)

Дебеляченский терский хутор – Дебеляча

Доловская казачья группа – Долово (подхорунжий Петр Мирутин)

Есауловская донская казачья станица – Томашевац (Василий Архипович Алферов)

Жабальская азиатская станица – Жабаль (капитан Вербицкий)

Жабальский терский казачий хутор – Жабаль (Константин Беглярович Долуханов)

Загребская общеказачья станица – Загреб (ген.-май. Анатолий Александрович Траилин, ген. Иван А. Поляков, атаманы М. Ф. Шеремет, Семен Мордовин)

Загребский студенческий общеказачьий хутор – Загреб (Александр Дьяков)

Земунский казачий хутор – Земун (полк. Иван Константинович Гопузов)

Идворский донской казачий хутор – Идвор (И. П. Землянухин)

Калмыцкая колония в Белграде – Мали-Мокри-Луг (полк. Абуша Алексеев)

Кнежеви-Виноградская кубанская станица – Кнежеви-Виногради (сотник Атланов)

Княжевацкая терская кубанская станица – Княжевац (ген. Родионов)

Колубарская казачья станица – Колубара

Казачья станица – Српска-Црня

Косовская общеказачья станица – Косовска-Митровица (полк. Диомид Михайлович Михеев)

Кочанский казачий хутор – Кочане (подхорунжий Павел Свирский)

Кочанский вольно-казачий хутор – Кочане (И. Малый)

Крагуевацкая казачья станица – Крагуевац (ген.-лейт. Федор Иванович Горелов)

Крагуевацкий вольно-казачий им. А. И. Калабухова хутор – Крагуевац (Н. Пушкарев)

Крагуевацкий казачий хутор – Крагуевац (ген. Павел Григорьевич Бочаров)

Кральевацкая казачья станица – Кральево (войсковой старшина князь Магомет Кримшамхалов)

Кральевацкая вольно-казачья станица – Кральево (М. Мацко)

Крупаньская казачья станица – Крупань

Крушевацкая кубанская казачья станица – Крушевац (есаул Григорий Трофимович Полонский)

Кубанская казачья группа войскового старшины Петра Федотьевича Калягина – Белград

Кубанская казачья станица – Браньински-Врх (полк. Анатолий Иванович Рогожин)

Кубанская казачья станица – Синь (ген.-лейт. Вячеслав Григорьевич Науменко, ген.-май. Николай Леонтьевич Закладный)

Кубанская команда джигитов – Брчко (подхорунжий Даниил Алексеевич Пьянов)

Кубанская команда джигитов – Господжинци (есаул Иван Никифорович Сиволобов)

Кубанская команда джигитов – Соляне (подхорунжий Африкан Приймак)

Кубанская центральная станица (ген.-лейт. Александр Петрович Филимонов)

Кубанский казачий гвардейский дивизион – Белище (полк. Николай Васильевич Галушкин)

Кумановская казачья станица – Куманово (С. С. Соловьев)

Куцурский казачий хутор – Куцура (И. М. Шевченко)

Лесковацкая кубанская казачья станица – Лесковац

Лесковацкая казачья станица – Лесковац (полк. Иван Степанович Кузуб)

Митровицкая казачья группа – Сремска-Митровица (есаул Василий Евстафьевич Салов)

Мокро-Лужский кубанский казачий куринь – Мали-Мокри-Луг (сотник Максим Андреевич Шеремет)

Мокро-Лужский казачий хутор – Мали-Мокри-Луг (войсковой старшина Савченко)

Надальский донской казачий хутор – Надаль (подхорунжий Алексей Костин)

Нишско-кубанская станица – Ниш (войсковой старшина Владимир Алексеевич Кравченко)

Новосадская имени бригадира Антона Головатого станица – Нови-Сад (полк. Михаил Васильевич Зозулин)

Новосадская кубанская имени кошевого атамана Чепыги станица – Нови- Сад (полк. Александр Андреевич Есаулов)

Новосадская общеказачья станица – Нови-Сад (полк. Петр Иванович Недбаевский, есаул Алексей Михайлович Протопопов)

Новосадский вольно-казачий хутор – Нови-Сад

Обреновацкий казачий хутор – Обреновац (Дионисий Бурло)

Орловатский донской казачий хутор – Орловат (Георгий Васильевич Алферов)

Осьекская кубанская казачья станица – Осьек (сотник П. В. Михайлов)

Охридская казачья группа – Охрид (Иван Ляпин)

Панчевская казачья группа – Панчево (полк. Григорий Алексеевич Дьячевский)

Панчевская вольно-казачья станица – Панчево (Р. Р. Евсюков)

Парачинская кубанская станица – Парачин (есаул Андрей Дорофеевич Дюк)

Парачинский вольно-казачий хутор – Парачин

Парачинский союз вольных казачек – Парачин

Парачинский казачий хутор – Парачин

Петровградский вольно-казачий хутор – Петровград (ранее: Велики Бечкерек)

Прешевская кубанская группа – Прешево (есаул Павел Евстигнеевич Назаренко)

Ральская казачья группа – Раля (Григорий Крапивин)

Рипаньская казачья группа – Рипань (войсковой старшина Иван Степанович Гавриш)

Сараевская казачья станица – Сараево

Скоплянская общеказачья станица – Скопле (Яков Прокофьевич Ковган)

Скоплянский кубанский вольно-казачий хутор – Скопле (В. Сердюк)

Смедеревская кубанская станица – Смедерево (Николай Лукич Гнилозуб)

Смедеревацкий вольно-казачий хутор им. Калабухова – Смедерево (И. Кошкодаев)

Союз вольных казачек им. Галины Булавиной – Белград (Е. Черная)

Союз вольных казачек – Крагуевац

Србобранский общеказачий (молочный) хутор – Србобран (Виктор Виссарионович Баев)

Сремско-Карловацкий казачий хутор – Сремски Карловцы (есаул Александр Тимофеевич Ступников)

Старо-Бечейская казачья станица – Стари-Бечей

Старо-Пазовская казачья группа – Стара-Пазова (В. Е. Зубенко)

Суботицкая общеказачья станица – Суботица (есаул Алексей Михайлович Протопопов)

Суботицкий вольно-казачий им. Бориса Кундрюцкова хутор – Суботица (М. И. Чеботарев)

Суботицкий донской казачий хутор – Суботица (К. Ситников)

Суботицкий кубанский хутор – Суботица (есаул Владимир Михайлович Бедягин)

Топуская казачья станица – Топуско (адмирал Анатолий Алексеевич Кононов)

Ужицкая казачья группа – Ужице (полк. Иван Георгиевич Березлев)

Црепайская донская казачья станица – Црепая (ген.-лейт. Николай Степанович Рудаков)

Чачакский казачий хутор – Чачак (полковник Успенский)

Чуприйская кубанская казачья станица – Чуприя

Чуприйская общеказачья станица – Чуприя (ген.-лейт. Михаил Васильевич Жученков)

Чуприйский вольно-казачий хутор – Чуприя

Чуприйско-Парачинская вольно-казачья станица (Никифор Евсеевич Варавка)

Чуругская казачья станица – Чуруг (урядник Н. Просвиров)

Чуругский донской казачий хутор – Чуруг (Диомид Архипович Литвинов)

Шабацкая кубанская казачья станица – Шабац (Павел Иванович Иконников)

Шабацкий вольно-казачий хутор – Шабац

Ясеново-Брестовацкий казачий хутор – Ясеново / Брестовац (А. А. Дьяконов)

Приложение № 2.

Перечень казачьих периодических изданий в Югославии

1. *Вестник зарубежной Кубани*. Редактор-издатель ген. А. П. Филимонов и П. И. Курганский. Белград. 1925, №№ 1–2.

2. *Вольная Кубань*. Информация Кубанской канцелярии. Белград. 1925. – 1 мая 1928. №№ 1–78. (Позднее: *Кавказский казак*. Информация).

3. *Вольная Кубань*. Издается Кубанской канцелярией. Ежемесячная информация о жизни казаков за рубежом и в родных краях. Редактор М. К. Соломахин. Белград. Март 1936 – 1939. №№ 1(135)–11(145). (Ранее: *Кавказский казак*. Информация).

4. *Донец*. Рукописный журнал кадет Второго Донского Императора Александра III кадетского корпуса. Билече (позднее: Горажде). 1922–1928. №№ 1–21.

5. *Донская летопись*. Сборник материалов по новейшей истории Донского казачества со времени русской революции 1917 года. Издание Донской исторической комиссии. Белград. 1923–1924. №№ 1–4.

6. *Единство*. Оффициоз Белградской общеказачьей студенческой станицы в ведении Правления и литературной коллегии. Ред.-изд. Б. А. Кундрюцков и Н. Ф. Букин. Белград. 2 июня 1931. № 1 (единственный).

7. *За казачье имя*. Белград. 1935–1936. №№ 1–17.

8. *Информация Белградской казачьей им. ген.-от-кавалерии Петра Краснова станицы*. Белград. 1935–1936.

9. *Информация казакам всех казачьих войск*. Издание Правления Кубанского союза. Белград. 1925.

10. *Информация Объединенных правлений Обще-казачьего объединения в Королевстве С.Х.С. и Белградской казачьей имени ген.-от-кавалерии Петра Краснова станицы.* Белград. 1925–1926. №№ 1–7.

11. *Кавказский казак*. Информация. Ежемесячная информация о жизни казачьей за рубежом и в родных краях. Издается Кубанской канцелярией. Редактор М. К. Соломахин. Белград. 1 мая 1929 – 1937. №№ 79–140. (Ранее: *Вольная Кубань*).

12. *Кавказский казак (Кубанец)*. Издается Кубанской канцелярией. Редактор М. К. Соломахин. Белград. Январь/март 1938 – январь/февраль 1939. №№ 141–145. (Ранее: *Кавказский казак*).

13. *Казак*. Рукописный журнал кадет Донского Императора Александра III кадетского корпуса. Билеча. 1924–1926.

14. *Казакия*. Вестник литературного казачьего движения зарубежом. Белград. 1930.

15. *Казачья вольность*. Рукописный журнал группы кадет Донского Императора Александра III кадетского корпуса. Горажде. 1927–1928.

16. *Казачья лава*. Литературно-политический журнал. Ред. П. С. Поляков. Белград. 1937.

17. *Казачье слово*. Двухнедельник. Сербия. 1921–1923.

18. *Кубанец*. Информационный листок. Издание Штаба Кубанской дивизии. Вранье. 1921–1924. №№ 1–177.

19. *Кубанский зарубежный вестник*. Белград. 1923.

20. *Мана санан*. (*Наши мысли*. Калмыкский журнал). Белград. 1932. № 1 (единственный).

21. *Наука и жизнь*. Рукописный журнал. Издание Донского Императора Александра III кадетского корпуса. Ред.-изд. М. Свистунов. Билеча. 1922. №№ 1–2.

22. *Наш хутор*. Хуторское хозяйство, огородничество, садоводство. Редактор А. К. Филиппенко. Белград. 1 мая – 1 июня 1932. №№ 1–3. (Выпускался в виде приложения к журналу *Кавказский казак*. Информация).

23. *Наша станица*. Информационный журнал Кубанской казачьей им. кошевого атамана Сидора Билого станицы в Белграде. Редакционная коллегия: П. И. Курганский, Л. В. Зверев. Белград. 1935–1937. №№ 1–34. (№ 35 вышел в Праге в 1938 г.).

24. *Сбор*. Информационный журнал. Орган казачьей секции Югославянского отдела Национального Союза Нового Поколения. Редакторы Б. Андреев, П. Садовников. Белград. 1936–1937. №№ 1–7.

25. *Терский казак на чужбине*. Официальный орган Терского правительства. Белград. 1926–1929. №№ 1–23.

26. *Терский казак*. Информация Терской канцелярии. Белград. 1 мая 1929 – декабрь 1931. №№ 24–44. (С № 38 выходил в виде приложения в журналу *Кавказский казак*. Информация).

27. *Терский казак*. Ежемесячник. Информация Терской канцелярии. Редактор-издатель инженер Л. В. Гавриленков. Белград. Апрель 1936 – сентябрь 1939. №№ 1–42.

Первая публикация:
Берега: Информационоо-аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 7 / Отв. ред. О. Н. Ильина. Санкт-Петербург : ИКЦ «Русская эмиграция», 2007. С. 3–15.

Белградские русские газеты 1920–1944 годов

С декабря 2008 г. в Белграде стала выходить газета на русском языке – *Русский контакт. Первая газета в Сербии на русском языке*, тираж 2000 экз. (Видимо последний, 10-й номер, был выпущен 20 ноября 2009 г.). Издавали ее российские соотечественники, оказавшиеся в Сербии после «перестройки», «гласности» и развала СССР.

Первая ли? Да, в XXI веке - первая в Сербии, после перерыва в 64 года.

Минувший XX век в Белграде не оскудевал в русских периодических изданиях. Русские беженцы-эмигранты «первой волны», оказавшиеся в гостеприимном славянском королевстве, за 25 лет в одной столице выпустили примерно 230 русских периодических изданий - газет, журналов, бюллетеней. В них соблюдались правила старой орфографии, игнорировалась «советская» реформа правописания. По тематике, превалюировали политика, военное дело, скаутизм-разведчество и религия. В некомплектном виде лишь часть этих периодических изданий сохранилась в библиотеках, архивах и частных коллекциях Белграда, Нови-Сада, Загреба, Москвы, Праги, Парижа...

Остановимся на десяти белградских ежедневных и еженедельных газетах. По нашим подсчетам, с 14 января 1920 по 15 сентября 1944 г. эти издания дали 4.616 выпусков! Не излагая политическую направленность этих газет, а отобрав из них цитаты и любопытные факты, постараемся представить себе облик «русского Белграда» тех лет. В 1921 г. в нем проживало 114.000 жителей, из которых около 7.000 были русские (в 1929 г. в столице проживало 8.374 русских).

Бюллетень. Русско-сербское ежедневное периодическое издание. Издатель: «Русаген» (Русское телеграфное агентство), Кралице Наталие, 33. №№ 1–90, 14 января – 18 мая 1920 г.

Первое белградское русское издание не было эмигрантским. Бюллетень извещал о событиях на фронтах гражданской войны в России, новостях европейской политики, но и о русских беженцах, прибывших в Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Русская газета. Орган независимой мысли. Ежедневная газета. Утреннее издание. Издатели: А. Г. Иоль-де-Монклар и А. А. фон Гоерц. Редакция и контора: Краля Милана, 69. №№ 1–147, 6 мая – 16 ноября 1920 г.

Типография, видимо, была привезена из России. В разгар Советско-польской и гражданской войны в России, своими обзорами и комментариями редактор А. Г. Иоль-де-Монклар навлек недовольство европейских

дипломатов и ген. П. Н. Врангеля. Приведем пару цитат из этой газеты - фактов о «русском Белграде» в 1920 году:

– Первая русско-сербская фабрика кинематографических картин ищет помещение. Василий Иванов. (№ 3);

– В Белграде созданы следующие русские общества: Об-во русских ученых (Таковска, 57), Об-во русских юристов, Русский отдел Об-ва «Славянской взаимности», Русское об-во взаимопомощи, «Руссосерб» Об-во для содействия торговле и промышленности в славянских землях. (№ 5);

– Вышла из печати *Краткая сербская грамматика для русских*. Составитель С. В. Лавров. Издание В. А. Лебедева, цена 3 р. 50 коп. Продается в «Свеславянском книжном магазине», ул.Пуенкаре, 36. (№ 7);

– Создан *Кружок русских журналистов в Белграде*. (№ 10);

– В театре состоится первый спектакль русских артистов п/у режиссера А. А. Верещагина. (№ 12);

– *Русский информационный бюро* открывает деятельность в Белграде. (№ 45);

– Открыта *Библиотека Всероссийского союза городов*, Ресавска, 14. (№ 46).

В газете выходили корреспонденции из провинциальных городов страны, фельетоны. Приводим отрывок шуточного стихотворения анонимного автора:

Герои нашего времени

Был я правоведом,
После бюрократом.
И карьеру делал
Настоящим хватом.

Раньше в Петрограде
Я писал законы,
А теперь в Белграде
Нарушаю оны...

Издание этой первой ежедневной газеты в Белграде прекратилось, как только иссякли средства А. Г. Иоль-де-Монклара.

Возрождение. Орган национального возрождения. Еженедельная газета. Выходит по понедельникам. Издательство «Национальное возрождение». Под редакцией Ал. И. Ксюнина и Н. Е. Егорова. Редакция: Ивковичева, 18. №№ 1–10, 31 октября 1921 – 2 января 1922 г.

Алексей Иванович Ксюнин (1882–1938), журналист, сотрудник петербургской и белградской газеты *Новое время*, вскоре в Белграде стал видным общественным деятелем, был одним из основателей *Союза русских писателей и журналистов в Белграде* и сотрудником сербской газеты Политика.

Новое время. Ежедневная газета. Редактор-издатель М. А. Суворин. Адрес редакции: Битольска, 72, позднее: Кралице Наталие, 21. №№ 1–2853, 22 апреля 1921 – 26 октября 1930 г.

Одна из самых известных и влиятельных ежедневных консервативных газет русских беженцев-эмигрантов в Европе. Газета «возродилась» на капиталы Г. К. Сапожкова, бывшего суконного фабриканта, владельца белградского ресторана «Русская семья». Михаил Алексеевич Суворин (1860–1936) собрал в Белграде многих журналистов, бывших сотрудников петербургской газеты *Новое время* (1868–1917), основателем которой был его отец. Это первая из трех белградских газет, регулярно выходившая более десяти лет. Издание прекратилось из-за банкротства издателя. Приводим несколько любопытных фактов из жизни русских в 1921–1922 годы:

– Донской атаман генерал А. П. Богаевский 26 апреля выехал из Белграда в район г.Нового Сада для посещения живущих там донских казаков. (№ 3);

– В понедельник, 3 мая в г.Панчево состоялось большое церковное торжество. Была привезена епископом Курским Феофаном чудотворная икона Курской Божией Матери. Обедню в соборе служил митрополит Киевский и Галицкий Антоний. (№ 10);

– Приводится список русских профессоров Белградского университета. В 1921 г. их было 38 (включая троих на факультете в Скопле и двух в Суботице). (№ 22);

– Правительством Королевства СХС разрешен и в ближайшее время ожидается приезд в страну чинов Штаба Главнокомандующего Русской Армией, членов Русского Совета в Константинополе и их семей. Всего прибудет более 200 человек. (№ 28);

– В Сербии проживает 7 членов Государственного Совета и 27 членов Госдумы, всех четырех созывов. (№ 51);

– 1-го июля с.г. Е.В. Престолонаследнику Александру был поднесен проект моста через реку Саву в Белграде. Проект составлен князем Л. И. Дондруковым-Изъядиновым, инженерами А. И. Верблюнером и К. П. Мелиоранским в славянском духе, считаясь с символическим значением моста, соединяющего Белград с Земуном, как памятника объединения южных славян в единое государство. (№ 59);

– В Белград прибыла и посетила министра иностранных дел делегация от словенцев, которая просит удалить из войск пограничной стражи служащих там русских, ввиду их чрезвычайной строгости. (№ 242).

Старое время. Орган русской национально-государственной мысли. Еженедельная газета. Выходит каждый понедельник. (С № 58 - два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам, а с № 79 - 1-го и 15-го числа каждого месяца). Ответственный редактор: Дж. Станкович. Редакция: Косовска, 41, позднее: Курсулина, 34. №№ 1–82, 25 сентября/8 октября 1923 – 15/28 сентября 1924 г. Второе, одновременное, издание выходило ежедневно, кроме понедельников и дней послепраздничных. №№ 1–55, 21 января – 30 марта 1924 г.

Русских эта газета привлекала тем, что почти в каждом выпуске имелось бесплатное приложение: ноты русских народных и цыганских песен, романсов, оперных арий и хоров, военных маршей. *Старое время* тоже подробно знакомило читателей с русской жизнью в эмиграции:

– В Королевстве СХС проживает 449 полковников Ивановых, 83 из них живут в Белграде. (№ 5);

– Ген.-майор Свиты ЕИВ Петр Петрович Орлов, три года избиравшийся председателем Белградской русской колонии, уезжает в Париж. (№ 13);

– Описано погребение председателя Госдумы М. В. Родзянко на «Новом кладбище» в Белграде (№ 38), а в № 54 – похороны графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, ученого и общественного деятеля, председательницы *Московского Археологического общества*, доктора Пражского университета.

Последний номер первого издания вышел с загадочным предупреждением: «Расстаемся - это последний номер. Мы начинаем наше новое издание, специально для России».

Царский вестник. Орган народного движения. За восстановление Престола Православного Царя-Самодержца. «За Веру, Царя и Отечество». Выходит по воскресеньям. (С № 135 - два раза в неделю, с № 149 - ежедневно, кроме понедельников, с № 243 - по воскресеньям). Редактор-издатель Н. П. Рклицкий. Редакция: Балканска, 21. №№ 1–720, 19 августа 1928 - 28 июля 1940 г.

Монархическая газета, выходила как продолжение газеты «Русский военный вестник» (1925–1928), а после 13-ти лет продолжившая существование под названием «Русский народный вестник» (№№ 1–30, 2/15 сентябрь 1940 – 6 апреля 1941 г.). Все три издания редактировал Николай Павлович Рклицкий (1892–1972), юрист, окончивший и Богословский факультет в Белграде, член-основатель *Белградского православного молодежного кружка*.

В 1940 г. принял монашеский постриг, позднее в США стал архиепископом Никоном.

Русский голос. Национальная, общественная и военная еженедельная газета. Редактор: В. М. Пронин. Представитель издательской группы: В. Н. Полтавцев. Редакция и контора: Кралице Наталие, 88. №№ 1–522, 12 апреля 1931 – 6 апреля 1941 г. (последний номер вышел в день германской бомбардировки Белграда).

Полковник Генштаба Василий Михайлович Пронин (1882–1965) еще в Крыму редактировал газету *Военный голос*. В Белграде служил в *Державной комиссии по делам русских беженцев*, был основателем *Общества ревнителей военных знаний*, редакор *Военного сборника* (1921–1930), член-учредитель *Русского военно-научного института в Белграде*. После войны жил в Сан-Паулу (Бразилия).

За десять лет своего существования, *Русский голос* издавался на средства Державной комиссии и отражал многостороннюю общественную деятельность русских. Приводим несколько в ней опубликованных фактов 1939–1941 годов:

– Лекции *Русского научного института*: 7 марта 1939 г.: Курс П. Б. Струве «История общественных и политических движений в России XIX и XX вв.»; 8 марта: Б. А. Велихов. «Вклад Л. И. Петражицкого в общее учение о праве». (№ 413);

– От имени ЕИВ Вел. Кн. Владимира Кирилловича управлением *Российского общества Красного креста* получено для кикиндского старческого приюта - 18 мужских рубашек, 2 куска бязи и некоторое количество других материй. (№ 442);

– Чугуевские Императрицы Марии Федоровны уланы объявляют, что 1–14 октября, в день полкового праздника и исполняющегося 300-летия родного полка, в русском храме г.Белая Церковь будет отслужен молебен с поминовением усопших Императора Николая II и Вел. Кн. Николая Николаевича, ген. Врангеля и ген. Кутепова и всех господ офицеров и улан за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших, в гражданской смуте убиенных и в мире скончавшихся. (№ 443);

– Русский биоскоп «Дрина», ул.Князя Павла, 70. (№ 453);

– В субботу, 1-го июня 1940 г. в Русском доме закрытие театрального сезона: «Горе от ума в Белграде». Пародия-сатира Грибоедова-внука. Режиссер Ю. Л. Ракитин. Участвует 25 артистов Русского театра. (№ 478);

– Югославия и СССР: Югославия признала советское правительство. Посланником в Москву назначен сенатор [Милан] Гаврилович, пред-

седатель Земледельческой партии; советским посланником в Белграде - [В. А.] Плотников, перемещенный из Норвегии. (№ 482, 30 июня 1940);
– 1-го июля 1940 г. исполнилось 20 лет, как существует русская основная школа в Белграде. (№ 483);
– Во Франции скончались две большие русские газеты: *Последние новости* и *Возрождение*. П. Н. Милюков из Парижа бежал в Америку к А. Ф. Керенскому, недавно очень выгодно женившемуся на богатой американке. На всю русскую эмиграцию в Европе - две еженедельные газеты в Белграде и только одна в Берлине. (№ 487);
– Гибель русского летчика Владимира Ивановича Стрижевского, пионера югославской гражданской авиации, в прошлом - героя Мировой войны. (№ 491);
– Музей русской эмиграции в Королевстве Югославии находится в Русском доме Императора Николая II. Цель: собирание сведений о деятельности и жизни русской эмиграции в Югославии и хранение произведений их творчества (экспонаты русских школ, отчеты русских обществ, фотографии, собрания русских книг, изданных в Югославии, собрание картин и скульптур). (№ 506);
– В театральном зале Русского дома 2 февраля 1941 г. состоится первый спектакль Злободневного юмористического театра «Белая ворона». В программе: Предсказания Нострадамуса на 1941 год, скетчи, пародия-буффонада. (№ 512);
– Литературная комиссия Союза русских писателей и журналистов 7 февраля 1941 г. устраивает в студии Русского дома Интимный литературный вечер (доклад, рассказ, эссе, стихи, музыкальное отделение). (№ 513).

Германская оккупация Сербии и расчленение Югославии соседними пронацистскими странами лишь временно приостановили выпуск русских газет в Белграде. Военная суматоха и скорое нападение Германии на СССР вызвали размежевание в рядах русской эмиграции, многие русские организации прекратили свое существование. Материальное положение и юридический статус русских осложнились. В Белграде было открыто *Бюро по делам русских беженцев*. Его начальником оказался честный, но своенравный и политически недальновидный генерал М. Ф. Скородумов. Не получив поддержки от сербской комендатуры, он обратился к германским военным властям. В сентябре 1941 г. в Белграде был сформирован *Русский охранный корпус*, подчиненный германскому хозяйственному управлению в Сербии, и, как вскоре оказалось – с целью охранять коммуникации, заводы, склады.

Позднее, он принимал участие в боях с сербскими воинскими группировками: партизанами-коммунистами и «четниками»-монархистами.

В годы оккупации в Белграде издавались три русские газеты:

Ведомости охранной группы. Выходит еженедельно. Ответственный редактор: В. К. Иванов-Гордовский. Главный редактор: Е. Э. Месснер Редакция: Кралице Наталие, 33. №№ 1–75, 23 декабря 1941 – 26 мая 1943 г.

Евгений Эдуардович Месснер (1891–1974), полковник Генштаба, военный журналист, последний начальник штаба Корниловской ударной дивизии. Сотрудник журнала *Часовой*, преподаватель *Высших военно-научных курсов в Белграде*. После войны жил в Буэнос-Айресе.

Приводим пару цитат из этого издания:

– С сегодняшнего номера газеты отказываемся от буквы «Ъ» в конце слов, в целях экономии места. (№ 14, 26 марта 1942 г.);

– Состоится шестая лекция генерала [М. В.] Глаголева о национал-социализме. (№ 19);

– Выставка русских художников откроется 2-го августа в павильоне «Цвиета Зузорич» на Калемегдане. Будут представлены работы 24-х художников. (№ 32);

– Общество русских сценических деятелей устраивает свой очередной, седьмой спектакль: фарс «Княгиня Капучидзе», режиссер О. П. Миклашевский. (№ 35).

Новый путь. Еженедельный информативный орган Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии. Редактор: Б. К. Ганусовский. Редакция: Краля Милана, 12 (здание бывшей Российской миссии в Белграде). №№ 1–47; 1(48)–21(68), 8 февраля 1942 – 30 мая 1943 г.

Борис Казимирович Ганусовский (1906–1993), выпускник Крымского кадетского корпуса в Югославии, работал шофером, агентом по продаже автомобилей и электроприборов. Издатель юмористического журнала *Бух!* (1930–1936), журналист. В конце войны вступил в 15-й казачий кавалерийский корпус (в мае 1945 г. англичанами был выдан советским органам НКВД). Ганусовский десять лет был узником ГУЛАГ-а в Заполярье. Почти слепым освобожден и выпущен в Австрию, обосновался в США. Ослепший в 1986 г., скончался в г.Сен-Пол (штат Миннесота).

В передовице первого номера газеты редактор писал: «Чье сердце не бьется чаще, при мысли о возможном возвращении на Родину! О чем другом думают, говорят и мечтают в эмиграции!? Но, увы, почему-то большинство возможное возвращение представляет себе несколько странно, видимо до сих пор еще считают себя *беженцами*, о которых кто то должен заботиться.

Задают странные вопросы, вроде: *почему до сих пор* не повезли в Россию ... *повезут ли нас весной, или только летом*».

– С 11 по 31 декабря (1941 г.) русские в Белграде являлись в Бюро для проверки документов. Их оказалось около 6.000, пока как во время регистрации, летом 1941 г., явилось около 11.000 человек. (№ 1);

– С октября 1941 г. на территории Сербии работают следующие школы: основная школа в Русском доме в Белграде (313 детей) и Детский сад, Панчевская начальная школа (50 детей), начальная школа на Руднике Бор (30 детей), Русская гимназия в Русском доме в Белграде - мужская (237 учеников) и женская (256 учениц), Кадетский корпус в Белой Церкви (270 кадет), всего 1.156 учеников и учениц. (№ 2);

– Список русских колоний в Сербии, с указанием количества проживающих в них русских: Белград (6.500), Ниш (710), Панчево (425), Петровград (ныне: Зренянин, 302), Белая Церковь (294), Бор (185), Вел. Кикинда (207), Вршац (164), Заечар (128), Косовска-Митровица (218), Крагуевац (170), Крушевац (135), Лесковац (103), Пожаревац (124), Смедерево (163), Шабац (116) и т.д. (№ 3);

– Немного статистики: Русских в Королевстве СХС в 1921 г. было около 45.000, до 1940 г. выехало и умерло 13.500; в 1940 г. в Югославии проживало 31.500 русских. После начала войны на территории Сербии осталось 21.650 русских. В течение 1941 г. и первых трех месяцев 1942 г. выехало на работу в Германию около 2.500. В апреле 1942 г. в Сербии 19.150 русских (в Белграде их 7.913). (№ 8–9);

– Согласно приказу № 334, в Белграде организована обязательная трудовая сельско-хозяйственная повинность для всех русских эмигрантов обоего пола - отработать минимум шесть дней. Лица, отбывшие повинность личной работой приобретают право на получение продуктов из продовольственных распределителей, в первую очередь и по себестоимости. (№ 14);

– Русское трудовое поле стало приносить плоды. (№ 29, 23 августа 1942 г.);

– В столовой Русского бюро выдают в день почти 1.500 обедов (в здании бывшей Российской миссии). (№ 33);

– *Русская публичная библиотека* в 1942 г. хранит примерно 100.000 книг. (№ 36);

– Приводится список 18-ти русских организаций в оккупированном Белграде: школы, библиотека, столовая, Общество сценических деятелей, общежития (старческие, студенческие, духовенства), редакция газеты, мастерская игрушек... (№ 44);

– В номере от 9 мая 1943 г. газета отмечает: «Белград за последний год заметно растаял и сильно переменился персонально... Белградский

период эмиграции явно клонится к своему завершению и становится материалом для исторических изысканий».

В последнем № 21(68) от 30 мая 1943 г. отмечалось, что газета сливается с газетой *Ведомости Русского охранного корпуса*. И так, в Белграде стала выходить последняя «эмигрантская газета»:

Русское дело. Еженедельная русская газета. (С № 17/18 за 1944 г. - два раза в неделю). Редактор-издатель: К. К. Миллер. Редакция: Краля Милана, 12. №№ 1–30; 1/2 (31/32)–70, 6 июня 1943 – 15 сентября 1944 г.

Предвидя скорый исход войны, большинство сотрудников этой газеты свои статьи подписывали инициалами и псевдонимами.

В заключение, отметим любопытный феномен: После Второй мировой войны большинство русских, которым Югославия была «второй родиной», после мытарств по лагерям перемещенных лиц, обосновалось на более гостеприимных континентах, чем тогдашняя Европа, опустошенная и морально приниженная. В своих «третьих родинах» именно они, эти «сербские», «белградские» русские были основателями и редакторами русских газет:

Двадцать лет белградская журналистка Ариадна Ивановна Степанова-Делианич (1909–1981) редактировала ежедневную газету *Наша жизнь* (Сан-Франциско). Первую русскую австралийскую еженедельную газету *Единение* (Мельбурн) основал и редактировал белградец Владимир Павлович Комаров (1882–1952), позднее газета была в руках белградца Юрия Константиновича Амосова. Русскую двухнедельную газету *Наша страна* (Буэнос-Айрес) пятнадцать лет издавала и редактировала белградка Татьяна Владимировна Киреева-Дубровская (1924–1982), а затем издавал ее брат, Михаил Владимирович Киреев (1923–2009), выпускник Русско-сербской гимназии в Белграде. Многолетним редактором известной еженедельной газеты *Русская мысль* (Париж) была тоже выпускница этой гимназии, Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти (1924–2000). Выходцы из Югославии редактировали и франкфуртские журналы *Грани* и *Посев*, периодику выпускников русских учебных заведений, сокольских и скаутских-разведческих обществ, ветеранов Первой и Второй мировых войн и периодику многочисленных зарубежных епархий Русской православной церкви, издававшуюся в США, Канаде, Венесуэле, Аргентине, Франции, Бельгии, Германии.

Первая публикация:
Русский контакт. Первая газета
в Сербии на русском языке (Белград).
2009. № 4. – 18 матра. С. 10–11.

Русские театральные труппы в Белграде (1921–1944 гг.)

Эмиграция с собой за границу привезла не только высшие достижения русской культуры, но и традиции – праздники, обычаи, культ хорового пения и сценического искусства. Объединяясь вокруг своих церковных приходов, учебных заведений, библиотек, столовых, артистических кружков, во многих «русских колониях» Королевства сербов, хорватов и словенцев возникли и любительские драматические труппы (в Дубровнике, Херцег-Нови, Суботице, Нише, Нови-Саде, Загребе, Сараево, Крагуеваце...).

За 25 лет насыщенной культурной жизни русских в Белграде, в котором их обосновалось около 10-ти тысяч, русское сценическое искусство было представлено в различных видах: гастролями профессиональных трупп, работой русских режиссеров на югославских сценах, русскими театральными труппами и любительскими спектаклями при каком-либо русском объединении, школе или молодежной организации.

Из гастрольных выступлений в Белграде необходимо выделить приезды артистов МХТ-а (в 1920–1921 гг.); «Пражской труппы» МХТ-а (в 1924, 1925, 1929, 1930 и 1931 гг.), гастроли труппы «Гнездо перелетных птиц» Аркадия Аверченко (1922 г.) и других более или менее известных трупп и актеров – Марии Жегаловой-Знаменской, Марии Ведринской, Владимира Гайдарова и Ольги Гзовской, Тамары Дейкархановой, Елены Полевицкой, Александра Сибирякова и Михаила Муратова; труппы «Синяя птица» Якова Южного и др.

Русский репертуар и достижения русского сценического искусства на сценах югославской столицы представляли режиссеры Юрий Ракитин, Александр Верещагин, Николай Массалитинов, Вера Греч, Поликарп Павлов, Яков Осипович-Шувалов, Александр Сибиряков, Лидия Мансветова; художники Леонид и Римма Браиловские, Владимир Жедринский, Ананий Вербицкий, Владимир Загороднюк, Павел Фроман; композиторы Владимир Нелидов, Михаил Арбатский, Олег Гребенщиков, а в Национальном театре оперы, балета и драмы – десятки певцов, хористов, хореографов, танцовщиков.

Начало работы русского театра в Белграде следует отнести к ноябрю 1921 г., когда было создано *Русское литературно-художественное общество* под руководством бывшего режиссера петербургских Императорских театров Юрия Львовича Ракитина (1882–1952), принятого на работу в сербский Национальный театр, и его супруги актрисы Юлии Валентиновны Ракитиной. На первом вечере, состоявшемся 21 января 1922 г. в зале музыкального училища им. Станковича, была показана патриотическая пьеска *Колобок* Николая Агнивцева. Вице-председателем общества состоял прозаик, дра-

матург и журналист Андрей Ренников. Артисты общества в 1922 и 1923 гг. показали три его пьесы: *Тамо далеко* комедию из жизни русских в Белграде, комедию-сатиру *Беженцы всех стран* и драму *Галлиполи*, в постановках Ю. Л. Ракитина.

Короткий период, в мае, августе и сентябре 1924 г., другая труппа – «Ассамблея», юмористическая секция *Кружка молодых поэтов, литераторов и любителей драматического искусства* устраивала вечера шуточных скетчей в русском ресторане «Теремок». В эти годы в Белграде открывались и быстро гасли русские кружки: Товарищество артистов «Триолет» П. А. Лебединского, труппы руководимые актером и певцом Василием Шумским, актером-любителем Михаилом Манглером, труппы «Мозаика», «Подвал артистов» В. С. Севастьянова, «Фокс», «Маленький театр», «Черная кошка», «Комедия» Якова Шувалова, «Жар птица» В. И. Щучкина, «Theatre intime», труппы «Арс» и САРТО – *Студенческое артистическое русское театральное общество* при эсеровском Земгоре, Театр миниатюр «Ягодка» Владимира Жедринского, Театр-ревью «Стрекоза» Бориса Баратова (выступал в ресторане «Русская корона»).

В 1925 г., возникло *Белградское русское художественно-драматическое общество*, объединившее более 80-ти актеров сцены. В зале театра «Манеж» 2-го октября 1925 г. они представили трагедию А. К. Толстого *Царь Федор Иоаннович* в постановке А. А. Верещагина – художественного руководителя общества. Следующих три года эта труппа показала более двух десятков спектаклей, преимущественно русских авторов (Ю. Беляева, А. Ренникова, А. Островского, А. Грибоедова, О. Миртова, А. Косоротова, М. Бухарина, И. Тургенева, С. Рассохина, И. Сургучева, А. Сумбатова-Южина, Ф. Сологуба, К. Прудкова, Н. Рыбинского, А. Суворина, Л. Толстого и др.). Чаще всех спектакли ставил Феофан Венедиктович Павловский (1880/1881–1936) – оперный режиссер сербского Национального театра. Режиссерами труппы являлись и А. Сибиряков, Л. Мансветова, А. Верещагин, В. Щучкин, Ю. Ракитин, Я. Осипович-Шувалов, А. Баташёв, Н. Рыбинский, М. Суворин, М. Манглер, В. Яцынь, В. Вячеславский. Эта полупрофессиональная русская труппа по субботам встречалась в погребном помещении столовой М. Сергеева на ул. Князя Милутина, где ими была импровизирована сцена. Труппа пользовалась популярностью в местных культурных кругах, ставила пьесы и сербских авторов. В 1926 г. в постановке Миодрага Ристича она показала комедию *Свет* Бранислава Нушича, одноактную пьесу в стихах Милутина Боича *Осень короля* и пьесу Марины Цветаевой *Фортуна*.

Осенью 1928 г. руководитель труппы Ф. В. Павловский покинул Белград, заняв место дирижера Литовского оперного театра в Ковно (Каунасе). Вскоре, из-за споров в связи с репертуаром, Белградское русское художествен-

но-драматическое общество размежевалось на две труппы: *Русскую студию драматического искусства* (руководитель Владимир Павлович Загороднюк) и *Театр русской драмы* (во главе с артисткой Юлией Валентиновной Ракитиной). Поставив лишь две современные французские пьесы, Студия прекратила свое существование, а Театр русской драмы существовал до 1936 г. и показал более 30-ти пьес из русского, современного мирового, русского зарубежного и советского репертуаров.

Одновременно с тем, *Драматическая студия* при Союзе русских писателей и журналистов (основанного в 1925 г.) изредка ставила пьесы русских драматургов. Художественным руководителем этой студии был Ю. Л. Ракитин, ошеломивший уже первой премьерой (в ноябре 1929 г.) реакционно-настроенных эмигрантов фактом постановки пьесы советского автора – В. Катаева *Квадратура круга*.

В июне 1928 г. в зале ресторана «Славия» с успехом стала выступать театральная труппа «Pêle-Mêle», под дирекцией Алексея Алексеевича Орлова. Бóльшую часть ее составляли русские. Режиссер и артист был серб, Стево Добрич. Программа менялась по понедельникам и состояла из сценок, названия первых были *Он не ревнив*, *Новая Америка*, *Она хочет бебе*, шутки *Дело есть дело*, *Дамский портной*, *Власотиначская невеста*, буффонада *Квартет*. В программах принимали участие г-жи [Варвара] Сибирякова, Тулякова, Трипольская, Миллер, Шмаус, Волкова, Пашкова и др., господа Орлов, Добрич, Тамаров, Репак и проч. Выступал оркестр под управлением Дмитрия Николаевича Конради, члена сербского Национального театра. Одна из первых очередных программ включала *Предложение* А. П. Чехова, исполненное на сербском языке.

Летом 1928 г. в Белграде была основана украинская театральная труппа. Намечалось поставить драму *Невольник* в 5-ти действиях с пением и танцами М. Л. Крапивницкого и 5-ти актную драму *Хмара* А. Л. Суходольского.

В феврале 1929 г. белградская газета *Новое время* отметила, что предложение поставить в Белграде советскую пьесу М. Булгакова *Дни Турбиных* «вызвало возражения ряда лиц, так как они коснулись многих сторон эмигрантской жизни и психологии». Полемика между защитниками и противниками *Дней Турбиных* продолжилась. Было решено приступить к открытому чтению самой пьесы. 1-го марта в статье «Почему сие важно? (К суду над *Днями Турбиных*)» В. Х. Даватц писал:

> Публичный диспут, который состоится 3-го и 4-го марта по поводу пьесы – будет до некоторой степени показательным для нашей белградской эмиграции: погрязли ли мы в буднях повседневности, или

до сих пор мы горим вопросами, тесно связанными с бытием России и – в частности – с нашим собственным будущим[366].

После чтения пьесы В. Даватц в газете отметил: «Я считаю, что произведение, как драматическое, художественно ничтожно»[367]. Защитниками пьесы выступили Е. А. Жуков, А. И. Ксюнин, полк. Е. Э. Месснер, а режиссер Ю. Л. Ракитин сравнил Булгакова с Чеховым. В результате – пьеса в Белграде не была поставлена.

В апреле 1929 г. в Белграде со своим авторским концертом выступил актер Александр Филиппович Черепов (1892–1946), прибывший из Литвы. Его выступление имело успех и, вопреки противоречивым слухам о его актерском прошлом и таланте, А. Черепов проявил незаурядные организаторские способности: установил связи с влиятельными людьми столицы и создал в Белграде новую труппу – *Русское драматическое общество*. Осенью 1929 г. в зале театра «Манеж» в его постановке была показана трагедия *Смерть Иоанна Грозного* А. К. Толстого, которая имела шумный успех. В 1930–1932 гг. эта труппа ставила пьесы Г. Ибсена, Л. Андреева, А. Южина-Сумбатова, Н. Бухарина, А. Островского.

По инициативе сербского академика Александра Белича именно эта труппа А. Черепова выступила на театральной сцене открывшегося в 1933 г. *Русского дома им. Императора Николая II в Белграде*. Зал принимал 750 зрителей. Современники отмечали, что это был «единственный в мире театр, принадлежащий всецело русской эмиграции (кроме Рижского театра, существовавшего еще до эмиргации)». Художественными руководителями труппы были назначены прибывший из Парижа известный актер, режиссер и антрепренер, основатель Пражской труппы МХТ-а, Исаак Ездрович Дуван-Торцов (1873–1939) и сам А. Черепов. Труппа пополнилась новыми членами и была зарегистрирована под названием *Русский общедоступный драматический театр*.

Деятельность театра была поставлена на широкую ногу, так как это позволяли и материальные средства, отпущенные Русскому дому *Государственной комиссией по делам русских беженцев в Королевстве Югославии*. Ставились пьесы преимущественно классического репертуара, считая, что с ними необходимо знакомить русскую молодежь, воспитывающуюся на чужбине.

До окончания первого сезона 1933/34 г. в Русском доме было показано более 25-ти пьес (всего 57 спектаклей), а до открытия третьего сезона – более

366 *Даватц В.Х.* Почему сие важно? – *Новое время* (Белград). 1929. № 2348. – 1 марта.

367 Речь В.Х. Даватца на диспуте по поводу пьесы Булгакова «Дни Турбиных». – *Новое время*. 1929. № 2352. – 4 марта.

50-ти пьес. Правление театра стремилось готовить премьеры каждую неделю, что удалось осуществлять лишь в конце 30-х гг., благодаря притоку новых артистических сил.

В труппу вступали или в ней гастролировали русские артисты и режиссеры, имеющие ангажементы в югославских театрах, а также гости из других стран русского рассеяния, такие как Мария Ведринская, Вера Греч, Поликарп Павлов, Николай Массалитинов, Екатерина Краснопольская и др. Случалось, русские спектакли в один и тот же вечер шли в Русском доме и на сцене «Коларчева университета», или в «Манеже», в зале «Луксор», в Русском офицерском собрании, в зале «Радничкой коморы» и др. Труппа Юлии Ракитиной или театральная *Драматическая студия Союза русских писателей и журналистов* иногда выступала и в Русском доме, зал которого предоставлялся и для концертов, музыкальных представлений и торжественных заседаний.

На постановки советских пьес труппы Ю. В. Ракитиной не прекращались нападки со стороны русской монархической прессы. Несколько раз ей приходилось выступать в прессе с разъяснениями:

> Пьесы советских авторов, включенные в репертуар моих спектаклей, рисуют современный русский быт, нечеловеческие условия существования людей под большевицким ярмом и кричат о непосильной, неравной борьбе народа с поработившей его тиранией. И включая эти пьесы в наш репертуар мы желали показать все неприглядные и чужие стороны современной русской жизни. Мы не смотрим на театр и на наши спектакли только как на приятное развлечение, но и как на зрелище, которое может быть полезным для эмиграции, обязанной знать, как живет и чем страдает родина. К сожалению, эти задачи русского театра в эмиграции не всем одинаково понятны и близки. Мы встретили горячую поддержку в местной сербской прессе, в то время как русские издания нас или замалчивали, или нападали на нас, огульно называя наш репертуар *советским*[368].

Критика репертуара труппы Ю. В. Ракитиной усугубилась после провала и скандала на премьере пьесы *Зойкина квартира* М. Булгакова, поставленной Юрием Львовичем Ракитиным на сербской сцене Народного театра, в апреле 1934 г. В. Пронин в Русском голосе писал:

368 *Ракитина Ю.В.* О задачах русского театра в эмиграции. – *Русский голос* (Белград). 1933. № 111. – 21 марта.

> Пьеса настолько нецензурна с моральной точки зрения, настолько порнографична, что зрители уже после первого акта стали выражать свое недовольствие; а во время последующих из зрительного зала неслись свистки и крики «Долой!» Если во время постановок г-жей Ракитиной советских пьес не было скандалов, как при постановке ее мужем *Зойкиной квартиры*, то это лишь показывает нашу эмигрантскую расхлябанность[369].

Белградский критик *Русского голоса* не унимался и после постановки Ю. В. Ракитиной пьесы *Чудеса в решете* советского писателя Алексея Толстого:

> Пьеса написана на вульгарнейшем жаргоне, богато снабжена *словечками*. Потуги на юмор – жалки и плоски. Содержание до убожества примитивно. Смысл отсутствует. Почему нужно было преподнести эту *пьесу* русской эмиграции – секрет *дирекции*[370].

Любопытен эпизод – в конце 1933 г. появилась в Белграде третья труппа артиста Михайла Михайловича Манглера. В своем интервью газете *Русский голос* в связи с его постановкой комедии *Испанская танцовщица* он заявил:

> Трудность эмигрантской сцены, перед которой два пути – либо играть советских авторов, либо вернуться к классикам. Оба эти пути не дают удовлетворения в наших условиях, потому что, чтобы ни говорили большевинствующие эмигранты, вся советская литература, включая и драматургию, проникнута специфическим запахом *социального заказа*. Чтобы отбить этот запах, в эмиграции советские пьесы ретушируются, многое выпускается вовсе, и получается ни то, ни сё. Что же касается классики, эти пьесы требуют соответствующих талантов, а у нас их немного. Мой опыт указал мне третий путь: веселую легкую комедию, к сожалению, забытую теперь. Вот почему я без колебания остановился на *Испанской танцовщице*, пьесе многие годы не сходившей с репертуара больших европейских театров. Я не ставил своей задачей конкуренцию с существующими уже двумя русскими труппами. Я знаю, как трудно в условиях эмиграции что-либо создать и не в моем характере разрушать то, что создают другие. *Испанская танцовщица* – случайный спектакль. Он объединил артистов, как входящих в существующие труппы, так и свободных[371].

369 *Пронин В.* Г. Ракитин и «Зойкина квартира» – *Русский голос*. 1934. № 157. – 8 апреля.

370 «Чудеса в решете». – *Русский голос*. 1934. № 192. –9 декабря.

371 Интервью. – *Русский голос*. 1933. № 136. – 12 ноября.

Труппа М. Манглера поставила несколько удачных спектаклей, привлекая новых и Белграду известных профессиональных оперных солистов и артистов эстрады. В феврале 1935 г. им были поставлены комедия *Не моя жена* И. Мясницкого, а в марте – опера *Запорожец за Дунаем* С. Гулак-Артемовского.

Период 1934–1936 гг. можно считать апогеем русской театральной жизни в Белграде, представленной и спектаклями, сыгранными в русских ресторанах, таких как, «Малый Петербург», в котором в октябре 1934 г. ежедневно выступала театральная труппа *Би-Ба-Бо*, при участии известной эстрадной певицы Ольги Петровны Янчевецкой (1890–1978).

Местная сербская пресса в 1934 г. отмечала:

> В Белграде существуют два русских театра. Один – *Постоянный русский театр*, который дает представления в великолепном зрительном зале Русского дома, а второй - *Театр русской драмы* – в зале Коларчева университета. Их руководители расходятся во взглядах относительно своих целей. Александр Черепов, как в минувшем, так и в новом театральном сезоне, намерен ставить пьесы одних классиков; он и слышать не хочет про пьесы советских писателей. Советская драматургия, он считает, порвала с традициями русского театра, сама пока не дала ничего ценного, остается на дилетантском уровне и пребывает в хаосе. Советские пьесы неприемлемы для русской эмиграции из-за своей тенденциозности.
>
> Диаметрально иную позицию занимает г-жа Юлия Ракитина. Она говорит: «Наш театр уже познакомил белградскую публику с пьесами П. Романова, М. Булгакова, А. Файко, Ильфа и Петрова. Все эти спектакли имели успех. Нельзя говорить, что все современные писатели в России пишут исключительно по заказу и дают одни пропагандистские вещи. В последние годы советская публика требует комедии. Шкваркин дал *Чужого ребенка*, Катаев *Дорогу цветов*, Алексей Толстой *Чудо в решете*. Этой пьесой мы и откроем свой сезон»[372].

В зале Народного университета им. Ильи Колараца труппа Юлии Ракитиной дала свой 25-й, юбилейный спектакль: ревью-оперетту *Шагай по жизни* анонимных белградских авторов. Зал был полон и спектакль надо было повторить. Тема – рассеяние русских эмигрантов по всему миру. В Берлине на международном конгрессе антропологов участниками из Палестины, Белграда, Парижа, Лондона, Будапешта, Константинополя, Германии ока-

372 Два београдска позоришта – два супротна схватања. – *Политика* (Београд). 1934. – 10. октобар.

зались одни русские; в Парагвае нет индейцев, их песни и танцы исполняют колонизированные казаки. Подобная ситуация царит и в Голливуде, и в парижском варьете-ресторане, и на корриде в Испании, где тореадор на арене русский эмигрант. А некоторые сидевшие в зале русские могли узнать себя на сцене: владетельница салона дамских шляп, скульптор монументальных памятников на белградском кладбище.

Успех этого музыкального спектакля дал идею Ю.В. Ракитиной поставить классическую оперетту. Привлечены были другие белградские артисты и в январе 1936 г. была представлена оперетта *Перикола* Жака Оффенбаха. Особого успеха у публики и критики этот спектакль не имел.

В марте 1936 г. в Русском общедоступном театре А. Черепова при Русском доме возникли неурядицы. Много артистов покинуло труппу, так что бенефис труппы, 70-й по очереди спектакль (*Торговый дом* И. Сургучева), данный 9 мая 1936 г., прошел не так торжественно. Положение спасла проявленная инициатива академика А. Белича и директора «Югоконцерта» Евгения Жукова, а также югославско-русского попечительского комитета под председательством писателя Бранислава Нушича. Было принято решение объединить обе труппы. Для поднятия художественного уровня новой труппы руководителями назначены приглашенные из Парижа супруги - Вера Милтиадовна Греч (1893–1974) и Поликарп Арсеньевич Павлов (1885–1974), бывшые члены труппы МХТ-а. Осенью 1936 г. в их постановках в Белграде успешно прошли спектакли *Вишневый сад*, *Бесприданница*, *Женитьба*, *На дне*, *Ревность не порок* и др.

После постановки комедии *Даешь невесту* советских авторов Ильфа, Петрова и Катаева, весной 1937 г., в этой труппе разразился скандал и начался разлад. Белградская русская пресса подняла шум из-за показа пьесы советского писателя в Русском доме памяти Императора Николая II. Правление во главе с Евгением Жуковым подало в отставку, а новое правление приняло решение на очередной театральный сезон 1937/38 гг. пригласить из Каира режиссера Владимира Алексеевича Стрекаловского (в 1914 г. он руководил театром в Нижнем Новгороде). Намечен был репертуар из пьес, не игранных в Белграде, состоящий из драм, комедий, веселых пьес, жанра театров «Кривого зеркала», «Летучей мыши», и инсценировок – музыкальных и хореографических. Вскоре стало очевидным, что бывший жандармский полковник не справился ни с одной из трех поставленных им пьес. Среди актеров наступило новое размежевание.

Помимо существующей труппы, в Русском доме на протяжении 4-х лет выступал и *Русский драматический театр* Союза русских артистов в Белграде, основанный 7 сентября 1937 г. и возглавляемый артисткой Татьяной Николаевной Яблоковой. Постоянного режиссера у них не было, спектак-

ли поочередно ставили А. Ф. Заярный, В. В. Хомицкий, К. Н. Томин, В. П. Загороднюк, Ю. В. Офросимов, супруги Греч–Павлов. Иногда обе труппы объединялись и вместе ставили пьесы классического русского репертуара.

В апреле 1937 г. в Русском доме Юрий Офросимов поставил драму Софии Викентьевны Топор-Рабчинской *Гордиев узел*. Из газетной рецензии спектакля узнаем лишь следующее:

> Гордиев узел завязывается в жизни двух семейств московской интеллигенции на почве довольно приятных семейных отношений, а для младшего поколения на почве вопросов Родины и своего долга перед нею. Фоном служит *великая и безкровная* дней Керенского и белое движение Корнилова и атамана Каледина[373].

Вскоре после своего бенефиса, состоявшегося осенью 1938 г., А. Черепов уехал в боснийский город Баня-Луку, где был принят в качестве режиссера местного сербского театра. Однако, наездами, он бывал в Белграде и в Русском доме поставил ряд пьес.

В конце 30-х гг. театральный репертуар на сцене Русского дома отличался большим разнообразием. Помимо пьес русской классики шли современные произведения, включая французские, легкого жанра, шли пьесы русских парижан – М. Алданова, Тэффи, С. Юшкевича, Н. Берберовой, В. Сирина; пьесы белградских литераторов – Николая Кадесникова (*Талисман*, *Серые птицы*), Всеволода Хомицкого (*Эмигрант Бунчук*), Александры Жернаковой-Николаевой (*Невольники луны*) Веры Орловой-Павлович (*Генеральша Матрёна*).

Остановимся на белградских отзывах о пьесах современных парижских писателей, В. Сирине-Набокове и Нине Берберовой.

Критик Вл. Гордовский о пьесе *Событие* В. Сирина писал:

> Содержания, в сущности, нет. Забавный анекдот с искусственно нагроможденным построением. Почвы тоже нет. Действие происходит неизвестно где, зачем и почему. Сценичность отсутствует. Роли, в сущности, две, хотя бездействующих лиц очень много. Несмотря на очень хорошее исполнение, г-жей Романовой и г. Хомицким, и на тщательную несомненно талантливую режиссуру г. Загороднюка, пьеса не произвела впечатления[374].

Рецензент Д.П. в той же газете *Русский голос* не удовленворен и комедией Нины Берберовой:

---

373 *Д.П.* «Гордиев узел». – *Русский голос*. 1937. № 317. – 2 мая.

374 *Г-ский В.* Два спектакля. – *Русский голос*. 1939. № 407. – 22 января.

> Пьеса эта преподносится, как отражающая жизнь русской эмиграции. Разве жизнь нашей эмиграции исчерпывается бесталанным изображением людской грязи, еще более присущей французскому быту, чем русскому, в том же Париже? Вначале, как будто, было дано ощущение одиночества людей, заброшенных в этом мировом городе, но затем... Боже мой! ... «Если бы я имела миллион, записалась бы в библиотеку»... До чего слащава и фальшива роль «голенькой» танцорки Кисы! Сочно написаны лишь шофер Гастон и Федор Федорович. Актеры дали всё возможное, чтобы спасти свои роли и играли хорошо, но замысел автора не соответствовал их усилиям. Очень правдиво и сильно изобразила портниху г-жа Ермолович[375].

Вскоре, газета *Русский голос*, не указывая критика, так представила очередной спектакль *Гоп, мои гречаники*:

> Взволновавший русскую эмиграцию «Украинский вопрос» нашел свое отражение и в нашем русском юморе. Тема для юмора, действительно, богатая. 5-го февраля [1939 г.] в переполненном до отказа громадном зале Коларчевого университета было поставлено шуточное обозрение *Гоп, мои гречаники*. Это – сон одного «трезвенника», которому вдруг приснилось, что весь *русский* Белград за одну ночь превратился в *украинский*. «Все лица – вымышленные, и какое-либо сходство – чисто случайно» – так гласило предупреждение в програмках. Оказалось, что все лица – нам хорошо знакомы (по внешности), как, между прочим, и лица авторов обозрения – «трех анонимов», но мысли и слова, приписываемые действующим лицам, были, конечно, вымышленны. Сон – в этом оригинальность замысла. Остроумно составленное обозрение, сопровождавшееся хорошо подобранной музыкой, было прекрасно разыграно (без буффонады), тоже хорошо нам известными актерами, под режиссерством талантливого г. Томина. Незлобивый и безобидный, непрерывный в течении 3-х часов здоровый смех так объединил в лучших национальных чувствах около 1.500 собравшихся русских эмигрантов с таким же количеством политических воззрений и программ, как вряд-ли могло их объединить что-либо другое[376].

3-го марта 1939 г. в Русском доме шла пьеса *Серые птицы* Николая Зотиковича Кадесникова (1895, Вятка – 1971, Нью-Йорк), основателя и стар-

375 *Д.П.* «Мадам» Н. Берберовой. – *Русский голос*. 1939. № 409. – 5 февраля.

376 «Гоп, мои гречаники». – *Русский голос*. 1939. № 410. – 12 февряля.

шины отдела «Русского сокола» в Нови-Саде. Приводим выдержку из газетной рецензии В. Гроховского:

> Попытки представить нашу жизнь делались неоднократно и на эту тему написано достаточно различных комедий и пьес. Но во всех виденных нами постановках есть одно общее – показать и высмеять отрицательные стороны эмигрантской жизни и быта, часто приписывая им такие явления и черты, которые для них не характерны. После такого зрелища уходишь домой с тяжелым чувством и морально подавленным. Неужели всё так безотрадно и пошло? Показательной, в этом отношении является комедия *Эмигрант Бунчук* Вс. Хомицкого и *Мадам* Берберовой.
>
> *Серые птицы* вызывают совершенно противоположные чувства: радость и бодрость, веру в будущее, веру в нашу подрастающую смену; герои живут и действуют во имя России, горят любовью к ней, служению ей посвящают свою жизнь. Каждое действие показывает действительную картину нашей жизни и быта. Возьмем ли беженскую столовую с шумными студентами, или ночлежку с разными по своим духовным качествам типами – все они нам знакомы точно взяты из окружающей нас обыденной жизни. Поэтому появление *Серых птиц* нужно признать явлением, имеющим общественно-воспитательное значение. Мы весьма благодарны автору за эту его бодрящую нас пьесу; довольно вытья, довольно копаться в наших недостатках и пороках, мы желаем действенной жизни, мы хотим свежего воздуха, насыщенного запахом Родины, мы желаем возвышающих нас героев![377]

Весной 1940 г., незадолго до установления дипломатических отношений между Королевством Югославии и СССР, труппа Союза русских артистов в Русском доме показала пьесы из белградской жизни, преднамеренно не указав имен авторов, - фантастическую комедию *Первый поезд Белград–Москва*, пьесу *Внимание, господа, я творю* и пародию-сатиру в стихах Грибоедова-внука *Горе от ума в Белграде* (в постановке Ю. Л. Ракитина).

Про первую в газете было сказано следующее:

> Написана бытовая русская комедия из черточек, присущих старшему и новому поколению эмигрантов, из «суеты сует» наших прекрасных половин, обросших всяческими предметами домашнего беженского уюта, вплоть до собачек и проч. [...] Отъезд в Москву

377 *Гроховский В.* «Серые птицы». – *Русский голос*. 1939. № 416. – 26 марта.

собственно и не состоялся, так как главного виновника Домовкова, у которого находились проездные билеты, точно Фирса в *Вишневом саде*, забыли в белградской кафане «Солунь»... Наряду с неискоренимо русским Василием Степановичем Домовковым, автор вывел и его родного брата Всеволода Степановича, наполовину «осербившегося», забавно путающего русскую речь с сербской[378].

Про пьесу «двух наблюдателей» *Внимание господа, я творю*, узнаем, что и она была из эмигрантской жизни, на тему «не с кем работать». В ней выведены отрицательные и положительные типы, но и последние, в силу тяжелых условий русской жизни, нездоровы и ходят на грани сумасшествия и таланта.

О спектакле *Горе от ума в Белграде* Грибоедова-внука, узнаем:

Публики было много – публика любит «обозрения» и скучает на серьезных пьесах. При разъезде, одна дама сказала громко: «Опять высмеяли эмиграцию». Повидимому на высмеивание самих себя есть большой спрос, так как «обозрения» множатся, и публика их посещает[379].

Предвоенный сезон 1940/41 гг. открылся *Ревизором* в постановке вновь приглашенных В. Греч и П. Павлова. Этим спектаклем было отмечено 125-летие со дня рождения Н. Гоголя. Перечислим некоторые спектакли этого сезона: комедия *Дурак* Л. Фульда, *Церковная мышь* Л. Фодора, *Дни нашей жизни* Л. Андреева, комедия *Не обещай мне ничего* Ш. Рисман, инсценировка *Дядюшкиного сна* Достоевского, *Три сестры* Чехова. Сценами из *Воскресения* и *Власти тьмы* было отмечено 30-летие со дня кончины Л. Н. Толстого.

Возможно, лебединой песней русского театра в Русском доме за весь его период существования был *Вишневый сад* Чехова, в постановке супругов Греч–Павлова, премьера которого состоялась 23 февраля 1941 г. В спектакле приняли участие лучшие белградские силы: Гаева играл Ю. Л. Ракитин, Раневскую – Ю. В. Ракитина, Фирса – П. А. Павлов, в остальных ролях выступили А. А. Дориан, М. Т. Трунова, Е. Ф. Евгеньев, А. М. Храповицкая, М. В. Духовской, П. Е. Трунов, Н. П. Рыбинский, С. А. Семынин, А. А. Орлов.

Интересно отметить, что 2-го и 3-го февраля 1941 г. в театральном зале Русского дома прошли два вечера нового, *Злободневного юмористического театра «Белая ворона»*. Авторский коллектив составляли Николай Февр, Сергей Страхов, Константин Шумлевич и аноним. Программа: Песенка «Белой

378 «Белград – Москва», комедия Неизвестного. – *Русский голос*. 1940. № 463. – 18 февраля.

379 *Д.П.* «Горе от ума в Белграде» Грибоедов-внук. – *Русский голос*. 1940. № 480. – 16 июня.

вороны»; «Предсказания Нострадамуса на 1941 год»; два скетча: *Проводы д-ра Пельтцера* и *Вчера и сегодня*, пародия-буффонада *Тарас Бульба*. Режиссер Всеволод Хомицкий, декорации и костюмы художника Н. Тэна (Николая Тищенко).

Немецкая бомбардировка и оккупация Белграда приостановили общественную жизнь столицы. По приказу новых властей в Сербии почти все русские организации были вынуждены прекратить свое существование. Из сохранившихся дневников Ю. Л. Ракитина узнаем о попытках возрождения работы театра: «27 апреля 1941 г. – Пришел ко мне Н. П. Рыбинский с уведомлением, что Юренев, Греч, Павлов, Трунов и он решили собраться у меня в 3 часа для того, чтобы [...] организовать кабарэ или театр». Этот замысел не осуществился, хотя уже в мае 1941 г. популярный белградский актер, любимец русских театралов Олег Петрович Миклашевский (1903–1992), создал *Общество русских сценических деятелей в Сербии*. Директором труппы при этом обществе был назначен А. Черепов, а председателем и главным режиссером – О. Миклашевский. Среди старшего поколения профессионалов эти назначения были приняты с иронией и скепсисом. Однако вопреки трудностям военного времени, долгим переговорам с оккупационным командованием и вопреки отъезду из Белграда многих актеров, новая труппа давала спектакли во всегда полном зале Русского дома. Спектакли шли реже и, из-за полицейских часов, их начало было перенесено на 4 часа дня.

В своем дневнике от 13 августа 1941 г. Ю. Л. Ракитин отмечает: «На первом русском показном спектакле пройдут акт из пьесы *Бедность не порок* и акт из *Белой гвардии*. Хотя, это могут изменить власть имущие в *Русском бюро*, которые протестуют против Чехова. Сегодня не должно быть нытья и пессимизма!».

После сравнительно долгого перерыва, 22 февраля 1942 г., взвился занавес на сцене Русского дома. В постановке Греч–Павлова была подготовлена пьеса *Без вины виноватые*. Театр восстановил свою деятельность: 22 марта снова был показан А. Островский – *Бедность не порок*; 26 апреля – *Дядя Ваня*; 24 мая – водевиль *Общество поощрения скуки* В. Крылова; 21 июня – *На всякого мудреца довольно простоты* А. Островского; 28 июня – пьески Аверченко, Чехова, инсценировки по произведениям Достоевского; 19 июля – пьеса из эмигрантской жизни *Подвиг* белградской писательницы Людмилы Николаевны Неслуховской; 23 августа труппа играла фарс *Княгиня Капучидзе* В. Мюлле; 6 сентября – пьесу *Формулы инженера Быстрова* Л. Неслуховской; 11 октября – *На бойком месте* А. Островского. Этот спектакль прошел как бенефис начальника Общества русских сценических деятелей и режиссера труппы О. П. Миклашевского.

В сезоне 1943/44 гг., среди прочих, были поставлены; *Жизнь и сказка* белградской писательницы Александры Евграфовны Жернаковой-Николаевой; комедия *Первая муха* В. Крылова (Василий Львович Величко); *Женитьба* Гоголя; скетч *В чужой квартире* белградцев К. Томина и Лидии Авчинниковой; пьеса *Тайна человека* К. Томина; ряд пьес русской классики Сухово-Кобылина, Островского, Гнедича, Шпажинского, Мясницкого, Арцибашева. На протяжении всего военного времени художником театральных постановок был Сергей Иванович Кучинский (1886–1969).

Последними спектаклями Общества сценических деятелей, 20 августа и 3 сентября 1944 г. были комедии в постановке О. Миклашевского (*Веселый месяц май* Л. Иванова и *Сыщик* И. Мясницкого). Вскоре почти все артисты, за редкими исключениями, покинули Белград - до его занятия войсками Третьего Украинского фронта Красной армии и частями югославских партизан.

За 25 лет в Белграде русскими было дано свыше 400 театральных представлений, половина из которых в зрительном зале Русского дома. Из приведенных нами газетных рецензий можно получить некоторое представление о восприятии репертуара театральных трупп у публики и критики.

Режиссеры русских театральных трупп в Белграде

Баташов Анатолий Алексеевич (1895,Тула – 1931,Панчево)

Ведринская Мария Андреевна (1877,Харьков – 1948,Вютцбург,Германия)

Верещагин Александр Александрович (1880,Москва – 1965,США)

Греч Вера Мильтиадовна (1893 – 1974,Шель,пригород Парижа)

Долохов Михаил Николаевич (1887 – ?)

Загороднюк Владимир Павлович (1889,Одесса – 1976, Сидней)

Криницкий Анатолий Дмитриевич (1901,Харьков – ?)

Манглер Михаил Михайлович (1874,Прилуки – ?)

Мансветова Лидия Васильевна (1896,СПб – 1966,Сплит)

Миклашевский Олег Петрович (1900,Ялта – 1992,Нью-Йорк)

Никитин (Трунов) Петр Евфимиевич (1893, Смоленская губ. – ?)

Николаев Константин Николаевич (1884 – ?)

Орлов Алексей Алексеевич (1889,Самара – ?)

Осипович Иван Михайлович (1979,СПб – после 1943)

Офросимов Юрий Викторович (1894 – 1967,Палермо,Сицилия)

Павлов Поликарп Арсеньевич (1885 – 1974,пригород Парижа)

Павловский Феофан Венедиктович (1880/1881, с. Каменка – 1936,Каунас)

Плющевский-Плющик Вадим Николаевич (1881,Тула – после 1943)

Ракитин Юрий Львович (1882,Харьков – 1952,Нови-Сад)

Ракитина Юлия Валентиновна (1892,СПб – 1977,Париж)

Ристич Миодраг (серб)

Рыбинский Николай Захарович (1887,Киев – 1955,США)

Томин (К.Н.) Георгий Людвигович (1895,Буды,Харьковская губ. – 1969,Буэнос-Айрес)

Хомицкий (Вячеславский) Всеволод Вячеславович (1901 – 1980)

Черепов Александр Филиппович (1892 – ок.1946,Германия)

Щучкин (Спешнев) Василий Иванович (1896,Новочеркасск – 1969,Титоград)

Актеры, исполнители главных ролей

Авчинникова, урожд. Красноусова Лидия Дмитриевна (1894,Омск – 1983,Ричмонд,США)

Белавина, зам. Миклашевская Нонна Сергеевна (1915,Евпатория – 2004,США)

Борзов Василий Данилович (1892,Белгород – 1943,Белград)

Грундт Ксения Федоровна, 2-м браком: Солодовникова, 3-м браком: Грундт-Дюмэ (1909,Екатеринодар – 1979,Канны,Франция)

Дориан Анна Ананьевна (1886,Казань – 1968,Белград)

Дуван-Торцов Исаак Езрович (1873,Евпатория – 1939,Париж)

Духовской Михаил Владимирович

Евгеньев-Щербаков Евгений Федорович (1896,Одесса – 1972,США)

Ермолович Нина Александровна

Жилина Ольга Владимировна (1892 – 1944,Белград)

Заярный Андрей Федорович (1894,Харьков – ок.1980,США)

Зорина (наст. фамилия: Пашковская) Ольга Александровна (ок.1880 – 1927,Белград)

Лиозин Владимир Федотович (1899,Киев – 1983,Париж)

Мансветова Лидия Васильевна (1893,СПб – 1966,Сплит)

Миклашевский Олег Петрович (1903,Ялта – 1992,Плейн-Вью,близ Нью-Йорка)

Мухина А. М. – см. Храповицкая А. М.

Никитин П. Е.– см. Трунов

Панов (Дашкиев) Алексей Васильевич (1894,Харьков – ?)

Пегелау Евгений Михайлович (ок.1899 – 1939,Белград)

Романова (по мужу Михайлова) Елена Густавовна (ок.1894 – 1970, Сан-Франциско)

Седова урожд. Крокос, 2-м бр. Миклашевская Людмила Георгиевна (1909,Пенза – ?)

Селегенев Георгий Павлович (1893,Киев – ?)

Семынин Сергей Андреевич (1906,Воронеж – ?)

Симон (Симон-Томин) Георгий Люцианович (1895,Буды,Харьковская губ. – 1965, Буэнос-Айрес)

Строновская (урожд. Михайлова) Мария Борисовна (ок.1910 – ?,Австралия)

Томин Жорж – см. Симон-Томин

Трембовельский Александр Дмитриевич (1898 – 1985,Санта-Барбара,Калифорния)

Трунов (Никитин) Петр Евфимьевич (1893,Смоленская губ. – ?)

Холодович (Ананова, урожд. Липинская) Лидия Анатольевна (1901,Одесса – 1984,Сан-Питерсбург,Флорида)

Хомицкий (Вячеславский) Всеволод Вячеславович (1901 – 1980,Нью-Йорк)

Храповицкая (зам. Мухина) Анна Михайловна (1899,СПб – 1979,Белград)

Черепов Александр Филиппович (1892/93,Шавли,Литва – 1946,Германия)

Эккерсдорф Виктор Адольфович (1894,Остров,Псковская губ. – 1952,Лугано,Швейцария)

Яблокова Татьяна Николаевна (1889,Кострома – 1965,Нови-Сад)

Первая публикация:
Русские в Сербии. Сборник статей / Отв. ред. А. А. Максаков. Белград : Координационный совет российских соотечественников в Сербии, 2009. С. 132–138.

ЛЕТОПИСЬ РУССКИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОСТАНОВОК В БЕЛГРАДЕ 1920–1944 гг.

Среда, 8 декабря – вторник, 14 декабря 1920 г. Манеж.
Первые гастроли артистов МХТ-а п/у В.И. Качалова в Белграде:

А.П. Чехов. **Вишневый сад** (8 декабря)
А.Н. Островский. **На каждого мудреца довольно простоты** (9 дек.)
А.П. Чехов. **Дядя Ваня** (10 декабря)
К. Гамсун.**У врат царства** (11 декабря)
Ф.М. Достоевский. **Братья Карамазовы, 1-я и 2-я ч.** (13 и 14 декабря)

Труппа актеров: О.Л. Книппер-Чехова, В.И. Качалов, М.Н. Германова, В.Г. Орлова, В.И. Васильев, П.А. Павлов, Е.Ф. Скульская, П.А. Бакшеев, Н.О. Массалитинов, М.М. Тарханов, В.М. Греч, С.М. Комиссаров, И. Н. Берсенев, Н.Н. Литовцева, П.Ф. Шаров, Н.Г. Александров, И.М. Орлов, А.С. Астров, М.А. Крыжановкая.

21 – 31 марта 1921 г. Манеж.

Вторые гастроли артистов МХТ в Белграде:
А.П.Чехов. **Вишневый сад** (21 марта)
М. Горький. **На дне** (22 марта)
А.П. Чехов. **Дядя Ваня** (23 марта)
А.П. Чехов. **Три сестры** (25 марта)
Ю. Бергер. **Потоп** (26 марта)
А.П. Чехов. **Три сестры** (28 марта)
М. Горький. **На дне** (29 марта)
Г.Бергер. **Потоп** (30 марта, в 3 часа)
А.П. Чехов. **Дядя Ваня** (30 марта)
А.П. Чехов. **Три сестры** (31 марта)
Состав труппы – тот же.

29 ноября 1921 г. Принят Устав Литературно-художественного общества

Вторник, 3 января 1922 г. зал Музыкальной школы «Станкович».
Первый вечер Литературно-художественного общества.

21 января 1922 г., зал «Станкович».
Вечер Литературно-художественного общества.
Артисты театра «Триолет».

Н. Я. Агнивцев. **Колобок**. Патриотическая пьеска.

Суббота, 27 мая 1922 г. зал «Станкович».
Вечер-спектакль А.Т.Аверченко, с его труппой «Гнездо перелетных птиц» совершающего поездку «по церковно-славянским землям».

Вторник, 30 мая 1922. Королевский Национальный театр.
Прощальный вечер театра «Гнездо перелетных птиц» А. Аверченко:
А.Т. Аверченко. **Макс**. Фарс.
С автором в главной роли, и др. пьесы.

2 июля 1922 г., Национальный театр. Премьера:
А.М. Ренников. **Тамо далеко**, пьеса из жизни русских в Белграде.

Июль 1922 г. Национальный театр, сцена «Манеж».
Русское Литературно-художественное общество:
Вечер комики А.М. Ренникова.

Воскресенье, 14 января 1923 г. Зал ресторана «Петроград» (ул.Неманина).
Студенческое артистическое русское театральное общество САРТО:
И.Д. Сургучев. **Женщины**. Пьеса в 1-м действии.
А.Т. Аверченко. **Муж каких много**. Пьеса в 1-м действии.
А.П. Чехов. **Злоумышленник**.
Режиссер В.И. Щучкин.

22 марта 1923 г. Манеж.
Русская драматическая труппа, Белград.
Гр. А.Н. Толстой. **Любовь – книга золотая**. Драматический гротеск из жизни царствования императрицы Екатерины II.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

Суббота, 14 апреля 1923 г. Зал ресторана «Русская корона».
42-й «субботник» Русского литературно-художественного общества.
А.М. Ренников. **Гвардеец**. Пьеска.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

Среда, 18 апреля 1923 г. Манеж.
Русская драматическая труппа.
А.М. Ренников. **Индейский бог**. Комедия-сатира в 3-х действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина

Весна (май) 1923 г. (Гастроли в Нови-Саде: суббота, 19 мая 1923 г.):
Русская театральная труппа, при участии членов белградского Национального театра:
А.М. Ренников. **Беженцы всех стран (Индийански бог)**.
Комедия-сатира в 3-х действиях из жизни русских беженцев.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

30 июня 1923 г. «На крыше» Палас-отеля.
51-й «субботник» Русского литературно-художественного общества.
М.А. Суворин. **Размолвка**. Пьеска.

Суббота, 3 декабря 1923 г. Манеж.
Премьера:
А.М. Ренников. **Галлиполи**. Драма в 4-х действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

(31 декабря 1923) / 13 января 1924 г. Ресторан «Сплендид».
Русское литературно-художественное общество в Белграде устраивает встречу Нового года.
А.Т. Аверченко. **Бочка красного вина**. Скэтч.
В ролях: артисты труппы «Гнездо перелетных птиц», при участии Бологовского и Искольдова.

10 января 1924 г. Зал музыкальной школы «Станкович».
Гастроли труппы «Гнездо перелетных птиц» Аркадия Аверченко.
Вечер юмора:
А.Т. Аверченко. **Жоржик**. Комедия.
А.Т. Аверченко. **Сердцеед**. Комедия.
А.Т. Аверченко. **Трудный случай**. Комедия.

Вторник, 22 января 1924 г. Манеж.
2-й (прощальный) вечер юмора Аркадия Аверченко, с его труппой «Гнездо перелетных птиц».
А.Т. Аверченко. **Женщина и вор**. Комедия.
А.Т. Аверченко. **Самоубийца**. Комедия.
А.Т. Аверченко. **Ольга Николаевна**. Комедия.
А.Т. Аверченко. **Болтун**. Комедия.

3 февраль 1924 г. Манеж.
Гастроли Пражской труппы артистов МХТ-а в Белграде.
Л.Н. Толстой. **Воскресение**. Инсценировка романа.

Пятница, 22 февраля – суббота, 1 марта 1924 г. Народно позориште.
Гастроли Пражской труппы МХТ-а, п/у М.Н. Германовой:
А.П. Чехов. **Дядя Ваня** (22 февраля)
Ф.М. Достоевский. **Село Степанчиково** (23 февраля)
Л.Н. Андреев. **Екатерина Ивановна** (24 февраля)

Р. Тагор. **Король темных врат** (25 февраля)
Ф.М. Достоевский. **Село Степанчиково** 26 февраля, в 3 часа)
А.П. Чехов. **Вишневый сад** (27 февраля)
А.П. Чехов. **Дядя Ваня** (28 февраля)
Ч. Диккенс. **Поединок жизни** (Манеж, 29 февраля)
А.П. Чехов. **Вишневый сад** (1 марта)

15-20 марта 1924 г., Большой зал театра «Казино».
Гастроли русской театральной труппы «Карусель». Импрессарио – Евелинов.
Бурлаки. **Стенька Разин**. **Цыганский хор**. **Черные гусары**.
Хор Зайцевых. **Качели**.
Режиссер и артист Михаил Дальский.

Среда, 2 апреля – суббота**, 5 апреля 1924 г. Манеж**.
Гастроли Пражской труппы МХТ-а в Белграде:
А.П. Чехов. **Вишневый сад** (2 апреля)
Ф.М. Достоевский. **Село Степанчиково** (3 апреля)
Ч. Диккенс. **Поединок жизни** (4 апреля, в 3 часа)
А.П. Чехов. **Дядя Ваня** (5 апреля, в 3 часа)

(3 и 11) мая 1924 г. Ресторан «Теремок».
Вечер-выступление Кружка молодых поэтов, литераторов и любителей драматического искусства «Ассамблея»:
В.В. Романов. **Когда умирает любовь**. (Отрывки из пьесы).
В.В. Романов. **Развод**. Одноектная пьеса.
А.П. Чехов. **Хирургия**.
А.П. Чехов. **Рассказ г-жи N.N.**
С.С. Страхов. **Пародия на «Горе от ума»**.
Н. Агнивцев. **Китайский рай**.
Режиссеры В.Н. Плющевский-Плющик, В.И. Щучкин.

23 августа 1924 г.
«Ассамблея». Юмористическая секция Х.Р.Ю.К. (Художественный русский юмористический кружок)
Вечер юмора.

20 и 21 сентября 1924 г.
Художественный русский юмористический кружок (ХРЮК)
Два вечера юмора.

Февраль 1925 г.
Белградский русский театр.
А.Н. Островский. **Без вины виноватые**. Комедия в 4-х действиях.
Режиссер М.М. Манглер.

Суббота, 14 марта 1925 г. Манеж.
Русская труппа «Баян».
А.Н. Островский. **На бойком месте**. Комедия в 3-х действиях.

4 апреля 1925 г. Ресторан «Петроград» (Неманьина, 32).
Открытие Студенческого Артистического Кружка («АРС»):
А.М. Ренников. **Галлиполи** (3-й акт)
А.Т. Аверченко. **Без ключа**. Комедия в 1-м действии.
Руководитель Юлия Валентиновна Ракитина.

Понедельник, 6 апреля – четверг, 23 апреля 1925 г. Манеж.
Третьи гастроли артистов МХТ-а (Вторые гастроли Пражской труппы):
М. Горький. **На дне** (6 апреля)
Ф.М. Достоевский. **Село Степанчиково и его обитатели** (7 апреля)
Ф.М. Достоевский. **Братья Карамазовы** (8 апреля)
Н.В. Гоголь. **Женитьба** (9 апреля)
Еврипид. **Медея**. Пост. Германовой (Народный театр: 10 апреля)
Ч. Диккенс. **Поединок жизни** (11 апреля)
Н.В. Гоголь. **Женитьба** (12 апреля)
А.П. Чехов. **Вишневый сад** (13 апреля)
Еврипид. **Медея** (Народный театр: 13 апреля)
М. Горький. **На дне** (14 апреля)
Ф.М. Достоевский. **Братья Карамаховы** (15 апреля)
С участием артистов, прибывших из США: Бакшеева, Темирова.
(Гастроли состоялись и в Осеке, Сараево, Нови-Саде, Загребе, Любляне, Сплите, Дубровнике)

Вторник, 21 апреля – четверг, 23 апреля 1925 г. Манеж.
Гастроли артистов Пражской труппы МХТ-а:
Н.В. Гоголь. **Женитьба** (21 апреля)
Еврипид. **Медея** (22 апреля)
А.П. Чехов. **Вишневый сад** (23 апреля)

Воскресенье, 26 апреля 1925 г. Большой зал Нового здания Университета. Вечер артистки Германовой, по поводу 25-летия ее артистической деятельности.

Читаются и играются произведения И.С.Тургенев, А.А. Блока, А.С. Пушкина, Ф. Тютчева,Л.Н. Толстого, Р. Тагоре: Песни песней, А. Островского, стихотворения Й. Дучича и И. Андрича.

7 июня 1925 г. Ресторан «Самарканд».

Е.В. Глуховцева. **Уплотнение**. Пьеса из советского быта, в 2-х д.

Пятница, 3 июля 1925 г. Зал ресторана «Русская семья».
Художественный русский юмористический кружок (ХРЮК).
Вечер-кабаре.

Комедии Тэффи. **Счастливая любовь**. Комедия.

А.Т. Аверченко. **Власть рока.** Юмореска.

Цирк Буша. Пародия-шарж.

Лубки, песенки.

Циганские романсы (в исполнении В.Д. Шумского).

Хозяин сцены и конферансье С.С. Страхов.

Оркестр балаечников п/у Собченко.

Декорации А.А. Вербицкого.

Суббота, 11 июля 1925 г. Сад трактира «Самарканд».

А.М. Ренников. **В трамвае.** Комедия.

Юморист Сергей Бартенев.

Четверг, 29 июля 1925 г. Ресторан «Самарканд».
Театр миниатюр.

Красная кофточка. Веселый скетч.

Фицли-Тицли. Куплеты.

Кино без экрана.

Пятница, 2 октября 1925 г. Манеж.
[Первый спектакль] Белградского русского художественно-драматического общества (80 членов):

А.К. Толстой. **Царь Феодор Иоаннович**. Трагедия в 5-ти действиях.

Постановка А.А. Верещагина, художественного руководителя

Вторник, 6 октября 1925 г. Манеж.
Белградское русское художественно-драматическое общество.
Реприза:
А.К. Толстой. **Царь Феодор Иоаннович**. Трагедия в 5-ти действиях.

Суббота, 31 октября и воскресенье, 1 ноября 1925 г. Ресторан «Самарканд» (Влайковичева, 5).
Сироп Самсона. Фарс в 1-м действии.
Дивертисмент.

Воскресенье, 1 ноября 1925 г. Манеж.
Белградское русское художественно-драматическое общество.
В.О. Трахтенберг. **Ведьма.**
Постановка Ю.Л. Ракитина.

Воскресенье, 6 декабря 1925 г. Манеж.
Белградское русское художемтвенно-драматическое общество.
А.М. Ренников. **Дом сумасшедших**. Трагический фарс в 3-х действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина, при ближайшем участии автора.

1925 г.
Белградское русское художественно-драматическое общество
Гастроли в Новом Саду
А.Н. Островский. **Без вины виноватые**. Комедия в 4-х действиях.

Воскресенье, 13 декабря 1925 г. Манеж.
Белградское русское художественно-драматическое общество.
Ю.Д. Беляев**. Псиша**. Пьеса в 4-х действиях с прологом.
Постановка А.И. Сибирякова.

Воскресенье, 3 января 1926 г. Манеж.
Белградское русское художественно-драматическое общество. Реприза:
Ю.Д. Беляев**. Псиша**. Пьеса в 4-х действиях с прологом.

Воскресенье, 24 января 1926 г. Манеж.
Труппа Союза русских писателей и журналистов в Югославии, при участии членов Белградского русского художественного общества.
А.Н. Островский. **Гроза**. Пьеса в 5-ти действиях.
Постановка А.И. Сибирякова.

Пятница, 5 февраля 1926 г. Манеж.
Белградское русское драматическое общество.
Б. Нушич. **Свет**. Комедия.
Перевод: инженер Владимир Яцынь.
Постановка Миодрага Ристича, члена Драмы Национального театра.

Воскресенье, 7 марта – четверг, 25 марта 1926 г. Зал «Луксор».
Гастроли Русского театра-варьете «Синяя птица» Я.Д. Южного из Берлина.
Выступления состоялись 7, 10, 11, 12, 13, 14 (дневное и вечернее представление), 15, 16, 17, 18, 19, 20 (новая программа), 21 (дневное и вечернее представление), 22, 24 и четверг, 25 марта.

Суббота, 27 марта 1926 г. Манеж.
Концерт-спектакль Русского детского дома в Белграде:
Лукашевич. **Среди цветов**. Пьеса в 2-х действиях.
Б. Нушич. **Наши дети**.
Русский танец.
Постановка Лукашевич.

(18 апреля 1926 г. ?), Четверг, 22 апреля 1926 г. Манеж.
Белградское русское драматическое общество.
Милутин Боич. **Осень короля**. Драма в 1-м действии.
Стихотворный перевод В.В. Хомицкого.
Музыка В.А. Нелидова.
Постановка Миодрага Ристича, члена Национального театра.
М.И. Цветаева. **Фортуна**. Пьеса в 5-ти картинах.
Постановка Миодрага Ристича.
Музыка В.А. Нелидова.

Четверг, 5 мая – четверг, 13 мая 1926 г. Манеж.
Гастроли Пражской труппы МХТ п/у Шарова:
А.Н. Островский. **Бедность не порок**. (5 мая)
Н.В. Гоголь. **Женитьба**. (6 мая)
Л.Н. Толстой. **Живой труп**. (7мая)
А.Н. Островский. **Бедность не порок** (8 мая)
М. Горький. **На дне**. (9 мая)
Л.Н. Толстой. **Живой труп** (10 мая)
А.Н. Островский. **Бедность не порок** (11 мая)
Вечер Чехова. (12 мая)

Прощальный вечер в Большом зале здания Университета (стихотворнеия, отрывки спектаклей) (13 мая).

Среда, 26 мая – четверг, 27 мая 1926 г. Манеж.
Повторные гастроли Пражской труппы МХТ (проездом из Болгарии).

А.Н. Островский. **Бедность не порок** (26 мая)

Вечер Чехова: **Предложение**, **Хирургия**, **Ночь перед судебным процессом**, **Юбилей** (27 мая)

Вторник, 15 июня 1926 г. Манеж.
Торжественный спектакль Белградского русского драматического общества в честь 50-летия старейшего русского актера в эмиграции, дриматурга и «комедиатора» Алексея Львовича Суходольского.

А.С. Грибоедов. **Горе от ума**. Комедия в 4-х действиях.

Постановка Ф.Б. Павловского.

Художник В.И. Жедринский.

В ролях: А.Л. Суходольский (Фамусов) и др.

Суббота, 26 июня 1926 г. Манеж.
Торжественный спектакль Белградского русского драматического общества, в честь 15-тилетного юбилея театральной деятельности Л.В. Мансветовой Прощальный вечер перед ее отъездом в Национальный театр в Сараево).

О. Миртов. **Маленькая женщина**. Мелодрама в 4-х действиях.

Постановка Л.В. Мансветовой.

11 (?) июля 1926 г. Палата «Луксор».
Гастроли труппы «Гнездо перелетних птиц».
Прощальный спектакль.

Суббота, 16 октября 1926 г. Манеж.
Белградское русское драматическое общество, с участием Хора Русского храма в Белграде. Открытие сезона:

А.Н. Островский. **Воевода (Сон на Волге)**. Картины из народной жизни

Постановка Ф.Б. Павловского.

Воскресенье, 21 ноября 1926 г. Манеж.
Белградское русское драматическое общество.

А.И. Косоротов. **Мечта любви**. Пьеса в 4-х действиях.

Постановка Ф.Б. Павловского.

Пятница, 24 декабря 1926 г. Манеж.
Белградское русское драматическое общество.

Н. Бухарин. **Измаил**. Историческая пьеса времен Русско-турецкой войны 1790 г. в 5-ти картинах.

Постановка А.А. Верещагина

Музыка В.А. Нелидова.

Осень 1926 г.
«Драматическая студия» – труппа при Союзе русских писателей и журналистов

Л.Н. Урванцев. **Вера Мирцева**. Пьеса в 4-х действиях.

Постановка Ю.Л. Ракитина.

После 1926 г.

А.Н. Островский. **На каждого мудреца довольно простоты**. Комедия в 5-ти действиях.

•

Среда, 2 февраля 1927 г. Манеж.
«Академическая драматическая группа», основана по инициативе деятельных студентов при Белградском университете.
Первое выступление:

Л.Н. Андреев. **Дни нашей жизни**. Пьеса в 4-х действиях.

Режиссер Св. Милутинович.

Суббота, 5 февраля 1927 г. Манеж.
Спектакль Союза русских писателей и журналистов, при участии членов Студии г-жи Кузнецовой и Ю.Л. Ракитина, а также артистов Белградской оперы, драмы и балета.

Л.Н. Урванцев. **Вера Мирцева (Уголовное дело)**. Пьеса в 4-х д.

Постановка Ю.Л. Ракитина.

Среда, 16 февраля 1927 г. Манеж.
Белградское русское драматическое общество.
Торжественный спектакль в пользу полета русского аэроплана S-35 (системы Игоря Сикорского) через Океан.

А.Н. Островский. **Лес**. Комедия в 5-ти действиях.

Постановка Ф.Б. Павловского.

1 марта и далее 1927. Ресторан «Загреб».
Выступление Русской труппы «Би-Ба-Бо» под управлением Яши Яковлева.

Оперетки, скетчи, трио, дуеты, арии, романсы, балет, пародии, гротески, инсценировки, живые картины, ансамбли, куплеты.

26 марта 1927 г. Манеж.
Белградское русское драматическое общество.

Вечер В.И. Щучкина – 10-летие театральной деятельности.

Суббота, 2 апреля 1927 г. Манеж.
Белградское русское драматическое общество. Премьера:

И.С. Тургенев. **Дворянское гнездо**. По роману, в 11-ти картинах.
Постановка Ф.Б. Павловского.
Художник В.И. Жедринский.
Музыка В.А. Нелидова.

(Апрель?) 1927 г.
Драматическая студия при Союзе русских писателей и журналистов, с артистами труппы Белградского русского драматического общества.

И.Д. Сургучев. **Осенние скрипки**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

Суббота, 21 мая 1927 г. Манеж.
Белградское русское драматическое общество, при участии военного духового оркестра. Премьера, (закрытие сезона):

С.Ф. Рассохин. **На маневрах**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка В.И. Щучкина.

9 июня 1927 г. Кафана «Славия».
Открытие сезона (новой) артистической труппы «Жар-птица»

В программе – миниатюры и сольные выступления.
Режиссер и распорядитель В.И. Щучкин

19 октября 1927г. Ресторан «Сити» (в Пассаже Югословянского банка):
Открытие «Theatre Intime».

Во главе труппы Вера Бураго.
С.С. Страхов. **Роковая маска**. Мелодраматический этюд и проч.

Нач. ноября 1927 г.

В.В. Хомицкий**. Радуга.** Пьеса в 4-х действиях из беженской жизни.

Вторник, 15 ноября 1927 г. Большой зал палаты «Луксор» (после пожара театра «Манеж»).
Белградское русское драматическое общество.
Открытие сезона:

А.И. Сумбатов-Южин. **Старый закал**. Драма в 5-ти действиях.
Постановка Ф.Б. Павловского.

Сезон 1927/1928 гг.
Белградское русское драматическое общество.
Подготавливаются:

Ф.Н. Сологуб. **Победа смерти (Заложники жизни)**. Трагедия в 3-х д.
Козьма Прудков. **Френолог**.
А.Н. Толстой. **Касатка.** Комедия в 3-х действиях.

Понедельник, 9 января 1928 г. Зал начальной школы им. Короля Петра (напротив Дирекции Государственных железных дорог).
Белградское русское художественно-драматическое общество.

Ч. Диккенс. **Гимн Рождеству**. Пьеса в 12-ти картинах с эпилогом.
Инсценировка и постановка А.А. Баташева.

4 марта 1928 г. Французский клуб.
Вечер [Общества] русско-сербских женщин. Артисты труппы «Жар птица».

Покинутая. Комедия-миниатюра.

16 марта 1928 г. Зал Основной школы короля Петра (возле собора). Белградское русское художественно-драматическое общество.

Е.В. Глуховцева. **Новый рай**. Пьеса из советской жизни в 5-ти д.
Постановка Н.З. Рыбинского.

Пятница, 20 апреля 1928 г. Помещение Французского клуба.
Белградское русское художественно-драматическое общество.
Вечер водевиля. Администратор М.М. Манглер. Премьера:

М.А. Суворин. **Вранье**. Шутка в 1-м действии.
Режиссер – автор.
Н.З. Рыбинский. **Наказанная добродетель**. Комедия-шутка в 1-м д.
Ребенок. Фарс в 1-м действии. Перевод в французского С. Варгунина.
Режиссер М.М. Манглер.

5 мая 1928 г. Помещение Французского клуба.
Русское художественно-драматическое общество.

Пушкинский вечер.

Суббота, 12 мая 1928 г. Помещение Французского клуба.
«Молодая Россия» устраивает вечер.

Н.З. Рыбинский. **Наказанная добродетель**. Комедия-шутка в 1-м д.

Суббота, 2 июня 1928 г. Помещение Французского клуба (Кралев трг, 5).
Вечер устраивает Белградское общество офицеров 13-го уланского Владимирского полка.
Артисты Белградского русского художественно-драматического общества

С.Н. Идин. **Беженка**. Фарс в 1-м действии.

Режиссер М.М. Манглер.

Пятница, 8 июня 1928 г. Королевский Национальный театр.
«День русской культуры». Члены Белградского художественно-драматического общества; Драматическая студия Союза русских писателей и журналистов

Л.Н. Толстой. **Плоды просвещения**. Один 1-й акт.

Режиссер Ю.Л. Ракитин.

17 июня 1928 г. Сокольская «Звездара».
Спектакль учениц Русско-сербской гимназии.

А.Н. Островский. **Праздничный сон – до обеда**. Картины из московской жизни. Комедия.

Режиссер В.А. Эккерсдорф.

В мужских ролях члены Белградского русского художественно-драматического общества

Суббота, 8 сентября 1928 г. Большой зал палаты «Луксор».
Белградское художественно-драматическое общество.
Открытие сезона. Памяти Л.Н. Толстого:

Л.Н. Толстой. **Власть тьмы**. Драма в 5-ти действиях.

Постановка Ф.Б. Павловского.

Суббота, 20 октября 1928 г. Ресторан «Академия».
Открывается хорошо известный белградской публике по своим прежним выступлениям Веселый театр-миниатюр «Жар птица».

Кармен наизнанку.

Термометр любви. Веселые сцены.

Серенада трех кавалеров. Буффонада.

Праздник в деревне. Веселый ансамбль

Режиссеры Л.В. Леонский и В.И. Щучкин-Спешнев.

Программа театра составлена в стиле «Летучей мыши», «Кривого зеркала» и «Синей птицы». Во главе «Жар птицы» стоит В.И. Щучкин (Спешнев).

Понедельник, 22 октября 1928 г. Ресторан и пивной бар «Русская корона».
Театр-ревью «Стрекоза».

Директор Борис Баратов.

Женский рай...

Автор-переводчик ревью г. С.С. Страхов.

Постановка Бориса Баратова.

Суббота, 27 октября 1928 г.
Субботник Русских артистов.

Н.З. Рыбинский. **Наказанная добродетель**. Комедия-шутка в 1-м д.

[первые числа] ноября 1928 г. В здании Академии наук.

Театр миниатюр «Жар птица».

Фиакр любви. Стилевая постановка.

Вагон ли. Милая вещица.

Сказка о царе Ахрате. Оперетта.

Суббота, 10 ноября 1928 г. «Клеридж».

Арнольди и Бах. **Шпанская мушка**. Комедия в 3-х действиях.

Постановка М.М. Манглера.

Воскресенье, 2 декабря 1928 г. Зал Французского клуба.
[Реприза].

Беженка. Водевиль.

Суббота, 8 декабря 1928 г. Французский клуб.

Русская студия театрального искусства

Т. Томилин. **Приличие**. Одноактная пьеска.

И.К. Яцын. **Аметисовое колечко**. Драматический этюд.

3-я пьеска в 1-м действии – из быта актеров.

Воскресенье, 9 декабря 1928 г. «Клеридж» или «Луксор».
Белградское русское художественно-драматическое общество

Ю.Д. Беляев. **Дама из Торжка**. Комедия в 4-х действиях.

Постановка Ю.Л. Ракитина.

Воскресенье, 9 декабря 1928 г. Сокольня.
Спектакль учеников русских женской и мужской гимназий.

Н.В. Гоголь. **Женитьба**. Совершенно невероятное событие в 2-х д.

Режиссер С.В. Зозулин.

Воскресенье, 16 декабря 1928 г. Дом Чешской колонии.

Русская студия театрального искусства.

Г.А. де Кальаве, Р. де Флер. **Любовь на страже**. Комедия.

Постановка Н.З. Загороднюка.

31 декабря1927 г. Встреча Нового года во Французском клубе.

Казус. Сценка из современной жизни.

Часовенка. Русский быт северной губернии.

В.В. Билибин. **Приличие**. Одноактная пьеса.

Суббота, 19 января 1929 г. (Крещение). Кафе «Академия».
Белградское Русское Художественно-драматическое Общество.

Бал маскарад, **под названием «Ночь под Рождество в Диканьке»**.

По сюжету и тексту Н.В. Гоголя, в переработке и постановке известного Американского режиссера В.К. Яцына, прибывшего в Белград из Голивуда за баснословный гонорар гарантированный Драматическим Обществом из займа Земскаго Союза.

Помощник режиссера А. Ильченко.

Сценографы А.А. Вербицкий, Б.И. Дочевский и П.Е. Трунов.

Дирижирует танцами К.К. Эггер.

Администратор М.М. Манглер.

Воскресенье, 3 февраля 1929 г. Театральный зал Чехословацкого дома.
Русская студия театрального искусства. Второй раз:

Ж.А. де Гальаве, Робер де Флере. **Любовь на страже**. Комедия.

Постановка Загороднюка.

Суббота, 2 марта 1929 г. (Новооткрытый) Зал «Рабочего дома».
Белградское украинское общество «Просвита» ставит едва ли не первый за всё время украинский спектакль:

М.Л. Крапивницкий. **Невольник**. Пьеса в 5-ти действиях.

Постановка М.М. Манглера.

Воскресенье, 3 марта 1929 г. Зал Французского клуба.
11-й субботник артистов:

Трюк. Скэтч в 1-м действии.

Суббота, 16 марта 1929 г. Зал «Рабочего дома».
Белградское украинское общество «Просвита».
Реприза.

М.Л. Крапивницкий. **Невольник**. Пьеса в 5-ти действиях.

Суббота, 16 марта 1929 г. Театральный зал Чехословацкого дома
Русская студия театрального искусства.

Маскарад – Масленичные балаганы. Балаганы на Марсовом Поле Якуба-Муа.

Режиссеры В.В. Вячеславский и Якуб-Муа.

Художник В. Загороднюк.

Воскресенье, 7 апреля 1929 г. Зал Чехословацкого дома.
Дневной детский спектакль в пользу интерната Русской женской гимназии.

Б. Нушич. **Школски надзорник**. Одноактная комедия.

Режиссер г-жа Б. Нестерович.

В ролях ученицы русской женской гимназии.

Суббота, 20 апреля 1929 г. Зал Чехословацкого дома.
Премьера:

Д.И. Сверчков. **Комета**. Комедия в 4-х действиях.

Режиссер Л.В. Леонский.

Воскресенье, 21 апреля 1929 г. Зал Французского клуба.
12-й очередной субботник. Вечер в пользу студентов-техников.

Страничка романа. Одноактная пьеска.

Вторник, 7 мая 1929 г. Зал Чешскословацкого дома.
Украинский спектакль. Второй раз:

М.Л. Кропивницкий. **Невольник**. Пьеса в 5-ти действиях.

Постановка М.М. Манглера.

Суббота, 11 мая 1929 г. Зрительный зал «Радничкой коморы».
Студия «Русское театральное искусство».

А. Ревуар. **Король Дагобер**. Комедия в стихах, в 3-х действиях.

Пьеса из эпохи 7-го века, перевод с французского Элио и Тэффи.

Постановка В.П. Загороднюка.

13 июня 1929 г. Манеж. Генеральная репетиция.
Драматическая студия Союза русских писателей и журналистов в Югославии, совместно с Русским драматическим обществом В.Н. Загороднюка.

Н.А. Григорьев-Истомин. **Сестры Кедровы**. Комедия в 4-х действиях.

Постановка Ю.Л. Ракитина.

2 ноября 1929 г. Зал Чешскословацкого дома.
Вновь сформированная украинская труппа п/у Мих. Илл. Праведникова ставит

Н.В. Лысенко. **Наталка-полтавка.** Комическая опера в 3-х действиях.
Режиссер М.И. Праведников.

Среда, 20 ноября 1929 г. Манеж.
«Театр русской драмы» п/у А.Ф.Черепова. Открытие сезона. Первый спектакль:

А.К. Толстой. **Смерть Иоанно Грозного**. Трагедия в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 30 ноября 1929 г. Зал Чешскословацкого дома.
Драматическая студия Союза русских писателей и журналистов.

В.П. Катаев. **Квадратура круга**. Комедия в 2-х действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

Суббота, 7 декабря 1929 г. Зал Чешскословацкого дома.
Драматический кружок при местном украинском обществе «Просвита».

Г. Квитка-Основяненко. **Сватання на Гончаривцы**. Оперетта с пением и танцами.

9 декабря 1929 г.
Белградское художественно-драматическое общество.

Ю.Д. Беляев. **Дама из Торжка**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

(Последние дни) декабря 1929 г.
Спектакль учеников Первой русско-сербской гимназии в Белграде.

Н.В. Гоголь. **Ревизор**. Комедия в 5-ти действиях.
Режиссеры: С.В. Зозулин и С.С. Юшкевич.

Понедельник, 23 декабря – 30 декабря 1929 г. Манеж.
Гастроли Пражской труппы МХТ-а:

Ф.М. Достоевский. **Преступление и наказание** (23 декабря)
Л.Н. Андреев. **Мысль** (24 декабря)
Ч. Диккенс. **Сверчок на печи** (25 декабря)
Ф.М. Достоевский. **Преступление и наказание** (26 декабря)
А.Н. Островский. **Бедность не порок** (27 декабря)
Н.В. Гоголь. **Женитьба** (28 декабря)
Ч. Диккенс. **Сверчок на печи** (утро, 29 декабря)

Ф.М. Достоевский. **Преступление и наказание** (вечер 29 декабря)

Ф.М. Достоевский. **Преступление и наказание** (Палата «Луксор», 30 декабря, в 15 часов)

Вечер Чехова (30 декабря)

В ролях: В.М. Греч, К. Дубравина, В.Д. Борзов, П.А. Павлов, И.Е. Дуван-Торцов, Г.М. Хмара, М.Н. Германова и др.

8 января 1930 г. Зал Чешкословацкого дома.
Украинский спектакль. Реприза.

Н.В. Лысенко. **Наталка-Полтавка**. музыкальная драма в 2-х действиях.

Бувальщина. Пьеса.

Суббота, 27 января 1930 г. Зал ресторана «Касина».
Гастроли в Белграде Русского театра «Синяя птица» из Берлина.
1-е выступление.

Воскресенье, 2 февраля 1930 г. Зал Собрания русских офицеров Армии и Флота.
Театр русской драмы. Спектакль школы А.Ф. Черепова.

Г. Ибсен. **Привидения**. Драма в 3-х действиях.

Интерпретация пьесы и постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 9 февраля 1930 г. Зал Офицерского собрания.
Открытие Русского театра «Комедия» (большинство артистов члены Всеславянского общества «Бизанта»).

А.Н. Толстой. **Касатка**. Комедия в 4-х действиях.

Постановка Я. Осипович-Шувалов.

Воскресенье, 23 февраля 1930 г. Зал Русского офицерского собрания.
2-й спектакль Русского театра «Комедия».

Г. Кадельбург. **Темное пятно**. Пьеса.

Постановка Я.М. Осиповича-Шувалова.

Воскресенье, 2 марта 1930 г. Зал Русского офицерского собрания. Реприза:

Г. Кадельбург. **Темное пятно**. Пьеса.

Суббота, 5 апреля 1930 г. Зал «Радничкой коморы».
Спектакль учеников Первой мужской русско-сербской гимназии в пользу нуждающихся выпускников гимназии

А.П. Чехов. **Медьведь**.

А.П. Чехов. **Юбилей**.
А.П. Чехов. **Предложение**.
Режиссер Сергей В. Зозулин, проф.

Воскресенье, 6 апреля 1930 г. Манеж.
«Русская студия театрального искусства» п/у В.П. Загороднюка.
Спектакль для детей и юношества.
Бернетт Ф. **Маленький лорд Фаунтлерой**.
Инсценировка романа Вс. Вячеславского.
Постановка В.П. Загороднюка.

Понедельник, 21 апреля 1930 г. Манеж.
Русская студия театрального искусства. Реприза:
Бернетт-Вячеславский. **Маленький лорд Фаунтлерой**.

17 мая 1930 г., Радничка комора.
Л.Н. Андреев. **Тот, кто получает пощечины**. В 4-х д.
Постановка А.Ф. Черепова.

3 мая 1930 г. Зал «Радничкой коморы».
Украинский спектакль.
А.Л. Суходольский. **Хмара**. Драма в 5-ти действиях.
Режиссер М.М. Манглер.
Хор п/у Ф.Д. Загребельного.

Воскресенье, 18 мая 1930 г. Зал Русского офицерского собрания.
Драматическая студия Союза русских писателей и журналистов в Королевстве Югославии.
А. Стриндберг. **Графиня Юлия**. Трагедия в 3-х действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

Суббота, 31 мая 1930 г. Зал Русского офицерского собрания.
[3-й] Спектакль русского театра «Комедия».
Л.Ф. Яковлев. **Оболтусы-ветрогоны**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка В.И. Щучкина (артиста МХТ).

14 июня 1930 г. Зал Собрания русских офицеров Армии и Флота.
Торжественный спектакль [русского] Театра «Комедия»:
А.П. Чехов. **Дядя Ваня**. Сцены из деревенской жизни в 4-х действиях.
Постановка Осиповича-Шувалова (?).

После 1929, около 1930/1931 гг.

А.И. Сумбатов-Южин. **Исмаил**.

Постановка А.Ф. Черепова.

27 сентября 1930 г.

Русский драматический театр в Белграде.

А.Н. Островский. **Таланты и поклонники**. Комедия в 2-х действиях.

Воскресенье 19 октября 1930 г. Манеж.

Труппа бывш. артистов МХТ. Открытие сезона:

Н.В. Гоголь. **Ревизор**. Комедия в 5-ти действиях.

Постановка Ю.Л. Ракитина.

Художник В.И. Жедринский.

В ролях: П.А. Павлов (Городничий), В.М. Греч (А. Андреева) и др.

Воскресенье, 1 февраля 1931 г. Зал Чешского дома.

Группа русских артистов, бывших членов Русского драматического общества.

Е.М. Пеггелау. **Сделка**. Пьеса.

[середина марта)] 1931 г.

[Русский драматический театр]

В.П. Катаев. **Квадратура круга**. Комедия в 2-х действиях.

Постановка Ю.Л. Ракитина.

Суббота, 2 мая 1931 г. Манеж.

Художественный отдел Института по изучению России:

А.Н. Островский. **Козьма Захарич Минин Сухорук**. Драматическая хроника в 5-ти действиях.

Постановка А.Ф. Черепова.

Четверг, 14 мая 1931 г. Зал «Радничкой коморы».

1-й спектакль Группы артистов под дирекцией Ю.В. Ракитиной ставит свой спектакль в этом зале. Премьева.

А.Н. Островский. **Бесприданница**. Драма в 4-х действиях.

Постановка Ю.Л. Ракитина.

[Воскресенье, 17 ?] мая 1931 г. В ресторане «Уютный уголок».

Украинское драматическое общество.

С.С. Гулак-Артемовский. **Запорожец за Дунаем**. Опера в 3-х д.

Постановка М.М. Манглера.

Вторник, 10 ноября 1931 г. Зал Чехословацкого дома.
2-й спектакль [русской труппы] под дирекцией Ю.В. Ракитиной.

Люи Верней. **Кузина из Варшавы**. Комедия в 3-х действиях.

Перевод с французского В.В. Вячеславского.

Постановка Ю.В. Ракитиной.

12 декабря 1931 г.
3-й спектакль Русской труппы под дирекцией Ю.В. Ракитиной.

Н.Н. Евреинов. **Самое главное**. Для кого комедия, а для кого и драма, в 4 действиях.

Постановка Ю.В. Ракитиной**.**

Четверг, 31 марта 1932 г. Зал Русского офицерского собрания.
Союз русских писателей и журналистов и Украинское художественно-драматическое общество.
По случаю 100-летия выхода в свет книги:

Н.В. Гоголь. **Вечера на хуторе близ Диканьки**. Инсценировка.

10 апреля 1932 г. Зал «Радничкой коморы».
4-й спектакль Русской труппы под дирекцией Ю.В.Ракитиной.

П.С. Романов. **Свободная любовь**.

Под режиссурой Ю.В. Ракитина.

Суббота, 14 мая 1932 г. Зал «Радничкой коморы».
5-й спектакль ансамбля русских артистов п/у В.Ракитиной:

И.С. Лукаш. **Суворов на Альпах**. Новая пьеса в 1-м действии.

И.С. Тургенев. **Провинциалка**, комедия в 1-м действии.

28 июня 1932 г. Русское офицерское собрание.
Вечер в пользу недостаточных учениц Белградской Русско-сербской гимназии.

Музыка ***, Сл. Раппопорта. **Иванов Павел**. Комическая опера в 2-х действиях.

12 ноября 1932 г. Зал Коларчева университета.
[6-й ? спектакль] Русская любительская драматическая труппа под дирекцией Ю.В. Ракитиной:

А.М. Файко. **Человек с портфелем**. Драма в 5-ти актах.

Постановка Ю.В. Ракитиной.

30 ноября 1932 г. Зал Русского офицерского собрания.
Н.З. Рыбинский. **Случай в Эльдорадо**. Беженская комедия с пением и танцами.

Н.З. Рыбинский. **Страшная эпидемия**. Скэтч.

Н.З. Рыбинский. **Машина счастья**. Психометрическая шутка.

Н.З. Рыбинский. **Наказанная добродетель**. Комедия.

Воскресенье, 11 декабря 1932 г. Зал Коларчева университета.
7-й спектакль Русская труппа под дирекцией Ю.В. Ракитиной.

Н.Н. Евреинов. **Самое главное** (**Комедия счастья**). Для кого комедия, а для кого и драма, в 4 действиях.

Постановка Ю.В. Ракитиной.

Воскресенье, 15 января 1933 г. Зал Коларчева университета.
8-й спектакль Театральной труппы под дирекцией Ю.В. Ракитиной.

Джером К. Джером. **Мисс Гоббс**. Комедия в 4-х действиях.

Постановка Ю.В. Ракитиной.

5 марта 1933 г. Зал Коларчева университета.
Юбилейный спектакль Ю.В. Ракитиной – 20-летие артистической деятельности

П.С. Романов. **Три пары шелковых чулок (Товарищь Кисляков)**.

Переделка Б. Унгерна.

Постановка Ю.В. Ракитиной.

11 марта 1933 г. Зал Русского офицерского собрания.
Дамский комитет им. Вел. Кн. Татьяны Николаевны дает спектакль:

Томас Брандоль. **Тетка Чарлея**. Шутка-комедия в 3-х актах.

Суббота, 1 апреля 1933 г. Зал Русского офицерского собрания.
Очередной спектакль Театральной труппы Украинского культурно-просветительного общества «Украинская Громада», руководимой М.И. Колесниковой. Две музыкальные веселые пьесы:

С.В. Васильченко. **На перши гули**. Картина в 1-м действии.

П. Нищински. **Вечерныци**. Оперетта.

Постановка М.И. Колесниковой.

Воскресенье, 2 апреля 1933 г. Зал Коларчева университета.
[10-й] спектакль Театральной труппы под дирекцией Ю.В. Ракитиной.

Вс.В. Хомицкий. **Эмигрант Бунчук**. Комедия в 3-х действиях.

Постановка Ю.В. Ракитиной..

13 мая 1933 г. Русский дом.
Гастроли [Русской] драматической труппы Елены Александровны Полевицкой.

Ф.М. Достоевский. **Идиот**. Инсценировка романа.

14 мая 1933 г. Русский дом.
Гастроли Русской драматической труппы Е.А. Полевицкой.

16 мая 1933 г. Зал Коларчева университета.
Гастроли Русской драматической труппы Е.А. Полевицкой.

И.С. Тургенев. **Дворянское гнездо**. Инсценировка романа.

Воскресенье, 4 июня 1933 г. Зал Коларчева университета.
[11-й] спектакль Театральной труппы под дирекцией Ю.В. Ракитиной.

И.С. Тургенев. **Завтра**к **у предволителя**.
И.С. Тургенев. **Вечер в Соренто**.
И.С. Тургенев. **Провинциалка**.
Постановка Ю.В. Ракитиной.

[конец июня] 1933 г. Русский дом.
Спектакль п/у И.Е. Дуван-Торцова.

А. В. Сухово-Кобылин. **Свадьба Кречинского**. Комедия в 3-х действиях.
Постановка И.Э. Дуван-Торцова.

Суббота, 15 июля 1933 г. Зал Русского офицерского собрания.
«Вечер здорового русского смеха». Устраивает артист МХТ Дуван-Торцов.

Медведь. Загадочная натура. **Частушки**.
В инсценировке И.Э. Дуван-Торцова

Воскресенье, 1 октября 1933 г. Зал Коларчева университета.
12-й спектакль Театральной труппы под дирекцией Ю.В. Ракитиной.
Открытие сезона:

Д.С. Мережковский. **Петр и Алексей (Царевич Алексей)**. Трагедия в 5-ти действиях (8-ми сценических картинах).
Постановка Ю.Л. Ракитина.

Суббота, 7 октября 1933 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр. Открытие сезона.

А.Н. Островский. **Доходное место**. Комедия в 5-ти актах.

Суббота, 14 октября 1933 г. Русский дом.
[2-й спектакль] Русский общедоступный театр под руководством г.г. И.Э. Дуван-Торцова и А.Ф. Черепова.

А. Дюма. **Кинь**. Пьеса в 4-х действиях (5-ти картинах).

Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 22 октября 1933 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр. Реприза:

А.Н. Островский. **Доходное место**. Комедия в 5-ти актах.

Суббота, 4 ноября 1933 г. Русский дом.
Русский общедоступный театр Большой патриотический спектакль:

А.Н. Островский. **Василиса Мелентьева**. Драма в 5-ти действиях.

Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 4 ноября 1933 г. Зал Коларчева университета.
13-й спектакль драматической труппы под дирекцией Ю.В. Ракитиной.

Ильф-Петров. **Двенадцать стульев**. Комедия-сатира.

Постановка Ю.В. Ракитиной и Н.Н. Адамович.

Конструктивные декорации В.И. Жедринского.

Суббота, 11 ноября 1933 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.

Т.Л. Щепкина-Куперник. **Кулисы (Барышня с фиалками)**. Пьеса в 4-х действиях.

Постановка А.Ф. Черепова.

Среда, 15 ноября 1933 г. Зал Коларчевого университета.
Русское музыкальное общество.

Н.А. Римский-Корсаков. **Майская ночь**. Опера в 3-х действиях.

Постановка М.Н. Каракаша.

Оркестр Королевской гвардии.

Дирижер Илья Слатин. Б

Исполнители: С.Н. Давыдова-Слатина, А.А. Дориан, Т.Н. Батранец, С.Н. Николаевич-Коровников, А.И. Маношевский, Шевелев, Мирославский, Авдеев.

Суббота, 18 ноября 1933 г. Зал Коларчева университета.
Труппа артистов п/у М.М. Манглера.

С.Ф. Сабуров. **Испанская танцовщица**. Комедия.
Постановка М.М. Манглера.

Воскресенье, 19 ноября 1933 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
А.В. Сухово-Кобылин. **Свадьба Кречинского**. Комедия в 3-х действиях.
Постановка И.Э. Дуван-Торцова.

Воскресенье, 26 ноября 1933 г. Зал Русского офицерского собрания. «Русский интимный театр» возобновляет давать спектакли:
В.Г. Пергамент. **Фарфоровые куранты**. Оперетта.
Интимные песенки, комедии и др.

Суббота, 2 декабря 1933 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Л.Н. Андреев. **Дни нашей жизни**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 3 декабря 1933 г. Русский дом.
1-я постановка «Русского студенческого театрального кружка»:
И.Н. Потапенко. **Волшебная сказка**. Пьеса в 4-х действиях.

Суббота, 9 декабря 1933 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
А.Н. Островский. **Женитьба Белугина**. Комедия в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

19 декабря 1933 г. Зал Коларчева университета.
14-й спектакль Театральной труппы под дирекцией Ю.В. Ракитиной.
Н.Н. Евреинов. **Любовь под микроскопом**. Комедия в 3-х действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

Суббота, 23 декабря 1933 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр
Н.В. Гоголь. **Мертвые души**. Инсценировка в 10-ти картинах.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 31 декабря 1933 г. Русский дом.
Русский общедоступный театр
Л.Н. Андреев. **Дни нашей жизни**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Сезон 1934/1935 г. Зал Коларчева университета.
[15-й спектакль] Театральная труппа под дирекцией Ю.В. Ракитиной.
В.П. Катаев. **Дорога цветов**. Комедия в 4-х действиях.

8 января [1934] г. Русский дом.
Русский общедоступный театр.
А.Н. Островский. **Женитьба Белугина**. Комедия в 5-ти действиях.
Постанолвка А.Ф. Черепова.

9 января 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр. Премьера:
Гр.Гр. Ге. **Трильби**. Мистическая драма в 1-м действии.
Постановка А.Ф. Черепова.

Вторник, 9 января 1934 г. Зал «Привредника» (Крунска, 5).
Калмыцкий спектакль: Национальные обычаи, танцы, пение.
Участники: белградские калмыки.

Пятница, 12 января 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
А.Н. Остройский. **Волки и овцы**. Комедия в 5-ти действиях.

Суббота, 19 января 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
А.С. Грибоедов. **Горе от ума**. Комедия в 4-х действиях, в стихах.
Режиссер А.Ф. Черепов.

Суббота, 20 января 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный театр. Премьера:
С.А. Найдёнов. **Дети Ванюшина**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 21 января 1934 г. Коларчев университет.
Повторяется спектакль **Испанский танец**.

9 февраля 1934 г. «Луксор» или Зал Коларчева университета.
[16-й спектакль] Театральная труппа под дирекцией Ю.В. Ракитиной.
Выступление М.А. Крыжановской.
А.П. Чехов. **Чайка**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

Суббота, 10 февраля 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный театр. Премьера:
А.Н. Островский. **Лес**. Комедия в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 10 февраля 1934 г. Зал Коларчева университета.
[17-й спектакль] Театральная труппа под дирекцией Ю.В. Ракитиной.
А.Н. Островский. **Таланты и поклонники**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина.
Выступление М.А. Крыжановской.

Понедельник, 12 февраля 1934 г. Зал Коларчева университета.
3-е выступление М.А. Крыжановской. Театральная труппа Ю.В. Ракитиной.
И.А. Гончаров. **Обрыв**. Инсценировка романа.

Суббота, 17 февраля 1934 г. Палата «Луксор».
4-е выступление М.А. Крыжановской. Театральная труппа Ю.В. Ракитиной.
Реприза:
И.А. Гончаров. **Обрыв**. Инсценировка романа.

Воскресенье, 18 февраля 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный театр. Премьера:
Г. Кадельбург. **Д-р Роби Будлейг (Темное пятно)**. Комедия в 3-х д.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 3 марта 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный театр.
Повторяется спектакль:
Г. Кадельбург. **Д-р Роби Будлейг**. Комедия в 3-х действиях.

Воскресенье, 4 марта 1934 г. Русский дом.
В.А. Рышков. **Змейка**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка артистки Ю.В. Набоковой-Юровой.

Воскресенье, 4 марта 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный театр.Премьера:
Л.Н. Толстой. **Живой труп**. Драма в 3-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.
Аранжировка цыганских песен О.П. Миклашевского.

Воскресенье, 11 марта 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный театр. Реприза:
Л.Н. Толстой. **Живой труп**. Драма в 3-х действиях.

Суббота, 17 марта 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный театр.
Ю.Д. Беляев. **Псиша**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 18 марта 1934 г. Русский дом.
Торжественный спектакль, посвященный Н.В. Гоголю по поводу 125-летия со дня его рождения.
Н.В. Гоголь. **Женитьба**. Совершенно невероятное событие в 3-х д.
Постановка С.В. Зозулина.

Пятница, 23 марта 1934 г. Русский дом.
Премьера.
Князь Владимир и киевские богатыри.
Драматизация пьесы – преподаватель Н.А. Чернышёв.
Режиссер В.И. Щучкин..
Музыка: А.П. Бородина, Н.А. Римского-Корсакова, А.Н. Серова, старинные русские песни.

Суббота, 24 марта 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
А.Н. Толстой. **Касатка**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка и декорации П.Е. Никитина.

Воскресенье, 25 марта 1934 г. Русский дом.
Спектакль Русской гимназии. Реприза:
Театр-картина **Князь Владимир и киевские богатыри**.

Понедельник, 9 апреля 1934 г. (2-й день Пасхи). Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр. Гастроли Л.В. Мансветовой.
А.Н. Островский. **Василиса Мелентьева**. Пьеса в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Вторник, 10 апреля 1934 г. (3-й день Пасхи). Русский дом.
Русский общедоступный театр. Гастроли Л.В. Мансветовой.
О. Миртов. **Миленькая женщина**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Среда, 11 апреля 1934 г. Палата «Луксор».
Театральная труппа под дирекцией Ю.В. Ракитиной.
В.В. Хомицкий (В.В.Вячеславский). **Вилла вдовы Туляковой**.
(вторая пьеса автора, первая – «Эмигрант Бунчук»).
Постановка Ю.В. Ракитиной.

Воскресенье, 15 апреля 1934 г. Русский дом.
25-й спектакль Русского общедоступного драматического театра. При участии Л.В. Мансветовой. Бенефис А.Ф. Черепова.
Л.Н. Толстой. **Отец Сергий**. Инсценировка.
Постановка А.Ф. Черепова и А.И. Сибирякова.

30 апреля 1934 г. Зал Коларчева университета.
Театральная труппа под дирекцией Ю.В. Ракитиной.
В.В. Хомицкий. **Шагай по жизни**, оперетта.
Постановка Ю.В. Ракитиной.

Суббота, 5 мая 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный театр. Закрытие сезона 1933-34 гг. Премьера:
Д.В. Аверкиев. **Каширская старина**. Драма в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 2 июня 1934 г. Русский дом.
Экзаменационный спектакль Русской драматической студии Юлии Ракитиной, при участии членов труппы Ю.В. Ракитиной: А.А. Дориан, Л.Н. Нильской и А.В. Панова:
М. Боич. **Женитьба Уроша**. Сцена из 3-го действия.
А.Н. Островский. **Поздняя любовь**. 2-е действие.
А.Н. Островский. **Гроза**. 2-е действие.
М. Горький. На дне. 4-е действие.
Режиссеры:Мата Милошевич, Юлия Ракитина, А.Ф. Заярный.
Художник В.И. Жедринский.
Администратор С.С. Страхов.

Воскресенье, 10 июня 1934 г. Русский дом.
«День русской культуры»: Поставлены будут отрывки:
М.Ю. Лермонтов. **Маскарад**. 4-й акт.
Н.В. Гоголь. **Мертвые души**. Сцена.
А.Н. Островский. **Лес**. Сцена.

30 июня и 1 июля 1934 г. Русское офицерское собрание.
Состоялись очередные спектакли «Театра миниатюр»: Одноактные комедии, водевили, лубок, балетные номера, злободневные рапорты.

Режиссеры: А.Д. Кринский и О.П. Миклашевский.

Суббота, 22 сентября 1934 г. Русский дом.
Открытие сезона 1934-35 гг. Русский общедоступный драматический театр.

А.Н. Островский. **Бедность не порок**. Комедия в 3-х действиях.
Режиссер А.Ф. Черепов.

Суббота, 29 сентября 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр. Премьера:

К. Гольдони. **Трактирщица**. Комедия в 3-х действиях.
Режиссер А.Ф. Черепов.
Помощник режиссера А.Д. Криницкий.

(октябрь) 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.

Б. Нушич. **Наследники (Ожалошћена породица)**. Комедия в 3-х д.
Перевод Орешкова.
Постановка А.Ф. Черепова и А.А. Орлова.
[На спектакле присутствовал автор].

Суббота, 6 октября 1934 г. Зал Коларчева университета.
Труппа русских актеров.

А.К. Толстой. **Царь Феодор Иоаннович**. Трагедия в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 13 октября 1934 г. Зал Коларчева университета.
Русская труппа под дирекцией Ю.В. Ракитиной.

Открытие [четвертого] сезона 1934/1935 гг.:
А.Н. Толстой. **Чудеса в решете**. Пьеса.

Суббота, 13 октября 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.

30-летие кончины А.П. Чехова.
А.П. Чехов. **Вишневый сад**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 3 ноября 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
В память 30-летия со дня смерти А.П.Чехова.
Вступительное слово проф. Н.А.Чернышева.

А.П. Чехов. **Вишневый сад**. Комедия в 4-х действиях.

Режиссер А.Ф. Черепов.

Помощник режиссера А.Д. Криницкий.

По случаю трагической гибели короля Александра Карагеоргиевича, спектакль откладывается.

Суббота, 24 ноября 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Состоится спектакль А.П. Чехов. **Вишневый сад**. Комедия в 4-х действиях.

Суббота, 1 декабря 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.

А.И. Косоротов. **Мечта любви**. Пьеса в 4-х действиях.

Режиссер А.Ф. Черепов.

Воскресенье, 2 декабря 1934 г.
Русская труппа под дирекцией Ю.В. Ракитиной.

А.Н. Толстой. **Чудеса в решете**. Комедия в 4-х действиях.

Суббота, 8 декабря 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.

Л.Н. Андреев. **Тот, кто получает пощечины**. Представление в 4-х д.

Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 15 декабря 1934 г.
Торжественное чествование прославленного югославянского писателя г. Бранислава Нушича, члена Королевской Академии Наук, по случаю его 70-летия.

1. Слово профессора Белградского Университета А.Л. Погодина.
2. В присутствии автора:
   Б. Нушич. **Наследники («Ожалошћена породица»)**. Комедия в 3-х д.
   Перевод с сербского г. Б. [Б.М. Орешков].
   Заменяющий режиссера А.Ф. Черепова – А.А. Орлов (ввиду болезни А.Ф. Черепова).

Суббота, 22 декабря 1934 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.

Шла отмененная пьеса **Тот, кто получает пощечины.**

Воскресенье, 23 декабря 1934 г. Зал Коларчева университета.
22-й спектакль Театральной труппы под дирекцией Ю.В. Ракитиной.

В.П. Катаев. **Дорога цветов**. Комедия в 4-х действиях.
Режиссер Л.В. Леонский.
Художник В.Л. Гальской.
Администратор Н.Н. Ключарёв.

Суббота, 22 декабря 1934 г. Помещение Югославянского банка.
Начало деятельности Театра «Крокодил».

Труппа состоит из 15-ти человек. Репертуар театра – оперетки, комедии, гротески, инсценировки, лубки, ревью и т.д. Вход бесплатный. Начало спектаклей в 9 ½ час. Вечера. Играет первоклассный джаз-оркестр.

Среда, 9 января 1935 г. Зал Коларчева университета.
Торжественный спектакль Русского народного ополчения с отчислением в пользу постройки Усыпальницы Русским воинам, павшим за Царскую Россию и Славянство на территории Королевства Югославии.

1. Военная музыка.
2. Речь Шефа отделения Белградской общины Н.М. Богдановича.
3. Труппой Русского общедоступного драматического театра представлено будет:

А.И. Сумбатов-Южин. **Старый закал**. Драма в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.
Участвует хор Русского народного ополчения.
В антрактах играет оркестр Белградского гарнизона.

Суббота, 12 января 1935 г., Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Большой праздничный спектакль:

А.Н. Островский. **Волки и овцы**. Комедия в 5-ти действиях.
Режиссер А.Ф. Черепов.

В день Крещения, 19 января 193(5?) г. Русский дом. Премьера:

М.Е. Салтыков-Щедрин. **Иудушка (Господа Головлевы)**. Инсценировка
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 19 января 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.

А.С. Грибоедов. **Горе от ума**. Комедия в 4-х действиях, в стихах.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 2 февраля 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Монтегю и Гласс. **Поташ и Перламутр**. Комедия.

Суббота, 16 февраля 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
М.П. Арцыбашев. **Война**. Пьеса в 4-х действиях.
Режиссер А.Ф. Черепов.

Воскресенье, 17 февраля 1935 г. Зал Коларчева университета.
И.И. Мясницкий. **Не моя жена (Не лги!)**. Комедия.
Постановка М.М. Манглера.

Суббота, 23 февраля 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Ю.Д. Беляев. **Дама из Торжка**. Комедия в 4-х действиях.
Режиссер А.Ф. Черепов.

Суббота, 2 марта 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Л.Н. Андреев. **Гаудеамус**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 3 марта 1935 г. Зал Коларчева университета.
С.С. Гулак-Артемовский. **Запорожец за Дунаем**. Опера в 3-х действиях.
Постановка М.М. Манглера.

Суббота, 9 марта 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
М.П. Арцыбашев. **Ревность**. Драма в 5-ти действиях.
Режиссер А.Ф. Черепов.

Воскресенье, 17 марта 1935 г. Русский дом.
Театральная студия при Русском общедоступном театре.
Спектакль студийцев-учеников:
Э. Ростан. **Белый ужин**.
А.П. Чехов. **Хирургия**. Инсценировка рассказа.
А.Т. Аверченко. **Без ключа**.
А.П. Чехов. **Юбилей**.
Руководитель студии А.Ф. Заярный.

Вторник, 19 марта 1935 г. Русский дом или Зал Коларчева университета.
Театральная студия Союза русских писателей и журналистов.
Н.В. Гоголь. **Игроки**. Комедия в 2-х действиях.

Суббота, 23 марта 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный театр.
Г. Гауптман. **Потонувший колокол**. Драма-сказка.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 3 апреля 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр. Премьера:
Г. Гауптман. **Потонувший колокол**. Драма-сказка.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 13 апреля 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Н.В. Гоголь. **Ревизор**. Комедия в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 17 апреля 1935 г. Зал Русского офицерского собрания.
Н.З. Рыбинский. **Белградская болтовня**. Скетч.
Постановка Н.З. Рыбинского.

Воскресенье, 18 апреля 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
В. Гюго. **Король забавляется**. Романтическая драма в 5-ти действиях.
Режиссер А.Ф. Черепов.

Понедельник, 29 апреля 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный театр. Пасхальный спектакль.
Н.В. Денисов. **Спящее царство**. Сказка-феерия в 3-х действиях.
Режиссер А.Ф. Черепов.

(начало мая 1935) г. Русский дом.
Русский общедоступный театр.
Первые гастроли в Белграде Марии Андреевны Ведринской, премьерши Императорского Александринского театра:
Э. Шельдон. **Роман**.
Постановка А.Ф. Черепова.

Четверг, 2 мая 1935 г. Зал Коларчева университета.
25-й, юбилейный спектакль Труппы Л.В. Ракитиной.

[Н.М. Февр и С.С. Страхов]. **Шагай по жизни**. Пьеса анонимных писателей.

Постановка Ю.Л. Ракитина.

Суббота, 4 мая 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Вторая гастроль М.А. Ведринской.

А. Дюма-сын. **Дама с камелиями**. Пьеса в 5-ти действиях.

Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 11 мая 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр. 3-я гастроль М.А. Ведринской.

Г. Зюдерман. **Бой бабочек**. Комедия в 2-х действиях.

На второй день Пасхи, май 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.

Н.В. Денисов. **Спящее царство**. Сказка-феерия.

Балет девочек поставила В.Д. Чалеева.

Четверг, 16 мая 1935 г. Зал «Луксор».
Русский спектакль труппы Ю.В. Ракитиной. Реприза:

[Н.М. Февр, С.С. Страхов]. **Шагай по жизни**. Пьеса анонимных писателей.

Суббота, 18 мая 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Четвертая гастроль М.А. Ведринской.

О. Уайльд. **Идеальный муж**. Пьеса в 4-х действиях.

Режиссер А.Ф. Черепов.

Четверг, 23 мая 1935 г. Сербский национальный театр.
Гастроли русской труппы в Национальном театре, с участием М.А. Ведринской:

А. Дюма-сын. **Дама с камелиями**. Пьеса в 5-ти действиях.

Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 25 мая 1935 г. Русский дом.
Реприза:
А. Дюма-сын. **Дама с камелиями**. Пьеса в 5-ти действиях.

Суббота, 1 июня 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Бенефис А.Ф. Черепова, гастроли М.А. Ведринской.
И.С. Тургенев. **Дворянское гнездо**. Инсценировка.
Постановка А.Ф. Черепова

Пятница, 7 июня 1935 г. Русский дом.
Последняя гастроль М.А. Ведринской: Второй раз шел спектакль
Э. Шелдон. **Роман**.

Четверг, 13 июня 1935 г. Русский дом.
50-тый спектакль Русского общедоступного театра.
Бенефис труппы, при участии М.А. Ведринской и А.Ф. Черепова.
А.Н. Островский. **Гроза**. Пьеса в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.
При участии М.А. Ведринской.

Суббота, 5 октября 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Открытие 3-го сезона (1935/36 гг.):
Л.Н. Толстой. **Плоды просвещения**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 19 октября 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Д.Т. Ленский. **Лев Гурыч Синичкин**. Водевиль в 5-ти действиях.
Режиссер А.Ф. Черепов.
Музыка написана и музыкальная часть поставлена О.П. Миклашевским.

Суббота, 26 октября 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Первое выступление М.А. Ведринской:
А. Батайль. **Обнаженная**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка М.А. Ведринской.
Музыкальная часть поставлена О.П. Миклашевским.

Среда, 6 ноября 1935 г. «Луксор».
Труппа под дирекцией Ю.В. Ракитиной.
В.П. Катаев. **Дорога цветов**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

Суббота, 9 ноября 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр. Гастроли М.А. Ведринской.
Пресбер-Стейн. **Барберина (Балерина короля)**. Комедия в 4-х д.
Постановка Я.М. Осиповича.

Воскресенье, 10 ноября 1935 г. Зал Русского офицерского собрания.
Бенефис К.Н. Томина по поводу 20-летия артистической деятельности.
Будут исполнены пьесы П.П. Гнедича, А. Шницлера, К.Н. Томина.

Вторник, 12 ноября 1935 г. «Луксор».
Труппа под дирекцией Ю.В. Ракитиной
Реприза прошлогоднего спектакля, видоизмененная.
[С.С. Страхов, Н.М. Февр]. **Шагай по жизни**. Оперетта-ревью.

Суббота, 16 ноября 1935 г. Зал Коларчева университета.
Торжественный спектакль Союза русских писателей и журналистов. Организация спектакля поверена Дирекции Русской театральной труппы
Ю.В. Ракитиной.
А.С. Грибоедов. **Горе от ума**. Комедия в 4-х действиях.
Режиссер Ю.Л. Ракитин.

Воскресенье, 17 ноября 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр. С участием М.А. Ведринской.
Т.Л. Щепкина-Куперник. **Кулисы (Барышня с фиалками)**. Пьеса в 4-х д.
Постановка М.А. Ведринской.

Суббота, 23 ноября 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Г. Ибсен. **Нора (Кукольный дом)**. Пьеса в 3-х действиях.
Постановка М.А. Ведринской.
Музыкальная часть поставлена О.П. Миклашевским.

Воскресенье, 24 ноября 1935 г. Зал Коларчева университета.
Открытие 4-го сезона русских спектаклей п/д Ю.В. Ракитиной.
И.С. Тургенев. **Месяц в деревне**. Пьеса в 5-ти действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

Вторник, 26 ноября 1935 г. Зал Коларчева университета.
Русский общедоступный драматический театр.
Л.Н. Толстой. **Живой труп**. Драма в 9-ти картинах.
Постановка А.Ф. Черепова
Музыка и цыганский хор п/у О.П. Миклашевского.

Суббота, 30 ноября 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Ф. Шиллер. **Коварство и любовь**. Трагеди в 5-ти актах.
В заглавной роли М.А. Ведринская.

Воскресенье, 1 декабря 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Тайны леса.

Четверг, 5 декабря 1935 г. Малый театральный зал «Луксор».
Спектакль Театральной труппы п/д Ю.В. Ракитиной. Премьера:
В.В. Хомицкий. **Ванька-встанька**. Комедия.
Постановка Ю.В. Ракитиной.

Пятница, 10 декабря 1935 г. Русский дом.
Союз русский писателей и журналистов. Вечер Л.Н. Толстого.

1. Лекция П.Б. Струве. «Вечная сущность Толстого».
2. А.И. Ксюнин. «Уход Толстого» (Личные воспоминания).
3. Л.Н. Толстой. **Воскресение**. Эпилог романа.
4. Исполняют: Ю.В. Ракитина, В.А. Эккерсдорф, Н.Н. Ключарёв.
5. Музыкальная программа: Л. Бетховен. Лунная соната (Зина Певзнер-Крекович); Л. Бетховен. Крейцерова соната (Полина Шустер, скрипка; Н.Д. Мисочко-Егорова, Ф-но).

Суббота, 14 декабря 1935 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Гр.Гр. Ге. **Казнь**. Драма в 4-х действиях и 5-ти картинах.
Режиссер А.Ф. Черепов.
Музыкальная часть поставлена О.П. Миклашевским.

Суббота, 21 декабря 1935 г. Русский дом.
И.Д. Сургучев. **Игра**. Комедия в 3-х актах.
Постановка И.М. Осипович, Г.А. Томин.

Воскресенье, 5 января 1936 г. «Луксор».
Театральная труппа под дирекцией Ю.В. Ракитиной.
Ж. Оффенбах. **Перикола.** Оперетта.
Исполнение на сербском языке.
Постановка Ю.В. Ракитиной.
Дирижер Н.И. Васильев.

Среда, 8 января 1936 г. Русский дом.
Малороссийский спектакль.
Бувальщина, **Вечерницы**, **Ночь под Рождество**.

Четверг, 9 января. Зал Коларчева университета.
Русская драматическая труппа п/у А.Ф. Черепова.
По случаю 100-летия со времени постановки.
Н.В. Гоголь. **Ревизор**. Комедия в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 11 января 1936 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
В. Мейер-Ферстер. **Старый Гейдельберг (Наследный принц)**. Пьеса.

[начало] 1936 г., Русский дом.
П.Н. Краснов. **Смена**. Драма из жизни русских эмигрантов.
Труппа Ю.В. Ракитиной.

Воскресенье, 19 января 1936 г. Русский дом.
В.Л. Крылов. **Первая муха**. Комедия-шутка в 3-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 1 февраля 1936 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Л.Н. Андреев. **Не убий**. Пьеса в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 9 февраля 1936 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
А.В. Сухово-Кобылин. **Свадьба Кречинского**. Комедия в 3-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 15 февраля 1936 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
И.И. Мясницкий. **Дядюшкина квартира**. Комедия в 3-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 22 февраля 1936 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
И.Д. Сургучев. **Осенние скрипки**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 7 марта 1936 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
А.И. Сумбатов-Южин. **Соколы и вороны**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 21 марта 1936 г. Русский дом.
А.П. Чехов. **Дядя Ваня**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 28 марта 1936 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Гр.Гр. Ге. **Трильби**. Пьеса в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 29 марта 1936 г. Русский дом.
В программе инсценировки и сцены:
Н.А. Некрасов. **Русские женщины**.
М.Ю. Лермонтов. **Маскарад**. Сцена.
Ю.Д. Беляев. **Путаница**. Веселый водевиль.
Гл. роль и режиссер М.А. Ведринская.

Вторник, 5 апреля 1936 г. Русский дом.
Первый спектакль Драматической труппы Ю.В. Ракитиной в Русском доме:
А.Н. Островский. **На всякого мудреца довольно простоты**. Комедия в 5-ти действиях.
Постановка Ю.В. Ракитиной.

Суббота, 18 апреля 1936 г. Русский дом.
Бенефис Александра Филипповича Черепова:
И.В. Шпажинский. **В старые годы**. Драма в 5-ти действиях.

Суббота, 25 апреля 1936 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
В.С. Салимон. **Дело Картэ**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 2 мая 1936 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
В.А. Рышков. **Начало карьеры**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 9 мая 1936 г. Русский дом.
70-й спектакль Русского общедоступного драматического театра.
И.Д. Сургучев. **Торговый дом**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

30 мая 1936 г., Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр. Вечер юмора:
А.Т. Аверченко. **Старики**. Сцена в 1-м действии.
А.П. Чехов. **Ведьма**. Инсценировка П.А. Павлова.
А.П. Чехов. **Мыслитель**. Инсценировка П.А. Павлова.
А.П. Чехов. **Юбилей**. Шутка в 1-м действии.

13 июня 1936 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр.
Гастроли артистов МХТ-а В.М. Греч и П.А. Павлова.
А.Н. Островский. **Без вины виноватые**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова.

Воскресенье, 4 октября 1936 г. Русский дом.
Русский театр (объединены две русские драматические труппы А.Ф. Черепова и Ю.В. Ракитиной). Открытие сезона. Первый спектакль.
Художественные руководители В.М. Греч и П.А. Павлов.
А.П. Чехов. **Вишневый сад**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка В.М. Греч, П.А. Павлова и А.Ф. Черепова
Художник А.А. Вербицкий.

Среда, 7 октября 1936 г. Русский дом.
Объединенные русские труппы, при участии М.А. Ведринской.
А.Н. Островский. **Бесприданница**. Драма в 4-х действиях.
Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова.

Суббота, 10 октября 1936 г. Русский дом.
Объединенные русские труппы.
М. Горький. **На дне**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова.
Художник А.А. Вербицкий.

Суббота, 17 октября 1936 г. Русский дом.
Объединенные русские театральные труппы.
Н.В. Гоголь. **Женитьба**. Совершенно невероятное событие в 2-х д.
Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова.

Воскресенье, 1 ноября 1936 г. Русский дом.

А.К. Толстой. **Смерть Иоанна Грозного**. Трагедия в 5-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.
Хор п/у А.Н. Кузьменко.
Художник А.А. Вербицкий.

Суббота, 7 ноября 1936 г. Русский дом.

Ильф, Петров и Катаев. **Даешь невесту**. Комедия в 3-х действиях.

Воскресенье, 15 ноября 1936 г. Русский дом.
Белградская оперетка. Гастроли Ираиды Павловны Комаревской.

Б. Гренихштедтен. **Орлов.** Оперетта.
Оркестр Королевской гвардии.

Воскресенье, 22 ноября 1936 г. Русский дом.
Белградская оперетка. Вторые гастроли И.П. Комаревской.
Оркестр Королевской гвардии п/у Йована Србуля.

Четверг, 26 ноября 1936 г. Зал Коларчева народного университета.
Чеховский вечер.

Медведь, **Хирургия**, **Юбилей** (участие югославских артистов).
Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 28 ноября 1936 г. Русский дом.
Белградская оперетка. Гастроли И.П. Комаревской.

Имре Кальман. **Графиня Марица**. Оперетта.
Оркестр Королевской гвардии.

Воскресенье, 29 ноября 1936 г. Русский дом.
Белградская оперетка. Гастроли И. П. Комаревской.

Имре Кальман. **Сильва**. Оперетта.
Оркестр Королевской гвардии.

Суббота, 5 декабря 1936 г. Русский дом.
Белградская оперетка.

Имре Кальман. **Графиня Марица**. Оперетта.
Оркестр Королевской гвардии.

Воскресенье, 6 декабря 1936 г.
Белградская оперетка.

Имре Кальман. **Сильва**. Оперетта.
Оркестр Королевской гвардии.

Воскресенье, 6 декабря 1936 г.
Белградская оперетка.
Б. Гренихштедтен. **Орлов**. Оперетта.
Оркестр Королевской гвардии.

20 декабря 1936 г. Зал Коларчева университета.
Объединенные две русские драматические труппы.
Ф.М. Достоевский. **Идиот**. Инсценировка романа в 6-ти картинах.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 27 декабря 1936 г. Русский дом.
Белградская оперетка.
Босанская любовь. Оперетта.
Оркестр Королевской гвардии.

Четверг, 31 декабря 1936 г. Русскимй дом.
Белградская оперетка.
Встреча Нового года. Разные характерные дивертисманы, кабаре, джаз.

Воскресенье, 3 января 1937 г. Русский дом.
Гастроли М.А. Ведринской.
М. Метерлинк. **Сестра Беатриса**. Чудо в 3-х действиях.
Постановка Ю.Л. Ракитина.

Пятница, 15 января 1937 г. Русский дом.
Вечер современного русского юмора:
М.М. Зощенко. **Свадьба**. Шутка в 1-м действии.
Тэффи. **Лёшка**. Шутка в 1-м действии.
М.М. Зощенко. **Преступление и наказание**. Шутка в 1-м действии.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 17 января 1937 г. Зал Коларчева университета.
Гастроли МХТ-овцев:
А.П. Чехов. **Дядя Ваня.** Сцены из жизни захолустья, в 4-х действиях.
В ролях: В.М. Греч, Е.Ф. Краснопольская, М.А. Ведринская,
Н.О. Массалитинов, П.А. Павлов.

Вторник, 19 января 1937 г. Русский дом.
Гастроли МХТ-овцев:
Ч. Диккенс. **Сверчок на печи**. Инсценировка романа.
В ролях: В.М. Греч, М.А. Ведринская, П.А. Павлов.

Среда, 20 января 1937 г. Русский дом.
Гастроли МХТ-овцев:

Г. Ибсен. **Строитель Сольнес**. Драма в 3-х действиях.

В ролях: М.А. Ведринская, Е.Ф. Краснопольская, Н.О. Массалитинов, Е. Пивоварова, М. Сергеев, П.Е. Трунов, М.Н. Долохов.

Суббота, 23 января 1937 г. Русский дом.
Гастроли МХТ-овцев: Н.О. Массалитинова, Е. Краснопольской и М.А. Ведринской:
Образы и мысли Ф. Достоевского:

Ф.М. Достоевский. **Братья Карамзовы**. Инсценация отрывков романа.

Ф.М. Достоевский. **Бесы**. Инсценация отрывков романа.

Четверг, 4 февраля 1937 г. Коларчев народный университет.
Пушкинский вечер.

1. А.С. Пушкин. **Моцарт и Сальери**. Драматическая картина.
   В ролях: Мата Милошевич, Миливое Живанович.
2. Письмо Татьяны из «Евгения Онегина» прочитает Дара Милошевич.
3. А.С. Пушкин. **Скупой рыцарь**. Три сцены.

Четверг, 11 февраля 1937 г. Народный театр.
Пушкинский комитет и Национальный театр [сербский] устраивают Торжественный спектакль:

А.С. Пушкин. **Моцарт и Сальери**.

А.С. Пушкин. **Каменный гость**.

А.С. Пушкин. **Русалка**.

Участвуют: В.М. Греч, П.А. Павлов, М.А. Ведринская и др.

Пятница, 12 февраля 1937 г. Русский дом.
«Памяти А.С. Пушкина». Торжественные представления учеников Русско-сербских мужской и женской гимназий и Основной школы.

А.С. Пушкин. **Борис Годунов**. Сцена из трагедии.

А.С. Пушкин. **Царь Салтан**. Инсценировка сказки.

А.С. Пушкин. **Русалка**. Сцена из драмы.

Декламация стихотворений А.С. Пушкина.

Торжественный апофеоз (участвуют все три школы).

Исполнение кантаты А.К. Глазунова. Соединенные хоры гимназий п/у А.Н. Кузьменко и С.Ф. Давиденко.

Режиссура всего спектакля Л.В. Леонског.

Декорации С.И. Кучинского.

Суббота, 13 февраля 1937 г. Русский дом.
Повторение программы от 12 февраля.

Воскресенье, 14 февраля 1937 г. Русский дом.
Повторение программы от 12 февраля.

Суббота, 20 февраля 1937 г. Зал Коларчева университета.
Русский общедоступный драматический театр [Труппа Черепова].
С. Федорович (пер. с немец.). **Хорошо сшитый фрак**. Комедия в 4-х д.
Режиссер А.Ф. Черепов.
Помощник режиссера А.Д. Криницкий.
Администратор М.М. Манглер.

Вторник, 9 марта 1937 г. Русский дом.
Вечер хоровой песни и спектакль:
В.Р. Раппопорт, С.М. Надеждин. **Иванов Павел**. Пьеса из ученической жизни.

Пятница, 12 марта 1937 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр п/у М.Манглера.
Спектакль в пользу Союза русской национальной молодежи (СРНМ).
Г.Ф. Квитка. **Шельменко-денщик**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 14 марта 1937 г. Зал Коларчева университета.
СС. Страхов, Н.М. Февр. **Всё в порядке!** Ревью.

Воскресенье, 21 марта 1937 г. Русский дом.
Прощальная гастроль Греч, Павлова с участием М.А. Ведринской.
А.Н. Островский. **Бедность не порок**. Комедия в 3-х действиях.
Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова.

Воскресенье, 4 апреля 1937 г. Русский дом.
Русский общедоступный драматический театр. Реприза:
Н.М. Февр, С.С. Страхов. **Всё в порядке!** Ревью.

Суббота, 17 апреля 1937 г. Русский дом.
С.В. Топор-Рабчинская. **Гордиев узел**. Драма в 4-х действиях.
Режиссер Ю.В. Офросимов.
Помощник режиссера И.М. Ячменев.
Художник В.Л. Гальской.

Среда, 12 мая 1937 г. Манеж.
«Ансамбль Русского театра» при участии М.А. Ведринской. Премьера:
К.Р. **Царь Иудейский**. Драма в 4-х действиях и 5-ти картинах.

Воскресенье, 9 октября 1937 г. Русский дом.
Открытие сезона 1937/38 г.
Образуется труппа п/у В.А. Стрекаловского, блестяще ведшего в течение 15-ти лет русский театр в Каире.
М.П. Арцибашев. **Враги**. Пьеса в 5-ти действиях.
Постановка В.А. Стрекаловского.

Воскресенье, 23 октября 1937 г. Русский дом.
2-й спектакль под руководством Стрекаловского:
Л.Н. Урванцев. **У белого камня**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка В.А. Стрекаловского [жандармский полковник, в 1914 г. был руководителем театра в Нижнем Новгороде, в Белград прибыл из Каира].

Воскресенье, 7 ноября 1937 г. Русский дом.
3-й спектакль п/у В.А. Стрекаловского:
С.С. Юшкевич. **Повесть о господине Сонькине**. Комедия в 4-х д.
Режиссер В.В. Хомицкий.

Воскресенье, 14 ноября 1937 г. Русский дом.
Спектакль п/у В.А. Стрекаловского:
Е.Н. Чириков. **На дворе во флигеле**. Пьеса в 2-х картинах.
П. Видаль. **Водевиль**.

Воскресенье, 14 ноября 1937 г. Русский дом.
Спектакль Опереточно-комедийного товарищества [Южина?]:
Б. Томас. **Тетка Чарлея**. Комедия-фарс в 3-х актах.
Тэффи. **Весеннее**.
К.Н. Томин. **Чужая квартика**.
А.Т. Аверченко. **Четверо**.
Режиссер Е.Ф. Евгеньев.

Среда, 1 декабря 1937 г. Русский дом.
Спектакль и бал Союза русских артистов.

Воскресенье, 5 декабря 1937 г. Русский дом.
[Из серии русских спектаклей с участием В.М. Греч и П.А. Павлова, М.А. Ведринской]. Премьера:
М.А. Алданов. **Линия Брунгильды**. Пьеса.
Постановка В.М. Греч.

Воскресенье, 12 декабря 1937 г. Русский дом.
Детский спектакль п/у М.А. Ведринской и Л.В. Леонского:
Кл.В. Лукашевич. **Победила**. Пьеса в 4-х картинах.
Волшебная палочка. Сказка в 2-х действиях.
Заколдованный сад. Балет в 1-м действии.

Воскресенье, 12 декабря 1937 г. Русский дом.
Вечер смеха: Русская оперетта с участием Татьяны Хитриной.
Его Светлость ИКС. В 2-х действиях.
С.Ф. Сабуров. **Грешный ангел**. Фарс в 1-м действии.
Режиссер Иван Гудара.

Воскресенье, 26 декабря 1937 г. Русский дом.
Тэффи. **Момент судьбы**. Комедия в 4-х действиях.

Суббота, 8 января 1938 г. Русский дом.
Общедоступный дневной спектакль:
С.Ф. Рассохин. **На маневках**. Комедия-шутка в 4-х действиях.

Суббота, 8 января 1938 г. Русский дом.
Реприза:
Тэффи. **Момент судьбы**. Комедия в 4-х действиях.

Суббота, 15 января 1938 г. Русский дом.
Спектакль Союза русских артистов в Белграде.
Р. де Флер. **Буриданов осел.** Комедия в 3-х действиях.
Постановка К.Н. Томина.

Среда, 19 января 1938 г. (День Крещения). Русский дом.
Русский драматический театр:
М.Е. Салтыков-Щедрин – А.Ф. Черепов. **Господа Головлевы**.
Драматизация романа в 4-х действиях (8-ми картинах).
Постановка А.Ф. Черепова.

Пятница, 21 января 1938 г. Русский дом.
Русский театр с участием М.А. Ведринской, В.М. Греч и П.А. Павлова.
Чеховский вечер.

Январь/февраль 1938 г. Русский дом.
Спектакль Союза русских артистов в Белграде.
Благодать. Пьеса.
Постановка К.Н. Томина.

Воскресенье, 13 февраля 1938 г. Русский дом.
Спектакль Союза русских артистов в Белграде.
Г. Запольская. **Их четверо (трагедия глухих людей)**.
Комедия в 3-х действиях.
Постановка В.В. Хомицкого.

Воскресенье, 27 февраля 1938 г. Русский дом.
И.А. Шаврова. **Дозвола за становaнье**. Комедия в 3-х действиях.
Постановка Георгия Л. Томина.

Воскресенье, 6 марта 1938 г. Русский дом.
Русский спектакль.
Д. Никодеми. **Недомерок (Скамполо)**. Комедия в 3-х действиях.
Постановка и сценография П.Е. Трунова.

Воскресенье, 13 марта 1938 г. Русский дом.
Спектакль с участием А.Ф. Черепова и А.М. Храповицкой.
М. Бегович. **Без третьего**. Пьеса в 3-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 20 марта 1938 г. Русский дом.
Премьера:
Франсоа-Жозеф Базен. **Бедные овечки**. Оперетта.
Режиссер и дирижер И.В. Гудара.
Оркестр Королевской гвардии.

Вторник, 22 марта 1938 г. Манеж.
Премьера:
Н.М. Февр, С.С. Страхов. **Двадцать лет**. Ревью.
[Музыкальная пьеса посвящена 20-летию русской эмиграции, 1919–1939].

Воскресенье, 27 марта 1938 г. Зал Коларчева университета.
С.С. Гулак-Артемовский. **Запорожец за Дунаем**. Опера в 3-х дейст.
Постановка М.М. Манглера.
Балет подготовил А.М. Жуковский.
Хор п/у А.И. Гринкова.
Оркестр Королевской гвардии. Дирижер Николай Васильев.

Суббота, 2 апреля 1938 г. Русский дом.
Лина Зеленская. **Дурман**. Драма в 4-х действиях.

Воскресенье, 3 апреля 1938 г. Русский дом.

Н.А. Лейкин, А.Ф. Черепов. **Наши заграницей**. Комедия.

Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 9 апреля 1938 г. Русский дом.

Н.З. Кадесников, Ю.В. Набокова. **Талисман**. Пьеса в 6-ти картинах.

Постановка Ю.В. Набоковой-Юровой.

Воскресенье, 10 апреля 1938 г. Русский дом.

Премьера.

И.А. Шаврова. **Право на любовь**.

Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 17 апреля 1938 г. Сербский национальный театр.

Большой ансамбль Русского театра в Белграде. Под руководством В.М. Греч-П.А. Павлова. С участием М.А. Ведринской. Премьера:

В.В. Шкваркин. **Ночной смотр**. Комедия в 3-х актах.

Постановка В.М. Греч.

Вторник, 26 апреля 1938 г. Русский дом.

Украинский вечер.

М.Л. Краповницкий, М.Т. Васильев. **Запорожский клад** (**Цыганка Груня**). Оперетта в 3-х действиях.

Постановщик и дирижер Николай М. Васильев (сын композитора).

Суббота, 7 мая 1938 г. Русский дом.

Бенефис А.Ф. Черепова. Премьера.

Л.Н. Толстой. **Крейцерова соната**. В 6-ти картинах.

Инсценировка и постановка А.Ф. Черепова.

Во время спектакля будет исполнена соната Бетховена [София Цветкова, скрипка и Илья Слатин, ф-но. Однако, в спектакле сонату исполнили П. Стоянович и Л.Н. Курилова].

Воскресенье, 8 мая 1938 г. Русский дом.

Аноним. **За 80 минут вокруг света**. Юмористическое ревью, в 8-ми картинах. В стихах, с многими музыкальными номерами, балетом.

«Действие начинается в Смедеревска-Паланка, продолжается в Белграде, после путешествия в Будапешт, Париж, Барселону, Северный полюс, Шанхай, Нью-Йорк и тд. Два часа в быстром темпе. Герои ревью русские эмигранты».

Постановка А.А. Орлова.

Суббота, 14 мая 1938 г. Русский дом.
Спектакль Союза русских артистов в Белграде.
Бенефис Г.Л. Томина.
Г.Л. Томин. **Возвращенец**. Пьеса.
Постановка Г.Л. Томина.

Воскресенье, 5 июня 1938 г. Русский дом.
Малороссийский спектакль.
Жидовка выхрестка. Мелодрама.

Четверг, 16 июня 1928 г. Русский дом.
Н.А. Римский-Корсаков. **Моцарт и Сальери**. Опера.
С участием Б.П. Попова.

Суббота, 15 октября 1938 г. Русский дом.
Спектакль Союза русских артистов в Белграде. Открытие сезона:
А.Н. Островский. **Свои люди – сочтемся**. Комедия в 4-х действиях.

Суббота, 22 октября 1938 г. Русский дом.
Спектакль Союза русских артистов в Белграде.
Л. Федор. **Женщина лжет.** Пьеса в 3-х действиях (6-ти картинах).
Постановка Г.Л. Томина.

Суббота, 5 ноября 1938 г. Русский дом.
Спектакль Союза русских артистов в Белграде.
С.С. Юшкевич. **Комедия брака**. Комедия.
Постановка Г.Л. Томина

Суббота, 12 ноября 1938 г. Русский дом.
Труппа А.Ф. Черепова.
Прощальный спектакль М.А. Ведринской.
Э. Шельдон. **Роман**. Пьеса.
Постановка М.А. Ведринской.

Суббота, 19 ноября 1938 г. Русский дом.
Спектакль Союза русских артистов в Белграде. Премьера:
С.Ф. Рассохин. **На маневрах**. Комедия-шутка в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Заярного.

Суббота, 3 декабря 1938 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов в Белграде
В.В. Хомицкий. **Эмигрант Бунчук**. Трагикомедия.
Постановка В.В. Хомицкого.

Суббота, 17 декабря 1938 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов в Белграде.
Л.Н. Андреев. **Екатерина Ивановна**. Пьеса в 4-х дейсвичх.

Суббота, 8 января 1939 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов в Белграде. Реприза:
С.Ф. Рассохин. **На маневрах**. Пьеса в 4-х действиях.

Воскресенье, 9 января 1939 г. Русский дом.
Премьера:
В.А. Крылов. **Генеральша Матрёна**. Комедия в 4-х действиях.

Воскресенье, 15 января 1939 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов.
В. Сирин. **Событие**. Драматическая комедия в 3-х действиях.
Постановка В.П. Загороднюка.

Суббота, 21 января 1939 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов в Белграде. Премьера:
Н.Н. Берберова. **Мадам**. Комедия в 3-х действиях.

Воскресенье, 5 февраля 1939 г. Зал Коларчева университета.
Новое злободневное музыкальное обозрение трех анонимов под лозунгом:
«Гоп, мои гречаники». Вечер юмора и сатиры в 5-ти картинах с прологом и эпилогом.
Режиссеры Виктор Пик и К.Н. Томин.

Воскресенье, 12 февраля 1939 г. Русский дом.
В пользу нуждающихся учащихся Русской основной школы:
Детский спектакль с участием учеников школы.
Альбом. В 5-ти картинах.
Чудесный алмаз.
Русский лубок.
Ледяная гора, с балетом и пением.

Воскресенье, 12 февраля 1939 г. Русский дом.
Союз русских артистов.
Гастроль А.Ф. Черепова [Ввиду его приезда в Белград]:
А. Дюма. **Кин**. Пьеса в 4-х действиях.

Среда, 15 февраля 1939 г. Русский дом.
По поводу 130-летия со дня рождения Н.В. Гоголя.
Н.В. Гоголь. **Женитьба**. Совершенно невероятное событие в 2-х д.
В ролях: ученики Русско-сербских Мужской и Женской гимназий.

Суббота, 18 февраля 1939 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов в Белграде (под управлением И.Э.Дуван-Торцова и А.Ф. Черепова). Гастроли А.Ф. Черепова.
Ю.Д. Беляев. **Псиша**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 26 февраля 1939 г. Русский дом.
Бенефис артиста Евгения Федоровича Евгеньева. Премьера:
А.В. Сухово-Кобылин. **Смерть Тарелкина**. Комедия в 4-х действиях.

5 марта 1939 г. Русский дом.
Союз русских артистов в Белграде.
Н.З. Кадесников. **Серые птицы**. Пьеса из жизни зарубежной активной русской молодежи.

Воскресенье, 26 марта 1939 г. Русский дом.
Бенефис актрисы Лидии Дмитриевны Авчинниковой:
В. Сарду. **Мадам Сан-Жен**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка В.В. Хомицкого.

21 мая 1939 г. Русский дом.
Театр Союза русских актеров. Председательница Т.Н. Яблокова.
Закрытие сезона 1933-34 г. Бенефис труппы.
И.И. Мясницкий. **Ни минуты покоя**. Комедия-фарс.
Режиссер К.Н. Томин.

7 октября 1939 г. Русский дом.
И.И. Мясницкий. **Сыщик**. Комедия-фарс.
Постановка В.В. Хомицкого.

21 октября 1939. Открытие сезона. Русский дом.
Русский драматический театр – ведает Союз русских артистов в Белграде, во главе Т.Н. Яблокова. Постановщики: А.Ф. Заярный, В.В. Хомицкий, К.Н. Томин, В.П. Загороднюк, Ю.В. Офросимов.

А. Н. Островский. **Горячее сердце**. Комедия в 5-ти действиях.

Суббота, 4 ноября 1939 г. Русский дом.
Реприза:

И.И. Мясницкий. **Сыщик**. Комедия-фарс.

Суббота, 11 ноября 1939 г. Русский дом.
Спектакль в пользу тяжело больного артиста Е.М. Пегелау.

В.В. Билибин. **Чудовище**. Комическая пьеса.

Постановка П.Е. Трунова.

Суббота, 18 ноября 1939 г. Русский дом.
Русский драматический театр Союза русских артистов в Белграде.

Г. Зудерман. **Огни Ивановолй ночи**. Пьеса в 4-х действиях.

Суббота, 9 декабря 1939 г. Русский дом.
Русский драматический театр Союза русских артистов в Белграде.

С.Ф. Сабуров. **Испанская танцовщица**. Комедия в 3-х действиях.

Постановка М.М. Манглера.

Воскресенье, 10 декабря 1939 г. Русский дом.
Труппа артистов вне Союза русских артистов в Белграде.

А.Н. Островский. **На бойком месте**. Комедия в 3-х действиях.

Суббота, 23 декабря 1939 г. Русский дом.
Русский драматический театр Союза русских артистов в Белграде.

Ю. О'Нейл. **Анна Кристи**. Пьеса в 4-х действиях.

По]становка и декорации **х**удожника В.П. Загороднюка.

Январь 1940 г. Русский дом.
Труппа русских артистов под режиссерством В.В. Хомицкого.

Медовые дни. Комедия-шутка в 3-х действиях.

Постановка В.В. Хомицкого.

Январь 1940 г. Русский дом.
Труппа русских артистов под режиссерством В.В. Хомицкого.
«Первое обозрение»:

Шагай без забот. Обозрение трех анонимов.

Постановка Тамарова.

1 февраля 1940 г. Русский дом.
Юбилейный спектакль Нины Александровны Ермолович – 20 лет на сцене.

Дюваль. **Симона. Как любят женщины**. Пьеса.

10 февраля 1940 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов в Белграде. Второе обозрение:

Неизвестный. **Первый поезд «Белград–Москва»**. Фантастическая комедия в 5-ти действиях.

Постановка К.Н. Томина.

Суббота, 24 февраля 1940 г. Русский дом.
Бенефис Анны Ананьевны Дориан.

И.Д. Сургучев. **Осенние скрипки**. Пьеса в 4-х действиях.

Март 1940 г. Русский дом.
Институт изучения России отмечает 150-летие взятия крепости:

Н. Бухарин. **Исмаил**. Пьеса.

Воскресенье, 24 марта 1940 г. Русский дом.
Премьера:

Два наблюдателя. **Внимание, господа, я творю**. Пьеса из эмигрантской жизни, в 5-ти действиях и 6-ти картинах.

Режиссер: коллектив.

24 марта 1940 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов в Белграде.

Г. Кадельбург. **Гусарская лихорадка**. Комедия.

Постановка К.Н. Томина.

Апрель 1940 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов в Белграде.

Гуго Фален. **Последний Кильмарнок**. Пьеса.

9 апреля 1940 г. Русский дом.

А.Е. Жернакова-Николаева. **Невольники луны (Загадочное убийство в Каире)**. Пьеса в 4-х действиях.

Постановка А.А. Орлова.

Начало апреля 1940 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов в Белграде.
Бенефис Лидии Ананьевны Холодович.

Буриданов осел. Французская комедия в 3-х действиях.

Постановка К.Н. Томина.

Суббота, 4 мая 1940 г. Русский дом.

Гастроли А.Ф. Черепова.

Г. Зудерман. **Родина**. Пьеса в 4-х действиях.

Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 25 мая 1940 г. Русский дом.

А.И. Косоротов. **Мечта любви**. Пьеса в 4-х действиях.

Постановка А.Ф. Черепова.

Суббота, 1 июня 1940 г. Русский дом. Закрытие сезона:

Грибоедов-внук [Ю. Офросимов?]. **Горе от ума в Белграде**.

Злободневная пародия в стихах, в 4-х действиях.

I. – Утро у Фамусова – Приезд Шацкого в Белград.

II. – «Аксидан» с автомобилем Молчанина – Белградский Скалозуб.

III. – Благотворительный бал в Белграде.

IV. – Разъезд. Репетилов на злобу дня.

Постановка Ю.Л. Ракитина.

Помощник режиссера А.В. Соловьев.

2 июня 1940 г. Русский дом.
Бенефис Лидии Дмитриевны Авчинниковой.

Вера Орлова-Павлович. **Генеральша Матрёна**. Пьеса.

Воскресенье, 13 октября 1940 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов. Открытие сезона:

К 125-летию со дня рождения Н.В. Гоголя.

Н.В. Гоголь. **Ревизор**. Комедия в 5-ти действиях.

Постановка (приглашенных) В.М. Греч и П.А. Павлова.

Объединенная труппа русских актеров – Театр Союза русских артистов [существует четыре года], основатель Татьяна Яблокова.

Суббота, 19 октября 1940 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов.
Л. Фодор. **Церковная мышь**. Комедия.
Постановка К.Н. Томина.

Суббота, 26 октября 1940 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов. Премьера:
Л. Фульд. **Дурак**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка ГеоргияТомина.

Воскресенье, 27 октября 1940 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов. Реприза:
Н.В. Гоголь. **Ревизор**. Комедия в 5-ти действиях.
Постановка В.М. Греч, П.А. Павлова.

Суббота, 2 ноября 1940 г. Русский дом.
Группа актеров Союза русских артистов.
Л.Н. Андреев. **Дни нашей жизни**. Пьеса в 4-х действиях.
Постановка [гастроли] А.Ф. Черепова.

Суббота, 9 ноября 1940 г. Русский дом.
Премьера:
Ш. Рисман. **Не обещай мне ничего (Моника Пратт)**. Комедия.
Постановка В.П. Загороднюка.

Суббота, 23 ноября 1940 г. Русский дом.
Труппа актеров Союза русских артистов. Премьера:
Ф.М. Достоевский. **Дядюшкин сон**. Инсценировка в 5-ти картинах А.Ф. Черепова.
Постановка А.Ф. Черепова.

5 декабря 1940 г. Зал Коларчева университета.
Н.В. Гоголь. **Тарас Бульба**. Инсценировка.
Постановка П.Е. Трунова.

Суббота, 7 декабря 1940 г. Русский дом.
Театр Союза русских артистов.
А.П. Чехов. **Три сестры**. Драма в 4-х действиях.
Постановка В.М. Греч, П.А. Павлова.

16 [15?] декабря 1940 г. Русский дом.
Организация: Союз русских артистов.

Л.Н. Толстой. **Воскресение**. Сцены «Суд», «В тюрьме».

Постановка К.Н. Томина.

Л.Н. Толстой. **Власть тьмы**. 3-й акт. – югославские артисты.

Суббота, 11 января 1941 г. Русский дом.
Спектакль в пользу недостаточных учеников Русской основной школы.
При участии В.М. Греч и П.А. Павлова.:

А.П. Чехов. **Лекция о среде табака**.

Последняя могикантша.

Хороший конец.

А.Т. Аверченко. **Тоска по Родине**.

Воскресенье, 2 февраля 1941 г. Русский дом.
Первый спектакль Злободневного юмористического театра «Белая ворона».
Премьера. Исполняются два злободневных скетча:

Проводы д-ра Пельтцера; **Вчера и сегодня**. Пародия-бутафория **Тарас Бульба**.

Песенка «Белой вороне».

Предсказания Нострадамуса на 1941 год.

Авторы первой программы: Н.М. Февр, С.С. Страхов, К.Я. Шумлевич и Аноним.

Постановка В.В. Хомицкого.

Суббота, 8 февраля 1941 г. Русский дом.
Театр Союза русских актеров.

М. Константинов. **Хамка (Ее превосходительство Настасюшка)**. Комедия в 4-х действиях.

Постановка В.В. Хомицкого.

Воскресенье, 9 февраля 1941 г. Русский дом.

Повторение программы от 2 февраля 1941 г.

Среда, 12 февраля 1941 г. Русский дом.
Первый литературно-драматический смотр-спектакль:

Только Россия:

1. Лирическое вступление.
2. В мастерской драматурга (опыт театрально-графического действия. Своеобразный докдад с пьесой как иллюстрацией).

3. Аромат Родины.
4. Курс на землю.
5. Спутники земли.
6. Догнали и перегнали (пьеса в 1-м действии из жизни истинно-русских людей).

Постановка авторов.

Воскресенье, 16 февраля 1941 г. Русский дом.
Спектакль Русской основной школы:

Миниатюры. В 4-х картинах:

Оживший фарфор. Пираты. Цветы. Святки в русской деревне.

Постановка Л.В. Леонского.

Воскресенье, 23 февраля 1941 г. Русский дом.
«Повлашчено позориште».
Спектакль без касательства Союза русских артистов (Т. Яблоковой).

А.П. Чехов. **Вишневый сад**. Комедия в 4-х действиях.

Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова.

Воскресенье, 9 марта 1941 г. Русский дом.

А. де Берендс. **Иванов Павел наших дней**. Злободневная музыкальная комедия в 3-х картинах.

1. Веселые ребята.
2. Любви все возрасты покорны.
3. Сон Иванова Павла.

Постановка Я. Яковлева.

Суббота, 15 марта 1941 г. Русский дом.

А.И. Сумбатов-Южин. **Старый закал**. Драма в 5-ти действиях.

Постановка А.Ф. Заярного.

Вторник, 18 марта 1941 г. Театр «Манеж».
Малороссийский спектакль.

А.Л. Суходольский. **Хмара**. Музыкальная драма.

В радикальной переработке М.М. Манглером.

Четверг, 3 апреля 1941 г. Русский дом.
Драматическая студия. Премьера:

Г. Ибсен. **Гедда Габлер**. Драма.

Суббота, 5 апреля 1941 г. Русский дом.
Юбилейный спектакль, 25 лет сценической деятельности артиста Андрея Федоровича Заярного.

А.Н. Островский. **На всякого мудреца довольно простоты**.

Комедия в 5-ти действиях.

Режиссеры В.М. Греч и П.А. Павлов.

[Сохранилась Програмка спектакля, но он не состоялся. Билеты не продавались из-за напряженного положения накануне бомбардировки Белграда. Спектакль должна была давать Труппа А.Ф. Черепова].

.

Воскресенье, 6 апреля 1941 г. Русский дом.

Намечено было дать:

Г. Ибсен. **Гедда Габлер**. Драма.

Спектакль не состоялся.

Понедельник, 7 апреля 1941 г. (Благовещение). Русский дом.

Н.В. Гоголь. **Женитьба**. Совершенно невероятное событие в 2-х д.

Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова.

Спектакль не состоялся.

Воскресенье, 22 февраля 1942 г. Русский дом.
После длительного перерыва – первый спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:

А.Н. Островский. **Без вины виноватые**. Комедия в 4-х действиях.

Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова.

22 марта 1942 г. Русский дом.
2-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:

А.Н. Островский. **Бедность не порок**. Комедия в 3-х действиях.

Постановка В.М. Греч и П.А Павлова.

26 апреля 1942 г. Русский дом.
3-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:

А.П. Чехов. **Дядя Ваня**. Сцены из деревенской жизни в 4-х действиях.

Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова.

Воскресенье, 24 мая 1942 г. Русский дом.
4-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:

В. Крылов (Василий Л. Величко). **Общество поощтрения скуки**.

Комедия в 3-х действиях.

Постановка В.М. Греч.

Воскресенье, 31 мая 1942 г. Русский дом.
4-й [так !] очередной спектакль Общества русских сценических деятелей при участии В.М. Греч.

В. Крылов (Василий Л. Величко). **Общество поощрения скуки**.
Комедия в 3-х действиях.
Режиссер В.М. Греч.
Организатор спектакля О.П. Миклашевский.
Художник С.И. Кучинский.

7 июня 1942 г. Казармы Русской охранной группы, Баница.
Русский спектакль.

Участвовали: Л.Д. Авчинникова, Е.А. Баева, Т.А. Гес-Неелова, М.А. Тулякова-Нелюбова, В.А. Шевелев.

21 июня 1942 г. Русский дом.
5-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:

А.Н. Островский. **На всякого мудреца – довольно простоты**.
Комедия в 5-ти действиях.
Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова.
.

28 июня 1942 г. Русский дом.

А.Т. Аверченко. **Черная и белая кость**.
А.П. Чехов. **О вреде табака**. Сцена-монолог в 1-м действии.
Ф.М. Достоевский. **Преступление и наказание** (Сцена Свидригайлова).
А.П. Чехов. **Свадьба**. Сцена в 1-м действии.

19 июля 1942 г. Русский дом.
6-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:

Л.Н. Неслуховская. **Подвиг**. Пьеса из эмигрантской жизни (Париж в эмигрантские дни. В драме нет положительных типов).

Постановка О.П. Миклашевского.

16 августа 1942 г. Русский дом.

Спектакль-концерт:
А) П.И. Чайковского. **Евгений Онегин**.
Отрывки из оперы, в костюмах, гриме и при декорациях.

Ксения Грундт (Татьяна), Павел Холодков (Онегин), Лина Харченко (Няня)

Сценограф С.И. Кучинский.
Б) Концертное отделение из произведений П.И. Чайковского.

23 августа 1942 г. Русский дом.
7-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:
В. Мюллэ. **Княгиня Капучидзе**. Фарс.
Постановка О.П. Миклашевского.

6 сентября 1942 г. Русский дом.
8-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:
Л.Н. Неслуховская. **Формулы инженера Быстрова**.
Постановка О.П. Миклашевского.

Воскресенье, 11 октября 1942 г. Русский дом.
9-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии.
А.Н. Островский. **На бойком месте**. Комедия в 3-х действиях.

8 ноября 1942 г. Русский дом.
А.Е. Жернакова-Николаева. **Жизнь и сказка**. Пьеса в 3-х д.

15 ноября 1942 г. Русский дом.
10-йспектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:
В. Крылов (Василий Л. Величко). **Первая муха**.
Постановка О.П. Миклашевского.

22 ноября 1942 г. Русский дом.
Спектакль г-жи В.М. Греч и гг. П.А. Павлова и Юренева.

13 декабря 1942 г. Русский дом.
Романсы в лицах. Музыкальная мозаика Северского в 2-х актах с балетным дивертисманом.

27 декабря 1942 г. Русский дом.
11-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:
Н.В. Гоголь. **Женитьба**. Совершенно невероятное событие в 2-х д.
Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова.

Январь 1943 г. Русский дом.
К.Н. Томин и Л.Д. Авчинникова. **В чужой квартире**. Скетч.
Постановка и участники – авторы.

20 февраля 1943 г. Русский дом.
12-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:
К.Н. Томин. **Тайна человека**. Пьеса.
Постановка К.В. Томина.

21 февраля 1943 г. Русский дом.
13-й [«Первый в сезоне»] спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:

А.В. Сухово-Кобылин. **Свадьба Кречинского**. Комедия в 3-х действиях.
Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова.

28 февраля 1943 г. Русский дом.
Ученический спектакль, устраиваемый Родительским комитетом гимназии.

1-е отделение:
В.А. Лебедев, Е.А. Садовникова. **Веселые каникулы**. Пьеса в 2-х актах.
2-е отделение:
Музыкальный дивертисмент.
3-е отделение:
Е.А. Садовникова. **Звездочет**, шутка в стихах в 1-й картине.
Режиссер А.А. Дориан.

14 марта 1943 г. Русский дом.
14-й [Второй в сезоне] спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:.

А.Н. Островский. **Свои люди – сочтемся**. Комедия в 4-х действиях.
Постановка В.М. Греч и П.А. Павлова [«последний, прощальный спектакль, перед отъездом в Германию].

11 апреля 1943 г. Русский дом.
15-й [Третий в сезоне] спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:

Гр.В. Бостунич. **Наука любви**. Пьеса в 3-х действиях.
Режиссер О.П. Миклашевский.
Помощник режиссера К.В. Талин.
Художник С.И. Кучинский.

2 мая 1943. Русский дом.
Театральный кружок учеников и учениц русских гимназий в Белграде:

Подснежник. Сказка-феерия в 3-х действиях.
Под руководством О.П. Миклашевского.

9 мая 1943 г. Русский дом.
16-й [Четвертый в сезоне] спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:

А.Н. Островский. **Не так живи, как хочется**. Народная драма в 3-х д.
Постановка О.П. Миклашевского.

16 мая 1943 г. Русский дом.

Е.А. Садовникова. **Голь на выдумки хитра**. Пьеса.

Спектакль А.А. Дориан.

30 мая 1943 г. Русский дом.

Украинский вечер пьес.

Шевченко. **Назар Стодоля**. (Лишь 1-е действие).

Реприза:

Бувальщина.

Постановка Ивана Хмары.

6 июня 1943 г. Русский дом.

17-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:

С.Ф. Рассохин. **Гордиев узел**. Пьеса.

Постановка О.П. Миклашевского.

Воскресенье, 20 июня 1943 г. Русский дом.

Спектакль-концерт в пользу почетного члена Общества русских сценических деятелей в Сербии, тяжело-больного артиста и режиссера бывшего Александринского театра Ю.Л. Ракитина.

И.К. Лисенко-Коныч. **Приемный день**. Комедия-шарж в 1-м действии.

Балетно-концертное отделение.

Воскресенье, 29 августа 1943 г. Русский дом.

П.И. Чайковский. **Евгений Онегин**. Три сцены из оперы.

В ролях: К.Ф. Грундт и др.

Оперный оркестр Сербского народного театра п/у Н.М. Васильева.

Воскресенье, 5 сентября 1943 г. Русский дом.

Открытие театрального сезона 1943-44 г. Драматической труппы Общества русских сценических деятелей в Сербии:

И.Н. Потапенко. **Чужие**. Пьеса в 4-х действиях.

Постановка О.П. Миклашевского.

Воскресенье, 19 сентября 1943 г. Русский дом.

Драматическая труппа Общества русских сценических деятелей в Сербии.

Благотворительный концерт:

1-е отделение: Пение и балет.

2-е отделение: **Иванов Павел**. Пьеса.

Воскресенье, 3 октября 1943 г. Русский дом.
2-й очередной спектакль [сезона Драматической труппы Общества русских сценических деятелей в Сербии]:

Г. Ибсен. **Привидения**. Драма в 3-х действиях.
Режиссер О.П. Миклашевский.
Художник С.И. Кучинский.

Суббота, 16 октября 1943 г. Русский дом.
Первое выступление для белградской публики Походного [фронтового] театра «Веселый бункер» при Отделе пропаганды Русского охранного корпуса.

Воскресенье, 17 октября 1943 г. Русский дом.
Спектакль К.Н. Николаева и Общества сценических деятелей:

«Русский дореволюционный суд в сценическом оформлении»:
1) Л.Н. Толстой. **Живой труп**. Сцена у следователя.
2) Рассказы К.Н. Николаева: «Последнее свидание», «Фаворский свет».

Ф.М. Достоевский. **Братья Карамазовы**. Сцена «Суд».
Режиссеры О.П. Миклашевский и К.Н. Николаев.

Воскресенье, 31 октября 1943 г. Русский дом.
Н.А. Римский-Корсаков. **Царская невеста**. Опера в 4-х действиях.
Дирижер Н.М. Васильев.

Воскресенье, 3 ноября 1943 г. Русский дом.
2-й очередной спектакль Общества русских сценических деятелей.
Г. Ибсен. **Привидения**. Драма в 3-х действиях.
Постановка О.П. Миклашевского.

Воскресенье, 7 ноября 1943 г. Русский дом.
4-й спектакль в сезоне Общества русских сценических деятелей в Сербии:

Модные дамы. Комедия в 3-х действиях.
Перевод с немецкого г-жи Н. Будкевич.
Постановка О.П. Миклашевского.
Помощник режиссера К.В. Талин.
Художник С.И. Кучинский.

14 ноября 1943 г. Русский дом.
Реприза оперы:

Н.А. Римский-Корсаков. **Царская невеста**. Опера в 4-х действиях.
Дирижер Н.М. Васильев.

20 ноября 1943 г. Русский дом.

Л.Н. Толстой. **Живой труп**. Драма в 6-ти действиях.
Постановка А.Ф. Черепова.

Воскресенье, 28 ноября 1943 г. Русский дом.

5-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии.

И.И. Мясницкий. **Заяц**. Комедия-буфф в 3-х действиях.
Режиссер А.П. Миклашевский.
Помощник режиссера К.В. Талин.
Художник С.И. Кучинский.

Воскресенье, 5 декабря 1943 г. Русский дом.

6-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:

1. П.П. Гнедич. **Горящие письма**. Комедия в 1-м действии.
Режиссер О.П. Миклашевский.
2. Б а л е т .
3. Тэффи. **Дамский бридж**. Скетч в 1-м действии.
Режиссер О.П. Миклашевский.
Помощник режиссера Н.С. Белавина.
Музыкальная часть Н.М. Васильев.
Художник С.И. Кучинский.

Воскресенье, 19 декабря 1943 г. Русский дом.

7-й спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии:

«...?» (Женщины). Веселая комедия в 4-х действиях.
Режиссер О.П. Миклашевский.

Воскресенье, 26 декабря 1943 г. Русский дом.

И.В. Шпажинский. **В старые годы**. Пьеса в 5-ти действиях.
Режиссер А.Ф. Черепов.

23 января 1944 г. Русский дом.

[8-й] спектакль Общества русских сценических деятелей в Сербии.
Юбилейный спектакль двухлетней деятельности.

И.И. Мясницкий. **Как кур во щи**. Комедия в 3-х действиях.
Режиссер О.П. Миклашевский.
Помощник режиссера Л.А. Симон.
Художник С.И. Кучинский.

26 января 1944 г. Русский дом.
Спектакль участихся Белградской Основной школы.
Е.А. Садовникова. **Волшебный клубок**. Пьеса в 3-х действиях.
Режиссер О.П. Миклашевский.

Воскресенье, 13 февраля 1944 г. Русский дом.
9-й очередной спектакль Общества сценических деятелей.
П.М. Невежин. **Вторая молодость**. Драма в 4-х действиях.
Режиссер О.П. Миклашевский.
Помощник режиссера Н.С. Белавина.
Художник С.И. Кучинский.

Воскресенье, 12 марта 1944 г. Русский дом.
12-й спектакль Общества сценических деятелей.
Л.Н. Урванцев. **Вера Мирцева**. Драма в 4-х действиях.
Режиссер М.Н. Долохов.
Помощник режиссера Н.С. Белавина.
Художник С.И. Кучинский.

Воскресенье, 2 апреля 1944 г. Русский дом.
13-й спектакль Общества сценических деятелей:
М.П. Арцыбашев. **Враги**. Драма в 5-ти действиях.
Режиссер О.П. Миклашевский.
Помощник режиссера Н.С. Белавина.
Художник С.И. Кучинский

Воскресенье, 20 августа 1944 г. Русский дом.
Спектакль Общества [русских] сценический деятелей [в Сербии]:
Л. Иванов. **Веселый месяц май**. Комедия в 3-х действиях.
Режиссер О.П. Миклашевский.
Помощник режиссера Н.Г. Макеева.
Художник С.И. Кучинский.

Воскресенье, 3 сентября 1944 г. Русский дом.
[Последний] спектакль Общества русских сценических деятелей [в Сербии]:
И.И. Мясницкий. **Сыщик**. Комедия в 3-х действиях.
Режиссер О.П. Миклашевский.
Помощник режиссера Л.А. Симон.
Художник С.И. Кучинский.
В ролях: Н.Г. Макеева, Н.С. Белавина, М.В. Духовской, О.П. Миклашевский, О.С. Гребенщиков, А.А. Дориан, Т.А. Марина, М.С. Марион.

Юрий Львович Ракитин

Из плеяды выдающихся деятелей культуры послевоенного Нови-Сада особая благодарная память сохранилась о режиссере Сербского народного театра и преподавателе Театральной школы Юрии Львовиче Ракитине (23 мая 1882, Харьков – 21 июля 1952, Нови-Сад). Старые театралы помнят его постановки, исследователи продолжают о нем писать, публикуются воспоминания современников... По мнению историков театра, "изгнанник из Белграда», не щадя себя, отдал весь опыт, знания и любовь делу создания "новисадской театральной школы».

Георгий Львович Ионин был первым сыном начинающего судебного следователя, впоследствии судьи Апелляционного суда и криминалиста в Петербурге. Из-за частой перемены мест службы отца детство Юры проходило в провинциальных городах, в имениях родственников. Там он глубоко проникся любовью к русской природе и еще застал последние мерцания стародавнего быта и уклада жизни помещичьих гнезд, подметив в них много трогательного.

Бабушке по матери, Юлии Ильиничне Козловой, "любящей старухе, полной горя и красоты», он останется обязанным всем, что отложилось в нем нежного и прекрасного. Вспоминая детство, Козельск, "белый махровый густой убор цветущих вишен» в садах Малоярославца, Юрий Львович рассказывал и о паломничестве с бабушкой в Оптину пустынь и пророческом обращении к мальчику старца Амвросия после благословения: "Ах, как же тебя пестро разодели! Пестро жить будешь...» Поистине, вся жизнь новосадского маэстро, уже сгорбившегося и больного, ворчливого и упрямого, душевно одинокого, была насыщенной и трагичной.

Начальную школу и три класса гимназии Юра Ионин окончил в Калуге, четвертый класс – в 1-й московской классической гимназии, остальные – в Иркутске. Страсть к театру у него пробуждается в Москве, а в Иркутске он уже устраивает любительские спектакли. Несмотря на сопротивление отца, осенью 1902 г. Юрий покидает отчий дом и на самостоятельно заработанные деньги едет в Петербург, где ему удается сдать вступительный экзамен в Императорское театральное училище. Трехлетние курсы у прославленного актера В. Н. Давыдова его любимый ученик Ракитин оканчивает в апреле 1905 г. Первая любовь – очаровательная Ольга Афанасьевна Глебова, впоследствии жена художника С. Судейкина, близкий друг А. Ахматовой[380].

---

380 "В училище находилась одна, которой я вскоре отдал свое первое настоящее юное чувство. Отдал, мало на что надеясь... Это она, прекрасная золотистая Олечка Глебова, она сошла с картины Боттичелли

Перед выпускными экзаменами, принимая во внимание высокое общественное положение отца, Георгий Львович Ионин выбирает для себя сценическое имя – Юрий Ракитин[381]. Выпускной спектакль *Вишневый сад* шел непосредственно перед гастролями Московского Художественного театра, который показывал в столице ту же пьесу впервые. В журнале *Театр и искусство* А. Р. Кугель критикует "художественников» и хвалит спектакль класса Давыдова, особо отмечая Ракитина в роли Лопахина. Желание педагога продемонстрировать своему другу Станиславскому таланты выпускников совпадает с намерением Константина Сергеевича набрать молодых актеров и создать при МХТ экспериментальную студию. Ракитин и еще один юный актер приняты в московскую Театр-студию на Поварской, ее возглавил мятежный Мейерхольд[382].

Начало творческой биографии Ракитина совпало с годами интенсивных эстетических исканий, новаторства молодых и угасающего свечения плеяды русских актеров реалистической театральной школы.

Деятельность Ракитина в России можно разделить на три периода: 1905–1907 гг. – "эпоха поиска новых форм», работа с Мейерхольдом, студия на Поварской, Товарищество новой драмы (Тифлис), Общество московских артистов; 1907–1911 гг. – четыре сезона в труппе МХТ у К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, где он играет эпизодические роли, а иногда работает помощником режиссера; 1911–1918 гг. – режиссура в петербургских театрах, главным образом в Александринском театре, куда он приглашен по рекомендации Мейерхольда.

Дебют последователя "системы» Станиславского (*Нахлебник* Тургенева, осень 1911 г.) не привлек внимание критики, тогда как вторая постановка (*Крещенский вечер* Шекспира, 12 октября 1911 г. в Михайловском театре) принята благосклонно. Этот спектакль сыграл решающую роль в раскрепощении молодого режиссера от жестких сценических канонов.

До 1918 г. Ракитин поставил ряд пьес – В. В. Барятинского, Тирсо де Молино, С. С. Юшкевича, Шекспира, Шеридана, М. Н. Бухарина, Дюма... Совместно с Мейерхольдом в 1916 г. он осуществляет постановку *Романтиков* Д. Мережковского, а в 1917 г. – самостоятельно, двух драм А. Островского.

Весна. Она была всецело под влиянием декадентства. Певуче декламировала Бальмонта и Бодлера. Искала тонких, изысканных эмоций и запахов... Эти увлечения модернизмом сыграли большую роль в обеих наших жизнях» *(Ракитин Ю. Л.* Воспоминания русского актера и режиссера. Гл. VII. (Рукопись). – Позоришни музеј Војводине, Нови Сад. Фонд Ј. Ракитина.

381 "И вот в одно утро я сделался Ракитиным. Почему *Ракитин*, не знаю; чтоб избежать громких актерских фамилий на "-ский»? Может быть, из-за воздыхателя Ракитина в *Месяце в деревне*. Увлечение этим спектаклем совпало с первой моей любовью к Олечке...» – *Там же.* Гл. XI.

382 По словам Мейерхольда, Станиславский восторгался Ракитиным *(Мейерхольд В.Э.* Переписка: 1896–1939. Москва, 1976. С. 64).

В обоих, петербургском и московском периодах своего творчества Ракитин находился в центре культурной жизни[383]. В художественных кабаре и салонах он ставит музыкальные и танцевальные камерные спектакли, “капустники», пишет пьески (*Мемории Амура*), знакомится с Гумилевым, Ахматовой, Ремизовым, Горьким, Куприным, Волошиным, Городецким, посещает Блока и “среды» Вяч. Иванова, встречается с Б. Зайцевым, Брюсовым, Книппер-Чеховой, дружит с Качаловым, близко сходится с Н. Балиевым, художниками “Мира искусства» и кругом М.А. Кузмина[384].

В 1915 г. Юрий Львович женился на Юлии Валентиновне Шацкой (1892–1977), женщине сложного характера, общительной и доброй, в России и эмиграции близко стоявшей к театру.

Октябрьская революция застала Ракитина в Петрограде. Он состоит членом временного комитета по управлению театров, а в апреле 1918 г. из-за надвигающегося голода и неприятия им политических позиций Мейерхольда навсегда покидает любимый город и присоединяется к сыну, супруге и ее родителям в имении кназя Паскевича близ Гомеля, оккупированного немцами.

Начинаются странствия и лихорадочные дни в борьбе за существование. Ракитин ставит спектакли в киевском театре Н. Н. Соловцова. Затем через Харьков пробирается в Одессу, занятую французами. Там с К. Н. Миклашевским он работает в Весеннем и Камерном театрах. По предложению своего мхатовского друга К. А. Марджанова Ракитин возвращается в Киев и готовит новые спектакли. После ухода из Киева красных нерешительный артист не покидает город. Этот поступок предрешит его разлуку с Россией и заставит всю жизнь раскаиваться. Ход гражданской войны обрекает его на дальнейшие скитания: Харьков, Ростов-на-Дону, Севастополь. В марте 1919 г. Юрий Львович с женой эвакуируются из Феодосии в Константинополь.

После долгих поисков здесь ему удается заняться профессиональной деятельностью. Он ставит один драматический и один оперный спектакль, читает лекции, в местной прессе под псевдонимом *Chev. de Grieux* публикует статьи и рецензии на русском и французском языках. Н. Ф. Балиев приглашает его в свой парижский театр, но одновременно через посольство Королевства СХС Ракитин получает и принимает предложение директора белградского Национального театра переехать в Сербию.

---

383 “Ракитин – душа московского общества, принят везде и всюду, имеет успех». (Из письма В. А. Подгорного А. П. Зотову от 21 января 1908 г. // Рукописный отдел РНБ, ф. 371, ед. хр. 122).

384 М. Кузмин посвятил ему рассказ *Венина родинка* (1911) и несколько стихотворений: “Уж прожил года двадцать три я» (1912), “Письмо перед дуэлью» (1913), “Возвращение дэнди» (1913). Частично сохранившаяся переписка Ракитина с А. Блоком за 1906 г. хранится в РГАЛИ (ф. 55, ед. хр. 378), там же и его переписка с В. Мейерхольдом (ф. 998, ед. хр. 2293).

В нелегких условиях вместе с сербским режиссером М. Исаиловичем осенью 1920 г. Юрий Львович с энтузиазмом взялся поднять профессиональный уровень театральной жизни Белграда. Все знания, приобретенные в работе с Давыдовым, Станиславским и Мейерхольдом, обогащенные собственным опытом, широким кругозором и художественным вкусом, Ракитин отдал белградскому театру. Им поставлено здесь свыше сотни спектаклей – от трагедий до водевилей и опер. Репертуар был самый широкий: классический, русский, современный.

Постановки Ракитина, противника "литературного театра», отличались сценическим блеском, экспрессией, остроумными находками, подчеркнутой психологизацией характеров, иногда – ярким гротеском, стилизацией, отходом от традиционных шаблонов и даже от авторского текста. Бывало, критике подвергались его постановки бульварных комедий в театре "Манеж». Однако эти популярные пьесы не только разнообразили репертуар и пополняли театральную кассу для более серьезных проектов, но и предоставляли молодым актерам возможность совершенствоваться, проявлять свой талант. Ракитин ставил спектакли и в Скопье, Сараево, а после войны – в Шабаце, Вршаце. Его педагогическая деятельность достойно оценена, из белградской Театральной школы вышли лучшие актеры страны. Один из них вспоминает о Ракитине:

> Выглядел он старше своих лет... Несколько клоунское лицо, небольшой вздернутый нос, круглые глаза с большими дугами густых бровей, толстые губы, роста среднего, походка неуклюжая, чаще всего небритый или порезанный от бритья, в неопрятном костюме, усыпанный пеплом от папирос, с табачной желтизной на пальцах. Были дни, когда Юрий Львович на репетиции являлся в вычищенном, отглаженном костюме и сияющей обуви, весь подтянутый. В последние годы он все чаще бывал таким.
>
> Иногда, в отличие от буйств на генеральных репетициях, он за режиссерским столиком сидел совершенно апатичным, далеким от всего, что перед ним происходило, с потухшей, недокуренной папиросой, обвисшими влажными губами – жалкий и обессилевший. О причинах его вида и состояния мы лишь догадывались... В обществе Ракитин был весел, любил язвительные шутки, сносил их, когда они были направлены в его адрес, наслаждался и громко смеялся собственным анекдотам о других. В периоды, когда он себя чувствовал хорошо, Юрий Львович был приятным, воспитанным, бодрым, полным внутренней радости

и человеческого тепла... Нам казалось, что знаем его хорошо, но в его внетеатральную жизнь никто из нас не проник[385].

Заметна была и общественная деятельность Юрия Львовича. Он один из основателей *Союза русских писателей и журналистов в Белграде* (1925), председатель Литературного кружка союза, член редколлегий журналов *Призыв* (1926–1927) и *Россия* (1926–1927, 1934–1935), сотрудник ежедневной газеты *Новое время* М. А. Суворина (1921–1930), участник кружка "Литературная среда», созданного молодым И. Н. Голенищевым-Кутузовым. В Русском доме им. Императора Николая II Ракитин ставит спектакли (изредка сам в них играет), устраивает концерты, балы, читает свои воспоминания.

Он встречается с П. Б. Струве, Е. В. Аничковым, В. В. Шульгиным, обаятельным В. И. Бельским (либреттистом Н.А. Римского-Корсакова), византологом Г. А. Острогорским, молодыми поэтессами Е. Таубер и Л. Девель (Алексеевой), прозаиком М. Иванниковым; в его доме останавливается приезжавший в Белград Игорь Северянин. Многолетнее творческое сотрудничество и дружба связывали Ракитина с выдающимся художником сцены В. И. Жедринским.

Насыщенная работа в театре, борьба с рутиной, белградские сплетни... Усталого и ворчливого артиста преследуют семейные неурядицы: негармоничный брак с Юлией Валентиновной, ее измены, истерики, побеги из дома, ревность, жалость и любовь к ней, вечные долги. Ракитины испытывают безысходное отчаяние и угрызения совести по отношению к единственному сыну Никите (1917–?), организатору коммунистического кружка в русско-сербской гимназии Белграда; в 1937 г. он сбежит от родителей в Париж, затем вступит в интербригады и примет участие в испанской гражданской войне, а по слухам, дошедшим до родителей, и в советско-финской войне.

Помимо работы в театре едва ли не единственной отдушиной, беседой наедине с собой стали для Юрия Львовича ежедневные или отрывочные записи в дневнике. Они содержат творческие замыслы, фрагменты воспоминаний. Пожелтевшие школьные тетради и записные книжки, плотно исписанные разборчивым, иногда усталым почерком... Записи художника, талантливого и несчастного, отразили трагедию одинокого, стареющего человека, не способного приноровиться к новой эпохе. Они дают редкую возможность постичь внутренний мир русского изгнанника.

Начальные страницы дневника возвращают нас к январским севастопольским дням 1919 г.:

385 *Milosevic M.* Sećanje na Rakitina // *Pozorišni život* (Beograd). 1966. № 29.

Едва только я достиг земного благополучия в смысле уюта, тепла любимых людей и предметов, едва я достиг того кажущегося, может быть, покоя, – как судьбе угодно было бросить меня в скитальчество, и вот я попал в великую волну беженцев, несущуюся неудержимым потоком из пределов России. У меня нет решительно ничего. Все погибло, потеряно безвозвратно, и все-таки я дышу, двигаюсь и существую.

Да, живуч человек. Я потерял любимые книги, любимое дело, лелеянные моим отцом вещи. Я не знаю, где моя мать, мой брат и мой маленький сын. А главное, я не знаю, что делается с моей великой матерью – Россией.

Помимо задуманных воспоминаний (частично написанных и сохранившихся в отрывках) Ракитин брался за роман (сербско-русскую хронику "Славяне»), собирался писать пьесу из эмигрантской жизни, книгу о тайнах актерского и режиссерского мастерства... Дневники хранят лишь наброски к ним, конспекты:

Хочу до боли написать все, что бродит в голове, бродит неопределенно, неотчетливо, путано, туманно. То меня влечет эмиграция, ее белые и темные стороны, то меня тянет высмеять все это, но высмеять с болью, чтобы ужаснулись люди своей тупости и своей духовной убогости. (Запись от 16 апреля 1932 г.)

В июне 1940 г. в Русском доме Ракитин поставил свою пародию-сатиру в стихах из жизни эмиграции "*Горе от ума в Белграде» Грибоедова-внука*. Текст ее, видимо, утрачен.

Интересны оценки Юрия Львовича нравов его окружения в дореволюционной России:

Читаю исповедь Айседоры Дункан. Время мое и ее было сумбурное. Много было искренней, пережитой позы, деланного и восторженного увлечения искусством: точно опоили нас всех дурманом такие вот сумбурные типы, как Борис Пронин. Мы сознавали их восторженную пустоту, за которой не было решительно ничего, но вместе с тем мы поддавались этому сумбуру, какому-то "исканию», экстазу. "Шаманство» – вот слово, лучше его не сыщешь. Я думаю, что оно шло от низов к верхам и кончило оно дворцом и Распутиным. Мерещилось что-то в большом нашем мареве, и вот этот туман перешел с искусства в жизнь, а потом – политику и государство. Желтые движущиеся газы – сладковатые, отдающие эфиром... И Андрей Белый, и Блок, и Брюсов, и

> Андреев – все были заражены маревом и газом... Да, мы не принимали жизни всерьез. Мы скользили по ней, гоняясь за удовольствиями и удачами. И теперь наказаны жестоко. Мы питались идиотской иронией, это было какое-то стихийное молодечество, какой-то дэндизм. (Записи от 25 октября 1939 г. и 23 августа 1940 г.)

В межвоенные годы Ракитины трижды ездили за границу. В течение пятинедельного пребывания в Италии (июль–август 1931 г.) они зачарованы искусством и красотами Венеции, Падуи, Флоренции, Рима, Сиены, встречаются с русскими изгнанниками: художниками Леонидом и Риммой Браиловскими, искусствоведом Павлом Муратовым, знаменитым археологом-историком Михаилом Ростовцевым. Трехнедельная поездка в Париж (ноябрь–декабрь 1937 г.) дала Юрию Львовичу возможность ознакомиться с культурными новинками Европы. В столице "заграничной России» он навещает старых петербургских и московских знакомых: Б. Зайцева, Ремизова, Тэффи, Вл. Азова, Евреинова, Ренникова, Зноско-Боровского, кн. Барятинского, Рощину-Инсарову, А. Бенуа... Летом 1939 г. Ракитины гостят у родственников в Бессарабии (тогда в составе Румынии). Гуляя вдоль набережной Днестра, они устремляют взоры на другой берег – просторы покинутой родины.

Часто в дневниках Юрия Львовича мелькает глубокая ностальгия по России:

> Какая красота – Калужская губерния, которая встала предо мной сегодня почему-то во всей красоте юношеских воспоминаний! Много я видел прекрасного в своей жизни. Но лучше Калужской губернии и Украины не видел ничего. Калуга – это одуряющие цвета лесные, леса с чудными долинами, ручьями, реки с нависшими над ними ракитами, это такое цветение вишен в белых весенних садах, что думаешь – это все волшебная декорация. Это мое детство.
>
> Моя юность – прекрасная Сибирь, богатство воды и лугов, богатство стремительных рек и чистота воздуха... А молодость моя – Украина, и Крым, и Кавказ! Господи, все это я видел, все чувствовал, все сложил в своей душе... Оттого во мне и были заложены какие-то крупицы таланта, оттого что я все это умел запечатлеть, хранил долго и берег. Так любить Россию, реально, как я любил, – это особая способность и благодать, которая перешла сейчас в такое же особое наказание. (Запись от 31 июля 1940 г.)

Жизнь в оккупированном немцами Белграде была для Ракитиных полна кошмаров: голод, болезни, две операции Юрию Львовичу, унижения,

распродажа почти всего имущества (вплоть до одежды и простынь), переезды на загородные квартиры, в сдаваемые кухни. “Вчера какой-то серб хотел мне подать кусок хлеба, думая, что я нищий. Это по моему небритому и неопрятному виду... Сидим без хлеба, жиров и без дров.» (1943 г.)

Ракитин лелеял надежду уехать в Берлин, но так и не дождался приглашения от русской театральной труппы. Он готовится стать священником, уйти в монастырь – практикуется в церковно-славянском чтении, изучает богослужебный устав.

Улучшение здоровья дает ему возможность возвратиться к работе в театре. Осенью 1943 г. он репетирует пьесы Мольера и Гамсуна, в 1944 г. репетирует *Эльгу* Гауптмана.

Окончание войны и приход в белградские театры администраторов, насаждавших идеологизацию и политизацию искусства, приводят к вытеснению Ракитина из театра. Он ставит *Ревизора*, *Живой труп*, однако в апреле 1946 г. ему не дают возможности продолжать работу над пьесой Островского. Лишенный югославского гражданства, Юрий Львович вынужден уйти на пенсию. Летом 1946 г. как гастролирующий режиссер Ракитин в Нови-Саде ставит *Тартюфа*, *Ревизора* и одноактные пьесы Чехова; сезон 1946/47 гг. он работает в провинциальном городе Шабац.

Трудное положение, в котором оказался новосадский театр после войны без квалифицированных кадров, побудило воеводинских руководителей вспомнить о Ракитине и буквально за день на грузовике перевезти его вместе с Юлией Валентиновной и убогим скарбом из Белграда в Нови-Сад.

Новосадский театр обрел в нем сильного художественного руководителя, умевшего научить и помочь. Юрий Львович воспрянул душой и телом, проявлял юношеский задор и изобретательность, поддерживал с актерами дружеский контакт, добивался сценической целостности. Он преподает в Театральной студии, воспитывая лучших актеров сербских театров. Незабываемыми остались его десять постановок в Сербском народном театре[386].

Лебединой песней пожилого маэстро оказалась постановка *Вишневого сада* (1950). Юрию Львовичу удалось заразить магией творчества всю труппу. Чудо искусства свершилось – спектакль стал высочайшим достижением новосадского театра. Постановка готовилась восемь месяцев, репетиции проходили порой дважды в сутки. Все требования Ракитина удовлетворялись – до мельчайших деталей костюмов, декораций, музыки... Дневник отражает творческое горение, неудовлетворенность художника, муки русского артиста в попытке воскресить в искусстве ушедший мир и свою молодость:

386 Постановки Ю. Ракитина в Нови-Саде (1947–1952): *Мещанин во дворянстве* и *Школа жен* Мольера, *Васса Железнова* Горького, *Бесприданница*, *Волки и овцы* и *Без вины виноватые* Островского, *Вишневый сад* Чехова, *Дикая утка* Ибсена, *Живой труп* Толстого, *Мирандолина* Гольдони.

Читали снова 3-й акт, после в первый раз 4-й. Было трудно объяснить актерам все нюансы и все немое действие, полное такого огромного значения, полное такой внутренней музыки, которую, вероятно, не ощущал и сам Чехов в той мере, в какой она сейчас открывается нам, русским того самого времени, пережившим сейчас все последствия расставания с *Вишневым садом* этих уже давно погибших людей, наших современников. (15 марта 1950 г.)

Вместо того, чтобы наслаждаться, работая над любимым автором и над пьесой, которая так дорога мне, так близка, я вместо этого так страдаю. Почему это происходит? Потому что святое, лежащее далеко в глубине человека, не надо трогать. Мои руки и мой темперамент слишком сейчас нечисты – так же, как и уста тех, кто произносит эти для меня святые слова и чувства. Чехов требует чистоты творчества, а я нечист, я осербился и отошел здесь на чужбине... (19 марта 1950 г.)

Трофимов (актер Симич) – единственный тип 6 пьесе, который должен оправдать появление на сербской сцене этой пьесы в наше социалистическое время. Он для нынешнего зрителя понятен и полон оптимизма. Если не придать ему лозунга революционера – пьеса будет в нынешнее время мертва. (10 мая 1950 г.)

Семейные и материальные дела Ракитиных в Нови-Саде быстро наладились. Юлия Валентиновна поступает на работу. Они возобновляют белградские знакомства, переписку с Парижем, общаются с русскими новосадцами, читают советские журналы, восторгаются шолоховским *Тихим Доном*, внимательно следят за тревожной политической обстановкой в стране...

Показывая рукой на большую звезду, водворенную на башню новосадского административного здания, Юрий Львович любил шутя говорить: “Я всю жизнь бежал от этой красной пятиконечной звезды, и наконец она настигла меня».

Последняя тетрадь дневника – исповедь усталого, смиренного человека, не лишенного глубоких чувств:

В эти Рождественские дни я особенно раздумываю о своей жизни и убежденно говорю, что милость Господа ко мне велика и щедроты Его со мной. Старость моя все же тиха. Нови-Сад для меня оказался спасением и пристанью... (8 января 1952 г.)

Песни из России по радио. И старые и новые, хватают меня за сердце. Томят своей грустной усладой. Сладко мучительно слушать их. Щемит сердце... (7 мая 1952 г.)

Юрий Львович скончался неожиданно. На дому. Летом, в солнечный день... На скромных похоронах отпевали его по русскому православному обряду.

Съехавшиеся осенью к началу театрального сезона актеры и почитатели посадили у его могилы вишневые деревья.

Первая публикация:
А. Арсеньев. У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. Москва : "Русский путь», 1999. С.192–204.

Ю. Л. Ракитин среди русских эмигрантов

> Я прибыл из Великой России, с севера, из величественного храма искусства, в котором на крыше, над двуглавым орлом, парит бронзовая двуколка Аполлона. Я прибыл в Константинополь, оказался эмигрантом, так как не желал покориться *им*, убийцам моей Родины и моего Царя. Я смешался с толпой эмигрантов, не принявших новое государство РСФСР.
>
> Оттуда я собирался в Париж, в русское кабаре, но из Белграда меня пригласили сербы, славяне, молодая культура. Душа моя тогда была слишком потрясена тем, что мною пережито в родной стране. Денег не было. Близким друзьям в Париже я предпочел приятелей и единокровных братьев[387].

Юрий Львович Ракитин, выпускник Петербургского театрального училища, актер Московского художественного театра, режиссер знаменитого Александринского театра в Петербурге (1911–1918), ассистент авангардного Мейерхольда – наперекор всем недостаткам человека-артиста, во многом был занятным. Он был знаком с актерами, живописцами, поэтами.

Октябрьский переворот застает его в Петрограде. Он идеологически расходится с Мейерхольдом, покидает любимый город, скитается по южным городам страны. В марте 1920 г. он с супругой высадился с парохода *Виктория* в Константинополе. Было ему 38 лет, а Юлии Валентиновне – 28. В последних числах 1920 г. они на поезде прибыли в Белград.

Вместе с Михаилом Исаиловичем, тогда единственным режиссером Королевского сербского театра, Юрий Львович с любовью и энтузиазмом принялся после войны восстановить театральную жизнь столицы, недавно созданного Королевства сербов, хорватов и словенцев.

> Белград был бедным, маленьким городом. Повсюду встречаешь грязь. И нехватка квартир. Нам с трудом удалось найти одну комнату. Но из нее мы, по истечении месяца, были выброшены, так как она якобы была «нужна родственникам хозяйки». Однако, из Театра протелефонировали в квартальное отделение и я был триумфально возвращен обратно. После этой операции, квартальный «потребовал

387 *Ракитин Ј.* Српскоме глумцу // *Comoedia* (Београд). 1925, бр. 42.

от меня быть любезным» и позаботиться чтобы его дочь получила театральный костюм для бала-маскарада[388].

Постепенно, при насыщенной и плодотворной работе в Королевстве СХС/Югославии, Юрий Львович вжился в новую среду, однако всё время общался и с русской эмиграцией. Сербским языком полностью так и не овладел.

Целью нашей работы Ракитина представить из нового ракурса – окруженного эмигрантами, которых в одном «русском Белграде» обосновалось до 10-ти тысяч. Используя доступный материал, мы старались, чтобы о своих отношениях и позиции к ним артист как можно чаще высказывался сам.

Театральный деятель Мата Милошевич отметил: «Мне казалось, что с Ракитиным я был достаточно близко знаком, однако, в его внетеатральную жизнь никто из нас так и не проник»[389].

В белградской русской прессе Юрий Львович публиковал свои театральные воспоминания и литературные очерки, выступал в русских литературных кружках Белграда, играл и режиссировал в ряде русских театральных труппах, регулярно избирался в правление *Союза русских писателей и журналистов*, устраивал «Устную газету», балы, банкеты. Был близок с молодыми поэтами, актерами, драматургами, на сербских театральных подмостках сотрудничал с русскими хореографами, композиторами, художниками.

Насколько удалось установить, помимо своего высказывания, процитированного нами выше, Ракитин еще раз упомянул свои мотивы политической эмиграции. В «Открытом письме» членам Московского Художественного театра он не мирится с желаниями некоторых из них вернуться в Советскую Россию:

> Вы, господа, не только артисты, но и люди, вы – граждане. Совершив свое триумфальное шествие от берегов Колхиды и Босфора, вплоть до самого Балтийского моря, принимая восторги и овации, не только восторженных иностранцев, но и русских эмигрантов, которые с восторгом смотрели на вас, как на непримирившихся, как на протестантов, принимая не только овации их, но и слезы их, слезы умиления о дорогом прошлом, которое вы принесли им с собою, – вы взяли на себя известное огромное обязательство, огромный долг – он выше звания артистов Художественного театра – и вы изменить ему не можете. Вы венец всей русской эмигрантской интеллигенции. Вы ее олицетворение. Вы не только Василий Иванович Качалов, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, Мария Николаевна Германова – нет,

388 Сећања г. Ракитина на прве дане рада у Београду // *Правда* (Београд). 1940. – 19. октобар.

389 *Милошевић М.* Сећање на Ракитина // *Позоришни живот* (Београд). 1967, бр. 30.

> вы еще нечто другое, большее, вы еще наше сердце – родная Москва. [...] Уйдя от нас на ту сторону, вы этим самым отнимаете у нас последнюю надежду в торжестве правды, о которой вы говорили нам. [...] Вы хотите теперь сразу уничтожить все, что сделано, посеяно вами, хотите первыми сдаться и этим подчеркнуть, что борьба безнадежна и все кончено[390].

Не все вернулись. Оставшиеся разъехались по европейским городам – Массалитинов, Греч, Павлов, Германова, Краснопольская, Крыжановская... Как актеры или режиссеры, они продолжили гастролировать во многих странах.

А Юрия Львовича знал весь Белград – любил его, завидовал или сочувствовал в его трудные минуты, которых у него было вдоволь. Оказавшись в ситуациях, отличающихся от нищенских в Константинополе, Ракитин своим проницательным глазом наблюдает русских в Югославии:

> Молодое государство созидается, перестраивается на широкую ногу, на западно-европейский образец. Возникают дома, прокладываются целые новые улицы, булыжник заменяется асфальтом и цементом. Целыми днями стучат лебедки, везде канавы, леса, загородки, возы с камнем, бочки с известью. Под моим кабинетом в театре множество русских рабочих ритмически стучат, бьют и дробят мелкий камень. В большинстве это наше офицерство. Иногда слышится их песня. То веселая, то заунывно-печальная[391].

На театральных гастролях и в частных поездках Ракитин знакомится со страной, но замечает и русских беженцев-эмигрантов. О своем коротком пребывании на курорте Враньска-Баня, он записывает:

> Всю жизнь стремлюсь на Запад и попадаю на Восток. Вот и сейчас: я не только в Сербии, но на самой границе Македонии. Примитив жизни, обращение, сказывается во всем. Никто не говорит на «вы». В комнату входит когда и кто угодно, хорошо если это наседка с цыплятами или индюшка; хуже – если цыганка, которая начинает шарить у вас на столе. Когда утром вас будит около кровати непрошенная молочница, это выводит из себя. [...]

390 *Ракитин Ю.* Открытое письмо: Артистам Художественного театра. – *Общее дело* (Париж). 1921. № 526. – 27 декабря.

391 *Ракитин Ю.* О созидании и ритме в жизни // *Возрождение* (Белград). 1921. – 22 ноября.

Что удивительно приятно здесь видеть нашему русскому глазу, это какой-то подтянутый, изысканный вид наших офицеров, юнкеров, кадет и простых казаков. Последние здесь на работах. [...] Какая разница между тем разъерошенным и разлохмаченным удальством, которое мы нередко видели за время Добровольческой армии, и той удивительной корректности и подтянутостью, которая присуща даже здесь, в этом захолустьи, нашим офицерам и солдатам[392].

О пребывании в Сараево, в 1924 г., он записывает:

Я стою сейчас тихой ночью перед историческим местом «откуда всё началось», а на душе раскрывается какая-то особая психологическая археология. Шумит бесстрастно река, скользит лунный бубен по перистым облакам-барашкам над белыми минаретами, над садами, создавая чисто сказочный, восточный театральный ансамбль во вкусе наших старых художников романтиков.

В «каванах-башчах», по ту сторону реки, далеко поют цыгане, а здесь за моей спиной, вдруг, неожиданно поднялось жалюзи, вспыхнуло электричество, засмеялись женские голоса, и кто-то забарабанил модный fox-trot. [...]

Как раз перед этим мостом раскинулись огромные казармы короля Петра I, там сейчас помещается наш Русский кадетский корпус. Сотни наших мальчиков и юношей воспитываются там под опытной и любящей рукой генерала [Б. В.] Адамовича, старого русского военного педагога. Я имел удовольствие побывать здесь этой зимой во время моих гастролей в здешнем театре. Мне хотелось доставить кадетам удовольствие, и я целый вечер читал им. Генерал Адамович водил меня повсюду и показывал. Я на каждом шагу убеждался, что могут сделать дисциплина, порядок, а главное любовь, согревавшая эти неуютные, холодные казармы нашими старыми и молодыми русскими сердцами. [...]

Интересно отметить, что и русские здесь устроены намного лучше, чем в Белграде. Огромную популярность имеет здесь наш известный петербургский доктор лейб-педиатр Высочайшего Двора Иван Павлович Жегалов, друг почти всех артистов, так называемый «Ваничка Жегалов», великолепный исполнитель романсов. Помню его выступления на вечере у Н. П. Корабчевского. Здесь он также и театральный доктор, а жена его играет на здешней сцене.

392 *Ракитин Ю.* Из македонской глуши // *Новое время* (Белград). 1923. – 7 августа.

Бывший управляющий кабинетом Его Величества генерал Е. Н. Волков организовал здесь, на Илидже, большое лесное предприятие, где работает также много русских. Думал ли я там, в Петербурге, приходя каждое 20-е число за жалованьем во флигель Аничковского дворца, что буду гостить у самого управляющего Императорским кабинетом, и где – в боснийских горах, на лесопильном заводе!

Думали ли мы все тогда, что выстрел Принципа разбросает нас по всему миру, по всем частям света и отнимет у нас Россию[393].

Предрасположенный к ностальгии и любознательный, Юрий Львович в свой дневник записывает:

Узнал, что умер Борис Николаевич Хитрово. Мы долгое время жили рядом на Страхинича Бана улице и, несмотря на его мне странные убеждения, я ему очень симпатизировал. Он был типичный бюрократ царских времен (ревельский или митавский губернатор), очень корректно обязательный и деликатный человек. Вся его семья была поразительна – дружная, любящая один другого. Я любил наблюдать их жизнь, проходя по Доситеевской улице мимо окон их подвала. Они все работали, все зарабатывали. Они все гордились своей близостью к Вел. Кн. Кириллу Владимировичу и с благоговением рассказывали, как их там радушно принимали. Наследник Цесаревич (!) у него, дескать, своей собственной персоной сидел на коленях[394].

Юрий Львович не идеализировал русскую эмиграцию. Он ее отлично знал, в особенности ее артистический мир и интеллигенцию:

В городе надо уметь жить, надо уметь экономить свои силы и не затрачивать колоссальную энергию на людские взаимоотношения. Посмотрите на наши белградские условия, когда знаешь не только решительно всех, но и костюм каждого русского, каждую пуговицу на его пиджаке.

Иван Иванович получил деньги из Польши и пропивает их в *Русской семье*. Анна Михайловна купила новую шляпу – значит, Мария Ивановна вернула ей свой долг.

Прибавьте к этому еще вечно бурлящее в душе чувство раздражения и неудовлетворенности собой и всеми.

393 *Ракитин Ю.* Откуда всё началось // *Новое время* (Белград). 1924. – 21 июля.

394 Позоришни музеј Војводине. Нови Сад. – Фонд Јурија Ракитина. Дневник от 1 марта/16 февраля 1931 г. (После каждой новой цитаты из Дневника Ю. Ракитина в скобках приводим лишь дату Дневника).

При нашей городской, чисто провинциальной толчее люди привыкли залезать мысленно не только в чужой карман, считая там динары, но и выворачивать чужую душу, стирая ее, как грязное белье.

Это не просто сплетни милые, обывательские, почти всегда безобидные, подчас остроумные, подчас смешные, часть нашего старого быта; о, нет, это нечто другое, исключительно злобное, трепыхающееся, отвратительное, что бегает, скользит по нашему русскому Белграду, по русским «кучам» [серб. куча – дом], отравляя зловонием и без того нашу тяжелую, горемычную жизнь[395].

Записи в его дневнике, которого он вел с 1919 г. до своей смерти в 1952 г. (уйма тетрадей частично сохранилась), отражают душевные состояния артиста, вскрывают личные недостатки и заблуждения. Можно пожалеть, что он так и не реализовал свой замысел написать роман, сербско-русскую хронику «Славяне», или опробовал себя в драме из эмигрантской жизни. Это его увлекало, когда он со своей семьей и белградскими актерами отдыхал в Дубровнике, в 1929 и 1930 годах:

Думаю о пьесе. Действие происходит в дубровницком Русском доме, в залах крепости Ревелин. Тут разместились эмигранты, после высадки с парохода. Годы идут, а они и далее живут тут, проводят дни в рассуждениях, воспоминаниях и грезах. Бездеятельная эмиграция! Обуреваемые ссорами, интригами, непримиримые друг к другу. Революция опустошила их души, ничего сами не умеют, вернее, не могут. Варятся в собственном соку.

Герои моей драмы в основном народ положительный, сердца благородного. Или это аристократизм, до которого уже никому нет дела и с чем трудно примириться, или их всех разъедают сплетни – вторжение действительности. Основной их порок – отсутствие воли. (26 июля 1930 г.)

Порыв написать драму на эту тему захватывал его не раз:

Хочу до боли написать всё, что бродит в голове, бродит неопределенно, неотчетливо, путанно, туманно. То меня влечет эмиграция, ее белые и темные стороны, то меня тянет высмеять всё это, но высмеять с болью, чтобы ужаснулись люди своей тупости и своей духовной

395 *Ракитин Ю.* На природе // *Новое время*. 1924. – 12 августа.

убогости, которую они обнаружили здесь, в эмиграции. Душевный цинизм, это отличительная черта эмиграции нашей. (16 апреля 1932 г.)

В Русском доме им. Николая II Ракитин 1-го июня 1940 г. поставил пародию-сатиру из жизни эмиграции – «Горе от ума в Белграде», пьесу «Грибоедова-внука». Ее текст, по всей видимости, не сохранился. Предполагаем, что под псевдонимом скрываются сам Ракитин и его друг Ю. Офросимов[396]. В годы перед войной Юрий Львович был особо озлоблен моральным опущением русских и задумал написать комедию «Ревизор в эмиграции». Среди бумаг в его архиве сохранился набросок ее содержания по действиям:

Ревизор в эмиграции

В крошечном югославском городке, таким на пример, как Белая Церковь, появляется среди русских какая-то личность. Прекрасно одет, необыкновенно изящен, употребляет в разговоре иностранные слова. Говорит о себе таинственно. Всё, казалось бы, знает, рассказывает свободно о политическом положении. Побывал на войне в Финляндии. Ничего не отрицает, но не очень распространяется. Не заискивает. Этим умиляет окружающих русских. Сербские власти перед ним очень любезны. С ним очень сдержан.

Городишко и русская колония в волнении. Видели, как он вынимал бумажник и там масса валюты. Видели, как его чемодан полон наклеенных ярлыков европейских городов. Слуга у него серб. Письма отправлял на почте Рузвельту – говорят одни, Герингу – говорят другие. Видели, как он ходит с зонтиком а ля Чемберлен. [...]

Третий акт. Прием в клубе в Русском собрании. Убрано всё зеленью и флагами («славолук»). Пожарный оркестр приготовлен. Все одеты в фантастические остатки старых мундиров с орденами. Выходит Хлестаков. Все по-военному рапортуют (церемония представления). Он очень мало говорит в начале (что-то от Вонсяцкого), потом безсвязно начинает о диктатуре (одна половина в восторге), вдруг – скачёк в сторону демократии (другая половина в восторге). Рассказывает, как он был и там и там, как писал в газетах, как он организовал так-то и там-то союзы освобождения и т.д. Говорит о Бурбонах в эмиграции. Его просят пожертвовать на белоцерковный *Руски дом стараца* [Дом для престарелых русских в Белой Церкви]. Он обещает.

396 Юрий Викторович Офросимов (псевд.: Георгий Росимов; 1894, Москва – 1967, Палермо, Сицилия), драматург, поэт, литературный и театральный критик. В 1933 г. прибыл в Белград из Берлина. Член *Союза русских писателей и журналистов*, играл и сотрудничал в театральных труппах Белграда. После войны со своей супругой жил в Швейцарии.

> В *Четвертом акте* все по очереди приходят к нему просить денег и с доносами. Он всем подписывает чеки. [...]

Интересны записи Ракитина о видных людях русской эмиграции. С кем он только не встречался – с профессорами, врачами, журналистами, политиками, генералами, богословами! Его суждения о них весьма субъективны, но свидетельствуют об эволюции мнений современников, их стремлении сориентироваться в новых условиях жизни, в годы и после Второй мировой войны:

> Кроме Ксюнина[397], вчера мы на обед пригласили и генерала Шкуро[398]. Мне хотелось, чтобы сын его узнал. Сам я о нем имею неожиданное мнение: Шкуро герой именно гражданской войны. Таким он и должен был быть – это не герой большой, огромной эпохи, а это герой смуты. Он грабил, вешал, убивал. Погряз в крови, хорошо узнал психологию масс. Незамаранными руками ничего нельзя было сделать. Шел брат на брата. Это психология зверства, мести, а не справедливости.
>
> Ксюнин говорил о журнале *Новый Град*. Для меня Николай Бердяев и о. Сергий Булгаков гарантия чего-то стоящего. Несчастье эмиграции в том, что у нее не хватает идей. (4 апреля 1932 г.).

Верхняя цитата любопытна и с точки зрения культурной жизни русской интеллигенции в Белграде. Среди исследователей и историков распространено одностороннее мнение, что русская эмиграция в Королевстве была исключительно под влиянием правых, монархических кругов и реакционного духа Русской зарубежной церкви, возглавляемой митрополитом Антонием, осуждавшим русских теологов и мыслителей т.н. русского религиозного ренессанса. Чтение и принятие идеологических концепций парижского журнала *Новый Град* (1931–1939), основателями которого являлись демократически

397 Алексей Иванович Ксюнин (1880–1938, Белград), журналист, политический и общественный деятель. Сотрудник петербургского *Нового времени*, военный корреспондент с фронтов Великой войны, затем при Штабе Добровольческой армии. С 1921 г. был одним из редакторов сербской ежедневной газеты *Политика* в Белграде, корреспондент лондонской газеты *Таймс*, сотрудник белградских русских газет. Один из основателей и первый председатель *Союза русских писателей и журналистов в Югославии*, автор ряда книг. Существуют подозрения в том, что он являлся агентом СССР. В состоянии душевного растройства покончил собой.

398 Андрей Григорьевич Шкуро (1887–1945, Москва), генерал-лейтенант. Окончил Николаевское кавалерийское училище, участник Мировой и гражданской войн. Основатель партизанской дивизии на Кубане, примкнувшей к Добровольческой армии. Командующий Третьим Кубанским корпусом (1920). Ген. Врангель его освободил от всех военных должностей. В сер. 1920-х гг. Шкуро эмигрировал во Францию, где с группой казаков зарабатывал, устраивая джигитовки. Во Вторую мировую войну принимал участие в формировании казачьих частей при немецком Вермахте. В мае 1945 г. англичане его выдали органам Красной армии. По решению Военного трибунала СССР казнен повешением.

ориентированные богослов Г. Федотов, философ Ф. Степун, эсер И. Бунаков-Фондаминский, а постоянными сотрудниками Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Лосский, Е. Кускова, Л. Карсавин, П. Савицкий и др. – свидетельствуют о том, что и русская интеллигенция в Югославии разделяла различные политические взгляды и внимательно следила за идейными брожениями эмиграции в европейских центрах.

Юрий Львович отлично был информирован о жизни русской эмиграции и об общественной деятельности ее выдающихся и влиятельных представителях. Его эмоциональная натура художника не мирилась с политической действительностью в Европе, и не всегда он осознавал, с какими трудностями сопряжено Королевство Югославия:

> Недавно здешняя русская колония заказала очень дорогую и красивую лампаду на могилу Короля Александра в Опленаце, усыпальнице Карагеоргиевичей. Лампада эта по желанию князя Павла неугасимо горела и никогда не убиралась. На ней по инициативе Штрандтмана было написано: «Слезы русской эмиграции». И вот, как говорят, эта лампада исчезла, когда Опленац посетила большевистская делегация во главе с Лаврентьевым. Я слышал это от В. Даватца[399], который послал Штрандтману письмо, прося его подтвердить, правда ли это, т.е. действительно ли лампада была убрана перед большевиками? Штрандтман Даватцу не ответил. В бездарности Штрандтмана я никогда не сомневался, в мелкоте и трусости. Он непрерывно старается играть решающую роль в организациях русской эмиграции. (7 июля 1940 г.)

Ракитина охотно принимали в домах материально хорошо обеспеченных русских и даже тех с душком снобизма. Он всех умел развлечь, анекдотами или жизненными историями. Был он отличным пародистом, читал стихи, наизусть представлял в лицах целые рассказы Чехова.

> Поездка к Грундт[400] на Дединье, которая именинница. Вилла «Солодовников» (бывшая санатория баронессы Врангель). Пианист Нико-

399 Владимир Христианович Даватц (1883, Владимир на Клязьме – 1944, близ м. Сьеница), математик, публицист, общественный деятель. С Галлиполи в 1922 г. прибыл в Белград. Автор книг о Русской армии в изгнании, биографии П. Б. Струве и проч. Один из редакторов и сотрудников белградской газеты *Новое время*, преподаватель в Русско-сербской гимназии и член *Русского научного института в Белграде*. Занимал видный пост при Русском общевоинском союзе (РОВС). Во время оккупации Югославии вступил в *Русский охранный корпус*, погиб на фронте.

400 Ксения Федоровна Грундт, в 2. браке Солодовникова, в 3. Dumet (1909, Екатеринодар – 1979, Канны, Франция), балерина, актриса. Автор неизданных воспоминаний о своей жизни и современниках.

лай Орлов[401], оказавшийся на гастролях в Белграде, певец Холодков[402], Страховы[403], Адрианов[404] с дамой, Жуков, Штрандтман, пианист Бутаков. У них бывает и балерина Елена Полякова с дочкой. (6 октября 1940 г.)

Сознавая заслуги некоторых русских, с которыми он годами жил рядом, в них он подмечал человеческие недостатки и перемены:

Чета Струве любит ходить в гости. Обыкновенно приходят со сладостями и конфетами... У Рыбинского и Даватца встретил П. Струве. Вот сухой, вот каменный человек! Много знает, много чувствует, много видел, но он так любит себя, так подавляет своим величием в своей энциклопедичности. Так тяжело мне с ним в обществе! Он перестал замечать, что в это время он говорит «слоганами», на пример, «Гитлер заврался, его ждет крах». Это обывательские левые разговоры ничего не значащие и поэтому пошлые. Нельзя большим людям говорить обветшавшие и затрепанные фразы. Струве здесь, конечно, большой человек, но мне не симпатичный лично. (17 мая 1940 г.)

Слышал, что будто-бы в Париже образовано Русское правительство с Керенским, Деникиным, Струве. Хорошие всё люди, но уже раз погубили Россию, хотят вторично. (27 февраля 1940 г.)

После освобождения П. Б. Струве из застенка Гестапо в Белграде, Ракитин записывает в свой дневник:

Вчера встретил на улице Струве. Я подлетел к нему в порыве искренней радости. (13 июня 1943 г.)

Вчера у Даватца была при мне Нина Александровна Струве. Ей 74 года, но она необыкновенно бодра. Струве сидит, пишет философские и экономические статьи, а Нина Александровна ходит, стоит в

401 Николай Андреевич Орлов (1892, Елец, Тамбовской губ. – 1964, Грантаун-Спей, Шотландия), пианист, окончил Московскую консерваторию, ученик К. Игумнова и С. Танеева, профессор (1917), покинул Россию в 1921 г. Выступал в Европе и США с оркестрами под управлением А. Глазунова и С. Кусевицкого, считался одним из величайших пианистов современности. Поддерживал отношения с родиной. Н. Мясковский и С. Прокофьев посвящали ему свои произведения. Несколько раз приезжал на гастроли в Белград.

402 Павел Федорович Холодков (1888, Рязань – 1967, Белград), оперный певец (баритон). Выпускник Московской консерватории (1913), солист Оперы Зимина в Москве, Оперы в Одессе и Белграде (1921–1951). Гастролировал во многих городах Европы.

403 Страховы: Сергей Сергеевич (1901, СПб – 1945, Белград), композитор эстрадных песен, издатель нот популярных «шлягерей» в Белграде, жена – Наталия Николаевна, урожд. Волоцкая (1904, Митава – 1945, Белград), актриса, певица эстрады.

404 Сергей Павлович Адрианов (1885, Нежин – ?), инженер-механик, предприниматель. Жена – Евгения Михайловна, ур. Никитина (1898 – 1976, Нови-Сад).

очередях... Молится старуха за монахов того монастыря, где ее сын монахом в Прикарпатской Руси. (14 сентября 1941 г.)

Узнал из газет о смерти милой старушки Нины Александровны Струве. У нее были талантливые дети. Только, вот, глухой бедный Аркаша подгулял. Она была, кажется, красная курсистка, такая-же, как сам Петр Бернгардович, один из отцов социализма. Последний раз, что я видел ее, она Рыбинскому диктовала часточку за здравие родных и знакомых. Вот вам, чем оканчивают русские социалисты! Жалко Петра Бернгардовича, как-то он без нее?! (13 июня 1943 г.)

Жаль, что сегодня не поехал на открытие памятника Е. В. Аничкову. Смешной был старик со множеством бзиков, но в глубине хороший и жалкий. Высокая культура, а рядом необыкновенная пошлость и самовлюбленность... Это от когда-то, давно, оскорбленного и неудовлетворенного самолюбия. У меня есть у самого это. Я этого стыжусь и скрываю. Но это вылезает из меня. Я этим болею. (19 мая 1940 г.)

Очень люблю мудрого старика В. И. Бельского[405], ко всем благожелательного и ко мне неизменно доброго. Я очень ценю его благородство ко всем. Слова дурного ни о ком не скажет. Это такая редкость в Белграде в наше собачье время. Я сужу по себе, по моей озлобленности на людей, которые мне делали и делают часто столько злого. (31 декабря 1939 г.)

Вечером были гости. Рыбинский, Даватц, Шульгин, Макаренко, И. Н. Окунева. Очень интересно рассказывал Василий Витальевич Шульгин. какой это еще живой и полный увлечения человек! Он должен был продать на бывшей польско-русской границе свое имение с большим лесом, но пришли туда большевики. (4 февраля 1940 г.)

В соседнем доме с нами, в № 104 помещается Институт Н. П. Кондакова[406], переехавший из Праги. Заведующий – Дмитрий Александрович Расовский. Помещения Института полны исключительных книг. [...] С Расовским и его невестой Ириной Николаевной Окуневой я просматривал репродукции икон. Я им долго рассказывал о Питере и Москве, об Эллисе, Белом, о Блоке, Вячеславе Иванове, пил чай с розовым вареньем. (5 и 29 февраля 1940 г.)

---

405 Владимир Иванович Бельский (1866 – 1946, Гейдельберг, Германия), либреттист Н. Римского-Корсакова. Окончил юридический и естественно-математический факультеты в Петербурге. Магистр политической экономии и статистики. В Белграде был чиновником страховой фирмы «Русија-фонсиер». Председатель *Русского музыкального общества в Белграде*, музыкальный критик, сотрудничал в белградской прессе.

406 Институт Кондакова (Seminarium Kondakovianum), основан в 1925 г. в Праге, после кончины Никодима Павловича Кондакова (1844–1925), историка византийского и древнеславянского искусства. В журнале института «Annales» сотрудничали европейские византинисты, слависты, историки искусства. В связи с войной в Европе часть института с библиотекой и сотрудниками в 1939 г. переехала в Белград.

Надо, чтобы чаще бывали у нас Острогорские[407], затем Шульгин, еще надо привлечь В. И. Бельского. Вот, послушать Бельского это так приятно. Он очень мудрый и очень большой христианин, никогда ни о ком дурно. [...] Мне надо повидать проф. Александра Васильевича Соловьева[408], для справок о времени сербского царя Душана, для спектакля узнать о церемониях при его дворе. (18 марта 1940 г. и 14 января 1941 г.)

Юрий Львович стремился общаться с молодыми, жизнерадостными русскими людьми:

Вечером у нас Гребенщиковы[409], бесконечно милые Нина и Игорь. Живут в глуши. Приехали сюда на праздники. (14 января 1941 г.)

В сербскую газету *Политика* приходит народ. Там светло, уютно. Люди там милые – Жедринский[410], Лобачёв[411], Пьер [Крижанич, художник-карикатурист]. (10 октября 1940 г.)

Необходимо отметить, что своих друзей Юрий Львович не находил среди артистического мира Белграда. Это были журналисты, но с их реакционарными позициями он довольно часто не соглашался, в особенности если это касалось искусства. Приведем характерный пример:

С Люлей [женой] смотрел советский фильм «Волга, Волга». Я в восторге от всего, – от сюжета, игры, постановки, музыки. Всё весело,

---

407 Георгий Александрович Острогорский (1902, СПб. – 1976, Белград), византинист, историк с мировым именем. Академик Сербской Академии наук и искусств, доктор наук Гейдельбергского университета, профессор философского факультета, основатель и директор (с 1948 г.) Института византологии при Сербской АН. Его капитальный труд «История Византии» (1947) переведен на многие языки.

408 Александр Васильевич Соловьев (1890, Калиш –1971, Женева), историк славянского и византийского права, исследователь богумилов, сербской геральдики, сфрагистики. Профессор юридического факультета в Белграде (1920–1946), профессор и первый декан юридического факультета в Сараево (1947–1949). Югославские власти принудили его покинуть страну. Профессор славистики Женевского университета (1952–1961), переводчик русской художественной литературы на французский язык. Соловьев сотрудничал с Ракитиным при постановке сербской драмы «Душан, молодой король» (январь 1941 г.)

409 Игорь Сергеевич Гребенщиков (1912, СПб – 1986, Гатерслебен, ГДР), ученый ботаник-генетик, поэт, в военные годы работал в лаборатории генетики в Бердине, после войны продолжает работу по профессии в г. Гатерслебен, ГДР. Жена – Нина Константиновна, урожд. Гриневич (1909–1974).

410 Владимир Иванович Жедринский (1899, Москва – 1974, Париж), театральный художник, график, карикатурист, иллюстратор книг, автор комиксов. Учился в Петербурге и Киеве. В эмиграцию прибыл с родителями. Самый выдающийся и продуктивный художник белградского Народного театра (драма, опера, балет) 1922–1941 гг. В военные и послевоенные годы работал в театрах Загреба, Риеки, Любляны, Марибора, Праги, Нови-Сада, Касабланки, Бордо, Париже и др. С 1952 г. обосновался в Париже.

411 Юрий Павлович Лобачёв (1909, Скадар, ныне Албания – 2002, Санкт-Петербург), художник-график, иллюстратор книг, карикатурист, комиксист. Сотрудник белградской сербской газеты *Политика*, один из первых и выдающихся представителей «Белградской школы комикса», графического романа. После войны принял советское гражданство и с семьей был выдворен в Румынию. В 1955 г. им удалось переехать в СССР (Ленинград).

ясно, легко и мастерски. Такие идиоты, как Леонила наша, конечно не способны понять всё значение и грацию этого фильма. (14 сеньября 1940 г.). Рыбинский мне сказал, на мое восхищение советским фильмом «Волга. Волга»: – Да, хорошо играют и весело, но как можно восхищаться игрой и актерами, когда там существуют концентрационные лагеря!?. Идиоты! Концентрационные лагеря существуют теперь и в Германии, и в Югославии, и наверно, в других странах. Можно, и даже должно, ненавидеть нам, эмигрантам, советскую власть, но путать ее с искусством и с игрой на сцене – идиотство и даже преступление. Также туп и Даватц, который после моего восхищения фильмом сказал: «Так хорошо, что я не пошел. Ничего не допускаю *там*, там хорошего». (17 сентября 1940 г.)

С русскими театральными деятелями, которые оказались в разных центрах эмиграции, Ракитина связывала работа в сербском Народном театре и в белградских любительских театральных труппах. Он ставил комедии Николая Евреинова, Аркадия Аверченко, Сергея Юшкевича, а в октябре 1928 г. – трагедию *Царевич Алексей* Дмитрия Мережковского. В те дни в Белграде проходил заграничный Съезд русских писателей и журналистов, в работе которого приняли участие Б. Зайцев, Е. Чириков, А. Куприн, И. Шмелев, Д. Мережковский, С. Мельгунов, А. Кизеветтер и др. Юрий Львович следил за их творчеством, ценил Ивана Бунина, Владислава Ходасевича, Нину Берберову, Владимира Сирина (Набокова). Он был близким с Игорем Северяниным. Во время нескольких длительных гастролей в Югославии (1929–1933 гг.) поэт с супругой останавливался на квартире Ракитиных.

Мировая премьера оперы *Ванька-ключник* парижского композитора Николая Черепнина состоялась в 1933 г. в Белграде. Ракитин был ее постановщиком, композитор дирижировал.

В межвоенные годы Ракитины трижды выезжали заграницу. В течение пяти недель путешествия по городам Италии они там встречались со своими знакомыми по России – художниками Леонидом и Риммой (Римменой) Браиловскими, историком искусства Павлом Муратовым, археологом и историком Михаилом Ростовцевим.

Ознакомление с художественными новинками Европы вдохновляет Юрия Львовича во время трехнедельного пребывания в Париже, во время проведения там Всемирной выставки (ноябрь–декабрь 1937 г.) Изо дня в день они встречаются со своими многочисленными петербургскими и московскими знакомыми.

Лето 1939 г. Ракитины проводят в тихой Бессарабии (тогда в составе Румынии), у родственников Юлии Валентиновны. Гуляя по набережной Дне-

стра, они с ностальгией упирают свои взгляды на другой берег, ландшафты своей покинутой родины.

С годами, Юрий Львович всё чаще в мыслях возвращается к своим дням в России, упрекая себя в том, что покинул страну, хотя всегда сознавал, что иного выхожа у него не было. Страницы его дневника пестрят такими упреками самому себе:

Война докатилась и до Балкан... Ракитины тяжело переносят бомбардировки Белграда в апреле 1941 г. Они были свидетелями паники жителей города, при налётах бомбардировщиков сами бегут спасаться на кладбище, переносят дороговизну и исчезновение продуктов первой необходимости, табака. Их знакомые, супруги Расовские, гибнут в первый день бомбардировок, 6-го апреля, а Владимир Даватц и Николай Рыбинский остались без какого-либо своего имущества. Месяцами Юрий Львович болеет, подвергается операциям. В поисках средств к существованию, он увлечен идеей с несколькими знакомыми основать кабаре, либо арендовать лавку для продажи паштета – заняться торговлей. Ракитин был готов уехать в Румынию к родне жены, уехать к свому младшему брату Сергею во Францию. Все эти помыслы не реализовались.

Три недели в августе 1942 г. им обоим удается провести в банатской деревне Баранда, где им для улучшения питания старуха Бахарева обеспечила жилье в крестьянской семье христианской секты назаретян. Юлия Валентиновна много времени там проводит в «Русской молочной», где собираются русские, а Юрий Львович поправляется после очередной болезни и много читает, записывает в свой дневник:

> После обеда были с визитом у Гущиных[412]. Он в Белграде преподает в семинарии музыку и пение и имеет много частных уроков музыки. Его жена старая знакомая Люли. Он мне много рассказывал про доброту, остроумие и цинизм на словах покойного митрополита Антония[413]. (3 августа 1942 г.)

412 Степан Георгиевич Гущин (1888, Ахтырка, близ Харькова – 1970, Ниш), регент церковных и любительских хоров, педагог. Окончил историко-филологический факультет и консерваторию в Киеве. В Югославии 20 лет преподавал музыку в Призрене, затем в Белграде, Нише, Лесковаце, Вранье.

413 Антоний, митрополит Киевский и Галицкий (Алексей Павлович Храповицкий; 1863, Ватагино, Новгородская губ. – 1936, Сремски-Карловцы), первоиерарх Русской православной зарубежной церкви. Выпускник Петербургской духовной академии, доктор богословия (1911). С группой русских епископов в ноябре 1920 г. эвакуировался в Константинополь. По приглашению Сербской церкви в феврале 1921 г., вместе с епископами прибыл в Королевство СХС. Сербский патриарх ему предоставил часть своей патриаршей резиденции в Сремски-Карловцых, где митрополит и упокоился. Похоронен в Белграде. Автор многих сочинений и посланий русским верующим.

> Я лично не был в числе почитателей митрополита Антония. Не мог примириться с его цинизмом, с его удальством, этим с таким смаком употребляемым похабием: «Мы в Белграде живем от блуда», т. е. от разводов и вторичных браков и т.д. (4 августа 1940 г.)

Последних два года войны для Ракитиных были сопряжены всё новыми лишениями – голод, болезни, раздражительность обоих супругов, новая операция грыжи Юрия Львовича, они терпели унижения в сербском театре и при Русском доме, постепенно распродавали имущество, переезжали в пригородные кварталы, в одну комнату, даже в кухню...

> Вчера какой-то серб хотел мне подать кусок хлеба, думая, что я нищий. Это по моему небритому и грязному виду. [...] Сидим без хлеба, жиров и без дров. (4. и 24 мая 1943 г.)

В августе 1943 г. они устраиваются на белградской окраине Добро-Поле:

> Дом наш – это дом преступлений, дом какой-то таинственной греховности. Соседи, берущие у нас воду, известные воры. Верхние жильцы Кириллины[414]: мать там продает дочь, как в свое время продавалась и она сама. Бабушка, сестра генеральши Алексеевой, жены начальника Штаба покойного Государя, несчастная старуха, думающая об яде, чтобы отравиться, а не о спасении души. Они ловят «женихов», которые тратят на них деньги. А Спешневы[415]. Устроили здесь конюшню. Убивают лошадей в прачешной и продают, а мясом подкупают вокруг, чтобы те молчали. (25 февраля 1944 г.)

Ракитин имел намерение уехать в Берлин, но обещанное приглашение русской театральной труппы Всеволода Хомицкого так и не пришло. Отчаявшись, Юрий Львович стал готовиться принять священнический сан или уйти в монастырь. Он слушал лекции богослова Георгия Флоровского, вчитывался в мысли Достоевского.

Постепенно его здоровье и самочувствие улучшаются. Ракитин с трудом ходит, но возвращается на работу в сербский театр. Осенью 1943 г. начинает репетировать «Эльгу» Гауптмана, но премьера так и не состоялась.

---

414 Кирилины: Людмила Федоровна (1899, Выборг), разведенная, дочь Ольга (1925, Белград) и мать («бабушка») – Ольга Николаевна Кирилина, урожд. Пиротская (1880).

415 Спешневы: Георгий и Лидия (1897). С октября 1941 г. проживали возле белградского Жокей-клуба «Св. Георгий», в районах Царева-Чуприя и Добро-Поле.

Окончание войны и смена государственного строя в восстановленной Югославии приводят к резкой идеологизации искусства, и «белоэмигранта» постепенно вытесняют из столичных театров. Ракитину не позволено завершить его третью послевоенную постановку (Гоголь, Толстой, Островский), и его отправляют на нищенскую пенсию.

Неожиданно, Юрий Львович приглашен продолжать работать в сербском театре Нови-Сада, где он с радостью и усердием принимается за любимое дело – ставит русские и пьесы мирового репертуара, преподает в театральном училище, пишет для театрального журнала, ездит на гастроли. На новом месте его ценят и оказывают особое внимание. Семейные размолвки забываются, материально Ракитины обеспечены.

Постепенно, семья восстанавливает связь с белградскими знакомыми и переписку с родственниками и друзьями в Париже, Нью-Йорке, Мюнхене, Каракасе, Сиднее. Оба читают широко доступные советские журналы и художественную литературу, слушают радио, их живо интересует политическая ситуация в стране и Европе. Юрий Львович переживает разлуки с друзьями:

> Владимир Жедринский покинул Югославию и уехал в Париж, откуда собирается к Володе Гальскому в Африку, где Гальской директор какой-то большой фабрики. Я лично думаю, что Жедринский устроится в Париже, или в театре или в журнале, как карикатурист. Мне очень жаль, что больше никогда в жизни не увижу его. С Жедринским у меня связано 25 лет творческой работы и дружбы. Хотя он и много моложе меня, но он сильно влиял на мои постановки. Главное, я любил искренне Владимира Жедринского. Он был особенно нежен ко мне во время моей смертельной болезни. Он даже рисовал меня при смерти. (8 февраля 1950 г.)
>
> Собирается к отъезду и Владимир Павлович Загороднюк[416]. Уезжает в Сидней к дочери Зинаиды Павлоловны. Мне ехать некуда. Какое страшное одиночество! Все уезжают. Россия совсем уходит из под ног. (10 марта 19 г.)
>
> Вечером были Марьяшецы[417]. Они прощаются, уезжая в Черногорию. Он на год моложе меня, но всё жаждет деятельности кипучей и славы. Там он будет режиссером и оперы и драмы, и наставник в

416 Владимир Павлович Загороднюк (1889, Одесса – 1976, Сидней), скульптор, театральный художник. Занимался фасадной декоративной лепкой. Учился в Одессе и Париже. В Белграде был едва ли не заменимым в оформлении сцены Народного театра (1922–1940). После войны из Югославии переехал в Австралию.

417 Евгений Семенович Марьяшец (1883, Одесса – 1953, Титоград, ныне: Подгорица), оперный певец (бас), вокальный педагог, оперный режиссер. Учился пению в Петербурге и Милане, где выступал в театре «Ла Скала». С 1919 г в Королевстве СХС, солист и постановщик Белградской и Новисадской опер. После

школе и во главе Радио по части музыки. Одним словом, «служавка за све», (5 апреля 1950 г.)

И в Нови-Саде Ракитины общаются с русскими эмигрантами. Это супруги Яблоковы, бывшие белградцы: врач Павел Иванович (1882, СПб – 1962, Нови-Сад) и Татьяна Николаевна (1889, Кострома – 1965, Нови-Сад), актриса белградских русских театральных трупп. Они знакомятся с семьей генерала Ивана Тимофеевича Калиновского (1882) и его супругой Евдокией Иосифовной, с музыкальным педагогом Ольгой Молчановой[418]. Из Белграда в Нови-Сад переехала вдова Евгения Михайловна Адрианова и семья одессита Евгения Михайловича Андровича (1899). На субботние всенощные службы Юрий Львович ходит в храм Св. Николая, так как там поет небольшой русский хор.

Узнал, что в здешний театр переводится Марина Оленина[419]. Это мне приятно. Она талантливый и приятный человек, хотя и погрязла в прогрессивных нынешних идеях из-за своего мужа. У Марины есть природа и темперамент, что я так ценю в людях. (16 февраля 1950 г.)

Ракитины не только восстанавливают связи с довоенными знакомыми, но охотно знакомятся и с уже редко встречающимися русскими в Югославии:

Отдых проводим в Рогашка-Слатине, в Словении, с русскими. Очень милые старики – Антипины[420]. Бывший член Одесской судебной палаты, затем – судья в Словении, в Целье он преподает русский язык. Это очаровательная пара, сохранившая русскую лирику жизни. Она – помещица Подольской и Бессарабской губерний. Они какие-то наивно-приветливые, без эмигрантской озлобленности, а с наивным русским приветом. Сидим мы с Николаем Антоновичем Антипиным. Он мне рассказывает свою жизнь.

войны преподавал вокал. По распоряжению правительствв 1950 г. направлен в Черногорию, организовать музыкальную жизнь республики.

418 Ольга Константиновна Молчанова (1879, Калуга – 1971, Нью-Йорк), оперная певица (сопрано) и педагог. Окончила Киевскую консерваторию по классу вокала. Солистка Оперного театра в Одессе. В Нови-Саде проживала с 1921 г. Покинула Югославию и уехала к сыну в США.

419 Марина Петровна Оленина (1901, Москва – 1963, Белград), балерина, училась в Москве, усовершенствовалась в Париже. Прима-балерина Белградского балета, хореограф, педагог. Участник Народно-освободительной борьбы Югославии. После Второй мировой войны руководитель и хореограф художественного коллектива Югославской народной армии, основатель и хореограф Балетной школы и Балетной труппы Сербского народного театра в Нови-Саде.

420 Николай Антонович Антипин (1875, СПб) и его супруга Анна Людвиговна, урожд. Андрич (1877, Киев).

Кроме них в нашем обществе русский поляк, полковник Костовский[421] из Любляны, одинокий, тоже наивный оптимист, тоже преподаватель русского языка, и Ольга Дмитриевна[422], хористка загребского хора, а также Мария Михайловна Чекмарева, врач из Белграда. (27 августа 1951 г.).

Юрий Львович получает много писем, от своего брата Сергея Ионина из Мюнхена, от Н. З. Рыбинского и В. В. Хомицкого из Нью-Йорка, от Загороднюка из Австралии.

Письмо из Парижа от Екатерины Николаевны Рощиной-Инсаровой, нашей Александринской актрисы. Это письмо такое милое, умное и сердечное. Особенно тронула меня ее покорность судьбой. Мне надо учиться у нее ее убежденному смирению. С каким тактом она отвечает мне, что и ее тянет в театр, домой в Петербург, но она знает, что там всё иное. (17 сентября 1951 г.)

Письмо от Андровича из Венесуэлы. Куда только не залетают осколки русской эмиграции! Какие усилия прилагаются русскими, чтобы найти себе кусок хлеба для продления жизни! Боже мой, что влечет за собой один ошибочный шаг в жизни – крах семьи в трех поколениях! (27 апреля 1952 г.)

В России остались люди, а здесь тени, «тени минувшего» – старики с сосредоточенными лицами, старухи с обиженными физиономиями. Сербско-русская молодежь, которая и не знает русского языка, а только носит русские фамилии... Всё это со временем смешается в одну муку, которая будет хорошим удобрением на югославских перекопанных кладбищах. (27 декабря 195 г.)

Как тяжело жить без друзей, без русского приятеля! Положим, я к этому привык и в Белграде, в течение 28-ми лет у меня не было истинного друга. Был Владимир Христианович Даватц, но он был человеком другой профессии, математиком. К искусству не имел касательства. (19 января 1951 г.)

В Рождественские дни 1952 г. Ракитин свой дневник записывает:

Старость моя всё же тиха, в сравнении с тысячами измученных людей, моих соотечественников, например тех, уехавших в Триест, где они годами ждут очередь, чтобы попасть в Америку. (8 января 1952 г.)

421 Михаил Дмитриевич Костовский, полковник 34-го пехотного Севского полка.

422 Ольга Дмитриевна Грудзинская, урожд. Младенцева (1902, СПб).

Юрий Львович Ракитин скончался летом 1952 г., похоронен на Русском участке Успенского кладбища в Нови-Саде. На его могиле установлен каменный памятник – восьмиконечный, «русский» крест.

Опубликовано на сербском языке в журнале Зборник Матице српске за сценске уметности и музику (Нови Сад). 1995. Бр. 16–17. С. 249–264.

Русский Белград: масоны, теософы, оккультисты, буддисты

Общественная жизнь русских на чужбине была богата и разнообразна. В первые годы беженства-эмиграции (1919–1922) их волновали жизненные и бытовые вопросы – материальная помощь, оказываемая государственными и гуманитарными организациями, устройство на какую-то («временную») работу, создание в своей новой среде русского духовного центра – церковного прихода со священником и хором, детского сада, школы, приюта, русского клуба с библиотекой, художественного кружка. Однако интеллигенция не остановилась на этом, и уже через год-два стали возникать кружки и общества наподобие ранее существовавших в России, как: объединения выпускников разных высших учебных заведений, офицеров Генерального штаба, профессиональных объединений (врачей, инженеров, артистов), кружки землячеств...

Белград, конечно, не был исключением. В самом городе (в 1921 г. – 111 тыс. жителей) и в его пригородах осело около 10 тыс. российских граждан. Об их культурной деятельности в столице Королевства СХС (сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. – Югославия) написано много работ.

Цель нашей статьи представить несколько белградских русских кружков, изредка лишь упоминавшихся в исторической литературе по теме русской эмиграции в Королевстве СХС-Югославии.

Масонская ложа «Максим Ковалевский»

Масонские ложи в России возникали с 1731 г. В следующем веке, в 1822 г., император Александр I запретил работу этих лож, а в 1826 г. запрет был повторен императором Николаем I. В нач. XX в. ложи стали восстанавливаться. По заданию Великой Ложи Франции в 1904 г. ложу в России основал петербургский профессор, академик Максим Максимович Ковалевский. Его друг, профессор, юрист-криминалист Михаил Павлович Чубинский, был принят в нее одним из первых.

Профессиональная и общественно-политическая деятельность М. П. Чубинского была многогранна и значительна. Была она связана и с Сербией. Специалист по уголовному праву, он преподавал в Киеве, Ярославле, Париже, Харькове, Петербурге, Юрьеве, был членом ЦК партии народной свободы, членом Общества славянского научного единения в Петербурге. Круг столичной профессуры и часть либеральной интеллигенции живо интересовались вопросами освобождения и объединения славянских народов на Балканах. В 1917 г. в Петрограде отдельным изданием вышел трактат М. П. Чубинского

«Идея сербско-хорватского единения в ее развитии и современной ситуации». В следующем году этот труд был опубликован на французском языке в Париже и получил хвалебный отзыв Сербского правительства, В 1917 г. М. П. Чубинский стал сенатором уголовного кассационного департамента в Киеве, с мая 1918 г. – министром юстиции в правительстве гетмана П. П. Скоропадского. В период С. В. Петлюры он, как противник «самостийности», находился в тюрьме, с 1919 г. состоял обер-прокурором уголовного департамента Сената в Новочеркасске...

В марте 1920 г. проф. Чубинский оказался в эмиграции в Королевстве СХС. За свою многолетнюю петербургскую деятельность в интересах прежнего Королевства Сербии он был удостоен сербского ордена Св. Саввы 3-й ст. [см.: Арсењев, Ордовски-Танајевски 2017, с. 355]. Два с половиной года он преподает на юридическом факультете в Белграде, а затем ему была предоставлена профессорская кафедра на недавно открывшемся юридическом факультете в г. Суботица, но были поручены и дела в столице. Как юрист с мировым именем, М. П. Чубинский разрабатывал проект Уголовного кодекса молодого государства, стал членом Постоянного совета по законодательным вопросам при Министерстве юстиции и автором важных научных трудов и практических пособий по юриспруденции [См.: Чубинский 1930].

В нач. 20-х гг. Белград был видным центром масонства. В нем действовали сербские ложи *Дружба, Труд и Постоянство* (*Слога, Рад и Постојанство*), *Побратим*, *Шумадия*. С 1921 г. в столице работал Союз Великой ложи сербов, хорватов и словенцев *Югославия*, принятый в членство Интернациональной масонской ассоциации (AMI).

В 1924–1925 гг. началась активная работа парижских русских масонов в Белграде. 23 декабря 1924 г. к ложе *Дружба, Труд и Постоянство* примкнул выдающийся филолог Евгений Васильевич Аничков, масон Великого Востока Франции, профессор Белградского университета. Из Суботицы в столице наездами бывал или в столицу периодически приезжал проф. М. П. Чубинский, член русской парижской ложи *Астрея* и член-основатель парижской ложи *Гермес*. В марте 1925 г. он в одну из белградских лож ввел своего сына, адвоката Арсения Михайловича Чубинского, а вскоре и трех русских эмигрантов: профессоров Николая Николаевича Салтыкова и Леонида Яковлевича Таубера, и генерал-лейтенанта Владимира Владимировича Марушевского.

В 1926 г. эти русские в Белграде образовали свой кружок вольных каменщиков. Уже 28 марта их кружок получил разрешение открыть самостоятельную ложу. Ей было присвоено имя Максима Ковалевского, в память возрождения русского масонства в XX веке. В сентябре ложа начала свою деятельность и вошла в Союз Великой ложи сербов, хорватов и словенцев *Югославия*.

Интересно отметить, что с 11 по 16 сентября 1926 г. в Белграде состоялся Международный масонский конвент, в котором приняли участие 20 послушаний из Европы и США, в том числе *Великая ложа* и *Ложа Великий Восток Франции*. Конгресс проходил под девизом «Вольные каменщики в пользу Мира». На нем была создана специальная комиссия для наблюдения за проживающими на территории Королевства СХС русскими антисемитами и антимасонами, для парализования их деятельности. Председателем ее стал Василий Николаевич Штрандтман.

Архивные материалы о масонстве в Югославии частично сохранились. Хранятся в Архиве Югославии (ф. 100). О русской ложе «Максим Ковалевский» там имеются скудные данные. Однако полностью можно положиться на собранные и опубликованные данные историков Зорана Ненезича и Андрея Серкова [Nenezić 1988, Серков 1997].

Состав белградской ложи «Максим Ковалевский» не был многочисленным:

Евгений Васильевич Аничков (1866, Боровичи, Нижегородская губ. – 1937, Белград), выдающийся историк литературы, фольклорист, проф. Белградского университета;

Михаил Павлович Чубинский (1871, Киев – 1943, Белград), правовед, криминалист, общественно-политический деятель, проф. Белградского университета;

Арсений Михайлович Чубинский (1895, Киев – 1962, Нью-Йорк), доктор права Белградского университета, адвокат;

Николай Николаевич Салтыков (1872, Вышний Волочек – 1961, Белград), математик, проф. Белградского университета, академик Сербской академии наук и искусств;

Леонид Яковлевич Таубер (1872, Харьков – 1943, Белград), экономист, проф. Торговой академии в Белграде;

Владимир Владимирович Марушевский (1874, Петергоф – 1951, Загреб), генерал-лейтенант, бывш. командир 3-й особой пехотной бригады во Франции (1916), начальник Генерального штаба (1917). По приглашению английской и французской военных миссий назначен командующим войсками Северной Области в Архангельске (1919), принимал участие в иностранной интервенции на севере России;

Иван Сергеевич Свищёв (1873, Белгород – 1973, Лос-Анджелес), учёный-геодезист, генерал-майор, проф. Белградского университета;

Петр Александрович Сергиевский (1874, Саратов – после 1944), врач, общественный деятель, основатель и редактор *Вестника Федерации союзов Русских трудящихся христиан в Югославии* (РТХД);

Яков Матвеевич Хлытчиев (1886, Нахичевань – 1963, Белград), ученый, специалист по прикладной механике, проф. Белградского университета, академик Сербской академии наук и искусств;

Владимир Иванович Курилов (1872, Москва – после 1950, Германия), правовед, судья районного суда в Белграде;

Николай Антоньевич Пушин (1875, Саратов – 1947, Белград), учёный химик-технолог, проф. Белградского университета, член-корреспондент Сербской академии наук и искусств;

Александр Юльевич Вегнер (1877, Харьков – после 1944), экономист-финансист, профессор Белградского университета;

Антон Дмитриевич Билимович (1871, Житомир – 1970, Белград), ученый математик и механик, проф. Белградского университета, академик Сербской академии наук и искусств;

Семен Иванович Верещак (1889, Туапсе – 1937, Белград), агроном, экономист, публицист;

Алексей Александрович Лебедев (1876, Санкт-Петербург – 1964, Сантьяго, Чили), ученый, специалист по двигателям внутреннего сгорания, основоположник науки об авиационных двигателях, проф. Белградского университета;

Виктор Николаевич Челищев (1870, Боровск, Калужская губ. – 1952, Сан-Франциско), правовед, бывш. предводитель Московской судебной палаты, литератор, чиновник Министерства юстиции в Белграде.

Александр Иванович Мамонтов (1869, Москва – 1936, Париж), доктор права, промышленник, почетный член белградской ложи (Париж);

Дмитрий Александрович Шереметев, граф (1885 – 1963, Париж), кавалергард, тайный советник, почетный член белградской ложи (Париж).

К 1929 г. в этой ложе значилось 12 братьев. Из-за своего высокого интеллектуального состава (профессура и ученые с мировым именем) ложа приобрела влияние в Белграде. Некоторые ее члены одновременно состояли и в сербских ложах, где занимали высокие посты: Великого оратора (М. П. Чубинский) и Великого обрядоначальника (В. И. Курилов).

Как уже упоминалось, русские в Белграде состояли и членами сербских лож:

Югославия – М. П. Чубинский, Е. В. Аничков, Н. Н. Салтыков, Владимир Иванович Лебедев (1884, Ахалцихе, Грузия или 1885, Ростов-на-Дону – 1956, Нью-Йорк), эсер-боевик, помощник А. Ф. Керенского, в Белграде – сотрудник журнала *Руски архив*, в Париже в 1933 г. – член масонской ложи *Космос*;

Дружба, Труд и Постоянство – Е. В. Аничков, Н. Н. Салтыков, Владимир Алексеевич Чехов (ок. 1890, Ростов–1964, Стокгольм), Ф. Е. Махин (с 1929 г.), В. В. Марушевский;

Побратим – М. П. Чубинский, В. Н. Челищев, Л. Я. Таубер, А.Ю. Вегнер, А. И. Ксюнин, В. И. Курилов;

Шумадия – А. М. Чубинский, С. И. Манжелей;

Доситей Обрадович – С. И. Верещак;

Истина – Андрей Дмитриевич Андреев, А. М. Чубинский;

Препороджай – П. А. Сергиевский.

Помимо вышеперечисленных, более-менее деятельными масонами в Белграде были (по З. Ненезичу):

Владимир Христианович Даватц (1887, Владимир-на-Клязьме – 1944, погиб рядом с г. Сиеница, Сербия), математик, публицист;

Евгений Андреевич Жуков (1898, Киев – 1959, Белград), журналист, общественный деятель;

Сергей Иванович Манжелей (1894 – 1957, Белград), правовед, адвокат;

Александр Александрович Никольский (1868–1942, Белград), журналист;

Борис Михайлович Орешков (1881, Москва–после 1944), инженер, общественный деятель;

Борис Павлович Пелехин (1883, Санкт-Петербург – 1943, Биарриц, Франция), правовед, бывш. советник Российской миссии в Белграде;

Евгений Васильевич Спекторский (1875, Острог, Волынская губ. – 1951, Нью-Йорк), правовед, социолог, профессор Белградского университета;

Александр Львович Погодин (1872, Витебск – 1947, Белград), славист, литературовед, проф. Белградского университета;

Петр Бернгардович Струве (1870, Пермь – 1944, Париж), видный социолог, политик и общественный деятель, проф. Белградского университета;

Федор Васильевич Тарановский (1875, Плонск, ныне Польша – 1936, Белград), историк славянского права, проф. Белградского университета;

Степан Федорович Колесников (1879, Адрианополь, Екатеринославская губ. – 1955, Белград), художник, академик живописи;

Александр Николаевич Лебедев (1874 – 1935, Белград), полковник;

Федор Евдокимович Махин (1882, Николаевск-на-Амуре – 1945, Белград), полковник Генерального штаба, эсер, директор журнала *Руски архив* в Белграде;

Василий Николаевич Штрандтман (1877, курорт По, Франция – 1963, Вашингтон), дипломат, председатель Делегации по защите интересов русских беженцев в Королевстве СХС, до 1917 г. член парижской ложи *Астрея*.

Белградские «черносотенцы» отзывались о них, как о заведомых масонах или как о «масонствующих».

На юридическом факультете в Суботице училось много русских студентов. Под влиянием и по рекомендации проф. М. П. Чубинского некоторые

из них, ставшие юристами, одновременно становились и масонами. Среди них был Валериан Дмитриевич Порошин (1898, Санкт-Петербург – 1979, Нови-Сад), прямой потомок воспитателя юного цесаревича Павла Петровича.

Учитывая факт, что среди русской эмиграции в Королевстве СХС сильное влияние имели монархисты, высший офицерский состав, духовенство, придворное и правительственное чиновничество Императорской России, масонское движение в Белграде не приобрело массовость. Оно осуждалось в посланиях митрополита Антония (Храповицкого) к русской пастве, в статьях Л. В. Сердаковского и Н. Д. Тальберга, писавших в русской белградской периодике, как и в антимасонских книгах Г. В. Бостунича [См.: Бостунич 1922, Бостунич 1928], Б. Л. Бразоля и др. Антимасонские книги поступали в Белград даже с Дальнего Востока [См.: Иванов 1934, Фара 1937].

В связи с тревожной политической ситуацией в Европе, в кон. 30-х гг., и сложным положением, в котором оказалось Королевство Югославия (член «Малой Антанты»), до формального присоединения к Тройственному союзу (пакту) государству необходимо было идти на уступки Гитлеру-Муссолини. В Югославии были приняты регламенты об ограничении гражданских прав евреев и оказано давление на работу масонских лож. В августе 1940 г. Великая Ложа *Югославия* приняла решение о своем «самоусыплении» и ликвидации подопечных лож. Русская ложа «Максим Ковалевский» прекратила свою работу (кстати, она никогда не отличалась своей гласностью). Антимасонская позиция Правительства Югославии привела и к закрытию югославских масонских газет и журналов.

Разведывательные органы Нацистской партии Германии (SD) еще до оккупации и расчленения Югославии собирали данные о ее вольных каменщиках. Наряду с группой видных сербов-масонов в апреле 1941 г. оккупантами в Белграде были арестованы Петр Струве и Антон Билимович. Государственные служащие были обязаны в анкетах высказаться о своей расовой принадлежности и связях с масонством. Такой листок был вручен и профессору М. П. Чубинскому.

22 октября 1941 г. в помещениях бывшей белградской Великой Ложи *Югославия* открылась большая пропагандистская антимасонская выставка, которую до 19 января 1942 г. посетило около 100 тыс. белградцев. На ней побывали и любознательные русские белградцы, так как там мелькали имена русских масонов.

В ночь с 4 на 5 ноября 1941 г. в Белграде были проведены массовые аресты интеллигенции и общественных деятелей, около 200 человек. Из распределительного лагеря «Дединье» они вскоре, как заложники, были переведены в лагерь «Баница» (окраина столицы). Симптоматично, что среди них оказались русские масоны: А. Вегнер, И. Голенищев-Кутузов, В. Курилов,

А. Лебедев, Н. Салтыков, П. Сергиевский, Л. Таубер, М. и А. Чубинские, И. Свищёв, Н. Пушин [См.: Архив САНУ]. Все они вскоре были выпущены и дожили до окончания войны, за исключением М. П. Чубинского (умер 19 января 1943 г.) и Л. Я Таубера (умер 12 апреля 1943). Однако не все дождались освобождения Белграда, а покинули его до 20 октября 1944 г.

Белградский журналист Николай Захарович Рыбинский, оказавшись после войны в своей второй эмиграции в США, вспоминал:

> Я знал нескольких масонов, и все они были на редкость милые люди. Прежде всего – профессор Е. В. Аничков, историк литературы, ученый с большим запасом знаний, но большой сангвиник и еще бóльший болтун. Принципиальный либерал и оппозиционер, ныне совершенно исчезнувший тип русского интеллигента. Я с ним познакомился в Белграде в Союзе русских писателей и журналистов, где мы оба входили в правление. Вторым его словом в нашей беседе было то, что он масон. Впрочем, я не был исключением, это он делал со всеми, с кем знакомился. Меня несколько удивило такое афиширование пребывания в организации которая покрывалась ореолом таинственности. И когда я поделился этим впечатлением с другим членом нашего правления проф. М. П. Чубинским, тот хитро улыбнулся и сказал:
>
> – Что же вы хотите? – он в ложе *Великого Востока*, туда принимают всех. А вот в нашу ложу попасть очень трудно.
>
> И М. П. Чубинский стал рассказывать, какие ограничения в их ложе, с каким разбором принимают. Таким образом, я совершенно неожиданно познакомился с двумя масонами. Оба они никак не походили на членов тайных организаций, очень любили общество, принимали деятельное участие в общественной работе, любили теплую компанию с соответствующей выпивкой и закуской.
>
> М. П. Чубинский из старинной украинской семьи. Отец его – автор текста гимна «Ще не вмерла Украина». При гетмане в Киеве М. П. Чубинский занимал пост министра юстиции. [...] Несмотря на широкий либерализм, он делал в Императорской России прекрасную учебную и служебную карьеру, очень рано был произведен в действительные статские советники и занял должность директора Демидовского юридического лицея в Ярославле. М. П. Чубинский – талантливый человек, умел смачно рассказывать. Конечно, для украшения он посыпал и собственной фантазии, но получалось убедительно, а главное – всегда интересно. [...]

Во время оккупации Югославии немцы устроили в Белграде большую антимасонскую выставку. Она проходила в плане борьбы с иудео-масон-

ством. Для русских выставка приготовила несколько сюрпризов, – в ней были выставлены портреты русских масонов в Югославии, найденные немцами в архиве ложи. Посетители увидели фотографии популярного врача П. А. Сергиевского, председателя Союза русских писателей и журналистов А. И. Ксюнина, секретаря Земского Союза А. Д. Андреева и др. [Рыбинский 1953].

Теософская ложа «Ярослав Мудрый»

Международное теософское общество было основано в 1875 г. в Нью-Йорке. Основали его Елена Петровна Блаватская, Генри Стиль Олькот и Уильям Кван Джадж. Обществом были выдвинуты три основные цели:

1. Всеобщее братство, вне зависимости от цвета кожи, расы, пола, вероисповедания или касты;

2. Сравнительное изучение религий, науки и философии;

3. Исследование неизвестных законов природы и скрытых внутренних сил человека.

Девиз Теософского общества был «Нет религии выше истины».

Теософские кружки в России возникали с 1901 г. Первыми теософами принято считать Нину Константиновну Гернет (1864–?) и ее друга детства Анну Алексеевну Каменскую (1867–1952). Развитию теософии в России препятствовала церковная цензура. Официально Русское теософское общество (РТО) было зарегистрировано в 1908 г. Советские власти в 1918 г. запретили его собрания, реквизировали типографию, а в 1922 г. окончательно запретили теософское движение.

В нач. июня 1921 г. А. А. Каменской, Ц. Л. Гельмбольдт и В. Н. Пушкиной удалось бежать в Финляндию. По распоряжению Анни Безант А. А. Каменская поселилась в Женеве и начала работу по созданию и упорядочению русских теософских лож за рубежом. В январе 1926 г. был разработан и принят Устав РТО вне России (РТОвР). Он восстанавливал статус РТО, как 14-ой национальной секции Теософского общества. К этому времени РТОвР уже имело 10 лож, 20 центров и 175 зарегистрированных членов во многих городах (Таллин, Рига, Белград, Лондон, Тьяньцзинь, Прага, Париж, Брюссель, Берлин, Бостон...).

Современные исследователи РТОвР отмечают, что его члены и секции пропагандировали теософию как «эклектическое знание, сочетающее оккультизм, сиентологические воззрения и восточные культы, не имеющего отношения к православию, но члены его рассуждали о православии и заявляли о своей приверженности к православию». [Княжева-Карцева 2018, с. 456].

Русская теософская ложа «Ярослав Мудрый» основана в Белграде в 1925 г. Она считалась одной из самых деятельных лож в русском зарубежье. Устроителем, вдохновителем и ее первым председателем была Елена Пав-

ловна Соловская, особа глубоко преданная теософии, обладательница глубоких знаний, культуры, двух университетских дипломов (Белград, Женева) и доктората по естественным наукам. Встречи членов ложи происходили на ее квартире, в присутствии ее матери и сестры. Следующими председателями белградской ложи поочередно были М. И. Яхонтова, Л. К. Брезинская и Л. Б. Ткаченко. До своей трагической гибели при первой бомбардировке Белграда (6 апреля 1941 г.) Е. П. Соловская оставалась почетным председателем ложи [Аноним 1961, с. 50].

Важным событием для русских теософов в Белграде в первый год их деятельности был приезд из Парижа видной теософки Варвары Николаевны Пушкиной, урожд. княжны Голицыной (1873–1931, Париж), одного из первых теософов в России, председательницы русской секции ордена «Звезда на Востоке». В ноябре 1926 г. в актовом зале 2-й мужской гимназии она прочитала доклад «Кришнамурти и его наука – новый Будда или, возможно, Иоанн Предтеча». Необыкновенные способности выдающегося индийского писателя и гуманиста Джидду Кришнамурти (1895–1986) были отмечены Анни Безант, последовательницей Е. П. Блаватской [Политика 1926].

Теософская ложа «Ярослав Мудрый» была тесно связана с Русским теософским обществом вне России, так как Е. П. Соловская периодически жила в Женеве и являлась личным секретарем г-жи Анни Безант. Первые годы существования белградской ложи отличаются и скромной издательской деятельностью. Так, установлено, что в 1926 г. на шапирографе был размножен один труд Елены Петровны Блаватской [См.: Блаватская 1926].

В 30-е гг. в ложе «Ярослав Мудрый» состояло около 15-ти членов, преимущественно женщины. Из разных источников нам удалось выявить следующих особ:

Елена Павловна Соловская (ок. 1894 – 1941, Белград), доктор агрономических наук;

Вера Александровна Дукшт-Дукшинская, урожд. баронесса Ван дер Ховен[423];

Мария Ивановна Яхонтова, ур. Леман (1869, Санкт-Петербург – 1937, Белград);

Лидия Болеславовна Ткаченко (1881, Дешлагар, ныне: Сергокала, Дагестан – после 1970, Дублин);

Петр Михайлович Ткаченко (1874 – 1957, Дублин), подполковник;

423 Состояла членом ложи лишь в первые годы ее существования. Стала заниматься Церемониальной магией, производила магические операции, образовала магический кружок. Воодушевилась Учением Живой Этики, возглавила Миссию Женщин и Общество имени Н.К. Рериха в Белграде, которые вскоре покинула.

Любовь Николаевна Курилова, урожд. Зиновьева (1875, Вильно – 1963, Рочестер, штат Нью-Йорк), вокальный педагог;

Владимир Иванович Курилов (1872, Москва – в 1949 г. уехал с семьей в Германию), правовед, судья районного суда в Белграде, масон;

Лидия Константиновна Брезинская, урожд. Свешникова (1897, Москва – 1956, Белград), библиотекарь;

Николай Николаевич Брезинский (ок. 1894 – 1980, Белград);

Зинаида Григорьевна Грицкат, урожд. Черникова (1889, Керч – 1963, Белград), пианистка, педагог;

Елена Ивановна Сухачёва (1890, Добряны, Ковенская губ. – 1962, Торонто);

Наталья Павловна Миончинская (1902 – 1986, Нью-Йорк);

Татьяна Ивановна Хлытчиева, урожд. Иванюкова (1891, Москва – 1986, Белград);

Александра Николаевна Реут, урожд. Козинцова (1895, Санкт-Петербург – 1978, Белград), медицинская сестра;

Ксения Федоровна де Гильотен, урожд. Сердюкова (? – после 1958, Австралия), окончила косметические курсы в Париже;

Александр Львович Никитин-Невельский (1900, Гольдинген, ныне Кулдига, Латвия – 1969, Бразилия);

Михаил Львович Никитин (1902, Либава, Курляндская губ., ныне Лиепая, Латвия – после 1942);

Ольга Львовна Редлих, урожд. Вульфович (1888, Ковно – после 1944, Лисабон);

Вера Михайловна Лукьянова, урожд. Стежнева (1897, Юрьевец, Костромская губ. – после 1960, Нью-Йорк), преподаватель музыкального училища;

Наталья Лукьянова (? – 1961, Белград);

Елена Владимировна Арсеньева, урожд. Бутлерова (1892, Москва – в 1950 г. уехала в Италию, обосновалась в Калифорнии);

Владимир Иванович Алисов;

Ольга Михайловна Ротер (1907 – после 1944 г. жила в Сао-Пауло, Бразилия);

Ольга Владиславовна Финнэ (1899, Юрьев – в 1963 г. жила в Нью-Йорке);

Нина Федоровна Корш (1876, Москва – ок.1954, Александровац, Сербия).

Вероятными членами или приближенными к ложе были студенты Александр Михайлович Асеев и Георгий Иванович Свищёв (о них речь пойдет ниже).

У белградской ложи не было своего органа печати, но она выписывала журнал *Вестник* Русского Теософского общества (Женева), югославский

журнал *Teozofija* (Zagreb, 1927–1936) и белградский журнал *Оккультизм и йога* (1933–1938), по заявлению редактора – «орган русских независимых оккультистов, страницы которого были открыты всем искателям истины, независимо от школы, которой принадлежали и оккультных доктрин, которые исповедали» [Оккультизм и йога 1934, с. 3].

Ложа «Ярослав Мудрый» была весьма деятельной. Встречи проходили на квартирах членов. Сегодня трудно установить, какая теософская литература изучалась. На основании сохранившихся тетрадей З. Г. Грицкат по теософии (их всего 16) и ее послевоенной переписки с бывшими членами ложи[424], а также частично сохранившейся библиотеки ложи, находившейся у А. Н. Реут[425], убеждаемся, что в ней находились основные труды по теософии, на русском и европейских языках: Блаватской, Безант, Писаревой, Ледбитера, Вивекананда, Кришнаджи, Джинараджадаса, Рамагарани, Кришнамурти, Веджвуда, Коллинза, Арундэля, Папюса, Арнольда, но и работы Ренана, Папини, Платона, Пифагора, новопифагорейца Апполония Тианского, Аммиана Марцеллина, Джордано Бруно, Шюрэ, Донова, Серафима Саровского, Тимирязева, «Бхагават-Гита», «Упанишады» и др. Члены ложи записывали свои комментарии и мысли об этих книгах, фрагменты переводили и заносили в тетради, готовили лекции и читали их на своих заседаниях. Регулярно устраивались дни «Белого лотоса» (дата кончины Е. П. Блаватской). На встречах обсуждались и различные этические вопросы.

В 1938 г. Югославское теософское общество было устроителем Конгресса европейской федерации теософских обществ. Члены Оргкомитета, съехавшиеся в Белграде, два своих заседания провели на квартирах Л. К. Брезинской и З. Г. Грицкат. В своем отчете председательница этого комитета, Милица Градишник отметила:

> Какое удовольствие было оказаться в такой отлаженной среде, как русская ложа «Ярослав Мудрый»! Это собрание сестер и братьев с полной отдачей, совместным, гармоничным трудом выполняет продуктивную теософскую работу. Работать и преподавать в их среде – подлинное удовольствие [Iz teozofskog svijeta 1938].

Конгресс состоялся в Загребе в августе 1938 г. Л. К. Брезинская, председательница белградской ложи «Ярослав Мудрый», выступила с докладом [См.: Княжева-Карцева 2018, с. 452], а пианистка З. Г. Грицкат приняла участие в музыкальной программе конгресса (исполняла фортепианные сочинения Бетховена). Из Белграда на конгресс приехала и Е. И. Сухачёва.

---

424 Хранятся у автора.

425 Хранится у В. А. Медведевой, Белград.

В 1940 г., когда Белград еще оставался сравнительно спокойным местом в Европе, далеким от военных действий, в ложе «Ярослав Мудрый» возникли расхождения, связанные с тем, что часть членов противилась проведению в Белграде конвенции представителей заграничных русских лож. Таково было предложение центра в Женеве и самой Соловской. Это привело к тому, что Л. Брезинская с мужем, Л. Курилова с мужем и еще несколько членов ложи «Ярослав Мудрый» (почти половина ее состава) покинули ложу и учредили независимую ложу «Братство», примкнувшую к Югославской теософской секции. При содействии Соловской конвенция всё-таки состоялась в Белграде. Некоторые члены, покинувшие русскую ложу, вскоре в нее возвратились. В нач. 1941 г. РТОвР прекратило работу и ложа «Ярослав Мудрый» присоединилась к сербской ложе «Круг истины».

Трагическая гибель Е. П. Соловской при бомбардировке Белграда не остановила работу белградских теософов. Члены встречались и при немецкой оккупации. Деятельность русской ложи полностью прекратилась лишь в 1947 г., когда социалистическое правительство Югославии запретило работу теософских обществ. К тому времени преобладающее число членов ложи «Ярослав Мудрый» уже покинуло Югославию и обосновалось в Ирландии, Италии, США, Австралии, Парагвае, Бразилии. Связь между ними долго поддерживалась путем личной переписки и при их сотрудничестве в русском журнале *Оккультизм и йога*, который после войны продолжил выходить в Южной Америке.

К концу Второй мировой войны Совет (международного) Теософского общества предложил А. А. Каменской вернуть хартию на установление РТОвР и предложил русским теософам присоединиться к местным национальным секциям Теософского общества. На месте РТОвР появилось *Свободное Объединение Русских теософов вне России*, которым и в таком варианте руководила А. А. Каменская. Однако это новое образование уже не являлось официальным объединением.

В 1966 г. в Югославии была восстановлена деятельность теософских лож. Бывший член ложи «Ярослав Мудрый» Николай Николаевич Брезинский стал председателем сербской ложи «Истина», которая возобновила свою работу, и этот пост он занимал до своей смерти (1980). А Ксения Федоровна Гильотен из Австралии регулярно сотрудничала в парагвайском журнале *Оккультизм и йога*, при котором издавались и отдельные книги в ее переводе с английского.

Одним из первых и самых деятельных членов ложи «Ярослав Мудрый» была Зинаида Григорьевна Грицкат. У нас есть возможность подробнее представить ее личность. С теософией она познакомилась еще в России. Будучи ученицей Петербургской консерватории, она зарабатывала себе на жизнь

частными уроками, преподавала фортепиано в Смольном институте и аккомпанировала приезжим заграничным солистам. Жила она в семье В. В. Ергомышевой, родной сестры Александры Васильевны Унковской, бывшей в то время секретарем Русского теософского общества. Окончив консерваторию по классу фортепиано, Зинаида Григорьевна в 1914 г. вышла замуж. Мировая война и революция разлучили супругов, но в 1920 г. они нашли друг друга и обосновались в Белграде. С приездом в Белград теософки Е. П. Соловской З. Г. Грицкат приняла живое участие в дружной и интенсивной работе создавшейся ложи. В своих письмах она упоминает, что ее большими друзьями в те годы были Л. Н. Курилова, К. Ф. Гильотен и А. М. Асеев.

Зинаида Григорьевна очень любила музыку А. Н. Скрябина, который сам живо интересовался теософией, посещал европейские конгрессы теософов в Швейцарии. Как преподаватель белградского музыкального училища и консерватории, З. Г. Грицкат сотрудничала в сербских музыкальных журналах, писала о Скрябине, Римском-Корсакове, Чайковском, Бородине, о современной советской музыке. Сохранился конспект ее лекции «Теософия – в музыке».

С 1954 г. З. Г. Грицкат болела, но, несмотря на порой длительные невыносимые страдания, продолжала живо и пытливо интересоваться теософскими вопросами. Ее письма полны вопросов отвлеченного характера – об Абсолюте космическом и о Солнечном логосе. Также ее интересовали вопросы эволюции Духа и формы. Со своими друзьями Ольгой и Надей, приходившими к ней на дружескую чашку чая, она делилась новыми мыслями, как и в теософских письмах корреспондентам, с которыми возникал деятельный обмен мнений.

З. Г. Грицкат очень любила путешествовать. Около 10-ти лет ежемесячно отправляла деньги нуждающейся Надежде Федоровне Корш, в сербскую деревню (дочери Ф. А. Корша, драматурга, основателя частного Русского драматического театра в Москве). Зинаида Григорьевна любила Церковь, [...] где на душе было тепло, как дома, и страшно, как-будто там остановилось время. Но, конечно, остановиться на этой ступеньке моего развития не было возможности, это сознавалось мною ясно. Божественная Мудрость объяснила почти всё и помогла мне понять самое главное в Христианстве, что Бог есть любовь [Н.Р. 1962, с. 81–82].

Оккультисты

В Белграде в 20-е гг. существовал «Кружок по изучению эзотерических наук Востока». В 1928 г. им был выпущен единственный номер журнала *Крылья Духа*, редакторами которого были Елизавета Константиновна Кидалова (1900 – 1975, Белград) и Евгений Федорович Щербаков (1896, Одесса – 1972,

США). К сожалению, нам не удалось что-либо обнаружить о других его членах и деятельности, а также отыскать этот журнал. Можно предположить, что некоторые члены кружка состояли и членами белградской Теософской ложи «Ярослав Мудрый».

В нач. 30-х гг. в Белграде несколько лет активным было югославское Общество имени Н. К. Рериха, основанное в 1930 г. Первым председателем был избран серб, Милан Маркович, профессор Белградского университета. Вскоре его на этом посту сменила Вера Александровна Дукшт-Дукшинская (одновременно и председательница кружка Миссии женщин, близкого с идеями Е. И. Рерих). Помимо самых деятельных членов общества, А. М. Асеева и М. Л. Никитина (псевд. М. Эфесов)[426], в нем состояли Елизавета Константиновна Кидалова, Сусанна Николаевна Ершевская, Раиса Михайловна Здор, В. К. Дарьялова, Галина Витавская и еще несколько белградских русских дам. К 1934 г. председательница В. А. Дукшт-Дукшинская прервала переписку с Рерихами и это югославское общество прекратило свою деятельность.

Несомненно одно – в 30-е гг. Белград считался видным центром европейского оккультного движения. Отдельного кружка оккультистов, видимо, уже не существовало, но с 1933 г. стал выходить единственный оккультный журнал русского зарубежья – *Оккультизм и йога*. Журнал не поддерживал близких отношений с женевским Русским теософским обществом вне России (РТОвР) и с его филиалом в Белграде, ложей «Ярослав Мудрый». Редакция журнала держалась от них в стороне, но не враждебно. Выходил он по инициативе и под редакцией молодого врача, Александра Михайловича Асеева (1903, Арженка, Тамбовская губ. – 1993, Сантьяго, Чили), серьезно увлекшегося учениями Востока. Значение этой личности для русских эмигрантов-эзотериков трудно переоценить. Поэтому стоит подробнее сказать о его жизни и деятельности.

А. М. Асеев был младшим из восьми детей в семье тамбовского врача, состоятельного купца и фабриканта. Аттестат зрелости он получил в Первой русско-сербской гимназии в Белграде (1922), а диплом врача – на медицинском факультете Белградского университета (1930). Год Асеев работал стажером в Государственной больнице и в Центральном гигиеническом институте в Белграде, а затем, с 1931 по 1940 г., был направлен служить сельским врачом в глухих местах отсталой Восточной Сербии: на шахтах в местечке Рготина, затем в местечке Рудна-Глава, где занимался и частной практикой, держал свою аптеку.

426 Братья Михаил и Александр Львовичи Никитины в 1926 г. в Белграде редактировали сборник «Лето Господне». Михаил Львович Никитин (1902, Митава–после 1942), выпускник Первой русско-сербской гимназии (1924), станет ближайшим сотрудником журнала «Оккультизм и йога». А.М. Асеев о нем высказывался, как о выдающемся русском эзотерике.

В свои студенческие годы А. М. Асеев заинтересовался мистикой и на собственные средства издал сборник *Лето Господне*[427]. Прочитав в нач. 1931 г. книгу *Агни йога*, он серьезно увлекся теософией и оккультизмом. Идеи, изложенные в книге, стали на всю жизнь его убеждениями и определили его судьбу. Асеев написал письмо академику живописи Николаю Константиновичу Рериху и получил ответ от его супруги Елены Ивановны. Завязалась переписка с Индией, продолжавшаяся до последних дней их жизни.

В 1933 г. Александр Михайлович на собственные средства начал издавать журнал *Оккультизм и йога* (до лета 1938 г. вышло 10 книг). Журнал предоставлял трибуну широким кругам оккультистов-эзотериков Русского зарубежья. У редактора завязалась переписка с сотрудниками из многих стран. Н. К. и Е. И. Рерихи направляли редактора в здоровое русло, не допуская считать сборники «Оккультизм и йога» агни-йогическим официозом. Е. И. Рерих курировала журнал, писала в нем под своим именем или псевдонимом «Т. П. Сундри», предостерегала от контакта с оккультным центром в Шанхае. В одном из своих многочисленных писем А. М. Асееву она писала:

> Не следует осуждать РТОвР. Много ошибок в обществе, но всё же там почитают учителей. Потому не раздражайте их поминанием ошибок. Кроме А. Каменской все другие друзья. Особенно сейчас не нужно творить себе врагов. [...] Всё же главные друзья наши во всех странах, именно, из лагеря и бывших или настоящих теософов [Е. И. Рерих к А. М. Асееву 1936].

Сам Н. К. Рерих в феврале 1934 г. прислал Асееву «Перстень ученика» – знак доверия. В одном из своих писем к Е. И. Рерих Асеев писал:

> Пройдя строгую оккультную школу, я мог бы принести гораздо больше пользы человечеству, я готов в любое время откликнуться на зов Учителя, ибо с Европой меня ничего не связывает. [...] Правда, у меня нет денег на дорогу в Индию, ибо все сбережения, которые я делал за 2,5 года службы, я отдал на издание журнала, и всё ценное мое имущество ограничивается библиотекой, велосипедом и золотым хронометром – подарком покойного отца [А. М. Асеев к Е. И. Рерих 1934].

В своем почти аскетическом уединении Александр Михайлович штудирует книги учения «Живой этики», пишет монографию «Фармакодинамика

427 Лето Господне. Круг мистического чтения. Ред. М.Л. Никитин и А.Л. Никитин. Белград, 1926.

оккультизма» (отрывками публикует ее в выпусках своего журнала). Этот свой главный труд молодой, восторженный адепт Учения начинает так:

> Кто из ищущих не желает всем сердцем достигнуть сверхчувственного восприятия, кто убоится войти в таинственные и светозарные чертоги Невидимого мира, вступить в контакт со светлыми его обитателями, вдыхать огненный и сладкий воздух Небытия, своими руками осязать тонкие планы жизни, своими глазами созерцать славу и величие Творца?! [...] Наша гордая академическая наука занимается исключительно изучением физических явлений, астрального плана не знает и, следовательно, отрицает его существование [Оккультизм и йога 1934, с. 59, 63].

В селе Рудна Глава растет его популярность врача. Целыми днями он на велосипеде разъезжает по всему уезду, лечит.

В 1936 г. А. М. Асеев опубликовал 7-й выпуск журнала, полностью посвященный Атлантиде. Николай Рерих писал хвалебные письма А. М. Асееву:

> «Атлантида» и «Герметизм» – оба эти выпуска заслуживают всякой похвалы. Только подумать, что в наши трудные дни Вы неустанно насыщаете ум человеческий такими нужными сведениями! И делаете это Вы с таким мужеством и упорством, что нельзя себе даже представить, какое бы обстоятельство могло отвратить Вас от этого доброго и, повторяю, несложного пути [Н. К. Рерих к А. М. Асееву 1937].

Из-за удорожания почтовых тарифов в Югославии, с 1937 г. журнал печатался в Болгарии (София, выпуски 8, 9 и 10). Летом 1938 г. издание по нескольким причинам прервалось. Редактор во вступительной статье 10-го выпуска писал:

> Настоящий десятый том «Оккультизм и йога» – последний, который выходит в свет под нашей редакцией. После зрелого и всестороннего обсуждения, мы решили прекратить дальнейшее издание сборника. Главной причиной этого решения являются денежные затруднения. Издание сборника не окупалось, каждый выпуск давал дефицит, который целиком покрывался редактором. [...] Пятилетнее издание не дало полностью ожидаемых результатов. Приходилось встречать и прямое осуждение нашей деятельности или холодное к ней безразличие со стороны видных эзотерических центров русского зарубежья [Оккультизм и йога 1938, с. V].

Понимая политическое положение в мире, Рерихи одобрили временное прекращение издания журнала. Однако, не остались довольны заявлением А. М. Асеева о полном закрытии журнала. Н. К. Рерих писал:

> Очень рад, что Вы согласны с нами в том, <что> не следовало оповещать о прекращении *Оккультизма и йоги*. Гораздо проще было бы сказать, что издание переходит на печатание отдельных книг и брошюр, а ведь срок таких изданий вовсе не обязателен [Н. К. Рерих к А. М. Асееву 1938].

С 1939 г. переписка с Индией и Югославией была прервана. Возобновилась она лишь в сентябре 1948 г.

Весной 1941 г. Асеев был призван в югославскую армию, но ему не пришлось принять участие в военных действиях из-за скоро последовавшей капитуляции Югославии. С 1941 по 1944 г. Асеев работал врачом в местечке Козари, Придунайского округа. За оказание медицинской помощи партизанам Александр Михайлович был арестован и приговорен к расстрелу. Приговор не успели привести в исполнение, и узник выжил. В 1945–1950 гг. Асеев служил врачом в городке Сопот, в 50-ти км от Белграда. С гонениями на русских эмигрантов, начавшимися в Югославии после разрыва этой страны с СССР, усложнилась и жизнь Александра Михайловича. Он понял, что его мечта возвратиться на родину неосуществима. Сохраняя югославское гражданство, он в 1951 г. уезжает в Парагвай, куда уже перебрались его мать и семья старшего брата. Ему удалось увезти с собой и свою огромную библиотеку.

Для Елены Ивановны Рерих, проживавшей в Индии, Александр Михайлович, вместе с его альманахом, был форпостом Учения в Европе. С его отъездом Европа теряла центр оккультизма. Но уже с 1952 г. и до самого 1977 г. Александр Михайлович в Асунсьоне продолжал издавать свой журнал *Оккультизм и йога*. Кроме работ старых и новых сотрудников, в журнале публиковались и его собственные работы по истории русского оккультизма и по парапсихологии.

Потеряв место врача в столице Парагвая, А. М. Асеев не решился ехать в провинцию, а занялся производством косметических препаратов. Издание журнала приносило убытки, и Александр Михайлович был вынужден продавать книги из своей библиотеки. В одном из последних писем к Е. И. Рерих он писал:

> Живу в духовном одиночестве – контакта с местной русской колонией у меня нет, [...] меня даже начали травить, исключили из членов русской публичной библиотеки, писали доносы [А. М. Асеев к Е. И. Рерих 1954, с. 225].

За всю жизнь А. М. Асееву удалось выпустить 66 толстых тетрадей своего журнала и рассылать их по странам мира. Состарившись, он передал издание Русскому эзотерическому обществу в Нью-Йорке. Вышло еще два сборника (1978, 1982). В нач. 1987 г. племянник А. М. Асеева вывез его в Чили, почти слепого, в очень плохом состоянии здоровья.

Вернемся к белградскому периоду издания журнала *Оккультизм и йога*. Перечислим его сотрудников, проживавших в Сербии:

Александр Львович Никитин-Невельский, Михаил Львович Никитин (псевд. «Михаил Эфесов»), проф. Николай Васильевич Краинский («Естественный мир перед лицом науки», «Сверхъестественный мир перед лицом науки»), Раиса Михайловна Здор, урожд. Асеева (сестра А. М. Асеева), Леонид Май, Георгий Иванович Свищёв, Павел Иванович Кравченко (псевд. «Тавва»), Лидия Константиновна Брезинская, д-р Владимир Леонидович Лаушкин (1903, Полтава–после 1970, Маракай, Венесуэла). Близким к сотрудникам журнала состоял белградский аптекарь Константин Петрович Лесюк (1896–1965, Аргентина), позднее ставший дьяконом.

Остальные сотрудники были из Риги, Таллина, Курресара (Эстония), Юрьева, Эрфурта, Берлина, Парижа, Константинополя, Харбина, Наггара (Индия), Буэнос-Айреса, Болгарии, Канады...

Первый выпуск журнала открылся публикацией четырех коротких работ оккультиста-эзотерика Владимира Николаевича Лотина (ок. 1869 – 1922, Белград): «Пути к высшему знанию», «Эволюция, спасение и гибель», «О чтении» и «Знание и вера». Русский издатель-журналист Алексей Алексеевич Суворин (1862, Москва – 1938, Белград) в том же выпуске журнала опубликовал некролог «Светлой памяти В. Н. Лотина», к сожалению, не содержащий каких-либо биографических данных и сведений об эзотерической деятельности покойного. Суворин о Лотине высказался как о [...] человеке, который по душевной своей ценности и той массе блага – всяких исцелений – которую он дал людям, заслуживает общественной памяти. Морской офицер [...] Владимир Николаевич относится к числу наиболее крупных русских эзотериков; он был хорошо известен еще в России, как автор нескольких замечательных книг по вопросам Сокровенного Знания [Оккультизм и йога 1933, с. 93–94].

Нами установлено, что В. Н. Лотин опубликовал две работы в Петербурге, в 10-е гг.: «Знание духа» и «Вера и знание по вере».

И самому А. А. Суворину, эмигранту в Белграде, были не чужды веяния восточной мудрости, он увлекался йогами. В 1914 г. в Петербурге вторым изданием вышла его книга «Новый человек». Она затрагивала вопросы самопознания и считалась лучшим введением к оккультной философии. Помимо прочих, в книге содержались разделы: Здоровье человека и его тело; Человек в миросоздании; Подсознание; Сверхсознание; Философия индусов; Восток

и Запад в человеке и мироздании. В Белграде Суворин лечился голоданием, пропагандировал этот свой метод, публиковал брошюры на сербском и русском яз.

Центральное место в первом выпуске журнала *Оккультизм и йога* занял трактат д-ра Александра Асеева о книге «Агни Йога» (Париж, 1929 г., 333 с.).

При журнале *Оккультизм и йога* выходила библиотека избранных трудов по оккультизму. Была сделана републикация труда Дмитрия Васильевича Страндена (с петербургского издания 1914 г.) [Странден 1937]. Сотрудник журнала Лидия Константиновна Брезинская перевела на русский язык вторую книгу, выпущенную в этой библиотеке, но она не была издана в Белграде [Холл 1938].

Сотрудник журнала, художник и поэт Павел Иванович Кравченко (псевд. Тавва), публиковал там свои стихи. В Белграде вышел его сборник эзотерических стихотворений:

Из недр глубоких Бытия,
От вездесущих помышлений,
Ко мне бегущая ладья
Ведет богатства озарений. [Тавва б.г., с. 22]

В журнале публиковались стихи белградца Михаила Никитина (под псевд. Михаил Эфесов) и Нины Павловны Рудниковой (1890, Санкт-Петербург – 1940, Кенигсберг) из Ревеля. Она была одним из самых верных заграничных сотрудников журнала. В Эстонии ее считали авторитетным эзотериком и теоретиком оккультизма, обладающей и экстрасенсорными способностями. Была она первой женой Гавриила Александровича Елачича (псевд. де Бужим; 1894, Санкт-Петербург – 1941, Белград). Поэт, беллетрист и журналист Г. А. Елачич, после развода с женой в 1921 г., поселился в Белграде. Скромный чиновник Министерства просвещения, он состоял членом *Союза русских писателей и журналистов в Югославии*. Его многообразное литературное наследие трех жизненных периодов не изучено. Гавриил Александрович слыл в Белграде загадочным эзотериком, оккультистом и спиритистом. Современникам он говорил, что знает дату своей смерти, неоднократно ее указывал. Действительно, он погиб в предсказанный им день – 6 апреля 1941 г., при первой немецкой бомбардировке Белграда. В стихотворении 1924 г. он писал:

Нет! Час не наступил, пророчеств медный голос
Пред злом не вздыбился, как перед змием конь,
И сердце пламенно еще не раскололось.

Молчи, пророк, молчи! О толщу косных бронь
До времени свой меч не иступи бесцельно;
Недвижен будь, расплавленный огонь

Еще не изливай в пустой сосуд скудельный...
Твой час не наступил. Храни огонь и жди,
Когда для всей земли приидет миг предельный, –

Тогда разверзь уста; из скованной груди
Пусть больше ни слова, а трубный голос грянет,
И по лицу земли живым огнем гряди! [Гамаюн 1924, с. 33–34]

В 1936 г., в белградской газете *Русский голос* была опубликована статья «Научный и народный оккультизм», с подзаголовком: «На основании последних докладов А. П. Брагина» [*Русский голос* 1936], что свидетельствует о прочитанных Брагиным публичных лекций. Брагин был и автором статьи «Атлантида» в 7-м выпуске журнала *Оккультизм и йога*.

Интерес русских к оккультизму подтверждается и переводом с сербского книги Тодора Петковича об оккультизме [См.: Петкович 1936]. Перевод выполнил Михаил Алексеевич Соловьев (1874, Одесса – 1950, Цавтат, близ Дубровника), правовед, проживавший в Нови-Саде. В предисловии переводчик отметил:

> В сокровишницу литературы по оккультизму д-ром Тодором Петковичем внесен ценнейший вклад. До сих пор у нас не было труда, который бы дал систему оккультной науки, почему всякий интересующийся теряется в беспорядочном чтении разных книг, руководств и теорий по оккультизму, не имея возможности осветить себе общее направление этой духовной науки, установить ее основные принципы и уяснить ее важность. [...] В книге дан строго логический, удивительно ясный, краткий но полный, систематический обзор этой науки Востока [Петкович 1936, с. V].

В Нови Саде вышли еще три труда, так или иначе связанные с оккультизмом [Смирнов[428] 1922; Пасыпкин[429] 1925; Варгунин 1925].

Оккультизмом и теософией в Белграде серьезно увлекся и молодой Георгий Иванович Свищёв (1912, Санкт-Петербург – 1980, Белград), выпускник

428 Можно предположить, что автором являляется Борис Николаевич Смирнов (1883, Владимир – 1962, Нови-Сад).

429 Евгений Александрович Пасыпкин (ок. 1874 – 1941, Земун, пригород Белграда).

Первой русско-сербской гимназии в Белграде, как А. М. Асеев и В. Л. Лаушкин. Свищёв окончил Богословский факультет «так как всегда интересовался философскими учениями Востока» [Г. И. Свищёв к А. Беличу 1954]. В журнале *Оккультизм и йога* была опубликована его статья «Свет Метохии» – отчет о предпринятом им путешествии на юг Сербии (Печ, Джаковица, Призрен) с целью изучения мистерии мусульманских дервишей и сохранившихся там в чистом виде древнеарабских посвятительных традиций [См.: Свищёв 1935]. До выхода на пенсию Г. И. Свищёв работал библиотекарем Богословского факультета. После его кончины в букинистический магазин при Матице сербской (Нови-Сад) поступило много ценных книг из личной библиотеки Георгия Ивановича. Среди них были редкие русские издания: книги Николая Рериха, выпущенные в Риге и Харбине, Бхагават-гита (Париж, 1925), Карма йога, Азана йога (Русский оккультный центр. Шанхай, 1940), Буддизм (Библиотека сборника «Оккультизм и йога». № 3. Асунсьон, 1956), труды Ч. У. Ледбитера. Экземпляр книги «Буддизм» в библиотеке Г. И. Свищева свидетельствует о его послевоенных контактах с А. М. Асеевым.

Буддисты

Выдающийся славист Милосава-Мила Стойнич, проф. Белградского университета вспоминала:

> В 20–40-е гг. на белградских улицах можно было встретить низкорослых коренастых людей с широким, скуластым круглым лицом, плоским носом, косыми узкими черными глазами и черными волосами. Некоторые из этих людей завязывали свои волосы в узел на темени, а на лбу у них была челка. Весь облик этих людей выдавал их монгольское происхождение. Зимой и летом и мужчины и женщины ходили в суконных накидках и белых широких полотняных штанах, а на ногах у них было нечто вроде тапочек, сшитых из серого солдатского войлока, с двумя узкими кожаными ремнями, нашитыми на войлок в основании пальцев. Занимались они изготовлением этих тапочек, ставших популярными, так как были теплыми. Подошва их была на вате, простеганная по всей длине. Продавали они их на всех белградских рынках. Одинаково одетых и причесанных мужчин и женщин трудно было отличить друг от друга.
>
> Говорили они лишь при необходимости, словно приняли обет молчания. Со своим товаром стояли они где-то на краю рынка, группой, старались казаться незаметными. Жили своей особой, неповторимой, жизнью. В их потаенное духовное богатство мог заглянуть лишь тот, кто догадался ступить в их маленький тихий буддийский храм на

окраине Белграда, между районами Мали Мокри Луг и Звездара. Там они молча общались со своим божеством, поднося ему зерна и плоды земные [Стојнић 1994, с. 175].

Такими белградцы видели калмыков из Донской и Астраханской областей, «русских эмигрантов», прибывших в Королевство СХС в т.н. «Новороссийской» и «Крымской» эвакуациях, в составе Донского казачьего корпуса при Русской армии генерала П. Н. Врангеля.

Калмыки приняли буддизм с Тибета (в виде ламаизма), признавали верховную духовную власть тибетского далай-ламы. Но в их вере сохранились и элементы монгольского шаманизма, с пантеоном добуддистских божеств [См.: Šmitek 1988, s. 212]. Язык их принадлежит монгольской ветви урало-алтайских языков.

Буддизм в Россию принесли калмыки. В 1609 г. был заключен договор калмыков с русским царем о том, что они получают право жить на русской территории в обмен на защиту ими русских границ от набегов кочевников. Царское правительство не препятствовало их религии.

Жизнь и деятельность калмыков в Белграде-Сербии всесторонне исследовал белградский историк Тома Миленкович [См.: Миленковић 1998]. Мы представим лишь их духовную жизнь.

Принято считать, что в Королевстве СХС на территории Сербии обосновалось 450–500 калмыков. Весь межвоенный период в самом Белграде проживало 300–400 душ. Это была их самая большая беженская колония в Европе.

Осевшие в Белграде калмыки постепенно сконцентрировались в пригородном районе Мали-Мокри-Луг. В 1931 г. одной из улочек этого бывшего поселка было присвоено название Будистичка (Буддистская. Ныне это ул. Будванска). Отношение к ним местного населения было дружественное. Соседи их принимали за китайцев, монголов. Языкового барьера не существовало, так как пришельцы говорили или понимали по-русски. После больших разрушений Белграда в Первую мировую войну столица нового государства быстро восстанавливалась и застраивалась. Богатый сербский промышленник Милош Ячимович в районе Мали-Мокри-Луг владел многими земельными участками, имел строительную фирму и большой кирпичный завод. Калмыков он охотно принял на работу, бесплатно им уступал участки и снабжал кирпичом для строительства семейных домов. Вскоре там возникло 20–30 одноэтажных калмыцких домов с двориками, садиками, общими колодцами, туалетами и конюшнями. Калмыки чаще всего занимались извозным промыслом и работами на постройках домов (рыли котлованы), – калмычки зарабатывали шитьем белья, одежды, меховых полушубков, военного обмундирования.

К сентябрю 1923 г. в Белграде проживало 10 буддийских священников-калмыков: 3 бакши (настоятелей храма) и 7 духовников пониже рангом. Однако вскоре в Белграде остались всего два бакши и два духовника. Старший из них был бакша Гавн Джимба (Манчуда) Боринов (1872–1928).

В 1923 г. необходимая церковная утварь была привезена из Константинополя (с последней партией эмигрировавших калмыков). Для создания своего духовного очага в Белграде калмыки обратились с просьбами в Министерство внутренних дел, Министерство вероисповеданий и в канцелярию Сербской православной церкви. Согласия были получены. Арендованы две комнаты в большом одноэтажном доме (ул. Воислава Илича, 47), в которых был сооружен храм и размещена необходимая утварь для проведения молений. При этом доме проживало несколько калмыцких семейств и бакша Боринов, вместе с будущим священником гелонгом Санджа Игнатовым (1878–1968). Помещение молельни (хурула) было скромно обставлено, пол покрывали дешевые ковры, стены украшало несколько ковров и символических фигур. В алтаре располагалась небольших размеров бронзовая статуя Будды.

В середине января 1925 г. буддийская молельня переехала на соседнюю улицу – Метохийска, д. 51 (ныне это ул. Янка Лисяка, дом не сохранился). Этот храм на новом месте 25 мая 1927 г. посетил посланник США в Белграде Джон Принс, вместе с военным атташе Годсоном. Они присутствовали торжественной службе, на празднике Урус. Служили настоятель Боринов, его ассистент Санжа Умальдинов и кантор Санжа Игнатов [Политика 1927]. Бакша Боринов поддерживал контакты и с посольством Великобритании в Белграде. Можно предположить, что оба посольства калмыкам оказывали материальную помощь.

Буддийское духовенство (манджи, гецели и высшее – гелонги) не женится, им не разрешается работать, они на содержании верующих. Им положено знать язык древних рукописей, иметь познания в тибетской медицине и астрологии, наблюдать за жизнью каждой семьи, при крещении давать имя младенцу, определять дату свадеб прихожан, лечить больных, хоронить, давать советы прихожанам по насущным вопросам.

Из четырех буддийских священников в Белграде трое имели сан гелонгов, один из них был гецелем. Бакшей становился старший по годам гелонг. Белградский бакша пользовался своей круглой печатью с текстом на сербской кириллице: Бакша будистичког храма, Београд. В центре печати располагался буддийский символ очир (бадма).

Первым настоятелем храма в Белграде был Манчуда Боринов – предприимчивый, энергичный человек, разбиравшийся в религиозных и запутанных мирских вопросах своих соотечественников. Скончался он неожиданно,

25 февраля 1928 г., на 57-м году жизни. Похоронен на белградском «Новом кладбище» (участок 84, могила 208).

Вторым настоятелем стал Санжа Умальдинов; оставался на своем посту до сентября 1944 г. По характеру отличался от предшественника: был замкнутым человеком, занимался преимущественно вопросами религии. Мирские проблемы предоставлял решать другим. Неохотно выступал с публичными обращениями, был молчаливым.

Третьим, гелонгом белградского буддийского храма был Санжа Игнатов. В первые годы своей эмиграции он работал кучером-чернорабочим, жил при молельне.

Четвертый, гецель Санжа-Рагба Меньков был образованным молодым человеком, полон энергии и жизненного оптимизма, всегда улыбался. Писал лирические стихотворения на калмыцком языке, плохо говорил по-русски.

Пятым священником был Бадма (Бадка) Васильевич Петров (р. 1900, станица Новоалексеевская, Донской обл.). В первые годы тоже зарабатывал на жизнь физическим трудом [См.: Миленковић 1998, с. 100–102].

В годы общего экономического кризиса помощь в содержании буддийских священнослужителей оказывал муниципалитет Белграда (например, в 1934 г. четверым священникам было выдано 16.000 динаров). Начиная с 1930 г. Калмыцкая комиссия культурных работников в Чехословакии (ККК Р) выдавала по 50 чешских крон на содержание буддийского храма в Белграде.

Буддийские священники в Белграде проделали важную работу, значимую не только для калмыков белградской колонии. Свои молитвы они с тибетского языка перевели на калмыцкий. Таким образом, верующие не должны были механически заучивать целые молитвы или их части, совершенно не разбирая их значение. Эти переводы С. Умальдинов и С. Меньков записали на русской кириллице – наглядный пример их приверженности новым веяниям времени и отхода от догматизма.

Идея о необходимости постройки буддийского хурула (храма) в Белграде возникла у бакши Боринова. Он хлопотал во многих инстанциях Белграда и всюду находил сочувствие и понимание. После его неожиданной кончины это дело продолжили его последователи. Энергичный председатель калмыцкой колонии, полковник Абуша Апелевич Алексеев стал председателем Строительного комитета, секретарем – врач Эренжен Хара-Даван, казначеем – Санжа Меньков. Первым помощь оказал всё тот же промышленник Милош Ячимович. В октябре 1928 г. калмыкам он бесплатно уступил участок в 524 м^2, подарил 10.600 шт. кирпичей и 7.500 шт. черепицы. Строительными материалами калмыков снабдило еще 17 частных предприятий, материально помогли и калмыцкие колонии в Болгарии, Чехословакии, Франции, помогали и сербы. Строительство Калмыцкого дома с храмом началось весной 1929

г. по проекту белградского архитектора Андрея Николаевича Клепинина. Сперва вырыли колодец с питьевой водой. Торжественное освящение харула состоялось 12 декабря 1929 г. Освящение совершил прибывший из Парижа верховный калмыцкий буддийский глава бакша Намджал Нимбушев, при сослужении настоятеля бакши Санжи Умальдинова.

Создание первого в Европе буддийского хурула представляло собой важнейшее событие в жизни калмыков зарубежья. Поздравления были получены из Лондона и США. Академик Н. К. Рерих прислал из Индии тибетские тханки (священные картины) и книги.

Одноэтажное здание в основе имело форму креста. Мирская часть Калмыцкого дома состояла из кладовой, помещения для заседаний правления колонии и классной для учеников начальной школы. Бóльшая часть пространства была выделена под храм, над которым возвышался купол. На его вершине был установлен очир (бадма), направленный в небо (символизирует правду и мудрость). В одном из двух боковых пространств храма находился вход с массивными деревянными воротами. Купол над храмом, квадратного сечения, был построен в виде пагоды: крыша имела три уровня, каждая из которых по краям была незначительно приподнята. С внешней стороны трехступенчатый купол был украшен хонхо-колокольчиками и бубенцами (защита от демонов), которые колыхались под дуновением ветра, приятно звенели и бренчали. Плафон храма поддерживало четыре деревянных столба, живописно расписанных буддийской символикой (колеса учения Будды, цветы лотоса и проч.). Пол из деревяных досок покрывали ковры. В начале марта 1934 г. от Общества Букио Ренго Кай из Токио в белградский хурул прибыли ценные подарки: бронзовая статуя Будды в натуральную величину, каранг, гонги, барабан, кидже, разные священные сосуды, кадильницы, курительные налыки и прочие ритуальные принадлежности [См.: Аноним 1939]. В 1935 г. была проведена реконструкция храма: достроены вход и алтарная часть. Площадь хурула увеличена на 38 м^2.

В храме три раза в сутки молились четыре священника – за себя и за соотечественников. Богослужения могли продолжаться и 3-4 часа. Особенно торжественно отмечался переходящий праздник Цаган (конец февраля – начало марта), символизирующий победу добра над злом, правды над ложью, света над тьмой, а по сути – встречу весны. Вторым по значимости был праздник Ова (26 мая), в день встречи Будды с Белым старцем, властителем мира.

До или после освящения храма в Белграде был создан Буддийский духовный *совет* и принят его Устав. Первым председателем был избран Санжа Умальдинов, секретарем – д-р Эренжен Хара-Даван (1883–1942). Совет являлся духовным фактором, объединяющим все слои калмыцкой диаспоры на территории Сербии [См.: Информация 1930, с. 47].

Белградский хурул в сентябре 1933 г. навестила калмыцкая княжна Нирджидма Торгутская (1907–1983), а в сентябре 1935 г. – атаман Всевеликого Войска Донского, генерал-лейтенант, граф Михаил Николаевич Граббе (1868–1942), оба парижане.

10-летие своего хурула калмыки отметили 23 ноября 1939 г. На этом торжестве особая благодарственная грамота была вручена промышленнику Милошу Ячимовичу, их благотворителю и другу.

По буддийскому ритуалу покойников следовало сжигать. В России им это запрещалось и культ сжигания калмыки проводили символически. Так и в Белграде: священник на клочке бумаги рисовал человеческий контур и писал начальную букву имени покойника. Затем бумагу сжигал на лампаде и пепел смешивал с землей. Смесь всыпал в пирамидальную формочку и всё это кидал в прозрачную проточную воду [Политика 1939].

В военные годы калмыки лишились работы. Некоторые вступили в Русский охранный корпус, большинство уехало на работы в Германию, часть покинула Белград и перебралась в деревни Баната, где выжить было легче. В Малом-Мокром-Луге осталась небольшая часть калмычек, детей, стариков и неспособных к труду калмыков. Председатель колонии Абуша Апелевич Алексеев (1883–1948) и буддийские священники – бакша Санжа Умальдинов и гелонг Санжа Игнатов, Санжа Меньков и Бадма Васильевич Петров – не покинули Белград, но и не приняли нацистскую политику и идеологию. Богослужения в храме продолжались. В первые месяцы оккупации два священника и далее получали жалование от города. В июле 1942 г. эта помощь была прекращена и священникам помогали прихожане. Санжа Меньков уехал на работы в Германию, Бадма Петров исчез, но храм и далее действовал, посещался калмыками. Общественные помещения здания использовались как жилые помещения для бездомных и проезжих через Белград калмыков.

Не дождавшись окончания войны на просторах Югославии, почти все «сербские калмыки» из Белграда и банатских деревень эвакуировались в Австрию, затем в Германию. Им удалось оставаться вместе и к ним примыкали калмыки, недавно покинувшие Советский Союз.

Всё внутреннее убранство белградского хурула калмыки взяли с собой, включая прах ламы донских калмыков Аркада Чубанова, вывезенный из России во время беженского отступления.

> В пути (продвигались пешком, с детьми, стариками), ценности хурула на какой-то станции сдали в камеру хранения, с надеждой потом при благоприятных обстоятельствах их взять, но такой момент им не представился. Прах ламы А. Чубанова они вывезли в Америку[430] [Алексеева 2002, с. 49–49].

430 Ныне хранится в Бурун хуруле в г. Хауэлл, штат Нью-Джерси.

Имеется свидетельство, что в 1946 г. в лагере Нидерраунау находился буддийский священник. В 1947 г. калмыков из этого лагеря перевели в лагерь Пфаффенгофен. В нем существовал буддийский храм, настоятелем которого был белградец Санжа-Рагба Меньков [Полчанинов 2006, с. 2]. Калмыки со своим храмом затем были переведены в лагеря Ингольштадт (1949), затем в большой ди-пи лагерь Шлейсгейм (1950).

Наконец, калмыки из лагерей в Германии осели в США, почти все в штатах Пенсильвания и Нью-Джерси. Пожилой священник бакша Санжа Умальдинов скончался уже в 1946 г. в городке Крумбах (Бавария), а священники Санжа Игнатов и Санжа Меньков – оба в 1969 г., в США [Миленковић 1998, с. 205].

В ожесточенных боях за освобождение Белграда, которые велись с 12 по 16 октябрь 1944 г., на подступах к столице вблизи района Мали-Мокри-Луг рухнула крыша буддийского святилища. В эти дни при храме оказался лишь один священник. Вскоре новые социалистические власти в стране посчитали, что буддийский храм утратил смысл своего существования, поскольку фактически остался без паствы. Сперва починили крышу, затем, в 1950 г., был снесен купол святилища, и всё здание превращено в Дом культуры. Вскоре оно было снесено и на его фундаменте построен двухэтажный дом. Одно время в нем размещался сервис для ремонта холодильного оборудования[431].

* * *

При сборе данных о представителях пестрой русской колонии Белграда высветились и портреты людей, сумевших реализоваться не только в своей профессии. Они стремились глубже познать личность и окружающий нас мир, несли некую миссию: самообразования, всеединения, гуманизма, сплочения единомышленников, сохранения веры отцов. Высветились портреты правоведа М. П. Чубинского, пианистки З. Г. Грицкат, врача М. А. Асеева, священников С. Умальдинова и С. Менькова – переводчиков священных буддийских текстов на калмыцкий язык.

После Второй мировой войны более чем вдвое уменьшилось число русских в Белграде. При социалистическом строе в Югославии не могли быть восстановлены прежние культурные организации и кружки русских, а и отношение к «белоэмигрантам» и их потомкам было настороженным или недружелюбным. В Сербии тихо прозябали лишь русские церковные прихо-

431 Популярный голливудский киноактер Стивен Сигал (р. 1952 г.), буддист. Отец его монгольских корней, уроженец Владивостока. Помимо американского и российского, Стивен владеет и сербским гражданством. Недавно он заявил, что крайне заинтересован в восстановлении буддийского храма в Белграде.

ды в пяти городах, и три-четыре русских приюта для престарелых. Однако русские масоны, теософы и оккультисты в Белграде не «самоусыпились».

При новом государственном строе наступил период борьбы за международное признание Югославии. Часть свободных каменщиков, членов довоенных лож, приняли участие в политической, общественной и культурной жизни страны. Большая часть интеллигенции, не покинувшая страну, стала сотрудничать с новой властью. Среди сербской университетской профессуры и академиков оставались русские масоны – Антон Билимович, Яков Хлытчиев, Николай Салтыков.

Одна группа масонов в Белграде уже в 1946 г. организовалась на антиюгославских и антисоциалистических позициях, формально создав *Белградскую ложу*. Их нелегальные встречи происходили на частных квартирах, без проведения установленных масонских ритуалов. Вторая группа объединилась в т.н. *Югославскую ложу свободных каменщиков*, ее членами стали более молодые люди. Известно, что к ней примкнул академик Антон Билимович. В 1956 г. было предложено объединить обе группы. Это не устраивало *Белградскую ложу*. и привело к раздорам. *Югославская ложа* имела поддержку влиятельного иностранного (американского) масонства. При попустительстве властей подпольная «Югославская ложа» просуществовала до 1967 г. Основная причина ее угасания заключалась в том, что новое поколение югославской интеллигенции и сыновья маститых масонов не проявляли интереса к масонству [См.: Nenezić 1988, s. 499–511]. Им выгоднее было вступить в Коммунистическую партию Югославии.

Русские теософы, оставшиеся после войны в Белграде, примкнули к восстановленным сербским (югославским) ложам (Н. Н. Брезинский, А. Н. Реут, З. Г. Грицкат и др.) и сами продолжили встречаться, поздравляли друг друга с Днем «Белого лотоса», обменивались книгами и теософской периодикой. В 1962 г. Зинаида Григорьевна Грицкат писала в Нью-Йорк:

> У А. Н. Реут по средам бывают наши знакомые тео-друзья. [...] Я в постоянной переписке с Л. Б. [Ткаченко] и с Ксенией Гильотен – ее письма очень интересны. Тетя Любочка [Л. Н. Курилова] видимо умерла, т.к. никто не получил ответа от [ее] дочери. Елена Владимировна [Арсеньева] с целой семьей в Калифорнии, если я не ошибаюсь[432].

Выехавшие из страны русские теософы продолжили свое самообразование и усовершенствование духа, сотрудничали в журнале *Оккультизм и йога* А. М. Асеева, позднее и в русском теософском журнале *Alba*, выпускаемом в

432 Письмо З.Г. Грицкат к Н.П. Мончинской в Нью-Йорк от 7 ноября 1962 г. – Собрание автора.

Бостоне (А. М. Асеев, А. Л. Никитин-Невельский, К. Ф. Гильотен). Александр Львович Никитин-Невельский и его сестра Н. Ф. Елачич стали редакторами-издателями эзотерического вестника *Звоны Китежа* (Жуиз-де-Фора, Франция; пять выпусков 1961–1963 гг.), публиковали там свои работы[433], а в 4-м выпуске поместили статью трагически погибшего белградского эзотерика Г. А. Елачича «Подходы к пониманию Астрологии».

Сохранились свидетельства о том, что бывшие белградские теософы и оккультисты поддерживали связь между собой до последних дней своей жизни. Забыты были их прежние настороженность друг к другу и разногласия. Подтверждение тому письмо А. М. Асеева к А. Н. Реут:

> До конца дней своих я с радостью буду посылать Вам очередные выпуски *Оккультизма и йоги* бесплатно. Одновременно с этим письмом отправляю Вам заказной пароходной почтой четыре последних сборника (58, 59, 60 и 61). Не знаю, есть ли у Вас предыдущие, может быть Вы их своевременно получили через Николая Николаевича [Брезинского]. Большинство наших старых друзей уже покинули земной план своего существования. Изредка получаю письма от Ксении Федоровны [Гильотен] из Австралии. Духа своего она не угашает, по прежнему интересуется Теософией. Изредка прилетают письма и от Наталии Павловны [Миончинской]. От Лидии Болеславовны [Ткаченко] года два-три не имею вестей[434].

А в России, при возросшем в XXI веке интересе к учениям Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов была опубликована их обширная переписка с Александром Михайловичем Асеевым, его сербского и парагвайского периодов.

В заключение, особо хочется отметить толерантность Сербской православной церкви и Министерства вероисповедания Королевства Югославии, не препятствовавших возведению буддийского храма и теплому отношению белградцев к сплоченной колонии калмыков. И, конечно, подчеркнуть исключительно благоприятные условия для разнообразной культурной деятельности русской эмиграции при Королевстве Югославии, о чем свидетельствует беспрепятственное существование и нами представленных ячеек «русского Белграда».

---

433 Статьи А. Л. Никитина-Невельского в вестнике *Звоны Китежа*: «О пути едином и о путях своих»; «Оккультизм и Мистика, как пути духовного роста»; «Самотворчество и Эволюция».

434 Письмо А. М. Асеева из Асунсьона к А. Н. Реут в Белград от 9 сентября 1976 г. Рукопись. – Архив А. Н. Реут (хранится у В. А. Медведевой, Белград).

Источники и литература

Архив Международного центра Рерихов. Москва. Ф. 1.

Архив САНУ – Архив Сербской Академии наук и искусств, Белград, д. 13584; АБ-VIII-67.

Архив Югославии, Белград, ф. 100.

Собрание А. Б. Арсеньева, Нови Сад.

Собрание В. А. Медведевой, Белград.

А. М. Асеев к Е. И. Рерих 1934 – Письмо А. М. Асеева к Е. И. Рерих от 2 апреля 1934 г. // Архив Международного центра Рерихов. Москва. Ф. 1. Оп. 5-2. Д. 164. Л. 1, об.–2.

А. М. Асеев к Е. И. Рерих 1954 – Письмо А. М. Асеева к Е. И. Рерих от 22 ноября 1954 г. // Архив Международного центра Рерихов. Москва. Ф. 1. Оп. 5-2. Д. 164.

Алексеева 2002 – Алексеева П. Э. Бакша Джамьянг Умальдинов (1882–1946) // Богшрахинский аймак и богшрахинцы: Краткие исторические очерки / Автор-составитель П. Э. Алексеева. Элиста : АПП «Джангар», 2002, 256 с.

Аноним 1939 – Аноним. Десятилетие основания буддийского храма в Белграде // *Русский голос* (Белград). 1939. – 3 декабря.

Аноним 1961 – Аноним. Воспоминания о ложе «Ярослав Мудрый» // *Альба*. Теософский журнал (Бостон). 1961.№ 6. С. 49–52.

Арсењев, Ордовски-Танајевски 2017 – Арсењев А., Ордовски-Танајевски М. Делатност М. П. Чубинског и В. Д. Плетњова у Петрограду везана за уједињење словенских народа Балкана // Србија и руска револуција 1917. Нове теме и изазови. Тематски зборник радова. Институт за новију историју Србије; Институт славяноведения РАН. Београд, 2017, С. 347–358.

Блаватская 1926 – *Блаватская Е. П.* Оккультизм и магические искусства. Перевод Е. П. Издание Р.Т.О. Белград, 1926, 26 с.

Бостунич 1922 – *Бостунич Г. В.* Масонство и русская революция. Правда мистическая и правда реальная. Новый Сад, 1922, 228 с.

Бостунич 1928 – *Бостунич Г. В.* Масонство в своей сущности и проявлениях. Белград, 1928, 271 с.

Варгунин 1925 – *Варгунин В. К.* Сказание старого Востока. Слова мудрейшаго из мудрых живущим в благе на земле. Издательство «Святослав» М. Г. Ковалева. Новый Сад, 1925, 80 с.

Г. И. Свищёв к А. Беличу 1954 – Письмо Г. И. Свищёва к А. Беличу от 30 ноября 1954 г. – Архив САНУ. Белград. АБ-VIII-67.

Гамаюн 1924 – Гамаюн – птица вещая. Сборник 1. Стихи. Белград, 1924, 68 с.

Е. И. Рерих к А.М. Асееву 1936 – Письмо Е. И. Рерих к А. М. Асееву от 22 июня 1936 г. // Архив Международного центра Рерихов. Москва. Ф. 1. Оп. 5-2. Д. 164.

Иванов 1934 – *Иванов В. Ф.* От Петра I до наших дней. Русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1934. 613 с.

Информация 1930 – Информация КККР (Прага). 1930. 15 апреля. № 1.

Княжева-Карцева 2018 – *Княжева-Карцева Е. В.* Деятельность русских отделений Международного Теософского общества в эмиграции (1926–1938 гг.) // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: История России (Москва). 2018. Том 17. № 2.

Миленковић 1998 – *Миленковић Тома*. Калмици у Србији 1920–1944. Traco. Београд, 1998, 243 с.

Н. К. Рерих к А. М. Асееву 1937 – Письмо Н. К. Рериха к А. М. Асееву от 25 мая 1937 г. // Архив А. М. Асеева. Том II. Письма Николая Константиновича Рериха Алексею (Sic!) Михайловичу Асееву. – Интернет ресурс.

Н. К. Рерих к А. М. Асееву 1938 – Письмо Н. К. Рериха к А. М. Асееву от 26 сентября 1938 г. // Архив А. М. Асеева. Том II. Письма Николая Константиновича Рериха Алексею (Sic!) Михайловичу Асееву. – Интернет ресурс.

Н.Р. 1962 – *Н.Р.* Памяти ушедших. Зинаида Георгиевна Грицкат // *Alba*. Теософический журнал (Бостон). 1962. № 9. С. 79-80.

Оккультизм и йога 1933 – *Оккультизм и йога* (Белград). 1933. № 1.

Оккультизм и йога 1934 – *Оккультизм и йога* (Белград). 1934. № 2.

Оккультизм и йога 1938 – *Оккультизм и йога* (София). 1938. № 10.

Пасыпкин 1925 – *Пасыпкин Е. А.* Свет-победитель. Историко-оккультный роман из времен Древнего Египта. Изд. «Святослав» М. Г. Ковалева. Белград, 1925, 292 с.

Петкович 1936 – *Петкович Т.* Научный оккультизм. Основы духовной жизни. Новый Сад, б.г. [1936], 120 с.

Политика 1926 – *Политика* (Белград). 1926. 22 ноября.

Политика 1927 – *Политика.* 1927. 21. маја.

Политика 1939 – *Политика.* 1939. 24. априла.

Полчанинов 2006 – *Полчанинов Р. В.* Калмыки и ОРЮР // *Страницы истории разведчества-скаутизма* (New Hyde Park. NY, USA). Апрель 2006. № 107.

Русский голос 1936 – Русский голос (Белград). 1936. 1 июня.

Рыбинский 1953 – *Рыбинский Н.* Масоны // *Новое русское слово* (Нью-Йорк). 1953. – 27 июля.

Свищёв 1935 – *Свищёв Г. И.* Свет Метохии // *Оккультизм и йога*. 1935. № 4. С. 26–42; № 5. С. 26–39.

Серков 1997 – *Серков А. И.* История русского масонства (1845–1945). Издательство имени Н. И. Новикова. Санкт-Петербург, 1997, 400 с.

Смирнов 1922 – *Смирнов Б. Н.* Бог и денница. По вопросам оккультно-религиозной жизни. Издательство «Святослав» М. Г. Ковалева. Новый Сад, 1922, 53 с.

Стојнић 1994 – *Стојнић Мила*. Руско-српска књижевна преплитања. «Завет». Београд, 1994. 312 с.

Странден 1937 – *Странден Д. В.* Герметизм, его происхождение и основные учения: Сокровенная философия египтян. Библиотека Сборника «Оккультизм и йога» № 1. Белград, 1937, 80 с.

Тавва б.г. – *Тавва (псевд.).* Зеркала вездесущности. Белград, б.г., 61 с.

Фара 1937 – *Фара (псевд.).* Масонство и его деятельность. Харбин, 1937. 97 с.

Холл 1938 – *Холл Мэнли Палмер.* Оккультная анатомия человека. Библиотека Сборника «Оккультизм и йога» № 2. Таллин, 1938, 80 с.

Чубинский 1930 – Професор М. П. Чубинский и 35-летие его научной, литературной и общественной деятельности. Юбилейный сборник. Союз русских писателей и журналистов; Союз русских студентов. Белград–Суботица. 1930, 63 с.

Iz teozofskog svijeta 1938 – Iz teozofskog svijeta (Zagreb). 1938. Svezak 3. [Страницы не пронумерованы].

Nenezić 1988 – *Nenezić Z. D.* Masoni u Jugoslaviji (1764–1980). Pregled istorije slobodnog zidarstva u Jugoslaviji. Prilozi i građa. Treće, dopunjeno izdanje. «Zodne», Beograd, 1988, 786 s.

Šmitek 1988 – *Šmitek Zmago*. Kalmiška skupnost v Beogradu 1920–1944. // *Tradiciones*. Acta Instituti ethnographiae slovenorum (Ljubljana). [№] 17. 1988.

Первая публикация:
Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2021–2022 / Отв. ред. Н. Ф. Гриценко. Москва, 2022. С. 147–175.

Русский Белград: Старообрядцы

В XVII в. Русская церковь пережила раскол, разделивший общество на два непримиримых лагеря – ревнителей старины и сторонников церковных реформ. Подвергаясь суровым гонениям, староверы бежали в отдаленные и труднодоступные края страны, перселялись в Османскую империю, Австрию, Польское королевство. Это была первая массовая эмиграция из России по религиозно-идеологическим мотивам. Старообрядчество – закрытый мир, в котором, в силу устоявшихся обычаев, не любят делиться сведениями.

В XX в., среди эвакуировавшихся с Юга России частей Русской армии и гражданских лиц были и старообрядцы, как непосредственные участники боевых действий (казаки) или как невоенные – предприниматели, творческая интеллигенция, женщины и дети. До сих пор не исследована духовная жизнь небольшой группы старообрядцев в Королевстве СХС-Югославии, стремившейся на чужбине сохранить свою веру.

В Белграде, городе с большой концентрацией пришельцев из России, проживали и старообрядцы. Белград с русским храмом Св. Троицы стал значимым центром Русской Православной Церкви за рубежом. Старообрядцы вряд ли посещали богослужения в этом храме. Правда, сохранилось свидетельство о том, что в нач. 20-х гг. некоторые приверженцы старой веры, оказавшись в Европе, обращались к митрополиту Антонию (Храповицкому), первоиерарху РПЦ заграницей, высказывая ему свое желание присоединиться к «Православной Матери Церкви». В сборнике материалов Русского всезаграничного церковного собора, состоявшегося в 1921 г. в сербском духовном центре Сремски-Карловцы, было опубликовано обращение митрополита Антония «Русским старообрядцам – беженцам в Лондоне и заграничных городах и весях». В нем он писал:

> Общее горе сближает людей и побуждает забыть взаимные обиды и ссоры, оплакивая общую гибель и разорение нашей Православной Родины. Между тем, кроме прежде испытанных обид, у старообрядцев, отделяющихся от нашей православной Церкви, не остается более причин отделения от нас, судя – по крайней мере – по беседам г. [Ф. Е.] Мельникова до 1917 года. Тогда он ссылался на не совсем каноническое усвоение Русской Православной Церкви, но в настоящее время каноническое устроение восстановлено, и во главе ее стоит законный православный Патриарх Московский и всея Руси. [...]
>
> Посему, слышав о Вашем добром расположении, желал бы я теперь узнать, что Вы думаете о соединении с Церковью уже не «го-

> сподствующей», но гонимой от врагов Христовой веры. Не пора ли нам едиными усты и единым сердцем славить Триединого Бога. – Смиренный Антоний, митрополит Киевский и Галицкий[435].

Это обращение не привело к примирению и объединению. Старообрядческий владыка Иннокентий (Усов) именно в эти годы некоторое время жил в Белграде и имел возможность встречаться с митрополитом Антонием. Встреч не произошло.

С 1920 г. в Белграде обосновался Дмитрий Васильевич Сироткин, крупнейший деятель старообрядчества, бывший председатель совета Всероссийских съездов старообрядцев белокриницкого согласия, председатель совета Нижегородской старообрядческой общины. По поручению IV Всероссийского съезда старообрядцев Сироткин, вместе с известным начетчиком[436] Ф. Е. Мельниковым и епископом Нижегородским и Костромским Иннокентием (Усовым)[437] в сентябре 1903 г. ходатайствовал перед правительством об открытии старообрядческих школ и о признании законом старообрядческих общин как юридических лиц[438].

И вот, благодаря Д. В. Сироткину, крупному волжскому судовладельцу и биржевику, в Белграде возникла и материально была обеспечена небольшая старообрядческая община. Изгнанный из Румынии, в нач. 20-х гг. в Белграде нашел временный приют сам епископ Иннокентий. Д. В. Сироткин с ним и в 30-е гг. поддерживал контакт, писал ему в Молдавию.

Белградская старообрядческая община духовно окормлялась в моленной, помещавшейся на квартире Д. В. Сироткина. По большим праздникам там совершали богослужения священники, приезжавшие из старообрядческих центров в Румынии. В русской белградской ежедневной газете за 1925 г. попадались объявления:

> У СТАРООБРЯДЦЕВ. Доводится до всеобщего сведения, что в старообрядческой моленной, временно помещавшейся в доме № 20 по Караджорджевой улице, всякий праздник совершается богослужение. Начало всенощного бдения – в 6 часов вечера, начало часов – в 8 часов утра. Впредь особых объявлений о службе делаться не будет. В вос-

435 Деяния Русского всезаграничного церковного собора, состоявшегося 8–20 ноября 1921 года (21 ноября–3 декабря) в Королевстве С.Х.С. Сремские Карловцы, 1922. С. 139–140.

436 Начетчики – старообрядцы-миряне, допущенные к чтению религиозных текстов в храмах или на дому у верующих. Вели диспуты с миссионерами «господствующей Церкви», писали религиозные сочинения.

437 Подробнее о нем см.: Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. Церковь. Москва. 1996. С. 114-116.

438 См.: *Селезнев Ф. А.* Д. В. Сироткин и всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века // Отечественная история. Москва. 2005. № 5. С. 81.

кресенье, 18 июля в 5 часов вечера в помещении моленной состоится общее собрание старообрядцев Белграда и окрестностей[439].

У СТАРООБРЯДЦЕВ. Прибывший из Румынии епископ Иннокентий совершает богослужение на праздник Воздвижения Креста Господня в молитвенном помещении на улице Кара Георгиевича № 20. Начало всенощной в 6 часов вечера, начало Божественной литургии в 8 часов утра. Имеющие к преосвященному надобность могут обращаться по адресу: ул. Поп Лукина, № 1. эт. III, где он остановился[440].

У СТАРООБРЯДЦЕВ. В воскресенье, 21 сентября (ст. ст.) епископ Иннокентий совершаетбогослужение в молитвенном помещении на ул. Караджорджева, 20. Начало Всенощной в 6 часоввечера; начало Божеств. литургии в 8 часов утра[441].

У СТАРООБРЯДЦЕВ. Белградский старообрядческий приход обращается ко всем старообрядцам, находящимся в Королевстве СХС, с просьбой сообщить свое местонахождение, дабы иметь сведения о численном составе, на предмет назревшего вопроса о священнике, каковой имел бы постоянное жительство в Королевстве СХС и выполнял все требы старообрядцев, рассеянных по Королевству. Сведения направлять по адресу: Београд, Теразие бр. 3. Биро Електро-реклама «Муньа», за председника Старообрядческого прихода[442].

Нам не удалось установить, кто был председателем этого прихода, а также, совершались ли богослужения в 30-е гг. Но достоверно известно, что богослужения на дому у Д. В. Сироткина посещали:

Мария Кузминична Сироткина, урожд. Четвергова (1876, Казань – 1952, Белград), супруга;

Константин Дмитриевич Сироткин (1916, Нижний Новгород – 1994, Белград), (приемный?) сын Д. В. и М. К. Сироткиных;

Георгий Константинович Сапожков (1877 – 1941, Белград), купец 1-й гильдии, крупный суконный фабрикант;

Сергей (?) Яковлевич Башмаков, книгоиздатель и типограф;

Ольга Александровна Башмакова, урожд. Турчанинова (ок. 1898 – 1943, Белград);

Анна Ивановна Лисова (1897, Киев – 1965, Белград), врач;

братья Михаил (1888, Москва – ?; штабс-капитан) и Владимир (1890, Москва – ?; прапорщик) Николаевичи Варыхановы;

439 *Новое время* (Белград). 1925. № 1263. – 17 июля.

440 Там же. № 1322. 1925. – 25 сентября.

441 Там же. № 1330. 1925. – 4 октября.

442 Там же. № 1353. 1925. – 31 октября.

Йосиф Петрович Расторгуев (1893, Москва – 1928, Белград), будучи студентом Богословского факультета в Белграде был редактором богословского журнала *Странник* Кружка студентов богословов им. Св. Анастасия и Св. Иоанна Богослова (1921–1924)[443]; братья Михаил (1898 – 1969, Кикинда, агроном) и Иван (1894, станица Великокняжеская, Донской обл. –1952, Белград; преподаватель гимназии) Вавиловичи Максименко;

Михаил Михайлович Лоскутов;

Андреев;

(Нестор Иванович?) Есаулов[444].

Не исключено, что службы в белградской моленной посещал и Федор Евдокимович Махин, коренной сибиряк-старообрядец, остававшийся верующим человеком несмотря на свое членство в масонских ложах, свои эсеровские убеждения и под конец жизни – членство в Коммунистической партии Югославии.

К белградской старообрядческой общине вероятно примкнул и поселившийся в Белграде в сер. 20-х гг. старообрядец Александр Павлович Корнеев (1894, Воронеж – 1968, Бразилия), донской казак, ротмистр, корнет 17-го гусарского Черниговского полка.

Не раз в Белград приезжал Федор Ефимович Мельников (1874, Новозыбков, Черниговская губ. – 1960, Мануиловский монастырь, Сучавский уезд, Румыния), старообрядец белокриницкого согласия, знаменитый апологетический писатель и начетчик, в первые годы после революции открыто боровшийся против пропаганды безбожия и марксизма, выступавший на диспутах против Л. Д. Троцкого, А. В. Луначарского, Н. И. Бухарина. В 1925 г. Федору Ефимовичу удалось перебраться на Кавказ, а в 1930 г. эмигрировать в Румынию[445]. В 1934 г. он в Белграде прочитал ряд лекций о безбожии и борьбе с ним. Интервью с ним было опубликовано в журнале, издаваемом Русской зарубежной церковью[446].

Видный след в Белграде оставил Пимен Максимович Софронов (1898, дер. Тихотка, Псковская губ., ныне Эстония – 1973, Мелвилль, штат Нью-Джерси, США), старообрядец поморского согласия, известный иконописец, учившийся в знаменитой иконописной школе Г. Е. Фролова. Овладев старинной техникой иконописи, он создал свой изобразительный стиль, не нарушив традиции древнерусского письма. Обосновался в Риге, и его мастер-

443 «И. П. Расторгуев был подлинным старообрядцем. С узким, бескровным лицом, в очках со стальной оправой, был редким знатоком древнего благочестия.» [За рубежом. Белград – Париж – Оксфорд: Хроника семьи Зёрновых, 1921–1972 / Под редакцией Н. М. и М. В. Зёрновых. : YMCA-PRESS. Paris. С. 26.]

444 Архив Митрополии Московской и Всея Руси РПСЦ. Москва. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 5 – Письмо М. Варыханова.

445 Подробнее о нем см.: Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы..., С. 167–168.

446 См.: *Аноним.* Беседа с Ф. Е. Мельниковым // *Церковная жизнь* (Сремски Карловци – Белград). 1934. № 5.

ство стало известно в Европе. С 1932 г. П. М. Софронов, по приглашению «Семинара имени Н. П. Кондакова», работал в Праге, затем при Обществе «Икона» в Париже руководил иконописной школой. По приглашению короля Александра I он весной 1934 г. переехал в Югославию, для росписи дворцовой церкви. Одновременно, при содействии Синода Сербской православной церкви, он возглавил созданную им трехгодичную иконописную школу в мужском монастыре Раковица (пригород Белграда). Ее окончило около 20-ти иконописцев[447]. В Белграде П. М. Софронов писал иконы по заказам Церкви и частных лиц. В русском храме Св. Троицы в резном киоте хранится его икона Пресв. Богородицы Донской.

В мае 1939 г. художник из Белграда уехал в Ватикан для участия во Всемирной выставке христианского искусства. Там он создал более 50-ти икон, занимался и реставрацией. В 1947 г. переехал в США, где продолжал свою плодотворную художественную деятельность, коллекционировал старину[448].

Старообрядец Дмитрий Васильевич Сироткин заслуживает того, чтобы посвятить ему больше места, тем более, что он в Белграде остался едва ли не последним старообрядцем, сохранившим свою веру.

Переняв от отца торговлю на Волге «щепным товаром» и изделиями кустарного промысла, Дмитрий Васильевич женился на дочери казанского купца-пароходчика и в 1895 г. купил свой первый буксир. Быстро богател. Смелый новатор, Сироткин в 1907 г. по своему идейному проекту реализовал грандиозное железное плоскодонное судно *Марфа-Посадница*, способное перевозить до 10 тыс. тонн нефтепродуктов, что произвело в баржевом судостроении настоящий переворот. Д. В. Сироткин становится одним из крупнейших нефтяных дельцов (нефтепродукты из Баку везлись по Каспию и по Волге). В 1908 г. он становится бессменным председателем совета судовладельцев Волжского бассейна. Им было открыто пароходное сообщение по Аральскому морю. В 1910 г. Сироткин избирается директором-распорядителем созданного Торгового и промышленного общества «Волга». В 1911–1912 гг. им был основан судостроительный завод «Нижегородский теплоход». Его суда плывут по Каспию, Оби, Иртышу, Дунаю.

Энергии и широты ума Сироткина хватало не только для предпринимательства и щедрой благотворительности. Он строил старообрядческие храмы, богадельни, собирал старину и художественные произведения, финансировал народные столовые и чайные, первым на Волге страховал матросов от не-

447 См.: *Рајчевић Угљеша.* Синодска иконописачка школа у манастиру Раковица код Београда. // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Том II. Београд, 1994. С. 81.

448 См.: Софронов Пимен Максимович // *Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Художники русского зарубежья 1917–1939. Биографический словарь. Санкт-Петербург. 1999. С. 538–539.

счастных случаев[449]. В 1913 г. Д. В. Сироткин был избран на пост городского головы (мэра) Нижнего Новгорода. Период его деятельности на этом посту пришелся на тяжелые годы: война, обострение внутриполитической ситуации в России. Но при его правлении в Нижнем Новгороде была устроена городская канализация, электрическое освещение улиц, строился постоянный мост через Оку, открылись учительский институт, женское ремесленное училище. Сироткин добился эвакуации в Нижний Новгород Варшавского политехнического института...

Вместе с братьями Рябушинскими Сироткин играл важную роль в церковной жизни старообрядцев. В 1900 г. ходатайствовал о прекращении преследований властями своих единоверцев («За нами нет ни в прошлом, ни в настоящем вины перед правительством. Кроме того, мы почти все – грамотны, трезвы, зажиточны»). Царский ответ на прошение был самым благоприятным. Авторитет молодого купца среди старообрядцев всей страны необычайно возрос. Второй Всероссийский съезд старообрядцев в 1901 г. состоялся в его нижегородском доме. В нем же располагалась типография газеты *Старообрядец*, им финансировался журнал *Церковь*. Дружба связывала Сироткина с А. М. Горьким. В военном 1915 г. Сироткин возглавил Нижегородский городской и биржевой военно-промышленный комитет помощи фронту – организовал лазареты раненым воинам, разместил более 50 тыс. беженцев из западных областей России.

Его плодотворная, кипучая деятельность прервалась в 1917 г. Сироткин приветствовал Февральскую революцию, а осенью срочно покинул Нижний Новгород, узнав, что местная ЧК получила из Москвы приказ об его аресте и расстреле. Некоторое время Дмитрий Васильевич с семьей пребывает в Крыму и в Ростове-на-Дону. Эвакуируется из Новороссийска в Салоники. Сначала едет во Францию, к П. П. Рябушинскому, а с весны 1920 г. обосновывается в Белграде.

Судоходство было его страстью и жизненной потребностью. Оказавшись в Белграде, в месте впадения судоходной Савы в Дунай, он замышляет развернуть дело. На собственные средства строит первые в Королевстве СХС два теплохода: *Коста* (в честь сына Константина) и *Воля* (в память о судне своего отца). В 1924 г. Дмитрий Васильевич открывает навигацию по Дунаю (Белград – Нови-Сад), вскоре – пассажирские и торговые рейсы по Дунаю и Саве (Панчево, Шабац), сотрудничает в сербском журнале *Корабельщик* (*Бродар*). Д. В. Сироткин оказывает материальную помощь старообрядцам, бежавшим из России в Румынию. Однако, его постигают беды: после семейной ссоры, в 1925 г., сын покидает отчий дом, в 1927 г. сгорает теплоход *Воля* и

449 См.: *Селезнев Ф. А.* Становление Д. В. Сироткина как предпринимателя // *Педагогическое обозрение* (Нижний Новгород). 2006, № 1. С. 187.

сам Сироткин обанкротился. Как обладателю буксира *Коста*, трех портовых складов и двух концессий по горнодобывающему делу[450], ему удается встать на ноги, он приобретает новые суда. Но богатым он уже не станет.

Во время немецкой оккупации его скромный флот был конфискован. В октябре 1944 г., во время операции по освобождению Белграда, Д. В. Сироткин оказал помощь воинам 3-го Украинского фронта Красной армии при их переправе через Дунай, предоставил им укрытые в камышах катера, буксиры и баржи.

В 1946–1950 гг. Сироткину удается ряд писем отправить старообрядческому владыке Иринарху (Парфенову)[451] в Москву. Он писал:

> За границей старообрядчество не проявило себя, не создав центра, не устроило нигде приходов, вина тому – раскиданность наших одноверцев, живущих без церковной службы, исповеди и причастия. Прошу Вас, св. Владыко, ответить, возможна ли заочная исповедь и как ее совершить.
>
> Вся жизнь моя была посвящена старообрядчеству и судоходству. [...] Я политикой никогда не занимался, уехал по недоразумению – полюбил славянскую реку Дунай – но мои работы здесь не ценятся, судоходство здесь не пользуется тем обаянием, как на родине[452].

В Москве письма перлюстрировались, копии хранились у соответствующих органов власти. Канцелярия владыки Иринарха прекратила отвечать на письма из Белграда. На погребении Д. В. Сироткина его не отпевал русский священник при храме Св. Троицы в Белграде.

Прошло более 50-ти лет со дня кончины Дмитрия Васильевича Сироткина, «последнего старообрядца в Белграде», и жителям столицы Сербии напомнили о нем. В мае 2011 г. в Белграде состоялась церемония открытия памятника на месте захоронения последнего дореволюционного мэра Нижнего Новгорода, мецената, благотворителя, судовладельца. Памятник был изготовлен по заказу администрации (мэрии) Нижнего Новгорода, его создание финансировал ОАО «Завод Нижегородский теплоход». Надгробие выполнено из белого мрамора, по проекту архитектора Зои Рюриковой, в соответствии со старообрядческими традициями. Рисунок на плите символизирует две реки – Волгу и Дунай. Освящение памятника совершало старообрядческое духовенство и певчие, прибывшие в Белград по распоряжению митрополита

450 См.: *Бродар* (Београд). 1927. Бр. 5–6. С. 115.

451 Подробнее о нем см.: Старообрядчество..., С. 128.

452 Архив Митрополии Московской и Всея Руси РПСЦ. Москва. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 59. Л. 4 – Письмо Д. В. Сироткина к архиепископу Иринарху (Парфенову) от 30 сентября 1946 г.

Корнилия (Титова), первоиерарха Русской православной старообрядческой церкви (ПРСЦ). В церемонии приняли участие посол России в Сербии А. В. Конузин, глава администрации Нижнего Новгорода О. А. Кондрашов, генеральный директор ОАО «Завод Нижегородский теплоход» С. М. Коновалов, родственники – внук Дмитрий Константинович Сироткин (Белград) и правнук брата Сироткина, Иван Николаевич Лоскутов (Гавр, Франция).

Про Сироткина напомнили и нижегородцам. В июне 2011 г. из акватории ОАО «Завода Нижегородский теплоход» вышло новое лоцмейстерское судно. В год 100-летия с основания завода ему присвоено имя его основателя – *Дмитрий Сироткин*. У дома-особняка Д. В. Сироткина, на Верхневолжской набережной был установлен памятник знаменитому мэру 1913–1917 гг. и видному старообрядцу[453].

453 См.: ОАО Завод Нижегородский теплоход 1911–2011. Время строить флот. История и современность. Нижний Новгород, 2011. С. 9–45, 170.

Люди и книги: Семья Малининых и их библиотека

Историки русской эмиграции мало исследовали жизненные перипетии отдельных представителей русской интеллигенции, обосновавшихся в Королевстве СХС-Югославии. Чаще изучалась их профессиональная деятельность и вклад в югославскую науку, хозяйство, искусства. Нам редко удается проникнуть в личную, семейную жизнь этих людей и узнать их судьбу.

Недавно нам представилась возможность познакомиться с семейным архивом и книгами, сохранившихся на квартире семьи русского педагога, Ивана Михайловича Малинина, бывшего директора Русско-сербской гимназии в Белграде. На основании личных документов стало возможным восстановить жизненный путь всей семьи и познакомиться с достоверными фактами о том, как в послевоенном Белграде были востребованы, и какая участь постигла некоторых русских интеллигентов, лояльных своей «второй родине».

Обзор русских книг богатой семейной библиотеки дал возможность узнать интересы владельцев, но и происхождение ряда книг этого собрания, так как в военные и послевоенные годы дом Малининых оказался не только временным убежищем некоторым русским белградцам, но и убежищем спасенных книг, ранее хранящихся на полках Русской публичной библиотеки и библиотеки Русско-сербской гимназии в Белграде.

Краткое описание жизни Ивана Михайловича Малинина

[Автобиография от 3 декабря 1944 г.]

Родился 19 октября 1883 г. в Одессе в семье ординарного профессора Новороссийского университета, доктора гражданского права Михаила Ивановича Малинина (1845–1885), декана Юридического факультета[454], и его супруги Веры Афанасьевны, урожд. Письменко (1865 – исчезла в 1926 г.). Дед Иван, протоиерей, был настоятелем соборного храма в Одессе.

Проживал постоянно в Одессе вплоть до отъезда в 1919 г. в Екатеринодар. Учился в Одесском Университете от 1903 до 1908 г. Лишний год провел в Университете вследствие интереса к студенческим сходкам, забастовкам и сочинениям Плеханова. По той же причине просидел две недели в Одесском арестном доме. Государственные экзамены сдал, однако, очень удачно и

454 В библиотеке Малининых в Белграде сохранилось второе издание докторской диссертации М. И. Малинина: «Судебное признание в гражданских дела» (Одесса, 1878). Первое издание, как и остальные труды рано скончавшегося профессора, опубликованы в *Записках Императорского новороссийского университета*: «Убеждение судьи в гражданском процессе», «Теория гражданского процесса», «К вопросу об основных принципах гражданского права и гражданского уложения».

был оставлен в 1908 г. при Университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии. В 1910 г. назначен ассистентом лаборатории экспериментальной психологии. В 1911 г. сдал магистерские экзамены и получил звание магистранта философии. В 1912 г. сделался приват-доцентом Одесского университета. В 1916 г. избран, а в 1917 г. утвержден штатным доцентом того же Университета.

С 1913 г., помимо философских курсов, читал по поручению факультета курсы по педагогике и дидактике. Одновременно читал лекции на Одесских Высших Женских Курсах того же содержания, что и в Университете, и по музыкальной эстетике в Одесской Консерватории.

Начиная с 1911 г. многократно присутствовал на окончательных испытаниях в гимназиях в качестве депутата от Одесского Учебного Округа. В 1914 г. сделался постоянным членом Совета Попечителя Округа. Летом 1914, 1915 и 1916 гг. читал лекции по педагогической психологии на многочисленных летних курсах для преподавателей земских и городских начальных школ и учителей гимназий. В те же времена выступал с многочисленными публичными лекциями. Обладал тогда весьма значительным ораторским талантом, привлекая на свои лекции большое число слушателей и заслужил шутливую кличку Ивана Златоуста. В моей памяти осталась лестная оценка моего красноречия, сделанная одним из моих слушателей на курсах, организованных «Обществом распространения просвещения среди евреев г. Одессы», и сказанная публично в вагоне трамвая в присутствии случайно сидевшей там же матери. «Так он же дурак, этот Малинин: ему надо было пойти в адвокаты, он бы просто загребал золото», говорил мой слушатель, пожилой еврей-учитель.

В 1916 г., как довольно уже видный специалист по школьным вопросам, принимал участие в работах комиссии Министерства Народного Просвещения в Петербурге по выработке учебных планов Высших Педагогических Институтов. Всем этим, вероятно, объясняется то обстоятельство, что в момент революции 1917 г. я оказался лицом весьма известным в Одессе и несомненным любимцем народов, населявших этот город. Я сразу попал в председатели многочисленных и многолюдных собраний и митингов, оказался способным председателем и тем еще увеличил свою известность. Революционный Комитет, заменивший Городскую Думу, избрал меня своим членом, затем членом Городского Школьного Совета и почетным мировым судьей. В сентябре 1917 г. министр народного просвещения проф. [Сергей Сергеевич] Салазкин вызвал меня в Петербург и предложил мне пост Попечителя Одесского Учебного Округа. В октябре последовало мое назначение. До апреля 1918 г. Одесса оставалась как бы самостоятельной республикой, отрезанной от Петербурга и Москвы, но не подчинявшейся и возникшей к тому времени

самостийной Украине. Украинские войска вошли в Одессу лишь в апреле 1918 г. Я был тотчас же смещен с должности Попечителя, но учительство и население Одессы немедленно избрало меня Комиссаром по делам великорусских школ, а так как их было очень много, то мое значение и влияние оказалось значительно большим, чем комиссаров по школам других национальностей. Защищал я интересы русских школ так энергично, что однажды получил даже телеграмму из Киева с приветом «смелому борцу за русскую школу». Летом и осенью 1918 г. был дважды избираем от Одесского Университета делегатом в Киев на съезды профессоров высших школ на Украине. Поздней осенью того же года от двух последовательных министров гетманского правительства, проф. [Николая Прокопьевича] Василенко и [Владимира Павловича] Науменко, получил предложения: от первого – занять вновь место Попечителя Одесского Учебного Округа, и от второго – быть товарищем министра при нем. Под предлогом болезни от того и другого я отказался.

В январе 1919 г. Одесса была внезапно захвачена добровольцами ген. Деникина. Его приказом отменены были все распоряжения украинских правительств, и восстановлены на своих прежних должностях смененные украинцами чиновники. Я оказался снова Попечителем Учебного Округа. В феврале пришел приказ о закрытии украинских школ в Одессе. Я послал телеграмму о невозможности закрыть все, и сообщил, что подробный доклад посылаю почтой. В начале марта последовало телеграфное распоряжение приехать в Екатеринодар для личного доклада. Я выехал во второй половине марта, но не успел еще сделать свой доклад, как пришло известие о захвате Красной армией Одессы. До первой половины апреля я оставался в Екатеринодаре без дела, а затем последовал приказ ген. Деникина о причислении меня к управлению делами просвещения (Министерству Просвещения) с возложением на меня обязанностей Помощника Начальника Управления (т.е. товарища министра). В то время должность Начальника Управления Просвещения была соединена с должностью Начальника Управления Юстиции. Очень скоро, однако, обнаружилось, что с продвижением войск и расширением территорий Управление Юстиции не могло справиться со школьными делами. Так назрела необходимость создать отдельное Управление Просвещения, а вместе с тем стал вопрос о Начальнике его. Единственным и уже давнишним кандидатом на этот пост был профессор Московского Университета П[авел] И[ванович] Новгородцев. Однако, он не решался вступить в эту должность, опасаясь за судьбу своей семьи, находившейся тогда в Москве. Он предложил ген. Деникину возложить временно несение обязанностей Начальника на меня, как Помощника Начальника. Тут только выяснилось, что именно проф. Новгородцев обратил внимание Деникина на меня, присмотревшись во время своего пребывания в Одессе ко мне и к моей работе на посту Попечителя

Округа и прислушавшись к мнениям различных лиц обо мне. Руководить же работой Управления собирался он сам, оставаясь в тени. Работа, однако, оказалась мало интересной для него, так как сводилась лишь к материальной поддержке школ, спасению их от развала и к различным административным мелочам. Новгородцев постепенно отошел от дел, предоставив мне, видя, что и сам со всем справляюсь. Так в должности Помощника Начальника, исполняющего обязанности Начальника, я и остался почти до конца.

В декабре 1919 г. деникинские войска оставили Ростов. В январе 1920 г. все Начальники Управлений были уволены в отставку, и было создано казачье правительство. Все «бывшие люди» просидели февраль и март в Новороссийске. Гражданская война со всеми ее эксцессами понемногу приближалась. Военные власти объявили всеобщую эвакуацию в Крым. Как раз в этот момент югославский посланник Милан Ненадич передал высшим гражданским чинам в отставке приглашение тогдашнего премьера Пашича приехать в Югославию и помочь молодому государству в его работе. Я получил особое приглашение, так как был известен сербскому правительству по моей работе в Одессе в роли председателя Общества помощи сербам, бежавшим в Россию в связи с оккупацией Сербии в 1914 г. австрийскими и германскими войсками. Обстоятельства были таковы, что после недолгих колебаний и взвешиваний предложение Ненадича было принято. Продолжение гражданской борьбы из Крыма было явно бессмысленно, оставаться в чужом Новороссийске в разгаре гражданской войны представлялось рискованным и для меня самого и для моей семьи. Так сделался я эмигрантом.

В апреле 1920 г. я вступил на территорию Югославии. В августе был приглашен референтом по учебным делам Всероссийским Союзом Городов, который открыл тогда почти по всем тем городам Югославии, где были русские колонии, до двадцати больших и малых школ. В 1922 г. назначен членом Совета по русским школам при Министерстве Просвещения, а в 1923 г. – членом Школьного Совета Державной Комиссии по делам русских беженцев. Был представителем упомянутых двух Советов на первом педагогическом съезде в Праге в 1924 г. и председателем второго педагогического съезда там же в 1925 г. На том и другом был избран постоянным членом Педагогического Бюро в Праге. В 1925 и 1926 гг. читал лекции по дидактике в Педагогическом Институте имени Яна Амоса Коменского в Праге, тоже в течение летних каникул. В 1925 г. назначен Директором русско-сербской гимназии в Белграде. В 1926 г. был избран от Белграда делегатом на Зарубежный эмигрантский съезд в Париже по списку левой оппозиции, но фактического участия в работах съезда принять не удалось вследствие подавляющего большинства реакционно настроенных делегатов. В правых кругах русской эмиграции не раз подымался вопрос о моем удалении из гимназии

вследствие левизны и недостаточного «патриотизма», но трудность найти более подходящего директора и доброе отношение ко мне сербов, особенно Председателя Державной Комиссии профессора Белградского Университета и Президента Сербской Королевской Академии Наук, А. И. Белича, делали безуспешными все попытки сменить меня. И только в марте 1942 г., приказом ген. Крейтера[455], поставленного немцами Начальником русской эмиграции, я был удален с должности директора Гимназии, вследствие педагогического и политического разномыслия и моей связи с полковником Ф. Е. Махиным[456], ныне генерал-лейтенантом Народной Освободительной Армии Югославии.

После отъезда ген. Крейтера в Германию стал Заведующим Русской Публичной Библиотекой в Белграде.

С 1920 по 1930 г. проживал в Земуне по ул. Сибинянина Янка, 8 (против кладбища). От 1930 по 1935 г. – по ул. Краля Петра, 5. С 1935 г. проживаю в Белграде по ул. Добриньской, 7.

Дополнения к Автобиографии И. М. Малинина и судьба его семьи

20 июля 1911 г. в храме Равноапостольных Константина и Елены в Одессе состоялось бракосочетание штатного преподавателя Второго общественного реального училища Ивана Михайловича Малинина и преподавательницы Реального училища Веры Петровны, урожд. Яворской (Фролова по первому мужу). Невеста родилась 2/15 августа 1881 г. У супругов 13 марта 1914 г. родилась дочь Наталья. Семья эвакуировалась с юга России на пароходе *Константин* и перед приездом в Земун попала в сербский город Кральево.

На основании сохранившихся документов известно, что Вера Петровна окончила Вторую Мариинскую женскую гимназию в Одессе, четыре года вела приготовительные классы в гимназии, окончила трехгодичные Высшие Фребелевские педагогические женские курсы в Петербурге (1906) и десять лет состояла преподавательницей Реального училища Общества взаимного вспоможения приказчиков г. Одессы, была членом Центрального професси-

455 Крейтер Владимир Владимирович (1889 – 1950), генерал-майор Генштаба. Участник Первой мировой и Гражданской войны. В эмиграции служил в пограничной страже Королевства СХС, позднее – преподавателем математики и французского языка в сербских гимназиях (Суботица, Панчево). В 1941 г. возглавил русскую эмиграцию в Сербии, позднее – начальник штаба Русского (охранного) корпуса на Балканах. Скончался в Германии.

456 Махин Федор Евдокимович (1882 – 1945), окончил Академию Генерального штаба, участник Первой мировой войны, член партии социалистов-революционеров. В 1923 г. из Праги переехал в Белград где руководил отделением Земгора. Вступил в коммунистическую партию Югославии (1939). Стал одним из организаторов партизанского движения в Югославии, сперва в рядах сербских четников, затем перекинулся к партизанам Тито. При Верховном штабе Тито работал в отделе пропаганды. Генерал-лейтенант Югославской армии. После войны занял пост начальника военных архивов Югославии.

онального союза служащих в государственных и общественных учреждениях Херсонской губернии. В эмиграции, с 20 июля по 1 октября 1920 г., она была начальницей Русской школы и детского сада в Белграде, с 1 октября 1920 г. – начальницей Русского реального училища и детского сада в Земуне, а с 1 сентября 1939 г. до 1 сентября 1944 г. – преподавательницей Русской начальной школы в Белграде.

Веру Петровну и семью Малининых связывала давняя дружба с проф. Александром Львовичем Погодиным (1872, Витебск – 1947, Белград), который тоже обосновался в Королевстве СХС. Об этом свидетельствуют дарственные надписи на печатных трудах Погодина, отложившиеся в библиотеке Малининых[457]. Можно предположить, что мнения опытных педагогов, И. М. Малинина и А. Л. Погодина о воспитании и образовании русской молодежи на чужбине во многом совпадали. Александр Львович писал о девичьих институтах и кадетских корпусах как о некой аномалии, сохраняющейся в Королевстве СХС на традициях идеализированного прошлого: «Мне кажется, это не здорово, даже вредно для современного воспитания, когда нужен человек, способный усваивать новые взгляды на жизнь и иные жизненные обстоятельства». [Погодин 1925: 104].

Являясь членом Русского научного института в Белграде, И. М. Малинин читал там публичные доклады. Так, 6-го и 13-го ноября 1933 г. он на двух вечерах занятий Института выступил с докладом «К вопросу о психологии бунта (опыт психоанализа одного конкретного случая)»[458].

Иван Михайлович в 1925–1930 гг. был директором Русско-сербской (смешанной) гимназии в Белграде, а с 1930 г. – Русско-сербской мужской гимназии. Одновременно в них преподавал философию и латинский язык.

Владимир Молчанов, гимназист 16-го выпуска, впоследствии вспоминал:

> Проф. И. М. Малинин умело, твердой рукой вел гимназию до самой войны. Это был умелый администратор, за плечами у него имелись многие годы педагогической деятельности. Авторитет его стоял высоко среди коллег и в Министерстве образования. При нем учебная программа претерпела некоторое изменение: она была приспособлена к местным условиям. Это отнюдь не отразилось на ее академическом

457 А. Л. Погодин: Несколько вопросов по методологии «древностей» (1927); «Идиот» Достоевского и «Калисте» де-Шеррьер (1930); Заметки об изучении былин и исторических песен: Методологические замечания (1930); Варяги и Русь (1932); Славяне и готы на Днепре в III веке после Рождества Христова (1936); Варяжский период в жизни князя Владимира (1938); Славяно-финские древности (1940).

458 Доклад был опубликован в виде книги: *Малинин И.* Комплекс Эдипа и судьба Михаила Бакунина: К вопросу о психологии бунта. Психоаналитический опыт. Белград, 1934, 88 стр. (На эту книгу вышла рецензия Н. С. Тимашева. Поврежденная душа. // *Возрождение* (Париж). 1935. – 12 января).

уровне. Теперь обнаружился крен в сторону таких предметов, как математика, физика, химия и языки. [Молчанов 1986: 169].

Помимо проф. А. Л. Погодина, семья Малининых дружила с белградскими семьями священников Виталия Тарасьева и Владислава Неклюдова, статского советника Е. Д. Хлюстина[459], художника С. И. Кучинского[460]. Стены квартиры на Добриньской улице украшали работы этого художника: пять пейзажей маслом и несколько рисунков с видами старой Риеки на Адриатике.

Во второй год оккупации Белграда Иван Михайлович был уволен из Русско-сербской гимназии. Об этом сохранились два письма, которые приводим полностью:

Пуномоћни Биро Руске Емиграције у Србији
Vertrauensstelle der Russischen Emigration in Serbien
Бюро Русской Эмиграции в Сербии
С № 162
Београд, Кр. Наталије ул. Бр. 33
11 апреля 1942 г.

Милостивый Государь Иван Михайлович,
Причины Вашего освобождения от должности Директора гимназии изложены в предписании моем Начальнику Учебного Отдела, которое Вам, конечно, известно.
Они заключаются в несходстве наших взглядов на современную постановку учебно-воспитательного дела и прежней Вашей связи с Махиным.

В избежание кривотолков я, согласно выраженного Вами желания, подтверждаю, что связь эта выражалась в переписке в виде поздравлений к наступающим праздникам, которые Вы ему посылали от имени своего, педагогического персонала и учащихся, что доказывает несоответствие наших политических взглядов.

---

459 Хлюстин Евгений Дмитриевич (около 1880 – 1963, Сен-Рафаэль, деп. Вар, Франция). Ефремовский предводитель дворянства, земский начальник, член Тульского губернского присутствия. В Первую мировую войну открыл в Ефремове два лазарета для раненых. Снабжал армию продовольствием и обмундированием. В гражданскую войну в Добровольческой армии участвовал в продовольственном комитете в Одессе, Ростове-на-Дону, Севастополе. В эмиграции, в Королевстве Югославии служил в министерстве финансов.

460 Кучинский Сергей Иванович (1886, Екатеринослав – 1969, Риека, Хорватия). Живописец, график, художник театра. В 1924–1944 гг. преподавал рисование в Русско-сербской гимназии, оформлял спектакли Королевского национального театра и постановки русских театральных трупп в Русском доме им. Николая II в Белграде. С 1947 г. проживал в Риеке, где возглавлял художественную часть местного театра и устраивал персональные выставки.

Какой либо денежной связи или, как это, по Вашим словам, говорят в широкой публике, состояния Вашего «на жаловании» у Махина отнюдь не установлено.

Примите уверение в моем к Вам уважении,

Начальник Бюро

Генерального штаба генерал-майор

[Крейтер, подпись]

Последовал ответ И. М. Малинина [машинописная копия письма, без даты подписи]:

Господину В. В. Крейтеру

Милостивый Государь Владимир Владимирович,

Я получил Ваши приказ и письмо от 11 сего апреля и передаю сегодня же исполнение обязанностей директора старейшему преподавателю гимназии.

Жест внимания, выразившийся в выдаче мне за продолжительную службу пособия в размере двухмесячного содержания, я оценил вполне.

Причины моего освобождения от должности мне известны, хотя для полной ясности я должен сказать, что я не имел до сих пор ни случая, ни повода ознакомиться с Вашими политическими взглядами, равно как и с Вашей точкой зрения на современную постановку учебно-воспитательного дела. Неизвестно мне и Ваше предписание Начальнику Учебного Отдела. Вероятно, из него мне было прочитано Ваше мнение о недопустимости моего дальнейшего пребывания директором гимназии вследствие связи с Махиным.

Я думаю однако, что расхождение существует, в особенности если Вы возводите в ранг политических взглядов и обмен новогодними поздравлениями между лицами, стоявшими во главе русских учреждений. Я же лично расцениваю этот обмен условными любезностями (кстати сказать, вероятно, больше чем десятилетней давности) так же, как и те шаблонные и лишенные реального содержания формулы, которыми мы начинаем и заканчиваем наши письма. Но я допускаю, что всё можно рассматривать под любым углом зрения. В моей же служебной карьере нынешнее мое освобождение от службы не является особенной новостью: в свое время я по той же причине был удален с поста Попечителя Одесского Учебного Округа приказом комиссара украинского правительства Петлюры, затем вычеркнут из списка доцентов Университета в Одессе распоряжением комиссара рабоче-крестьянской власти при Университете, и вот теперь Вами. И всё по одной и той же причине – расхождения политических взглядов.

Касательно второй причины моего освобождения от службы я должен сказать, что еще меньше я осведомлен о Ваших педагогических воззрениях. Ни Вы лично, как и никто другой от Вашего имени не сообщал мне Ваших теоретических взглядов в этой области, сведения же о практическом воплощении их в жизнь в бытность Вашу преподавателем одной из провинциальных сербских школ – в Белграде не доходили. Но и тут я допускаю весьма возможное расхождение, принимая во внимание значительное различие нашей предшествующей деятельности.

О более же глубоком расхождении нашем, лежащем вне области политики и педагогики, я догадался давно по стилю ведения Вами заседания общего собрания преподавателей и родителей, созванного как то зимой.

Примите уверения в моем к Вам уважении.

После увольнения с поста директора гимназии, 15 апреля 1942 г., Иван Михайлович в течение немецкой оккупации Сербии был безработным. В освобожденном Белграде короткое время он состоял управляющим Русской публичной библиотекой, при уже переименованном Русском доме памяти Императора Николая II в Дом советской культуры в Белграде.

В 1945 г. новыми властями И. М. Малинин был назначен преподавателем русского языка на курсах при Министерстве просвещения для преподавателей средних учебных заведений, затем на курсах при Генеральном штабе Югославской армии и в Высшей офицерской школе на Баньице. С марта по ноябрь 1946 г. Иван Михайлович не работал, поправлялся после автомобильной аварии. С декабря 1946 г. по май 1947 г. он состоял руководителем семинара по русскому языку при Высших шестимесячных экономических курсах Хозяйственного Совета, с ноября 1947 г. преподавал русский язык в Центральном доме Югославской армии и в Дипломатической школе.

В феврале 1948 г. Иван Михайлович и Вера Петровна Малинины приняли советское гражданство.

Сохранились удостоверения о том, что в ноябре 1948 г. Иван Михайлович состоял внештатным преподавателем русского языка сотрудникам белградских ежедневных газет *Борба* и *Политика*, в январе 1949 г. – преподавателем в Государственном институте физкультуры, с 25 января – лектором русского языка на Естественно-математическом факультете Белградского университета, а с 30 декабря 1950 г. давал уроки и на курсах при Сербской Академии наук.

Загадочное учреждение, озаглавленное *Институт по историческим вопросам, при Управлении координирования работой научных институтов в Белграде* (в сущности, это был орган югославской госбезопасности – УДБА), своим распоряжением от 25 октября 1950 г. «профессору Малинину, гражда-

нину СССР» дал задание сочинить исторический очерк о русской эмиграции в Югославии, содержащий конкретные замечания по девяти регламентированным пунктам. В переводе с сербского они гласят:

1. Организация и развитие русской академической жизни и научной работы в Югославии, с 1921 по 1944 гг., по этапам. В чем проявляется вклад русских ученых, профессоров и преподавателей в югославскую науку – в общем плане и по отдельным специальностям. Особо отразить работу русских профессоров в университетах Белграда, Загреба, Любляны [и на факультетах] в Скопье и Суботице. Составить список профессоров, с характеристиками их научной деятельности в Югославии и их судьбами. Участие профессуры в общественной и политической жизни;
2. История (в общих чертах) развития различных объединений русских педагогов: Общества русских ученых, Союза педагогов (пражского), Объединения преподавателей (белградского), а также просветительных учреждений: Русского народного университета, Русского научного института, Съезда русских ученых в Белграде 1928 г., и их итоги, в особенности относительно белградских обстоятельств. Самые важные связи белградских русских ученых с подобными русскими и иностранными учреждениями за рубежом;
3. О русских студентах (численность, материальное обеспечение, учение и работа) в югославских высших учебных заведениях. Студенческие объединения, настроения в их рядах, в разные периоды, связи с подобными югославскими объединениями;
4. Представить состояние и работу каждой из русских школ в Югославии (кадетские корпуса, гимназии, начальные школы, детские сады). Педагогическая направленность, школьная программа и достигнутые результаты. Работа русских школ в годы оккупации;
5. Как складывалась общественная жизнь русской эмиграции в Югославии, и как случилось, что преобладали элементы правой и монархической направленности. Подробно об их работе, махинациях и фальсификации общественного мнения;
6. Основные виды деятельности либеральных элементов, сгруппированных вокруг Национального эмигрантского комитета, а позднее – Русского национального объединения. Причины неудачи «Зарубежного» съезда в Париже и несостоявшегося политического объединения эмиграции. Отношение либералов к засилью монархистов в Югославии, до 1941 г. и в годы оккупации;

7. Отношения и настроения массы эмиграции, в первую очередь большинства русской интеллигенции;
8. Переориентация в рядах русской эмиграции в годы оккупации. Возникновение новых условий в связи с формированием Русского корпуса и участие русских культурных деятелей в эти годы, как и в новых учреждениях, возникших в рамках Русского корпуса;
9. Участие русских эмигрантов в Народно-освободительном движении и в Союзе советских патриотов. Как налаживалась жизнь русских эмигрантов после освобождения страны. Основная характеристика их настроений и колебаний, в период до обнародования декрета о возможности получения советского гражданства.

Помимо своей преподавательской работы, Иван Михайлович был вынужден выполнять доверенную ему ответственную, незавидную работу Института. Однако, за десять дней до полученного задания, 15 октября 1950 г., ему, как советскому гражданину на территории Югославии, было отказано в гостеприимстве и была вручена выездная виза на 1-е декабря. В соответствующем отделении Министерства внутренних дел Иван Михайлович предъявил документ о том, что выполняет заказ Института исторических вопросов и ему было продлено проживание до 1-го мая 1951 г.

После воззвания властей, опубликованного в газетах, Малинины 15 декабря явились на регистрацию, как иностранцы, и подобно всем, сдали прошение на постоянное проживание. Институт и председатель Сербской Академии наук ходатайствовали в адрес Президиума правительства о выдаче Малининым постоянной прописки в Белграде.

28 декабря 1950 г. Иван Михайлович был вызван в Отдел Управления внутренних дел и начальник, ведающий высылкой русских, ранее выдававший и продлевавший выездные визы, сообщил ему, что Малининым разрешается дальнейшее проживание и работа в Югославии, что паспорт им будет вручен вместе с пропиской о проживании. В конторе были найдены паспорта Малининых, в них были зачеркнуты выездные визы, поставлена помета «аннулировано», закрепленная печатью.

В начале 1951 г. Иван Михайлович был допрошен органами Отдела государственной безопасности (УДБА). Они особо интересовались, почему Малинин до сих пор не сменил и не намерен сменить гражданство. Следовал ответ: «Подобно тому, как Огнеслав Костович[461], изобретатель цепелина, которого восхваляли в Югославии за то, что до конца своей жизни не при-

461 Костович Огнеслав Степанович (1851–1916), изобретатель. По происхождению серб. В конце 1870-х гг. из Будапешта переселился в Россию. С 1879 г. работал над созданием дирижабля, для которого изобрел фанеру-переклейку высокой прочности («арборит»), сконструировал бензиновый двигатель.

нял российское гражданство, так и русскому подобает оставаться русским». Второй вопрос органов был, на какие средства Малинин живет. «На скромную пенсию, не являющуюся милостыней, а честно заработанную. Высылка из Югославии означала бы отобрать у меня всё, без какой либо моей вины, честно приобретенное право».

Лишь 4 июня 1951 г. Иван Михайлович снова был призван в Участок внешних дел и новый начальник заявил ему, что Малинины либо могут принять югославское гражданство, либо вынуждены покинуть Югославию. После ознакомления с обещанием, которое прежний начальник дал Малининым, новый обещал проверить показания профессора, и через месяц его известить, а пока, Малининым нужно готовиться к отъезду.

После объявления в газетах, И. М. Малинин 15 июля явился в Участок, ожидая получить разрешение на постоянное проживание в Белграде. Оказалось, что для Малининых и для ряда русских таковые еще не были оформлены.

Итог: 10 сентября 1951 г. Иван Михайлович, вместе со своей супругой, был арестован и *экспультирован*[462] в Болгарию.

Там он стал преподавателем русского языка пловдивского Педагогического института, а с октября 1953 г. – штатным преподавателем Кафедры иностранных языков при Высшем медицинском институте в Пловдиве.

Внук Малининых, врач Живко Тешич, будучи студентом, несколько раз приезжал из Белграда, навещал их. Иван Михайлович Малинин скончался 10 марта 1961 г., от артериосклероза. Сохранился текст надгробного слова, произнесенного заведующей кафедрой, Гроздевой. В нем отмечалось:

> Товарищ Малинин написал значительное число монографий: «Спор Платона с софистами в диалогах», «Парменид», «Философские взгляды Чаадаева», «Проблемы эстетики в понимании неокантианцев». В 1934 г. в Белграде отдельной книгой опубликован его труд «Комплекс Эдипа и судьба Михаила Бакунина».
>
> Накопивший большие знания и мудрость, проникнувший в самые удаленные уголки русского языка, товарищ Малинин раздавал их всем, не жалея. Студенты долго будут помнить его занятия, во время которых с упоением слушали его благозвучный русский язык, и мудрые мысли текста оживали согретые его находчивостью, подчеркиваемые его здоровым юмором. Преподаватели, ассистенты и все служащие не забудут его общительности. Для каждого он находил подходящую нежную остроту и веселую улыбку.

462 Именно это слово употребил И. М. Малинин в одной из своих биографий.

А мы, его коллеги Кафедры языков, никогда не забудем его большой начитанности, его ободряющего оптимизма, человечных, исполненных богатого содержания разговоров, бодрых подтруниваний, создававшейся теплой атмосферы, когда мы чувствовали бодрое влияние его высокого интеллекта, его нежного сердца и всей его обаятельной личности.

Вдова, Вера Петровна, скончалась в Пловдиве 16 февраля 1968 г., от воспаления легких.

Дочь Малининых, Наталья Ивановна, окончив сербскую гимназию, записалась на архитектурное отделение Технического факультета в Белграде, но вскоре прервала образование, выйдя замуж за капитана Югославской военной авиации Добросава Тешича (р. 1906 г.). В Нови-Саде, 6 апреля 1934 г., у них родился единственный сын, Живко-Виталий (крещен 13 мая в русском храме Св. Троицы в Белграде).

Семья Тешичей меняла места жительства: Земун, Баня-Лука, Загреб. В чине майора, пилот-истребитель Добросав Тешич, комендант 69-й группы Восьмого бомбометательного отряда, расквартированного в окрестностях Баня-Луки, на второй день немецких бомбардировок Белграда и других городов Сербии, получил задание бомбить немецкие аэропорты у города Печ (Pecs) в Венгрии. 7 апреля 1941 г. в воздушном бою его самолет «Бленхайм» был сбит. Геройски погибли все три летчика экипажа. Д. Тешич был похоронен на кладбище местечка Шиклош (Siklos), на юге Венгрии, десяток километров от югославско-венгерской границы. [Ћировић 1970: 74]. Лишь в 2004 г. ему посмертно был присвоен Орден рыцарского меча 1. ст. [Матовић 2004: 242].

Его вдове и сыну в апреле 1941 г. удалось срочно эвакуироваться из пронацистского Загреба в Белград, в квартиру Малининых. Убитая горем, Наталья Ивановна в 1942 г. окончила четырехмесячные Богословско-миссионерские курсы при русском храме Св. Троицы в Белграде, которые держали протоиереи Георгий Флоровский и Владислав Неклюдов, профессора Сергей Троицкий и Владимир Мошин. В послевоенные годы она была чтецом и пела в хоре на левом клиросе этого храма. Одна, на минимальную пенсию по мужу, Наталья Ивановна жила уединенно и вывела сына в люди. Скончалась в Белграде, 5 октября 1977 г.

Живко Тешич окончил Медицинский факультет, впоследствии стал врачом-невропатологом. Работал в Психиатрической больнице «Лаза Лазаревич» – два года в Губероваце, остальные годы в отделении «Падинска скела», уже начальником отделения. Вышел на пенсию в начале 1999 г., но продолжил работу до окончания бомбардировок Сербии силами НАТО. Скончался от рака, 5 декабря 2012 г.

Библиотека Малининых-Тешич

В уютной двухкомнатной квартире в Белграде, по улице Добриньска, дом 7, во дворе, 3-й этаж, «в двух шагах» от бывшего Русского дома им. Императора Николая II, библиотека Малининых формировалась на протяжении довоенного и послевоенного периода. Она содержит книги на русском, сербском, английском, немецком и французском языках. После высылки Ивана Михайловича и Веры Петровны в Болгарию, библиотека пополнялась книгами, приобретаемыми Натальей Ивановной, а по мере роста и возмужания – и ее сыном, отлично владевшим русским языком.

В собрании, насчитывающем не менее одной тысячи томов, русских книг оказалось около 670-ти. Они нами сгруппированы в следующие разделы и подразделы:

Опубликовано в России до 1917 г. 217
Опубликовано в русском зарубежье 94
Опубликовано в СССР (1922–1980-е гг.):
Археология, религия, этнография, география..... 116
Искусство народов Азии, Африки, Америки, Европы..... 52
Русская и советская художественная литература..... 27
Зарубежная художественная литература..... 39
Литература для детей и юношества..... 25
Медицина..... 53
Словари, учебники, кулинария, туризм и др. 26
Книги на русском яз., опубликованные в Белграде в 1980-е гг. 6

По книгам, приобретаемым в бывших магазинах советской книги в Белграде (40–80-х гг.), можно проследить широту и разнообразие интересов юноши, позднее врача, Живко Тешича. Тут попадаются истории Древнего Востока, Греции и Рима, путешествия Марко Поло, Ливингстона, Миклухо-Маклая, Пржевальского, книги о народах Африки, Океании, неграх и индейцах Америки, аборигенах Австралии, человеческих расах, поисках исчезнувших цивилизаций, индуизме, египетских гробницах, о мифах народов мира, литературе древнего Двуречья, происхождении христианства, о славянских древностях, Тмутараканском камне, о Золотой Орде, осетинский эпос, саги Исландии, «Калевала», «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах».

По годам книжных изданий прослеживаются приобретения в зрелые годы Живко Тешича, как: «История Русской церкви», труды о палеографии, истории философии, 10-титомная «Всемирная история», тома «Всеобщей истории искусств», проза древнего Китая и Японии, труды Гелиодора, Эс-

хила, книги о Руси и норманнах, о скифах, о поисках жизни во Вселенной, книги по искусству.

Из советских изданий художественной литературы, помимо русских классиков, в библиотеке Живко Тешича представлены: А. Н. Толстой, Короленко, Сергеев-Ценский, Ильф и Петров, Новиков-Прибой, В. К. Арсеньев, И. Андроников, С. Есенин, М. Булгаков, а также переводы сочинений Данте, Сервантеса, Гете, Вольтера, Шамизо, Гейне, Дефо, Шелли, Флобера, Золя, По, Мопассана, Ш. Бронте, Франса, Конан-Дойла, Уэллса, Голсуорси, Шоу, Сенкевича, Э. Ремарка, Х. Л. Борхеса.

Для нас бóльший интерес представляют два раздела: дореволюционные издания в России, и издания русского зарубежья, – как по своей тематике, так и по раннему месту хранения некоторых экземпляров. Всего в библиотеке 311 томов этих разделов. На книгах встречаются печати следующих русских библиотек в Королевстве СХС–Югославии:

Русская публичная библиотека в Белграде;

Русско-сербская мужская гимназия, Белград – Библиотека;

Харьковский институт благородных девиц – Белград;

Библиотека благородных девиц Харьковского института;

Харьковский институт, Новый Бечей – Библиотека;

Библиотека Донского кадетского корпуса;

Библиотека I. руско-српске гимназије са интернатом, Вел. Кикинда;

Библиотека I. руско-српске девојачке гимназије, Велика Кикинда;

Первая русско-сербская гимназия;

Библиотека Русск. Реальн. Гимн. «Поновиче»;

В.С.Г. Детский дом и Реальная гимназия в «Поновиче», Лития (Словения);

Државна комисија Краљевине Југославије за руске избеглице – Школски руски савет;

Државна комисија за помоћ рус. избеглицама – Руска основна школа, Краљево;

Библиотека – читальня «Земгора». Представительство в Юго-Славии, Белград;

Всесоюзный Земский Союз – Главный комитет;

Всесоюзный Союз Городов – Представительство в Королевстве С.Х.С.;

Всесоюзный Земский и Городской Союзы – Библиотека и читальня;

Записана в инвентарь Библиотеки «Земгор»;

Союз русских писателей и журналистов – Библиотека – читальня имени А. С. Пушкина;

Институт изучения России и Югославии;

Русское товарищество книжной торговли «Славянская взаимность» в Белграде;

Розничный магазин и библиотека;

Книжный склад «Славянская взаимность», Белград;

Књижара Друштва “Словенска узајамност», Београд;

Словенска књижарница, Београд.

Большинство книг с этими печатями, несомненно, влились в Русскую публичную библиотеку, в 1933 г. переехавшую в отстроенное здание Русского дома в Белграде. Интересно отметить, что в библиотеке Малининых есть книги без печати Русской публичной библиотеки, но на них имеются пятизначные регистрационные номера, благодаря которым с большой достоверностью можно предположить, что они принадлежали фонду этой библиотеки. По устному свидетельству вдовы Живко Тешича, Миры Маринкович, Иван Михайлович «спас» часть библиотечного фонда из Русского дома, подвергнувшегося расхищению и уничтожению, после освобождения Белграда, в октябре 1944 г. Согласно автобиографической заметки, И. М. Малинин сам состоял директором Русской публичной библиотеки. К сожалению, он не упоминает, с какого месяца конца 1944 или в 1945 г., и какой период.

По нашим подсчетам, на квартире Малининых оказалось 14 книг с печатью Русской публичной библиотеки, и примерно 125 книг с регистрационными номерами, которые могли быть номерами этой библиотеки. Среди этих книг 86 томов «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (СПб, 1890–1907), пять томов «Всемирной географии» (СПб, 1903–1919), шесть томов «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (СПб, б.г.), четыре тома «Толкового словаря» Владимира Даля (СПб, 1903–1911), отдельные тома Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского, «История философии» В. Виндельбандта (СПб, 1898), «Отечественная война 1812–1912. Юбилейное издание» (СПб, 1912), Полный русско-английский словарь (СПб, 1910), Собрание сочинений Ч. Диккенса, «Вымершие животные», ТТ. 1–2 Е. Ланкастера (СПб, 1900, 1914), «Толкование сновидений» З. Фрейда (Москва, 1913), «Очерк истории психоанализа» З. Фрейда (Одесса, 1919), «История христианской православной церкви» Петра Смирнова (Берлин, 1926), «Путешествия Г. Потанина по Монголии, Тибету и Китаю» (СПб, б.г.), два тома «Народоведения» Ф. Ратцеля (СПб, 1902), «Открытие Америки с кратким очерком древней Америки и испанского завоевания» Дж. Фиске (Москва, 1892), «Австралия и полярные страны» (Москва, 1912), «Курс географии Европы» (Москва, 1910), Гумилев. «Шатер. Стихи» (Ревель, 1921), Г. Вернадский. «Опыт истории Евразии» (Берлин, 1934), «Сербский эпос» (Москва–Ленин-

град, 1933), Б. Алмазов. «Роланд» (Москва, 1901), Клод Анэ. «Мейерлинг. Роман» (Рига, б.г.).

В библиотеке Малининых обнаружено более 50-ти томов с печатями библиотек Русско-сербской мужской гимназии в Белграде, Харьковского девичьего института в Нови-Бечее, Первой русско-сербской гимназии в Великой Кикинде, Донского кадетского корпуса в Билече–Горажде и Русской реальной гимназии в Поновиче (Словения). Это преимущественно учебники истории, географии и художественная литература для юношества. Очевидно, что после поочередного закрытия русских учебных заведений в 30-е гг. в Югославии, их библиотеки отправлялись в другие русские школы, или поступали в Русскую публичную библиотеку в Белграде.

Свидетельства о судьбе Русской публичной библиотеки в Белграде

Итак, после войны малую часть книжного фонда из Русского дома в Белграде спас Иван Михайлович Малинин. Не на одной его белградской квартире сохранялись книги с печатью Русской публичной библиотеки. Например, десяток книг обнаружено в личной библиотеке лингвиста Ирины Георгиевны Грицкат (1922–2009), академика Сербской академии наук и искусств.

В заключение, познакомимся с высказываниями ряда современников о судьбе этой уникальной библиотеки в Белграде.

В первый год оккупации ее директором всё еще состоял генерал-майор Вячеслав Викторович Хомицкий, по свидетельству Вл. А. Маевского, «самоотверженной работой которого она была обязана своим расцветом» [Маевский 1966: 54]. В 1941 г. в библиотеку поступил книжный фонд Библиотеки Земгора, усилился прилив книг от частных лиц – главным образом тех, которые покидали страну. К концу войны библиотека насчитывала более 130 тыс. томов, не считая дубликатов. Хорошо была представлена периодическая печать русского зарубежья.

Однако, 27 июля 1941 г. театральный режиссер Ю. Л. Ракитин в своем дневнике записал:

> Купил сегодня впервые бюллетень русский, издающийся еженедельно. Жутко было читать о сожжении во дворе Русского дома целого ряда книг […] Сожгли и книги Мережковского «Иисус Неизвестный». Зачем из Сухотина[463] делать страдальца времен Савонаролы – сжигать его учебник? [Ракитин 1941: 79].

463 Лев Михайлович Сухотин (1879–1948), преподаватель истории, директор Русско-сербской женской гимназии в Белграде (1929–1941), автор гимназических учебников по истории (для русских и югославских школ).

А 8 августа Ракитин отметил: «Они [русские] хотели еще сжечь и «Воскресение» Толстого, но немцы не дали» [Ракитин 1941: 91]. Все военные годы книги выдавались читателям и библиотека пополняла свои фонды. Незадолго до прихода Красной армии в Белград, Русской публичной библиотекой заведовал полковник Илларион Викторович Федотьев.

Сотрудник библиотеки Д. А. Асеев писал:

> После занятия Белграда сербскими войсками (партизанами) в октябре 1944 г., библиотека некоторое время выдавала книги; но это продолжалось недолго. Вскоре она была объявлена собственностью СССР и выдавать из нее книги читателям запретили; персонал разогнали. Фактически, библиотека сделалась военной добычей: двери ее не запирались, у входа лишь стоял югославский партизан с винтовкой, который не пропускал туда штатских; но советские военные входили совершенно свободно, входили толпами. И офицеры, и солдаты брали книги «для чтения» и, конечно, их не возвращали. […] Однако, вскоре начальство спохватилось и, опасаясь отравления советских войск эмигрантским идеологическим ядом, наглухо закрыло двери библиотеки. [Асеев 1952].

В 1946 г. библиотека была открыта для жителей Белграда, но мало кто из эмигрантов ее посещал, ее избегали. Советские библиотекари «для чтения выделили лишь несколько тысяч книг – исключительно советских изданий, преимущественно пропагандистского характера, и немного иностранных классиков в дореволюционных изданиях. Остальные книги лежали под замком и ждали комиссию из Москвы». [Асеев 1952].

В 1947 г. часть книг была отправлена в Москву, часть поступила в *Библиотеку Общества по культурному сотрудничеству Сербии с СССР* (в 1949 г. она была ликвидирована и ее книжный фонд поступил в Библиотеку Сербской академии наук).

После т.н. «Резолюции Информбюро» – разрыва дружеских отношений между Югославией и СССР, русские эмигранты прекратили посещать *Дом советской культуры* и его библиотеку.

Судьбе Русской публичной библиотеки в Белграде посвятил свое исследование московский историк Ю. А. Писарев. В 1991 г. он писал:

> Сейчас трудно установить, кто первый отдал геростратово распоряжение об уничтожении «белоэмигрантского хлама». Газеты и журналы эмигрантов были сожжены в котельной Дома советской культуры, часть из них сдана как утильсырье в 1946–1947 гг. Книжный фонд […]

> не был отправлен в Москву. […] Библиотека была оставлена на произвол судьбы, о ней никто не заботился. […] Краткая и относительная «оттепель» [при Хрущеве] сменилась длительными «заморозками» и безвременьем Брежнева. Наметился поворот к неосталинизму. В этой ситуации и произошло уничтожение эмигрантской библиотеки в Белграде. Весьма примечательно, что наибольший ущерб библиотека понесла при чрезвычайном и полномочном после СССР в Югославии Н. П. Фирюбине (1955–1956). Советские инстанции игнорировали сигналы писателей и ученых о катастрофическом положении эмигрантского книгохранилища. Так, Союз писателей СССР и Министерство культуры СССР оставили без внимания прошение К. М. Симонова [из 1966 г.] о переиздании книг И. А. Бунина и об охране белградской библиотеки. В 60-е гг. закончилось ничем ходатайство двух советских ученых – профессора МГУ В. Г. Карасева и доцента МГУ В. П. Гудкова – перед послом СССР в СФРЮ А. А. Епишевым (1961–1962) о спасении библиотеки, в 70-е гг. тот же результат ожидал автора этих строк, дважды ставившего этот вопрос перед послом В. И. Степаковым (1972–1978). Только в 1975 г. библиотеку, когда от нее уже почти ничего не осталось, посетила представитель Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, заместитель заведующего Отделом комплектования Н. П. Горская. Она была поставлена в исключительно трудные условия работы в грязном подвале. Ей всё же удалось спасти часть книг. [Писарев 1991: 157–159].

Сегодня стоит обнародовать еще один факт о расхищении книг. В 70-е гг. мы имели возможность услышать откровенное свидетельство одного из тогдашних сотрудников Дома советской культуры в Белграде. Сотни томов бывшей Русской публичной библиотеки он вывозил себе в Москву, неоднократно выкрадывая ключ книгохранилища, отправляясь со свечой в погреб этого Дома. Одну книгу с печатью Русской публичной библиотеки в Белграде, под шифром 31812, он мне подарил. Это труд Юрия Васильевича Арсеньева «Геральдика», опубликованный в Москве в 1908 г. – экземпляр с дарственным посвящением автора своему племяннику.

В заключении отметим: в этом, 2013 г., из библиотеки Малининых 86 томов «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» подарены Библиотеке Матицы сербской в Нови-Саде. Бóльшая часть книг, опубликованных в русском зарубежье, сохранившихся по улице Добриньска, дом 7, отправлены в *Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына* в Москву.

Литература

Асеев 1952 – *Асеев Д. А.* Гибель русских книгохранилищ: Русская публичная библиотека в Белграде. // *Новое русское слово* (Нью-Йорк). 1952 – 20 августа.

Маевский 1966 – *Маевский Вл. А.* Русские в Югославии 1920–1945: Взаимоотношения России и Сербии. Том 2. Нью-Йорк: Издание Исторического кружка.

Матовић 2004 – *Матовић И.* Верни отаџбини и позиву: Активне старешине Југословенске војске на антифашистичким фронтовима. Београд: Новинско-издавачки центар "Војска».

Молчанов 1986 – *Молчанов В.* Живая летопись. // Первая русско-сербская гимназия: Памятка. Белград 1920–1944. Нью-Йорк, Вашингтон, Сан-Франциско, Каракас, Буэнос-Айрес: Объединение бывших учеников Первой русско-сербской гимназии в Белграде.

Писарев 1991 – *Писарев Ю. А.* Российская эмиграция в Югославии. // *Новая и новейшая история* (Москва). 1991, № 1.

Погодин 1925 – *Погодин А.* Руска школа у Краљевини СХС. // *Мисао* (Београд), књ. 25, св. 1–2.

Ракитин 1941 – *Ракитин Ю. Л.* Дневник. Тетрадь № 7 (рукопись). – Позоришни музеј Војводине. Нови Сад. Фонд Јурија Ракитина.

Ћировић 1970 – *Ћировић Д.* Ваздухопловне жртве 1913–1945. Земун: Издавач – аутор.

Первая публикация:
Русское зарубежье и славянский мир. Сборник трудов участников конференции (Белград, 10–11 июня 2013 г.) / Составитель Петр Буняк. Белград : Славистическое общество Сербии, 2013. С. 206–223.

Поэт Евгений Кискевич

Перед внимательным читателем стихи поэта приподнимут темную завесу, прикрывающую его личность и думы, однако скрытым останется жизненный путь русского беженца-эмигранта. Очень мало уцелело пестрых камушков, чтобы восстановить мозаику – жизнь этого поэта и чудака. Поэтому нам остается показать лишь то, что о нем сохранилось в документах и в памяти современников, – схематично, хронологически разложить «камушки». И да не осудит нас читатель за кажущуюся их незначительность. Всё это собиралось на протяжении нескольких десятков лет, просеивать и отбрасывать было жалко...

Евгений Михайлович Кискевич родился в 1888 году (в некоторых источниках указан 1891 г.[464]). Окончил гимназию в Смоленске. По всей вероятности, получил неполное юридическое образование. Служил чиновником в провинциальном департаменте. С юношеских лет писал стихи. В Добровольческой армии состоял агентом отдела пропаганды. Временно судьба забрасывала его в Царицын, в Ростов-на-Дону. В феврале 1920 г. Кискевич выехал из Новороссийска в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Первые месяцы находился в «русской колонии» в городке Сурдулица на юге Сербии («по железной дороге Ниш–Вранье ехать до станции Владичин-Хан, а до Сурдулицы добираться на телеге»). Там Кискевич избирается членом комитета по ежемесячному размену рублей на динары – своеобразному виду государственной помощи прибывшим из России беженцам. Русские постепенно покидают это глухое место, но продолжают переписываться с Евгением Михайловичем, обращаются к нему с просьбами. Несколько таких писем сохранилось и в 1926 г. попало в Русский заграничный исторический архив в Прагу[465]. Они наглядно иллюстрируют быть и заботы беженцев.

В письме от 9 ноября 1920 г. полковник Николай Павлович Стасенко из Земуна (пригород Белграда) пишет Кискевичу в Сурдулицу:

> Ваша симпатия платит 150 динар за комнату. Она хорошо зарабатывает, шьет [...] Часы Ваши я скоро починю, вероятно привезу их сам, ибо там будет одно дело[466].

---

464 *Остоја Ђурић*. Руска литерарна Србија 1920–1941: Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац – Београд, 1990. С. 70, 291; *Алексеев А. Д.* Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к библиографии. СПб, 1993. С. 85.

465 Письма ныне хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве в фонде Р-7355.

466 Все цитаты приводятся с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей оригиналов.

С начала апреля 1921 г. Кискевич уже постоянно проживает в Белграде, один. В своем письме от июля 1921 г. полковник Стасенко в шуточном тоне отмечает:

> Вы пишете, что столуетесь у попадьи, великолепно! Это на Вас похоже. Теперь развращаете духовенство. Воображаю, что сталось с попадьей.

Екатерина Семенова, знакомая Кискевича по Сурдулице, проживавшая в городке Турски-Бечей, в своем письме от апреля 1921 г. просит его содействовать в посмертной публикации в Белграде «Борюшкиных записок» – воспоминаний своего первого мужа. Во втором, недатированном письме она выражает огорчение, что Кискевич хворает, находится в больнице и даже собирается в санаторию.

Корреспондент из Сурдулицы Алексей Семенович Булатов убедительно просит Кискевича продать в Белграде медвежий мех («мех представляет собой соединение спин двух сибирских бурых медведей и является, говоря объективно, очень пышным и ценным. Длина его 2 метра с лишним, ширина 1 метр, длина шерсти от 8 до 10 сантиметров. Весь мех на черном плюше»).

Белградский художник Василий Резников просит Кискевича написать для сербских газет заметку об его персональной выставке картин.

В ноябре 1924 г. выдающийся белградский профессор-математик Николай Николаевич Салтыков, ссылаясь на сотрудничество Кискевича в берлинской газете *Дни* и посещение поэтом библиотеки эсеровской организации *Земгор*, в своих двух письмах просит Евгения Михайловича написать заметку в газете о выходе из печати своего учебника «Аналитическая геометрия» и содействовать распространению *Земгором* экземпляров этой книги.

В 1921 г. Кискевич – студент Белградского университета (нам не удалось установить, какого факультета). Курса он не окончил и поступил чиновником на службу в Управление государственными монополиями («Управа Државних Монопола»), на место, обеспечивавшее вечному холостяку прожиточный минимум вплоть до немецкой оккупации Белграда (с апреля 1941 г.).

Тяготеющий к русской культуре, Евгений Михайлович в Белграде вращается в среде русских литераторов и артистов. Он становится одним из инициаторов «Книжного кружка молодых русских поэтов, прозаиков и друзей литературы», возникшего 6 декабря 1926 г. На регулярных «литературных средах», устраиваемых этим кружком, преимущественно читались стихи. В январе 1927 г. был утвержден Устав общества и избрано правление: Е. М. Кискевич, А. А. Штром и Н. Шагаев. Членов Книжного кружка было более двадцати. Чаще всех свои стихи по средам читали Е. М. Кискевич, Е. Л.

Таубер, Ю. Л. Сопоцько, Г. Г. Сахновский, А. А. Костюков, В. А. Эккерсдорф, И. И. Побегайло, Е. А. Елачич, Л. И. Машковский. В 1928 г. Кискевич принял в кружок 17-летного гимназиста Кирилла Федоровича Тарановского, годом ранее опубликовавшего сборник своих переводов русской лирики на сербский язык.

В начале 1950-х гг. поэтесса Екатерина Таубер в своем «самиздате» – «Перекличка» (послания друзьям) – вспоминала Кискевича, увлекавшегося В. Брюсовым:

> Не нахожу лучшего слова, которое характеризовало бы поэта и человека. Достоинство. Оно выражалось во всем: и в черном, до последней застегнутой пуговицы поношенного пальто, и в подаче руки, и в толковом чтении стихов, которых он по- старинному именовал «пиесами»[467].

В августе 1927 г. «Книжный кружок», проведя уже около 70-ти встреч – «литературных сред», выпустил сборник «Зодчий». В нем были представлены десять белградских поэтов подборками от двух до одинадцати стихотворений. Евг. Кискевич – десятью, написанными в 1924–1927 гг.[468] Он же был автором неподписанного вступления к сборнику («От редакционной коллегии»), своеобразного манифеста поэтов, Текст гласит:

> Выступающие здесь перед русским обществом молодые поэты объединились на страницах «ЗОДЧЕГО» не случайно.
>
> Их сближает, как пребывание в одной литературной группе, так и более – общие взгляды на искусство, в особенности – на поэзию русскую.
>
> Взгляды эти отправной точкой имеют признание исключительного значения искусства в русской жизни и истории. Учитывая катастрофичность многих сдвигов минувшего двадцатилетия и стремясь к художественному претворению своего времени, участники «ЗОДЧЕГО» убеждены, что задача эта выполнима лишь при условии продолжения русской культурной традиции.
>
> Период разрушения кончается. Жизненному обновлению и красоте послужит свободное искусство, очистившееся как от эксцессов формализма, так и крайностей эстетизма, и освобожденное от услужения «тенденции».

467 Цит. по: *О.Ђурић.* Указ. соч. С. 73.

468 Сизиф, Поцелуй, Звездный город, Моление о чуде, Утверждение, «Кто полюбил на миг...», Летний дождь, Молчание, «Любовь, где двое победителя...», Новый день.

Творчество – долг прежде всего перед самим собою.

Миссия искусства – в невольном и самодовлеющем раскрытии ценностей непереходящих... Грядущее искусство ответит на героический ритм эпохи и будет мужественным.

Художество может быть полезно лишь тогда, когда не стремится ни к какой наивно-эмпирической пользе.

С этой верою вступает в жизнь «ЗОДЧИЙ».

Октябрь 1927 года, в Белграде.

В ежедневной берлинской газете *Руль* В. Сирин (В. В. Набоков) писал об этом сборнике, отмечая достоинства и промахи у каждого из поэтов:

Среди стихов Евг. Кискевича есть одно очень занятное, безвкусное, но не лишенное какой-то грубой оригинальности. Действие происходит в церкви:

Угрюмый блондин у колонн прислонил ослабевшие плечи...

Оглушительная строка! Кроме того, принужден отметить, что первое стихотворение Кискевича начинается так: «Работай, работай, работай». (взято целиком у Блока), а последнее так: «Я говорю о нежности, о славе» (тоже вроде Блока)[469].

В. В. Набоков не упоминает патриотическое стихотворение Кискевича «Кто полюбил на миг, тот разлюбить не может...», – так стройно вписавшееся в сонетную форму.

Лирическое стихотворение «Летний дождь», посвящено «г-же Л.М.И.» – Лидии Михайловне Ираклиди, урожд. Соловьевой (1893, Кишинев-1995, Апатин, Сербия), образованной даме, оказывавшей материальную поддержку нуждающимся литераторам, включая и Игоря-Северянина. На одном из поэтических сборников поэтов «белградского круга», попавшем в Национальную библиотеку Сербии, нами обнаружено посвящение Е. М. Кискевича: «Милой Лидии Михайловне Ираклиди, неизменному другу русской зарубежной поэзии. Евг. Кискевич. 14–X–1936 г. Б[елград]».

В своих преклонных годах, проживая в окрестностях Дубровника, Лидия Михайловна нам писала:

469 *Руль* (Берлин). 1927. – 23 ноября.

> С Кискевичем я довольно часто встречалась, говорили о том, о сем, о поэзии. Как-то, во время большого ужина, он опрокинул на скатерть стакан красного вина[470].

21 июля 1928 г. белградский литературный кружок был переименован в «Кружок поэтов им. М. Ю. Лермонтова». Ежедневная русская газета М. А. Суворина *Новое время*, продолжавшая свое существование в Белграде на протяжении 1921–1930 гг., извещала о проведении «литературных сред». Приведем сведения из газетных заметок, касающихся участия Евг. Кискевича (помимо заметок о его регулярных чтениях собственных стихов):

27-го августа 1928 г., на 99-м собрании, Кискевич прочитал свое новое произведение «Крушение» [не сохранилось – А.А.]; 6-го сентября, на годичном собрании, объединение русских поэтов постановило именовать себя «Союз поэтов – Книжный кружок в Белграде»; на своем 103-м собрании, проведенном 12 сентября, кружок окончательно стал именоваться «Союзом поэтов» и на нем была избрана делегация на Первый съезд русских писателей и журналистов за рубежом (состоялся в Белграде, 25–30 сентября 1928 г.): Е. Л. Таубер, Е. М. Кискевич, Г. Г. Сахновский и А. А. Штром. На этом съезде Кискевич принял участие в обсуждении доклада «К характеристике современной печати – большие газеты». В ноябре 1928 г. на очередной «среде», посвященной 125-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева, с речами выступили А. А. Бурнакин, Е. М. Кискевич и Г. Г. Сахновский (председатель кружка-союза в 1928–1929 гг.).

С весны 1929 г. председателем Союза поэтов избирается Е. М. Кискевич. 12 июня он читает свой доклад «О русской культуре». На 140-ом собрании, состоявшемся 19 июня, П. Ф. Евграфов прочел этюд, в котором был выведен персонаж из пьесы А. Н. Урванцева «Вера Мирцева». В обмене мнениями участвовали А. А. Бурнакин и Е. М. Кискевич.

В 1929 г. поэтесса Екатерина Леонидовна Таубер (1903–1987), окончившая в те годы французское отделение Философского факультета Белградского университета, участник «Книжного кружка» и друг Евг. Кискевича, – на пишущей машинке с сербским кириллическим шрифтом перепечатала с рукописи стихотворения поэта и нитками прошила-переплела листы сборника: «Евг. Кискевич. Собрание стихов, 1923–1928 гг. Семиглавый сборник» (58 стр., 45 стихотворений), вероятный тираж: 5–6 экз.

Авторский текст «Вместо предисловия» гласит:

> Художественное творчество – долг перед собою, до конца выполняемый лишь в процессе служения людям.

470 Письмо Л. Ираклиди А. Арсеньеву от 13 октября 1987 г.

Но одичавшее русское общество не нуждается в поэзии. Его духовные интересы удовлетворяются ненужным безумием политической склоки.

Историки литературы, заменяющие отсутствующих критиков, твердят о «потоке стихов», кризисе прозы и пытаются всучить социальный заказ.

Огромная русская эмиграция, поблескивая крупными именами, сама лишена величия. Ее командные посты заняты далеко не лучшими, а хозяйственно-культурные очаги зависят от введенных этими деятелями в заблуждение иностранных правительств.

Литераторы с громкими именами сидят без издателя, или печатаются, точно «молодые», на свой риск. Ибо издателям не к чему платить авторские, раз можно бессудно перепечатывать покойных классиков и выпускать бульварные романы. Это очень нужно лицам, знающим 35 букв алфавита: надобно, чтобы их не трогали, чтобы волновали в них лишь примитивные ощущения, и льстили! Свой спрос на легкое чтение эти грамотеи оправдывают отсутствием в современности... Пушкина!

Хотя Пушкина в последний раз они читали в пятом классе!

Не может быть универсальной поэзии. Ржаной хлеб и тот едят не все. Я хотел бы написать для всех, кто ест ржаной хлеб. Но искусство всегда будет для некоторых, в конечном счете для избранных из немногих.

«Мы будем читать хороших писателей», говорит общество.

Я стану писать для хорошего читателя.

Но – начинающему литератору не приличествует объясняться... Преступив это, доскажу повестью об одном балканском премьере.

Парламентарии укорили его, что он не поступает подобно Гладстону.

Какие вы для меня англичане, таков я вам Гладстон – ответил тот.

Последним в этом сборнике помещено стихотворение «Эпитафия себе»:

[...] Здесь погребен редактор «Зодчего»,
При жизни звавшийся: «Евгений».
[...] Молись над ранним прахом Скифа!
Но вместо кондаков зачитанных
Твори: «Молчанье» и «Сизифа»...

Очевидно, этим своим стихотворениям поэт в те годы продавал особое значение.

1929 год в литературной биографии Кискевича значителен и фактом публикации перевода его стихотворения на сербский язык. В известном ежемесячном литературно-общественном журнале *Мисао* (*Мысль*) было опубликовано его стихотворение «Утверждение», (из сборника «Зодчий»), в переводе на сербский озаглавленное «Моя вера»[471]. Переводчик Трифун Джукич (1889–1966), поэт и литературоведь, подписан инициалами «Т.Дж.». Публикации содействовала Е. Л. Таубер, сотрудница журнала. Стихотворению Кискевича в публикации предшествовал перевод стихотворения «Тени» К. Бальмонта.

В мартовской тетради того же журнала за 1932 г. опубликован короткий рассказ Кискевича, написанный на сербском языке, «Гаврило»[472], повествующий о двух эпизодах из жизни поэта – встречах с техником-строителем Ельцовым, другом Кискевича по смоленской гимназии. Первая состоялась в Медвеженской слободе Ставропольской губернии (там Кискевич «на отдыхе от уймы бумаг своего департамента, наслаждается наблюдением за подлинным материальным трудом крестьян»), вторая – в эмигрантские годы, на стройке жилых домов в Белграде.

В том же году в журнале *Мысль* было опубликовано еще одно стихотворение Кискевича – восьмистишье «Я знаю, что на родину приду...», в переводе Т. Джукича[473], вместе со стихотворениями Екатериной Таубер и Игнатом Побегайло, русских поэтов белградского круга. Публикации предпослана короткая заметка редактора журнала:

> Господин Евгений Кискевич прибыл из России в 1920 г. Служит чиновником в Управлении монополиями. С юных лет занимается поэзией и публикуется в разных русских изданиях. Помимо стихов пишет и рассказы (один из них – «Гаврило» опубликовал наш журнал в одной из своих предыдущих тетрадей). Все эти [русские – А.А.] поэты занимаются и переводами югославских поэтов на русский язык[474].

Нам известна лишь одна такая публикация Евг.Кискевича – переводы сонетов Милоша Видаковича[475] «Скадар» и «Плач Маргиты» (из цикла «Царские сонеты», посм. изд.: Сараево, 1918)[476]. Маловероятно, что Кискевич

471 *Мисао* (Београд). 1929. Кн. XXX, св. 1–2. – мај–јуни. С. 75.

472 Там же. 1932. Кн. XXXVIII, св. 289–296. – март. С. 271–275.

473 Там же. 1932. Кн. XXXIX, св. 297–304. –јули–август. С. 357.

474 Там же, С. 453.

475 Милош Видакович (1891–1915) – поэт, литературный критик и переводчик (Метерлинка, Бергсона, Франса, Доде, Прево и др.), член кружка сербских патриотов «Молодая Босния», готовивших покушение на наследника Австро-венгерского престола. После Сараевского атентата бежал в Сербию, устроился преподавателем гимназии в г.Велес, где вскоре скончался от болезни легких.

476 *Россия и славянство* (Париж). 1929. № 19. – 6 апреля.

был знаком с литературно-критическими статьями сербского поэта, жизнь которого прервалась уже на 24-м году. Однако, если сравнить текст «манифеста» из сборника «Зодчий» со статьями М. Видаковича (сербского переводчика «Синей птицы» М. Метерлинка), обнаруживаются схожие позиции на «задачи» искусства[477]. Сам цикл «Царские сонеты», возникший в годы освободительных войн на Балканах, проникнутый искренним патриотическим, свободолюбивым чувством к величественному (идеализированному) средневековому сербскому прошлому и поданный в тщательно отделанной поэтической форме, – не мог не привлечь Кискевича, вопреки тому, что рано скончавшийся в провинции поэт был уже всеми забыт.

В начале 30-х годов белградский «Союз поэтов» переживал кризис, преимущественно из-за различных политических позиций его членов, вызывавших трения и личные обиды. Это привело к его размежеванию «Союза» на группы единомышленников и к окончательному его распаду.

Кискевич примкнул к кружку «Литературная среда», который в октябре 1934 г. основал в Белграде Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904–1969) вскоре после своего возвращения из Парижа, где он защитил докторскую диссертацию и уже приобрел имя русского поэта. Вместе с Кискевичем в этот кружок вступили Е. Таубер и К. Тарановский, бывшие члены «Союза поэтов».

Членами нового кружка состояли молодые поэты Владимир Гальской, Лидия Девель (после 1944 г. – псевд.: Лидия Алексеева), Алексей Дураков, Александр Неймирок, Михаил Погодин, Игорь Гребенщиков, Нина Гриневич, Ростислав Плетнев, Борис Смагин, прозаик Михаил Иванников, из старших – поэт и журналист Юрий Офросимов (Г. Росимов), театральный режиссер Юрий Ракитин, проф. Евгений Аничков, писатель Василий Шульгин, драматург и актер Всеволод Хомицкий, поэтесса София Топор-Рабчинская и др.

В этом кружке, объединявшем людей разного возраста и политических позиций, встречи протекали в снисходительной и демократической обстановке. И. Н. Голенищев-Кутузов, имевший опыт общения с парижскими поэтами и литератоами, стремился к тому, чтобы в белградском кружке царил дух свободы, именовал членов «свободными гражданами». Однако возможности избежать политических разногласий не было; преимущественно они касались различных позиций членов по отношению к вопросу возвращения на родину.

477 Видакович подчеркивал принцип свободы художественного творчества и отмечал безусловное право художника писать, как ему подсказывают сердце и совесть. «Искусству стремятся навязать какую-то педагогическую тенденцию. В этом вся ошибка. Искусство не воспитывает. Не его задача сделать мир лучшим» (*Видаковић Милош*. Сабрана дела. Сарајево, 1971, С. 13–14); Кискевич: «Жизненному обновлению и красоте послужит свободное искусство, [...] освобожденное от услужения *тенденции*. Творчество – долг прежде всего перед самим собой».

Основная литературно-историческая заслуга этого кружка в том, что, благодаря организаторским и редакторским способностям И. Н. Голенищева-Кутузова, уже в 1935 г. вышел в свет их первы (и единственный) поэтический сборник – «Литературная среда»[478], в котором представлено творчество одинадцати поэтов, среди которых Евгений Кискевич (4 стихотворения)[479]. Русскому зарубежью это издание дало возможность познакомиться с поэтическими достижениями «Русского Белграда». Помимо И. Н. Голенищева-Кутузова, позднее приобрели известность Е. Таубер, Л. Алексеева, А. Неймирок, В. Гальской, А. Дураков).

Экземпляр сборника «Литературная среда» И. Н. Голенищев-Кутузов отправил в Париж своему другу Владиславу Ходасевичу, который ответил ему письмом от 25 марта 1936 г.:

> «Лит. Среду» (лучше бы – множественное число) получил, спасибо. Не очень скоро, но напишу о ней сам, чтобы Мандельштам[480] не вздумал свирепствовать. Я постараюсь быть снисходительнее, хотя сборник не кажется мне удачным. [...] У Кискевича очень хороши два заключительных стиха о Тютчеве[481] – и все тут. «Эфемерида» – эфемерида[482].

Следующий этап в литературной и культурно-общественной жизни Е. М. Кискевича – членство в *Союзе русских писателей и журналистов в Югославии* (основан 1 октября 1925 г.), организации, в которую он вступил не позднее 1935 г. На одном из регулярно проводимых «Интимных собраний» Союза, 18 марта 1935 г., Кискевич читал свои стихи.[483]

В 1938 г. в парижских *Современных записках*, вслед за стихотворением Вяч. Иванова, было опубликовано стихотворение Кискевича «Городской пезаж». Приводим текст полностью, поскольку позднее он подвергался правке:

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ[484]

Давно уже не видно мне ни ветки
Из моего замгленного окна;

478 Литературная среда. [Выпуск] I. Белград, 1935, 46+2 стр. (2-е изд.: 1936).

479 Осень, Отлив, К портрету, Эфемериды.

480 Юрий Владимирович Мандельштам (1908–1943) – поэт, литературный критик, переводчик.

481 Имеется в виду стихотворение «К портрету».

482 *Ходасевич В. Ф.* Шесть писем к И. Н. Голенищеву-Кутузову (1932–1936) // *Русская литература* (СПб). 1996. № 2. С.144.

483 На страже России. 1925–1935: Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии. Белград, 1935. С. 31.

484 *Современные записки* (Париж). 1938. Кн. LXVII, С. 154–155.

Перед прокуренной чердачной клеткой
Растет – цветет кирпичная стена.
Да крыши скат с дымящею трубою
(За ней луна живет по временам),
В зените тучи дыбятся гурьбою,
В надире – двор булыжный. По утрам
Над крытым черепицей косогором
Сквозит заря и слышен гам грачей:
Там глупым и животворящим хором
Они поют уют нагих ветвей.
Внизу шумят. Внизу пекут оладьи.
Внизу грачи спешат к делам своим.
И лунный ком над крыш волнистой гладью
Мрачнея, исчезает точно дым.

Основным событием творческой биографии Кискевича является выход в свет сборника его стихотворений «Стихи о погоде. Пиесы 1930–1940 гг.». Белград, 1940, 46 стр. На это издание появилось две рецензии – А. Никольского[485] и Е. Таубер.

Приводим полностью текст А. Никольского.:

Автор принадлежит к числу т.н. «молодых», т.е. современных русских поэтов нового времени и его стихи естественно носят отпечаток сей эпохи не только в содержании, но и в стихосложении и даже в употреблении слов, непринятых в прежних литературных писаниях, как напр., последнее слово во втором куплете стихотворения «Пахарь».

В сборнике он представил на суд публики 34 стихотворения за 10 л. период времени. Книжка его стихов изящно издана и снабжена интересными, хотя и не всегда понятными, рисунками худ. Э. Степанчича.

Данное автором заглавие сборнику: «Стихи о погоде» не соответствует его содержанию, что и сам подтверждает словами И. А. Бунина в эпиграфе: «Что-ж всё погоду описывать!». Погода, как известно, дама капризная. Описывать ее не легко, а в наше время немодно. «Нам надо другого», как говорит г. Кискевич в своем стихотворении: «О хорошей погоде», единственном на эту тему. Но и в этом стихотворении собственно о погоде ничего не говорится и смысл его не ясен. Как не ясны для нас и некоторые другие его выражения и фразы, напр. В

485 Александр Александрович Никольский (1868–1942, Белград) – журналист, публицист., член Союза русских писателей и журналистов в Югославии, сотрудник белградских газет *Новое время*, *Русский голос* и др.

стих. «Дифирамб»: «вслед тебе цвели снега зеленой муравою» (Sic!); в стих. «Хорал»: «Укрывайтесь светоносной тьмою, расточайте бранныя сердца» и др.

Таких не ясных для нас, «сынов другого поколения», выражений в сборнике г. Кискевича немного, остальные его стихотворения, хотя и с задержками на некоторых местах, читаются легко. Лучшими из них, с точки зрения «старого поколения», я считаю «Элегию», «Nature morte» и последнее на стр. 46, без заглавия[486]. [«И в этот мир приходят новоселы...» – А.А.].

Е. Таубер в своей рецензии (на сербском языке) отмечает:

[...] На первых порах название приводит в недоумение: почему именно «Стихи о погоде»? Ведь лишь тогда, когда людям не о чем говорить между собой, возникает спасательная тема о хорошей и плохой погоде. Разгадка дана в прекрасных стихах «Элегии»:

Я полюбил беседы о погоде,
О родственниках, жалованье, снах.
Ни резким взлетам, ни большой невзгоде
Нет места в наших дружеских речах.

Нам кажется, будто бы поэт мечтает «о счастьи быть, как все». Однако, это только кажется так. С жестокой иронией он говорит:

[Мы] просто отмыкаем всякий ларчик:
Шкаф несгораемый, и спальню, и киот,

И предлагает нам

[...] слух оглушенный направить
На сшитые ближним по мерке
Стихи о хорошей погоде.

Пошлость, поглощающая всё, нивелирующая всё, страх перед ней и сознание, что лишь она нужна людям, – является основной темой этих стихотворений: стать нищим, погрузиться в безличные ряды маленьких людей.

486 *Русский голос*. Национальная, общественная и военная еженедельная газета (Белград). 1940. – 15 сентября.

Печален путь поэта. И сама Муза иногда просит его:

Хочу тебя отговорить
За мной в высокий луг ходить.

Он сознается: «Ведь, я полюбил несвободу», свою «золотую тюрьму», примирился со своей комнаткой, где

Угол желтеньких стен. На латунном болте
Галстук, воротничек, пожилой, но крахмальный,
Полинялый флажок, дань скупая мечте,
Да обрывок фаты (котильонной, венчальной?)

А у притолки слон, сувенирчик соседки,
Одинокая книга, записка на самом краю,
И пучок иммортелей, слишком яркой расцветки.
О, прикрытая бедность, тебя ль благодарно пою?

Однако, предать свое «я» он не в силах. И снова, вдохновленным дифирамбом, звучат его стихи к Музе:

Одну тебя я не предал,
О, муза вешних лет...[487]

В 1987 г., с Лазурного берега Франции, из Мужена, Екатерина Леонидовна писала нам:

Стихов Кискевича, которые я когда-то переписала на сербской машинке, у меня вообще нет. Но «Стихи о погоде» есть с надписью. Их выход мы праздновали у Лидии Ираклиди с Игорем-Северяниным. Я ей непременно напишу. Спасибо за адрес. Это она дала деньги на издание – благородная женщина! Иначе бы стихи Кискевича никогда не увидели света...[488]

В преклонном возрасте, за пять недель до кончины, Екатерина Леонидовна ошиблась: Северянин в 1940 г. уже не приезжал в Югославию (впервые приехал в Белград 21 октября 1930 г., пробыв в Югославии до конца февраля

487 *Српски књижевни гласник* (Београд). 1940. Кн. LXI, св. 5. – септембар–децембар. С. 393–394.
488 Письмо Екатерины Таубер А. Арсеньеву от 30 сентября 1987 г.

1931 г.), а у Лидии Михайловны Ираклиди в 1930 г. все они вчетвером могли отмечать выпуск первого, машинописного сборника Кискевича.

В военные годы Кискевич подарил экземпляр своего сборника «Стихи о погоде» сербскому литератору и журналисту Милораду Павловичу (1865–1957), с дарственной надписью: «Дорогому Милораду Фомичу Павловичу от автора. Апрель 1943 г. Б[елград][489]. Этот экземпляр попал в фонды Национальной библиотеки Сербии. В нем, на стр. 44, черными чернилами поэт вписал свое стихотворение «Малодушие» 1942 г., вероятно последнее, сохранившееся.

Мы не можем быть уверены в том, отлучался ли Кискевич из Белграда, путешествовал ли в 1920–1930-е гг. за границу. Трудно доверять Нине Николаевне Берберовой, которая писала нам:

> Хорошо помню Кискевича, который приезжал в Париж. Боже мой, каким он был... Маленький, худенький, на веки чем-то испуганный. Говорил тихо, всего боялся[490].

Поэтесса Лидия Алексеева в своем письме так прокомментировала высказывание Н. Н. Берберовой:

> Кискевич ей показался маленьким, потому что у него был большой горб, и на груди и на спине, но вообще запуганным он не был, только, конечно, горб его не веселил[491].

Военные 1941-1945 гг. в оккупированном немцами Белграде для русской эмиграции были полны моральных и материальных испытаний. Разразившаяся в Сербии гражданская война, диверсии и скверное отношение партизан-коммунистов к русским «белогвардейцам», увольнение русских с государственной службы, – многих принуждали покинуть свои насиженные места и бежать в Белград, где при «Русском доме им. Императора Николая II» существовала какая-такая защита, действовала русская столовая. Белград был изолирован от хлебородных районов и жители столицы жили впроголодь.

Лишившись государственной службы, Евгений Михайлович жил на средства от продажи чего-то – знавшие его люди не дают однозначных ответов.

---

489 В своем письме к нам от 13 октября 1987 г. Л. М. Ираклиди поясняет: «Милорад Павлович был маленький толстый профессор; посещал всегда «Земгор» – центр левой эмиграции, которую субсидировал Король Александр, так как хотел знать, что происходит в С.С.С.Р. Это было одноэтажное здание на Милоша Великого улице, виз-а-ви Американского посольства. И большой сад за ним. А фактов никаких не помню. Земгор возглавлял Федор Евдокимович Махин – правая рука Тито, во всех комбинациях».

490 Письмо Нины Берберовой А. Арсеньеву от 21 декабря 1987 г.

491 Письмо Лидии Алексеевой А. Арсеньеву от 15 марта 1988 г.

Л. Алексеева припоминала:

Он бывал изредка и у нас в доме [в семье полковника Алексея Викторовича Девель – А.А.] – занимался продажей чего-то, чуть ли не галстуков, уже в военное время. Чем-то надо было поэту подрабатывать[492].

У русского поэта белградского круга Владимира Львовича Гальского (1908–1961) есть стихотворение, вероятно сочиненное им в военные годы:

ЕВГЕНИЮ КИСКЕВИЧУ[493]

Он с хозяином был странно сходен:
Холоден, нескладен и высок.
Для обычной жизни непригоден.
Невеселый этот чердачек!

Виршей свежевыпущенных стопки,
Бюст, покорно ставший в уголок.
В тщательно заклееной коробке
Порыжелый венский котелок.

Бедность здесь была уже не гостья,
Прочно полюбивши этот дом,
Чопорный, весь черный, с вечной тростью,
Он доволен был своим жильем.

По дрожащим деревянным сходням
Вечерами брел на свой чердак,
Труд нелепый, кончив на сегодня,
Литератор, критик и чудак.

Чтобы здесь в глухом уединеньи,
Он, горбатый мистик и поэт,
Претворил неясные виденья
В тщательно отточеный сонет.

492 Там же.
493 *Гальской Владимир*. Путь усталости. Вологда, 1992, С. 94–95.

Белградский прозаик Михаил Дмитриевич Иванников (1904–1968) главному герою своего рассказа «Правила игры», чиновнику Радкевичу, придал черты чиновника Евгения Кискевича[494]:

> И всю жизнь, [...] и в дни одинокой завистливой юности, и потом в зрелые, без единого дня радости, годы, всю жизнь, всюду – в России, в беженских переездах и плаваниях, и теперь здесь, за границей – тяготело над Радкевичем это никогда не иссякаемое проклятие всеобщего, где бы он ни появлялся, глумливого к нему недоброжелательства, [...] издеваться над ним. [...] Едва он – загодя надменно леденея – выходил из ворот общежития, за ним тотчас же увязывались поджидавшие его где-нибудь за углом бродячие мальчишки: его горб, трость, его соломенное, по плечи ему «здравствуй-прощай», вальяжная плавность походки – всё это просто завораживало их. [...] Мансардная одиночка, которую он осторожно приручал к себе, оказалась ужасно привередливой и неуживчивой. [...] И не лучше – глядя на комнатушку – вела себя и лестница: длинная, крутая, с обратной по возвращении со службы одышкой, она постоянно оступалась ступеньками, и электрические кнопки под яростно требовательным перстом иногда озаряли ее светом, иногда же – чаще – не озаряли, а, кроме того, в воздухе и на площадках шерстяными бесами летали, порскали, шипели коты – жирные, оскаленные, со стеклянными глазами, может быть, даже бешеные... И Радкевич выпускал клычки и со страшком и наслаждением хлестал их тростью, и, чего греха таить, и сам немного попорскивал, подшипывал[495].

А вот каким странный жилец на мансарде запомнился пяти-шестилетнему илетнему мальчику. Житель Голландии, Иоанн Николаевич Качаки, доктор медицинских наук на пенсии, вспоминает:

> Я его помню как невзрачного, застенчивого человека, всегда в черном пальто с шляпой. Был ли он горбатым или нет – не уверен, но почему-то мы, немилосердные дети, его дразнили: «Горбун, горбун...». Он всегда старался незаметно войти в длинный коридор дома и пробежать к лифту, который вез его на мансарду (6-й этаж, считая по-русски)., где он снимал крошечную кухоньку у русской семьи, чью фамилию я забыл.

494 Литературовед Александр Алексеевич Данилевский (Тарту) в облике главного героя «Правил игры» нашел схожесть с тремя знакомыми писателя: Константином Болеславичем Родзевичем (Прага, Париж), Евгением Михайловичем Кискевичем (Белград) и Алексеем Михайловичем Ремизовым (Париж).

495 *Иванников Михаил*. Правила игры. Рассказ // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1956. № 44. С. 5–7.

После сентября 1944 г., когда наш дом почти опустел (большинство жителей 25-ти квартир дома, владельцем которого был профессор Александр Белич, были русские беженцы), и хозяева его квартиры эвакуировались в «немецкой эвакуации» в Германию, – он почему-то остался.

По взятии Белграда красными, Кискевич исчез. Белич сдал ту квартиру одной моей дальней родственнице, но кухня оказалась запечатанной сургучными печатями ОЗНЫ[496]. Некоторое время спустя, родственнице удалось получить разрешение новых властей (через хозяина дома и его делопроизводителя, русского адвоката Владимира Чернышевского, который тоже почему-то не убежал), открыть кухню и вселиться в нее, так как «Кискевич больше не вернется». Я присутствовал этому и помню эту комнатку (т.е. бывшую кухню). Она была вероятно 3,5 м на 2,5 м. В ней была маленькая кровать, столик с книгами и полка над ним, тоже завалена книгами и бумагами, которые были все разбросаны по полу и кровати, вешалка на стене, с какой-то одеждой, и открытый шкафчик. То, что меня поразило, был бюст Гитлера и «Mein Kampf» на столе!

Что со всем этим произошло затем, не знаю, т.к. меня сразу выпихнули оттуда и отправили домой. Я вообще не соображал, кем был этот «горбун» и куда он делся. В конце 1944 – начале 1945 г. наш жилой дом, опустевший на 80 %, наполнился новыми жильцами и никто о Кискевиче не говорил, а большинство и не знало ничего о нем.

Только когда я, почти полвека спустя, начал работать над библиографией русских беженцев[497], я смутно вспомнил, что фамилия «Кискевич» мне откуда-то известна и начал соображать, что он был тем самым «горбуном». Это подтвердилось, когда я в Историческом архиве Белграда увидел регистрационную карточку Кискевича с его именем, отчеством и адресом: Франкопанова, № 30[498]. [...]

Кискевич всё-таки не мог быть таким идиотом, чтобы при приходе красных сохранить бюст Гитлера и его книгу! Может быть, они и не принадлежали ему, а хозяевам опустевшей квартиры, и он их забрал себе? Но беречь их он никак не мог. Предполагаю, что их Кискевичу кто-то подбросил и доложил ОЗНЕ о нем. Кто? [...] Самый вероят-

496 ОЗНА (Одељење заштите народа) – первобытное название Управления государственной безопасности (УДБА) социалистического периода Югославии.

497 *Качаки Јован*. Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији: Библиографија радова 1920–1944. Покушај реконструкције. Друго, допуњено и прерађено издање. Београд, 2003.

498 В период социалистической Югославии улица была переименована в ул. Генерала Жданова; ныне – ул. Ресавска.

ный кандидат: Федор Лепехин, первый сосед квартиры, в которой жил Кискевич. У Лепехина с супругой были большой книжный магазин с издательством и библиотека («Книжный мир», Франкопанова, 32), в доме возле нашего. Дедушка и бабушка мне говорили, что Лепехин был эсером. Всё время германской оккупации его никто не трогал, магазин и библиотека работали; и во время красной оккупации магазин работал, до 1949 г. Его даже не отняли во время национализации 1947 г. Но, в 1949 г. Лепехина арестовали, судили за шпионаж в пользу СССР. Он отсидел несколько лет и его с супругой выслали из Югославии. За что ему было пакостить Кискевичу? Вероятно, из-за политики. Бог знает, у них может были какие-то счеты, еще с времен Гражданской войны. [...] Кискевич не был аполитичным и вполне возможно, что между ним и четой Лепехиных владела ненависть и вражда.

Мне хотелось снова просмотреть регистрационную карточку Кискевича – в целях узнать фамилию его хозяев. Также, хотелось взглянуть и на карточку четы Лепехиных. Ни одной из них в Историческом архиве Белграда не оказалось! Я знаю, что карточка Кискевича там была – она была у меня в руках, несколько лет тому назад. Возможно, ее сунули по ошибке куда-то?[499]

После ознакомления со стихотворением поэта Гальского, И. Н. Качаки продолжил свои воспоминания детства:

Как мне не помнить эти мансардные ступеньки?! Я почти каждый день проходил ими, до 1971 г. – до своего отъезда в Голландию. «Деревянные» – это licentia poetica Гальского. Они были каменными. Лифт шел до 5-го этажа, а оттуда каменные ступеньки вели на мансарду. Наверху, на мансарде, был в самом деле деревянный пол, это была большая передняя (6 на 6 м), куда выходило пять дверей: одни в квартирку сербки (госпожи Мишич, которая внизу, в нашем доме держала приемный магазин для химической чистки одежды, и ее никто не трогал), другие две – в квартиру хозяев Кискевича. Первая из них вела в его комнатку (кухоньку с черно-белым полом из керамических плиток, расположенных в форме ромбов, из которой еще одна дверь вела в остальную часть квартиры хозяев), третья – в «парадный» вход квартиры хозяев Кискевича, четвертая – в квартиру пресловутой четы Лепехиных, и пятая – на огромный чердак для сушки белья всего жилого дома.

499 Письмо И. Качаки А. Арсеньеву от 25 сентября 2005 г.

> Помню, после депортации четы Лепехиных, на этом чердаке долго валялась куча их книг, выброшенных из их квартиры ново-поселившимися жильцами [...]
>
> Бюст – вот это интересно! Неужели это тот самый?! Тогда ему его никто не подсунул! Но, всё-таки, все кандидаты, упомянутые мною, остаются таинственными личностями[500].

А что сталось с поэтом Кискевичем?

Комментаторы издания собрания стихотворений Владимира Гальского пишут:

> Его [Кискевича – А.А.] жизнь окончилась трагично. После освобождения Белграда в октябре 1944 г. поэта арестовало советское НКВД, заподозрив в сотрудничестве с немцами, а потом передало в руки югославских органов. По высказыванию многих современников и свидетелей тех дней, поэт был расстрелян по недоразумению[501].

Поэтесса Л. Алексеева, в опубликованном фрагменте своих воспоминаний о Белграде, писала:

> Был в Союзе [русских писателей и журналистов в Югославии – А.А.] и Евгений Михайлович Кискевич, горбатый поэт, всей душой преданный литературе. Держался он немного торжественно, очень был увлечен союзными делами, и во время выборов нового правления переживал их, как важнейшее событие. Он не выехал из Белграда, когда пришли советские войска, и был расстрелян за то, что держал себя открыто враждебно к новой власти, геройски не тая своих чувств[502].

Позднее, после 5-ти лет, она писала:

> О причине гибели Кискевича мне говорили, что он пострадал, потому что печатался в русской газете, которая издавалась на немецкие деньги. Я уверена, что писал он там вещи вполне невинные, – трудно литератору устоять от возможности где-то печататься, но время было жестокое и никто не стал разбираться[503].

---

500 Письмо И. Качаки А. Арсеньеву от 26 сентября 2005 г.

501 *Гальской Владимир*. Путь усталости. С. 94.

502 *Алексеева Лидия*. Из воспоминаний о Белграде // Русский альманах. [Составители-издатели] Зинаида Шаховская, Ренэ Герра и Евгений Терновский. Париж, 1981. С. 368.

503 Письмо Л. Алексеевой А. Арсеньеву от 3 ноября 1987 г.

Известный славист Кирилл Федорович Тарановский (1911–1993), знакомый Кискевича по «Кружку поэтов», из США писал О. Джуричу в Белград:

> Я встречался с Кискевичем в дни оккупации. Он занимался перепродажей подметок для обуви. Пересказывал новости передаваемые по лондонскому радио и был на стороне союзников. Ничего прогитлеровского у него не было. Я встретил его на улице перед самим освобождением, у «Лондона» [ресторана – А.А.]. Он был совершенно спокоен, не намеревался бежать, так как не сотрудничал с оккупантами[504].

Кискевича вместе с группой русских «солидаристов» арестовали органы СМЕРШа 2-го Украинского фронта Красной армии. Вскоре «советы» выдали его югославским органам безопасности и он попал в лагерь Баньица на окраине Белграда, в котором были заключены видные сербы, коллаборационисты или лояльно относящиеся к оккупантам.

Л. М. Ираклиди нам писала:

> Кискевич взывал ко мне во время ареста, молил о спасении, но ведь и мы с мужем недавно выбрались из *затвора* [тюрьмы – А.А.] Гестапо! Я никогда не могла понять, почему его арестовали и расстреляли. Очень была удручена[505].

В 1980-е гг. д-р Остоя Джурич в белградских архивах пытался разыскать списки расстреляных узников «Баньицы». Официально ему был дан ответ, что в этих списках имени Кискевича нет. Однако, проф. К. Ф. Тарановский сообщил О. Джуричу факт, известный ему от И. Н. Голенищев-Кутузова: весной 1945 г. над дверями одной из лагерных камер «Баницы» была обнаружена нацарапанная на сербском языке запись:

> По видимому, нас ведут на расстрел – Кискевич[506].

Неведомыми путями в Национальную библиотеку Сербии в Белграде попало несколько книг из комнатки на мансарде. На них экслибрис в виде печати – текст в прямоугольной рамке:

---

504 Письма К. Тарановского О. Джуричу от 14 февраля 1984 г. и от 27 января 1988 г. (Цит. по: *Ђурић О.* Указ. соч. С. 74.

505 Письмо Л. Ираклиди А. Арсеньеву от 13 октября 1987 г.

506 Устное сообщение О. Джурича А. Арсеньеву 22 сентября 2006 г. См. также: *О.Ђурић.* Указ. соч. С. 74.

Архивъ Е.М. Кискевича, Бѣлградъ № .....

С этим экслибрисом нами в библиотеке обнаружены следующие книги (скромные по оформлению и объему):

№ 37: *Вадимов Евг.* К единому (Пять стихотворений). Белград, 1929. На обложке посвящение: «Евгению Михайловичу Кискевичу вместе с искренним поэтическим приветом посылаемым серьезному коллеге. Автор. Белград, 1928, 12 авг.»

№ 52: Альманах Русская эмиграция 1920–1931. Выпуск II-ой. Белград, 1931.

№ 67: *Тавва*. Зеркала вездесущности. (Стихи). Белград, (б.г.).

№ 77: *Поляков Павел*. Поэмы. Прага, 1939.
На странице Оглавления рукой Кискевича, карандашом:

Сей гул разнообразный...
Молитва, смех и вой
России несуразной,
Но, всё-таки, родной.

14. XII 939 г.

№ 78: *Кочаровский К. Р.* Россия на очереди: Письма к новой интеллигенции.
I. Закономерность современной фантастики. II. «Научный апокалипсис» и зарубежники. III. Что такое прогресс. Белград, 1940.

Первая посмертная публикация стихотворений Е. М. Кискевича состоялась в Загребе, в 1987 г.; в тематическом выпуске журнала мировой литературы «Литературный смотр» («Književna smotra») литературовед, славист д-р Ирэна Лукшич на русском языке подборку стихотворений шести русских поэтов «белградского круга», включив стихотворения Кискевича «Молчание» и «Поцелуй»[507].

507 *Književna smotra*. Časopis za svjetsku književnost (Zagr). 1987, br. 65–66 (Ruska književnost u dijaspori). S. 73–74.

О русских литераторах в Сербии между двумя мировыми войнами – поэзии, прозе, публицистике, кружках и изданиях – писал белградский литературовед д-р Остоя Джурич[508]. Им подготовлена и «Антология поэзии русского Белграда», в которой стихотворения опубликованы в оригинале и в его переводе[509]. Кискевич представлен там девятью стихотворениями[510].

В России опубликовано стихотворение «Элегия» («Я полюбил беседы о погоде...»)[511].

Еще один поэт «белградского круга» возвращается на родину – стихами[512].

Сегодня у нас есть основание развеять пессимизм поэта:

Я знаю, что на родину приду
Не в добрый час. В ночной дороге
Сполохи будут полыхать на льду.
Сухой мороз скует мне ноги,
И будет всё озарено кругом
Свечением белесоватым.
Так возвращусь я в оскуделый дом
К неизменяющим пенатам.

Своей нелегкой жизнью и трагедическим концом Евгений Кискевич окупил себе «прописку» в России.

Первая публикация:
Евгений Кискевич. Ноктюрн душе. Стихотворения. Москва : Водолей Publishers, 2008. С.93–118.

508 *Ђурић Остоја*. Руска литерарна Србија 1920–1941: Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац – Београд, 1990.

509 Антологија поезије руског Београда. Српско-руско издање. Избор, превод, предговор и белешке о песницима: Остоја Ђурић. Београд, 2002.

510 Поле за Белградом, Эпитафия себе, «Кто полюбил на миг тот разлюбить не может...», Летний дождь, К портрету, Nature morte, Восьмистишье («Я знаю, что на родину приду...»), Письмовник, Звездный город.

511 *Арсеньев Алексей*. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. Москва, 1999, С. 166 (глава «Быт и досуг русских на чужбине»).

512 *Гальской Владимир*. Путь усталости. Вологда, 1992; *Поляков Павел*. Господь казаков воскресит! Сборник избранных стихов. Ростов-на-Дону, 2001; *Голенищев-Кутузов Илья*. Благодарю, за всё благодарю. Собрание стихотворений. Пиза – Томск – Москва, 2004; *Дураков Алексей*. Один из солнечных лучей. Собрание стихотворений. Москва, 2005; *Эйснер Алексей*. Человек начинается с горя. Стихотворения разных лет. Москва, 2005; *Алексеева Лидия*. Горькое счастье. Собрание сочинений. Москва, 2007.

25-летие Общекадетского объединения в Белграде (1983–2008)

Вдали от Родины своей,
Мечтой о ней согреты,
Сомкнемся крепче и дружней
Плечом к плечу, кадеты.

Полк. П. В. Барышев.

В передовице первого выпуска *Кадетской переклички*, периодического журнала Объединения кадет[513] российских зарубежных кадетских корпусов, отмечалось:

> Став кадетами, мы стали членами самой элитной и многочисленной семьи в русской эмиграции. История зарубежных корпусов составит достойную и интереснейшую славу в «Золотой книге» русской эмиграции[514].

После Второй мировой войны объединения выпускников кадетских корпусов (российских и на чужбине) существовали в Брюсселе и Париже, а затем были созданы в «Ди-Пи» лагерях Германии, в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелосе, Чикаго, Вашингтоне, на Флориде, в Торонто, Буэнос-Айресе, Сан-Паулу, Каракасе, Сантьяго, Мельбурне...

Это была пора, когда кадеты, пережив новые скитанья, осознавали свою общую судьбу, задумывались над вопросами своего существования. Они продолжали писать стихи, но и открыто высказывать свои мысли. Приведем два примера:

Кадетам Императорских и зарубежных кадетских корпусов[515]

Мы царским созданы указом,
Орел двуглавый нас вскормил,
А белый вождь своим приказом
Нас на чужбине сохранил.

---

513 Форма слова, использовавшаяся в среде русской эмиграции.

514 *Кадетская перекличка* (Нью-Йорк). 1971. № 1.

515 *Наши вести* (Нью-Йорк) 1967. № 250.

Но шли года, семья редела,
В один свелись все корпуса,
А четверть века пролетела –
И разбросала нас судьба.

И вот, рассеявшись по свету
И рассекая жизни муть,
Стремимся мы, кадет-кадету,
Скорее руку протянуть.

У всех у нас виски седые,
Кой у кого уж впала грудь,
Но, вспоминая дни былые,
Мы не даем себя согнуть.

Неважно, что в объединенья
Не всех могли мы записать,
А важно чистым быть в стремленьи
И чувство локтя твердо знать.

Ведь мы – Российские кадеты,
Сыны двуглавого орла
И, хоть и в штатское одеты,
В строю кадетском навсегда.

Константин Бертье де ла Гард

Среди нас уже почти не осталось людей, покинувших Россию в сознательном возрасте. Даже старейшие хранят о ней лишь детские воспоминания. Но любовь к России мы восприняли от отцов наших, может быть даже получили ее в числе прочих наследственных качеств. Вся наша молодость проходила под знаком России, мы восприняли ее как страну ни с чем для нас несравнимую. Мы впитали в себя богатейшую русскую культуру, по сравнению с которой всё, что нам дает Запад, кажется бедным и незначительным[516].

С годами, с приобретением жизненного опыта и мудрости, их обуревают думы:

Русская эмиграция в 20-е и 30-е годы отнюдь не жила организационными структурами и политическими программами. [...] Самым

516 *Бодиско Владимир*. Cogito, ergo sum. – *Кадетская перекличка*. 1986. № 40.

характерным для русской эмиграции тех времен, – ее специфический *русский быт*. Это было единственное сокровище, которое русская эмиграция могла с собой вывести из России. [...] Алексей Хомяков утверждает, что славянское слово «свобода» происходит от словосочетания «свой быт». Таким образом, только лишь имея возможность жить *своим бытом*, а не чужим, навязанным ему бытом, человек может считаться в полном смысле слова свободным. [...]

Все русские в эмиграции были как бы *дальними родственниками* между собой. Я, например, приблизительно до моего 8-летннего возраста даже предполагал, что все русские офицеры – знакомые моих родителей – были какими-то моими отдаленными родственниками. [...]

Задача или миссия русской эмиграции имела политический характер, в самом высоком понимании этого слова. Она свидетельствовала перед всем миром, авторитетно и верно, что отнюдь не весь русский народ согласился с коммунистической диктатурой. [...] Во вторую очередь, миссия эмиграции имела глубокий символически-духовный характер. В частности, эмиграция сохраняла полностью в течение 70 лет не только само *имя России*, которое было нагло упразднено «интернациональной пролетарской властью», но и *русскую государственную символику*. Буквально во всем мире продолжали повсеместно подыматься русские государственные флаги. [...] В третьих, русская белая эмиграция имела своей задачей сохранять в русском зарубежье те элементы великой русской культуры, которые в России оказались под запретом и даже были полностью изъяты. Русская эмиграция издала десятки тысячь книг, брошюр, журналов и газет на русском языке. [...] Однако, самым важным и значительным вкладом русской эмиграции в сохранение и спасение подлинных учреждений русского народа была Русская Православная Церковь Заграницей. [...] Главной силой этой свободной части РПЦ был ее поистине соборный строй, впервые возрожденный в таком размахе после первых веков Христианства[517].

Кадеты, выехавшие из Югославии в 40–50-е годы, встречались, устраивали съезды, издавали свои бюллетени, материально помогали друг другу. Долгое время они не поддерживали связь с однокашниками, оставшимися в Югославии.

После Общекадетского съезда, состоявшегося в 1980 году в Париже, группа кадет приехала в Белград и посетила Белую Церковь – городок Баната, в котором до сентября 1944 года размещался Первый русский Вел. Кн.

517 *Андрушкевич И. Н.* Вся жизнь в эмиграции. – *Кадетская перекличка*. 2006. № 77.

Константина Константиновича кадетский корпус. Вместе с группой кадет, проживавших в Белграде и Белой Церкви, они стали обсуждать вопрос приведения в порядок русского участка на местном кладбище. Там возникла идея о сооружении памятника-склепа похороненных на этом кладбище преподавателей и учащихся кадетского корпуса и Мариинского донского девичьего института.

И так, стечением обстоятельств, Белградское объединение кадет было создано последним, очень поздно, когда большинство выпускников, оставшихся в стране (сменившей после войны государственный строй[518]), уже скончалось.

Наша цель, представить, пускай скромную, деятельность этого объединения, единственного на славянских просторах, на которых в межвоенные годы и в течении Второй мировой войны существовали кадетские корпуса.

Вывезенные на чужбину, три русских кадетских корпуса, обосновавшиеся в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (на территориях нынешних стран Словении, Боснии и Герцеговины, Сербии)[519], с начала 20-х годов выпускали из своих стен кадет, оканчивавших семи- и восьми-летнее обучение. С 1923 года завелась традиция: несколько кадет ежегодно уезжали в Бельгию и в университете Лувена продолжали учиться, на стипендии, предоставленные благотворительным фондом кардинала Мерсье. Эта группа кадет уже в 1925 году образовала объединение воспитанников Русского кадетского корпуса в Королевстве СХС. Оно послужило примером создания подобных объединений кадет в университетских городах – Белграде (в 1926 г.) и Загребе (в 1929 г.). В уставах объединений указывались их цели:

> Поддержание среди бывших и настоящих кадет тех основ воспитания, кои закладываются в корпусе: неугасимой любви к Родине, уважения к родной истории и веры в возрождение России. Поддержание среди своих членов духа истинного христианства, нравственности и духовной чистоты[520].

518 Демократска Федеративна Југославија, Федеративна Народна Република Југославија, Социјалистичка Федеративна Република Југославија, Савезна Република Југославија, Србија и Црна Гора, Република Србија.

519 Крымский кадетский корпус – Стрнище (1920–1922), Белая Церковь (1920–1929); Донской Императора Александа III кадетский корпус – Билеча (1921–1926), Горажде (1926–1933); Первый русский Вел. Кн. Константина Константиновича кадетский корпус – Сараево (1920–1929), Белая Церковь (1929–1944).

520 «Княже-Константиновцы» – Первый русский Вел. Кн. Константина Константиновича кадетский корпус. Шестая кадетская памятка, юбилейная (1920–1940). Белая Церковь, 1940.

Кадет 24-го выпуска Первого русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса, Дмитрий Михайлович Николаев-Волков, подробно описал положение дел в Белграде:

> Белградское объединение просуществовало до августа–сентября 1944 года и находилось в здании на углу улиц Мишарска и Йована Ристича. [...] Тут же находилась и столовая бывшего эконома корпуса Петра Петровича Шеншина, чьими помещениями и, зачастую, обедами пользовались члены Объединения.
>
> Конец Второй мировой войны внес коренные перемены в жизнь страны. В новой «второй Югославии» исчезли и кадетские корпуса и объединения, но остались их воспитанники, разных выпусков. Немногочисленная часть кадет, бывших офицеров Королевской армии вернулась из германского плена. Никому из оставшихся и вернувшихся не пришла мысль объединиться. Но, в Белграде остался последний законоучитель корпуса, архимандрит Антоний (Барташевич, впоследствии архиепископ Женевский и Западноевропейский). По его почину в декабре 1945 года собралось несколько человек: братья [Георгий и Петр] Бержье, братья [Петр и Павел] Дубельштейны, Петр Устенко, Дмитрий Николаев, Владимир Хвощинский и по предложению батюшки, 6 декабря в Св. Троицкой церкви в 5 часов по полудни, при закрытых дверях и с разрешения протоиерея о. Иоанна Сокаля, настоятеля храма, были отслужены панихида и молебен по случаю корпусного праздника. Этот день отмечался в церкви и в последующие годы, вплоть до отъезда батюшки Антония из Белграда. Такое положение продолжалось вплоть до 1982 года. Хотя в Белграде и тогдашней Югославии тут и там проживали бывшие кадеты, никто не взялся основать объединение, опять таки, по известным причинам.
>
> В 1982 году, летом, [...] произошла неожиданная встреча между приехавшим из Бельгии, последним председателем объединения Женей Ивановым и Димой Николаевым. Встречу организовал кадет 26. выпуска Николай Вахтин. Разговорились, ознакомились с положением дел и Евгений Иванов, сообщив, что в Бельгии их осталось всего шесть человек, предложил, ввиду значительно изменившегося положения в Югославии, попробовать основать объединение, как продолжателя бельгийского. Идея эта постепенно начала осуществляться. Помощь в собирании адресов, в особенности кадет старших выпусков, оказал тогдашний настоятель нашей церкви, о. Василий Тарасьев, пользуясь сведениями от прихожан.

Началось всё с того, что под видом устройства и постройки склепа-памятника на кадетском участке кладбища в Белой Церкви, собрались в трапезной храма, а позднее собирались на квартире Николая Александровича Азарьева, бывшего подполковника Королевской югославской армии и сына нашего воспитателя, полковника Александра Николаевича Азарьева. Идея постройки склепа-памятника возникла из-за боязни уничтожения существующих могил кадет и персонала Крымского и Первого русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетских корпусов.

На первом и последующих собраниях присутствовали: Владимир Базилевич, Григорий Самойлов, Алексей Постников, Леонид Бородкин, Владимир Соболевский и Дмитрий Николаев. Кроме вопроса о склепе, поднят был вопрос об основании, вернее – сборе кадет и попытке объединиться, что и произошло в 1983 году, в начале июня.

Первым председателем был избран Алексей Иванович Постников, заместителем председателя Леонид Иванович Бородкин, секретарем Владимир Тимофеевич Соболевский. Казначея не было, так как средств никаких не было.

Проект склепа-памятника был создан архитектором Григорием Ивановичем Самойловым; второй проект, гораздо более скромный, подготовил инженер-строитель Владимир Соболевский. Присутствующие на собрании определились за проект Самойлова. Наши мероприятия по вопросу сохранения останков похороненных в Белой Церкви были согласованы с желанием, в то время уже давно существовавшего объединения в США (в Нью-Йорке). Оба проекта были представлены нами на IX съезде кадет в Нью-Йорке. От нашего объединения поехали В. Соболевский и Д. Николаев. Ввиду дороговизны постройки склепа-памятника по проекту Самойлова, Ньюйоркское объединение, которое финансировало постройку, определилось за проект В. Соболевского, с припиской инженера Александра Константиновича Карпова (Нью-Йорк).

Памятник был воздвигнут в 1986 году, трудами В. Соболевского[521]. В связи с этой постройкой, в нашем объединении произошли нелады. Из Правления вышел В. Соболевский. На его место, в декабре 1984 года, секретарем был назначен Д. Николаев. Пришлось снова собирать адреса и оповещать членов объединения, как о случившемся, так и о предстоящих встречах.

521 На беломраморном обелиске высечена надпись: «В вечную память умерших, учивших, учившихся и служащих русских учебных заведений в Югославии. 1920–1944».

В новых условиях и при значительной помощи о. Василия Тарасьева, члены объединения регулярно собирались в знаменательные дни, как то: корпусные праздники трех зарубежных корпусов, соединив праздники Донского и Константиновского в один день [...]. Так что, они отмечаются 6 декабря – в день перенесения мощей Св. Благоверного Князя Александра Невского. Далее, общество собирается регулярно на Масленицу и Св. Пасху (в первое воскресенье после праздника), в день Св. Константина и Св. Елены – на праздник Крымского и храмовой праздник Константиновского корпусов. Отмечается он, если не точно в это число, то в ближайшую субботу, поездкой, в нанятом автобусе, в Белую Церковь – для посещения кадетского участка кладбища, возложения венка и цветов у склепа-памятника всем учившим и учащимся и для совершения панихиды. С нами регулярно ездил митрофорный протоиерей о. Василий. После панихиды мы обязательно посещали русскую церковь в Белой Церкви, перешедшую после войны в руки сербского прихода Вршацкой епархии. В этой церкви хранится иконостас Мариинского донского девичьего института, ротные иконы последнего корпуса и складни Сибирского кадетского корпуса. [...].

В 1990 году казначеем объединения был избран Сергей Иванович Марченко, до него эту должность исполняла Ирина Славковна Бородкина, а с 1994 года им стала Вера Мирковна Обрадович, когда заместителем председателя Правления был избран Виктор Никитич Сальников. [...]

Необходимо отметить, что в 1991 году, 8 декабря, в нашем храме Патриарх Сербский Павел освятил Русский флаг объединения, для водружения его возле могилы генерала П. Н. Врангеля. При освящении присутствовали члены правления Общества блюстителей освободительных войн Сербии 1912–1918 годов, со своим Сербским флагом. [...] Два года спустя, в 1993 году, в декабре, был сооружен Андреевский флаг и освящен о. Василием, для хранения и его у могилы генерала Врангеля. Оба флага в чехлах, причем на чехле русская надпись: «Кадеты – генералу». Установлены правила, когда надо и можно снимать чехлы, и запрет выноса из храма обоих флагов. [...]

В знаменательные дни члены объединения собирались в трапезной церкви, но ввиду увеличившегося числа членов, стало тесно и надо было искать другое помещение. В правила объединения были внесены дополнения, для пополнения, как членов, так и вновь установленных *приписных* и *сочувствующих*. К первым принадлежат сыновья и дочери кадет и институток, а ко вторым – потомки участников Добровольческой Армии.

В связи с крупными переменами в России, произошли и перемены, в лучшую сторону, и среди персонала Посольства, Консульства Российской Федерации и Русского дома в Белграде[522]. Радением В. Н. Сальникова и Д. М. Николаева, под конец 1996 года обществу удалось связаться с правлением Русского дома и получить согласие пользоваться помещениями, для празднования своих знаменательных дат. В Русском доме был отведен книжный шкаф для хранения кадетских журналов и книг. С 1996 года собрания кадет проводятся в бывшем гимнастическом зале Русского дома. Объединение на них приглашает директора Дома и его сотрудников.

В 1996 году были оформлены членские билеты объединения, для внесения в них уплаты членских взносов и добровольных пожертвований. Собирание «в фуражку» было отменено.

В 1995 году Правление объединения пополнилось еще одним членом – Георгием Викторовичем Никитиным, бывшим кадетом Донского корпуса и гимназистом Русско-сербской гимназии в Белграде. Георгий Викторович является сыном знаменитого летчика Первой мировой войны. Таким образом, в Правлении насчитывалось пять человек: председатель – Л. И. Бородкин, товарищ председателя – В. Н. Сальников, секретарь – Д. М. Николаев-Волков, член Правления – Г. В. Никитин и казначей – В. М. Обрадович. В 1997 году, после 12-тилетней работы, секретарь просил освободить его и предложил на свое место Алексея Николаевича Чурашева, кадета 30. выпуска, по образованию юриста.

Встречи кадет в Русском доме проходят с большим подъемом. Персонал Дома участвует в них, а на свои мероприятия приглашает членов Правления кадетского объединения. [...]

С 1993 года, когда в стране началась катастрофическая инфляция, заботой тогдашнего председателя Ньюйоркского объединения, Глеба Сперанского, десятку членов белградского объединения дважды в год выделялась денежная помощь в валюте. [...]

За первых 15 лет существования Белградского общества кадет ушло в лучший мир десяток членов. Осталось 11 кадет, 27 приписных и сочувствующих членов[523].

522 В 1993 году, на праздновании одного из корпусных праздников присутствовали консул Российской Федерации и военный атташе, подполковник Владимир Бородай, выпускник одного из суворовских военных училищ СССР. (*Бюллетень Объединения кадет российских корпусов в Сан-Франциско*. (Сан-Франциско). 1994. № 40).

523 Доклад Д. М. Николаева-Волкова, прочитанный 6 июня 1998 года на Общем собрании, по случаю 15-летнего юбилея Белградского объединения кадет. (*Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле* (Каракас) 1999. № 55).

С другой стороны, после возникших разногласий между членами Объединения и выхода из Правления В. Т. Соболевского, в 1985 году возникло второе объединение – *Общество бывших кадет в Югославии*, руководство которого составляли: председатель – Николай Александрович Азарьев (позднее – Григорий Александрович Черногубов), заместители председателя – Николай Константинович Томичич и Ратомир Станкович, секретарь – В. Т. Соболевский, казначей – Владимир Васильевич Гапонов. Деятельность в этом обществе проявлял один В. Т. Соболевский. Он был организатором первой в Югославии встречи бывших воспитанников всех русских учебных заведений. Встреча состоялась 3 июня 1987 года, в день корпуского праздника Крымского кадетского корпуса, на которую собралось около 30-ти человек, из Югославии, Бельгии и Канады. С июня 1987 года Владимир Тимофеевич редактировал и издавал повременный *Бюллетень* – Орган связи группы бывших кадет в Югославии. Машинописное издание в 30-50 страниц тиражировалось фотокопированием листов, в количестве, требуемом для отправления постоянным подписчикам и заинтересованным заказчикам отдельного номера. В некоторых выпусках был указан состав редколлегии: Владимир Соболевский, Василий Новицкий, Николай Томичич, Николай Петин, Владимир Гапонов, Владимир Александров. Всего было 17 выпусков (18-й готовился). Владимир Тимофеевич ездил на общекадетские съезды, устраиваемые в 1984, 1986, 1988 и 1990 годы. Это кадетское общество позаботилось и о ремонте Русского храма Св. Иоанна Богослова в Белой Церкви (в 1991 г.), как и о восстановлении могильных плит на могилах полковника Владимира Александровича Скалона, капитана Евгения Владимировича Трусова и др. По подсчетам В. Соболевского, за десять лет существования этого общества (1983–1993), из 44 членов, проживавших в разных городах Югославии, скончалось восемь кадет (Николай Азарьев, Игорь Рогальский, Юрий Ивановский, Сергей Марасанов, Борис Денисенко, Леонид Горанский, Георгий Михновский, Александр Шантарович), а двое кадет убыло из состава общества.

С неожиданной кончиной В. Т. Соболевского (1996) и смертью Г. А. Черногубова (1997), Общество бывших кадет в Югославии прекратило свое существование.

С тех пор деятельность проявляло одно Белградское объединение. С августа 2002 года должность председателя исполнял Георгий Викторович Никитин (Л. И. Бородкин скончался 3 июля 2002 года). В январе 2003 года было избрано новое Правление: председатель – Г. В. Никитин, заместитель председателя – В. Н. Сальников, секретарь – Адриан Николаевич Семененко, члены – Ирина Славковна Бородкина, Евгений Петрович Мотренко и Сергей Иванович Марченко.

19 апреля 2004 года белградское объединение официально было зарегистрировано в соответствующем министерстве страны.

На XVIII-й Общекадетский съезд российских кадетских объединений за рубежом (Канада, 8–15 сентября 2004 г.) из Белграда приехали С. И. Марченко и А. Н. Семененко. Приветствуя участников Съезда, Сергей Иванович сообщил, что Белградское объединение насчитывает 15 человек; самый старший из них Валерий Борисович Завалевский, вице-унтер-офицер 21. выпуска Первого русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса. Далее, он подчеркнул, что встречи кадет происходят в Русском доме в Белграде, а заведующий Домом, Глеб Борисович Вышинский, является сыном кадета Крымского кадетского корпуса и очень хорошо относится к кадетам.

На заседании Правления, состоявшемся 14 мая 2005 года, председателем Объединения был избран Евгений Петрович Мотренко, его заместителями – Георгий Николаевич Бек-Узаров и Борис Сергеевич Егоров. Серьезно заболевшему В. Н. Сальникову, доселе заместителю председателя, было присвоено звание почетного члена Объединения.

На годичном собрании Объединения, состоявшемся 9 сентября 2005 года, почетными членами избраны Алексей Иванович Постников, кадет 13. выпуска Первого русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса и Ирина Славковна Бородкина, урожд. Митричевич, институтка Мариинского донского девичьего института (выпуска 1940 года).

В 2005–2006 гг. Белградское объединение готовилось к проведению XIX-го Общекадетского съезда в Белграде. По ряду причин, 9 марта 2006 года Общекадетский Президиум окончательно отменил проведение этого съезда в Сербии (он состоялся в России, в сентябре 2007 года).

В июне 2006 года заместителями председателя Правления избраны Борис Сергеевич Егоров и Георгий Николаевич Бек-Узаров, при новом казначее Вере Обрадович. С 13 апреля 2007 года секретарем Правления избрана Светлана Юрьевна Илич, а с августа 2007 года казначеем назначен Игорь Святославич Клюев.

В 2006–2007 гг. Правление Белградского объединения вступило в контакты с Международной ассоциацией Суворовских, Нахимовских и кадетских объединений «Кадетское братство», а также и Фондом содействия кадетским корпусам им. Алексея Йордана в Москве. В октябре 2006 года делегаты этих организаций посетили Сербию. Совместно с мэрией города Белая Церковь, общими силами было подготовлено и 22 октября 2006 года реализовалось славное мероприятие – скверу перед Русским храмом Св. Иоанна Богослова в Белой Церкви было присвоено название «Площадь Русских кадет»[524]. В тот

524 В делегации из Москвы находились, в частности, председатель ассоциации «Кадетское братство» генерал-полковник Александр Ковтунов, генеральный директор Фонда им. А. Б. Йордана Ольга Барковец,

же день состоялось и открытие Мемориальной кадетской и институтской комнаты-музея в доме семьи Владимира Николаевича и Валентины Николаевны Кастеляновых в Белой Церкви. Совместно с Российским центром науки и культуры в Сербии («Русский дом в Белграде»), Подворьем Русской Православной Церкви в Белграде и Администрацией г.Белая Церковь, белградское Объединение кадет, ассоциация «Кадетское братство» (Москва) и Фонд им. А. Б. Йордана (Москва) 25 октября 2006 года подписали Меморандум о сотрудничестве. Первым шагом на пути к сближению двух крыльев российского кадетского движения (старших кадет Первого русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса и возрождающихся в России кадетских корпусов) намечалось проведение объединенного съезда, весной 2007 года в Белграде и Белой Церкви.

На общем собрании всех членов белградского Объединения, состоявшемся 26 апреля 2007 года, в ряды Объединения было принято 10 новых членов. Объединение кадет с Русским домом заключило соглашение о предоставлении помещения Дома для открытия Кафе-клуба, в котором с 2007 года проводятся встречи, приемы и заседания Правления кадетского Объединения.

Объединение утверждило планы работы на наступающий период:

1. незначительные коррективы формулировок юридических актов Объединения;

2. формирование секций Объединения (исторической, музыкальной, организации экскурсий);

3. заняться заботой о русских кладбищенских участках;

4. установление связей с журналистами из России, работающими в Белграде;

5. оформление персональной картотеки членов Объединения;

6. осуществление связи с прочими объединениями и обществами русско-сербской дружбы в городах Сербии;

7. поддержание связи с кадетскими объединениями за рубежом и в России;

8. предпринять меры в связи с судьбой зданий бывших приютов русских военных инвалидов в Бока-Которской (Рисан, Прчань).

В 2007 году московский Фонд им. А. Б. Йордана подал идею организовать «Кадетский сбор 2008 года» – приезд в Белую Церковь группы кадет из

член Совета Федерации Алексей Шишков. Гостями города в этот день были также Посол России в Сербии Александр Николаевич Алексеев, военный атташе генерал-лейтенант Владимир Луговой, а также представители Министерства обороны Сербии. Сербскую православную церковь представлял епископ Банатский Никанор, Русскую православную церковь – настоятель Подворья РПЦ в Белграде иерей о. Виталий Тарасьев.

российских кадетских корпусов, в целях прибрать могилы на русском участке местного кладбища и встретиться с выпускниками кадетских корпусов в Югославии, ближе ознакомиться с их годами учебы на чужбине. На заседании Правления, 2 февраля 2008 года, был создан Организационный комитет по подготовке этого Сбора: председатель – Г. Н. Бек-Узаров, куратор проекта – Владимир Николаевич Кастелянов (Белая Церковь), секретарь – С. Ю. Илич, члены – Петр Васильевич Устенко и Александр Александрович Рогаткин (Вршац). Состоявшийся в июне 2008 года, Сбор кадет из красноярского и нижегородского корпусов (и гимназисткок из Красноярска), превзошел все ожидания. К этому мероприятию был выпущен круглой формы значок – «Сбор русских кадет в Сербии 2008. Белая Церковь – Белград». Подобные сборы было намечено проводить и в наступающие годы.

В феврале и апреле 2008 года состояние здоровья двух членов Правления Белградского объединения кадет принудило их подать в отставку (Б. Егоров и Е. Мотренко). Таким образом, с мая 2008 года Правление составляют: Г. Н. Бек-Узаров (председатель), Леонид Маркович Кампе, В. Н. Кастелянов, С. Ю. Илич (секретарь), Воя Георгиевич Никитин и Игорь Алексеевич Чурашев (казначей).

В августе 2008 года белградское Объединение кадет принимало в Земуне, Белграде, Белой Церкви и Вршаце бывшего выпускника Суворовского военного училища с Украины, Юрия Борисовича Жирадкова, яхтенного капитана, приплывшего на своей яхте *Аверс* по Черному морю и Дунаю из своего родного города Николаева, а в целях посетить место прежнего размещения Первого русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса в Белой Церкви и встретиться с выпускниками этого корпуса, проживающими в Сербии. Телевизионный репортаж о пребывании Юрия Борисовича в Сербии был пару раз показан по первой программе государственного телевидения Сербии (РТС-1).

В заключении отметим – в Белграде здравствуют два кадета, выпускника Первого русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса в Белой Церкви – Алексей Иванович Постников (13. выпуска) и Валерий Борисович Завалевский (21. выпуска), а трое кадет в других городах Сербии – Петр Васильевич Устенко (г.Пожаревац, 28. выпуска), Панаёт Георгиевич Яникопани (г.Ягодина, 28. выпуска) и Александр Павлович Маслов (г.Кральево, 29. выпуска).

* * *

Ниже приводим, далеко неполный, список выпускников кадетских корпусов в Королевстве Югославии, которые после Второй мировой войны остались проживать в Югославии[525].

ККК – Крымский кадетский корпус, Белая Церковь
ДКК – Донской Имп. Александра III кадетский корпус, Билеча-Горажде
РКК – Первый русский Вел. Кн. Константина Константиновича кадетский корпус, Сараево-Белая Церковь

Азарьев Николай Александрович (1908, Киев–1986, Белград), РКК (5. выпуск), окончил военную академию, инженер-строитель.

Акрит Михаил Митрофанович (1904, Мариуполь–1973, Земун), ККК (4), окончил военную академию, военный летчик. После 1948 г. полный срок отсидел в югославском концлагере «Голи оток», а после освобождения занимался переводами с русского языка.

Александров Владимир (1926, Кладово–2003, Добрица, Банат), РКК (26), художник.

Алексеев Алексей (1905, Хунзах–1965, Зренянин), ККК (5), инженер-геодезист, работал в управлении бачских каналов в Сомборе и в Бегейской станции водного хозяйства в Зренянине.

Андреев Василий Захарович (1904, Нижне-Чирск–1988, Загреб), ДКК (35), инженер-геодезист и инженер-строитель (два факультета), доктор технических наук. Участник Народно-освободительного движения (1944–1945). Профессор механики, теории эластичности и динамики конструкций на факультетах в Загребе, Сараево, Баня-Луке, Сплите. Автор книг и учебников.

Арсеньев Борис Петрович (1908, Дубно, Волынская губ.–1972, Нови-Сад), ДКК (41), чиновник, регент церковных хоров.

Афанасьев Борис Васильевич (1905–1994), ККК (5).

Бабаев Анатолий Иванович (1906, Екатеринодар–1948, Белград), ККК (6).

Базилевич Владимир Владимирович (1904, Киев–1989, Стоце, Герцеговина), ККК (3), инженер-строитель, профессор Белградского университета, преподавал математику, статику, кинематику, динамику.

Бальва Петр Романович (1904, Лубны–1975, Загреб), ДКК (38, семь классов), после войны работал на заводе «Фотокемика» в Загребе.

525 Данные собраны из многих источников и устных свидетельств. Составитель не несет полную ответственность за их достоверность.

Бек-Узаров Георгий Михайлович (1931, Кнежево–1976, Бели-Манастир, Хорватия), ККК (30), капитан Дунайской флотилии, на участке Линц-Вена-Белград-Констанца.

Бендерович Георгий Антонович (1928, Нови-Бечей–1995, Земун), РКК (19), по возвращении из немецкого плена был учителем, затем директором сербской гимназии.

Боровский Михаил Степанович (1908, Шелопугино–1982, Чачак), ДКК (39), окончил Богословский факультет в Белграде, законоучитель в Приштине, преподаватель русского языка в гимназии г.Чачак.

Бородкин Леонид Иванович (1912, Чернигов–2002, Белград), ККК (11), инженер-строитель. Работал в Строительном управлении г.Белграда.

Бубнов Сергей Александрович (1914, Петроград–2000, Любляна), РКК (13), инженер-строитель.

Букин Николай Федорович (1903, Новочеркасск–1994, Нови-Сад), ДКК (38), инженер-лесник.

Буссов Константин Николаевич (1905, Малая Чернявка, Киевская губ.–1971, Нови-Сад), ККК (6), окончил военную академию, военный летчик. В 1944 году был задержан органами СМЕРШ-а в Нови-Саде и отправлен в ГУЛАГ. Отсидел 10 лет и в 1956 г. возвратился в Югославию.

Бутовский Всеволод Владимирович (1910, Петербург–?), ДКК (41), архитектор.

Быкадоров Иван Афанасьевич (1903, ст.Митякинская, Донской обл.–1885, Загреб), ДКК (учился в Египте), биолог, научный сотрудник кафедры зоологии Загребского университета.

Васильев Павел (1903, Хабаровск–1975, Риека), ДКК (35), инженер химик, технолог. Участник Народно-освободительного движения (с 1943 г.), с 1944 г. – в Космайском батальоне 6-й пролетарской бригады, заместитель командира бригады. После демобилизации работал по специальности на фармацевтическом заводе «Плива» в Загребе. С 1947 г. преподавал русский язык на Фармацевтическом факультете в Загребе и вскоре переехал в г.Риека, где работал на реконструкции нефтеперерабатывающего завода. Один из основателей и преподавателей технического училища в г.Риека.

Вахнин Николай Владимирович (около 1926–1996, Белград), РКК (26), экономист. Служил в правительственных учреждениях в Белграде.

Венедиктов Георгий (?–1995, Земун).

Воронец Дмитрий Николаевич (1922, Пожаревац–?), РКК (22).

Гаврилов Виктор (?–1996, Белград), РКК (16), окончил военную академию. Юрист (?) в Белграде.

Гапонов Владимир Васильевич (1912, Москва–1995, Белая Церковь), ДКК (42), инженер-лесник.

Герман Олег Максимилианович (1909, Либово–?), РКК (8). После войны возвратился из германского плена, некоторое время сидел в лагере в Нови-Саде.

Глазков Василий Яковлевич (1904, Трех-Островянск–1971, Сомбор), ДКК (38), инженер-геодезист, работал в Скопле, Зренянине и Сомборе.

Голунский Владимир Васильевич (1903, Москва–1994, Коломбель, Франция), ККК (6), В 1933 г. окончил Богословский факультет Белградского университета, священник (1940), законоучитель в РКК в Белой Церкви (1941–1944), принят в клир Сербской церкви, состоял приходским священником (1945–1957), арестован югославскими властями, выехал в Бельгию, но в 1958 г. возвратился в Югославию. В 1959 г. окончательно обосновался во Франции, где состоял настоятелем Св. Сергиевского храма в Коломбеле (1960–1994), митрофорный протоиерей.

Гончаров Василий Федорович (1905, Киев–1962, Белград), РКК (3), инженер-строитель. После войны сидел в лагере «Голи оток», а после освобождения служил на ответственных постах в управлении гидросистемы канала Дунай-Тиса-Дунай в Нови-Саде, профессор Строительного факультета в Скопье (Македония).

Горанский Леонид Павлович (1906, Витебск–1991, Марибор), ККК (5).

Горенко Иван Иванович(1906, Ростов–1981, Белград), ДКК (37). После войны работал в Народном театре в Белграде.

Готуа Георгий Георгиевич (1905, Красноводск–1971, Белград), ДКК (36), инженер-строитель. После войны занимал видные посты при строительстве Гидросистемы каналов Дунай-Тиса-Дунай, руководитель строительства гидроэлектростанции «Баина Башта» на р.Дрина, советник при строительстве гидроэлектростанции «Джердап» на Дунае.

Гргуревич Слободан Велимирович (1918, Яйце, Босния–1995, Земун), РКК (17), участник войны. Ордена – за храбрость, за боевые заслуги. Учился в Чехословакии, инженер-металлург. Работал в Словении и Сисаке, технический директор Металлургического завода в Смедерево. Орден труда, Орден народа.

Гривцов Сергей, РКК (14).

Делярю Владимир Федорович (1916, Ярославль–1991, Белград), РКК, горный инженер.

Денисенко Борис (?–до 1991), РКК (14).

Деронов Вадим В., ККК (8).

Джурджевич Григорий, РКК (16).

Донсков Сергей Иванович (1904, Нижний Чир, Саратовская губ.–1976, Нови-Сад), ДКК (36), окончил военную академию, инженер.

Доронин Валерьян, ККК (7), инженер-геодезист, работал в Сремска-Митровице и в Управлении хидросистемы каналов Дунай-Тиса-Дунай в Нови-Саде.

Жежель Константин Филиппович (1908, Кавказ–1987, Скопле), ДКК (41).

Жукевич-Стоша Кирилл (Кир) (около 1908–1999, Вршац), РКК (10).

Жуков Борис Сергеевич (1905, Конотоп–1989, Белград), ККК (4), инженер-механик.

Здор Анатолий Федорович (1905, Барановичи–?), ККК (5), инженер-строитель.

Зимовнов Иван Тимофеевич (1905–1985, Белград), ДКК (37).

Златоверховников Владимир Тихонович (?–около 1996, Заечар), ККК (2). Окончил Философский факультет в Белграде. Преподаватель математики, физики и химии в гимназии в г.Заечар.

Иванов Игорь Юрьевич (1904, СПб–?), РКК (5).

Ивановский Юрий, ККК (9).

Ильинский Николай Николаевич (?–1970, Белград), ДКК (47).

Казнаков Петр Николаевич (?–1986, Вараждин), ККК, технический директор текстильной фабрики «Вартекс» в Вараждине.

Качаки Николай Васильевич (1904, Одесса–1997, Белград), РКК (3), инженер-строитель. После войны работал при Министерстве электроснабжения (строительство термоэлектростанций Костолац, Колубара), позднее – в белградской фирме «Энергопроект», а несколько лет – в Африке (Республика Мали).

Кейнинг Анатолий (?–2000, Белград), РКК (10)+ДКК (42).

Клюев Александр Иванович (1905, Дон–?), ДКК (37), жил в г.Никшич (Черногория).

Колобов Сергей Александрович (1908, СПб–1972, Загреб), РКК (8), инженер-строитель. Работал в проектной организации «Индустропроект» в Загребе.

Колюбаев Евгений Васильевич (1916, Красное–2004, Белград), инженер-строитель.

Коновкин Валерий Георгиевич (1908, Иркутск–?), РКК (6).

Косоногов Павел Федорович (1904, Каменик–1979, Белград), ДКК+РКК (4), инженер-лесник. Учился в Загребе. После войны работал в Институте по лесоводству в Белграде.

Крамаренко Евгений Валерьянович (1904, Одесса–?), РКК (2), инженер-строитель.

Крыжановский Григорий Михайлович (1904, Славянск, Полтавская губ.–1982, Белград), ДКК (36), инженер-строитель. Работал в Проектном институте Югославских железных дорог.

Крылов Иван Иванович (1909–1987, Загреб), ДКК (39). После принятия ислама – Ирфан.

Лазарев Лев Павлович (1910, Никольск–1994, Заечар), РКК (11).

Латышёв Иван Николаевич (1904, Харбин–1979), РКК (3), архитектор. Участник Народно-освободительного движения в Далмации.

Лашков Игорь Александрович (1904, Кронштадт–1975, Нови-Сад), ККК (2), инженер-гидротехник. После войны руководитель гидротехнических проектов постройки Гидросистемы каналов Дунай-Тиса-Дунай в Нови-Саде.

Лебедев Сергей (?–1990, Белград), РКК (1).

Лерком Евгений, ККК (6).

Логунов Алексей Григорьевич (1905, Новогеоргиевск–?), ККК (4), инженер-строитель. После войны работал на постройке Гидросистемы каналов Дунай-Тиса-Дунай.

Лысенко Николай Георгиевич (1907, Новочеркасск–1985, Загреб), ДКК (40), чиновник.

Мальцев Алексей Федорович (1901, Москва–?, Риека, Хорватия), ДКК (34), инженер-строитель, после войны работал в лаборатории Управления каналов Дунай-Тисса-Дунай в Нови-Саде. Примерно в 1968 г. переехал в г.Риека.

Марасанов Сергей (1919, Мурманск–1990, Апатин), РКК (17). Ветеринарный врач. После войны работал по специальности в Апатине.

Марченко Сергей Иванович (1926–2005, Белград), РКК (25), экономист, служил в издательстве журнала *НИН* в Белграде.

Маслов Александр Павлович, учился в РКК (1942–1944), жил и умер в Кралево.

Махновский Георгий (?–1993, Риека), ККК (9), окончил военную академию.

Мельников Георгий Романович (1899, Харьков–1971, Нови-Сад), ДКК (32), инженер-строитель.

Миокович Святослав, РКК (шесть классов).

Миржинский-Стома Сергей, ККК (9).

Мотренко Евгений Петрович (?–2008, Белград), РКК (28), горный инженер.

Нащокин Александр Сергеевич (?–1972, Сараево), ККК (1).

Непокойчицкий Николай (?–1980, Москва), РКК (10).

Никитин Георгий Викторович (?–2005, Белград), ККК (15).

Николаев (Волков) Дмитрий Михайлович (1925–1999, Белград), РКК (24), врач-рентгенолог, примариус, начальник радиологической службы Белградской студенческой поликлиники, начальник Клиники.

Новицкий Василий Иванович (1911, Екатеринослав–?), РКК (9), инженер-строитель. После войны работал в Белграде, во Франции, в США. Возвратился в Белград.

фон дер Нонне Владимир Сергеевич (?–1996 или 1997, Крань, Словения) ДКК (42), инженер-лесовод.

Образ Роман Васильевич (1920, Лемнос–1998, Загреб), РКК (19), окончил военную академию, а возвратившись из немецкого плена окончил Экономический факультет, защитил докторскую диссертацию, стал профессором Загребского университета, по маркетингу.

Оленин Николай Авксентьевич (1905, Гельсингфорс–1984, Белград), ККК (6), инженер-механик. После войны возвратился из германского плена, попал в лагерь в Нови-Саде. Некоторое время состоял директором электростанции в Нови-Саде. Позднее занял видный пост в Министерстве машиностроения, работал в белградской фирме «Машинопроект».

Опоков Владимир Викторович (1901, Нежин–?), РКК (8), инженер-строитель. После войныи работал в Тамишко-Бегейской водной станции в Вршаце.

Осетров Николай (1930, Белград–1995, Нови-Сад), РКК (три класса), агроном.

Панфилов Евгений Дмитриевич (1910, ст. Казанская, Донской обл.–1994, Вуковар), ККК (9), инженер-геодезист.

Петин Николай Николаевич (1918, Екатеринодар–2004, Нови-Сад), РКК (17), композитор, профессор Новисадской консерватории, удостоен почетного диплома Музыкального центра в Кембридже (1977), медали Международного академического фонда «Альберт Эйнштейн» (1990), звания *honoris causa* доктора музыки этого фонда при ООН (1991). Его произведения исполнялись во многих странах Европы и США.

Побегайло Александр Иванович (1908, Преображенское–?), ДКК (40), окончил военную академию.

Пограничный Юрий Дмитриевич (1908, Сумы–?), ККК (8), инженер-технолог. После войны возвратился из германского плена и некоторое время сидел в лагере в Нови-Саде. Вскоре по освобождении (1947) уехал в Бельгию.

Попов Владимир Владимирович (1913, Самара–?), РКК (12), инженер-строитель. После войны был начальником в Управлении гидросистемы Дунай-Тиса-Дунай в Нови-Саде.

Прудков Евгений Николаевич (?–1991, Сента), ККК (5), художник.

Прудников Михаил (?–1990, Белград), ККК (11).

Радак Милета, ККК+ДКК (44), умер в Белграде.

Радунович Милорад (1913, Самарканд–?, Сомбор), РКК (13), работал в Техническом управлении Бачских каналов в Сомборе.

Ровный Петр (1900, Новогуляевск–1949, Загреб), ДКК (35), инженер-химик.

Рогальский Игор Николаевич (1910, Киев–1986, Земун), ККК (8), геодезист.

Ротов Александр Александрович (1903, Томск–1982, Рума), ДКК (35), агроном.

Рябов Олег Николаевич (1920, Дубровник–1945, Босния), РКК (18).

Савченко Владимир Петрович (1912, Чугуев–1977, Белая Церковь), ДКК (42), инженер-строитель. После войны работал в строительной фирме «Стандард-бетон» в Белой Церкви.

Сальников Виктор Никитич (1927, Печ, Косово–2006, Белград), РКК (семь классов), доктор технических наук, видный специалист по гидро-аэромеханике, профессор Белградского университета, читал лекции в Германии, член Европейской академии наук.

Самойлов Григорий Иванович (1904, Таганрог–1989, Белград), ДКК (35), выдающийся архитектор в довоенной и послевоенной Югославии, профессор Белградского университета.

Самофалов Константин Яковлевич (1921, Галлиполи–1995, Белград), РКК (19), ветеринарный врач.

Скоробогач Георгий Валерьянович (1920, Тифлис–1997, Белград), РКК (18), окончил военную академию.

Слободянинов Владимир П. (1906, Сумы–1994, Загреб), ККК (5), воспитанник Низшей школы Военной академии (1929). Участник Народно-освободительной борьбы с 1941 г. После войны командир артиллерии 2-й армии в Загребе.

Соболевский Владимир Тимофеевич (1917, Херсон–1996, Белград), РКК (17), инженер-строитель.

Сосиев Борис Александрович (1901, Карс–1982, Делчево, Македония), ККК (?).

Станкович Ратомир Николаевич (1914, Крагуевац–1995, Белград), РКК.

Томичич Владимир Константинович (1906, Константинополь–1983, Белград), ККК (?). Специалист по молочному делу. После войны проживал в Нови-Саде, затем в г.Пула (Хорватия).

Томичич Георгий Константинович (1907, Каир–?), ККК после войны – полковник Югославской народной армии.

Томичич Николай Константинович (1911, СПб–?), ККК (окончил 6 классов). Участник Народно-освободительной войны. После демобилизации окончил Филологический факультет Белградского университета (кафедра

славистики) и работал переводчиком. Позднее стал главным редактором крупного белградского книгоиздательства «Просвета».

Троицкий Виктор Сергеевич (1907, СПб–1950), ККК (10), инженер-строитель.

Трофимов Александр Иванович(1906–1978, Белград), ДКК (36), окончил военную академию и академию Генштаба. Был узником югославского концлагеря «Голи оток».

Трофимов Владимир Иванович (?–1986, Белград).

Устенко Петр Васильевич (1929, Скопье–?), РКК (28).

Фармаковский Евгений, РКК (28), проживает в г.Суботица.

Февр Михаил Михайлович (?–1973, Сплит), РКК (3), окончил военную академию, военный летчик.

Федьковский Александр Николаевич (1911, Владимирский–1967, Белград), ДКК (41), профессор музыки, солист Белградской филармонии.

Фигуровский Георгий Павлович (1918, Екатеринодар–2004, Нови-Сад), ДКК+РКК (16), окончил военную академию.

Филатов Борис Яковлевич (1903, Буринь, близ Киева–1984, Загреб), ДКК (35), инженер-геодезист. После войны – долголетний преподаватель в Средней геодезической школе в Загребе. Автор учебника «Расчет уравнений» (три издания).

Филодор Борис Владимирович (1904, Варшава–после 1948, Прокупле), ККК (5). Геодезист.

Фостиков Борис Михайлович (1924, Вранье–2004, Белград), РКК (22), врач, проживал и умер в Белграде.

Царевский Александр Викторович (?–2007, Белград), РКК (19), зубной врач в Белграде.

Церковников Евгений Тимофеевич (1904, ст. Каменская–1985, Риека), ДКК (35), химик-органик. Доктор технических наук. После войны – сотрудник фармацевтической фирмы «Плива» (Загреб), основатель Института органической химии при Фарацевтическом факультете Загребского университета, в 1957 г. – основатель Института химии и биологии при Медицинском факультете в г.Риека (Хорватия). Один из основателей Хорватского химического общества. Награжден Орденом труда с золотым венком и др.

Цикаловский Сергей Никифорович (1906, Екатеринослав–1979, Баня-Лука), ККК (6), окончил военную академию.

Цынамзгваров Игорь Александрович, РКК (19).

Чаплинский Георгий Михайлович (1908, Усть-Двинск, близ Риги–1985, Загреб), ККК (9), инженер-геодезист.

Чепурковский Василий Николаевич (1910, Хабаровск–1983, Зренянин), ДКК (42).

Черногубов Григорий Александрович (?–1997, Белград), РКК (10).

Чирко Ростислав, ДКК+РКК (14). В 1994 году из осаженного Сараево с семьей был выписан в Россию.

Чурашев Алексей Николаевич, РКК (30), юрист.

Чуянов Павел, ККК (9), инженер-геодезист.

Шантарович Александр, ККК (9).

Шелеметьев Валерьян Владимирович (1907–1978, Белград), ККК (6). Окончил военную академию. Скончался полковником Югославской народной армии.

Шоффа Всеволод Владимирович (1909, Киев–1991, Сомбор), РКК (22).

Шпилевой Анатолий, ДКК (34).

Штранге Борис Владимирович (1904, Псков–1963, Нови-Сад), ККК (1), агроном.

Шуневич Игорь (1913, Одесса–1979, Загреб), ККК (пять классов), техник-строитель в Загребе.

Яникопани Панаёт Георгиевич, учился в РКК, жил в Ягодине.

В дополнение к этому списку и для разъяснения сложных условий, в которых оказались кадеты, оставшиеся после войны в Югославии, необходимо составить еще несколько неполных списков.

После прихода войск Красной армии в Югославию, советские военные власти в прифронтовой полосе проводили проверку и чистку русских (особенно много их пострадало в Белой Церкви). Органами СМЕРШ-а некоторое число кадет было арестовано, расстреляно (в том числе Анатолий Викторович Дылевский, 1-го выпуска Крымского кадетского корпуса) или отправлено в лагеря СССР, среди которых:

Буссов Константин Николаевич, летчик. После отбытия лагерного срока, в 1956 г. возвратился в Нови-Сад, где получил место в строительной фирме «Войводинапут».

фон-Витт Георгий Владимирович (1919, Екатеринодар–?), РКК (21), в 1944 г. был арестован советскими органами в Белграде, дальнейшая судьба неизвестна.

Воропонов Павел Николаевич (?–1979, Калинин), РКК (8), инженер-технолог на сахарном заводе вблизи Сомбора.

Высоцкий Всеволод Всеволодович, РКК (19), после войны пропал без вести.

Митричевич, Баян Славкович (1912–?), ДКК+РКК (16), в конце войны был арестован и пропал без вести.

Панчулидзев Александр Семенович (1910, Москва–?), ККК (9), инженер-строитель. Раборал в Техническом управлении системы Бачских каналов в Сомборе (судьба его неизвестна).

Хлодовский Всеволод Владимирович (?–2002), РКК (14), с Лубянки был сослан в Казахстан, а в середине 1950-х гг. переехал в Зальцбург (Австрия) и др.

Очередное несчастье обрушилось на русских в Югославии в 1948 году, когда обострились партийные и государственные отношения между СССР и Югославией. Волна массовых арестов военных, специалистов и интеллигенции (с основанием или без доказательств обвиненных в просталинской ориентации) не миновала и кадет – летчиков Михаила Февра и Михаила Акрита, инженера Василия Гончарова и др.

Русских эмигрантов, принявших советское гражданство, югославские власти выдворяли в Венгрию, Румынию, Болгарию и Албанию. В начале 50-х годов в Будапеште оказалась группа кадет, среди которых были:

Бальва Павел Романович, ДКК (39), инженер-строитель.

Зрянин Петр Федорович, ДКК (40), уехал в Венгрию еще до войны.

Климов Борис Петрович (1906, ст. Каменсая–1964, Лейпциг), ДКК (39), инженер-строитель. Из Венгрии перебрался в Польшу, затем возвратился в Будапешт, а оттуда переехал в Восточную Германию.

Корнич Владимир А. (1895, Харьков–1980), РКК (4), инженер-строитель. (Неизвестно, в какой стране скончался).

Монин Александр Александрович (1908, ст. Великокняжеская–?, СССР), ККК (8), инженер-строитель.

Яковлев Иван Григорьевич (1903, Нижне-Чирск–1997, Ташкент), ДКК (35), инженер-лесотехник. Из Югославии в 1950 г. попал в Венгрию, откуда в 1956 году, как инженер-проектировщик, был направлен в Ташкент, где до выхода на пенсию занимался строительством дорог, организацией лесопосадок в степи и городского озеленения.

На показательном суде в Сараево над «бывшими белогвардейцами – советскими гражданами, завербованными советской разведкой» к тюремному заключению был приговорен и кадет Илья Владимирович Жеребков (РКК,16), юрист. После отбытия срока ему удалось выехать в СССР, в Ростов-на-Дону. В СССР уже проживали кадеты, в лагерях или на свободе:

Вышинский Борис Михайлович (1905, Владикавказ–?), ККК (5), инженер-геодезист.

Ганусовский Борис Казимирович (190, Севастополь–1993, Сент-Пауль, штат Миннесота, США), ККК (7). В составе 15-го Казачьего корпуса, оказавшегося на территории Австрии, в 1945 г. англичанами был выдан на расправу в СССР. После заключения в ГУЛАГ-е, почти потеряв зрение, в 1956 г. прибыл

в Австрию и перебрался в США. Автор книги «10 лет за железным занавесом 1945-1955. Записки жертвы Ялты» (Сан-Франциско, 1983).

Дробышевский Олег Константинович (1921, Галлиполи–?), РКК (20).

Китайсков Владимир Михайлович (1921, Панчево–?), РКК (19), после 10-тилетнего сидения в ГУЛАГ-е поселился в Курске, реабилитирован.

Климов Петр Петрович (1909, Саратов–1970-е гг., Одесса), ДКК (40), инженер механик.

Кутепов Павел Александрович (1925, Париж–1983, Москва), РКК (24), в районе Панчево попал в ряды Красной армии – переводчиком. Вскоре был арестован и отправлен на Лубянку. Получил «полную порцию» – 20 лет. В 1954 г. амнистирован, поселился в г.Иваново, работал на текстильных заводах. В 1960 г. принят в бюро переводчиков отдела Внешних церковных сношений Московской Патриархии, с 1967 г. – главный редактор этого бюро. Кавалер трех (церковных) орденов.

Любимов Григорий (Георгий?), ККК (9).Член «Киевского Дворянского Собрания».

Полиектов Владимир (?–1986, Москва), РКК (19), из Венгрии попал в СССР. Работал переводчиком и спортивным комментатором.

Попов Сергей (1910, Кавказ–?), ККК+ДКК (42). В 1990-е гг. проживал в Краснодаре.

Ровнев Николай Вячеславович (1912, Воронеж–?), РКК (13). В 1990-е гг. проживал в Туапсе. Член «Московского Дворянского Собрания».

князь Толстой Олег Владимирович (1927, Тетово–1992, Москва), РКК (26), художник.

князь Толстой Илья Владимирович (1930, Нови-Бечей–1997, Ясная Поляна), РКК (29), филолог, профессор на кафедре стиллистики русского языка Московского факультета журналистики.

Фомин Борис (?–1990, Свердловск), РКК (19).

Чеботаев Владимир Дмитриевич, ДКК (37), геодезист. Переводчик литературных произведений сербских писателей. Под псевдонимом Иван Васильевич Дорба в Москве в издательстве «Молодая гвардия» был опубликован его роман-трилогия: «Белые тени» (1981); «Под опущенным забралом» («В чертополохе», «Третья сила», 1985), в которой тенденциозно описан кадетский быт и преподаватели Донского Императора Александра III кадетского корпуса в Билече, как и жизнь русских в Белой Церкви и Белграде.

Чипиженко Мирослав (?–1991), РКК (19), отсидел в ГУЛАГ-е десять лет.

Недоверие многих русских к будущему социалистической Югославии и участившиеся притеснения, которые они испытывали, привели к тому, что их выезд из страны продолжался до середины 50-х годов. В период так

называемого «второго исхода» был создан лагерь в Триесте (Италия). В нем оказывались уже и русские с югославским подданством. Среди них было немало кадет, покинувшими страну, вместе со своими семьями:

Амочаев Александр Иванович (1911, Ст. Юриженская–около 1993, Сан-Франциско), РКК (11), инженер-электрик.

Вуколов Алексей Николаевич (1917, Новочеркасск–2006, Бетани, штат Коннектикут, США), РКК (15), зубной врач.

Гирс Евгений Евгеньевич (1914, Евпатория–?), ДКК (44).

Дубельштейн Петр Александрович (1927, Панчево–1999, Лондон, Канада), РКК (26), врач.

Кормилев Евгений Александрович (1909, Житомир–1992, Сан-Питерсбург, Флорида), землемер в Югославии, проектировщик дорог в США.

Липковский Севир, РКК (11), переехал в Канаду. Инженер-строитель. Занимал должность главного инспектора при городском управлении г.Виннипег.

Мирошниченко Константин Александрович (1912, Ровно, Волынская губ.–?), РКК (14), с отцом-священником, в конце 1940-х гг. выехал во Францию, а потом в Канаду (Монреаль).

Мирошниченко Николай Александрович (1907, Ровно, Волынская губ.–1986, Виктория, Канада), ККК (5), инженер-строитель. В Монреале служил в Национальной железнодорожной компании.

Московченко Александр (?–2000, Нью-Йорк), РКК (6). После войны возвратился из германского плена и некоторое время сидел в лагере в Нови-Саде. В 1950-е гг. через Триест с супругой выехал в США.

Новосильцев Александр (1914, ст. Кавказская, Кубанской обл.–1994, Лейквуд, США), РКК (14), инженер-электрик.

Окшевский Олег Вячеславович (1915, Евпатория–1998, Лорел, близ Вашингтона), РКК (12), военный летчик. По возвращении из немецкого плена, в Югославии ему удалось избежать преследования. Через Триест перебрался в Канаду, позднее – в США. Работал в текстильной промышленности.

Пагануцци Павел Николаевич (1910, Брасово, имение Вел. Кн. Михаила Александровича–1991, Гольфпорт, Флорида), агроном, профессор Белградского университета, директор сельско-хозяйственного института. Проживал в Канаде, где стал доктором гуманитарных наук, читал лекции в Вермонтском университете (США), член Американского философского общества, видный общественный деятель.

Пожидаев Владимир Сергеевич (1909, Сумы–1972, Аделаида, Австралия), ККК (8), архитектор, ассистент Белградского университета по классу церковной архитектуры.

Ратнов Александр, РКК (19), после возвращения из немецкого плена работал в туристическом агенстве «Путник» в Белграде. В 1950 году бежал в Германию, где в 1952 году пропал без вести.

Сапегин Георгий Николаевич (1919, хутор Романовский–?), РКК (17). Участник народно-освободительной войны (с ноября 1944 г.). После войны окончил Ветеринарный факультет Белградского университета (1946), работал на Косово и во Вршаце, затем – ассистентом Белградского университета (с 1948 г.). В 1950 г. выехал в Триест, а оттуда перебрался в Париж, с 1952 г. – в Канаду. В 1957 г. в Торонто открыл собственную ветеринарную клинику.

Седов Борис Ильич (1905, ст. Чугуевка, близ Новочеркасска–1993, Сан-Питерсбург, Флорида), ДКК (35), инженер-строитель, работал в Загребе на проектировании и постройке дорог.

Секулич Миливой Степанович (1924, Дубовац, Банат–?, США), РКК (22), агроном. В 1963 г. покинул Нови-Сад и переехал в США (Нью-Йорк).

Тараканов Юрий Владимирович (1909, Хабаровск–1982, США), ККК (1928), учился на архитектора, занимался балетом, пел под гитару, выступал в известном белградском ресторане «Казбек».

Турский Владимир Иванович (1914, Константиноград, Полтавская губ.–2004, Милл-Валле, близ Сан-Франциско), ДКК (44), инженер-строитель по гидравлике. В 1949 г. из Греции переехал в США.

Тырас Сергей Павлович (1910, ст. Звенигородская–1986, Торонто), ККК (8), инженер-строитель.

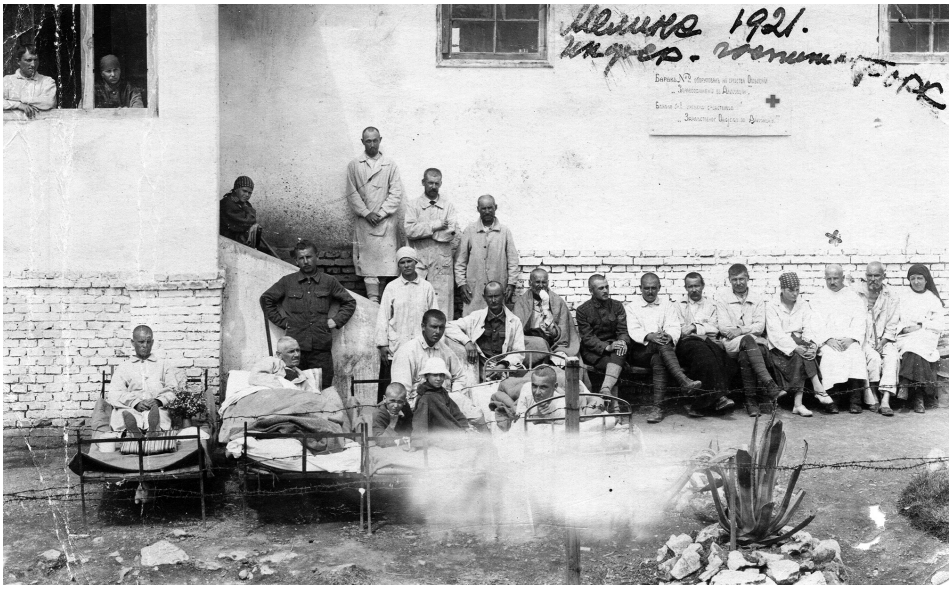
Федюшкин Андрей Иванович (1907, Грозный–1997, Сантьяго, Чили), ККК (6), инженер-строитель. Работал в строительной фирме «Виадукт» в Загребе, строил туннели, мосты, дороги.

Шевченко Владимир Иванович (1910, Либава–1987, Джильбертон, Австралия), ДКК (41), певец-тенор.

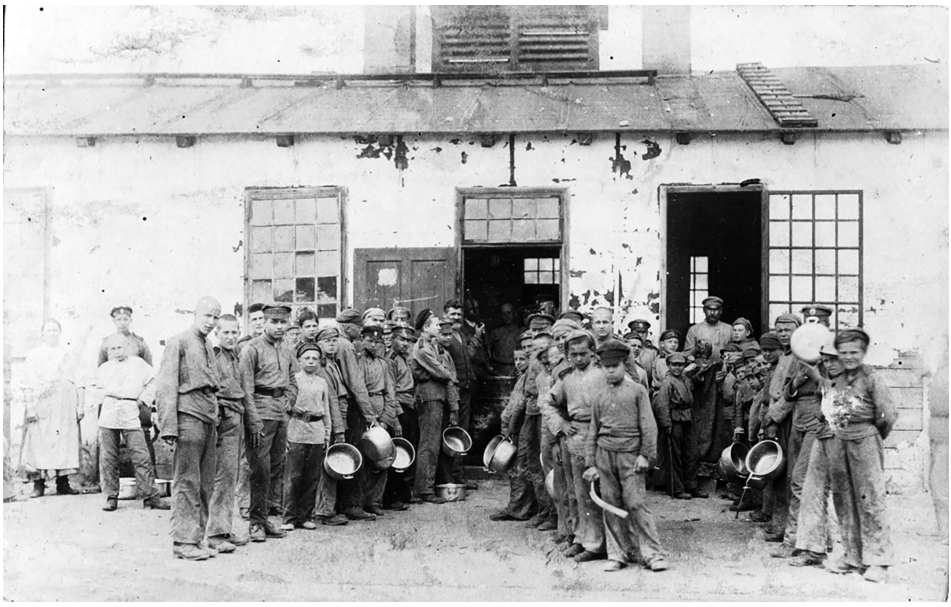
Все приведенные списки далеко не полные, но дают представление о сложных положениях, в которых оказались выпускники кадетских корпусов, оставшиеся после окончания войны на просторах Югославии. Списки свидетельствуют и о том, что многие из кадет стали выдающимися специалистами в Югославии, полезными для страны – их «второй» родины.

Статья была опубликована в двух журналах: Кадетская перекличка (Нью-Йорк). 2009. № 80, стр. 275–301; Российская кадетская перекличка *(Москва). 2009. № 8, стр. 37–60.*

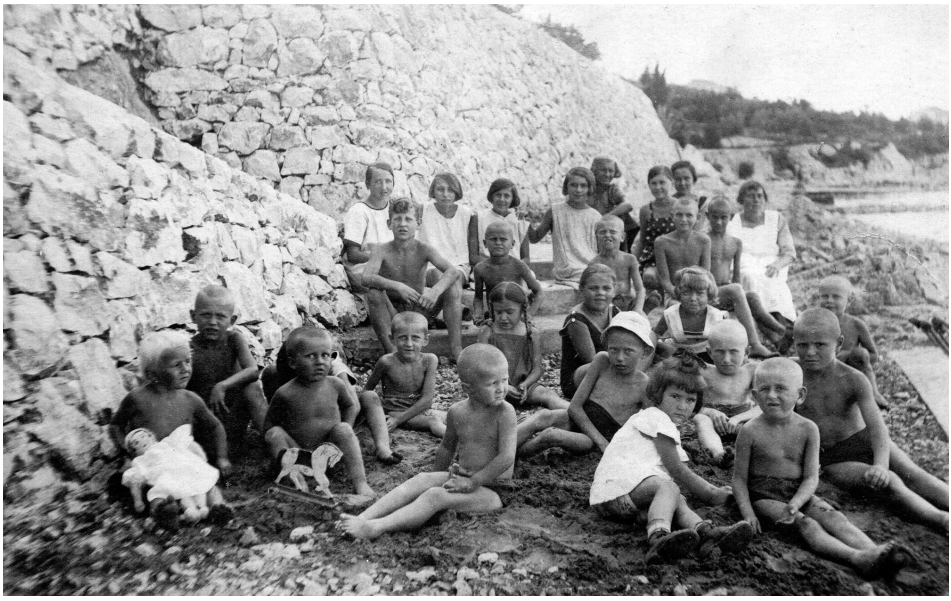
Первые дни на чужбине. Перед принятием решения, куда и как дальше.
Окрестности Константинополя. 1920 г.



Русский инфекционный госпиталь Российского общества Красного креста, окруженный колючей проволокой. На стене плита с надписью: «Барак № 2 оборудован на средства Далматинского отдела здравоохранения». Российские беженцы зараженные тифом, прибывшие на пароходах в бухту Бока-Которска, были задержаны в этом госпитале. Местечко Мелине. 1921 г.



Временное пристанище эвакуированных в Королевство СХС Донского и Крымского кадетских корпусов (около 1.200 кадетов и персонала). Местечко Стрнище (Словения), 1921 г. В 16-ти австро-венгерских бараках, в которых в 1915–1918 гг. содержались российские военнопленные, окна были выбиты, стены и полы прогнили, крыши протекали, электричество, канализация и водопровод не действовали.

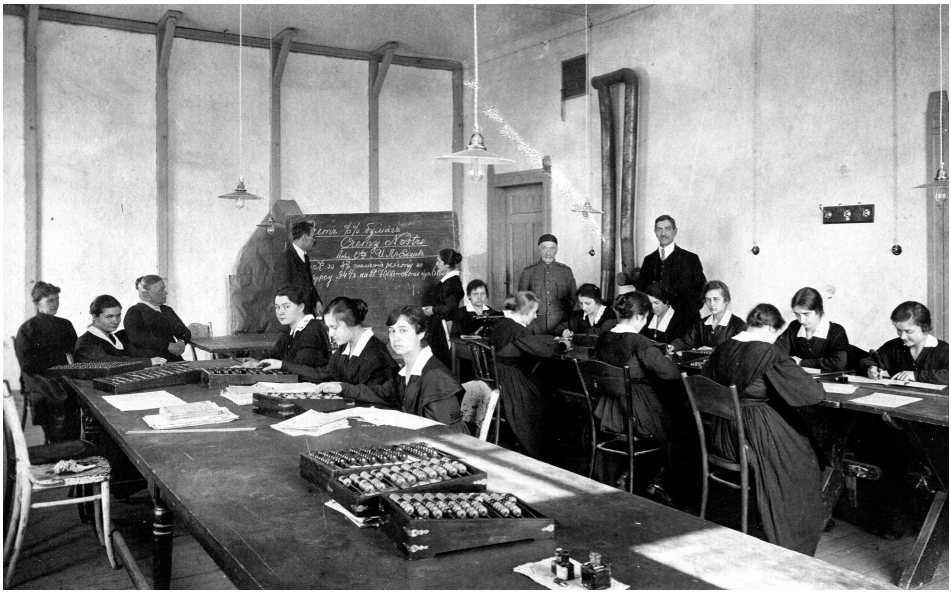


Поправление здоровья эвакуированных русских детей. Курорт Криквеница на Адриатическом побережье. 1922 г.

В 1921 г. была проведена первая перепись населения и имущества в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Официальные результаты переписи были опубликованы лишь в 1931 г. Статистические подсчеты проводило много русских женщин, принятых на временную работу в сараевский филиал Государственного статистического учреждения. Сараево. 1922 г.

Легочно-туберкулезный санаторий Российского общества Красного креста. Замок Вурберг (Словения). 1923 г. Санаторий существовал с января 1923 по июнь 1941 г. Врачами в нем были Сергей Семенович Трегубов и Болеслав Францевич Около-Кулак. До марта 1938 г. через санаторий прошло 2.618 пациентов. В феврале 1945 г. союзническая авиация полностью разгромила этот средневековый замок XIII в.

Руская начальная школа и русская библиотека в Дубровнике. 1920-е гг. К 1922 г. в стране было зарегистрировано более 2.000 русских детей возраста до 10-ти лет. Русские четырехклассные начальные школы возникли в Белграде, Земуне, Панчеве, Сараеве, Нови-Саде, Суботице, Поновиче, Любляне, Загребе, Дубровнике, Дервенте, Герцег-Нови, Княжеваце, Скопье, Велики-Бечкереке, Смедерево, Нише, Крагуеваце, Кральеве, Боре. Содержались на средства Всероссийского союза городов, Земгора и Государственной комиссии по оказанию помощи русским беженцам.



Коммерческие курсы при Харьковском девичьем институте (продолжил свое существование в 1920–1933 гг. в городке Нови-Бечей). Фото 1922 г. Имея помимо аттестата зрелости и диплом Коммерческих курсов, девушки легче могли устроиться на работу в Королевстве СХС-Югославии.

Кадеты Донского императора Александра III кадетского корпуса в австро-венгерских казармах при герцеговинском городке Билече. 1922 г.

Части Русской армии на строительстве дорог в Сербии. 1923–1925 гг. Ими строились шосейные и железные дороги: Горни-Милановац–Чачак, Ужице–Вардиште–Валево, Ужице–Шарган–Вардиште, Канижа–Прелюбле, Парачин–Сталач, Ниш–Княжевац, Кралево–Рашка, Тител–Орловат, Топчидер–Мала-Крсна.

Генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель, генерал от инфантерии Александр Павлович Кутепов, генерал-лейтенант Евгений Константинович Климович, секретарь Главнокомандующего, статский советник Николай Михайлович Котляревский, протоиерей Василий Виноградов с семьями, нашедшие приют в городке Сремски-Карловцы. 1922 г.

Чины Штаба Главнокомандующего Русской армии генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля, его личный секретарь, статский советник Николай Михайлович Котляревский и гости. Протоиерей Василий Виноградов, генерал от инфантерии Эдуард Владимирович Экк, генерал-лейтенант Евгений Константинович Климович, полковники Петр Титович Самохвалов, Павел Николаевич Чижов и Сергей Иванович Сергеев, штабс-капитан Николай Васильевич Соколов, адютант Главнокомандующего, есаул Николай Дмитриевич Ляхов и другие. Сремски-Карловцы. 1924 г.

4-й эскадрон 1-го сводного полка Кубанских казаков прокладывает дорогу Корбевац-Босилеград в Сербии. Май 1923 г.

Бр. 809
192 3.

Уверење.

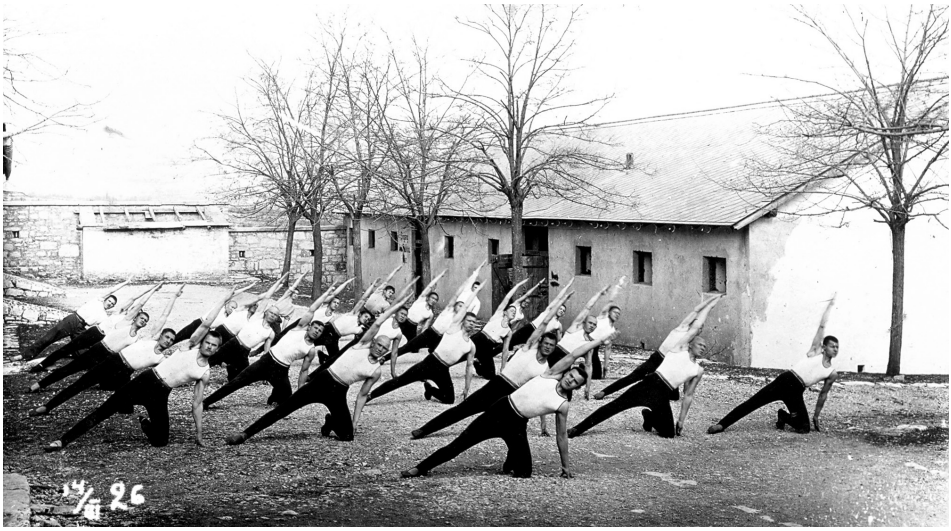
Управник
~~Руске Војне Академије~~
~~Руског Кадетског Корпуса~~
Руске Колоније
~~Маријински Донски Институт~~
у Белој Цркви овим потврђује да је
Госп. Рогаткина
Антонина И. г. кћерка Људ-
мила 2 год. код ове управе
намештен као руски избјеглица

Бела Црква, 30/II 1923 год.
Управник Колоније
Председник Случевски

Удостоверение личности Антонины Ивановны Рогаткиной и ее дочери Людмилы, выданное полковником Капитоном Капитоновичем Случевским, председателем русской колонии города Белая Церковь. 1923 г.

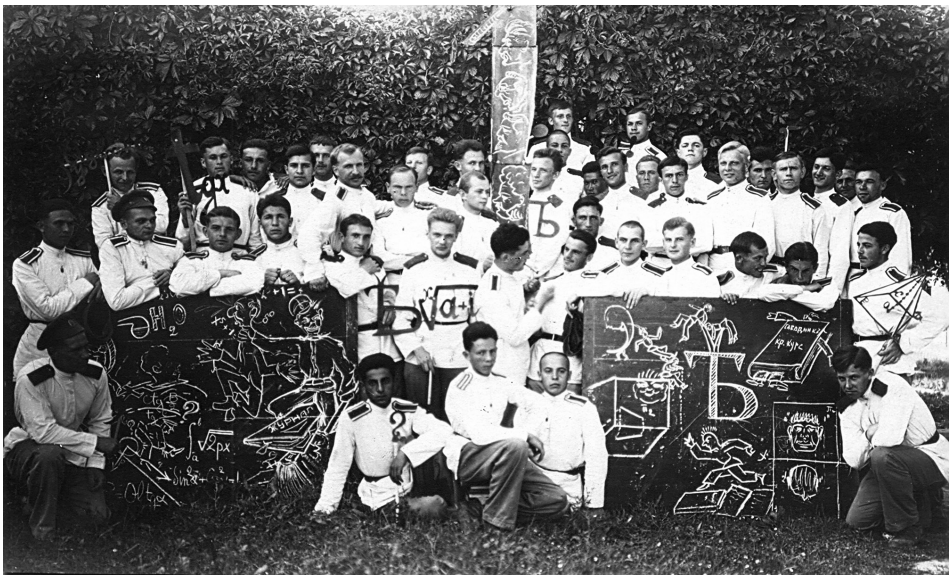
Урок биологии в Первой русско-сербской девичьей гимназии с общежитием («Второй Смольный в Сербии»). Велика-Кикинда. 1920-е гг. Преподаватель преподает и спрашивает учениц, а дежурная в тот день классная дама следит в классе за дисциплиной воспитанниц. Эту гимназию окончило более 200 русских девушек.

Библиотека Общества офицеров Российского военно-воздушного флота в Королевстве СХС. Нови-Сад. 1920-е гг. К 1925 г. в Обществе числилось 169 членов. Бессменным председателем состоял генерал-майор Вячеслав Матвеевич Ткачёв, бывший начальник авиации при Верховном Главнокомандующем Русской армией.



Утренняя зарядка кадетов Донского императора Александра III кадетского корпуса. Горажде. 1926 г. Корпус в 1926 г. из герцеговинского городка Билече переехал в боснийский городок Горажде на р. Дрина, где в 1933 г. был расформирован. Всего в этом корпусе на чужбине за 1920–1933 гг. аттестаты зрелости получило 618 юношей, 163 из них окончили высшее образование в университетах Югославии и Европы, 46 югославские военные академии.

Кадетский духовой оркестр Донсколо императора Александра III кадетского корпуса. Помимо концертных выступлений в самом корпусе, оркестр давал концерты в окрестных городах и пользовался популярностью среди местного населения. Исполнял классическую и эстрадную музыку.



«Прощание с науками» – мероприятие, проводимое в Донском кадетском корпусе после окончания занятий в 8-м классе. Горажде. 1930 г.

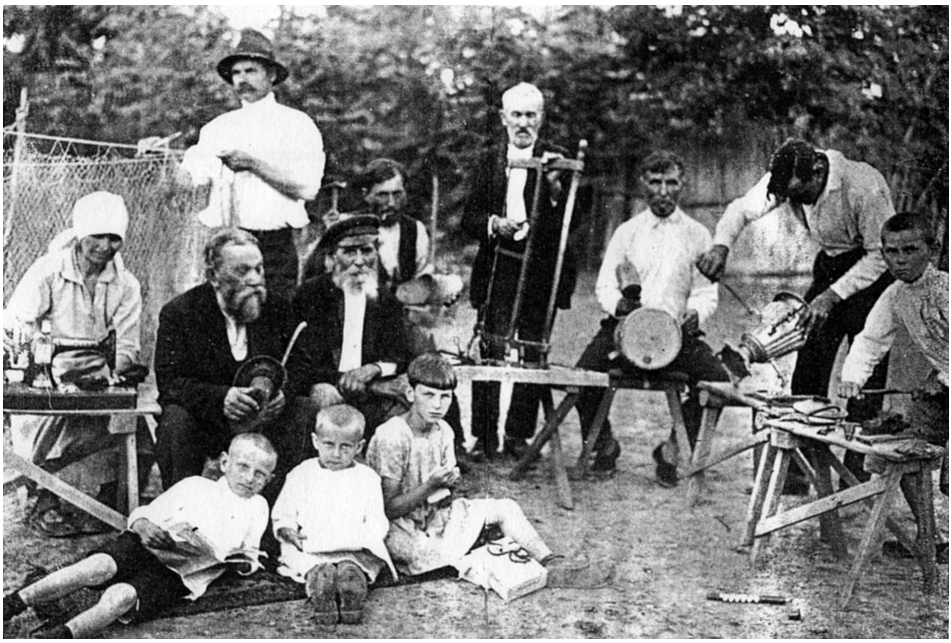
Русский художественный кружок в Нови-Саде. 1920-е гг.

Столовая при Русском студенческом общежитии в районе Сеняк (ул. Косте Главанича, 4). Белград. 1930 г. Стоит Иван Моисеевич Урядников, донской казак, повар столовой.

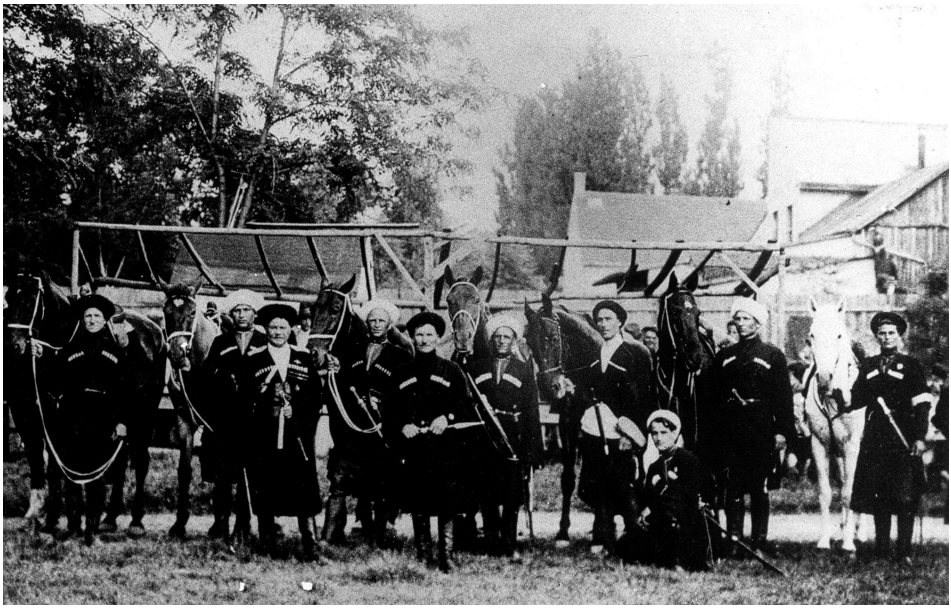
Встреча членов Русской теософской ложи «Ярослав Мудрый» в Белграде. 1930-е гг. Стоит под картиной Зинаида Григорьевна Грицкат. В белградской теософской ложе (1925–1947 гг.) состояло около 15-ти членов, преимущественно женщин.

Встреча сотрудников белградского журнала «Оккультизм и йога», в дни выхода из печати седьмой книги, посвященной Атлантиде. Белград. 1936 г. Верхний ряд: Михаил Львович Никитин-Невельский, Георгий Иванович Свищёв; средний ряд: Александр Львович Никитин, Вера Александровна Дукшт-Дукшинская, Александр Михайлович Асеев (редактор); нижний ряд: Константин Петрович Лесюк, Валентин Евгеньевич Дукшинский.

Внутренний вид белградского хурула (буддистского храма), воздвигнутого членами колонии калмыков, освященного 12 декабря 1929 г. До Второй мировой войны это был единственный буддистский храм в Европе. На территории Сербии обосновалось 450–500 калмыков, прибывших в Королевство СХС с частями Русской армии ген. П.Н. Врангеля.



Члены Есауловской казачьей станицы Второго донского округа, обосновавшиеся со своим станичным атаманом Василием Архиповичем Алферовым в банатской деревне Томашевац. 1932. В Королевстсво СХС с частями Русской армии прибыло около 5.000 казаков, из которых примерно 3.500 были выходцами с Кубани.



Кубанские казаки-джигиты с генерал-лейтенантом Андреем Григорьевичем Шкуро (третий слева). Деревня Кач близ Нови-Сада. 1937 г.

Надпись на фотографии: «Вольно-казачьи делегаты югославского В[ольно-]К[азачьего] округа со своими ВК знаменами. [Участие] на параде в день [...]льного торжества 60-ти летия со дня свобождения сербами гор. Ниша от Турок. 28 июня 1937 г. гор. Ниш, Югославия». На переднем плане: донской казак, инженер-лесовод Николай Федорович Букин (1903, Новочеркасск – 1994, Нови-Сад).

Монастырь Мильково, Сербия. Май 1933 г. Отпевание схи-архимандрита Амвросия (Курганова; 1894–1933). Сидит митрополит Антоний (Храповицкий), с его левой стороны иподиакон Лев (Бартошевич; впоследствии епископ Женевский Леонтий), рядом с ним иеродиакон Феофан (Шишманов), у аналоя монах Артемий (Медведев; впоследствии архиепископ Сан-Францисский Антоний). В феврале 1926 г. несколько русских монахов с Амвросием (Кургановым) прибыли в опустевший сербский монастырь Мильково, у реки Морава близ гор. Лапово. Среди русской братии монастыря были монахи из Оптиной пустыни и Валаамского монастыря. В 1936 г. игумен Лука из Мильково увез братию в заброшенный сербский монастырь Тумане, у городка Голубац на Дунае.

Счастливая семья: Петр Порфирьевич Курков (1897–1968) с супругой Евгенией Георгиевной (1903–2000), младенцем Виктором, тестем и тещей. Нови-Бечей.1936 г.

Русский балалаечный оркестр на гастролях в г. Чачак. 1930-е гг.: Николай Николаевич Сивоволов (1898–1942), Софья Николаевна Сивоволова (1899–1969), белградские студенты, братья Леонид (1910) и Всеволод (1912) Захарьевичи Прудниковы и прочие.

В 1920 г. группа русских беженцев была направленена в Элемир (Банат), в бывшую усадьбу венгерских помещиков. На фотографии 1929 г.: Мария Александровна, урожд. Пелопидас, ее сын из первого брака – студент Александр Семенович Панчулидзев (1910–1944) и ее сын из 2-го брака – Алексей Николаевич Беэр (1924–1995).

Теннис был излюбленным занятием небольшой русской колонии в усадьбе Элемир: князей Голициных, Баратовых и Львовых, графов Бобринских, баронов Мегден, семейств Воейковых, Хитрово, Потоцких. С годами русские семьи покидали это имение и обосновывались в городах.

Алексей Арсеньев
РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЮГОСЛАВИИ
ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ
I
Алексеј Арсењев
РУСКА ЕМИГРАЦИЈА У ЈУГОСЛАВИЈИ
ИЗАБРАНИ ЧЛАНЦИ
I

Штампарија:
МИА принт, Београд

Тираж:
300 примерака

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд